Дин Кунц
Ложная память

Аннотация

Для кого-то клятва Гиппократа — принцип жизни, а для кого-то — лишь ширма, скрывающая властные амбиции и желание использовать обратившихся за помощью людей в качестве живых игрушек. Невольными участниками такой жестокой и смертельно опасной игры становятся Дастин и Мартина Родс. Всего за два дня их жизнь превращается в ад. Промывание мозгов — вот метод воздействия, который применили к ним, внедрив ложную память, полную кровавых драм и преступлений. Но кто сделал это и с какой целью? Ответа на этот вопрос у них нет. И времени на его поиски, похоже, тоже.

Дин Кунц
ЛОЖНАЯ ПАМЯТЬ

Посвящаю эту книгу Тиму Хили Хатчинсону, чья вера в мою работу, неизменная с давних пор до нынешнего дня, придавала мне силы в те моменты, когда я особенно нуждался в поддержке, и Джейн Морпет, редактору, взаимоотношения с которой являются самыми длительными за всю мою карьеру благодаря лишь ее исключительному терпению, доброте и снисходительности к дуракам!

Это вымышленная история. Сюжет в целом, равно как и отдельные описанные в романе события и действующие лица, являются порождением фантазии автора. Любое возможное совпадение с реально существующими людьми, компаниями или происшествиями является случайным.

АУТОФОБИЯ — реально существующее психическое

расстройство. Этим термином обычно обозначают три различных состояния: (1) боязнь пребывания в одиночестве, (2) боязнь собственного эгоцентризма и (3) боязнь самого себя. Третья форма является редчайшей из всех перечисленных расстройств.

Призрак облетающих лепестков
Зыбко тает в цветах
И свете луны…
ОКИО

Кошачьи усы,
перепонки на лапах моего пса,
который так любит плавать:
в каждой мелочи виден Бог.
КНИГА ПЕЧАЛЕЙ

В реальном мире
как и в снах,
все не таково, каким кажется.
КНИГА ПЕЧАЛЕЙ

Жизнь — жестокая комедия.
И в этом
Кроется ее трагизм.
МАРТИН СТИЛУОТЕР

ГЛАВА 1

В тот январский вторник, когда ее жизнь изменилась навсегда, Мартина Родс проснулась с головной болью, усмирила изжогу двумя таблетками аспирина с грейпфрутовым соком, полностью погубила свою прическу, взяв шампунь Дастина вместо своего, сломала ноготь, сожгла тост, обнаружила муравьев, рядами шествовавших по шкафчику под раковиной на кухне, уничтожила вредителей, полив их пестицидом с такой же жестокостью, с какой Сигурни Уивер в одном из тех старых фильмов про злобных внеземных пришельцев поливала врагов пламенем из своего огнемета, затем собрала бумажными полотенцами и торжественно поместила в мусорное ведро оставшиеся после побоища крохотные трупы, напевая при этом себе под нос реквием Баха, и поговорила по телефону со своей матерью, Сабриной, которая, несмотря на то что после свадьбы прошло уже три года, продолжала с надеждой ожидать распада брака Мартины. И при всем этом в ней сохранялось оптимистичное — даже, пожалуй, восторженное — отношение к предстоящему дню, так как она унаследовала от своего покойного папаши Роберта Вудхауса, Улыбчивого Боба, сильный характер, потрясающие способности к преодолению препятствий и глубокую любовь к жизни, а вдобавок еще и синие глаза, исси-ня-черные волосы и кривоватые пальцы на ногах.

Спасибо, папочка!

Убедив мать, как всегда исполненную надежды, в том, что супружеская жизнь четы Родсов остается все такой же счастливой, Марти накинула кожаную куртку и повела своего золотистого ретривера Валета на утреннюю прогулку. С каждым шагом головная боль становилась все слабее.

Солнце острило свои огненные клинки на точиле ясного неба на востоке. Однако с запада прохладный береговой бриз нес зловещие груды темных облаков.

Собака беспокойно поглядывала на небо, осторожно принюхивалась к воздуху и настораживала висячие уши на шумевшие на ветру пальмовые листья. Ну конечно же, Валет не мог не знать о приближении шторма.

Он был ласковым игривым псом, но, однако, пугался громких звуков, как если бы в прежней жизни был солдатом и его часто посещали воспоминания о полях сражений, разрываемых пушечной канонадой.

К счастью для него, дождливая погода в Южной Калифорнии редко сопровождалась громом. Обычно дождь шел, не оповещая о себе, он шипел на улицах, шептался с листвой, ну а эти звуки даже Валет находил успокаивающими.

Обычно по утрам Марти целый час ходила с собакой по узким, обсаженным деревьями улицам Короны-дель-Мар, но по вторникам и четвергам у нее были особые дела, из-за которых экскурсию приходилось ограничивать пятнадцатью минутами. Валет, похоже, держал в своей пушистой голове календарь, так как по вторникам и четвергам он никогда не слонялся без толку и справлял нужду неподалеку от дома.

Этим утром, отойдя всего лишь один квартал от дома, пес застенчиво осмотрелся на травяном газоне между тротуаром и проезжей частью, осторожно поднял правую ногу и, как обычно, пустил струйку с таким видом, будто расстраивается из-за того, что место чересчур открыто.

Еще через неполный квартал он приготовился было выполнить вторую половину своего утреннего дела, но в этот момент его напугал громкий выхлоп проезжавшего мимо грузовика с мусором. Пес забился под королевскую пальму и осторожно выглядывал сначала с одной стороны ствола, а потом с другой, уверенный, что жуткая тарахтелка вот-вот появится снова.

— Уже все в порядке, — сообщила ему Марти. — Дурацкий шумный сломанный грузовик уехал. Все прекрасно. Больше стрельбы здесь не будет.

Но Валет так и не поверил ей и продолжал беспокоиться.

Марти была одарена еще и тем терпением, которое отличало Улыбчивого Боба, особенно когда ей приходилось иметь дело с Валетом, которого она любила почти так же сильно, как любила бы ребенка, если бы он у нее был. Пес обладал прекрасным характером и был очень красив — шерсть цвета яркого золота, пушистые ноги бело-золотые, а на заду и пышном хвосте мягкие белоснежные флаги.

Конечно, в те минуты, когда пес приседал, чтобы справить нужду, как сейчас, Марти никогда не смотрела на него, потому что он при этом смущался ничуть не меньше, чем монахиня, которой довелось бы попасть в бар с полуголыми официантками. Ожидая, пока Валет покончит со своими делами, Марти негромко напевала «Время в бутылке» Джима Кроса — этот мотив всегда помогал собаке успокоиться.

Не успела она начать второй куплет, как по ее спине внезапно пробежала волна холода, заставив умолкнуть. Марти не относилась к числу женщин, одаренных способностью предвидения, но, когда ледяная дрожь добралась до шеи, ее охватило ощущение надвигающейся опасности.

Обернувшись, она была почти готова увидеть приближающегося противника или стремительный автомобиль. Но нет, она была по-прежнему одна на этой тихой жилой улице.

Ничто не стремилось к ней со смертельной угрозой. Шевелилось лишь то, что было подвержено действию ветра. Трепетали деревья и кусты. По тротуару неслись несколько свежесорванных коричневых листьев. Оставшиеся с недавнего Рождества гирлянды мишуры и лампочек шелестели и раскачивались под карнизом близлежащего дома.

Чувство обеспокоенности осталось, но Марти уже почувствовала себя совершенной дурой. Заметив, что затаила дыхание, она выдохнула, а когда воздух чуть слышно засвистел на зубах, то поняла, что крепко стиснула челюсти.

Вероятно, она все еще была напугана тем сном, от которого проснулась после полуночи, тем же самым, который уже видела несколько раз на протяжении последних ночей.

Человек, сделанный из мертвых прелых листьев, — вот какой была фигура из кошмара. Куда-то неистово мчащаяся…

Затем ее пристальный взгляд упал на ее собственную удлиненную тень, которая протянулась по коротко подстриженной траве газона, лежала на проезжей части и загибалась на растрескавшийся бетонный тротуар. Это было невозможно объяснить, но ее беспокойство перерастало в тревогу.

Она отступила на шаг, потом еще на один, и, конечно, ее тень перемещалась вместе с нею. Только сделав третий шаг назад, она осознала, что испугалась именно этого самого силуэта.

Смешно. Еще абсурднее, чем ее сон. И все же что-то в ее тени было не так: какое-то изломанное искажение, нечто угрожающее. Ее сердце забилось с такой силой, как кулак колотит в дверь. В свете не успевшего подняться по небосклону утреннего солнца тени зданий и деревьев тоже были искажены, но она не видела ничего, внушавшего страх в их вытянутых переплетавшихся тенях — только в своей собственной тени.

Марти понимала нелепость своего испуга, но это понимание не уменьшало ее беспокойства. Ее начинал охватывать ужас, она пребывала на грани паники.

Тень, казалось, пульсировала в такт мощным замедленным ударам ее собственного сердца. При виде этого Марти все больше переполнял страх. Она закрыла глаза и попробовала взять себя в руки. На мгновение она ощутила себя настолько легкой, что, казалось, у ветра должно было хватить силы для того, чтобы поднять ее и увлечь в глубь материка вместе с облаками, неуклонно сжимавшими полосу холодного синего неба. Но, когда она несколько раз глубоко вздохнула, вес постепенно возвратился к ней.

Когда Марти осмелилась снова взглянуть на свою тень, то уже не увидела в ней ничего необычного. Она испустила вздох облегчения.

Но ее сердце продолжало колотиться, правда, причиной этого был уже не иррациональный ужас, а вполне объяснимое беспокойство по поводу причины этого весьма необычного эпизода. Ничего подобного ей еще не приходилось испытывать.

Валет настороженно и как бы насмешливо, вытянув шею, смотрел на нее.

Она отпустила поводок.

Ее руки были влажными от пота. Она вытерла пальцы о свои светло-голубые джинсы.

Марти наконец сообразила, что собака сделала все свои дела, и засунула правую руку в специальный пластиковый мешок, используя его как перчатку. Она была хорошей соседкой и поэтому аккуратно собрала подарок, оставленный Валетом на газоне, вывернула ярко-синий мешок наизнанку, крепко закрутила горловину и завязала ее двойным узлом.

Ретривер застенчиво наблюдал за хозяйкой.

— Если ты когда-либо вздумаешь усомниться в моей любви, малыш, — сказала ему Марти, — то вспомни, что я делаю это каждый день.

У Валета на морде была написана благодарность. Или, возможно, просто облегчение.

Исполнение этой знакомой повседневной обязанности восстановило умственное равновесие Марти. Небольшой синий мешок и его теплое содержимое помогли ей вновь зацепиться за действительность. Необъяснимый эпизод остался в душе беспокойством, интригуя, но больше не пугая ее.

ГЛАВА 2

Скит сидел высоко на крыше, и его силуэт вырисовывался на фоне мрачного неба. Его сознание было помрачено галлюцинациями и мыслями о самоубийстве. Три жирные вороны кружили футах в двадцати над его головой, будто предвкушая, что вот-вот произойдет нечто отвратительное.

А внизу на дороге стоял Мазервелл, упершись в бедра своими кулачищами. Хотя он и отвернулся от улицы, вся его поза недвусмысленно говорила о владевшей им ярости. В этом

настроении ему больше всего хотелось свернуть кому-нибудь шею.

Дасти поставил свой фургон на мостовой позади патрульного автомобиля, украшенного названием охранной компании, которая обеспечивала безопасность жителей этого дорогостоящего огороженного жилого района. Стоявший около автомобиля высокий парень в униформе умудрялся своим видом одновременно продемонстрировать и властность, и непричастность к происходящему.

Трехэтажный дом, на крыше которого Скит Колфилд размышлял о бренности своей жизни, представлял собой кошмар площадью в десять тысяч квадратных футов и стоимостью в четыре миллиона долларов. Архитектор, имевший или паршивое образование, или большое чувство юмора, свалил в одну кучу сразу несколько средиземноморских стилей — современный испанский, классический тосканский, греческое Возрождение и вдобавок разрозненные элементы еще нескольких других. Если посмотреть сверху, то все это представляло собой несколько акров небрежно набросанных одна подле другой пузатых черепичных крыш; их хаотическое изобилие подчеркивалось чересчур многочисленными дымоходами, бездарно замаскированными под колокольни с куполами. Бедняга Скит взгромоздился на высшую точку этого горного хребта, рядом с наиболее уродливой из этих колоколен.

Вероятно, охранник не имел достаточно четкого представления о том, что ему следует делать в этой ситуации, но знал, что обязан сделать хоть что-нибудь, и поэтому поинтересовался:

— Я могу чем-то помочь вам, сэр?

— Я подрядчик-маляр, — отозвался Дасти.

Возможно, Дасти показался загорелому охраннику подозрительным, а может быть, тот был косым от природы — кожу на его лице прорезало такое множество морщин, что оно стало похожим на часть недоделанного оригами.

— Подрядчик-маляр, ха! — скептически повторил он.

Дасти был одет во все белое: хлопчатобумажные брюки, пуловер, легкий пиджак из хлопчатобумажной ткани и кепку, на которой повыше козырька были синими буквами напечатаны слова «МАЛЯРНЫЕ РАБОТЫ РОДСА», что должно было придать некоторую убедительность его представлению. Он вполне мог бы поинтересоваться у недоверчивого охранника, неужели район осаждает банда профессиональных грабителей, замаскированных под оформителей интерьера, водопроводчиков и трубочистов, но вместо этого он просто ткнул пальцем в свою кепку и сказал:

— Я Дастин Родс, а тот человек наверху из моей команды.

— Команды? — Охранник нахмурился. — Вы так это называете? — То ли он был настроен саркастически, то ли просто не был способен поддерживать беседу.

— Большинство маляров называют это командой, — пояснил Дасти, не отрывая взгляда от Скита, размахивавшего руками. — Мы сначала назывались ударным отрядом, но это пугало некоторых домовладельцев, звучало чересчур агрессивно, так что теперь мы называемся просто командой, как и все остальные.

— Ха! — громко выдохнул охранник. Его косоглазие стало еще заметнее. Было совершенно невозможно определить, о чем он думает — пытается ли понять, о чем говорил Дасти, или решает, стоит дать собеседнику по зубам или не делать этого.

— Не волнуйтесь, Скит спустится вниз, — заверил Дасти.

— Кто?

— Прыгун, — пояснил Дасти и направился по проезжей части к стоявшему все на том же месте Мазервеллу.

— Как вы думаете, может быть, мне стоит позвонить в пожарную команду? — озабоченно спросил охранник, направляясь вслед за ним.

— Нет. Он не станет поджигать себя перед тем, как прыгнуть.

— Тут хорошие соседи.

— Хорошие? Черт возьми, это просто чудесно.

— Наши жители расстроятся из-за самоубийства.

— Мы подметем кишки, сложим в мешок все остальное, смоем кровь, и они вообще не узнают, что тут произошло.

Дасти испытывал одновременно и облегчение, и удивление из-за того, что никто из соседей до сих пор не примчался, чтобы понаблюдать за драматическими событиями. В этот ранний час, возможно, они все еще ели горячие сдобные булки с икрой и попивали шампанское и апельсиновый сок из золотых кубков. К счастью, клиенты Дасти, Соренсоны, на чьей крыше Скит заигрывал со смертью, проводили отпуск в Лондоне.

— Привет, Нед, — негромко сказал Дасти.

— Ублюдок, — откликнулся Мазервелл.

— Я?

— Он, — уточнил Мазервелл, указывая на сидевшего на крыше Скита.

Нед Мазервелл, в котором было шесть футов пять дюймов и 260 фунтов[1], был на полфута выше ростом и почти на сотню фунтов тяжелее, чем Дасти. Его руки не стали бы более мускулистыми, если бы вместо них пришили ноги клайсдейльского тяжеловоза. Несмотря на прохладный ветер, он был одет в футболку с короткими рукавами и даже не накинул какой-нибудь жилетки; Мазервелл, казалось, обращал на погоду не больше внимания, чем это могла бы сделать гранитная статуя Пола Баньяна[2].

— Проклятье, босс, мне кажется, что я звонил тебе еще вчера, — сказал Мазервелл, пощелкав пальцами по телефону, прицепленному к поясу. — Где тебя носило?

— Ты позвонил мне десять минут назад, и все это время я стоял перед светофорами и пропускал школьников на переходах.

— В этом районе действует ограничение скорости — двадцать пять миль[3] в час, — торжественно сообщил охранник.

Мазервелл, с негодованием глядя на Скита Колфилда, потряс кулаком.

— Знаешь, парень, я с удовольствием прибил бы этого панка.

— Это перепуганный ребенок, — отозвался Дасти.

— Это сопляк, нажравшийся «дури», — возразил Мазервелл.

— В последнее время он не касался ее.

— Он дерьмо.

— Нед, у тебя такое прекрасное сердце…

— У меня, что гораздо важнее, есть мозги, и я не собираюсь пудрить их себе проблемой наркотиков и не хочу находиться рядом с людьми, стремящимися к самоуничтожению, как вон тот.

Нед, бригадир команды, участвовал в движении «Стрейт Эджер». Это почти неправдоподобное, но неуклонно развивающееся движение среди подростков и молодежи двадцати с небольшим лет (причем мужчин в нем было значительно больше, чем женщин) призывало воздерживаться от употребления наркотиков, чрезмерного пьянства и случайных половых связей. Они предпочитали головоломный рок-н-ролл, слэм-данс[4], сдержанность в общении и чувство собственного достоинства. Какой-либо из элементов истеблишмента мог бы явиться для них вдохновляющим культурным ориентиром, но дело было в том, что участники «Стрейт Эджер» ненавидели систему и презирали обе главные политические партии. Если в клубе или на концерте они случайно обнаруживали наркомана, то выколачивали из него «дурь» и не давали себе при этом труда именовать свои поступки суровой любовью. Вероятно, эта линия поведения служила и тому, чтобы удержать их поодаль от политической жизни.

Дасти любил и Мазервелла и Скита, хотя по различным причинам. Мазервелл был остроумным, веселым и надежным — если, конечно, был справедлив. Скит был кротким и

1 196 см и 118 кг. *(Здесь и далее прим. пер.)*

2 Великан-дровосек, персонаж фольклора США.

3 Миля (США) приблизительно равна 1,61 км.

4 Групповые танцы в стиле панк-рок, в которых участники подпрыгивают, крутятся, катаются по земле и сталкиваются друг с другом.

добрым, но, вероятно, обречен на жизнь, посвященную безрадостному самооправданию, жизнь, полную дней, прожитых без цели, и одиноких ночей.

Из этой пары Мазервелл был гораздо лучшим работником. Если бы Дасти строго следовал правилам, изложенным в учебнике для менеджеров, то он уже давно прогнал бы Скита из команды.

Конечно, руководствуясь одним только здравым смыслом, можно значительно облегчить жизнь, но порой легкий путь и верный путь не суть одно и то же.

— Судя по всему, дождь не даст нам работать, — сказал Дасти. — Тогда непонятно, зачем же ты послал его на крышу? Это во-первых.

— Я не посылал его. Я велел ему прочистить песком оконные коробки и отделку на первом этаже. И сразу же после этого я обнаружил, что он сидит там и говорит, что намерен брякнуться вниз о мостовую своей глупой головой.

— Я сниму его.

— Я уже пытался. Но чем ближе я к нему подходил, тем истеричнее он становился.

— Он, вероятно, боится тебя, — предположил Дасти.

— И он чертовски прав. Если его убью я, то это будет куда больнее, чем раскроить череп о бетон.

Охранник со щелчком открыл свой сотовый телефон.

— Может быть, я лучше вызову полицию?

— *Нет* ! — Понимая, что его голос прозвучал слишком резко, Дасти глубоко вздохнул и уже спокойнее пояснил: — Жители таких районов не любят, когда начинается суета, которой можно было бы избежать.

Если приедут копы, то им, возможно, и удастся благополучно спустить Скита с крыши, но ведь после этого они передадут его в руки психиатров, а те продержат парня самое меньшее три дня. Но скорее всего, гораздо дольше. А Скит сейчас меньше всего нуждался в том, чтобы попасть в руки одного из тех передовых докторов, которые с непоколебимым энтузиазмом ринулись в объятия психоактивной фармакопеи и щедро поят всех без разбора пуншем из лекарств для коррекции поведения, а это хотя и успокоит его на непродолжительное время, но в конечном счете приведет все его синапсы в еще больший беспорядок, нежели сейчас.

— В таких местах, — повторил Дасти, — не любят спектаклей.

Окинув взглядом огромные дома, выстроившиеся вдоль улицы, королевские пальмы и величественные фикусы, ухоженные лужайки и цветники, страж принял решение:

— Я даю вам десять минут.

Мазервелл поднял над головой правую руку и погрозил Скиту кулаком.

Скит, над которым вороны продолжали свой хоровод, помахал в ответ.

— Во всяком случае, он не кажется настроившимся на самоубийство, — проворчал охранник.

— Этот маленький выродок говорит, что он счастлив, потому что рядом с ним сидит ангел смерти, — объяснил Мазервелл, — а ангел, дескать, показывает ему, каково там, на той стороне, и рассказывает, что там-де царит самый что ни есть благоговейный покой.

— Я пойду поговорю с ним, — сказал Дасти.

Мазервелл нахмурился.

— Поговори, черт бы его подрал. А еще лучше — подтолкни хорошенько.

ГЛАВА 3

Тяжелое небо, набрякшее от непролившегося дождя, опускалось все ниже к земле, ветер усиливался. Марти с собакой на поводке рысью бежала домой. Она несколько раз поглядела вниз, на следовавшую за ней тень, но вскоре штормовые облака закрыли солнце, и ее темный компаньон исчез, как будто просочился сквозь землю, вернувшись в какой-то

потусторонний мир.

Минуя близлежащие дома, она окидывала их взглядом и снова и снова задавала себе один и тот же вопрос: если бы кто-нибудь выглянул в окно и заметил ее эксцентричное поведение, показалась бы она наблюдателю такой же странной, какой сама ощущала себя?

В этом живописном районе дома были в основном старыми и маленькими, хотя многие из них были любовно отделаны и обладали большим обаянием и чертами характера, чем половина *людей* , с которыми была знакома Марти. Преобладала испанская архитектура, но попадались и котсуолдские коттеджи, и французские хижины, и немецкие сельские дома, и бунгало в стиле «арт деко»[1]. Все это эклектичное смешение объединялось воедино зеленой вышивкой лавров, пальм, ароматных эвкалиптов, папоротников, каскадами бугенвиллей и было очень приятным на вид.

Марти, Дасти и Валет жили в миниатюрном прекрасно отделанном двухэтажном викторианском строении с изящными декоративными карнизами. Дасти довелось расписать, иначе и не скажешь, несколько домов на различных улицах Сан-Франциско в красочной, но притом весьма замысловатой викторианской традиции: бледно-желтый фон, синие, серые и зеленые орнаменты и немного розового в единственной детали карниза и на оконных проемах и рамах.

Марти любила свой дом и считала, что в его отделке великолепно проявились талант и умение Дасти. Однако ее мать, впервые посмотрев на окрашенный дом, заявила, что он выглядит так, будто здесь живут клоуны.

Когда Марти открыла деревянные ворота в ограде с северной стороны дома и проследовала за Валетом по узенькой дорожке, вымощенной кирпичом, к заднему двору, у нее вдруг мелькнула мысль: не мог ли ее беспричинный испуг каким-то образом зародиться от угнетающего воздействия телефонного звонка матери? В конце концов источником самых больших напряжений в ее жизни был отказ Сабрины принять Дасти. А ведь этих двоих людей Марти любила больше всего на свете и очень хотела, чтобы между ними установился мир.

Дасти был ни при чем в этой ее проблеме. Единственной воюющей стороной в этой грустной войне была Сабрина. И, что самое парадоксальное, твердая решимость Дасти отказаться от участия в сражении, казалось, только укрепляла ее враждебность.

Остановившись около мусорных бачков около задней стены дома, Марти подняла крышку одного из них и добавила к его содержимому синий полиэтиленовый пакет с произведением Валета.

Возможно, ее внезапное необъяснимое беспокойство было порождено именно воздействием матери, постоянно скулившей по поводу того, что, как ей казалось, у Дасти не хватает жизненных амбиций и недостаточно того, что Сабрина считала полноценным образованием. Марти опасалась, что материнский яд в конечном счете может отравить ее брак. Она могла бы против своего желания начать смотреть на Дасти беспощадно критическим взглядом своей матери. Или, возможно, Дасти начал бы обижаться на Марти за неуважительное отношение к нему Сабрины.

На самом деле, Дасти был самым мудрым человеком из всех, кого Марти когда-либо знала. «Двигатель», установленный между его ушами, работал точнее, чем даже у ее отца, а Улыбчивый Боб был неизмеримо более значительным человеком, чем это можно было заключить из его прозвища. Что касается амбиций… Лично ей больше нравилось иметь доброго мужа, чем честолюбивого, а в Дасти было больше доброты, нежели алчности в Лас-Вегасе.

Кроме того, и карьера самой Марти не оправдывала ожиданий матери. Получив степень бакалавра (с высокими оценками по бизнесу и пониже — по маркетингу) и квалификацию «Специалист делового администрирования», она свернула с дороги, которая должна была привести ее к славному положению высокопоставленного руководителя корпорации. Вместо этого она стала внештатным разработчиком компьютерных игр. Она продала несколько

1 Декоративный стиль, отличающийся яркими красками и геометрическими формами (20-30 гг. XX в.).

незначительных удачных работ, которые сделала сама от начала до конца, а потом стала заключать контракты на разработанные другими сценарии, персонажи и фантастические миры. Она зарабатывала хорошие, а может быть, даже и большие деньги и подозревала, что в этой сфере деятельности, практически полностью занятой мужчинами, она как женщина имеет в конечном счете значительное преимущество, так как обладает свежим взглядом. Она любила свою работу и недавно подписала контракт на создание абсолютно новой игры на основе знаменитой трилогии Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин Колец». Эта работа могла бы повлечь за собой столько лицензионных платежей, что это произвело бы впечатление даже на Скруджа Мак-Дака. Однако мать, ничтоже сумняшеся, называла ее работу «карнавальной чепухой», очевидно, потому, что в представлении Сабрины компьютерные игры были связаны с галереями игровых автоматов, автоматы — с луна-парками, а луна-парки — с карнавалами. Марти предполагала, что ей еще повезло, так как матери ничего не стоило сделать еще один шаг и обозвать ее работу как создание аттракционов для наркоманов.

Поднимаясь в сопровождении Валета по черной лестнице к двери, Марти сообщила ему о своих мыслях:

— Возможно, психоаналитики станут утверждать, что именно в ту минуту моя тень оказалась олицетворением моей матери, ее негативной ауры, — Валет усмехнулся в ответ и помахал своим пышным хвостом, — и что этот легкий приступ волнения явился проявлением неосознанного беспокойства по поводу того, что с мамой… все в порядке, что она окажется в состоянии рано или поздно посеять хаос в моем сознании и отравить меня своим ядовитым отношением к нам.

Марти выудила из кармана куртки связку ключей и открыла дверь.

— Мой бог, я говорю точь-в-точь как второкурсник колледжа, прослушавший половину вводного курса психологии.

Она часто разговаривала с собакой. Пес слушал, но никогда не отвечал, и его молчаливость была одним из краеугольных камней их замечательных отношений.

— Скорее всего, — продолжала она, проходя вслед за Валетом в кухню, — во всем этом не было никакой психологической символики, и я просто-напросто намереваюсь окончательно свихнуться.

Валет фыркнул, словно соглашался с поставленным хозяйкой диагнозом безумия, и принялся с увлечением лакать воду из своей миски.

Пять дней в неделю, по утрам, после долгой прогулки или она, или Дасти задерживались около черного хода в дом еще на полчаса и ухаживали за собакой — расчесывали и чистили шерсть. По вторникам и четвергам эти процедуры следовали за дневной прогулкой. В их доме почти не было собачьей шерсти, и такой порядок Марти собиралась поддерживать и впредь.

— Ты обязан, — напомнила она Валету, — не линять вплоть до особого уведомления. И помни — то, что нас нет дома и мы не можем поймать тебя на месте преступления, ни в коем случае не означает, что у тебя есть право на пользование мебелью и неограниченный доступ в холодильник.

Он поднял на хозяйку глаза с немым укором, будто пытался сказать, что оскорблен ее недоверием, а потом снова принялся пить.

Марти включила свет в маленькой ванной, примыкавшей к кухне. Она намеревалась проверить состояние косметики на лице и еще раз причесать растрепанные ветром волосы.

Когда она вошла в комнатку, ее грудь снова стиснуло от внезапного испуга, а сердце, как ей показалось, что-то с силой сжало. На сей раз у нее не было уверенности в том, что смертельная опасность прячется за спиной, как это было на улице. Теперь она боялась взглянуть в зеркало.

Почувствовав резкую слабость, Марти вдруг согнулась, ее плечи ссутулились, словно на спине оказалась тяжелая груда камней. Опершись обеими руками о пустую раковину, она принялась пристально разглядывать ее. Необъяснимый страх охватил ее с такой силой, что она была физически не способна взглянуть вверх.

На изогнутом белом фарфоре раковины лежал ее собственный черный волос, конец его свешивался в открытое медное отверстие слива, и даже эта безобидная нить показалась ей зловещей. Все так же, не смея поднять глаза, она повернула кран горячей воды и смыла волос.

Пустив струю воды, она принялась вдыхать поднимавшийся пар, но это не помогло изгнать холод, вновь охвативший ее. Постепенно раковина, в которую она вцепилась пальцами с побелевшими от напряжения костяшками, стала теплеть, но руки все так же оставались холодными.

Зеркало, казалось, чего-то дожидалось. Марти больше не могла думать о нем как о простом неодушевленном предмете, как о безопасном листе стекла с серебряной подложкой. Или же, вернее, что-то, скрывавшееся в зеркале, дожидалось возможности встретиться взглядом с ее глазами. Некая сущность. Призрак.

Не поднимая головы, она взглянула направо и увидела Валета, стоявшего в двери. Обычно озадаченное выражение на морде собаки вызывало у нее смех, но сейчас для смеха требовалось сознательное усилие, а то, что должно было получиться, скорее всего прозвучало бы совсем не как смех.

Хотя она боялась зеркала, она также — и еще сильнее — была испугана своим собственным странным поведением, крайне нетипичной для нее потерей контроля над собой.

Пар оседал на ее лице. От него першило в горле, было трудно дышать. А бульканье бегущей воды начало казаться злорадными голосами, злым хихиканьем.

Марти завернула кран. В наступившей тишине отчетливо слышалось ее дыхание; оно было тревожно быстрым и неровным, и в нем безошибочно угадывалось отчаяние. Там, на улице, глубокое дыхание помогло ей очистить разум, изгнать страх, после чего искаженная тень перестала угрожать. Однако на сей раз каждый вдох, казалось, лишь усиливал ее ужас, как порывы сквозняка помогают разгореться огню.

Она сбежала бы куда-нибудь, но силы совсем покинули ее. Ее ноги были как ватные, и она боялась, что упадет и ударится обо что-нибудь головой. Раковина нужна была ей как опора, чтобы удержаться на ногах.

Она попробовала рассуждать сама с собою, надеясь с помощью простых логических умозаключений вернуть себе нормальное душевное состояние. Зеркало не могло причинить ей вреда. Оно не является существом. Просто вещь. Неодушевленный предмет. Помилуй бог, простое стекло.

Ничто из того, что она может увидеть в зеркале, не может представлять для нее угрозы. Это же не окно, за которым мог бы стоять какой-нибудь ненормальный, с сумасшедшей усмешкой заглядывающий внутрь, с глазами, горящими жаждой убийства, как в дрянном фильме ужасов. Зеркало не в состоянии показать ей ничего, кроме отражения крошечной ванной и ее самой, Марти.

Логика не действовала. В темных глубинах собственного сознания, в которые ей никогда еще не доводилось погружаться, она обнаружила уродливый лик суеверия.

Марти наконец решила, что нечто, поселившееся в зеркале, обрело сущность и силу именно из-за тех усилий, которые она прикладывала для того, чтобы убедить себя в нереальности этого ужаса. Она закрыла глаза, чтобы не бросить взгляд на этот враждебный призрак даже краешком глаза. Каждый ребенок знает, что бука под кроватью становится все сильнее и опаснее с каждым новым опровержением его существования, что лучше всего просто не думать о голодном чудище, чье зловонное дыхание пропитано кровью других детей, чудище, прячущемся под пружинным матрасом рядом с пыльными плюшевыми кроликами. *Просто не думать о нем вообще* , о его безумных желтых глазах и шершавом черном языке. *Не думать о нем* , и в конце концов оно исчезнет, придет благословенный сон, а потом наступит утро, и ты проснешься в своей уютной кроватке, лежа под теплыми одеялами, а не в животе какого-то демона.

Валет, усевшийся перед Марти, принялся чесаться, и она чуть не закричала.

Когда она открыла глаза, то увидела, что собака глядит на нее с тем одновременно

умоляющим и обеспокоенным выражением, благодаря которому золотистые ретриверы считаются чуть ли не совершенством среди собак.

Хотя Марти вовсе не была уверена, что сможет стоять самостоятельно, если перестанет опираться на раковину, она все же заставила себя отцепить одну руку. Дрожа всем телом, она дотянулась до Валета.

И, как будто собака была громоотводом, часть парализовавшего женщину страха мгновенно вытекла из нее, словно потрескивающий электрический ток в высоковольтных проводах. Она вновь ощутила себя прочно стоящей на земле, а кромешный ужас сменился простым опасением.

Ведь нежный, ласковый и прекрасный Валет был робким существом. Если он ничего не испугался в этой маленькой комнатке, то никакой опасности там просто не существовало. Пес лизнул ей руку.

Набравшись храбрости от собаки, Марти наконец подняла голову. Медленно. Превозмогая зловещие предчувствия. В зеркале не было никакого чудовищного лика, никакого потустороннего пейзажа, никакого призрака — только ее собственное совершенно бледное лицо и знакомая ванная комната позади.

Когда она всмотрелась в отражение своих синих глаз, ее сердце заколотилось снова, поскольку в каком-то очень существенном смысле она стала незнакомкой сама для себя. Эта трясущаяся женщина, пугающаяся собственной тени, охваченная паникой из-за того, что нужно было взглянуть в зеркало… Это была не Мартина Родс, дочь Улыбчивого Боба, которая всегда крепко держала в руках уздечку жизни, твердо сидела в седле и с воодушевлением ехала своим путем.

— Что со мной происходит? — спросила она у женщины в зеркале, но ни отражение, ни собака не могли дать ей ответа.

Зазвонил телефон. Она вошла в кухню, чтобы ответить. Валет шел за ней следом. Он смотрел на нее с удивлением; хвост вильнул было один раз, а потом замер в неподвижности.

— К сожалению, вы ошиблись номером, — сказала Марти и положила трубку. Тут она обратила внимание на то, что собака глядит на нее совсем не так, как обычно. — Ну, а что не так с тобой?

Валет продолжал разглядывать ее; шерсть у него на загривке слегка взъерошилась.

— Клянусь, это была не соседская девочка-пуделиха, и спрашивали не тебя.

Когда она возвратилась в ванную, к зеркалу, ей по-прежнему не понравилось то, что она видела, но теперь она знала, как ей поступить.

ГЛАВА 4

Дасти прошел под ветвями финиковой пальмы, мягко шелестящими от порывов ветра, и завернул за угол дома. Здесь он обнаружил третьего участника команды, Фостера Ньютона по прозвищу Пустяк.

На поясе Пустяка болтался его неизменный радиоприемник. Пара наушников вдувала радиоразговоры ему в уши.

Он не слушал программы, в которых обсуждались политические новости или проблемы современной жизни. В любой час, днем или ночью, Пустяк знал, где на шкале настройки находятся передачи, повествующие об НЛО, похищениях людей инопланетянами, телефонных звонках покойников с того света, существах из четвертого измерения и снежном человеке.

— Привет, Пустяк.

— Привет.

Пустяк старательно оттирал пемзой оконную раму. Его пальцы, покрытые мозолистой кожей, были белыми от содранной краски.

— Ты знаешь про Скита? — спросил Дасти, проходя мимо него по вымощенной

черным сланцем дорожке.

Тот кивнул.

— На крыше.

— Притворяется, будто собирается спрыгнуть.

— Может, и прыгнет.

От удивления Дасти остановился и обернулся всем телом.

— Ты и впрямь так думаешь?

Ньютон был обычно настолько молчалив, что Дасти ожидал, что в ответ на вопрос тот разве что пожмет плечами. Но Пустяк против своего обыкновения высказался:

— Скит не верит.

— Во что? — несколько оторопев, спросил Дасти.

— Ни в какие слова.

— Но ведь на самом деле он неплохой мальчишка.

Ответная реплика Пустяка могла, вероятно, равняться застольному спичу для иного человека:

— Проблема в том, что в нем мало что есть.

Благодаря своему округлому, как пирог, лицу, подбородку, похожему на сливу, толстогубому рту, вишнево-красному носу с круглым, как та же вишня, кончиком и ярко красным щекам Ньютон Фостер вполне мог бы сойти за беспутного гедониста. Но карикатурность облика сразу же отходила на второй план, стоило лишь взглянуть в его ясные серые глаза, увеличенные толстыми стеклами сильных очков. Глаза были полны печали. Это не была печаль, связанная с какой-то определенной причиной, например, в данный момент с самоубийственным порывом Скита, нет, это была вечная печаль, с которой Пустяк, казалось, воспринимал всех и вся.

— Пустота, — добавил он.

— Скит? — переспросил Дасти.

— Он пуст.

— Он найдет себя.

— Он бросил поиски.

— Это пессимизм, — отрезал Дасти, поневоле подстраиваясь под лаконичный разговорный стиль Пустяка.

— Реализм.

Пустяк поднял голову. Его внимание переключилось на дискуссию, которую передавали по радио. Дасти слышал только слабый жестяной звук невнятного шепота, чуть доносившийся из одного наушника. Пустяк стоял, склонившись над подоконником, с куском шлифовальной пемзы в руке, его глаза были наводнены еще большей печалью, которая, скорее всего, возникла под влиянием того сверхъестественного, чему он внимал, неподвижный, будто пораженный паралитическим лучом из оружия инопланетянина.

Взволнованный мрачным предсказанием Пустяка, Дасти поспешил к длинной алюминиевой раздвижной лестнице, по которой раньше поднялся на крышу Скит. После краткого размышления он решил переставить ее к фасаду дома. Скит мог слишком взволноваться из-за чересчур прямого подхода и спрыгнуть вниз прежде, чем его удалось бы уговорить спуститься по лестнице. Дасти торопливо полез вверх, ступеньки грохотали под его ногами.

Вступив с вершины лестницы на крышу, Дасти оказался над задним фасадом дома. Скит Колфилд находился над передним фасадом, его не было видно за круто вздымавшимися рядами оранжевых плиток-черепиц из обожженной глины, которые делали крышу похожей на чешуйчатый бок спящего дракона.

Этот дом располагался на холме, и в паре миль к западу от него, за перенаселенной низиной Ньюпорт-Бич и его укромной гаванью, лежал Тихий океан. Обычная синева воды, словно осадок, опустилась на океанское дно, и изменчивые волны были окрашены во множество оттенков серого, смешанного с черным: отражение неприветливых небес. На

горизонте море и небо, казалось, вставали дыбом, образовав колоссальную темную волну, которая, если дойдет до дела, может помчаться на берег с такой силой, что перевалит за Скалистые горы более чем на шесть сотен миль к востоку.

Позади дома, на сорок футов ниже, чем Дасти, находился вымощенный сланцем патио, который представлял собою более серьезную опасность, чем море и приближающийся шторм. И Дасти было гораздо легче представить себе, как его кровь разбрызжется по сланцевым плиткам, чем увидеть мысленным взором залитые наводнением почти до самых вершин Скалистые горы.

Повернувшись спиной к океану и к угрожающей пустоте за краем крыши, пригнувшись и вытянув руки вперед и чуть в стороны, чтобы они служили противовесом такой опасной силе земного притяжения, Дасти принялся карабкаться вверх по крыше. С берега пока что дул просто сильный бриз, еще не превратившийся в полноценный ветер, но Дасти был благодарен за то, что он дует ему в спину и прижимает к крыше, вместо того чтобы отдирать от нее. Достигнув стыка с длинным уклоном, он, расставив для устойчивости ноги, утвердился на гребне и бросил взгляд в сторону переднего фасада дома, через ломаные грани сложной крыши.

Скит балансировал на другом коньке, проходившем параллельно этому, около двухтрубного дымохода, замаскированного под приземистую звонницу. Оштукатуренную башню поддерживали палладиевские[1] арки, колонны из фальшивого известняка подпирали обшитый медью купол в испанском колониальном стиле, но наверху купол был урезан, причем венчавший его декоративный готический шпиль казался здесь не более уместным, чем была бы гигантская неоновая реклама пива «Будвайзер».

Скит сидел спиной к Дасти, поджав к груди колени, и глядел на ворон, которые все так же кружили над ним. Его руки были воздеты к птицам в любовном жесте, приглашавшем их сесть ему на голову и плечи, как если бы он был не маляром, а святым Франциском Ассизским в обществе его крылатых друзей.

Все так же балансируя на гребне крыши, как пингвин, Дасти поплелся к северу и добрался до места, где крыша, на которой он находился, нависала карнизом над другой крышей, снижавшейся с запада к востоку. Он сошел с конька и принялся сползать по закругленным черепицам, как можно сильнее откидываясь назад, так как теперь земля всей силой своей гравитации непреклонно тащила его вперед. Присев на корточки, он после секундного колебания перепрыгнул через водосточный желоб и оказался на три фута ниже, приземлившись на три точки на покатой поверхности; каждая из ног, обутых в тапочки на резиновой подошве, оказалась по обе стороны гребня, на противоположных скатах.

Дасти не смог хорошо сбалансировать свой вес в момент приземления, и его резко качнуло вправо. Он попытался удержать равновесие, но мгновенно осознал, что не сможет устоять. И поэтому, не дожидаясь, пока его тело выйдет из-под контроля и покатится навстречу смерти, он сам бросился ничком и растянулся на черепичном гребне, упираясь изо всей силы правой рукой и ногой в южный скат и пытаясь левой рукой и ногой зацепиться за северный. Ему вдруг пришло в голову, что он ведет себя как перепуганный неумелый ковбой, усевшийся на родео на разъяренного быка.

Так он полежал некоторое время, рассматривая оранжево-коричневую черепицу, покрытую чуть заметной патиной мертвых лишайников. Это напомнило ему картины Джексона Поллока[2], хотя естественная картина была тоньше, привлекательнее для глаз и исполнена большего значения.

Когда начнется дождь, пленка мертвого лишайника сразу же станет скользкой, и удержаться на обожженной в печи черепице будет труднее, чем на ледяном склоне. Он должен был добраться до Скита и спуститься вместе с ним с крыши до того, как на город

---

1 Палладио, Андреа (1508-1580) — итальянский зодчий, один из основоположников архитектуры Возрождения.

2 Поллок, Джексон (1912-1956) — американский живописец, один из основоположников абстракционизма в американской живописи.

обрушится шторм. Наконец он пополз вперед к еще одной колоколенке, поменьше. На этой купола не было, она представляла собой миниатюрную версию мечети и была облицована изразцами с каноническим исламским изображением Райского древа. Владельцы дома не были мусульманами и, вероятно, включили эту деталь в отделку потому, что сочли ее привлекательной на вид, хотя ею не мог любоваться никто, кроме кровельщиков, маляров и трубочистов.

Прислонясь к шестифутовой башне, Дасти поднялся на ноги. Цепляясь руками за вентиляционные отверстия, он обполз вокруг строения и добрался до следующего открытого отрезка крыши.

И снова он, балансируя на коньке, заторопился на полусогнутых ногах к другой проклятой псевдоколокольне с таким же Райским древом. Он казался себе похожим на Квазимодо, горбуна, жившего некогда на колокольне собора Парижской Богоматери; правда, он был, пожалуй, не так уродлив, как тот бедняга, но и не так ловок.

Таким же образом он обошел следующую башню и направился к концу кровли, протянувшейся с запада на восток, над которой нависал карниз кровли, ориентированной с севера на юг, что венчала переднее крыло дома. Скит оставил короткую алюминиевую лестницу, по которой поднимался с нижней части крыши на более высокую, и Дасти воспользовался ею, встав, как обезьяна, на четвереньки, когда переползал с последней ступеньки на очередной скат.

Когда Дасти наконец покорил последнюю вершину, Скит встретил его без всякого удивления или тревоги.

— С добрым утром, Дасти.

— Привет, Малыш.

Дасти было двадцать девять лет, всего на пять лет больше, чем Скиту, тем не менее он всегда воспринимал его как ребенка.

— Ты не будешь возражать, если я присяду?

— Уверен, что твое общество будет мне приятно, — с улыбкой отозвался Скит.

Дасти угнездился рядом с ним на гребень крыши, сжав колени и плотно упершись подошвами ботинок в черепичные плитки.

Далеко на востоке, за дрожащими от ветра верхушками деревьев и множеством крыш, за автострадами и кварталами массовой застройки, за холмами Сан-Хоакин возвышались бурые иссохшие горы Санта-Аны. Сейчас, перед сезоном дождей их вековечные пики обвивали густые тучи, словно грязные тюрбаны.

Внизу, на дороге, Мазервелл разворачивал большой кусок брезента, правда, его самого видно не было.

Охранник хмуро посмотрел на них, а потом демонстративно поднял руку и перевел взгляд на часы. Действительно, он дал Дасти десять минут на то, чтобы уговорить Скита спуститься.

— Извини, — сказал Скит устрашающе спокойным голосом.

— За что?

— За прыжки на работе.

— Ты мог бы оставить это занятие на свободное время, — согласился Дасти.

— Да, но мне хочется спрыгнуть, когда я счастлив, а не когда я несчастен, а на работе я чувствую себя самым счастливым.

— Что ж, я стараюсь делать так, чтобы работать было приятно.

Скит негромко рассмеялся и вытер рукавом сопливый нос.

Скит всегда был худощав, но прежде он был крепким и стройным, а теперь он был тощим, даже изможденным, но при этом казался каким-то чересчур мягким, как будто потерянный им вес приходился целиком на кости и мускулы. Он был к тому же очень бледен, хотя часто работал на солнце; призрачная бледность проглядывала сквозь его загар, который был сейчас скорее серым, чем коричневым. В дешевых тапочках из черного брезента на белой резиновой подошве, красных носках, белых штанах и драном бледно-желтом свитере с

потертыми манжетами, которые свободно болтались вокруг его костистых запястий, он был похож на мальчика, потерявшегося ребенка, скитавшегося в пустыне без пищи и воды.

Скит снова вытер нос рукавом свитера и пояснил:

— Похоже, я простудился.

— А может быть, насморк — это просто побочный эффект.

Обычно глаза Скита были медно-карего цвета и сильно блестели, но сейчас они оказались настолько водянистыми, что часть цвета, казалось, вымылась из них, и взгляд стал тускло-желтоватым.

— Ты думаешь, что я подвел тебя, да?

— Нет.

— Именно так ты и думаешь. И думаешь правильно. Да я и не собираюсь спорить.

— Ты не можешь подвести, — заверил его Дасти.

— Но я все же это сделал. Мы оба знали, что так и будет.

— Ты можешь подвести только себя.

— Расслабься, братец. — Скит, успокаивая, ласково пожал колено Дасти и улыбнулся. — Я не собираюсь упрекать тебя в том, что ты слишком много ожидал от меня, и не собираюсь рвать на себе волосы из-за того, что все испортил. Я уже прошел все это.

На сорок футов ниже из дома вышел Мазервелл. Он легко нес огромный матрас от двуспальной кровати.

Отбывшие в отпуск владельцы дома оставили Дасти ключи, так как несколько внутренних стен в проходных помещениях тоже нуждались в окраске. Эта часть работы уже была закончена.

Мазервелл бросил матрас на расстеленный брезент, поглядел на Дасти и Скита и вернулся в дом.

Даже с высоты в сорок футов Дасти мог ясно разглядеть, что охранник не одобрил набег на дом, который совершил Мазервелл, чтобы устроить посадочную площадку для сидевших на крыше.

— Что ты принимал? — спросил он.

Скит пожал плечами и, вскинув лицо к кружащимся воронам, уставился на них с такой глупой улыбкой и с таким умилением, что можно было принять его за одного из тех любителей природы, которые начинают день со стакана сока, собственноручно выжатого из пары свежих апельсинов, горячей булки из отрубей без сахара, омлета из соевого протеина и девятимильной пробежки.

— Ты наверняка помнишь, что принимал, — настаивал Дасти.

— Коктейль, — ответил Скит, — пилюли и порошки.

— Возбуждающие или успокоительные?

— Наверно, и те, и другие. И много. Но я чувствую себя совсем неплохо. — Он отвел взгляд от птиц и положил правую руку на плечо Дасти. — Я больше не чувствую себя дерьмом. Я пребываю в мире, Дасти.

— И все же мне хотелось бы знать, что ты принимал.

— Зачем? Может быть, это самый вкусный из моих рецептов, а ты так и не испробуешь его. — Скит улыбнулся и нежно ущипнул Дасти за щеку. — Только не ты. Ты не такой, как я.

Мазервелл вышел из дома со вторым матрасом от другой двуспальной кровати и положил его вплотную к первому.

— Какая глупость, — сказал Скит, указав пальцем с высоты на матрасы. — Я просто прыгну с другой стороны.

— Послушай, ты же не собираешься разбить башку о дорожку Соренсона? — твердо сказал Дасти.

— Им до этого не будет дела. Они находятся в Париже.

— В Лондоне.

— Все равно.

— Им будет еще какое дело. Они мочой изойдут.

Мигая своими мутными глазами, Скит поинтересовался:

— И что, они на самом деле будут волноваться или так, для проформы?

Мазервелл внизу спорил с охранником. Дасти слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Скит все так же держал руку на плече Дасти.

— Тебе холодно.

— Нет, — возразил Дасти, — со мной все в порядке.

— Ты дрожишь.

— Это не от холода, просто мне страшно.

— Тебе? — Скит от недоверия попытался сфокусировать косые глаза. — Страшно? И чего же ты боишься?

— Высоты.

Мазервелл и охранник направились в дом. Сверху казалось, что Мазервелл обхватил парня рукой за спину под плечами, как будто пытался приподнять его над землей и поскорее унести прочь.

— Высоты? — Скит продолжал таращиться на него. — Да ты же всякий раз, когда нужно красить крышу, хочешь делать это сам.

— А при этом у меня все кишки сводит.

— Слушай, кончай шутить. Ты ничего не боишься.

— Нет, боюсь.

— Только не ты.

— Я.

— *Нет, не ты* ! — выкрикнул Скит с неожиданной яростью.

— Именно я.

В том состоянии, в котором пребывал сейчас Скит, его настроения могли мгновенно меняться от расслабленной удовлетворенности к крайнему неудовольствию. Он отдернул руку от плеча Дасти, обхватил себя за плечи и принялся медленно раскачиваться взад-вперед на узком насесте, образованном всего-навсего одним коньковым рядом черепицы. Его голос был исполнен муки, как если бы Дасти не просто сознался в боязни высоты, а объявил бы, что его тело изъедено смертельным раком: «Не ты, не ты, не ты, не ты…»

В таком состоянии Скит мог бы с пользой проглотить несколько ложек приязненного отношения. Но если бы он решил, что с ним нянчатся, то мог стать угрюмым, неприступным, даже враждебным. В обычных условиях это просто раздражало, но на высоте в сорок футов над мощенной камнем площадкой могло оказаться очень опасным. Вообще-то он лучше реагировал на сдержанную приязнь, юмор и холодную правду.

Дасти решил прервать это бесконечное «не ты», которое уже начало превращаться в песню.

— Ты такой кретин, — сказал он.

— Это *ты* кретин.

— Ничего подобного. Кретин — ты.

— Это ты самый настоящий, натуральнейший кретин, — убежденно заявил Скит.

Дасти помотал головой.

— Нет, я — психологический прогерик.

— Кто-кто?

— Слово «психологический» означает нечто, связанное с сознанием или влияющее на него. А прогерик — это кто-то, страдающий прогерией, врожденной ненормальностью, выражающейся в том, что человек преждевременно и быстро стареет. Прогерики уже в детстве кажутся стариками.

Скит понимающе качнул головой:

— Эй, да ведь я же видел историю об этом в «Шестидесяти минутах».

— Так вот, психологический прогерик — это тот, кто даже еще ребенком мысленно стар. Психологический прогерик. Мой папаша частенько называл меня так. Иногда он сокращал это прозвище — ПП. Он говорил: «Мой маленький пи-пи». «Как сегодня поживает

мой маленький пи-пи?» Или же: «Маленький пи-пи, раз ты не хочешь смотреть, как я выпью еще немного виски, то почему бы тебе не выволочь свою задницу в сад и не поиграть там немного со спичками?»

Гнев и мучительное состояние оставили Скита так же внезапно, как и овладели им. Теперь в его голосе ясно слышалось сочувствие.

— Ничего себе. Это не слишком-то похоже на ласковое обращение, правда?

— Нет. Но и на обращение к *кретину* тоже.

— А кем был твой отец? — хмуро спросил Скит.

— Доктор Тревор Пенн Родс, профессор литературы, специалист в области деконструктивизма.

— Ах, да. Доктор Декон.

Уставившись на темневшие вдали горы Санта-Ана, Дасти процитировал доктора Декона: «Язык не в состоянии описать действительность. Литература не имеет никакого однозначного смысла, никакого реального значения. Интерпретация произведения, сделанная каждым из читателей, равносильна и куда важнее, чем намерения автора. На самом деле, ничего в жизни не имеет значения. Действительность субъективна. Ценности и правда субъективны. Сама жизнь — это иллюзорное пространство. Бла-бла-бла, давайте-ка еще выпьем».

Отдаленные горы совершенно точно выглядели реальными. Крыша под его ягодицами также ощущалась настоящей, а если бы он упал головой вперед на дорогу, то или умер бы, или же оказался покалеченным настолько, что жизнь стала бы в тягость. Это ни в чем не убедило бы несговорчивого доктора Декона, но для самого Дасти было бы вполне очевидно.

— Это из-за него ты боишься высоты? — спросил Скит. — Из-за каких-то его поступков?

— Чьих? Доктора Декона? Нет. Высота просто нервирует меня, только и всего.

Скит, производивший трогательное впечатление в своем беспокойстве, сказал:

— Ты мог бы выяснить причину. Поговорить с психиатром.

— Думаю, что мне будет лучше пойти домой и поговорить с моей собакой.

— Я много лечился…

— И это оказало на тебя чудесное воздействие, не так ли?

Скит так расхохотался, что из носу у него вытекла длинная струя.

— Извини.

Дасти вытащил из кармана пачку салфеток «Клинекс» и предложил ему одну. Скит утер нос и сказал:

— Ну, а что касается меня… у меня совсем другая история. Я всего боялся, с тех времен, которые даже и вспомнить не могу.

— Я знаю.

— Боялся, просыпаясь, боялся, когда ложился спать, и все время от постели до постели. Но теперь я не боюсь. — Он закончил возиться с «Клинексом» и протянул пачку Дасти.

— Оставь себе, — сказал тот.

— Благодарю. Эй, но ты знаешь, почему я больше не боюсь?

— Потому что набрался по самое некуда?

Скит расхохотался так, что все его тело затряслось, и, отсмеявшись, кивнул.

— Еще и потому, что я видел Другую Сторону.

— Другую сторону чего?

— Заглавного Д, заглавного С. Меня навестил ангел смерти и показал мне, что нас ожидает.

— Ты же атеист, — напомнил ему Дасти.

— Уже нет. Я прошел через все это. Братец, что может сделать тебя счастливым, а?

— Как это у тебя легко. Проглотил пилюлю и нашел бога.

Скит усмехнулся, при этом на его изможденном лице с пугающей отчетливостью обрисовались кости, словно под кожей совсем не осталось мяса.

— Покой, так ведь. Так вот, ангел проинструктировал меня: «Прыгай» — и поэтому я прыгну.

Внезапно налетел порыв ветра. Он был холоднее, чем прежде, и хлестнул по крыше, принеся с собой соленый аромат отдаленного моря, а следом за этим порывом, как дурное знамение, подступил гнилой запах разлагающихся морских водорослей.

Продолжать переговоры на этой крутой крыше под усиливающимся ветром означало бросить вызов природе. Дасти вовсе не хотел этого делать и поэтому молился про себя, чтобы ветер поскорее стих.

Предположив, что тяга Скита к самоубийству основывалась, как тот настаивал, на его вновь обретенном бесстрашии, и в надежде на то, что хорошая доза испуга сможет заставить мальчишку пожелать вновь уцепиться за жизнь, Дасти решил рискнуть:

— Мы находимся всего лишь в сорока футах над землей, а от края крыши до тротуара не больше тридцати-тридцати двух футов. Прыгнуть отсюда было бы как раз классическим поступком кретина. Посуди сам, то, что ты собираешься сделать, скорее всего, не закончится смертью. Ты не погибнешь, но окажешься парализован и проживешь ближайшие сорок лет беспомощным, привязанным множеством трубок к различным механизмам.

— Нет, я умру, — с почти веселой дерзостью огрызнулся Скит.

— Разве можно быть в этом уверенным?

— Не спорь со мной, Дасти.

— Я не спорю.

— Раз ты говоришь, что не споришь, значит, споришь.

— Значит, я спорил.

— Вот видишь!

Дасти глубоко вздохнул, чтобы немного успокоить нервы.

— Это настолько неопределенно. Давай спустимся отсюда. Я отвезу тебя на Фэшион-Айленд, в отель «Фор Сизонз». Мы сможем там подняться на крышу, на четырнадцатый, пятнадцатый этаж, сколько их там есть, и ты сможешь спрыгнуть оттуда, чтобы быть уверенным, что все пройдет так, как надо.

— Ты этого не сделаешь.

— Будь уверен. Раз уж ты решил это сделать, то сделай так, как надо, чтобы не напортачить еще и здесь.

— Дасти, я хоть и под кайфом, но не дурак.

Мазервелл и охранник вышли из дома с огромным матрасом. С этим страшно неудобным предметом они казались похожими на Лаурела и Харди в какой-то из комедий, и это было забавно, но смех Скита прозвучал для Дасти совершенно безрадостно.

Там, внизу, эти двое сгрузили свою ношу прямо поверх пары меньших матрасов, которые уже были уложены на брезент.

Мазервелл посмотрел на Дасти и воздел к небу руки, словно хотел спросить: «Чего же ты ждешь?»

Одна из круживших в небе ворон вообразила себя военным самолетом и произвела бомбежку с точностью, которая должна была вызвать жгучую зависть у представителя любых военно-воздушных сил, оснащенных по самому последнему слову техники. Грязно-белая капля разбрызгалась на левом башмаке Скита.

Скит поглядел на несдержанную ворону и перевел взгляд на свою осквернённую тапку. Его настроение менялось так быстро и резко, что казалось, у него не могла не закружиться голова. Его жуткая улыбка исчезла, будто склон, разрушенный оползнем, и лицо перекосилось в отчаянии.

— Вот она, моя жизнь, — громко произнес он несчастным голосом и, наклонившись, ткнул пальцем в массу на носке тапки, — моя жизнь.

— Не смеши людей, — прервал его Дасти. — Ты не настолько образован, чтобы мыслить метафорами. — Но на сей раз он не смог заставить Скита рассмеяться.

— Я так устал, — заявил Скит (он почти пропел эти слова на мотив «Битлз»), растирая

птичье дерьмо большим и указательным пальцами. — Пора в постель.

Говоря про постель, он не имел в виду кровать. Его слова не означали также, что он собирается подремать на груде матрасов. Он хотел сказать, что намеревается устроиться на долгий сон, который он будет делить с червями под одеялом из грязи.

Скит поднялся на ноги. Хотя он казался не прочнее струйки дыма, но тем не менее стоял во весь рост и выглядел ничуть не встревоженным. Казалось, что негромко завывавший ветер ничуть не беспокоил его.

Когда же Дасти осторожно поднялся на полусогнутых ногах, береговой ветер хлестнул его с силой бури, заставив покачнуться всем корпусом. Ему пришлось несколько мгновений бороться за равновесие, прежде чем он, присев как можно ниже, наконец занял устойчивое положение.

Может быть, этот ветер представлял собой идеал деконструктивиста, и его воздействие на различных людей находилось в прямой зависимости от интерпретации каждого — простой бриз для меня, тайфун для тебя, — а может быть, Дасти из-за боязни высоты преувеличенно воспринимал силу каждого порыва. Но так как он давно отказался от странной философии своего старика, то полагал, что если Скит может стоять вертикально, не рискуя при этом улететь по какой-нибудь невероятной траектории, как летающая тарелка «фрисби», то и он вполне может устоять.

— Это все только к лучшему, Дасти, — сказал, повысив голос, Скит.

— Откуда ты можешь знать, что будет к лучшему?

— Не пытайся остановить меня.

— Ну, посмотрим… Я должен попробовать.

— Меня не уговоришь.

— Я, кажется, это понял.

Они глядели друг на друга, как два атлета, собирающиеся принять участие в странном новом спортивном состязании на наклонном корте. Скит стоял выпрямившись и напоминал баскетболиста, открывшегося в ожидании паса. Пригнувшийся Дасти был похож на борца сумо легчайшего веса, высматривающего возможность для атаки.

— Я не хочу причинять тебе вреда, — сказал Скит.

— Я тоже не хочу, чтобы ты причинил мне вред.

Если Скит действительно настроился на то, чтобы спрыгнуть с крыши дома Соренсонов, то ему невозможно было бы помешать сделать это. Крутой уклон крыши, выпуклая гладкая черепица, ветер, закон всемирного тяготения — все было на его стороне. Единственное, на что Дасти мог надеяться, так это убедиться в том, что этот несчастный балбес упадет с крыши именно там, где надо, и попадет на матрасы.

— Ты мой друг, Дасти. Мой единственный настоящий друг.

— Благодарю за вотум доверия, детка.

— Который утверждает тебя моим лучшим другом.

— За мое бездействие.

— Лучший друг парня не должен преграждать ему путь к славе.

— К славе?

— Именно это я и видел на Другой Стороне. Славу.

Единственный способ удостовериться в том, что Скит упадет с крыши точно на приготовленную ему посадочную площадку, состоял в том, чтобы в нужное мгновение схватить его и подвести или подтолкнуть в нужное место на краю. А это значило спуститься по крыше на край вместе с ним.

Ветер взметнул длинные белокурые волосы Скита и принялся играть ими. Они были последним оставшимся у него привлекательным физическим качеством. Не так давно он был красивым мальчишкой, девушки липли к нему, как к магниту. Теперь его тело стало изможденным, лицо — серым и измученным, а глаза были тусклыми, словно закопченными, как жерла дымовых труб. Его густые чуть вьющиеся золотистые волосы составляли такой контраст со всем его обликом, что можно было подумать, что на голове у него парик.

Скит стоял совершенно неподвижно, лишь волосы вились на ветру. Хотя он внешне казался окаменевшим, как салемская ведьма, внутренне он был собран и осторожен. Он решал про себя, как ему лучше улизнуть от Дасти и наилучшим способом исполнить свое намерение нырнуть вниз головой на камни.

Вновь пытаясь отвлечь мальчишку или по крайней мере выиграть еще немного времени, Дасти задумчиво сказал:

— Об этом я не раз задумывался… Как выглядит ангел смерти?

— Что?

— Но ведь ты же видел его, правда?

— Да, в общем-то, он нормально выглядел, — нахмурившись, проговорил Скит.

Сильный порыв ветра сорвал с головы Дасти белую кепку и унес ее куда-то, наверно, в Изумрудный город, но это нисколько не отвлекло его внимания от Скита.

— Он что, был похож на Брэда Питта?

— С какой стати он будет похож на Брэда Питта? — сварливо спросил Скит. Он искоса посмотрел в сторону, надеясь, что Дасти этого не заметит, и быстро обратил свой взгляд от края крыши на собеседника.

— Брэд Питт играл его в том кинофильме, «Познакомьтесь с Джо Блэком».

— Я не видел его.

С нарастающим отчаянием Дасти продолжал:

— Может быть, он походил на Джека Бенни?

— Что ты такое говоришь?

— Джек Бенни сыграл его когда-то в одном очень старом фильме. Помнишь? Мы смотрели его вместе.

— Я мало что помню. Это у тебя фотографическая память.

— Образная, а не фотографическая. Образная и слуховая память.

— Смотри ты! А я не могу даже вспомнить его названия. Ты помнишь даже, что ел на обед пять лет назад. А я не помню, что было вчера.

— Это просто трюк, образная память. Вещь совершенно бесполезная.

На крышу упали первые тяжелые капли дождя. Дасти не нужно было глядеть вниз, чтобы увидеть, как высохшие лишайники превращаются в тончайшую пленку слизи, потому что он обонял ее — тонкий, но отчетливый запах плесени. Еще он улавливал запах влажных глиняных черепиц.

В его сознании неотвязно мелькало одно видение, которое он тщетно пытался подавить: *вот они со Скитом скатываются со скользкой крыши, потом, совершив несколько диких переворотов в воздухе, Скит падает на матрасы, не получив ни одного ушиба, а Дасти промахивается и ломает хребет о булыжники* .

— Билли Кристал[1], — сказал Скит.

— Что? Ты говоришь о смерти? Ангел смерти похож на Билли Кристала?

— А что, что-нибудь не так?

— Ради бога, Скит, как ты можешь доверять ангелу смерти, если он похож на этого нахального плаксивого штукаря Билли Кристала!

— Он мне понравился! — ответил Скит и бросился к краю.

ГЛАВА 5

Вдоль всего обращенного на юг берега эхом отдавались мощные глухие разрывы, как если бы огромные корабельные орудия, прикрывая высаживающиеся войска, вели обстрел берега. Огромные волны ударялись о берег, а все усиливающийся ветер нес, как пули, капли воды, вздымавшиеся над волноломами, с грохотом врывался сквозь низкие дюны, покрытые редкой травой, в глубь материка.

---

1 Фамилия Кристал созвучна с жаргонным наименованием наркотика фенициклидина (Kristal joint).

Марти Родс торопливо шла по аллее вдоль мыса Бальбоа. Это, собственно, был широкий пешеходный тротуар, отделявший глядящий на океан ряд домов от просторных пляжей. Она надеялась, что дождь не начнется хотя бы в ближайшие полчаса.

Узкий трехэтажный дом Сьюзен Джэггер втиснулся между двумя такими же строениями. Здание с белыми ставнями, обшитое поседевшими от морских ветров кедровыми досками, несколько напоминало те дома, которые строились на суровом северном полуострове Кейп-код, хотя из-за тесноты своего положения и не могло полностью передать особенности этого архитектурного стиля.

Этот дом, так же как и его соседи, не имел ни дворика спереди, ни высокого крыльца — лишь узенький патио с несколькими растениями в кадках. Патио находился за белым забором и был вымощен кирпичом. Ворота в заборе были не заперты и со скрипом раскачивались на петлях.

Прежде, когда Сьюзен жила в этом доме со своим мужем Эриком, они занимали первый и второй этажи, а третий, с собственной ванной и кухней, Эрик использовал под домашнюю контору. Но теперь они разошлись. Эрик выехал год назад, а Сьюзен переехала наверх, сдав нижние два этажа тихой паре пенсионеров. У жильцов, казалось, не было никаких недостатков, если не считать привычки выпивать по два мартини перед обедом, а из домашних животных они держали лишь четырех попугаев.

На третий этаж вела крутая наружная лестница. Когда Марти поднялась на маленькое крытое крылечко, со стороны Тихого океана показалась стая чаек. Птицы с взволнованными воплями понеслись над полуостровом в сторону гавани, где им предстояло пережидать шторм в укрытых от непогоды гнездах.

Марти постучала в дверь, но сразу же после этого вошла, не дожидаясь ответа. Сьюзен обычно неохотно встречала посетителей, не желая сталкиваться с проявлениями внешнего мира, и поэтому почти год назад дала Марти ключ от своей квартиры.

Настроившись на предстоящее испытание, она вошла в кухню, освещенную единственной лампочкой, горевшей над мойкой. Шторы были плотно закрыты, и потому в комнате царил лиловый сумрак, сгущавшийся по углам в темно-фиолетовую мглу.

Здесь не было благоухания специй или остатков запаха готовившейся пищи. Вместо этого воздух был пропитан легкими, но терпкими ароматами дезинфекции, чистящих порошков и восковой мастики для пола.

— Это я, — сообщила Марти, но Сьюзен не ответила.

В столовой тоже было темно, падавший из приоткрытой двери луч света озарял лишь небольшой сервант, на стеклянных полках которого поблескивали старинные китайские фарфоровые статуэтки. Здесь пахло мебельной политурой.

Если бы вдруг загорелись все лампы, то, несомненно, можно было бы заметить, что квартира безупречно чиста, может быть, даже чище, чем хирургическая операционная. У Сьюзен Джэггер было много свободного времени, которое нужно было чем-то заполнить.

Судя по сложному букету запахов в гостиной, здесь недавно вымыли ковер, отполировали мебель, подвергли сухой чистке на месте обивку мягкой мебели, а в два небольших алых керамических сосуда, стоявших на столах в противоположных концах комнаты, насыпали свежую ароматическую смесь из цветов цитрусовых.

Большие окна, из которых должен был бы открываться волнующий вид на океан, были задернуты шторами. В их складках прятались густые тени.

Еще четыре месяца назад Сьюзен была способна, по крайней мере, с задумчивой тоской взирать на мир. А ведь она уже в течение шестнадцати месяцев испытывала непреодолимый страх перед похождениями на его просторах и выходила из дому лишь в обществе тех людей, у которых могла наверняка найти эмоциональную поддержку. Ну а теперь даже просто вид обширного открытого места, не защищенного стенами и крышей, мог вызвать у нее фобическую реакцию.

Все лампы сияли, и просторная гостиная была ярко освещена. Тем не менее благодаря затемненным окнам и неестественной тишине атмосфера в ней казалась траурной.

Согнувшись и свесив голову на грудь, Сьюзен ожидала, сидя в кресле. В черной юбке и черном свитере, она выглядела как участница похорон. Судя по ее внешности, книга в мягкой обложке, которую она держала в руках, должна была оказаться Библией, хотя на самом деле это был детективный роман.

— Это сделал дворецкий? — спросила Марти, присев на край дивана.

— Нет. Монахиня, — ответила Сьюзен, не поднимая взгляда.

— Яд?

Все так же не отрывая глаз от книги в мягкой обложке, Сьюзен сообщила:

— Двоих — топором. Одного — молотком. Одного — проволочной удавкой. Одного — ацетиленовой горелкой. И еще двоих — механическим шуруповертом.

— Ничего себе, монахиня — серийный убийца.

— Под этим одеянием можно спрятать много оружия.

— Детективные романы сильно изменились с тех пор, как мы читали их в юности, когда учились в школе.

— Не всегда к лучшему, — откликнулась Сьюзен, закрывая книгу.

Они были лучшими подругами с десяти лет, и за минувшие восемнадцать лет делили друг с дружкой куда больше, чем детективные романы, — надежды, страхи, счастье, горе, смех, слезы, сплетни, энтузиазм юности, с трудом достигнутое понимание. А в течение последних шестнадцати месяцев, начиная с необъяснимо возникшей у Сьюзен агорафобии, они делили не столько радости, сколько боль.

— Мне следовало, конечно, позвонить тебе, — сказала Сьюзен. — Прости меня, но я не смогу сегодня пойти на сеанс.

Это был ритуал, в котором Марти играла свою роль:

— Сьюзен, ну, конечно, ты сможешь. И пойдешь.

Отложив свою книжку, Сьюзен помотала головой.

— Нет, я позвоню доктору Ариману и сообщу ему, что сильно заболела. У меня начинается простуда, а может быть, грипп.

— Не похоже, чтобы у тебя был заложен нос.

Сьюзен скорчила рожу.

— Это, скорее всего, желудочный грипп.

— Где твой термометр? Давай измерим тебе температуру.

— О, Марти, ты только посмотри на меня. Я похожа на черта. Лицо опухло, волосы торчат, как солома. Я не могу выйти на улицу в таком виде.

— Не прикидывайся, Суз. Ты выглядишь ничуть не хуже, чем обычно.

— Я в полном беспорядке.

— Джулия Робертс, Сандра Баллок, Камерон Диас — все они с радостью согласились бы, чтобы им отрубили головы, лишь бы выглядеть так же хорошо, как и ты, даже если ты устанешь, как собака, или же тебя вырвет — а с тобой в этом отношении все в порядке.

— Я наркоманка.

— Ну да, конечно, ты женщина с хоботом. Мы наденем тебе на голову мешок и будем прогонять с дороги маленьких детей.

Если бы красота обладала массой и энергией, то квартира Сьюзен вполне могла бы разлететься на части. Миниатюрная зеленоглазая пепельная блондинка с изящными и четкими, как у классической скульптуры, чертами лица, с кожей, столь же безупречной, как у персика с дерева из Райского сада. Когда она проходила по улицам, все мужчины оборачивались, пренебрегая опасностью свернуть себе шеи.

— На мне лопается эта юбка. Я ужасно растолстела.

— Ты просто натуральный воздушный шар, — язвительно подхватила Марти. — Аэростат. Не женщина, а дирижабль.

Хотя полудобровольное заключение, которому подвергала себя Сьюзен, не оставляло ей возможности ни для каких физических упражнений, кроме уборки и длительных занятий на тренажере в спальне, она оставалась все такой же стройной.

— Я потолстела больше чем на фунт, — настаивала Сьюзен.

— Боже мой, тебе необходима срочная операция по удалению жира! — воскликнула Марти, вскакивая с дивана. — Я возьму твой плащ. Мы позвоним из автомобиля пластическому хирургу и скажем ему, чтобы он захватил с собой самый большой из своих насосов и откачал из тебя все твое сало.

В коротком коридоре, который вел в спальню, находился платяной шкаф, закрытый парой сдвижных зеркальных дверей. Подойдя к ним, Марти почувствовала напряжение и приостановилась, обеспокоенная, не одолеет ли ее вновь тот же самый необъяснимый страх, который она уже испытывала сегодня.

Ей нужно было сохранять контроль над собой. Сьюзен нуждалась в ней. Если она вновь впадет в лунатизм, то ее волнение усилит тревоги Сьюзен, а потом их с подругой страхи, взаимодействуя, могут начать подхлестывать друг друга.

Когда она подошла к зеркалу выше человеческого роста, в нем не оказалось ничего, что могло бы заставить ее сердце тревожно забиться. Она заставила себя улыбнуться, но улыбка получилась деланой. Потом она встретилась глазами со своим отражением и сразу же отвела взгляд в сторону и отодвинула высокую дверь.

Снимая плащ с вешалки, Марти впервые подумала, что ее недавние странные приступы страха могли быть следствием постоянного и длительного общения со Сьюзен в течение прошлого года. Нет ничего невозможного в том, чтобы перенять немного беспричинного беспокойства, когда ты постоянно общаешься с женщиной, страдающей от настоящей психической фобии.

От стыда лицо Марти покрылось легким румянцем. Даже простая мысль о такой возможности казалась жестоким суеверием и была совершенно несправедливой по отношению к бедной Сьюзен. Психические страхи не бывают заразными.

Отвернувшись от дверцы шкафа, а затем повернувшись обратно, чтобы закрыть ее, Марти подумала о том, какой физиологический термин можно было бы использовать для того, чтобы обозначить боязнь собственной тени. Боязнь открытого пространства, одолевавшая Сьюзен, называлась агорафобией. Но тень?… Зеркало?…

Марти уже вышла из коридора в гостиную и лишь тогда осознала, что закрыла дверцу шкафа, стоя к ней спиной, чтобы избежать необходимости снова взглянуть в зеркало. Пораженная тем, что ее поступками управляла такая неосознанная неприязнь к этому предмету, она даже мельком подумала о том, чтобы вернуться к шкафу и взглянуть в зеркало.

Сьюзен, сидя в кресле, смотрела на нее.

Зеркало могло и подождать.

Распахнув перед собой плащ, как это делают швейцары, когда подают одежду, Марти подошла к подруге.

— Вставай, одевайся, и двинемся.

Сьюзен с несчастным видом вцепилась в подлокотники кресла. Ей было чрезвычайно трудно расстаться со своим святилищем.

— Не могу.

— Вспомни, что если ты не отменяешь сеанс за сорок восемь часов, то должна его оплачивать.

— Я могу себе это позволить.

— Нет, не можешь. У тебя нет никаких доходов.

Единственным психическим заболеванием, которое могло бы погубить карьеру Сьюзен как агента по продаже недвижимости еще вернее, чем агорафобия, была бы, пожалуй, лишь неконтролируемая пиромания. Она с полным основанием чувствовала себя в безопасности, показывая клиентам любое строение изнутри, но, когда требовалось выйти наружу, чтобы перейти из одного здания в другое, ее охватывал такой парализующий ужас, что она была просто не в состоянии двигаться.

— Я получаю арендную плату, — возразила Сьюзен, имея в виду тот ежемесячный чек, который ей вручали обитавшие внизу пенсионеры, любители попугаев.

— Она вовсе не покрывает того, что ты платишь по закладной, налогов, коммунальных услуг и технического обслуживания дома.

— У меня есть акции…

«Которые могут в конечном счете оказаться для тебя единственным спасением от полной нищеты, если ты не одолеешь эту проклятую фобию». Марти подумала так, но не могла бы заставить себя произнести эти слова вслух, даже если бы была уверена, что эта страшная перспектива сможет заставить Сьюзен подняться из кресла.

Выпятив хрупкий подбородок с неубедительным выражением смелого вызова, Сьюзен продолжала:

— Кроме того, Эрик высылает мне чеки.

— Это совсем немного. Разве что на карманные расходы. И раз уж эта свинья разводится с тобой, то очень может быть, что вскоре ты уже ничего не будешь получать от него, при том что при вступлении в брак твоя доля в имуществе была гораздо больше, чем у него, а детей у вас нет.

— Эрик не свинья.

— Извини меня за то, что я не совсем слепая. Он — свинья!

— Марти, ну будь хорошей…

— Я лучше буду сама собой. Он — скунс.

Сьюзен явно была настроена на то, чтобы избежать жалости к себе и слез, хотя они и выглядели чрезвычайно привлекательно, но еще больше ей хотелось впасть в гнев, который был не столь очаровательным.

— Просто он был настолько расстроен, когда видел меня… в таком состоянии. Он не мог больше выдержать этого.

— Ах, бедная чувствительная деточка! — воскликнула Марти. — И полагаю, что он был слишком обеспокоен, чтобы помнить ту часть брачных обетов, где идет речь о болезни и здоровье.

Марти по-настоящему гневалась на Эрика, хотя ей и приходилось делать усилие для того, чтобы постоянно поддерживать в себе этот гнев, как костер. Он всегда был тихим, скромным и приятным в обращении, и, несмотря на то что он бросил жену, его было трудно ненавидеть. Но все же Марти слишком сильно любила Сьюзен, и хотя в душе не могла по-настоящему презирать Эрика, но была уверена в том, что гнев поможет Сьюзен настроиться и укрепиться в борьбе против агорафобии.

— Если бы у меня был рак или что-нибудь вроде того, то Эрик был бы здесь, — сказала Сьюзен. — Я ведь не по-настоящему больна, Марти. Я — сумасшедшая, вот я кто.

— Ты не сумасшедшая! — возмутилась Марти. — Фобии и приступы беспокойства вовсе не то же самое, что безумие.

— Я чувствую себя безумной. Я чувствую, что все это совершенный бред.

— Он не пробыл с тобой и четырех месяцев после того, как все это началось. Он свинья, скунс, хорек и даже еще хуже.

Эта тяжелая часть каждого визита, которую Марти называла про себя *фазой извлечения* , была трудна для Сьюзен, но для Марти она являлась самой настоящей пыткой. Чтобы вытащить свою упрямую подругу из дома, ей самой приходилось быть твердой и неуступчивой. И хотя эта твердость была порождением большой любви и сострадания, она чувствовала себя так, словно запугивала Сьюзен. Бычья настойчивость, даже и с самыми добрыми намерениями, вовсе не соответствовала характеру Марти, и по завершении этого ужасного четырех- или пятичасового испытания она возвращалась домой в Корону-дель-Мар в состоянии полнейшего физического и эмоционального истощения.

— Суз, ты красивая, добрая и достаточно сильная для того, чтобы прогнать эту пакость. — Марти помахала в воздухе плащом. — А теперь оторви свою попку от кресла.

— Почему доктор Ариман не может сам приходить ко мне на эти сеансы?

— Выходить из дома дважды в неделю — это часть лечения. Ты же знаешь теорию — погружение в ту самую обстановку, которой боишься. Вроде прививки.

— Это не помогает.

— Пойдем.

— Мне становится только хуже.

— Вставай, вставай.

— Это так жестоко, — продолжала протестовать Сьюзен. Отпустив подлокотники, она, сжав кулаки, уперлась руками в бедра. — Чертовски жестоко.

— Ты нытик.

Она уставилась в лицо Марти.

— Порой ты бываешь самой настоящей сукой.

— Да, я такая. Если бы Джоан Кроуфорд существовала на самом деле, я вызвала бы ее на бой на проволочных плечиках и просто *растерзала* бы ее.

Сьюзен рассмеялась, потом помотала головой и поднялась с кресла.

— Просто не могу поверить, что я сказала тебе такое. Прости меня, Марти. Я не знаю, что делала бы без тебя.

Держа плащ, пока Сьюзен продевала руки в рукава, Марти сказала:

— Будь хорошей девочкой, и, когда будем возвращаться от доктора, мы зайдем в большой китайский ресторан, возьмем с собой две бутылки «Циндао» к ленчу, а потом будем вдвоем играть в пинакль по пятьдесят центов за очко.

— Ты и так уже должна мне больше шестисот тысяч долларов.

— Так перебей мне ноги. Карточные долги нельзя востребовать по закону.

Сьюзен выключила все лампы, кроме одной, взяла с кофейного столика сумочку и пошла вместе с Марти к выходу из квартиры.

Когда они проходили через кухню, Марти обратила внимание на зловещий предмет, лежавший на разделочной доске рядом с раковиной. Это был нож-меццалуна, классический инструмент итальянской кухни, его лезвие из нержавеющей стали было изогнуто в форме полумесяца, а на каждом конце было по ручке, так что этот нож можно было быстро качать взад и вперед, нарезая продукты любым требующимся образом.

Свет лампы, казалось, шипел на сверкающем лезвии, словно электрический ток.

Марти не могла оторвать от ножа взгляд. Она даже не могла осознать, насколько сильно меццалуна загипнотизировала ее, пока не услышала удивленный вопрос Сьюзен:

— Что-нибудь случилось?

Горло Марти напряглось, язык во рту, казалось, распух. С заметным усилием она задала ответный вопрос, на который заранее знала ответ:

— Что это такое?

— А разве ты им никогда не пользовалась? Это великолепная штука. Им можно в один момент нарезать лук.

Вид ножа не вызвал у Марти такого всепоглощающего ужаса, как ее собственная тень и зеркало в ванной. Но, однако, она чувствовала сильное беспокойство, хотя и не была в состоянии объяснить свою странную реакцию на столь обычный кухонный предмет.

— Марти, с тобой все в порядке?

— Да, конечно. Пойдем.

Сьюзен повернула ручку замка, но не спешила открыть дверь кухни. Марти положила руку на руку подруги, и они вдвоем потянули дверь внутрь, впустив холодный серый свет и колючий ветер.

Перспектива выхода за порог, в мир без крыши, лишила лицо Сьюзен всех его красок.

— Мы уже делали это сотни раз, — успокаивала ее Марти. Сьюзен вцепилась в дверной косяк.

— Я не могу идти туда.

— Ты пойдешь, — настаивала Марти.

Сьюзен попыталась возвратиться на кухню, но Марти преградила ей дорогу.

— Пропусти меня, это слишком тяжело, это *мучение* .

— Для меня это тоже мучение, — твердо возразила Марти.

— Вот дерьмо! — Отчаяние лишило лицо Сьюзен изрядной части его красоты, а зеленые, как заросли джунглей после дождя, глаза потемнели от панического страха. — Ты ходишь туда, тебе это нравится… Ты сумасшедшая.

— Нет, я нормальная. — Марти уперлась в косяки обеими руками, не давая подруге вернуться в квартиру. — Я нормальная сука, а ты ненормальная сука.

Внезапно Сьюзен перестала толкать Марти и вцепилась в ее руку в поисках поддержки.

— Проклятье, я хочу в эту китайскую забегаловку.

Марти позавидовала Дасти: у него самым большим беспокойством по утрам было, насколько долго не будет дождя и успеет ли за это время его команда что-нибудь сделать.

Тяжелые крупные капли дождя — сначала отдельными редкими ударами, но с каждой секундой все настойчивее — загремели по крыше крыльца.

Наконец они вышли за порог, наружу. Марти потянула на себя дверь и заперла ее на ключ.

Фаза извлечения была позади. Правда, впереди ждало гораздо худшее, и Марти была не в состоянии предвидеть наступающее.

ГЛАВА 6

Скит неудержимо бежал вниз по крутой крыше к краю, стремясь попасть в точку, откуда он наверняка свалится на тротуар, о который можно раскроить череп, а не на матрасы. Он скакал по выпуклым оранжево-коричневым плиткам, напоминая при этом ребенка, который торопится по мощеной площадке к продавцу мороженого, а Дасти мрачно трусил за ним.

Тем, кто наблюдал за ними снизу, должно было показаться, что на крыше находятся два одинаково ненормальных человека, которые договорились вместе совершить самоубийство.

Уже преодолев полпути к краю крыши, Дасти нагнал Скита, вцепился в него, сворачивая с выбранной тем траектории, и уже вместе с ним стал спускаться по совсем другой диагонали. Несколько черепиц сдвинулось под ногами, и крошки известкового раствора с грохотом посыпались в водосточный желоб. Из-за этих перекатывавшихся под ногами мелких обломков передвигаться по крыше было еще труднее, чем ходить по отполированной мраморной плите, — а помимо крошек раствора удерживаться на крыше мешал ежесекундно усиливавшийся дождь, склизкий лишайник и энергичный Скит, который радостно сопротивлялся, размахивая руками, пихаясь локтями и непрерывно хихикая по-детски. Незримая партнерша Скита по танцу, Смерть, казалось, наделила его сверхъестественной грацией и чувством равновесия, но вскоре Дасти упал, увлек Скита вниз за собой, и они, переплетясь, прокатились последние десять футов, возможно, к матрасам, а возможно, и нет — Дасти потерял ориентировку, — а потом перевалились через медный желоб, который издал густой звук, подобно натянутой басовой струне.

Пролетая в воздухе, как свинцовое грузило, выпустив из своих объятий Скита, Дасти успел подумать о Марти, о запахе чистоты, исходившем от ее черных шелковистых волос, об озорном изгибе ее улыбки, ее честном взгляде.

Тридцать два фута — это небольшая высота, всего-навсего три этажа, но ее вполне достаточно для того, чтобы расколоть любую самую упрямую голову, чтобы сломать спинной хребет с такой же легкостью, с какой ребенок ломает хрустящую сладкую соломку… Поэтому, когда Дасти почувствовал спиной мягкое прикосновение заблаговременно постеленных матрасов и подскочил на них, то возблагодарил бога. А потом он понял, что во время падения, когда каждая промелькнувшая с быстротой молнии мысль могла стать для него последней, его сознание было заполнено образом Марти, а бог пришел ему на ум уже потом.

Соренсоны покупали первоклассные матрасы: после падения на них у Дасти даже не перехватило дыхание.

Скит тоже рухнул в подготовленную усилиями Мазервелла огромную подушку. Теперь он лежал в том же положении, как и приземлился, уткнувшись лицом в пеструю атласную обшивку, сложив руки на затылке, словно был настолько хрупок, что даже падение на многослойную подстилку из мягкого хлопкового ватина, каучуковой пены и пышного до воздушности пуха раздробило его кости как яичную скорлупу.

Верхний матрас быстро намокал, и Дасти встал на четвереньки, подполз к Скиту и перевернул его на спину.

На левой щеке у мальчишки была ссадина, а в ямочке на подбородке — небольшой порез. Обе царапины были получены, вероятно, пока он катился по черепицам крыши; заметного кровотечения не было.

— Где я? — негромко спросил Скит.

— Совсем не там, где рассчитывал очутиться.

В бронзовых глазах мальчишки стал заметен темный налет страдания, которого Дасти не видел в течение тех безумных минут, проведенных на крыше.

— Это небеса?

— Они покажутся тебе хуже ада, подонок! — заявил Мазервелл. Наклонившись над Скитом, он схватил его за свитер и вздернул на ноги. Если бы в этот момент в небе сверкнула ослепительная молния и раздался гулкий удар грома, то Мазервелл вполне сошел бы за Тора, скандинавского бога бури. — Прочь из моей бригады, не желаю больше тебя видеть, безнадежный наркоман!

— Полегче, полегче, — вмешался Дасти. Он поднялся на ноги и сошел с матраса.

Мазервелл, держа Скита примерно в футе над землей, уставился на Дасти.

— Босс, я говорю серьезно: или он уйдет, останется только как память, или же я не смогу больше работать с вами.

— Что ж, ладно. Но пока что поставь его на землю, Нед.

Однако Мазервелл, вместо того чтобы выпустить Скита, потряс его и, брызгая слюной, которой хватило бы для того, чтобы украсить рождественскую елку, крикнул ему в лицо:

— Почти весь наш заработок уйдет на то, чтобы купить новые матрасы, три новых *дорогих* матраса! Ты, кусок дерьма, хоть это можешь понять?!

Скит, обвисший в руках Мазервелла, даже не пытался сопротивляться. Он заявил:

— Я не просил тебя подкладывать матрасы.

— Я не собирался спасать *тебя* , говнюк.

— Ты всегда обзываешь меня, — обиженно сказал Скит. — Я ведь тебя никогда не обзываю.

— Ты — ходячий гнойник!

Мазервелл, как и все стрейт-эджеры, ограничивал себя во многом, но только не в проявлениях возмущения. Дасти восхищался теми усилиями, которые они прилагали, чтобы вести чистую жизнь в грязном мире, унаследованном ими, и он понимал их гнев, несмотря на то что порой уставал от него.

— Дружище, я люблю тебя, — сказал Скит Мазервеллу. — Я хотел бы, чтобы ты мог полюбить меня.

— Ты прыщ на заднице человечества, — прогремел Мазервелл, отбрасывая Скита в сторону, как мешок с мусором.

Скит чуть не врезался в проходившего мимо Фостера Ньютона. Когда парень шлепнулся на дорожку, Пустяк приостановился, поглядел на Дасти, сказал: «Увидимся утром, если не будет дождя», — переступил через Скита и направился к своему автомобилю, стоявшему у обочины. Он все так же с отсутствующим видом продолжал слушать через наушники какую-то радиопередачу, словно ему каждый день на работе приходилось видеть, как люди прыгают с крыш.

— Какой беспорядок, — сообщил Нед Мазервелл, хмуро глядя на промокшие матрасы.

— Я должен проследить за тем, чтобы он пришел в себя, — сказал Дасти Мазервеллу, помогая Скиту подняться на ноги.

— Я здесь все сделаю, — заверил его Мазервелл, — только убери с моих глаз эту чертову поганую мразную вонючку.

Пока они шли по омытой дождем огибавшей дом дорожке до улицы, Скит все сильнее опирался на Дасти. Недавняя лихорадочная энергия, порожденная то ли наркотиками, то ли перспективой успешного самоуничтожения, покинула его, и он был теперь разбитым от усталости и чуть не засыпал на ходу.

Когда они подошли к белому «Форду»-фургону Дасти, позади них возник охранник.

— Я должен буду подать рапорт обо всем этом.

— Да? И кому?

— Исполнительному правлению ассоциации домовладельцев. И копию — в компанию по управлению собственностью.

— Надеюсь, они не станут расстреливать мне коленные чашечки из дробовика, — предположил Дасти, подталкивая Скита к фургону.

— Нет, они никогда не следуют моим советам, — в тон ему откликнулся охранник, и Дасти был вынужден пересмотреть свою оценку этого человека.

Скит вдруг вышел из ступора и предупредил:

— Дасти, они захотят вынуть из тебя душу. Я знаю этих ублюдков.

Охранник сказал из-под водяной вуали, свисавшей с козырька его форменной фуражки:

— Они могут внести тебя в список тех нежелательных подрядчиков, с которыми они не хотели бы больше иметь дела в своем районе. Но, вероятнее всего, они ограничатся тем, что потребуют, чтобы ты никогда больше не вводил в их ворота этого парня. Кстати, как его полное имя?

— Брюс Уэйн, — сообщил Дасти, распахивая пассажирскую дверцу фургона.

— А мне показалось, что-то вроде «Скит».

— Это всего-навсего прозвище, — пояснил Дасти, подсаживая Скита в фургон; это была правда, но тем не менее *не полная* .

— Мне нужно будет посмотреть его удостоверение личности.

— Я привезу его позже, — пообещал Дасти, захлопывая дверь, — а сейчас я должен доставить его к доктору.

— Он получил травмы? — спросил охранник; он вслед за Дасти прошел вокруг фургона к водительской двери.

— С ним случилась авария, — ответил Дасти, устраиваясь за рулем, и закрыл дверь.

Охранник постучал в окно.

Держа правой рукой ключ зажигания, Дасти левой опустил окно и спросил:

— Ну, что?

— Вы, конечно, не можете называться «ударный отряд», но и «команда» для вас не подходит. Лучше назови все это «цирк» или «тарарам».

— А ведь верно, — согласился Дасти. — Ты мне нравишься.

Охранник улыбнулся и прикоснулся кончиками пальцев к козырьку своей промокшей фуражки.

Дасти поднял стекло в окне, включил «дворники» и покатил прочь от дома Соренсонов.

ГЛАВА 7

Спускаясь по наружной лестнице из своей квартиры на третьем этаже, Сьюзен Джэггер держалась с внутренней стороны и не отрывала правой руки от дощатой обшивки дома, словно пытаясь тем самым уверить себя в том, что убежище находится совсем рядом, а левой рукой судорожно цеплялась за руку Марти. Она опустила голову и пристально глядела на носки своих туфель, спускаясь по десятидюймовым ступенькам с такой же осторожностью, с какой преодолевала бы высокую отвесную гранитную скалу.

Сьюзен была ниже ростом, чем Марти, к тому же ее лицо пряталось под капюшоном, но

Марти с погожих дней хорошо запомнила облик подруги и потому точно знала, как та должна была сейчас выглядеть. Совершенно белая от потрясения. Стиснутые челюсти, мрачный рот. В ее зеленых глазах явственно читался испуг, словно она увидала призрак и ожидала вот-вот встретиться с ним снова; однако в этом случае единственным призраком был ее прежде такой жизнелюбивый дух, убитый теперь агорафобией.

— Что-то не так с воздухом? — нервно не то спросила, не то заявила Сьюзен.

— Все в порядке.

— Трудно дышать, — пожаловалась Сьюзен. — Воздух какой-то густой. И пахнет странно. Забавно.

— Это просто влажность. А пахнет от меня. Новыми духами.

— От тебя? Духами?

— У меня тоже есть девчачьи закидоны.

— Мы у всех на виду, — с ужасом сказала Сьюзен.

— До автомобиля идти совсем недалеко.

— Здесь может произойти что угодно.

— Ничего не произойдет.

— Нам совершенно негде укрыться.

— Нам не от чего прятаться.

Даже религиозные песнопения, устоявшиеся в своей неизменности в течение пятнадцати веков, вряд ли были более жестко структурированы, чем эти беседы, происходившие два раза в неделю по дороге к психотерапевту и обратно.

Когда они добрались до нижних ступенек лестницы, дождь разразился с новой силой. Он гремел по листьям растений в кадках, стоявших в патио, звонко стучал по кирпичной мостовой.

Сьюзен наотрез отказалась выходить за угол дома. Марти обняла ее за талию.

— Если хочешь, обопрись на меня.

Сьюзен последовала предложению.

— Здесь все такое странное, совсем не такое, как обычно.

— Ничего не изменилось. Это просто шторм.

— Это новый мир, — возразила Сьюзен. — И совсем не прекрасный.

Марти слегка пригнулась, чтобы невысокой подруге было удобнее держаться за нее. Прижавшись друг к дружке, они шли через этот новый мир. Теперь они двигались торопливо, так как Сьюзен стремилась поскорее оказаться в сравнительно замкнутом пространстве автомобиля. Но при этом они то и дело останавливались из-за того, что она была подавлена, чуть ли не раздавлена бесконечной пустотой, развернувшейся над головой. Женщин хлестал ветер, бичевали струи дождя. Укрывшиеся под капюшонами, в развевавшихся плащах, они напоминали двух монахинь в полном облачении, разыскивающих святилище, чтобы укрыться в нем от начинающегося Армагеддона.

Вероятно, на Марти подействовали порывы усиливавшегося шторма или же болезненное беспокойство подруги, а может быть, и то и другое вместе. Во всяком случае, пока они резкими бросками продвигались вдоль аллеи к переулку, в котором она поставила свой автомобиль, она все больше и больше осознавала необычность этого дня, которую было очень легко почувствовать, но трудно осознать. Лужи на бетонной поверхности, как черные зеркала, кишели какими-то образами, настолько искаженными падающим дождем, что разобрать их истинное содержание было невозможно, но тем не менее они все же тревожили Марти. Раскачивавшиеся пальмы яростно клевали воздух своими ветвями, потерявшими ярко-зеленую расцветку и ставшими почти черными; ветер пронизывал их узкие листы с шипением, напоминавшим усиленный во много раз шелест мишуры, и этот звук вступал в резонанс с тем примитивным и безрассудным чувством, которое поселилось в глубинах глубин ее души. Справа от них раскинулся песчаный пляж, гладкий и бледный, как шкура какого-то огромного спящего животного, слева каждый дом, казалось, сражался со своим собственным штормом, а в пространстве между ними, словно в гигантском окне с видом на

океан, проносились бесцветные абрисы мутных облаков да деревья тяжело гнулись под напором ветра.

Марти была встревожена этим совершенно новым для нее ощущением неестественной угрозы, кроющейся в окружающем пейзаже, но куда сильнее ее беспокоила новая странность, которую она так неожиданно обнаружила в себе и которая, похоже, усиливалась под влиянием шторма. Ее сердце билось все чаще, подгоняемое иррациональным желанием сдаться колдовской энергии этой бешеной погоды. Внезапно она почувствовала, что боится какой-то темной силы, которую была не в состоянии определить: боится утратить контроль над собою, боится оказаться в полубессознательном состоянии, а по приходе в себя выяснить, что она сотворила нечто ужасное… Нечто отвратительное.

Вплоть до этого утра ее никогда не посещали такие причудливые мысли. Теперь же они непрерывно обуревали ее сознание.

Она вспомнила, что грейпфрутовый сок, который она выпила за завтраком, имел необычно кислый вкус, и спросила себя, не был ли он испорченным. Она не страдала расстройствами пищеварения и особой чувствительностью к качеству еды, но не могло ли быть так, что ее теперешнее состояние объяснялось действием пищевого отравления, которое почему-то повлияло скорее на ее умственное, а не физическое состояние.

Затем промелькнуло еще одно, даже более странное предположение. Испорченный сок мог оказаться причиной ее непонятного состояния не в большей степени, чем ЦРУ, которое передавало ей прямо в мозг какие-то команды с помощью микроволнового передатчика. Если бы она позволила себе и дальше двигаться по этой скользкой извилистой дорожке невероятных допущений, то, несомненно, очень скоро пришла бы к выводу о необходимости изготовить несколько затейливых шляп из алюминиевой фольги для защиты от дальнейшего промывания мозгов.

Пока они шли по прогулочной аллее и спускались по невысокой бетонной лестнице на узкую улицу, где стоял автомобиль, Марти получала не меньше сил от эмоциональной поддержки со стороны Сьюзен, чем та от нее, хотя и надеялась, что подруга не заметит этого или хотя бы не придаст этому значения.

Марти открыла пассажирскую дверь, помогла Сьюзен сесть в красный «Сатурн», обошла машину и села за руль.

Дождь барабанил по крыше, издавая холодные и гулкие звуки, наводящие на мысли о зловещем грохоте копыт, словно четыре Всадника Апокалипсиса — Мор, Война, Глад и Смерть — уже проносились неудержимым галопом по ближнему берегу.

Марти откинула с головы капюшон и принялась рыться сначала в одном кармане плаща, потом в другом, пока не выудила ключи.

Пристроившаяся рядом Сьюзен так и сидела с покрытой головой, склоненной на грудь, прижимая к щекам сжатые кулаки. Ее глаза были закрыты, а лицо напряженно застыло, словно уютный «Сатурн» представлял собой одну из тех гидравлических машин, которые прессуют автомобили в аккуратные трехфутовые кубы.

Внимание Марти сосредоточилось на автомобильном ключе. Она постоянно пользовалась им, но сейчас этот безобидный предмет вдруг показался ей злобным и острым (прежде такого никогда не было). Зазубренная бородка опасно напомнила ей пилку хлебного ножа, а следом на память пришел нож-меццалуна из кухни Сьюзен.

Этот простой ключ был потенциальным оружием. Невероятно, но в мыслях Марти замелькали образы кровавых ран, которые мог бы нанести автомобильный ключ.

— Что-то случилось? — спросила Сьюзен, хотя она все так же не открыла глаз.

Вставив ключ в зажигание и стараясь при этом скрыть охватившую ее душевную сумятицу, Марти ответила:

— Я не сразу нашла ключ. Ну а сейчас все в порядке. Вот он. Двигатель сразу же запустился. Теперь Марти предстояло пристегнуться, но ее руки так тряслись, что пластмассовая защелка и металлический язычок на ремнях безопасности исполнили дробь, как зубы перепуганного человека (которым она, в сущности, и являлась), прежде чем замок

наконец защелкнулся.

— А что, если со мной здесь что-нибудь случится и я не смогу добраться домой? — волновалась Сьюзен.

— Я позабочусь о тебе, — ответила Марти, хотя, учитывая ее собственное странное настроение, обещание могло оказаться пустым звуком.

— А если с тобой что-нибудь случится?

— Со мной ничего не может случиться, — поклялась Марти, включая «дворники» на ветровом стекле.

— С каждым может что-нибудь случиться. Посмотри, что случилось со мной.

Марти отъехала от тротуара и в конце короткой улицы свернула налево, на бульвар Бальбоа.

— Держись. Скоро ты окажешься в кабинете доктора.

— Не окажусь, если с нами произойдет несчастный случай, — раздраженно заявила Сьюзен.

— Я хорошо вожу машину.

— Автомобиль может сломаться.

— Автомобиль у меня прекрасный.

— Идет сильный дождь. Если улицы затопит…

— А может быть, нас похитят огромные марсианские слизняки, — прервала ее Марти, — утащат на свою базу и заставят жить с отвратительными спрутами, чтобы вывести новую расу.

— Но ведь здесь, на полуострове, улицы иногда затопляет, — уперлась Сьюзен.

— А еще в это время года около пирса прячется снежный человек и откусывает головы неосторожным прохожим. Будем надеяться, что *там* машина не испортится.

— Ты — испорченная женщина, — обвиняюще заметила Сьюзен.

— Я ужасна, как сам черт, — подтвердила Марти.

— Жестокая. Ты. Вот так!

— Я просто отвратительная.

— Отвези меня домой.

— Нет.

— Я тебя ненавижу.

— А я тебя все равно люблю, — отозвалась Марти.

— Пропади все пропадом, — жалобно сказала Сьюзен, — я тебя тоже люблю.

— Держись.

— Это так трудно.

— Я понимаю, моя хорошая.

— А если кончится бензин?

— У нас полный бак.

— Я здесь задыхаюсь. Я не могу *дышать* .

— Суз, ты дышишь.

— Но воздух здесь такой… затхлый. У меня болит в груди. Сердце.

— А у меня колючая заноза в заднице, — взорвалась Марти. — Угадай, как ее зовут.

— Ты просто сука.

— Это мы уже знаем.

— Я тебя ненавижу.

— А я тебя люблю, — терпеливо сказала Марти.

Сьюзен расплакалась, закрыв лицо руками.

— Я не могу так больше.

— Это скоро пройдет.

— Я сама себя ненавижу.

— Не говори так, — нахмурилась Марти. — Никогда не говори.

— Я ненавижу то, во что превратилась. Ненавижу это испуганное дрожащее существо,

которым я стала.

Глаза Марти затуманились от слез жалости. Она принялась неистово моргать.

Со стороны холодного Тихого океана шли новые и новые массы черных облаков, они все плотнее заполняли небо, и казалось, что это вернулась ночь и стремится заполнить собою этот унылый новый день. Пожалуй, все автомобили, двигавшие на север по Пасифик-Коаст-хайвей, включили фары, и мокрый черный асфальт сверкал серебром в их свете.

Ощущение подкрадывающейся неестественной угрозы, возникшее было вновь в сознании Марти, прошло. В дождливом дне больше не мерещилось ничего странного. Теперь в ее восприятии мир был настолько щемяще красивым, настолько *верным* в каждой его детали, что хотя она больше не боялась ничего в нем, но ужасно страшилась потерять его.

Сьюзен сказала с отчаянием в голосе:

— Марти, ты можешь вспомнить меня… такой, как я была прежде?

— Да. Очень четко.

— А я не могу. Бывают дни, когда я не могу вспомнить себя иной, лишь такой, какая я сейчас. Я боюсь, Марти. Не только выходить наружу, из дома. Я боюсь… всех тех лет, которые мне предстоят.

— Мы пройдем через эти годы вместе, — уверила ее Марти, — и увидишь, там будет много хороших лет.

Вдоль шоссе, ведущего на Фэшион-айленд, к роскошным магазинам и деловому центру Ньюпорт-Бич, росли мощные финиковые пальмы. Под напором ветра деревья потрясали своими густыми зелеными гривами, словно прайд рассерженных львов, изготовившихся издать оглушительный рев.

Доктор Марк Ариман арендовал помещения на четырнадцатом этаже одного из зданий, возвышавшихся над просторно раскинувшейся площадью, которую занимали магазины. Переход Марти и Сьюзен от стоянки автомобилей до вестибюля, напоминавшего пещеру из полированного гранита площадью в несколько акров[1], а затем по его просторам в лифт оказался намного легче, чем путешествие из мирной Хоббитании в ужасный Мордор, страну Врага всего сущего, которое совершил Фродо для того, чтобы уничтожить Кольцо Всевластия[2], но Марти тем не менее испытала огромное облегчение, когда двери закрылись и кабина с легким мурлыканьем двинулась вверх.

— Почти безопасно, — пробормотала Сьюзен, вглядываясь в табло над дверью, где торопливо сменялись цифры, указывая на приближение к четырнадцатому этажу, где в святилище уже дожидались ее появления.

Хотя кабина лифта была полностью закрыта и они находились в ней лишь вдвоем с Марти, Сьюзен никогда не чувствовала себя в ней в безопасности. Поэтому Марти обнимала подругу одной рукой за плечи. Она знала, что в болезненном восприятии Сьюзен и клетушка, в которой они поднимались на четырнадцатый этаж, и коридоры, куда они попадали из нее, даже комната, где приходилось несколько минут дожидаться приема у психиатра, — все это были враждебные территории, скрывавшие бесчисленные угрозы. Любое общественное место, неважно, насколько оно было маленьким и укрытым от внешнего пространства, представляло собой открытое место в том смысле, что там в любое время мог появиться кто угодно. Она ощущала себя в безопасности только в двух местах: в своем доме на полуострове и в частной лечебнице доктора Аримана, где ее не беспокоила даже драматическая панорама побережья, разворачивавшаяся в окне.

— Почти безопасно, — повторила Сьюзен, когда двери лифта скользнули в стороны, выпустив их на четырнадцатый этаж.

Как ни странно, Марти вновь вспомнила о Фродо, герое «Властелина Колец». Фродо — в туннеле, где находился тайный вход в Мордор. Его противник — ужасный паукообразный монстр Шелоб. Фродо, ужаленный чудовищем, кажется мертвым, но на самом деле лишь

---

1 Акр — 0,4 га, т.е. 40 соток.

2 Этому путешествию посвящена знаменитая сказочная трилогия английского писателя Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин Колец», уже упоминавшаяся в романе.

парализован, и Шелоб прячет его в укромный уголок, чтобы сожрать попозже.

— Пойдем, ну пойдем же, — порывисто прошептала Сьюзен. Впервые после выхода из квартиры она почувствовала стремление куда-то двигаться.

Удивительно, но Марти захотелось затащить подругу назад в кабину, спуститься в вестибюль и вернуться в автомобиль.

Вновь она ощутила тревожную странность окружавшей ее обыденной обстановки, словно это была на самом деле не бесхитростная лифтовая кабина, какой казалась, а мрачный темный туннель, где Фродо со своим спутником Сэмом Скромби прорывались сквозь тенета гигантского многоглазого паука.

Услышав слабый звук за спиной, она со страхом обернулась, почти уверенная, что увидит сливающийся с темнотой силуэт монстра. Нет, это, шурша, закрылись двери лифта, только и всего.

В ее воображении прорвалась мембрана, разделяющая измерения, и мир Толкиена принялся упорно просачиваться в Ньюпорт-Бич. Она долго и старательно трудилась над адаптацией компьютерной игры. Не могло ли получиться так, что из-за усталости и непреодолимого стремления воздать должное «Властелину Колец» вымысел английского профессора смешался в ее сознании с действительностью?

Нет. Не то. Правда была чем-то не столь фантастическим, хотя и не менее странным.

Затем Марти заметила свое отражение, мелькнувшее в стеклянной панели, прикрывавшей нишу в стене, где был спрятан пожарный гидрант. Она сразу же отвернулась, ошарашенная неприкрытым беспокойством, которое успела заметить в лице своего зеркального двойника. Черты собственного лица показались ей какими-то изломанными, с глубоко прорезанными смеховыми морщинками, рот напоминал шрам, а глаза — две раны. Но не это несимпатичное выражение лица заставило ее поскорее отвести взгляд. Что-то другое, худшее. Что-то, чему она просто не могла найти имени.

Что со мною происходит?

— Пойдем же, — сказала Сьюзен, настойчивее, чем прежде. — Марти, что случилось? Пойдем.

Марти неохотно направилась вслед за подругой прочь от лифта. Они повернули налево по коридору.

Сьюзен получала силы из своей мантры: «Почти безопасно, почти безопасно», — а Марти вовсе не находила в ней успокоения.

ГЛАВА 8

Дасти вел машину по дороге, ведущей с ньюпортских холмов в низину. Ветер срывал с деревьев мокрые листья, в полузабитые уличные водостоки низвергались мутные водопады.

— Я промок. Мне холодно, — ныл Скит.

— Мне тоже. К счастью, мы высокоорганизованные приматы, и у нас есть множество всяких штучек. — Дасти включил обогреватель.

— Я все испортил, — продолжал бормотать Скит.

— Кто, ты?

— Я всегда все порчу.

— У каждого есть свой особый талант.

— Ты очень злишься на меня?

— В данный момент я смертельно устал от тебя, — честно сознался Дасти.

— Ты ненавидишь меня?

— Нет.

Скит вздохнул и съехал пониже на сиденье. Сейчас, когда его ненормальное возбуждение прошло и наступил резкий спад, а от одежды поднимался легкий парок, он больше походил на груду выстиранного белья, чем на человека. Его покрасневшие опухшие

веки смыкались сами собой, рот был приоткрыт. Он, казалось, спал.

Небо цвета головешки нависало все ниже. Дождевые струи не сверкали серебром, как обычно, а были темными и грязными, будто природа, как уборщица, выжимала воду из грязной тряпки. Дасти ехал на юго-восток, из Ньюпорт-Бич в город Ирвин. Он надеялся, что в клинике «Новая жизнь», центре по реабилитации наркоманов и алкоголиков, найдется свободное место.

Скит проходил лечение дважды; последний раз, шесть месяцев тому назад, он побывал именно в «Новой жизни». Вышел он оттуда здоровым на вид и искренне собирался вести нормальную жизнь. Тем не менее через некоторое время после курса лечения он вновь скатился к прежнему.

Правда, до сих пор он еще ни разу не предпринимал попыток самоубийства. Но, возможно, осознав глубину кризиса, в котором оказался, он смог бы понять, что ему предоставляется последний шанс.

Не поднимая головы, неразборчиво из-за того, что его подбородок был прижат к груди, Скит пробормотал:

— Извини… там, на крыше. Извини, я забыл, кто твой отец. Доктор Декон. Это потому, что мне так плохо.

— Все нормально. Я большую часть жизни пытался выкинуть его из памяти.

— А ты помнишь *моего* отца, готов поспорить.

— Доктор Холден Колфилд, профессор литературы.

— Он настоящий ублюдок, — объявил Скит.

— Все они такие. К матери всегда клеились всякие ублюдки.

Скит медленно поднял голову, словно это была колоссальная тяжесть и ее ворочали мощные гидравлические подъемники.

— А ведь Холден Колфилд даже не его настоящее имя.

Дасти притормозил перед красным светофором и скептически взглянул на Скита. Имя героя романа «Над пропастью во ржи» казалось ему слишком стандартным для того, чтобы быть вымышленным.

— Он официально сменил его, когда ему исполнился двадцать один год, — объяснил Скит. — Его настоящее имя — Сэм Фарнер.

— Это ты болтаешь просто так или это правда?

— Правда, — ответил Скит. — Папаша старого Сэма был профессиональным воякой. Полковник Томас Джексон Фарнер. А мамаша, Луанна, работала в детском саду. Старый Сэм расплевался с ними — после того, как полковник и Луанна протащили его через колледж, и после того, как Сэм получил степень магистра. А если бы ему нужно было учиться дальше, то он выждал бы еще и ни за что не разругался бы со стариками, пока они не расплатятся за его образование.

Дасти знал отца Скита — псевдо-Холдена Колфилда, — и знал его слишком даже хорошо, потому что претенциозный ублюдок был его отчимом. Тревор Пени Родс, отец Дасти, был вторым из четверых мужей их матери, а Холден Сэм Колфилд-Фарнер — третьим. С неполных четырех лет Дасти до полных четырнадцати этот самозванец, якобы голубых кровей, держал в руках бразды правления его семейства, проявляя вполне достаточно высокомерного осознания своего божественного права, авторитарного рвения и антиобщественной свирепости для того, чтобы заработать похвалу от Ганнибала Лектера.

— Он говорил, что его мать была профессором в Принстоне, а отец — в Рутгерсе. Все эти истории…

— Это не биография, — настаивал Скит, — а просто сляпанная между делом легенда.

— А их трагическая смерть в Чили?…

— Еще одна ложь. — В налитых кровью глазах Скита горел жестокий свет, скорее всего, это была месть. На какое-то мгновение мальчишка показался Дасти вовсе не печальным, подавленным и изможденным, а, наоборот, охваченным диким, с трудом сдерживаемым ликованием.

— Неужели у него были такие сильные разногласия с полковником Фарнером, что он решил сменить имя?

— Я думаю, что ему просто нравился роман Сэлинджера. Дасти был поражен.

— Возможно, ему действительно нравился роман, но понимал ли он его? — Впрочем, это был риторический вопрос. Отец Скита был персоной такой же мелкой, как и микроскопические обитатели чашек Петри; его охватывали один за другим недолговечные порывы энтузиазма, причем все они были столь же вредоносные, как сальмонелла. — Ну, кто мог бы захотеть на самом деле *стать* Холденом Колфилдом?

— Сэм Фарнер, мой добрый старый папочка. И, готов держать пари, это не повредило университетской карьере этого ублюдка. При выбранном им направлении работы это имя, наверно, делало его незабываемым.

Позади загудел автомобиль. Сигнал светофора сменился с красного на зеленый. Их машина продолжила свой путь к «Новой жизни».

— И где ты все это узнал? — поинтересовался Дасти.

— Начал с Интернета. — Скит сел более прямо и отбросил костлявыми руками влажные волосы с лица. — Сначала я проверил списки преподавателей в Рутгерсе по их веб-сайту. Всех, кто там хоть когда-нибудь преподавал. А потом в Принстоне. Ни там, ни там не было преподавателей с такими именами, как у его родителей. Его *вымышленных* родителей, я хочу сказать.

Скит принялся рассказывать о тех сложных действиях, которые ему пришлось предпринять, чтобы выяснить такую простую правду о своем отце. В его голосе отчетливо слышалась гордость. Для проведенного им расследования требовались напряженная работа и изрядное приложение творческой мысли, не говоря уже о трезвой логике.

Дасти про себя восхищался тем, что этот хрупкий ребенок (он, несмотря ни на что, не мог воспринимать его иначе), обиженный жизнью, находящийся под пагубным гнетом своих собственных нездоровых склонностей и пристрастий, оказался в состоянии так глубоко и надолго сосредоточиться, чтобы выполнить эту сложную работу.

— Папаша моего папаши, полковник Фарнер, уже давно покойник, — продолжал Скит. — А Луанна, его мать, еще жива. Ей семьдесят восемь лет, и она живет в Каскаде, это штат Колорадо.

— Твоя бабушка, — задумчиво сказал Дасти.

— Еще три недели тому назад я не знал о ее существовании. Зато с тех пор уже дважды говорил с ней по телефону. Знаешь, Дасти, она кажется по-настоящему милой. Когда единственный сын отрезал их от себя, это разбило ей сердце.

— Но почему он это сделал?

— Из-за политических убеждений. Не спрашивай меня, что это значит.

— Он меняет свои убеждения чаще, чем носки, — сказал Дасти. — Тут дело в чем-то другом.

— Но Луанна ни о чем другом не говорит.

Гордость достигнутым, которая на некоторое время дала Скиту силы выпрямиться и оторвать подбородок от груди, быстро оказалась исчерпана. Вновь расслабившись, он съехал вниз по спинке сиденья и забился, как черепаха, в панцирь из своей измятой, промокшей под дождем одежды, пара и запаха влаги, которые исходили от нее.

— Ты не можешь позволить себе еще раз устроить для меня все это, — сказал Скит, когда Дасти заворачивал на стоянку около клиники «Новая жизнь».

— Не волнуйся об этом. У меня есть договоренность о двух серьезных работах. Кроме того, Марти выдумывает множество кошмарных смертей для орков и тому подобных монстров, а это принесет хорошенькую кучку долларов.

— Я не знаю, смогу ли выдержать эту программу еще раз.

— Сможешь. Ты сегодня утром спрыгнул с крыши. Да, черт возьми, пройти курс лечения в реабилитационной клинике для тебя должно быть не труднее, чем съесть пирожок.

Частная клиника располагалась в здании, которое очень подошло бы в качестве штаб-

квартиры преуспевающей компании мексиканских ресторанов быстрого питания. Это была двухэтажная гасиенда[1] с крытой арочной галереей на первом этаже и закрытыми балконами на втором, чересчур аккуратно украшенная королевскими фиолетовыми бугенвиллеями, упорядочение закрепленными на колоннах и поперек сводчатых проходов. Совершенство формы подчеркивалось здесь так настойчиво, что в результате получился совершенно игрушечный диснеевский замок; казалось даже, что все здесь, от травы до крыши, вырезано из пластмассы. Здесь даже грязный дождь мерцал, словно мишура.

Дасти остановил машину возле тротуара на площадке, предназначенной для прибывающих пациентов. Он выключил «дворники», но двигатель все еще продолжал работать.

— Ты рассказал ему о том, что узнал?

— Ты имеешь в виду моего доброго старого папочку? — Скит, закрыв глаза, помотал головой. — Нет. Хватит и того, что я сам об этом знаю.

По правде говоря, Скит и сейчас боялся профессора Колфилда, урожденного Фарнера, не меньше, чем прежде, когда был ребенком, — и, возможно, имел для этого достаточно веские основания.

— Каскад, штат Колорадо, — повторил Скит. Он произнес эти слова так, словно это было волшебное царство, обитель волшебников, грифонов и единорогов.

— Ты не хочешь поехать туда и познакомиться со своей бабушкой?

— Слишком далеко. И слишком трудно, — ответил Скит. — Я же теперь не могу водить машину. — Из-за многочисленных нарушений правил движения у него отобрали водительские права, и теперь он каждый день ездил на работу вместе с Пустяком Ньютоном.

— Послушай, — продолжал Дасти, — ты пройдешь курс, а потом я отвезу тебя в Каскад, чтобы ты смог увидеть свою бабушку.

Скит открыл глаза.

— Э, нет, парень, это опасно.

— Так ведь я неплохой водитель.

— Я хочу сказать, что люди всегда подводят. Кроме тебя и Марти. И Доминик. Она никогда не подводила меня.

Доминик была его сводной сестрой по матери от ее первого мужа. Она страдала от рождения болезнью Дауна и умерла в младенчестве. Никто из них никогда не видел ее, хотя Скит время от времени посещал ее могилу. Он называл ее «та, что вовремя смылась».

— Люди всегда подводят, — сказал он, — не следует ожидать от них слишком много.

— Ты сказал, что по телефону она показалась тебе милой. И, судя по всему, твой папаша презирает ее, а это хороший признак. Чертовски хороший. Кроме того, если она вдруг окажется чертовой бабушкой, то я буду там с тобой и перешибу ей копыта.

Скит улыбнулся. Он задумчиво смотрел сквозь залитое дождем ветровое стекло, но не на тот пейзаж, что разворачивался перед ним, а, вероятно, видел перед собой идеальный образ Каскада, штат Колорадо, который уже успел нарисовать в своих мыслях.

— Она сказала, что любила меня. Никогда не видела, но сказала, что это все равно.

— Ты ее внук, — сказал Дасти, выключая двигатель.

Глаза Скита, казалось, были не только отекшими и налитыми кровью, но и воспаленными, словно он видел слишком много того, что причиняло ему боль. Но улыбка на бледном, как снег, потерянном и изможденном его лице была теплой.

— Сводный брат считается половиной брата. А ты — целых полтора брата.

Дасти положил ладонь на тощий загривок Скита и притянул его к себе, пока они не соприкоснулись лбами. Так они просидели некоторое время, бровь к брови; ни один из них ничего не сказал.

Потом они вышли из фургона под холодный дождь.

---

1 Гасиенда — поместье; так же называется и помещичий дом в южных штатах США, Мексике и многих странах Южной Америки.

ГЛАВА 9

В приемной доктора Марка Аримана стояла пара полированных кресел из драгоценной сикоморовой древесины с черными кожаными сиденьями. Пол был из черного гранита. Такими же были и два приставных столика, на которых лежали пухлые экземпляры «Архитектурного обозрения» и «Ярмарки тщеславия». Стены гармонировали с медовым цветом сикомора.

Из произведений искусства помещение украшали лишь две картины в стиле «арт деко» — ночные городские пейзажи, напоминающие о ранних работах Джорджии О'Кифф.

Благородный стиль помещения оказывал удивительно успокаивающее воздействие. Как всегда, Сьюзен явно полегчало после того, как она переступила через порог приемной. Впервые начиная с выхода из квартиры она не испытывала потребности опираться на Марти. Она подняла голову, отбросила капюшон плаща и сделала несколько глубоких медленных вздохов, как будто только что вынырнула из глубин холодного озера.

Что удивительно, Марти тоже почувствовала определенное облегчение. То беспокойство, что волнами накатывало на нее и, похоже, не было связано с каким-либо определенным источником зла, несколько ослабло после того, как за подругами закрылась дверь приемной.

За окном регистратора находилась Дженнифер, секретарша доктора. Она говорила по телефону, сидя за столом, и помахала им рукой.

Беззвучно открылась внутренняя дверь, и из столь же хорошо обставленной комнаты, в которой он проводил свои психотерапевтические сеансы, вышел доктор Ариман. Впечатление было такое, будто он получил телепатический сигнал о прибытии своего пациента. Безупречно одетый, в темно-сером костюме фирмы «Вестимента», столь же элегантный, как и вся обстановка его лечебницы, он передвигался с легкостью и изяществом, которые обычно отличают профессиональных спортсменов.

Ему было, видимо, лет сорок с небольшим. Он был высок ростом, покрыт ровным загаром, с седоватыми волосами цвета «перец с солью», и выглядел в целом таким же красивым, как и на своих фотопортретах, украшавших пыльные суперобложки его бестселлеров по психологии. Хотя его карие глаза смотрели на собеседника необыкновенно прямо, взгляд их не был при этом ни агрессивным, ни вызывающим, ни по-клинически оценивающим, а очень теплым и успокаивающим. Доктор Ариман ничуть не походил внешне на отца Марти, но тем не менее в нем чувствовалась свойственная Улыбчивому Бобу приветливость, неподдельный интерес к людям и передающаяся другим уверенность в себе. Марти действительно считала, что в нем было нечто отеческое.

Он не стал расспрашивать Сьюзен о том, как та перенесла поездку от своего дома до его лечебницы, чтобы избежать малейшей опасности хоть намеком напомнить больной о ее агорафобии. Вместо этого он принялся красноречиво воспевать красоту шторма, как если бы ненастное утро было столь же ярким и жизнеутверждающим, как живопись Ренуара. Когда он описывал удовольствие от прогулки под дождем, в холоде и сырости, то казалось, что это занятие должно так же успокаивать душу, как и отдых на пляже в умеренно жаркий солнечный день.

Слушая его, Сьюзен сбросила плащ и вручила его Марти. Она начала улыбаться. Выражение беспокойства покинуло ее лицо, разве что в глазах затаились остатки напряжения. И когда она, сопровождаемая доктором Ариманом, покинула приемную и перешла в его кабинет, то двигалась уже не как старуха, а как молодая девушка, которую нисколько не пугает внушительный вид на побережье океана с четырнадцатого этажа, ожидавший ее за окнами.

То успокоительное воздействие, которое несколько мгновений общения с доктором оказали на Сьюзен, как всегда, произвело на Марти сильное впечатление. Она совсем было решила не говорить с ним о своем беспокойстве за подругу, но сразу же изменила свое

решение и, прежде чем он прошел вслед за Сьюзен в кабинет, спросила, не мог ли он уделить ей минуту-другую.

— Я сейчас же присоединюсь к вам, — сказал он Сьюзен и закрыл за ее спиной дверь.

Сделав бок о бок с Ариманом несколько шагов к середине комнаты, Марти сказала, понизив голос:

— Доктор, меня волнует ее состояние.

Улыбка психотерапевта действовала столь же успокаивающе, как кресло у домашнего очага и горячий чай со сладкими песочными коржиками.

— Дела у нее идут очень хорошо, миссис Родс. Я очень доволен и не мог бы даже ожидать лучшего.

— А не могли бы ей помочь какие-нибудь лекарства? Я читала, что антидепрессанты…

— В ее случае применение антидепрессантов было бы очень серьезной ошибкой. Наркотики — это не всегда выход, миссис Родс. Поверьте, если бы они пошли ей на пользу, я сразу же выписал бы рецепт.

— Но она находится практически в том же состоянии, что и шестнадцать месяцев тому назад.

Ариман вскинул голову и посмотрел на собеседницу так, словно подозревал, что она дразнит его.

— Вы на самом деле не заметили никаких изменений в ее состоянии, особенно за последние несколько месяцев?

— О нет. Множество. И, мне кажется… конечно, я никакой не специалист, не врач, но за последнее время Сьюзен, кажется, стало хуже. Намного хуже.

— Вы правы. Ей становится хуже, но это совсем не плохой признак.

— Не плохой? — переспросила вконец расстроенная и сбитая с толку Марти.

Ощущая глубину тревоги Марти, возможно интуитивно сознавая, что причины ее беспокойства кроются не только в волнении за судьбу подруги, доктор Ариман подвел ее к креслу и сам уселся рядом.

— Состояние агорафобии, — объяснил он, — почти всегда проявляется внезапно и крайне редко развивается постепенно. Интенсивность страхов при первом приступе расстройства бывает практически такой же, как и при каждом из следующей сотни. Так что, когда наблюдается изменение в их интенсивности, это часто указывает на то, что пациент находится на грани крупного достижения.

— Даже если страхи усиливаются?

— Особенно в том случае, когда они усиливаются. — Ариман помолчал, колеблясь. — Я уверен, вы понимаете, что я не могу нарушить врачебную тайну, обсуждая детали конкретного случая Сьюзен. Но вообще-то агорафобики часто уходят в свои страхи как в убежище от мира, видят в них способ избежать столкновений с другими людьми или же уклониться от своих собственных, особенно травмирующих переживаний. Таким образом они находят в изоляции некое извращенное утешение…

— Но Сьюзен ненавидит свое состояние, из-за которого она стала пленницей в собственной квартире.

Врач кивнул.

— Ее отчаяние глубокое и подлинное. Однако владеющая ею потребность в изоляции оказывается сильнее, чем даже мучения, которые она испытывает из-за ограничений, накладываемых на нее фобией.

Марти *знала* , что временами Сьюзен, казалось, цеплялась за пребывание в своей квартире скорее потому, что она была там счастлива, а не потому, что так уж сильно боялась внешнего мира.

— Если пациент начинает понимать, *чем* его так привлекает одиночество, — продолжал Ариман, — если он наконец начинает осознавать *реальную* природу той душевной травмы, от которой старается укрыться, то порой, как ни парадоксально, он может уцепиться за агорафобию еще более отчаянно. Обострение симптомов обычно означает, что

больной предпринимает последнюю попытку укрыться от правды. А когда эта попытка окончится неудачей, то он наконец-то окажется лицом к лицу с тем, чего он *на самом деле* боится — и это не открытое пространство, а что-то гораздо более личное и внутреннее.

Марти в целом понимала смысл того, что ей объяснял доктор, но все же ей было трудно принять мысль о том, что значительное ухудшение состояния больного служит знаком его предстоящего выздоровления. В минувшем году продолжительная битва ее отца с раком проходила под знаком неуклонного ослабления сопротивления больного, и в конце этого пути не было никакой радости победы — только неизбежная смерть. Конечно, психологическую болезнь нельзя сравнивать с физической болезнью. Однако…

— Ну, что, миссис Родс, удалось мне привнести немного покоя в ваши мысли? — В глазах Аримана сверкали искорки юмора. — Или вы считаете меня совсем уж психоболтуном?

Марти была покорена его обаянием. Множество дипломов, украшавших кабинет доктора Аримана, его репутация лучшего специалиста по лечению фобических расстройств в Калифорнии, а возможно, и во всей стране, его острый ум — все это помогало ему завоевать доверие пациента в не меньшей, если не в большей степени, чем манера поведения у постели больного.

Она улыбнулась и помотала головой.

— Нет. Единственная болтушка здесь — это я. Мне кажется… Я чувствую себя так, словно допустила какую-то большую промашку.

— Нет, нет, нет. — Он успокаивающим жестом положил руку на плечо Марти. — Миссис Родс, я не в состоянии выразить, насколько велика ваша роль в восстановлении психики Сьюзен. Ваше влияние на ее мысли куда сильнее, чем я могу надеяться достичь. Вы ни в коем случае не должны стесняться высказывать мне ваши вопросы и сомнения. Ваша забота о Сьюзен — это скала, на которой она держится.

Голос Марти окреп.

— Мы дружим с детства, большую часть жизни. Я так люблю ее… Я не могла бы любить ее сильнее, даже если бы она была моей сестрой.

— Именно об этом я и говорю. Любовь может сделать гораздо больше, чем терапия, миссис Родс. Не у каждого пациента есть кто-то любящий его вроде вас. Сьюзен так повезло в этом отношении.

Глаза Марти затуманились.

— Она кажется такой потерянной, — тихо проговорила она. Рука психотерапевта слегка пожала ей плечо.

— Она найдет себя. Поверьте мне.

Она верила ему. И действительно, он настолько успокоил ее, что она чуть не заговорила о своих собственных треволнениях, которые обрушились на нее этим утром: тень, зеркало, меццалуна, зазубренный край автомобильного ключа…

Сьюзен в кабинете ожидала начала сеанса психотерапии. Это время принадлежало ей, а не Марти.

— Вы хотели спросить о чем-то еще? — поинтересовался доктор Ариман.

— Нет, теперь все в порядке, — ответила она, поднимаясь с кресла. — Спасибо. Большое вам спасибо, доктор.

— Верьте в успех, миссис Родс.

— Я верю.

Улыбнувшись, он одобрительно поднял большой палец, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Марти прошла по узкому коридорчику в другое помещение, где стояли шкафы с историями болезней. Это комната была меньше первой приемной, но была выдержана в том же стиле.

Здесь, так же как и в большой приемной, одна дверь вела в кабинет доктора Аримана, а другая открывалась в коридор. Наличие двух выходов из кабинета гарантировало, что

пришедшие на прием пациенты и их спутники, если таковые окажутся, не столкнутся с пациентами, уходящими после сеанса, обеспечивая таким образом посетителям психотерапевта сохранение тайны их визитов.

Марти повесила плащи на вешалку, находившуюся на стене подле выхода.

Чтобы скоротать время, она принесла с собой небольшую книжку, триллер, но была не в состоянии сосредоточиться на сюжете. Ни одна из жутких вещей, происходивших в романе, не волновала ее так, как реальные события этого утра.

Вскоре Дженнифер, секретарь доктора, принесла чашечку кофе — черного, без сахара, как любила Марти, — и шоколадный бисквит.

— Я не стала спрашивать вас, хотите ли вы чего-нибудь покрепче, а просто решила, что в такой день кофе будет в самый раз.

— Вы совершенно правы, Дженни. Спасибо.

Когда Марти впервые пришла сюда вместе со Сьюзен, то была удивлена принятой здесь ненавязчивой любезностью. Не имея никакого опыта общения с психиатрами, она все же была уверена, что такая вдумчивая забота не является обязательным атрибутом этой профессии, и до сих пор пребывала в очаровании от царившей здесь атмосферы.

Кофе был крепким, но не горьким. Бисквит был превосходным; следовало спросить у Дженнифер, где она его купила.

Смешно — одно хорошее печенье может внести спокойствие в мысли и умиротворить мятущуюся душу.

Спустя некоторое время она смогла вчитаться в книгу. Язык оказался хорошим, сюжет — интересным, а персонажи — яркими и живыми. Роман ей по-настоящему понравился.

Вторая комната для посетителей очень хорошо подходила для чтения. Тихая. Без окон. Без раздражающего музыкального фона. Ничего не отвлекало.

Одним из действующих лиц романа был доктор, любитель хокку, традиционных японских трехстиший. Высокий, красивый, наделенный сладким голосом, он, стоя у огромного окна и глядя на шторм, декламировал хокку:

Ветер швыряет в лицо запах сосновой смолы.
Дождь, порвав занавеску,
Говорит сам с собой.

Марти решила, что эти стихи прекрасны. И эти краткие строчки совершенно точно передавали настроение, возникавшее при виде январского дождя, хлеставшего по побережью за окном. Прекрасны оба — и зрелище шторма, и хокку.

Тем не менее хокку потревожило ее. Оно оказалось навязчивым. За прекрасными образами скрывалось зловещее намерение. Внезапно на Марти нахлынуло с трудом осознаваемое беспокойство, ощущение того, что все вокруг на самом деле не такое, каким кажется.

Что со мною происходит?

Марти почувствовала, что теряет ориентацию. Она вдруг обнаружила, что стоит, хотя совершенно не помнила, как поднялась с кресла. И, ради бога, что она *здесь* делает?

— Что со мною происходит? — На сей раз она задала этот вопрос вслух. Потом она закрыла глаза, так как ей нужно было расслабиться. Ей нужно расслабиться. Расслабиться. Верьте…

Постепенно к ней возвращалось самообладание.

Она решила провести оставшееся время за книгой. Книги — это хорошее лекарство. В книге можно затеряться, забыть свои неприятности, свои страхи. А эта книга особенно хорошо годилась для того, чтобы укрыться от действительности.

ГЛАВА 10

Единственная свободная комната в «Новой жизни» находилась на втором этаже; оттуда открывался прекрасный вид на хорошо ухоженный сад вокруг лечебницы. Королевские пальмы и папоротники бились на ветру, а по клумбе кроваво-красных цикламенов пробегали волны.

Капли дождя били в стекло с такой силой, что можно было подумать, что идет град, хотя Дасти и не видел подскакивающих ледяных бусинок.

Его одежда уже почти высохла. Скит сидел в кресле, обитом синим твидом, и бесцельно листал древний номер «Тайм».

Комната больше походила на частное жилище, чем на обитель временных постояльцев. Единственная кровать была накрыта покрывалом в желтую и зеленую клетку. Тумбочка, отделанная светлым несгораемым пластиком под буковое дерево, и такой же небольшой гардероб. Почти белые стены, ярко-оранжевые занавески, изжелта-зеленый ковер. Когда мы отправимся ко всем чертям, дизайнеров, которые разрабатывали это помещение, призовут отделывать подобные квартиры для вечной жизни.

За приоткрытой дверью находилась ванная; можно было разглядеть тесную, как телефонная будка, душевую кабину.

В углу зеркала, укрепленного над раковиной, был наклеен красный ярлык — «ЗАКАЛЕННОЕ СТЕКЛО». Разбитое, оно рассыпалось в мелкие Крошки, не образуя острых осколков, которыми можно было бы перерезать себе вены.

Хотя помещение выглядело вполне скромно, пребывание в нем стоило изрядных денег, так как качество ухода в «Новой жизни» находилось на куда более высоком уровне, чем меблировка. В медицинской страховке Скита, естественно, не было формулировки «я-был-дураком-и-разрушал-свое-здоровье-и-теперь-мне-нужно-поставить-мозги-на-место».
Поэтому Дасти уже выписал чек за проживание и питание в течение четырех недель и подписал обязательство оплатить услуги психотерапевтов, врачей, адвокатов и медицинских сестер в зависимости от того, сколько их потребуется.

Поскольку это был уже третий курс лечения, который проходил Скит (и второй в «Новой жизни»), Дасти начинало казаться, что для того, чтобы можно было надеяться на успех, требовались, пожалуй, не физиологи, врачи и психиатры, а мудрецы, чародеи, ведьмы и волшебный колодец.

Скиту предстояло, вероятно, провести в «Новой жизни» самое меньшее три недели. Возможно, шесть. Из-за того, что он совершил попытку самоубийства, несколько медиков должны были непрерывно наблюдать за ним по крайней мере три дня.

Даже с учетом заключенных наперед контрактов на отделку зданий и новой игры по «Властелину Колец», которую разрабатывала Марти, они не смогут в этом году провести длительный отпуск на Гавайских островах. Вместо этого они вполне смогут поставить на заднем дворе несколько фонарей в виде тики[1], носить рубашки-алоха, крутить компакт-диск Дона Хо и устраивать луау — так на Гавайях называют пир на открытом воздухе, — в котором луау, то есть осьминога с листьями таро, заменит консервированная ветчина. Вообще-то это тоже должно было оказаться прекрасно. Любое время, проведенное вместе с Марти, было прекрасным, и неважно, на каком фоне это время протекало, — залива Уайми или крашеного дощатого забора, огораживавшего их цветник.

Когда Дасти присел на край кровати, Скит бросил выпуск «Тайма», который держал в руках.

— С тех пор как они перестали печатать голых девок, журнал стал просто поганым. — Дасти промолчал, и Скит встревожился: — Эй, братец, это была просто шутка, а не бред от наркотиков. Я сейчас, пожалуй, не на высоте.

— Когда ты там находился, все было куда смешнее.

— Да. Но после того, как полет закончится, трудно оставаться веселым, сидя на обломках. — Его голос дрожал, как волчок, замедляющий свое вращение.

---

1 Тики — резное изображение божества или предка на многих тихоокеанских островах.

Барабанная дробь, которую выбивают по крыше капли дождя, обычно действует успокаивающе. Но теперь ее звук угнетал, служил пугающим напоминанием о тех снах, которые в течение нескольких прошедших впустую лет навевали наркотики.

Скит прижал кончики пальцев с бледной морщинистой кожей к векам.

— Я заглянул себе в глаза в зеркале ванной. Словно кто-то харкнул комками болезненной мокроты в пару грязных пепельниц. Дружище, и ощущение в них такое же самое.

— Тебе нужно еще что-нибудь, кроме зубной щетки? Какие-нибудь свежие журналы, книги, радио?

— Не-а. Ближайшие несколько дней я постараюсь спать побольше. — Он смотрел на кончики пальцев, будто ожидал увидеть на них прилипшие куски глаз. — Я ценю это, Дасти. Я не стою этого, но я это ценю. И я так или иначе расплачусь с тобой.

— Забудь об этом.

— Нет. Я так хочу. — Он медленно осел в кресле, словно это плавилась восковая свеча в форме человека. — Это важно для меня. Вдруг я выиграю кучу денег в лотерею или еще как-то повезет. Кто знает? Ведь такое может случиться.

— Может, — согласился Дасти, потому что он верил в чудеса, хотя и не верил в лотерею.

Явился санитар первой смены, молодой американец азиатского происхождения по имени Том Вонг. Увидев на его лице уверенное спокойствие опытного работника рядом с ребяческой улыбкой, Дасти поверил, что оставляет брата в надежных руках.

В истории болезни было записано имя пациента — Холден Колфилд-младший, но когда Том прочел его вслух, Скит очнулся от своей летаргии.

— Скит! — резко сказал он, выпрямившись в кресле и сжав кулаки. — Так меня зовут. Скит и только Скит. Никогда не называйте меня Холден. *Никогда* . Как я могу быть Холденом-*младшим* , когда мой лживый засранец-папаша вовсе не был Хопдъном-*старшим* . Я мог бы стать Сэмом Фарнером-млад-шим, но и так не смейте называть меня! Если вы станете называть меня иначе, чем Скит, то я разденусь догола, подожгу свои волосы и выброшусь в это дурацкое окно. Вам все ясно? Вы, наверно, не хотите, чтобы я покончил с собой, бросившись голым и пылающим в ваш миленький маленький садик?

Том Вонг, улыбнувшись, помотал головой.

— Только не в мою смену, Скит. Пылающие волосы — это, наверно, удивительное зрелище, но уверен, что вид твоего голого тела не доставит мне удовольствия.

Дасти с облегчением улыбнулся. Том выбрал совершенно верный тон.

— Вы совершенно правы, мистер Вонг, — сказал Скит, снова резко откинувшись в кресле.

— Пожалуйста, называйте меня Томом.

Скит помотал головой.

— У меня тяжелый случай задержки развития. Ее причины кроются в ранней юности и спутаны-связаны-сцеплены сильнее, чем пара трахающихся земляных червей. Мистер Вонг, я вовсе не нуждаюсь в том, чтобы обзавестись здесь кучей новых друзей. Поймите, что мне нужны авторитетные персоны, люди, которые могли бы указать мне путь — ведь я на самом деле не могу так жить дальше, и я действительно хочу найти свой путь, на самом деле… Договорились?

— Договорились, — согласился Том Вонг.

— Я привезу твою одежду и барахло, — сказал Дасти.

Скит попытался подняться на ноги, но не смог оторваться от стула. Дасти наклонился и поцеловал его в щеку.

— Я люблю тебя, братец.

— На самом деле, — ответил Скит, — я никогда не смогу с тобой расплатиться.

— Наверняка сможешь. Ты что, забыл? Лотерея.

— Я невезучий.

— Тогда я куплю для тебя билетик, — откликнулся Дасти.

— Правда, купишь? Ты везучий. Всегда был таким. Черт возьми, ты же нашел Марти. Ты купаешься в удаче по самые уши.

— Тебе причитается заработная плата. Я буду покупать для тебя два билета в неделю.

— Это будет здорово. — Скит закрыл глаза. Его голос превратился в невнятное бормотание. — Это будет… здорово. — Он уснул.

— Бедное дитя, — сказал Том Вонг. Дасти кивнул.

Из комнаты Скита Дасти сразу же прошел на медицинский пост второго этажа. Там он поговорил с главной медсестрой Коллин О'Брайен, крепкой веснушчатой женщиной с седыми волосами и добрыми глазами, которая могла бы сыграть мать-настоятельницу любого женского монастыря в любом кинофильме на католические темы, который когда-либо был поставлен. Она уверяла, что знает все ограничения, которые следует соблюдать при лечении таких случаев, как у Скита, но Дасти все равно повторил с ней все по пунктам.

— Никаких наркотиков. Никаких транквилизаторов, никаких успокоительных. Никаких антидепрессантов. Его пичкали этими проклятыми наркотиками с пяти лет; бывало, что он получал их одновременно два или три. Он плохо учился, а это обозвали расстройством поведения, и его старик принялся бороться с этим расстройством с помощью лекарств. Когда лекарство давало побочные эффекты, то подыскивались другие медикаменты, чтобы бороться с ними, и когда те, в свою очередь, производили новые побочные эффекты, то, для того чтобы справиться с *ними* , подбирались все новые и новые лекарства. Он вырос на химическом рагу, и именно это, я *точно знаю* , изуродовало его. Он привык поедать пилюли, получать уколы и теперь просто не в состоянии представить, что можно жить нормально.

— Доктор Донклин согласен с вами, — сказала сестра, просматривая историю болезни Скита. — Он получал здесь безмедикаментозное лечение.

— Обмен веществ у Скита настолько расстроен, нервная система настолько перенапряжена, что нельзя быть уверенным в адекватности реакции даже на самые обычные, безопасные и традиционные лекарственные средства.

— Он не будет получать даже тайленол.

Слушая собственные слова, Дасти понимал, что волнение за судьбу Скита заставляет его чересчур много болтать.

— Однажды он чуть не умер из-за таблеток кофеина; слишком пристрастился к ним. Развился кофеиновый психоз, сопровождавшийся поразительными фантастическими галлюцинациями, а потом начались конвульсии. Теперь он стал невероятно чувствительным к кофеину; он вызывает сильную аллергию. Если вы дадите ему кофе или даже кока-колу, у него может развиться анафилактический шок.

— Сынок, — спокойно ответила пожилая медсестра, — все это записано в истории болезни. Поверьте, мы будем хорошо ухаживать за ним. — К удивлению Дасти, Коллин О'Брайен перекрестила его, а потом подмигнула. — В мое дежурство с вашим маленьким братцем не случится ничего плохого.

Если бы она *была* матерью-настоятельницей из кинофильма, то нельзя было бы даже усомниться в том, что, когда она говорит от своего имени, ее устами вещает бог.

— Спасибо, миссис О'Брайен, — негромко сказал он. — Большое, большое вам спасибо.

Оказавшись на улице и сидя в своем фургоне, он не сразу включил двигатель. Его била такая сильная дрожь, что он просто не смог бы вести машину.

Эта дрожь была долго сдерживаемой реакцией на его падение с крыши Соренсона. Его трясло и от гнева, гнева на несчастного Скита с искалеченной психикой и на то нескончаемое бремя, которое он представлял собою. А этот гнев пробудил в Дасти еще и дрожь стыда, потому что он по-настоящему любил Скита и ощущал ответственность за него, но был бессилен помочь ему. Осознание своего бессилия было хуже всего.

Он облокотился на рулевое колесо, уперся лбом в сложенные руки и сделал то, что так редко позволял себе на всем протяжении прожитых двадцати девяти лет. Он расплакался.

ГЛАВА 11

После сеанса с доктором Ариманом Сьюзен Джэггер, казалось, вновь стала самой собою, той женщиной, какой была до того, как ею овладела агорафобия. Изящным движением просовывая руки в рукава плаща, она заявила, что проголодалась. С изрядной долей элегантного юмора она дала оценку трем китайским ресторанам, в которых Марти предложила купить еду для их совместной трапезы.

— Меня нисколько не волнует глютаминовая кислота или чрезмерное количество жгучего красного перца в говядине по-сычуаньски, но, боюсь, мне придется исключить из списка претендентов номер три, так как там мы вполне можем получить непрошеный гарнир из тараканов. — Ничто в ее лице или манере поведения не указывало на то, что эта женщина пребывает в почти полной власти фобии, управляющей ее душевными и телесными движениями.

Когда Марти открыла дверь в коридор, Сьюзен напомнила ей:

— Ты забыла книгу.

Книжка в мягкой обложке лежала на столике возле кресла, в котором сидела Марти. Она прошла через комнату, но чуть заколебалась перед тем, как взять книгу.

— Что-то не так? — поинтересовалась Сьюзен.

— Что? А, ничего. Показалось, что я выронила закладку. — Марти сунула книгу в карман плаща.

Пока они шли по коридору, Сьюзен пребывала в таком же хорошем настроении, но, пока лифт быстро скользил вниз, ее состояние начало изменяться. Когда они оказались в вестибюле, на ее лице уже было кислое выражение, а шутливые нотки в голосе сменились унылым беспокойством. Она ссутулила плечи, повесила голову и сгорбилась, словно уже почувствовала сквозь плотно закрытую дверь холодные влажные удары штормового ветра.

Сьюзен вышла из лифта одна, но не успела сделать несколько шагов по черному камню вестибюля, как была вынуждена схватиться за руку Марти в поисках поддержки. А к тому времени, когда они дошли до дверей, страх довел ее до состояния унизительного бессилия, чуть ли не паралича.

Поход до автомобиля оказался мучительным. Когда они дошли до «Сатурна», правое плечо и шея Марти по-настоящему болели, так как Сьюзен изо всех сил вцепилась в ее руку и беспомощно висела на ней.

Сьюзен съежилась на пассажирском месте в такой позе, словно у нее нестерпимо болел живот, уставилась на свои колени, чтобы даже краем глаза не видеть мира, лежавшего за окнами.

— Наверху, пока мы занимались с доктором Ариманом, я чувствовала себя так хорошо, — несчастным голосом сказала она, — так хорошо. Я чувствовала себя *нормальной* . Я была уверена, что, когда выйду наружу, мне будет лучше, ну хоть чуть-чуть лучше, но теперь мне хуже, чем было, когда я шла туда.

— Тебе не хуже, милая, — ответила Марти, включая зажигание, — поверь мне. Пока мы ехали туда, ты сидела на такой же занозе.

— Но я *чувствую* себя хуже. Мне кажется, что в небе, у нас над головами, что-то нависает, и оно должно раздавить меня.

— Это просто дождь, — сказала Марти. Дождь и в самом деле выбивал по крыше совершенно неблагозвучную дробь.

— Это не дождь. Что-то гораздо хуже. Какая-то огромная тяжесть. Она нависает над нами. О, боже, я ненавижу ее.

— Мы вольем в тебя бутылку «Циндао».

— Это не поможет.

— Две бутылки.

— Мне нужна бочка.

— Две бочки. Мы напьемся вместе.

— Ты хороший друг, Марти, — сказала Сьюзен, не поднимая головы.

— Посмотрим, будешь ли ты так считать, когда мы обе будем лечиться от алкоголизма в больнице.

ГЛАВА 12

Из «Новой жизни» Дасти, охваченный состоянием, напоминавшим печаль, направился домой, чтобы сменить свою промокшую рабочую одежду на сухое цивильное платье. Когда он вошел из гаража в кухню, его со всем собачьим энтузиазмом приветствовал Валет. Собака не просто размахивала хвостом, а виляла всей задней половиной туловища. От одного только вида ретривера тьма, владевшая душой Дасти, начала рассеиваться.

Он присел на корточки, ткнулся носом в холодный собачий нос, ласково почесал за бархатистыми ушами, медленно провел пальцами, как расческой, по густому воротнику на шее, по загривку, нежно поскреб под челюстью и зарыл руку в густой зимний мех на груди.

И Валет и он одинаково наслаждались происходившим. Ласкать, почесывать и обнимать собаку — все это приносило мыслям и сердцу столько же покоя, сколько и медитация, и было почти столь же благотворно для души, как молитва.

Когда Дасти включил кофеварку и принялся ложкой накладывать отличную смесь из колумбийских сортов кофе в фильтр, Валет перекатился на спину, задрав все четыре ноги вверх и подставляя живот, чтобы хозяин почесал его.

— Ты ласковый поросенок, — заявил Дасти. Хвост Валета со свистом заметался по кафельному полу. — Мне нужно мое меховое успокоительное, то есть ты, — признал Дасти, — но в данный момент кофе нужнее. И не обижайся.

Его сердце, казалось, перекачивало фреон вместо крови. Холод засел глубоко в плоти и костях; даже глубже. Включенный на полную мощность обогреватель в фургоне не мог согреть его, и поэтому Дасти надеялся на кофе.

Когда Валет понял, что живот ему сейчас не почешут, он поднялся на ноги и прошел через кухню к маленькой ванной. Дверь была приоткрыта, и пес просунул морду в шестидюймовую щель и, фыркая, принялся принюхиваться к темноте.

— У тебя стоит в углу прекрасная миска с замечательной свежей водой, — попенял ему Дасти. — Зачем тебе пить из унитаза?

Валет оглянулся на голос и вновь сосредоточился на темной ванной.

Кофе закапал в стеклянный кофейник, и кухня заполнилась прекрасным ароматом.

Дасти поднялся наверх и переоделся в джинсы, белую рубашку и темно-голубой шерстяной свитер.

Обычно, когда только они были в доме вдвоем, собака повсюду ходила за ним, рассчитывая на новую порцию ласки, короткую игру или просто ласковое слово. Но на этот раз Валет остался внизу. И когда Дасти возвратился в кухню, ретривер все так же стоял, просунув нос в дверь ванной. Он подошел к хозяину, внимательно проследил, как тот наливал в чашку дымящийся напиток, и вновь вернулся на свою позицию.

Кофе был крепким, густым и очень горячим, но тепло, которое он давал, было поверхностным. Лед, затаившийся в костях Дасти, так и не начал от него таять. Наоборот, когда Дасти, опершись на стол, смотрел на Валета, неустанно принюхивавшегося к щели между дверью ванной и косяком, он ощутил новую волну холода.

— Тебе что-то не нравится там, пушистый хвост?

Валет посмотрел на хозяина и заскулил.

Дасти налил себе вторую чашку кофе, но, перед тем как выпить, подошел к двери в ванную, отодвинул коленом Валета в сторону, толкнул дверь внутрь и включил свет.

Несколько использованных салфеток «Клинекс», место которых было в бронзовой

плошке, лежали в раковине. А сама плошка валялась на боку поверх закрытой крышки унитаза.

Кто-то, похоже, воспользовался плошкой, чтобы разбить зеркало, укрепленное на дверце аптечки. На полу ванной, как замершие молнии, вспыхивали острые осколки.

ГЛАВА 13

Когда Марти отправилась в ресторан, чтобы купить там на вынос му-гу-гай-пан, говядину по-сычуаньски, сладкий горошек, брокколи, рис и упаковку с шестью бутылками «Циндао» со льда, она оставила Сьюзен в автомобиле с включенным мотором и радиоприемником, настроенным на станцию, передающую классический рок. Она уже позвонила в ресторан по сотовому телефону с дороги, и к ее приходу все было готово. Поскольку на улице шел дождь, картонные коробки с едой и пивом были упакованы в два полиэтиленовых пакета.

Уже через несколько минут после того, как она вошла в ресторан, Марти услышала из-за закрытых дверей звук автомобильного радио. Приемник орал с такой силой, что она сразу распознала саксофон Гэри Ю.С. Бондса, с надрывом выводящий «Окончание школы».

Открыв дверь автомобиля, она вздрогнула. Динамики надрывались так, что несколько монеток, лежавших в ячейке на «торпеде», подскакивали со звоном.

Оставаясь одна в автомобиле, Сьюзен, хотя она, строго говоря, не находилась в открытом пространстве, все же пригибала голову как можно ниже и отводила глаза от окон. И все равно ее чрезвычайно угнетало ощущение огромного мира за стенками машины. Порой ей помогала громкая музыка; она отвлекала, не давая страхам полностью завладеть ее существом.

Степень серьезности приступа страха можно было измерить тем, насколько громкая музыка требовалась для того, чтобы помочь ей. В данном случае Марти мрачно отметила про себя, что радио было включено на предельную громкость, и решительно убавила звук.

Напористый ритм, энергичная мелодия «Школы» полностью заглушали звуки шторма. И теперь звуки ливня — барабанный бой, скрежет маракасов и шепот цимбал — снова окружили их. Сьюзен не подняла глаз, не сказала ни слова. Она сидела, дрожа, и неровно, тяжело дышала.

Марти тоже не стала ничего говорить. Иногда Сьюзен нужно было убеждать, льстить ей, давать советы, а иногда даже издеваться, для того чтобы заставить ее выйти из подавленности. А в иных случаях, таких, как этот, лучший способ помочь ей миновать пик панического ужаса и вернуться на относительно нормальную стезю состоял в том, чтобы ничем не упоминать о ее состоянии — разговор на эту тему, скорее всего, привел бы к дальнейшему нарастанию болезненного страха.

Уложив на заднее сиденье обе коробки, Марти сказала:

— Я взяла палочки для еды.

— Спасибо, я предпочитаю вилку.

— Китайские блюда теряют свой китайский вкус, когда их едят вилками.

— И коровье молоко тоже на вкус становится не совсем настоящим молоком, когда его не пьешь прямо из вымени.

— Наверно, ты права, — согласилась Марти.

— И потому я пойду в разумных пределах на искажение аутентичного вкуса. Я не считаю себя филистером, пока мое филистерство проявляется в пользовании вилкой.

К тому времени, когда они остановились около дома на полуострове Бальбоа, Сьюзен уже могла в какой-то степени владеть собой и поэтому смогла преодолеть восхождение от автомобиля до своей квартиры на третьем этаже. Однако при этом она всем телом висла на руке Марти, и подъем по лестнице оказался очень тяжелым.

Оказавшись в своем жилище, где все шторы и занавески были плотно закрыты, Сьюзен

почувствовала себя в безопасности. Она опять выпрямилась, расправила плечи и вздернула голову. Лицо больше не перекашивалось от напряжения, и хотя в зеленых глазах оставалось постоянное беспокойство, в них больше не было того дикого ужаса.

— Я разогрею добычу в микроволновке, — предложила Сьюзен, — если ты пока накроешь на стол.

Когда Марти в столовой вознамерилась положить вилку около тарелки Сьюзен, ее руку охватила неудержимая дрожь. Зубцы из нержавеющей стали застучали по фарфору.

Она отбросила вилку на салфетку и посмотрела на нее с подозрением и страхом, который быстро перерос в настолько сильное отвращение, что она отступила от стола. Зубцы злобно искали цель. Она никогда прежде не понимала, насколько простая вилка могла бы стать опасной, попав в дурные руки. Ею можно было выколоть глаз. Изуродовать лицо. Воткнуть ее кому-нибудь в шею, подцепить сонную артерию и вытащить ее наружу, словно наматываешь спагетти. Можно…

Почувствовав настоятельную необходимость ради собственной безопасности хоть чем-нибудь занять руки, Марти выдвинула один из ящиков серванта, нащупала там колоду в шестьдесят четыре карты, предназначенную для игры в пинакль вдвоем, и извлекла карты наружу. Стоя за обеденным столом как можно дальше от вилки, она принялась тасовать колоду. Сначала она несколько раз ошиблась, рассыпая карты по столу, но затем координация стала получше. Но она ведь не могла вечно тасовать карты. Найти занятие. Ради безопасности. До тех пор, пока это странное настроение не пройдет. Пытаясь скрыть свое волнение, она вошла в кухню, где Сьюзен дожидалась сигнала таймера микроволновой печи. Марти вынула из холодильника две бутылки «Циндао». Помещение заполняли сложные ароматы китайской кухни.

— Тебе не кажется, что, если я останусь в этой одежде, то от меня будет пахнуть, как от настоящего повара-китайца? — спросила Сьюзен.

— Что?

— А может быть, раз уж я источаю такой запах, мне лучше надеть чеонгсам[1]?

— Хо-хо! — откликнулась Марти. Она ощущала себя слишком не в своей тарелке для того, чтобы выдумать остроумный ответ.

Она собралась было поставить бутылки с пивом на разделочную доску возле раковины, чтобы открыть их, но там все так же лежал меццалуна, злобно сверкая изогнутым в виде полумесяца лезвием. При виде ножа сердце Марти забилось с такой силой, что она почувствовала боль.

Поэтому она отошла к маленькому кухонному столику и поставила бутылки туда. Вынула из шкафа два стакана и поставила их около пива. Найти занятие.

Потом она перерыла весь ящик, наполненный мелкими кухонными принадлежностями, и наконец нашла открывалку, выудила ее из кучи вещичек и возвратилась к столу.

Открывалка была закруглена с одного конца, предназначенного для бутылок. Другой конец был острым и изогнутым — для банок.

Не успела она преодолеть расстояние в несколько шагов, отделявшее шкаф от столика, как ей показалось, что открывалка была столь же убийственным инструментом, как вилка, как меццалуна. Она быстро положила ее рядом с «Циндао», не дожидаясь, пока инструмент или выпадет из ее дрожащей руки, или она сама в ужасе бросит его на пол.

— Ты не откроешь пиво? — спросила она, торопясь выйти из кухни прежде, чем Сьюзен могла бы увидеть ее обеспокоенное лицо. — Мне нужно «повидаться с Джоном».

Проходя через столовую, она смотрела в сторону от стола, на котором зубцами вверх лежала вилка.

В коридоре, куда она попала из гостиной, она отвела глаза от зеркальных дверей платяного шкафа.

Ванная. Еще одно зеркало.

---

1 Чеонгсам — облегающая женская одежда в восточном стиле, длиной до колен с широким воротом и разрезной юбкой.

Марти чуть не отступила назад в коридор. Она не могла придумать никакого другого места, где могла бы в одиночестве собраться с мыслями. К тому же ей страшно не хотелось, чтобы Сьюзен видела ее в таком состоянии.

Собрав все силы, она взглянула в зеркало и не увидела там ничего, чего можно было бы опасаться. Взволнованное выражение лица и глаз действительно было заметно, хотя и оказалось не столь очевидным, как она ожидала.

Марти быстро закрыла дверь, опустила крышку унитаза и села. И когда после этого она несколько раз жадно глотнула сырой воздух, то поняла, что уже давно сдерживала дыхание.

ГЛАВА 14

Увидев в ванной разбитое зеркало, Дасти прежде всего подумал, что в дом забрался хулиган или грабитель.

Но, судя по поведению Валета, этого не могло быть. Он не проявлял никакой настороженности, шерсть на загривке не щетинилась. Действительно, когда Дасти вошел в дом, собака была в отличном игривом настроении.

С другой стороны, Валет был не серьезным сторожевым псом, а четвероногим воплощением любви. Если бы он почувствовал симпатию к незваному гостю — а он чувствовал симпатию к самое меньшее девяноста процентам всех попадавшихся ему людей, — то ходил бы за парнем по дому, облизывая его загребущие руки, пока те складывали бы семейные драгоценности в мешки.

Дасти отправился в обход, и Валет на сей раз пошел вместе с ним. Они обыскивали комнату за комнатой, шкаф за шкафом; сначала на первом этаже, а потом на втором. Нигде не было никаких других признаков вандализма, ничего не пропало, и, конечно, им никто не попался.

Дасти строго приказал послушному Валету сидеть в дальнем углу кухни, чтобы, не дай бог, не поранить лап стеклом, а сам принялся наводить порядок в ванной.

Возможно, Марти сможет объяснить, что случилось с зеркалом, когда Дасти позже увидится с нею. Это могла быть какая-то случайность, произошедшая как раз в ту минуту, когда она должна была выходить, чтобы вовремя успеть к Сьюзен. В противном случае можно было подумать лишь на какое-нибудь злобное привидение, прибывшее в дом вместе с ними.

У них было бы о чем поговорить за обедом: не до конца удавшееся самоубийство Скита, поездка вместе со Сьюзен, полтергейст…

* * *

Проделывая дыхательные упражнения в ванной Сьюзен, Марти решила, что причиной всех волнений было перенапряжение. Да, судя по всему, именно так все и объяснялось.

Разработка новой игры по мотивам «Властелина Колец» была самой важной и трудной из всех работ, которыми ей когда-либо прежде приходилось заниматься. И она шла на фоне все более четко вырисовывающихся крайних сроков, которые оказывали сильное воздействие на Марти, возможно, даже более сильное, чем она осознавала до сих пор.

Ее мать, Сабрина, со своей нескончаемой неприязнью к Дасти. И это было одним из постоянных источников напряжения уже в течение длительного времени.

А в прошлом году ей пришлось наблюдать за тем, как ее любимый отец угасал под натиском рака. Последние три месяца его жизни представляли собой непрестанное, ужасающее ухудшение. Он переносил свое состояние, не изменяя той общеизвестной хорошей мине, которую сохранял при любой игре, отказываясь признавать у себя хоть какие-нибудь боли и не позволяя усомниться в своем прекрасном самочувствии. Его мягкому смеху

и неизменному обаянию не удалось в те, последние дни обмануть ее, как это бывало прежде. Теперь его постоянные улыбки ранили ее в самое сердце каждый раз, когда она их видела. И, хотя от этих ран она не потеряла ни капли крови, из них все же вытекла часть унаследованного от отца оптимизма, и утраченное все еще не восстановилось.

Ну, и Сьюзен, конечно, порождала совсем не шуточное напряжение. Любовь — это священное одеяние, сотканное из настолько тонкой ткани, что глаз не в состоянии рассмотреть ее, но при этом настолько прочной, что даже могущественная смерть не в силах ее разорвать, одеяние, не изнашивающееся со временем, несущее тепло в мир, который стал бы без него невыносимо холодным, — но порой любовь может оказаться столь же тяжелой, как стальная кольчуга. И умение снести бремя любви в тех случаях, когда оно представляет собою непреодолимую тяжесть, делает еще более драгоценными те мгновения, когда любовь, как ветер, вздымает руки человека, словно крылья, и отправляет его в полет. Несмотря на то что эти прогулки два раза в неделю давались ей неимоверно тяжело, Марти была не в состоянии покинуть Сьюзен Джэггер, как не могла отвернуться от умирающего отца, от своей матери с ее невыносимым характером или от Дасти.

Сейчас она отправится в столовую и будет есть китайские блюда, выпьет бутылку пива, поиграет в пинакль и не подаст виду, что она исполнена странных предчувствий.

Когда она доберется до дома, то позвонит доктору Клостерману, своему терапевту, и договорится с ним о встрече для медицинского осмотра на тот случай, если ее диагноз — стресс — окажется неверным. Она ощущала себя физически здоровой, но именно так же казалось и Улыбчивому Бобу как раз перед внезапным началом странных легких болей, оказавшихся признаком смертельной болезни.

Ошеломленная внутренним звучанием своих мыслей, она тем не менее продолжала подозревать тот необыкновенно кислый грейпфрутовый сок, который выпила утром. В последнее время она, как правило, пила по утрам именно его, а не апельсиновый сок, так как в грейпфрутовом меньше калорий. Не мог ли этим объясняться также и ее сон, Человек-из-Листьев, мятущаяся фигура, сложившаяся из мертвых гниющих листьев. Может быть, стоило бы дать немного сока доктору Клостерману, чтобы он проверил его?

Наконец Марти вымыла руки и, преодолев внутреннее сопротивление, вновь посмотрелась в зеркало. Она подумала, что на вид, похоже, кажется нормальной. Но независимо от того, что она видела, она *ощущала* себя безнадежным психом.

* * *

После того как Дасти закончил подметать осколки разбитого зеркала, он похвалил Валета за то, что тот был таким хорошим мальчиком и не лез под ноги, дав ему несколько кусочков жареной цыплячьей грудки, оставшейся от вчерашнего обеда. Ретривер брал каждый кусочек мяса с руки хозяина с деликатностью, не уступавшей движениям колибри, потягивающей нектар из чашечки цветка, а когда все кончилось, он уставился на Дасти с обожанием, которое вряд ли могло быть меньше, чем та любовь, с которой ангелы взирают на бога.

— Да, и ты тоже ангел, — сказал Дасти, почесывая Валета под челюстью, — мохнатый ангел. И с такими ушами, что тебе не нужны крылья.

Он решил взять собаку с собой, когда поедет на квартиру Скита, а потом в «Новую жизнь». Хотя, осматривая дом, они и не нашли никого, Дасти было неприятно оставлять здесь пса одного до тех пор, пока он не разберется, что случилось с зеркалом.

— Дружище, если я все время думаю о твоей безопасности, — сказал он Валету, — то можешь вообразить, насколько невозможным я стану с детьми?

Пес усмехнулся, словно ему понравилась мысль насчет детей. И, как будто поняв, что ему предстоит поездка в автомобиле, подошел к двери из кухни в гараж и остановился там, терпеливо разгоняя воздух своим пушистым хвостом.

Когда Дасти натягивал на себя нейлоновую куртку с капюшоном, раздался телефонный звонок. Он снял трубку, а положив ее через несколько секунд, объяснил собаке, будто той было необычайно важно знать, кто звонил:

— Пытались всучить мне подписку на «Лос-Анджелес таймс».

Валет уже не стоял перед дверью в гараж. Он лежал перед нею, наполовину погрузившись в дремоту, словно Дасти разговаривал по телефону десять минут, а не тридцать секунд.

— Тебя подкосила белковая пища, мое золотко. Давай-ка потратим немного энергии.

Валет поднялся с долгим вздохом глубокого страдания.

В гараже, надевая на собаку ошейник и пристегивая к нему поводок, Дасти сказал:

— Последняя вещь, в которой я нуждаюсь, это ежедневная газета. Ты знаешь, чем полны газеты, золотко?

Валет ответил растерянным взглядом.

— Они полны всякой всячины, которую готовят творцы новостей. А знаешь, кто такие творцы новостей? Политические деятели, типы из средств информации, великие университетские интеллектуалы — люди, которые слишком много думают о себе, да и вообще слишком много думают. Такие люди, как доктор Тревор Пени Родс, мой старик. И такие люди, как доктор Холден Колфилд, старик Скита. — Собака чихнула. — Точно, — закончил Дасти.

Он и не ожидал, что Валет поедет в фургоне, среди малярных инструментов и материалов. Конечно же, четвероногий попутчик вспрыгнул на переднее сиденье: он во время поездок любил смотреть в окно. Дасти пристегнул собаку ремнем безопасности, а пассажир успел благодарно лизнуть хозяина в лицо, прежде чем тот закрыл пассажирскую дверь.

Усевшись за руль, он запустил двигатель и выехал из гаража под дождь, продолжая разговаривать с собакой:

— Творцы новостей считают, что спасают мир, а вместо этого сворачивают ему шею. Ты знаешь, золотко, к чему сводятся все их глубокие размышления? Они сводятся к тому же самому, что мы собираем в синие мешочки, когда гуляем с тобой.

Пес усмехнулся в ответ.

Нажав кнопку дистанционного управления, закрывающую дверь гаража, Дасти мимолетно удивился, почему он не сказал все распространителю газеты, который только что позвонил ему. Непрерывное внимание со стороны распространителей «Таймс» было одним из серьезных недостатков жизни в южной Калифорнии, стоявших в одном ряду с землетрясениями, лесными пожарами и непролазной грязью во время дождей. Если бы он продекламировал этот напыщенный монолог женщине — или это был мужчина? — навязывавшей ему «Тайме», то, возможно, его имя вычеркнули бы наконец из списка потенциальных подписчиков.

Выбираясь задним ходом с подъездной дорожки на улицу, Дасти вдруг неожиданно для себя осознал, что действительно не может вспомнить, мужчиной или женщиной был распространитель «Тайме», звонивший ему. Никаких причин запоминать пол звонившего у него не было, к тому же он выслушал только несколько слов, понял, о чем идет речь, и повесил трубку.

Обычно он заканчивал беседу с представителями «Таймс» предложением, которое могло позабавить невидимого собеседника: «Ладно, я могу подписаться, только в обмен, услуга за услугу. Я выкрашу одно из ваших редакционных помещений, а вы дадите мне подписку на три года. Или же другой вариант: я подпишусь *пожизненно* , если ваша газета даст клятву никогда больше не говорить о звездах спорта как о героях».

На сей раз он не сделал такого предложения. С другой стороны, он не мог вспомнить, что он *сказал* , пусть даже это была какая-нибудь простейшая фраза вроде «не благодарю вас» или «перестаньте надоедать мне».

Странно. В его сознании царила пустота.

Очевидно, он был даже больше встревожен — и напуган — сегодняшним происшествием со Скитом, чем отдавал себе отчет.

ГЛАВА 15

Кушанья, которые они привезли из китайского ресторана, были, без сомнения, восхитительными, как и сказала Сьюзен. Марти тоже издала восхищенный возглас, но на самом деле пища показалась ей сегодня безвкусной, а «Циндао» — горьким.

И пища и пиво были в порядке. Неуправляемое беспокойство Марти хотя и отступило, все же лишало ее возможности получать удовольствие от чего-либо.

Она ела палочками и поначалу опасалась, что даже вид того, как Сьюзен пользуется вилкой, вызовет у нее очередной приступ паники. Но вид злобных зубцов не встревожил ее, как это было недавно. Она совершенно не опасалась вилки самой по себе, нет, она боялась того ущерба, который вилка могла бы причинить, оказавшись в ее собственной руке. В руках Сьюзен она воспринималась как простой безопасный элемент столового прибора.

Предчувствие того, что она, Марти, собственной персоной попала во власть некоей темной силы, грозящей заставить ее совершить какой-то отвратительный акт насилия, было настолько болезненным, что она запретила своим мыслям останавливаться на нем. Это было наиболее невероятное опасение, так как она была уверена, что и в ее памяти, и в сердце, и в душе никогда не было никаких признаков дикости. И все же она не доверяла себе, когда в руках у нее была открывалка для бутылок…

Исходя из того, насколько нервным было ее состояние и сколько сил она прилагала, чтобы не дать Сьюзен это заметить, она должна была проиграть в пинакль даже больше, чем обычно. Но вместо этого карты подбодрили ее, и она играла просто мастерски, полностью используя возможности каждого расклада. Вероятно, дело было в том, что игра помогла ей отвлечься от болезненных раздумий.

— Ты сегодня прямо чемпионка, — похвалила Сьюзен.

— Я надела свои счастливые носки.

— Твой долг стал меньше — уже не шестьсот тысяч, а пятьсот девяносто восемь.

— Заметно меньше. Может быть, теперь Дасти будет спокойно спать по ночам.

— Как дела у Дасти?

— Даже лучше, чем у Валета.

— Мужчина, который достался тебе, даже лучше, чем золотистый ретривер, — вздохнула Сьюзен, — а я вышла замуж за эгоистичную свинью.

— Раньше ты защищала Эрика.

— Он свинья.

— Это я так говорю.

— И я благодарна тебе за это.

Ветер снаружи завывал по-волчьи, скребся в окна, жалобно повизгивал в выступах карнизов.

— А с чего вдруг твое мнение так изменилось? — спросила Марти.

— Причины моей агорафобии могут крыться в накопившихся за несколько лет наших с Эриком проблемах, которые я всегда отрицала.

— Это тебе сказал доктор Ариман?

— Он не подталкивал меня прямо к таким мыслям. Он просто указал мне, как найти возможность… выразить их.

Марти зашла с дамы треф.

— Ты никогда не говорила о том, что у вас с Эриком были проблемы. Такие, что он не в состоянии был их перенести.

— Но я полагаю, что они у нас были.

Марти нахмурилась.

— Ты *полагаешь* ?

— Ну, что ж, это совсем не предположение. У нас была проблема.

— Пинакль! — объявила Марти, забирая очередную взятку. — И какая это была проблема?

— Женщина.

Марти была поражена. Даже настоящие сестры не могли быть ближе, чем они со Сьюзен. Хотя у них обеих было слишком много чувства собственного достоинства для того, чтобы поверять друг дружке интимные подробности своей половой жизни, но они никогда не имели между собой серьезных секретов. И все же она ни разу не слышала от подруги о какой-нибудь женщине.

— Этот подонок обманывал тебя? — спросила Марти.

— После внезапного открытия такого рода чувствуешь себя настолько уязвимой. — Сьюзен произнесла эту фразу без всякой эмоциональной окраски, будто цитировала учебник по психологии. — И вот это и явилось причиной агорафобии.

— Ты никогда даже не намекала на это.

Сьюзен пожала плечами.

— Наверно, мне было слишком стыдно.

— Стыдно? Но чего было *тебе* стыдиться?

— О, я не знаю… — На лице Сьюзен появилось озадаченное выражение. — Но почему я должна была стыдиться этого? — продолжила она после недолгой паузы.

Марти, к ее несказанному удивлению, показалось, что Сьюзен задумалась надо всем этим впервые, только что, прямо здесь.

— Ну… Я думаю… Может быть, потому… Потому, что была нехороша, недостаточно хороша для него в постели.

Марти вытаращила на нее глаза.

— С кем это я говорю? Суз, ты прекрасна, ты эротична, у тебя здоровые сексуальные инстинкты…

— А может быть, я была при этом для него недостаточно эмоциональна, недостаточно доброжелательно относилась к нему?

— Я не верю своим ушам! — возмутилась Марти, отложив карты, не добирая оставшиеся взятки.

— Я же не идеальна, Марти. Далеко не идеальна. — Горе, тихое, но тяжкое и серое, как свинец, перехватило ей горло, и голос прозвучал тонко и сдавленно. Она опустила глаза, словно в замешательстве. — Так или иначе, но у меня с ним вышла какая-то большая промашка.

Ее сокрушенное раскаяние показалось Марти совершенно неуместным, а слова просто возмутили.

— Ты отдаешь ему все — свое тело, свои мысли, свое сердце, свою жизнь, — отдаешь все это без остатка, в присущем Сьюзен Джэггер страстном стиле — все или ничего. И после этого он обманывает тебя, а ты обвиняешь *себя* ?

Сьюзен, нахмурившись, крутила в тонких руках пустую пивную бутылку, разглядывая ее со всех сторон, словно это был талисман, который мог бы, если его вертеть достаточно долго, позволить высказать и понять все до конца.

— Похоже, Марти, что ты только что дотронулась до того самого места, — сказала она наконец. — Возможно, стиль, присущий Сьюзен Джэггер, просто… душил его.

— Душил? Постой, постой!…

— Нет, может быть, так и получилось. Может быть…

— Ну и что из того, что «может быть, может быть»? — прервала ее Марти. — Почему ты все время придумываешь оправдание за оправданием для этой свиньи? А чем *он* оправдывался?

Тяжелые капли дождя играли немелодичную музыку на оконных стеклах, а издалека долетали зловещие ритмичные удары штормового прибоя, обрушивавшегося на берег.

— Так чем *он* оправдывался? — настаивала Марти.

Сьюзен перевернула бутылку медленнее, потом еще медленнее, потом бутылка вовсе замерла в ее руках. Ее лицо нахмурилось, выказывая очевидное замешательство.

— Сьюзен? Чем он все-таки оправдывался? — негромко, но твердо повторила Марти.

Отставив бутылку в сторону, Сьюзен, как примерная ученица, положила руки на стол и, пристально разглядывая их, сказала:

— Чем он оправдывался? Ну… Я не знаю.

— Мы все еще летим вниз по кроличьей норе и сидим за безумным чаепитием, — сердито заявила Марти. — Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что не знаешь? Милая моя, ты поймала его с поличным и не хочешь узнать, *в чем дело* ?

Сьюзен тревожно заерзала на стуле.

— Мы, в общем-то, почти не говорили об этом.

— Ты серьезно? Подружка, это не ты. Ты вовсе не тряпка.

Сьюзен говорила медленнее, чем обычно, таким тонким голосом, будто только что проснулась и не успела прийти в себя:

— Ну, знаешь, мы немного касались этого, и это могло оказаться причиной моей агорафобии, но мы не затрагивали грязных деталей.

Беседа становилась настолько странной, что Марти ощутила в ней потаенную и опасную правду, неуловимое озарение, которое может разом объяснить проблемы этой безумно встревоженной женщины, если, конечно, она окажется в состоянии сделать нужный шаг.

Слова Сьюзен были одновременно и возмущенными, и уклончивыми. И эта уклончивость настораживала.

— Как звали эту женщину? — спросила Марти.

— Я не знаю.

— Помилуй бог! Эрик не сказал тебе?

Сьюзен наконец подняла голову. Но ее глаза смотрели не на Марти; она будто видела кого-то иного в другом месте и другом времени.

— Эрик?

Сьюзен произнесла это с таким надрывом, что Марти обернулась и взглянула назад, как будто ожидая увидеть там бесшумно вошедшего Эрика. Но его там не оказалось.

— Да, Суз, вспомни старину Эрика. Твой муженек. Ходок. Свинья.

— Я не…

— Что?

Теперь голос Сьюзен сменился чуть слышным шепотом, а с ее лица пугающим образом исчезло всякое выражение, оно сейчас казалось совершенно неодушевленным, как у куклы.

— Я узнала об этом не от Эрика.

— Тогда кто же тебе все рассказал?

Молчание.

Ветер немного утих и больше не ревел. Но его холодный шепот и хитрое бормотание сильнее действовали на нервы, чем его голос, завывающий во всю мочь.

— Суз! Кто тебе сказал, что Эрик шастает налево?

Прекрасная кожа Сьюзен больше не напоминала цветом персики и сливки; она стала такой же прозрачной и бледной, как снятое молоко. Из-под линии волос на лоб выползла капля пота.

Перегнувшись через стол, Марти подняла ладонь перед лицом подруги.

Но Сьюзен, очевидно, не заметила этого. Она смотрела куда-то сквозь руку.

— Кто? — продолжала мягко настаивать Марти.

Внезапно кожу над бровями Сьюзен усеяли многочисленные бусинки пота. Ее руки все так же были сложены на столе, но теперь они отчаянно стискивали одна другую, кожа на костяшках пальцев побелела от напряжения, ногти правой руки с силой врезались в левую.

Марти почувствовала, как на шее у нее зашевелились призрачные мурашки и поползли

вниз вдоль позвоночника.

— Кто сказал тебе, что Эрик к кому-то ходит?

Все так же глядя куда-то в пространство, Сьюзен попыталась ответить, но не смогла выдавить из себя ни слова. Ее губы перекосились и задрожали, словно она вот-вот расплачется.

Казалось, что чья-то призрачная рука затыкала ей рот. Ощущение чужого присутствия в комнате было настолько сильным, что Марти хотелось еще раз повернуться и взглянуть назад. Но там никого не могло быть.

Она все так же держала руку перед лицом подруги, и та вдруг обхватила ладонью ее пальцы.

Потом Сьюзен вздрогнула и несколько раз моргнула. Перевела взгляд на карты, которые Марти отодвинула в сторону, и — поразительно — улыбнулась.

— Хорошо ты отхлестала меня по заднице. Хочешь еще пива? За какой-то момент ее поведение совершенно переменилось.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнила Марти.

— Какой вопрос?

— Кто сказал тебе о том, что Эрик принялся гулять.

— О Марти, это так скучно.

— Мне это вовсе не кажется скучным. Ты…

— Я не буду обсуждать это, — ответила Сьюзен. В ее голосе явственно ощущалось беззаботное облегчение, хотя казалось, что моменту больше соответствовали бы гнев или смущение. Она помахала рукой в воздухе, будто отгоняла надоедливую муху. — Извини, что я об этом заговорила.

— Боже мой, Суз. Нельзя же бросить такую бомбу, а потом просто…

— У меня прекрасное настроение, и я не хочу его портить. Давай болтать какой-нибудь вздор, сплетничать, нести похабщину. — Она совсем по-девчоночьи вскочила со стула и направилась в кухню, спросив с порога: — Так что ты решила насчет пива?

Это был один из тех дней, когда оставаться трезвым совсем не хочется, но Марти все же отказалась от второй бутылки «Циндао».

В кухне Сьюзен в классическом стиле Патти Ла Белла запела «Иное отношение». У нее был прекрасный голос, и пела она жизнерадостно и уверенно, особенно когда дошла до слов: «Собою я владею, печали я не знаю».

Если бы даже Марти ничего не знала о Сьюзен Джэггер, то все равно была бы уверена, что так или иначе уловит нотки деланности в этом явно веселом пении. Когда она думала о том, как Сьюзен выглядела всего лишь несколько минут тому назад, — о том напоминавшем транс состоянии, о внезапной немоте, о бледной, как посмертная маска, коже, о каплях пота, покрывавших лоб, о глазах, вглядывавшихся в какое-то отдаленное время или место, о руках, до боли впившихся одна в другую, — этот резкий переход от ступора к безудержному веселью казался ей жутким.

В кухне Сьюзен пела: «Мне хорошо от головы до пят».

С пятками, судя по всему, все было в порядке. Но с головой…

ГЛАВА 16

Попадая в квартиру Скита, Дасти всякий раз удивлялся. Три маленькие комнаты и ванная пребывали в идеальном порядке, все было очень чисто. Ведь Скит и в физическом, и в психологическом отношении был такой развалиной, что Дасти был подсознательно готов найти в его жилище полный хаос.

Пока хозяин упаковывал одежду и туалетные принадлежности в две сумки, Валет проводил обследование помещений. Он изучал полы и мебель, с наслаждением принюхиваясь к острым ароматам воска, полировочных и чистящих средств, которые были

совсем не теми, что использовались в доме Родсов.

Покончив с вещами, Дасти проверил содержимое холодильника, который, казалось, принадлежал больному анорексией[1]. Единственный пакет молока уже пережил три дня сверх отпечатанной на картоне даты пригодности к использованию, и Дасти вылил его содержимое в раковину. Половину батона белого хлеба он скормил мусоропроводу; туда же последовала и болонская колбаса — кусок был покрыт пятнами, и, судя по его внешнему виду, следовало ожидать, что он вскоре обрастет шерстью и зарычит. Кроме этого, в холодильнике находились различные приправы и жестянки с пивом и газировками. Все это должно было в целости и сохранности дожидаться возвращения Скита.

Единственный непорядок в квартире Дасти обнаружил на кухонном столике, рядом с телефоном: там валялись смятые листочки, вырванные из блокнота. Собрав их, он увидел, что на каждом клочке бумаги было написано одно и то же имя; на некоторых листках по одному разу, но чаще по три или четыре. На четырнадцати листах бумаги тридцать девять раз встречалось одно и только одно имя — «д-р Ен Ло». Но ни на одном из этих четырнадцати листков не оказалось ни телефонного номера, ни каких-либо дополнительных сведений.

Судя по почерку, писал определенно Скит. Несколько записей было сделано легко и аккуратно. На других казалось, что рука Скита утратила твердость; кроме того, он с такой силой нажимал на ручку, что все семь букв глубоко впечатались в бумагу. Что интересно, на почти половине листков это имя — д-р Ен Ло — было написано с таким бросающимся в глаза эмоциональным напряжением и, возможно, внутренней борьбой, что во многих местах ручка протыкала бумагу.

Рядом лежала и дешевая шариковая ручка. Прозрачная пластмассовая палочка была сломана пополам. Гибкий стержень с пастой, торчавший наружу, был согнут посередине.

Дасти, нахмурившись, сгреб части ручки в маленькую кучку.

Он затратил еще минуту на сортировку этих четырнадцати листков. Самый аккуратный образец почерка он положил сверху, а самый неприглядный — внизу, а между ними разместил остальные двенадцать, разложив их по самому очевидному признаку: в них было совершенно явно заметно последовательное ухудшение почерка. На нижнем листочке имя было написано только один раз, и притом не полностью — «д-р Ен»; судя по всему, из-за того, что ручка сломалась в начале «н».

Стоило чуть задуматься, и становилось ясно, что Скит приходил во все более и более сильную ярость или же все глубже погружался в страдание, пока состояние не дошло до такой степени, что он свирепо нажал на ручку, и та сломалась. И скорее всего это было именно страдание, а не ярость.

Проблемы Скита не были связаны с приступами гнева. Как раз наоборот. Он от природы обладал мягким характером, и этот характер в течение многих лет подвергался непрерывному подавлению при помощи сладкого фармацевтического пудинга из наркотиков для коррекции поведения, которыми его при восторженной поддержке дорогого папаши Скита, доктора Холдена Колфилда, то бишь Сэма Фарнера, кормили представители пугающе длинного ряда экспериментаторов-психологов, одержимых философией агрессивного воздействия на психику. За долгие годы этой непрерывной химчистки самоосознание ребенка вытравилось настолько, что в его эмоциях не осталось места для истинной ярости. На любой дурной поступок, который вызвал бы приступ гнева у обычного человека, Скит реагировал разве что пожатием плеч и чуть заметной улыбкой смирения. Горькое чувство неприятия, которое он испытывал к своему отцу, было, пожалуй, самым сильным из доступных ему проявлений возмущения. Оно позволило Скиту произвести свое исследование и выяснить правду насчет происхождения профессора, но все же не было достаточно сильным и стойким для того, чтобы придать ему силы заявить этому лживому ублюдку о своих открытиях.

Дасти тщательно сложил все четырнадцать листочков из блокнота, сунул их в карман джинсов и сгреб со стола обломки ручки. Она была недорогой, но неплохо сделанной.

---

1 Анорексия — физическое или психическое расстройство, при котором больной испытывает отвращение к еде.

Цельная пластмассовая трубочка была твердой и крепкой. Чтобы сломать ее, как сухую веточку, нужно было приложить очень большое усилие.

Скит был не способен даже на жизненно необходимые проявления гнева, и было трудно представить, что же могло причинить ему такую душевную боль, из-за которой он так свирепо нажал на безобидную авторучку.

После недолгого колебания Дасти бросил сломанную ручку в мусорное ведро. Валет тут же засунул туда морду и, пофыркивая, принялся решать, не относится ли выброшенный предмет к категории съедобных.

Дасти выдвинул ящик и достал оттуда телефонный справочник «Желтые страницы». Поискал доктора Ена Ло в списке врачей, но не обнаружил.

Потом он просмотрел психиатров. Затем психологов. Напоследок терапевтов.

Безрезультатно.

ГЛАВА 17

Пока Сьюзен убирала доску для пинакля и табличку для подсчета очков, Марти мыла тарелки и коробки, в которых они принесли еду, стараясь при этом не глядеть на меццалуну, все так же лежавшую поблизости на разделочной доске. В кухню вошла Сьюзен с вилкой в руке.

— Ты забыла.

Но Марти уже вытирала руки, так что Сьюзен сама вымыла вилку и убрала ее.

Пока Сьюзен пила вторую порцию пива, Марти сидела с нею в гостиной. В качестве музыкального фона Сьюзен выбрала фортепьянные вариации Баха в исполнении Гленна Гулда.

В юности Сьюзен мечтала стать музыкантом симфонического оркестра. Она прекрасно играла на скрипке, правда, не на мировом уровне, не настолько великолепно, чтобы стать признанной солисткой и выступать с гастролями, но все же достаточно хорошо для того, чтобы наверняка осуществить свою более скромную мечту. Но так или иначе она вместо этого стала торговать недвижимостью.

А Марти почти до окончания школы хотела быть ветеринаром. Ну а теперь она разрабатывала компьютерные игры.

Жизнь предлагает бесконечное множество возможных дорог. Порой маршрут выбирает голова, порой сердце. А порой, к добру или к худу, ни голова, ни сердце не могут воспротивиться упрямому давлению судьбы.

Время от времени изящное серебристое стаккато, взлетавшее из-под волшебных пальцев Гулда, напоминало Марти о том, что хотя ветер снаружи, за плотно зашторенными окнами, немного стих, но холодный дождь все так же сыплется с неба.

Квартира была настолько уютной и отъединенной от всего на свете, что Марти почувствовала соблазн поддаться опасно убаюкивающему ощущению того, что за этими несокрушимыми стенами не существует никакого мира.

Они со Сьюзен говорили о прошедших днях, о старых друзьях, но ни слова не сказали о будущем.

Сьюзен не была любительницей спиртного. Две бутылки пива были для нее настоящей попойкой. Как правило, выпив, она не становилась ни легкомысленной, ни придирчивой, но мило сентиментальной. На сей раз ее поведение стало тихим и торжественным.

Вскоре уже говорила одна Марти. Собственные слова, казалось ей, становились все глупее и глупее, и в конце концов она прекратила болтовню.

Их дружба была достаточно глубокой для того, чтобы им было легко находиться вместе и в молчании. Но сейчас в этом молчании ощущались какие-то таинственные и раздражающие признаки, возможно, потому, что Марти тайно искала в подруге намеки на появление того напоминавшего транс состояния, в которое та впадала совсем недавно.

Вдруг она почувствовала, что не может больше переносить музыку Баха, потому что ее пронзительная красота внезапно показалась угнетающей. Как ни странно, в фортепьянных аккордах ей открылось ощущение потери, одиночество и тихое отчаяние. И квартира сразу превратилась из уютной в душную, вместо ощущения покоя возникла клаустрофобия.

Когда Сьюзен взялась за пульт дистанционного управления, чтобы снова запустить тот же самый компакт-диск, Марти взглянула на часы и вдруг вспомнила о нескольких несуществующих делах, которые она должна была обязательно сделать до пяти часов.

В кухне, после того как Марти надела плащ, они со Сьюзен обнялись на прощание. На сей раз объятие было более крепким, чем обычно, как если бы они обе пытались передать одна другой через это прикосновение какие-то чрезвычайно важные и глубоко затрагивающие чувства вещи, которые ни та, ни другая не могли выразить словами.

Когда Марти повернула ручку замка, Сьюзен отступила за дверь, которая должна была оградить ее от вида пугающего внешнего мира. Внезапно она сказала с оттенком глубокой муки в голосе, словно решилась выдать ужасную тайну, которую хранила с таким трудом, она сказала:

— Он приходит сюда по ночам, когда я сплю.

Марти успела отворить дверь не больше чем на два дюйма, но, услышав эти слова, вновь закрыла ее, не снимая, правда, руки с замка.

— Что ты говоришь? Кто приходит по ночам, когда ты спишь?

Зелень глаз Сьюзен стала еще более ледяной, чем прежде; цвет становился ярче и прозрачнее под воздействием какого-то нового страха.

— Я хочу сказать — думаю, что это он. — Сьюзен уперлась взглядом в пол. На ее бледных щеках появился румянец. — У меня нет никаких доказательств, что это он, но кто еще это может быть, кроме Эрика?

— Так, значит, Эрик приходит сюда по ночам, когда ты спишь? — повторила Марти, отступив от двери.

— Он говорит, что не делает этого, но мне кажется, что он врет.

— У него есть ключ?

— Я не давала ему.

— И ведь ты же сменила замки.

— Да. Но он каким-то образом приходит.

— Через окна?

— По утрам… когда я замечаю, что он был здесь, я проверяю все окна, но они всегда заперты.

— Но откуда ты знаешь, что он бывает в доме? Я хотела сказать, что он здесь делает?

Вместо ответа Сьюзен пробормотала:

— Он приходит… крадется повсюду… крадется, все осматривает, будто какая-нибудь собака. — Она ощутимо содрогнулась всем телом.

Марти вовсе не испытывала к Эрику большой симпатии, но ей было очень трудно представить себе, как он ночью бесшумно карабкается по лестнице и проскальзывает через замочную скважину. С одной стороны, он не обладал достаточно развитым воображением для того, чтобы изобрести способ проникать в квартиру, не оставляя следов: он был советником по инвестициям с головой, полной чисел и фактов, но без малейшего вкуса к мистике. Кроме того, он знал, что у Сьюзен в тумбочке всегда лежал маленький пистолет, и он всегда испытывал глубочайшее отвращение к риску. Он был, вероятно, последним из людей, который пошел бы на то, чтобы попасть под выстрел, будучи принятым за грабителя, даже если бы в его мозгу и поселилось извращенное желание мучить свою жену.

— Ты замечаешь по утрам, что вещи стоят не на своих местах, — спросила Марти, — или еще какие-то следы?

Сьюзен не ответила.

— Ты никогда не замечала его присутствия в квартире? Никогда не просыпалась, когда он был здесь?

— Нет.

— Значит, по утрам появляются… улики?

— Улики, — эхом откликнулась Сьюзен, не добавив никаких подробностей к этому неопределенному выражению.

— Например, вещи передвинуты? Запах его одеколона? Еще что-нибудь этакое?

Все так же глядя в пол, Сьюзен покачала головой.

— Но что все-таки было на самом деле? — наступала Марти.

Ответа не последовало.

— Эй, Суз, ты не могла бы посмотреть на меня?

Когда Сьюзен подняла лицо, оно было покрыто ярким румянцем, как будто не от простого смущения, а от настоящего глубокого стыда.

— Суз, ты что-то недоговариваешь мне?

— Ничего. Я просто… наверно, это паранойя, мне кажется.

— У тебя *есть* что-то такое, о чем ты не говоришь. Почему ты вдруг начинаешь о чем-то говорить, а потом старательно скрываешь от меня?

Сьюзен обхватила себя руками, ее затрясло.

— Мне казалось, что я была готова говорить об этом, а оказалось, что нет. Я уже почти… вот-вот у меня в мыслях кое-что сложится.

— Эрик, рыскающий здесь в ночи, — это чертовски таинственная история. Просто жуткая. Что он мог тут делать? Разглядывать тебя, спящую?

— Попозже, Марти. Я должна еще немного подумать обо всем этом, набраться храбрости. Я потом позвоню тебе.

— Нет, сейчас.

— Но у тебя дела.

— Они совсем не важные.

Сьюзен нахмурилась.

— Минуту назад они казались довольно важными.

Марти просто не могла причинить боль Сьюзен, сознавшись в том, что она придумала себе дела как предлог для того, чтобы вырваться из этого тоскливого душного места на свежий воздух, под бодрящий холодный дождь.

— Если ты не позвонишь мне еще днем и не расскажешь все до последней мелочи, то я сегодня же вечером примчусь к тебе, усядусь рядом и буду страница за страницей читать тебе последний критический труд отца Дасти. Он называется «Смысл бессмысленности: хаос как структура», и не успеешь ты прослушать пары абзацев, как начнешь клясться, что по твоим мозгам ползают огненные муравьи. Или как насчет «Станьте своим лучшим другом»? Это самый последний опус его отчима. Попробуй-ка послушать эту вещь в звукозаписи, и тебе захочется отрезать себе уши. Они принадлежат к семейству пишущих дураков, а я могу всех их обрушить на тебя.

Сьюзен сказала со слабой, но естественной улыбкой:

— Я ужасно испугалась. Я обязательно позвоню тебе.

— Обещаешь?

— Торжественно клянусь.

Марти снова взялась за ручку, но все еще не открывала дверь.

— Послушай, Суз, ты уверена, что здесь действительно находишься в безопасности?

— Ну, конечно, — откликнулась Сьюзен, но Марти показалось, что она заметила отблеск неуверенности во встревоженных зеленых глазах.

— Но если он забирается…

— Эрик все еще мой муж, — успокоила ее Сьюзен.

— Ты лучше посмотри новости. Некоторые мужья творят ужасные вещи.

— Ты же знаешь Эрика. Может быть, он и свинья, но…

— Он точно свинья, — поправила Марти.

— …но он не опасен.

— Он — баба.

— Совершенно верно.

Марти на секунду задумалась, а потом отворила дверь.

— Мы закончим обедать часов в восемь, может быть, немного раньше. А ляжем около одиннадцати, как обычно. Я буду ждать твоего звонка.

— Спасибо тебе, Марти.

— De nada[1].

— Поцелуй Дасти от моего имени.

— Это будет сухое прикосновение к щечке. Все страстные влажные засосы исходят только от меня.

Марти накинула капюшон на голову, вышла на крыльцо и, потянув, закрыла за собой дверь.

Воздух был спокоен, словно весь ветер изошел из этого дня, выдавленный колоссальной тяжестью продолжавшегося дождя, который обрушивался с небес потоками железных шариков.

Она подождала, пока не услышала, что Сьюзен задвинула мощный засов прочного шлаговского замка, который мог бы выдержать серьезную атаку на дверь. После этого она быстро спустилась по длинной крутой лестнице.

Оказавшись внизу, она обернулась, подняла голову и вгляделась в балкон-крыльцо и дверь квартиры.

Сьюзен Джэггер казалась ей прекрасной принцессой из сказки, запертой в башне, которую штурмуют хищные тролли и зловредные духи, но в отличие от принцессы у нее нет храброго принца, который обязательно спасет ее.

Под грозный грохот разбивавшихся о близлежащий берег штормовых волн, который так гармонировал с серым днем, Марти торопливо прошла по приморской аллее и свернула в ближайшую улицу, где, как обычно, оставила свою машину. Водосточные желоба там были переполнены, и грязная вода плескалась вокруг шин ее красного «Сатурна».

Она надеялась, что Дасти, у которого в такую погоду все равно не должно быть работы, окажется дома, займется хозяйством и приготовит свои несравненные фрикадельки и пряный томатный соус. Ничего не могло оказать на нее более благотворного влияния, чем войти в дом и сразу же увидеть его, в кухонном переднике, со стаканом красного вина под рукой. Воздух, полный восхитительных ароматов… Стерео играет хорошую поп-музыку в стиле ретро, может быть, Дина Мартина. Улыбка Дасти, его объятие, его поцелуй. После этого странного дня ей очень требовался уют и покой ее дома и очага, который исходил от ее мужа.

Но едва Марти тронула автомобиль с места, в ее сознание ворвалось отвратительное видение, разом лишившее ее надежды на то, что этот день мог бы под конец все же принести ей хоть немного мира и спокойствия.

Это видение было более реальным, чем обычные мысленные представления, настолько детальным и четким, что казалось, будто все это происходит прямо здесь, прямо сейчас. Она исполнилась уверенности в том, что мчится навстречу ужасному происшествию, которое *произойдет* после того, как перед ней промелькнула картина мгновения из неизбежного будущего, в которое она погружалась так же неотвратимо, как если бы падала со скалы. Когда Марти привычным движением вставила ключ в замок зажигания, в ее голове возникло изображение глаза, проткнутого злым острием ключа, разодранного зазубренной бородкой; и этот ключ, пройдя через глазницу, погружался в мозг. И, когда она нажала на ключ и повернула его, чтобы запустить стартер, ключ в ее ярком провидении тоже повернулся в глазу.

Не сознавая того, что она делает, Марти открыла дверь. Придя в себя, она обнаружила, что стоит, опершись на бок автомобиля, а весь ее ленч находится у нее под ногами, на промытой дождем мостовой.

Она долго простояла там, опустив голову. Капюшон плаща сдуло, и голова была не

---

1 Не за что *(исп.)* .

покрыта. Вскоре ее волосы промокли.

Когда она уверилась, что в желудке больше ничего не осталось, она просунула руку в салон автомобиля, вынула «Клинекс» из коробки и вытерла губы.

Она всегда держала в автомобиле небольшую бутылочку с водой. И теперь она пригодилась для того, чтобы прополоскать рот.

Хотя ощущение тошноты не прошло до конца, Марти села в «Сатурн» и закрыла дверь.

К счастью, двигатель работал на холостом ходу. Ей не нужно было касаться ключа до тех пор, пока она не остановит машину в собственном гараже в Короне-дель-Мар.

Промокшая, замерзшая, несчастная, испуганная, растерянная, она больше всего на свете хотела оказаться в безопасности, в сухом и теплом доме, среди знакомых вещей.

Ее трясло так сильно, что она не могла вести машину. И только, просидев почти пятнадцать минут, она наконец отпустила ручной тормоз и тронула «Сатурн» с места.

Она отчаянно желала попасть домой, но очень боялась того, что может произойти, когда она окажется там. Нет. Говорить так значило лгать самой себе. Она боялась не того, что произойдет. Она боялась того, что она может сделать.

Глаз, который она видела в своем пророческом видении — если, конечно, оно было таковым, — был не просто некий глаз. Он был весьма запоминающимся, серо-голубым, блестящим и красивым. Точь-в-точь таким, как глаза Дасти.

ГЛАВА 18

В клинике «Новая жизнь» были убеждены в том, что животные во многих случаях оказывают на психическое состояние людей благотворное влияние, и поэтому Валет встретил очень доброжелательный прием. Дасти остановил машину совсем рядом с портиком, украшавшим центральный вход в здание, и поэтому они добрались до дверей, не успев толком намокнуть, что вызвало сильное разочарование у собаки. Ведь Валет был ретривером, между пальцами у него помещались перепонки, он обладал врожденной любовью к воде и достаточным талантом пловца для того, чтобы выступать в олимпийской команде по синхронному плаванию.

В своей комнате на втором этаже Скит крепко спал на покрывале. Он был полностью одет, лишь ботинки стояли на полу.

Мрачный зимний день уставился в комнату через окно, и в помещении собрались тени. Еще одним источником света была маленькая лампочка для чтения на батарейке, прицепленная к книге, которую читал Том Вонг, дежурный санитар.

Ласково почесав Валета за ушами, Том решил использовать прибытие Дасти и устроить себе перерыв.

Дасти спокойно распаковал оба чемодана, убрал их содержимое в шкаф и занял пост в кресле. Валет устроился у него под ногами.

До заката оставалось еще два часа, но тени в углах становились все шире и темнее, так что Дасти включил ночник. Хотя Скит съежился в положении эмбриона, он не был похож на ребенка, а скорее напоминал мумифицировавшийся труп. Он был таким изможденным и худым, что одежда, казалось, была наброшена прямо на бесплотный скелет.

* * *

По дороге домой Марти вела машину с чрезвычайной осторожностью, и не только из-за плохой погоды, но и из-за своего состояния. Перспектива внезапного приступа тревожности на скорости в шестьдесят миль в час заставляла сдерживать стремление как можно скорее оказаться дома. К счастью, полуостров Бальбоа и Корону-дель-Мар не связывали между собой никакие автострады, весь маршрут проходил по городским улицам, и Марти волей-

неволей приходилось тащиться среди еле-еле ползущих машин. А на Пасифик-Коаст-хайвей, дальше чем на полпути от дома, движение прекратилось совсем. За сорок или пятьдесят автомобилей впереди мигающие красно-голубые сигналы санитарных и полицейских автомобилей указывали место дорожного происшествия.

Застряв в пробке, она достала сотовый телефон, чтобы связаться с доктором Клостерманом, ее терапевтом, рассчитывая записаться на прием на следующий день, желательно с утра, если возможно.

— Дело довольно срочное. Я не хочу сказать, что речь идет о сильных болях или чем-нибудь еще в этом роде, но я предпочла бы посоветоваться с ним по поводу своего самочувствия как можно скорее.

— Какие у вас симптомы? — спросил голос в трубке. Марти ответила не сразу.

— Это, в общем-то, достаточно личное… Я предпочла бы все обсудить непосредственно с доктором Клостерманом.

— Он ушел на весь день, но мы могли бы втиснуть вас в список примерно на восемь тридцать утра.

— Благодарю вас. Я приду, — сказала Марти и выключила телефон.

От гавани поднимался тонкий холст серого тумана, а иглы дождя шили из него саван умирающему дню.

С места дорожного происшествия по встречной полосе, где понемногу двигались машины, пробирался автомобиль «Скорой помощи».

На нем не были включены ни сирена, ни спецсигналы. Скорее всего, пациент уже не нуждался в медицинской помощи и был уже не пациентом, а свертком на носилках и направлялся не в больницу, а в морг.

Марти, внутренне исполненная торжественности, проводила глазами неторопливо двигавшийся под дождем автомобиль, а потом перевела взгляд на зеркало заднего вида, в котором были видны постепенно угасавшие в тумане габаритные огни. Она, конечно, не могла знать наверняка, что «Скорая помощь» выступала на этот раз в роли катафалка, но тем не менее была уверена, что в ней находился труп. Она чувствовала, что мимо нее прошла Смерть.

* * *

Пока Дасти в ожидании возвращения Тома Вонга рассматривал спящего Скита, последним из всего на свете, о чем ему хотелось думать, было прошлое. И все же его мысли скользнули далеко назад, в детство, которое он делил со Скитом, к царственному отцу Скита и, что еще хуже, к человеку, который принял из рук этого ублюдка бразды правления домашним хозяйством. Мужу номер четыре. Доктору Дереку Лэмптону, психологу, психиатру, преподавателю и писателю неофрейдистского толка.

Их мать, Клодетта, питала нежное, но страстное и непреодолимое влечение к интеллектуалам — особенно к тем из них, которые страдали манией величия.

Отец Скита, псевдо-Холден, продержался в доме до тех пор, пока Скиту исполнилось девять лет, а Дасти четырнадцать. Они целую ночь напролет праздновали его уход: смотрели фильмы ужасов, пакетами ели картофельные чипсы и ведрами — шоколадное и арахисовое мороженое. Все это было строго-настрого запрещено. В период его диктатуры строжайше соблюдалась нацистская диета для детей (правда, только для них, взрослые жили по-другому): никаких жиров, никакой соли, никакого сахара, никаких приправ, никаких развлечений. Утром, несмотря на то что обоих чуть ли не тошнило от обжорства, а глаза опухли и покраснели от усталости, они, окрыленные вновь обретенной свободой, оставались на ногах еще несколько часов, обошли все окрестности, собрали два фунта собачьего дерьма и отправили их почтовой посылкой по новому адресу низвергнутого деспота.

Хотя посылка была анонимной и обратный адрес был выдуманным, они считали, что

профессор мог бы вычислить отправителей, потому что после достаточного количества двойных мартини он иногда принимался оплакивать неспособность своего сына к обучению, громогласно заявляя, что вонючая куча удобрений и то обладает большим академическим потенциалом, нежели Скит: «Твоя эрудиция находится примерно на одном уровне с экскрементами, мой мальчик, ты неотесан, как кривая табуретка, так же культурен, как куча дерьма, менее понятлив, чем коровья лепешка, и проницателен, как жопа». Посылая ему коробку с собачьим дерьмом, они желали подвигнуть его на то, чтобы он смог применить на практике свои глубочайшие познания в области теории образования и сотворить из содержимого почтового отправления лучшего ученика, чем был Скит.

Спустя всего несколько дней после того, как фальшивого Колфилда вышвырнули в рожь над пропастью, в доме поселился доктор Лэмптон. Все взрослые были невыносимо цивилизованными и чересчур нетерпеливыми для того, чтобы облегчать друг другу пути к достижению личных стремлений, и потому Клодетта объявила детям, что за немедленным и неизбежным разводом сразу же последует новый брак.

На этом праздники Дасти и Скита окончились. Не прошло и двадцати четырех часов, как они узнали, что скоро настанет день, после которого они с ностальгической тоской будут вспоминать те золотые годы, что провели под указующим перстом псевдо-Холдена, поскольку доктор Дерек Лэмптон наверняка пометит их своим традиционным личным номером: 666.

В этот момент Скит вернул Дасти из прошлого:

— У тебя такой вид, словно ты только что проглотил червяка. О чем ты думаешь?

Он все так же, скорчившись в позе эмбриона, лежал на кровати, но его слезящиеся глаза были открыты.

— О Гаде Лэмптоне, — ответил Дасти.

— Дружище, ты слишком много думаешь о нем, теперь уже я попробую уговорить *тебя* слезть с крыши. — Скит спустил ноги с кровати и сел.

Валет подошел к Скиту и облизал его дрожащие руки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дасти.

— Как после самоубийства.

— После, это хорошо. — Дасти вынул из кармана рубашки два лотерейных билета и протянул их Скиту. — Как обещал. Купил их в круглосуточном магазинчике недалеко отсюда, том самом, где в минувшем ноябре продали билет с самым большим выигрышем, тем, что сорвал куш в тридцать миллионов долларов.

— Держи их подальше от меня. После моего прикосновения у них не будет ни единого шанса на выигрыш.

Дасти подошел к тумбочке, открыл ящик и вынул оттуда Библию. Он пролистал ее, пробегая стихи глазами, а потом прочел строку из Иеремии:

— «Благословен человек, который надеется на Господа…»[1] Как ты насчет этого?

— Ну, пока что я научился не доверять метамфетаминам.

— Это уже прогресс, — ответил Дасти. Он положил билеты в Библию на ту страницу, слова с которой прочел, и положил книгу в ящик.

Скит встал с кровати и, шатаясь, побрел в ванную.

— Пойти пописать.

— Пойти посмотреть?

— Не волнуйся, братец, — откликнулся Скит, включая свет. — Здесь нет ничего такого, чем я мог бы угробить себя.

— Ты можешь прыгнуть в пасть «джона» и спустить воду, — возразил Дасти, входя вслед за ним в открытую дверь.

— Или скрутить веревку из туалетной бумаги.

— Смотрю, ты стал слишком умным. За тобой нужен глаз да глаз.

В туалете стоял плотно закрытый бачок с кнопочным сливным механизмом; там не

1 Иеремия, гл. 17, ст. 7.

было ни одной части, которую было бы легко снять, чтобы добраться до металлических деталей, с помощью которых можно перерезать себе вены.

Минутой позже, когда Скит мыл руки, Дасти вынул из кармана сложенные листочки и громко прочел вслух, глядя на верхний, то, что писал Скит:

— Доктор Ен Ло.

Кусок мыла выскользнул из рук Скита и упал в раковину. Скит не стал поднимать его. Он прислонялся к раковине бедрами, держа руки под струей; вода смывала пену с его пальцев. Упустив мыло, он что-то сказал, но его слова нельзя было разобрать из-за шума воды.

Дасти вскинул голову.

— Что ты говоришь?

— Я слушаю, — отозвался Скит, слегка повысив голос.

— Кто такой доктор Ен Ло? — спросил Дасти, озадаченный ответом.

Скит не отвечал.

Он стоял спиной к Дасти. Голова была низко наклонена, и поэтому его лицо нельзя было рассмотреть в зеркале. Он, казалось, разглядывал свои руки, которые все так же держал под струей воды, хотя на них уже давно не должно было остаться ни малейшего следа мыла.

— Эй, Малыш?

Молчание.

Дасти втиснулся в тесную ванную рядом с братом. Скит неотрывно глядел вниз, на свои руки, глаза сияли, как будто от удивления, рот был приоткрыт с каким-то благоговейным выражением, словно в стиснутых руках скрывалась великая тайна бытия.

Над раковиной начало расти облачко пахнувшего мылом пара. Хлеставшая из крана вода была отчаянно горячей. Руки Скита, обычно очень бледные, стали ярко-красными.

— Боже мой! — Дасти поспешно выключил воду. Металлический кран оказался настолько горячим, что к нему трудно было прикоснуться.

Очевидно, не чувствуя никакой боли, Скит все так же держал свои полуошпаренные руки под краном.

Дасти пустил холодную воду, и его брат даже виду не подал, что заметил это изменение. Он не выказывал никакого ощущения дискомфорта, пока на него лился кипяток, а теперь, казалось, ему совершенно не стало легче от холодной воды. За лишенным двери проемом жалобно заскулил Валет. Задрав голову, он попятился на несколько шагов в спальню. Пес безошибочно знал, что у людей что-то не в порядке.

Дасти взял брата одной рукой за плечо. Все так же держа руки перед собой, не сводя с них остановившегося взгляда, Скит позволил вывести себя из ванной. Он опустился на край кровати и, положив руки на колени, принялся изучать их с таким видом, будто пытался прочесть свою судьбу на линиях ладоней.

— Не шевелись, — приказал Дасти и торопливо вышел из комнаты, чтобы найти Тома Вонга.

ГЛАВА 19

Въехав в гараж, Марти была неприятно разочарована, не увидев там фургона Дасти. Поскольку муж ни в коем случае не мог работать под дождем, она твердо рассчитывала найти его дома.

В кухне ее ждала короткая записка, прижатая к дверце холодильника керамическим помидором с магнитом: «О, Прекрасная. Я вернусь домой к 5:00. Мы отправимся на обед. Люблю тебя даже сильнее, чем такос[1]. Дасти».

---

1 Такос — мн. ч. от «тако» — блюдо мексиканской кухни, род блинчика — зажаренная тортилья (плоская маисовая лепешка, заменяющая в Мексике хлеб) с начинкой из жареного мелко нарезанного мяса, салата, помидоров и сыра.

Она отправилась в ванную и, только когда уже мыла руки, заметила, что на двери аптечки не хватает зеркала. От него остался лишь крошечный осколок посеребренного стекла, застрявший в нижнем правом углу металлической рамки.

Вероятно, Дасти случайно разбил его. И старательно убрал осколки, не заметив только одного маленького кусочка, оставшегося на своем месте.

Если разбитое зеркало означало несчастье, то сегодня был самый неподходящий из всех возможных дней для того, чтобы проверять эту примету.

Хотя желудок у Марти был уже совершенно пуст, она все еще ощущала позывы тошноты. Она взяла стакан, положила туда лед и налила имбирного пива. Обычно, когда у нее бывали нелады с желудком, ей помогало что-нибудь холодное и сладкое.

Куда бы ни ушел Дасти, он, судя по всему, взял с собой Валета. И хотя в действительности их дом был маленьким и уютным, но сейчас он казался ей большим, холодным и пустым.

Марти сидела на кухне у стола, за которым они завтракали по утрам, у залитого дождем окна и, потягивая имбирное пиво, пыталась решить, что для нее сегодня будет лучше: куда-нибудь отправиться или же остаться дома.

Она намеревалась за обедом — если, конечно, у нее хватит сил, чтобы есть, поделиться с Дасти тревожными событиями нынешнего дня и заранее опасалась, что ее может услышать официантка или другие посетители. Кроме того, ей не хотелось бы оказаться на публике, если с ней вдруг случится еще один приступ наподобие того, что скрутил ее по дороге домой.

С другой стороны, если они останутся дома, то она вряд ли сможет заставить себя приготовить обед…

Марти перевела взгляд с пива на доску с ножами, висевшую на стенке около раковины. В стакане, который она судорожно стиснула задрожавшей правой рукой, зазвякали кубики льда.

Блестящие нержавеющие лезвия кухонных инструментов сверкали как-то странно, будто не просто отражали свет, но сами испускали его.

Поставив стакан на стол и опустив руку на колено, Марти заставила себя смотреть в сторону. Но ее глаза сразу же вернулись к ножам, словно их притянуло какой-то силой.

Марти точно знала, что не способна к насилию над другими, кроме, наверно, тех случаев, когда нужно защитить себя, тех, кого она любит, и невинных. Она также сомневалась, что была в состоянии причинить вред сама себе.

Однако вид ножей так взбудоражил ее, что она не могла усидеть на месте. Она поднялась, постояла в нерешительности несколько секунд, вошла в столовую, потом в гостиную. Она двигалась безостановочно и вроде бы бесцельно, хотя на самом деле стремилась увеличить расстояние между собой и доской с ножами.

Переставив безделушки, которые вовсе не нужно было переставлять, поправив абажур, который не был перекошен, тщательно уложив подушки, которые и так аккуратно лежали на своих местах, Марти вышла в холл и, открыв дверь, вышла за порог, в подъезд.

Ее сердце билось с такой силой, что от ударов содрогалось все тело. С каждым ударом по артериям устремлялся такой поток, что все, находившееся у Марти перед глазами, пульсировало вместе с тяжкими приливами крови.

Нетвердо ступая подкашивавшимися, словно ватными, ногами, она прошла дальше и остановилась перед невысокой лесенкой. Положила руку на перила…

Чтобы уйти как можно дальше от доски с ножами, ей нужно было выйти наружу, в шторм, который немного стих и превратился в простой сильный дождь. Но ведь всюду, куда бы она ни направилась, на любом краю света, при хорошей и плохой погоде, при свете и в темноте она столкнется с острыми предметами, наточенными лезвиями, зубчатыми краями, с инструментами, посудой и приспособлениями, которые могут быть использованы для злых целей.

Ей нужно было как-то усмирить расходившиеся нервы, остановить мятущиеся мысли, изгнать эти странные представления. Успокоиться.

Боже, помоги мне.

Она попробовала несколько раз медленно и глубоко вздохнуть, но вместо этого ее дыхание стало еще более частым и неровным. Когда же Марти закрыла глаза, надеясь найти покой в своем внутреннем мире, то обнаружила темный головокружительный хаос.

Она не будет в состоянии овладеть собою до тех пор, пока не наберется смелости, чтобы возвратиться на кухню и выступить лицом к лицу против той вещи, которая вызвала этот приступ тревоги. Ножи. Она должна справиться с ножами, и быстро, до того, как это неуклонно нарастающее беспокойство перерастет в настоящую панику.

Ножи.

Марти неохотно отвернулась от лестницы. Вновь шагнула к остававшейся открытой двери дома.

Вестибюль за порогом, в доме, выглядел неприветливо. Это был ее горячо любимый маленький домик, место, где она была более счастливой, чем когда-либо прежде в своей жизни, но теперь он казался ей почти таким же чужим, как если бы принадлежал незнакомым людям.

Ножи.

Она перешагнула через порог, постояла секунду-другую в неуверенности и закрыла за собой дверь.

ГЛАВА 20

Хотя кожа на руках Скита и получила довольно сильный ожог, она уже не была такой красной, как несколько минут назад. Том Вонг намазал ему руки кортизоновым кремом.

Видя жутковатую отрешенность, в которой пребывал Скит, и его упорное нежелание отвечать на вопросы, Том взял у него кровь для проверки на наркотики. Хотя сразу же по приезде в «Новую жизнь» Скит был раздет догола и его одежду и тело тщательно осмотрели на предмет спрятанных психотропных препаратов, но ничего не нашли.

— Это могла быть замедленная вторичная реакция на то, чем он накачался этим утром, — предположил Том, выходя со взятой пробой крови.

На протяжении нескольких последних лет Скит, периодически впадая в наркотическую зависимость, продемонстрировал больше странностей, чем Дональд Дак в мультфильмах, но Дасти никогда прежде не видел ничего подобного этому полукататоническому оцепенению.

Валету дома не дозволялось никаких вольностей в пользовании мебелью, но сейчас он, казалось, был настолько обеспокоен состоянием Скита, что забыл о приличиях и свернулся в кресле. Дасти, полностью разделяя тревогу ретривера, не стал сгонять Валета с запретного места. Сам он сидел на краю кровати, рядом с братом.

Скит теперь лежал, вытянувшись, на спине; его голова покоилась на стопке из трех подушек. Он глядел в потолок. В свете ночника его лицо было таким же спокойным, как у медитирующего йога.

У Дасти ни на минуту не выходила из головы та одержимость, с которой брат царапал в блокноте незнакомое имя.

— Доктор Ен Ло, — негромко пробормотал он.

Все так же пребывая вне окружающего мира, Скит заговорил впервые с тех пор, как Дасти упомянул это имя, когда он находился в ванной.

— Я слушаю, — сказал он точно так же, как и в тот раз.

— Что ты слушаешь?

— Что я слушаю?

— Что ты делаешь?

— Что я делаю? — опять переспросил Скит.

— Я спросил у тебя, что ты слушаешь.

— Тебя.

— Ладно. Тогда скажи мне, кто такой доктор Ен Ло.

— Ты.

— Я. Но ведь я же твой брат, ты помнишь?

— Ты хочешь, чтобы я это помнил?

— Ладно, но ведь это правда, не так ли? — нахмурившись, продолжал Дасти.

Лицо Скита было все таким же застывшим и невыразительным.

— А это правда? Я в растерянности.

— Я тоже.

— А что с тобой случилось? — с неподдельной серьезностью спросил Скит.

— Скит?

— Угу?

Дасти посидел в раздумье, пытаясь понять, насколько далеко от действительности мог пребывать парень.

— Ты знаешь, где находишься?

— А где я нахожусь?

— Значит, не знаешь?

— А я должен знать?

— Ты можешь посмотреть вокруг?

— А я могу?

— Это что, аттракцион Эббота и Костелло?

— Вот это?

— Оглянись вокруг, — попросил расстроенный Дасти.

Скит сразу же оторвал голову от подушек и осмотрел комнату.

— Я уверен, что ты знаешь, где находишься, — сказал Дасти.

— В клинике «Новая жизнь».

Скит вновь опустил голову на подушки. Его глаза опять уставились в потолок, и через несколько секунд в них появилось какое-то новое странное выражение.

Не доверяя своим глазам, Дасти наклонился к брату, чтобы получше рассмотреть его лицо. В слабом искусственном освещении правый глаз Скита был золотым, а левый — темнее, цвета густого меда, и от этого возникало неприятное ощущение, будто из одного и того же черепа смотрели два разных лица.

Однако вовсе не этот фокус освещения привлек внимание Дасти. Ему пришлось подождать с минуту, не меньше, прежде чем он снова увидел то, что показалось ему странным: глазные яблоки Скита быстро задвигались в орбитах, это продолжалось несколько секунд, а потом взгляд снова стал неподвижным.

— Да, клиника «Новая жизнь», — с запозданием подтвердил Дасти. — А ты знаешь, для чего ты здесь?

— Чтобы очистить организм от яда.

— Верно. Но ты принимал что-нибудь после того, как тебя осмотрели? Ты каким-то образом протащил сюда наркотики?

Скит вздохнул.

— Что ты хочешь от меня услышать?

Его глаза задвигались. Дасти считал про себя секунды. Пять. Потом Скит моргнул, и его взгляд вновь остановился.

— Что ты хочешь от меня услышать? — повторил он.

— Просто-напросто скажи правду, — подбодрил его Дасти. — Скажи мне: ты принимал здесь наркотики?

— Нет.

— Тогда что с тобой происходит?

— А ты хочешь, чтобы со мною что-то происходило?

— Черт побери, Скит!

Скит чуть заметно хмурил брови.

— Все должно быть не так.

— Что — все — должно быть не так?

— Это. — Уголки рта капризно перекосились. — Ты нарушаешь правила.

— Какие правила?

Скит чуть напряг свои худые руки; пальцы согнулись и сложились в какое-то подобие кулаков. Его глаза снова задвигались; на сей раз не только из стороны в сторону, но и круговыми движениями. Семь секунд.

БС — Быстрый сон, он же парадоксальный сон. По утверждениям психологов, такие движения закрытых глаз указывают на то, что спящий видит сны.

Глаза Скита не были закрыты, и он, хотя и пребывал в каком-то странном нездоровом состоянии, все же не спал.

— Помоги мне, Скит, — попросил Дасти, — я слегка запутался. О каких правилах мы говорим? Скажи мне, что в этих правилах говорится.

Скит ответил не сразу. Хмурая морщинка между его бровями постепенно таяла. Кожа на лице становилась гладкой и прозрачной, как рафинированное масло, пока не стало казаться, что сквозь нее просвечивают белые кости черепа. А взгляд все так же упирался в потолок.

Глаза опять задвигались, а когда БС закончился, он наконец заговорил. В голосе не чувствовалось того напряжения, что было несколько минут назад, он звучал уже не так монотонно.

— Легкий порыв, — прошептал Скит.

Эти два слова могли иметь определенный смысл, а могли оказаться выхваченными наугад из глубин памяти, как шарики из лотерейного барабана.

— Легкий порыв… — повторил Дасти. Брат не ответил, и он снова обратился прямо к нему: — Мне нужна еще помощь, Малыш.

— И волны разносят, — прошептал Скит.

Дасти обернулся, услышав за спиной легкий шум.

Валет вылез из кресла. Пес высунулся из спальни в маленькую прихожую, а за дверью обернулся и застыл там, пристально вглядываясь в помещение. Его уши были прижаты к голове, а хвост запрятан между ног, будто он чего-то напугался.

И волны разносят.

Лотерейных шариков прибавилось.

Маленький белый, как снег, мотылек с тончайшим узором вдоль кромки хрупких белых крылышек сел на повернутую ладонью вверх правую руку Скита. И пока бабочка ползала по его ладони, пальцы не пошевелились, казалось, что он совершенно не чувствовал щекотания от прикосновения насекомого. Его губы были приоткрыты, челюсть отвисла. Дышал Скит настолько неглубоко, что его грудь не вздымалась и не опадала. Глаза снова задвигались, но после того, как этот безмолвный приступ завершился, Скит мог сойти за мертвеца.

— Легкий порыв, — еще раз повторил Дасти, — и волны разносят… Это что-нибудь означает, Малыш?

— Это? Ты попросил, чтобы я сказал тебе, что говорится в правилах.

— И вот это и есть правила? — спросил Дасти.

Глаза Скита задвигались. Прошло несколько секунд. Потом он произнес:

— Ты знаешь правила.

— Давай притворимся, что не знаю.

— Их всего два.

— Два правила?

— Да.

— Не таких простых и ясных, как правила покера?

Скит промолчал.

Хотя это все звучало как совершенная бессмыслица, порожденная хаотическими всплесками из глубин одурманенного наркотиками сознания, у Дасти сложилось странное

убеждение в том, что эта странная беседа имела реальное, хотя и скрытое, значение и что она вела к какому-то горькому открытию.

— Скажи мне, сколько всего правил, — сказал он, низко склонившись к лицу брата.

— Ты знаешь, — ответил Скит.

— Давай считать, что не знаю.

— Три.

— А какое третье правило?

— Голубые сосновые иглы.

Легкий порыв. И волны разносят. Голубые сосновые иглы.

Валет, который редко лаял, а рычал еще реже, теперь, стоя в открытой двери и глядя в прихожую, испустил басовитое угрожающее ворчание. Шерсть у него на загривке стояла дыбом, и это выглядело не менее выразительно, чем у какой-нибудь мультипликационной собаки, столкнувшейся с мультипликационным призраком. Хотя Дасти не мог этого сказать с уверенностью, причиной неудовольствия Валета, похоже, был бедняга Скит.

— Объясни мне эти правила, Скит, — сказал Дасти, подумав примерно с минуту. — Расскажи, что они означают.

— Я — это волны.

— Понятно, — протянул Дасти, хотя на самом деле в этих словах для него было даже меньше смысла, чем если бы Скит словами из песни «Битлз» их психоделического периода заявил: «Я — морж».

— Ты — порыв, — продолжал Скит.

— Ну, конечно, — согласился Дасти просто для того, чтобы подбодрить его.

— А иглы — это поручения.

— Поручения?

— Да.

— И все это имеет какой-то смысл?

— Имеет смысл?

— Вероятно, да.

— Да.

— Ну, а я не вижу во всем этом никакого смысла.

Скит промолчал.

— Кто такой доктор Ен Ло? — в который раз спросил Дасти.

— Кто такой доктор Ен Ло? — Пауза. — Ты.

— Я думал, что я — порыв.

— Это одно и то же.

— Но я не Ен Ло.

На лбу Скита вновь появились хмурые морщинки. Его бледные тонкие пальцы, лежавшие расслабленно, снова сделали попытку сжаться в кулаки; из полузакрытой ладони вылетел хрупкий белоснежный мотылек.

Проследив за еще одним периодом быстрого сна, Дасти спросил:

— Скит, ты не спишь?

— Я не знаю, — ответил младший брат после недолгого раздумья.

— Ты не знаешь, спишь ты или нет? В таком случае… ты, наверно, спишь.

— Нет.

— Если ты не спишь и не уверен, что бодрствуешь, тогда какой ты?

— Какой я?

— Это был мой вопрос.

— Я слушаю.

— Ты пошел обратно.

— Куда?

— Что куда?

— Куда я пошел? — спросил Скит.

Дасти вдруг почувствовал испуг, все сильнее ощущая, что этот разговор полон глубокого, если не мистического, значения и они мало-помалу приближаются к открытию, которое внезапно придаст смысл всему происходящему. Но, несмотря на уникальный и чрезвычайно специфический характер этого разговора, он сейчас казался столь же иррациональным и угнетающим, как и многочисленные другие беседы, которые они уже вели раньше, когда мозги Скита были не в порядке после причиненного самому себе наркотического отравления.

— Куда я пошел? — повторил Скит.

— Ах, поспи немного и дай мне передохнуть! — с сердцем воскликнул Дасти.

Скит покорно закрыл глаза. На его лицо снизошло умиротворение, а полусжатые кулаки расслабились. Практически сразу же в его дыхании установился неглубокий, медленный спокойный ритм. Он негромко всхрапнул.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — вслух спросил Дасти. Он внезапно почувствовал, что загривок у него покрылся гусиной кожей, и принялся разминать шею сзади правой ладонью, чтобы убрать неприятное ощущение. Но, однако, его рука вдруг сделалась холодной, а мурашки, покрывавшие шею, перешли дальше, в глубь позвоночника.

Из прихожей возвратился Валет. Шерсть у него больше не стояла дыбом, и он, насмешливо пофыркивая, обследовал темные углы и заглянул под кровать. Того, что пугало собаку, в комнате больше не было.

Судя по всему, Скит уснул, потому что ему приказали сделать это. Но ведь это же было невозможно — заснуть вот так, в один миг, по команде…

— Скит?

Дасти взял брата за плечо и легонько потряс. Потом сильнее.

Скит не реагировал. Он продолжал негромко похрапывать. Его веки подергивались одновременно с движениями закрытых глаз. Быстрый сон. На сей раз он наверняка смотрел сны.

Приподняв правую руку Скита, Дасти нащупал двумя пальцами лучевую артерию на запястье брата. Пульс у Малыша был сильным, ровным, но замедленным. Дасти посчитал. Сорок восемь ударов в минуту. Чересчур медленно, даже для спящего.

Тем не менее Скит, несомненно, пребывал в царстве сновидений. И *далеко* углубился туда.

ГЛАВА 21

Доска с ножами из нержавеющей стали висела на двух ввернутых в стену крючках, как тотем какого-то сатанинского клана, который использовал кухню для куда более зловещих дел, чем приготовление обеда. Марти, не прикасаясь к ножам, сняла доску со стены. Положила ее на нижнюю полку буфета и быстро закрыла дверцу.

Нет. Плохо. То, что пребывало вне поля зрения, не было скрыто от ее сознания. Ножи оставались легкодоступными. Ей следовало убрать их туда, откуда их было бы труднее достать.

Она вышла в гараж, нашла пустую картонную коробку, моток скотча и вернулась в кухню. Присев на корточки перед шкафом, в который она положила ножи, Марти не сразу смогла заставить себя открыть дверцу. Если честно сказать, она боялась даже прикоснуться к ней, словно это был не обыкновеннейший кухонный буфет, а сатанистский реликварий, в котором покоится кусок роговой корки, срезанной с хромого копыта Вельзевула. Чтобы достать оттуда свою кухонную принадлежность, ей пришлось собрать все остатки смелости, и все же, когда наконец она осторожно вынула ее с полки, ее руки тряслись с такой силой, что лезвия грохотали в своих зажимах.

Она положила ножи в коробку и закрыла откидные картонные створки. А потом, начав обматывать коробку клейкой лентой, осознала, что скотч нужно будет отрезать.

Но, открыв ящик, в котором лежали ножницы, Марти не смогла заставить себя вынуть их оттуда. Они могли оказаться смертоносным оружием. Ей довелось увидеть неисчислимое множество кинофильмов, в которых убийцы использовали ножницы вместо мясницкого ножа.

На человеческом теле так много мягких, уязвимых мест. Пах. Живот. Межреберье, за которым лежит сердце. Горло. Боковая сторона шеи.

В сознании Марти, словно набор фотографий из полицейского архива с изображением преступлений серийных убийц-маньяков — НА КАЖДОЙ ОТКРЫТКЕ В ПОДРОБНОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНЫ ЖЕРТВЫ ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ! В АЛЬБОМЕ СОБРАНЫ ЦВЕТНЫЕ ФОТОГРАФИИ КОЛЛЕКЦИИ ЗАМОРОЖЕННЫХ ГОЛОВ, СОБРАННОЙ ДЖЕФФРИ ДЭМЕРОМ! — всплыли отвратительные видения.

С грохотом задвинув ящик и повернувшись к нему спиной, она попыталась изгнать из мыслей эти кошмарные картины, которые с дикарским ликованием выкинула наружу какая-то ненормальная часть ее души.

Она была одна в доме. Она не могла никому причинить вреда при помощи этих ножниц. Кроме самой себя, конечно.

Начиная с такой неожиданной и странной реакции на меццалуну, попавшуюся ей на глаза в кухне Сьюзен, и на автомобильный ключ несколькими минутами позже, Марти ощущала, что в ней возникает — или овладевает ею — странная и необъяснимая, абсолютно новая для нее способность к насилию, и она боялась того, что в приступе своего внезапно прорывающегося безумия может причинить какому-нибудь ни в чем не повинному человеку непоправимый вред. А теперь она впервые заподозрила, что в своем затменном состоянии могла сделать что-то страшное и с собою.

Она внимательно взглянула на коробку, в которую убрала ножи. Если она отнесет ее в гараж, задвинет в угол и навалит сверху всякого хлама, то все равно коробку можно будет вытащить за минуту. Единственную полоску скотча ничего не стоит оторвать одним движением, дернув за свисающий сбоку большой рулон, откинуть створки крышки и достать ножи.

Хотя мясницкий нож — все ножи — оставался в коробке, она ощущала тяжесть этого оружия, будто держала его в правой руке: большой палец твердо упирается в холодное лезвие, остальные пальцы обхватили деревянную ручку, сгиб указательного пальца прижат к упору, мизинец упирается в загнутый конец рукояти. Так ей следовало держать нож для того, чтобы нанести удар снизу вверх, сильный и резкий удар, и, глубоко вонзив оружие, выпотрошить какую-то ничего не подозревающую жертву.

Кисть правой руки охватила дрожь. Через несколько секунд она перекинулась на всю руку, и вскоре Марти уже дрожала всем телом. Ее стиснутые пальцы разжались, как если бы она попыталась отбросить в сторону воображаемый нож, и, даже осознавая свое сумасшествие, она все равно была готова услышать звон стального лезвия о кафельный пол.

Господи, во имя твое! Она не способна совершить такие злодеяния ни одним из этих ножей. И также она не способна совершить самоубийство или изуродовать себя.

Возьми себя в руки.

И все же она не могла заставить себя прекратить думать о режущих и распарывающих сияющих лезвиях и заточенных остриях. Она пыталась изгнать из мыслей эту кошмарную галерею Джека-Потрошителя, но перед ее внутренним взором с молниеносной быстротой раскладывался тошнотворный пасьянс, карты, вращаясь, сменяли одна другую — щелк-щелк-щелк, — пока она не пошатнулась от головокружения, пробежавшего от темени через грудь и больно стиснувшего желудок.

Она не помнила, как опустилась на колени перед коробкой. Она не помнила и того, как схватила свисавший рулон скотча, но внезапно обнаружила, что снова и снова переворачивает коробку, еще и еще раз обматывает ее лентой, сначала несколько раз по длине, затем по ширине, а затем и по диагонали.

Ее напугал тот безумный пыл, с которым она занималась этим делом. Она попробовала

отдернуть руки, отвернуться от коробки, но не смогла вынудить себя остановиться.

Продолжая трудиться так быстро и напряженно, что вся покрылась тонким липким слоем пота, тяжело дыша, поскуливая от волнения, Марти, чтобы избежать прикосновения к ножницам, израсходовала весь рулон, на котором было написано «Экономичная расфасовка». Картонная коробка оказалась полностью спеленута лентой — так фараоновы бальзамировщики Древнего Египта заворачивали мертвые тела своих властителей в пропитанные танином хлопковые саваны.

Но когда лента кончилась, Марти не испытала удовлетворения. Она все еще знала, где ножи находятся. Конечно, до них теперь было не так легко добраться.

Для того чтобы открыть коробку и добраться до кухонного набора, ей понадобилось бы прорезать много слоев прочной клейкой ленты, но она никогда не осмелилась бы воспользоваться лезвием или ножницами, без которых это невозможно сделать, так что, по идее, теперь она могла почувствовать облегчение. Но все же коробка не была банковским сейфом; это была простая картонка, и Марти не была в безопасности — никто не был в безопасности, — пока она точно знала, где находятся ножи, и пока имелся хоть малейший шанс, что она может добраться до них.

Над морем ее души поднимался мрачный красный туман ужаса, холодный клубящийся туман, являвшийся порождением самой темной части ее существа; он окутывал ее сознание, омрачая мысли, усиливая растерянность, а с ростом растерянности рос и страх.

Она вынесла коробку из дома через заднюю дверь, чтобы захоронить ее во дворе. А для этого следовало вырыть яму. То есть воспользоваться лопатой или киркой. Но эти орудия были не просто инструментами: они были также потенциальным оружием. Она не могла настолько доверять себе, чтобы взять в руки лопату или кирку.

Она выпустила пакет из рук. В коробке загремели ножи: приглушенный, но тем не менее ужаснувший ее звук.

Вообще избавиться от ножей. Выбросить их. Это было единственным решением.

Завтра по графику должны были вывозить мусор. Если она бросит ножи в кучу хлама, то завтра утром их отвезут на свалку.

Она не знала, где была расположена свалка. Понятия не имела. Где-нибудь далеко на востоке, в находящемся на отшибе карьере. Возможно, даже в другом графстве. Если ножи окажутся на свалке, то она никогда не сможет снова найти их. После отъезда мусорщиков она окажется в безопасности.

Сердце Марти с грохотом колотилось о ребра. Она схватила ненавистный пакет и спустилась по ступенькам.

* * *

Том Вонг пощупал пульс Скита, выслушал его сердце и измерил кровяное давление. Прикосновение холодной головки стетоскопа к обнаженной груди Малыша, тугая хватка манжетки на правой руке не вызвали у него абсолютно никакой реакции. Он не вздрогнул, не мигнул, не вздохнул, не вскрикнул, ничего не пробормотал… Он лежал совершенно расслабленно и был бледен, как очищенный, подготовленный для жарки кабачок.

— Когда я считал пульс, было сорок восемь, — сказал Дасти. Он стоял в изножье кровати, наблюдая за действиями медика.

— Сейчас сорок шесть.

— Это не опасно?

— Возможно, нет. Вернее, это еще не основание для тревоги. Согласно диаграмме в истории болезни, нормальный пульс

Скита, когда он не находился под влиянием наркотиков, был трезв и бодрствовал, составлял в среднем шестьдесят шесть. Во сне частота пульса снижается на десять-двенадцать ударов.

— Иногда бывает, что пульс у спящих замедляется до сорока, — сказал Том, — хотя это случается нечасто. — Он по одному приподнял веки Скита и исследовал его глаза офтальмоскопом. — Зрачки одинакового размера, но все же нельзя исключить инсульт.

— Мозговое кровоизлияние?

— Или эмболия. Ну а если это не инсульт, то может оказаться какой-то разновидностью комы. Диабетической. Уремической.

— Он не страдал диабетом.

— Я лучше вызову доктора, — сказал Том и вышел из комнаты.

* * *

Дождь прекратился, но овальные листья индийских лавров, словно печальные зеленые глаза, продолжали лить слезы.

Держа в руке пакет с ножами, Марти поспешно вышла к восточной стороне дома и распахнула ворота сарая, где стояли мусорные бачки.

Наблюдавшая часть ее существа, нормальная часть, заключенная в тюрьму страха, мрачно констатировала, что ее поза и движения напоминали поведение марионетки: вытянув вперед голову на напряженной шее, вздернув плечи, судорожно выбрасывая локти и колени, она, дергаясь, торопливо ковыляла вперед.

Если она была марионеткой, то кукольником был Джонни-Паника. В колледже некоторые из ее друзей были без ума от блестящей поэзии Сильвии Плат; и хотя Марти находила творчество Плат слишком нигилистическим и депрессивным для того, чтобы эти стихи могли ей понравиться, она помнила одно болезненное наблюдение поэтессы — убедительное объяснение того, почему некоторые люди бывают жестокими друг с другом и принимают столь много самоубийственных решений. «Отсюда, со своего места, — писала Плат, — я вижу, что над миром властвует одна и только одна вещь. Паника с собачьей мордой, с лицом дьявола, с лицом ведьмы, с лицом шлюхи, паника — заглавными буквами безликая вовсе — это все тот же Джонни-Паника, бодрствующий или спящий».

На протяжении всех прожитых двадцати восьми лет мир Марти был в значительной степени свободен от паники, но зато был богат безмятежным сознанием общности, мира, цели и связи с Творением, поскольку ее отец помог ей приобщиться к убежденности в том, что каждая жизнь имеет смысл. Улыбчивый Боб сказал, что если всегда руководствоваться храбростью, честью, чувством собственного достоинства, правдой и состраданием и держать свой разум и сердце открытыми для тех уроков, которые преподает этот мир, тогда в конечном счете можно осознать смысл существования, возможно, даже в этом мире и уж наверняка в грядущем. Такая философия реально предоставляла возможность для более яркой жизни, менее подверженной различным страхам, чем у тех, кто был убежден в бессмысленности существования. И все же в конце концов Джонни-Паника непостижимым образом вошел и в жизнь Марти, каким-то образом поймал ее, прицепил к своим ниточкам, и теперь, дергая за них, заставляет ее участвовать в своем безумном представлении.

В сарайчике для мусора рядом с домом Марти откинула зажимы с третьего из пластмассовых бачков, единственного, который оставался пустым. Она бросила внутрь обмотанную скотчем коробку с ножами, со стуком поставила крышку на место и защелкнула проволочные зажимы.

Она должна была почувствовать облегчение.

На деле же ее беспокойство даже увеличилось.

В сущности, ничего не изменилось. Она знала, где находятся ножи. Она была в состоянии добраться до них, если решит это сделать. И они останутся в пределах ее досягаемости до завтрашнего утра, до тех пор, пока мусорщик не бросит их в свой грузовик и не уедет с ними.

И, что хуже всего, эти ножи были далеко не единственными предметами, при помощи

которых она могла бы реализовать те вновь обретенные идеи о насилии, которые так ужасали ее. Ее ярко окрашенный дом с его очаровательной пряничной мельницей мог бы показаться воплощением мира, но на самом деле он представлял собою прекрасно оборудованную скотобойню, оружейный склад, переполненный орудиями убийства, и, если мыслями овладеет стремление учинить погром, многие на первый взгляд совершенно невинные вещи можно будет использовать в качестве ножей или дубинок.

Ошарашенная и подавленная своим открытием, Марти сжала руками виски, словно надеялась таким образом физически подавить бунт ужасных мыслей, которые с воплями и кривлянием вырывались из темных глубин ее подсознания. Под ладонями и пальцами она ощущала биение пульса, а череп внезапно показался ей упругим. Чем сильнее она сжимала голову, тем сильнее становилось владевшее ею смятение.

Действовать. Улыбчивый Боб всегда говорил, что действие помогает решить большинство проблем. Страх, отчаяние, подавленность и даже по большей части гнев происходят от сознания того, что мы бессильны, беспомощны. Предпринять какие-то действия для того, чтобы решить наши проблемы, — это здоровый подход, но к действиям нужно приложить трезвое размышление и моральную оценку — только так можно надеяться совершить верные и наиболее эффективные поступки.

Марти не имела представления о том, совершает ли она правильный поступок или наиболее эффективный поступок, когда она вытащила из сарайчика большой колесный бачок и поспешно покатила его по дорожке к заднему крыльцу. Размышление и поиск моральных критериев требовали возможности подумать в спокойной обстановке, но она была захвачена тайфуном, бушевавшим в ее душе и мыслях, причем этот внутренний шторм с каждой секундой набирал все новые и новые силы.

Здесь и сейчас Марти знала не какие поступки ей было бы полезно совершить, а только то, что она *не может* не сделать. Она не могла ждать, пока наступит просветление, необходимое для того, чтобы логически оценить имеющийся у нее выбор; она должна действовать, делать что-нибудь, делать что угодно, потому что, если она останется без движения, пусть хотя бы на мгновение, грозная буря мятущихся черных мыслей обрушится на нее куда сильнее, чем если она будет двигаться. Она чувствовала, что, если она осмелится присесть или хотя бы приостановиться, для того чтобы несколько раз глубоко вздохнуть, ее может разорвать на части, рассеять по свету, сдуть; но при этом, если она будет продолжать непрерывно двигаться, то, возможно, совершит большее количество ошибочных поступков, чем верных, возможно, она будет совершать один глупый поступок за другим, правда, всегда имелся шанс, пусть даже и очень незначительный, что, руководствуясь инстинктом, она сделает что-нибудь правильно и таким образом заработает хоть какое-то облегчение, обретет хоть немного мира.

Кроме того, где-то на уровне кишок, где не имели значения мысли и рассуждения, где имели смысл только чувства, она знала, что ей необходимо так или иначе справиться со своим беспокойством и восстановить контроль над собой до того, как наступят сумерки. Первобытное существо, сидящее в глубине каждого из нас, в течение ночи поднимается все ближе к поверхности — ему поет луна, и холодная пустота между звездами говорит на его языке. В отсутствие света зло может показаться этому дикарю прекрасным. С наступлением темноты приступы паники могут превратиться во что-то еще худшее, даже в полное безумие.

Хотя дождь прекратился, черные грозовые тучи все так же покрывали небо от горизонта до горизонта, и на землю опускались преждевременные сумерки. Да и до настоящих сумерек было недалеко. С их наступлением задавленное тучами небо будет казаться черным, как ночь.

И жирные ночные гусеницы уже выползали с лужаек на дорожку. Улитки ползли своей дорогой, оставляя за собой липкие серебристые следы. От влажной травы, удобрений и прелых листьев, подсыпанных в клумбы, от тускло поблескивавших кустарников, от деревьев, с листьев которых продолжала капать вода, распространялся плодородный земляной аромат.

С наступлением сумерек Марти с тревогой ощутила ту изобильную жизнь, которую не

принимало солнце, но зато ночь щедро одаривала своим гостеприимством. Она осознала также, что отвратительная, как тысяченожка, часть ее существа восприняла приближение ночи с тем же восторгом, что и вся извивающаяся-ползающая-кишащая-скользящая живность, которая покидала свои укрытия между закатом и рассветом. Те корчи, что она ощущала внутри себя, не были проявлением одного лишь страха; это был ужасный голод, потребность, побуждение, которое она не смела сформулировать для себя.

Двигаться, двигаться, двигаться, сделать дом безопасным, создать убежище, в котором не останется ничего такого, что могло бы стать опасным в руках, стремящихся к насилию.

* * *

Большую часть персонала «Новой жизни» составляли медицинские сестры и фельдшеры, но каждый день с шести утра до восьми вечера там находился и терапевт. В эту смену дежурил доктор Генри Донклин; с ним Дасти уже встречался, когда Скит проходил в этой клинике первый курс лечения.

У доктора Донклина были слегка вьющиеся седые волосы, розовая, как у младенца, кожа, настолько гладкая и нежная, что казалась совершенно неподходящей для его возраста. В общем его внешность была столь приятной, даже ангелоподобной, что он с успехом мог бы сойти за преуспевающего телепроповедника, хотя в нем и не было той приторной и липкой маслянистости, сопутствующей обычно этой профессии, благодаря которой многие из электронных проповедников так легко соскальзывают от убеждения к проклятиям.

После отхода от частной практики доктор Донклин обнаружил, что отставка для него мало чем отличается от смерти. Он поступил на работу в «Новую жизнь» потому, что дело это было стоящее, чтобы не сказать, захватывающее, и, как он сам говорил, спасала от удушающего чистилища бесконечного гольфа и земного ада шаффлборда[1].

Донклин слегка пожал левую руку Скита, и тот, даже во сне, слабо ответил на пожатие. То же самое и с тем же результатом врач проделал и с правой рукой.

— Никаких явных признаков паралича, никакой одышки, — сказал Донклин, — он даже не надувает щеки при выдохе.

— Зрачки расширены одинаково, — подсказал Том Вонг.

Еще раз посветив в глаза Скита, Донклин продолжил свой быстрый осмотр.

— Кожа на ощупь не липкая, нормальная поверхностная температура. Я буду очень удивлен, если все же окажется, что это инсультная кома. Это не кровоизлияние, не эмболия и не тромбоз. Но мы еще раз проверим все эти возможности и, если не сможем достаточно быстро разобраться в ситуации, переведем его в больницу.

Дасти почувствовал, как в его душу вернулась капля оптимизма.

Валет стоял в углу и, вздернув голову, внимательно смотрел за происходившим. Возможно, он готовился к возвращению или вторичному явлению того непонятного, что совсем недавно заставило шерсть пса подняться дыбом и выгнало его из комнаты.

По указанию доктора Том приготовил катетер, чтобы вставить его Скиту и взять мочу на анализ.

Склонившись почти вплотную к лицу своего бессознательного пациента, Донклин сказал:

— Его дыхание не имеет сладковатого запаха, но мы все равно проверим мочу на альбумин и сахар.

— У него нет диабета, — напомнил Дасти.

— Это не похоже и на уремическую кому, — продолжал рассуждать врач. — В этом случае у него был бы жесткий частый пульс. Повышенное кровяное давление. А тут нет на одного из этих симптомов.

---

1 Игра, в которой стоящие игроки толкают или передвигают длинными киями деревянные или пластмассовые диски на пронумерованные выигрышные поля, размеченные на полу или специальной доске.

— А он может просто спать? — спросил Дасти.

— Чтобы так заснуть, — ответил Генри Донклин, — требуется заклинание злой ведьмы, если, конечно, он не откусил кусочка яблока Белоснежки.

— Все произошло вот как. Я слегка расстроился от общения с ним из-за того, как он вел себя, и велел поспать, сказал это довольно резко, и в тот же момент он отключился.

Донклин отреагировал очень сухо:

— Вы хотите сказать, что вы — ведьма? Вернее, колдун?

— Всего-навсего маляр.

Донклин был уверен в том, что у Скита не было инсульта, и поэтому рискнул дать ему понюхать карбонат аммония, но нюхательная соль не оказала на Скита никакого воздействия.

— Если он просто спит, — сказал врач, — то, значит, он наверняка относится к числу потомков Рипа ван Винкля.

* * *

Поскольку в мусорном бачке находилась лишь коробка с ножами, а колеса были большими, Марти смогла без особого труда затащить его на невысокую лесенку черного хода. Из глубины бачка, из-за его стенок и крышки, доносилась сердитая музыка ножей, позвякивавших один о другой.

Сначала она намеревалась ввезти бачок внутрь, но сразу же поняла, что таким образом доставит ножи обратно в дом.

Крепко стиснув ручку бачка, она замерла в нерешительности.

Главной ее задачей было освободить дом от всего потенциального оружия. И сделать это до того, как опустится полная темнота. До того, как сидящий в глубине подсознания первобытный человек перехватит на себя управление ее существом.

И, как только она остановилась, в эту неподвижность, с грохотом распахнув все двери и окна ее души, ворвался штормовой порыв ужаса.

Двигайся, двигайся, двигайся.

Марти оставила дверь черного хода открытой и поставила колесный бачок прямо за порогом; он оказался совсем близко, и его было удобно наполнять. Крышку бачка она положила рядом, прямо на бетон.

Вернувшись в кухню, она выдвинула ящик буфета и просмотрела его сверкающее содержимое. Столовые приборы. Салатные вилки. Обеденные вилки. Обеденные ножи. Ножи для масла. И еще десять ножей для бифштекса с деревянными ручками.

Она не прикасалась к опасным предметам. Вместо этого она осторожно вынула предметы более безопасные — столовые, чайные и кофейные ложки — и положила их на столик. Потом она полностью выдвинула ящик, поднесла его к открытой двери и перевернула вверх дном над бачком.

Вилки и ножи, звеня и подпрыгивая, стальным потоком обрушились в мусорный бак. Ледяной звон падающих предметов пронзил Марти до мозга костей.

Она поставила ящик в кухне на пол в углу, чтобы он не мешал на проходе. У нее не было времени для того, чтобы складывать в него спасенные ложки и задвигать ящик обратно в буфет.

Фальшивые сумерки незаметно превращались в сумерки настоящие. Через открытую дверь Марти услышала первые грубые песни маленьких зимних жаб, которые рисковали покидать свои убежища только по ночам.

Другой ящик. Различные кулинарные инструменты и устройства. Открывалка для бутылок. Картофелечистка. Ножик для очистки лимонов. Зловещий, похожий на шип, термометр для мяса. Маленький молоточек для отбивания мяса. Штопор. Миниатюрные колосья для шелушения кукурузных початков, сделанные из желтой пластмассы, с торчащей из каждого парой острых булавок.

Она была удивлена количеством и разнообразием обычных хозяйственных мелочей, могущих послужить оружием. Любой садист, вообразивший себя инквизитором, оказался бы прекрасно подготовленным, даже если бы не располагал ничем, кроме того богатства, которое сейчас открывалось перед глазами Марти.

Помимо всего этого, в ящике содержались большие пластиковые зажимы от пакетов картофельных чипсов, мерные ложки, мерные чашки, совок для дыни, несколько резиновых шпателей, проволочные венчики для взбивания и другие вещи, которые на первый взгляд не должны были оказаться смертоносными даже в руках у самого сообразительного человеконенавистника.

Марти нерешительно склонилась над ящиком, собираясь отделить безопасные вещи от опасных, но сразу отдернула руку. У нее не хватало смелости доверить себе решение этой задачи.

— Это сумасшествие, это полнейший бред, — произнесла она вслух, но ее голос был настолько искажен от страха и отчаяния, что она с трудом поверила, что сама произнесла эти слова.

И она вытряхнула в мусорный бачок все содержимое ящика и поставила его в угол поверх первого.

Дасти, где ты, черт возьми, шляешься? Ты мне нужен. Ты мне нужен. Вернись домой, пожалуйста, вернись домой.

Поскольку она была должна продолжать двигаться, чтобы не оказаться парализованной страхом, она набралась храбрости и открыла третий ящик. Несколько больших сервировочных вилок. Вилки для мяса. Электрический разделочный нож.

Снаружи, во влажных сумерках, разносились пронзительные песни жаб.

ГЛАВА 22

Марти Родс, изо всех сил стараясь не сорваться в полную панику, подталкиваемая навязчивой идеей, подгоняемая маниакальным влечением, ходила по кухне. Теперь ей казалось, что здесь бесчисленное множество орудий убийства, не меньше, пожалуй, чем на поле боя, где полегли две сражавшиеся армии.

В ящике около духовки она нашла скалку. Скалкой можно бить кого-нибудь по лицу, сломать нос, разбить губы, колотить, колотить и колотить до тех пор, пока не расколется череп, пока жертва не окажется на полу и будет глядеть на тебя невидящими глазами, с пятнистыми от кровоизлияний белками…

Хотя в доме не было никакой потенциальной жертвы, а сама Марти твердо знала, что не способна избить кого-либо дубиной, ей тем не менее пришлось долго уговаривать себя прежде, чем она осмелилась выхватить скалку из ящика. «Ну, возьми ее, давай, ради бога, возьми ее, вынь ее оттуда, избавься от нее», — беззвучно шептала она.

На полпути к бачку она выронила скалку. Та ударилась об пол, издав мертвенно-тупой отвратительный звук. Марти не смогла найти в себе силы, чтобы сразу же подобрать скалку. Она пнула ее ногой, и та подкатилась к порогу открытой двери.

Вместе с дождем улегся и ветер, наступил полный штиль, но через открытую дверь в кухню вливалось холодное дыхание сумерек. В надежде, что холодный воздух хоть немного прочистит ее голову, Марти несколько раз глубоко вздохнула, содрогаясь при каждом вздохе.

Нахмурившись, она уставилась на скалку, лежавшую под ногами. Все, что ей нужно было сделать, это просто поднять эту проклятую штуку и бросить ее в мусорный бак, стоявший за порогом. Она не останется у нее в руках дольше, чем секунду-другую.

Нет, конечно же, она не могла причинить кому-нибудь вред. И, даже если ее вдруг обуяет порыв к самоубийству, скалка не была идеальным средством для харакири, хотя, может быть, и лучше, чем резиновый шпатель.

С этой шуточкой она снизошла до того, чтобы брезгливо, двумя пальцами поднять

скалку с пола и бросить ее в бачок.

Заглянув в следующий ящик, она обнаружила множество всяких приспособлений, которые, в общем-то, не вызвали у нее тревоги. Сито для муки. Таймер для варки яиц. Давилка для чеснока. Шумовка. Дуршлаг. Ситечко для сока. Сушилка для листьев салата.

Ступка с пестиком. Неприятная штука. Ступка, величиной с бейсбольный мяч, была выдолблена из цельного куска гранита. Ею можно вышибить кому-нибудь мозги. Стать за спиной, размахнуться и с силой опустить, сделав вмятину в черепе.

Ступка должна была покинуть дом сейчас же, прежде чем вернется Дасти или какой-нибудь неосторожный сосед позвонит в дверь.

Пестик казался безопасным, но эти два предмета составляли комплект, и поэтому в бачке оказались оба. Гранит ступки был холодным, и даже после того, как выпустила ее из руки, в ладони осталось мучительно-приятное ощущение прохладной тяжести. Марти знала, что поступила со ступкой совершенно правильно.

Когда она выдвинула очередной ящик, раздался телефонный звонок.

— Дасти? — с надеждой в голосе спросила она.

— Это я, — ответил голос Сьюзен Джэггер.

— О! — мелькнувшая было надежда сменилась разочарованием. Марти постаралась взять себя в руки, чтобы в голосе не было заметно владеющего ею смятения. — Ну, как дела?

— С тобой все в порядке, Марти?

— Да, конечно.

— У тебя странный голос.

— У меня все нормально.

— Ты запыхалась.

— Я как раз только что поднимала кое-что тяжелое.

— Все-таки что-то не так.

— Все так. Не надо пилить меня, Суз. Для этого у меня есть мамочка. Так в чем же дело?

Марти хотелось отключить телефон. У нее оставалось так много дел. Столько кухонных ящиков и шкафов оставались неосмотренными. А ведь всякие опасные предметы, потенциальное оружие, были и в других комнатах. Орудия убийства были рассеяны по всему дому, а ей было необходимо найти их все до единого.

— Знаешь, это несколько неловко… — неожиданно сказала Сьюзен.

— Что?

— Марти, я же не параноик.

— Я точно знаю, что нет.

— Знаешь, он *действительно* иногда приходит сюда; время от времени, по ночам, когда я сплю.

— Эрик?

— Это может быть только он. Конечно, я знаю, что у него нет ключа, что двери и окна заперты, что в квартиру никак нельзя проникнуть, но это не может быть никто другой.

Марти выдвинула ящик рядом с телефоном. Среди других вещей там лежали те самые ножницы, к которым она не смогла прикоснуться немного раньше, когда захотела отрезать скотч.

А Сьюзен продолжала говорить:

— Ты спрашивала меня, откуда я знаю, что он был в доме: вещи передвинуты, запах его одеколона или что-нибудь в таком роде?

Ручки ножниц были покрыты черной резиной, чтобы их было удобнее держать.

— Но, Марти, это куда хуже, чем одеколон. Это жутко… неприлично.

Стальные лезвия были отполированы с внешних сторон, как зеркала, а их режущие поверхности были уныло серыми.

— Марти?

— Да, да, я слушаю. — Она с такой силой прижимала телефонную трубку к голове, что

было больно уху. — Так расскажи мне, что это за жуткая вещь.

— Так вот, я знаю, что он бывает здесь потому, что он оставляет свои… пятна.

Одно из лезвий было прямым и острым. На другом были зубцы. Оба были злобно заострены.

Марти изо всех сил старалась не упустить нить разговора, так как ее мысленный взор внезапно заполнился яркими видениями, в которых ножницы двигались, разрезали, наносили раны, пронзали, раздирали…

— Пятна?

— Ну, ты понимаешь…

— Нет.

— Его жидкость…

— Какая жидкость?

На одном лезвии надпись. Над самой осью выгравировано слово «Клик»; возможно, это было просто имя изготовителя, хотя оно странным образом отдавалось в мозгу Марти, будто это было волшебное слово с мистическим погибельным значением, в котором крылась тайная власть.

— Жидкость… капли… — промямлила Сьюзен.

Марти несколько секунд не могла сообразить, о каких это каплях может идти речь, просто не могла воспринять это слово, уловить в нем какой-то смысл, как если бы это было выдуманное шутки ради словцо, невзначай сорвавшееся у кого-то с языка. Ее мысли были настолько заняты ножницами, находившимися в ящике, что она никак не могла вникнуть в слова Сьюзен.

— Марти?

— Капли… — повторила Марти. Закрыв глаза, она пыталась изгнать из головы все мысли о ножницах и сосредоточиться на беседе со Сьюзен.

— Сперма, — пояснила Сьюзен.

— Эти пятна?

— Да.

— Так вот как ты узнаешь, что он там бывает!

— Это невозможно, но это происходит.

— Сперма.

— Да.

Клик.

Звук смыкающихся ножниц: *клик-клик* . Но Марти не прикасалась к ножницам. Хотя ее глаза были закрыты, она знала, что инструмент все так же находился в ящике, поскольку не мог оказаться больше нигде. *Клик-клик* .

— Мне страшно, Марти.

— Мне тоже. Боже мой, мне тоже.

Левая рука Марти стискивала телефонную трубку, а правая, пустая, свешивалась вдоль туловища. Ножницы не могли работать по собственной воле, и все же: *клик-клик* .

— Мне страшно, — повторила Сьюзен.

Если бы Марти сама не тряслась от страха и не прилагала столько усилий для того, чтобы скрыть свое состояние от Сьюзен, если бы она была в состоянии как следует сосредоточиться, то, возможно, утверждение Сьюзен не показалось бы ей столь эксцентричным. Но сейчас каждая новая фраза приводила ее все глубже в замешательство.

— Ты сказала — он… оставляет это? Где?

— Ну… понимаешь… На мне.

Чтобы убедить себя в том, что ее правая рука пуста, что в ней нет ножниц, Марти согнула ее и прижала к сильно бившемуся сердцу. *Клик-клик* .

— На тебе? — переспросила Марти. Она сознавала, что Сьюзен делает поистине поразительные утверждения, полные отвратительного смысла, ужасающие своими потенциальными последствиями, но была не в состоянии переключить свое внимание

всецело на беды своей подруги, только не под эти адские звуки: *клик-клик, клик-клик, клик-клик* .

— Я сплю в трусиках и футболке, — пояснила Сьюзен.

— Я тоже, — бездумно откликнулась Марти.

— Иногда, когда просыпаюсь, под моими трусиками оказывается это… такая теплая слизь, ты понимаешь?

Клик-клик . Наверно, звук ей мерещится. Марти хотела было открыть глаза, просто чтобы убедиться в том, что ножницы действительно лежат в ящике, но поняла, что полностью потеряет контроль над собою, если еще раз посмотрит на них, и поэтому продолжала держать глаза закрытыми.

— Но я не понимаю как… — сказала Сьюзен. — Это какое-то сумасшествие, тебе не кажется? Я хочу сказать… каким образом?

— Значит, ты просыпаешься…

— И вынуждена менять нижнее белье.

— А ты уверена, что это именно оно? Пятна?

— Это отвратительно. Я чувствую себя грязной, словно меня использовали. Иногда мне приходится лишний раз принимать душ.

Клик-клик . Сердце Марти колотилось, как сумасшедшее, и она твердо знала, что зрелище сверкающих лезвий заставит ее окунуться с головой в самую настоящую панику, которая будет гораздо хуже, чем все, что она успела испытать прежде. *Клик-клик-клик* .

— Но, Суз, помилуй бог, ты хочешь сказать, что он занимается с тобой любовью?

— Никакой любви не бывает.

— Он тебя…

— Насилует меня. Я знаю, что он все еще мой муж, мы просто разъехались, но это — насилие.

— Но ты не просыпаешься при этом?

— Ты должна верить мне.

— Конечно, родная, я верю тебе. Но…

— Может быть, меня как-то одурманивают?

— Но когда же Эрик мог бы накачать тебя наркотиками?

— Я не знаю. Нет, конечно, это сумасшествие. Натуральный психоз, паранойя. Но это же *случается* .

Клик-клик.

Не открывая глаз, Марти задвинула ящик.

— Когда ты просыпаешься, — нервно спросила она, — твое нижнее белье надето на тебе?

— Да.

Открыв глаза и глядя на правую руку, с силой стиснувшую ручку ящика, Марти сказала:

— Получается, что он входит, раздевает тебя и насилует. А потом, перед тем как уйти, он снова надевает на тебя футболку и трусики. Но зачем?

— Может быть, для того, чтобы я не догадалась, что он был здесь?

— Но ведь он оставляет следы.

— Больше я никак не могу это объяснить.

— Суз…

— Я знаю, знаю, но я всего-навсего страдаю агорафобией, а не сошла с ума. Помнишь? Ведь ты сама недавно сказала мне это. И, послушай, есть еще кое-что.

Из глубины закрытого ящика донеслось приглушенное *клик-клик* .

— Иногда, — продолжала Сьюзен, — у меня бывают раздражения.

— Что?

— Там, — осторожно сказала Сьюзен, понизив голос. И эта застенчивость куда яснее показывала всю глубину ее тревоги и оскорбления, чем все предыдущие слова. — Он не… ласков.

В ящике ножницы щелкали лезвием о лезвие: *клик-клик, клик-клик* .

Сьюзен перешла на шепот, и казалось, что она говорит откуда-то издалека, словно гигантская волна сорвала ее дом с побережья и унесла в море, и теперь он плыл к далекому и темному горизонту.

— Иногда и мои соски оказываются воспаленными, а один раз на груди обнаружились синяки… пятна, величиной с кончики пальцев, там, где он слишком сильно сжал.

— А Эрик отрицает все это?

— Он отрицает, что бывает здесь. Я не… не обсуждала с ним подробности.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не высказывала ему обвинений.

Правая рука Марти все так же упиралась в ящик, толкая его от себя, будто что-то находившееся в ящике стремилось выдвинуть его наружу. Она нажимала на ручку с такой силой, что почувствовала боль в мышцах.

Клик-клик.

— Суз, побойся бога. Ты считаешь возможным, что он вводит тебе наркотик и трахает тебя во сне, и не сказала ему об этом прямо?

— Я не могу. Я не должна. Это запрещено.

— Как — запрещено?

— Ну, понимаешь ли, не прямо, не в том смысле, что я не могу чего-то делать.

— Нет, не понимаю. Что это за странное слово — запрещено. Кем?

— Я не имела в виду, что это запрещено. Сама не знаю, почему я так сказала. Я просто имела в виду… ну, не знаю, что я имела в виду. Я так смущена.

Несмотря на то что собственное волнение все так же мешало Марти сосредоточиться, она все же уловила в словах, которые с таким очевидным трудом подбирала Сьюзен, какую-то чрезмерную запутанность и не пожелала закрыть глаза на эту проблему.

— Кем запрещено? — повторила она.

— Я три раза меняла замки, — сказала Сьюзен вместо ответа на вопрос. Ее голос вновь окреп, но в нем появились резкие нотки возможной истерики, которую она старательно пыталась сдержать. — И всегда это делали сотрудники различных компаний. Ведь Эрик не может быть знаком с каждым слесарем, ведь правда? И я не говорила тебе об этом до сих пор, потому что боялась показаться ненормальной, но я посыпала подоконники тальком, так что, если бы он каким-то образом проникал через запертые окна, то остались бы следы, отпечатки рук в порошке, какие-нибудь другие следы, но по утрам тальк всегда оставался нетронутым. И еще я подсовывала кухонный стул под дверную ручку, так что даже если у этого ублюдка есть ключ, то он не мог бы открыть дверь, и на следующее утро стул всегда находился там, куда я его ставила, и все равно его *пятна* оказываются на мне, в моих трусиках, и у меня появляются раздражения, и я знаю, что меня имели, грубо, жестоко, я *знаю* это и снова и снова моюсь самой горячей водой, такой, что она иногда обжигает мне кожу, но так и не могу отмыться дочиста… Я больше не смогу почувствовать себя по-настоящему чистой. О боже, порой я думаю, что мне нужно изгнать дьявола — понимаешь? — нужно, чтобы сюда пришли священники и помолились обо мне, священники, которые на самом деле верят в существование дьявола, если, конечно, сегодня еще есть такие, со святой водой и распятиями, кадилами, потому что происходит нечто, противоречащее любой логике, нечто по-настоящему сверхъестественное, да, вот именно, *сверхъестественное* . И конечно, сейчас ты думаешь, что я настоящая сумасшедшая, но на самом деле я вовсе не такова, Марти, нет. Я совершенно запачкана, да, это так и есть, но это не имеет отношения к агорафобии, со мной это действительно происходит, и я не могу так дальше жить, просыпаться и обнаруживать… Это ужасно, отвратительно. Это губит меня, но я не знаю, что, черт возьми, делать. Я чувствую полную беспомощность, Марти, я настолько беззащитна!

Клик-клик.

Правая рука Марти болела теперь от запястья до плеча, поскольку она всем своим весом, всей силой нажимала на ящик. Ее зубы были крепко стиснуты.

Яркие иглы протягивали горячие нити боли сквозь ее шею, и, благодаря этой боли, в ее растрепанные от растерянности мысли вернулось некоторое подобие упорядоченности. По правде говоря, ее беспокоило вовсе не то, что нечто вырвется из ящика. Ножницы не могли чудесным образом ожить наподобие тех метелок, которые досаждали ученику чародея в фантазии Диснея. Отчетливый сухой звук — *клик-клик* — раздавался только в ее сознании. На самом деле она не боялась ни ножниц, ни скалки, не боялась ни ножей, ни вилок, ни штопора, ни приспособления для шелушения початков, ни термометра для мяса. Уже в течение нескольких часов она знала истинный объект своего ужаса, и на протяжении сегодняшнего странного дня это знание уже не раз мелькало в ее сознании, но до сих пор она еще не глядела этому знанию прямо в лицо, не отводя глаз. Единственной угрозой, заставлявшей ее съеживаться от страха, была она сама, Мартина Юджиния Родс. Она боялась самое себя, не ножей, не молотков, не ножниц, а именно *себя* . Она с неколебимым упорством держала ящик закрытым, потому что была уверена, что в противном случае выдвинет его, выхватит из него ножницы, и — за отсутствием другой жертвы — нанесет себе жестокие раны сверкающими остриями.

— Ты здесь, Марти?

Клик-клик.

— Марти, что мне делать?

Голос Марти дрожал от сострадания, от мучительных переживаний за свою подругу, но также и от страха за себя и страха перед собою.

— Суз, это дерьмовая страшилка, это сверхъестественнее, чем колдовство. — Она вся промокла от холодного пота, словно только что вышла из моря. *Клик-клик* . Ее рука, плечо и шея болели настолько сильно, что глаза наполнились слезами. — Послушай, мне необходимо немного пошевелить мозгами по поводу всех этих вещей, прежде чем я сама пойму, как тебе помочь, и смогу посоветовать тебе, что делать.

— Все, что я рассказала тебе, правда.

— Я не сомневаюсь в этом, Суз.

Ей невыносимо хотелось бросить трубку телефона. Ей нужно было уйти от ящика, уйти от ножниц, которые ждали в нем, потому что она не могла убежать от порыва к насилию, пробудившегося в ней самой.

— Это действительно происходит, — настаивала Сьюзен.

— Я знаю это. Ты полностью убедила меня. Именно поэтому я должна как следует разобраться в этом. Ведь это же так странно. Нам необходимо быть осторожными, убедиться в том, что мы поступаем правильно.

— Я боюсь. Я здесь совершенно одинока.

— Ты не одинока, — заверила Марти; ее голос начал срываться, он теперь не просто дрожал, она уже начала заикаться и взвизгивать. — Я не позволю тебе быть одинокой. Я перезвоню тебе.

— Марти…

— Я подумаю об этом, хорошо обдумаю…

— …если что-то происходит…

— …вычислю, что лучше всего сделать…

— …если со мною что-то происходит…

— …я перезвоню тебе…

— …Марти…

— …скоро перезвоню тебе.

Она повесила трубку и в первый момент не могла заставить себя выпустить ее, настолько занемели пальцы. Когда же наконец она смогла их расслабить, кисть осталась полусогнутой, как будто все так же держала призрачную трубку.

Отцепляя пальцы от ящика, Марти содрогнулась: всю ее правую руку пронзил судорожный спазм. На внутренней стороне фаланг пальцев, словно в мягкой глине, четко отпечатался след от ручки, а кисть болела так, словно красная вмятина в плоти задела и

лежащие под нею кости.

Она попятилась от ящика. И пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной в холодильник. Внутри негромко звякнули стукнувшиеся одна о другую бутылки.

Одна из них была полупустая бутылка «Шардоннэ», оставшаяся после вчерашнего обеда. Винная бутылка сделана из толстого стекла, особенно в основании, где отлита перевернутая воронка, вокруг которой собирается осадок. Твердая. Тупая. Удобная. Ею можно размахнуться, как дубинкой, и расколоть чей-нибудь череп.

А *разбитая* винная бутылка может стать совершенно убийственным оружием. Ее нужно держать за горлышко, направив вперед острые осколки. Вонзить их в лицо ничего не подозревающего человека, пронзить ему горло.

Удары сердца Марти, отдававшиеся во всем теле, казалось ей, звучали громче, чем грохот двери, которую захлопывает нетерпеливая рука.

ГЛАВА 23

— Анализ мочи не может солгать, — сказал доктор Донклин.

Валет на своем сторожевом посту около двери поднял голову и встряхнул ушами, как будто соглашался с ним.

Скит, к которому теперь были подключены провода электрокардиографического аппарата, все так же пребывал во сне, настолько глубоком, что казалось, будто все жизненные процессы в нем приостановились, как после глубокого охлаждения организма.

Дасти наблюдал за зеленым узором, рисовавшимся в окошке осциллографа монитора сердечной деятельности. Пульс его брата был медленным, но ровным, без всяких признаков аритмии.

Клиника «Новая жизнь» не являлась ни больницей, ни диагностическим центром. Однако из-за изощренной сообразительности и наклонности к саморазрушению многих ее пациентов в ней по необходимости имелось сложное и совершенное оборудование, с помощью которого можно было провести быстрый и достаточно точный анализ телесных жидкостей на предмет наличия в них наркотиков.

Анализы крови Скита, взятые у него при поступлении, показали, из чего состоял тот химический коктейль, с которого он начал день: метамфетамин, кокаин, ДМТ. Мет и кокс были возбуждающими препаратами, а ДМТ — диметилтриптамин — синтетическим галлюциногеном, близким к псилосибину, который, в свою очередь, являлся кристаллическим алкалоидом и добывался из гриба Psilocybe mexicana. Такой завтрак явно был не так полезен, как овсянка и апельсиновый сок.

Исследование самого последнего анализа крови, взятого в то время, когда Скит погрузился в свой похожий на кому сон, еще не было закончено. Однако анализ взятой катетером мочи показал, что в организм не поступило никаких новых наркотиков, да к тому же и метамфетамин, и кокаин, и ДМТ успели в значительной степени разложиться в организме. По крайней мере, в настоящее время он уже не увидел бы ангела смерти, который уговорил его спрыгнуть с крыши дома Соренсонов.

— То же самое мы увидим и в повторном анализе крови, — предсказал Донклин. — Потому что так оно и есть, моча не лжет. Или, как говорят неспециалисты, пи-пи — правду говори, или же струя не гнется.

Дасти подумал, что интересно, была ли эта непочтительная манера поведения у постели больного свойственна этому врачу, когда он имел свою собственную практику, или же он принял этот стиль уже после отставки, поступив на службу в «Новую жизнь».

Моча была также исследована на мочевые цилиндры, альбумин и сахар. Результаты не подтвердили наличия диабетической или уремической комы.

— Если новый анализ крови ничего не прояснит, — сказал доктор Донклин, — то мы, вероятно, предложим перевести его в больницу.

* * *

В холодильнике, к которому прислонилась Марти, постепенно замирал перезвон стекла.

От боли в сведенных судорогой руках у нее на глазах выступили крупные слезы. Она размазала их рукавами блузки, но тем не менее перед глазами у нее все продолжало расплываться.

Ее пальцы были согнуты, как будто она пыталась вцепиться в противника или удержаться на ненадежном выступе. Сквозь соленую пелену слез ее собственные руки казались ей угрожающими руками демона из кошмарного сновидения.

Возникшее перед мысленным взором и никак не желавшее тускнеть видение винной бутылки с отбитым донышком настолько напугало ее открывшейся вместе с нею тягой к насилию, проявлением ее неосознаваемых намерений, что она не могла пошевелиться, как парализованная.

Действовать . Так ее наставлял отец. Одна надежда — на действие. Но она была не в состоянии ясно мыслить, проанализировать, а потом обдуманно выбрать верный и наиболее эффективный путь действия.

Но, так или иначе, она действовала, потому что в противном случае она лежала бы на полу, сжавшись в комок, как какая-нибудь мокрица, и оставалась бы в такой позе до тех пор, пока Дасти не вернется домой. А к моменту его прихода она бы настолько глубоко ушла в свою столь неприятную новую сущность, что уже никогда не смогла бы распрямиться.

Итак, теперь набраться решимости. Оттолкнуться от холодильника. Пересечь кухню. Подойти к шкафу, от которого она отступила лишь несколько секунд тому назад.

Пальцы стискивают ручку. *Клик-клик* . Ящик выдвигается. Сверкающие ножницы.

Марти чуть не сдалась, увидев сверкающие лезвия, чуть не растеряла всю свою хрупкую решимость.

Действовать. Вон их из шкафа вместе с проклятущим ящиком. Прочь! Это труднее, чем она ожидала.

Скорее всего, ящик не был на самом деле настолько тяжелым, каким казался Марти; он был тяжел лишь потому, что для нее ножницы обладали куда большим весом, нежели тот, что измерялся в граммах. Психологическим весом, моральным весом, весом устремленной к злу цели, скрывающейся в стали.

Теперь к открытому черному ходу. Там стоит мусорный бачок.

Она держала ящик на вытянутых руках, намереваясь вытряхнуть все его содержимое в бак. Но по дороге ножницы сталкивались с другими предметами, и этот звук так ее встревожил, что она бросила в бак весь ящик вместе с его содержимым.

* * *

Когда Том Вонг принес в комнату Скита результаты последнего анализа крови, предсказание доктора Донклина полностью сбылось. Тайна состояния Скита осталась нераскрытой.

Мальчишка в течение нескольких последних часов не глотал никаких наркотиков. В крови имелись лишь остатки того, что он сожрал утром.

Показатель количества лейкоцитов, который оказался нормальным, и нормальная температура — оба эти признака напрочь опровергали версию о том, что он мог стать жертвой острого инфекционного воспаления мозга. Или любой другой инфекции.

Если бы дело было в пищевом отравлении, например, ботулиновом, то коме предшествовала бы рвота, боль в животе и, вероятнее всего, еще и понос. Но Скит ни на что подобное не жаловался.

И, хотя конкретные причины апоплексии оставались непонятными, следовало отказаться от возможности мозгового кровоизлияния, эмболии и тромбоза.

— Этот случай уже не для нашей лечебницы, — решил, наконец, доктор Донклин. — Куда бы вы предпочли, чтобы мы его перевели отсюда?

— В больницу Хоэг, — откликнулся Дасти, — если, конечно, у них есть место.

— Смотрите, что здесь творится! — воскликнул Том Вонг, указывая на электрокардиограф.

Поскольку надоедливый зуммер на аппарате ЭКГ был выключен, ни Дасти, ни Донклин не заметили, что частота пульса Скита увеличилась. Зеленые синусоиды и цифровое табло указывали на то, что она равнялась уже не сорока шести ударам в минуту, а пятидесяти четырем.

Внезапно Скит зевнул, потянулся и открыл глаза. Частота сокращений его сердца составляла уже шестьдесят ударов в минуту и продолжала постепенно возрастать.

Скит повернулся к Тому Вонгу, доктору Донклину, Дасти и подмигнул им:

— Эй, у вас тут что, вечеринка?

* * *

Открытая бутылка «Шардоннэ», две нераспечатанные бутылки «Шабли» — в помойку.

Комната для стирки полна кошмарного оружия. Бутылка слепящего, удушающего аммиака. Отбеливатель для белья. Средство для сухой химчистки на щелочной основе. Все в помойку.

Она вспомнила о спичках. Они в кухонном шкафу. В высокой жестяной банке из-под бисквитов. Несколько картонок с бумажными спичками. Коробки, полные коротких деревянных спичек, кучка спичек десятидюймовой длины, предназначенных для того, чтобы поджигать плавающие фитили в длинношеих масляных лампах.

Если человек способен на то, чтобы изуродовать разбитой винной бутылкой лицо невинной жертвы, если человек настолько опасен, что без всякого раскаяния может воткнуть автомобильный ключ в глаз любимому человеку, то никакие моральные принципы не помешают ему поджечь свой или чей-то еще дом.

Марти, не открывая, швырнула коробок со спичками в бачок. Послышался негромкий сухой стук наподобие того звука, каким рассерженная гремучая змея предупреждает о нападении.

Быстрая вылазка в гостиную. Столько дела, столько дела. Газовый камин, сделанный из очень похожих на настоящие керамических бревен. На каминной полке лежит зажигалка для газа, работающая от батарейки.

Вновь вернувшись к открытой кухонной двери, чтобы бросить в помойку каминную зажигалку, Марти вдруг взволновалась из-за того, что могла открыть газ в камине. У нее не было никаких причин так поступать, она не помнила, чтобы сделала это, но не доверяла себе.

Не *смела* доверять себе.

Если она полностью открыла газовый кран, то гибельная струя природного газа затопит все комнаты первого этажа в минуту или два. И тогда любой искры будет достаточно для того, чтобы вызвать мощный взрыв, который полностью уничтожит дом.

Скорее назад, в гостиную. Как перепуганный герой из компьютерной игры, которого швыряет от одной опасности к другой.

Запаха тухлого яйца нет.

Шипения уходящего газа тоже нет.

Головка газового крана торчала из стены возле очага. Ее нельзя было повернуть без особого ключа, и этот медный ключ лежал рядом, на каминной доске.

Слегка успокоившись, Марти вышла из комнаты. Но не успела она вернуться на кухню,

как к ней, словно тема в музыкальной фуге[1], вновь вернулось опасение: а не могла ли она открыть газ после того, как убедилась в том, что он перекрыт?

Но ведь это просто смешно. Она не могла провести всю оставшуюся часть жизни, выскакивая из гостиной и вновь вбегая туда, в бесплодных и беспрерывных проверках камина. У нее никогда не было временной потери памяти, затмений сознания, во время которых она совершала какие-либо диверсии…

По непонятной для нее причине Марти вдруг вспомнила о второй комнате ожидания в офисе доктора Аримана, в которой читала роман, пока Сьюзен находилась на сеансе психотерапии. Прекрасное место для чтения. Нет окон. Нет раздражающего музыкального фона. Ничего не отвлекает.

Комната без окон. Но разве она не стояла у огромного окна, глядя на серую пелену дождя, закрывающую побережье?

Нет, это же была сцена из книги, которую она читала.

— Это настоящий триллер, — вслух сказала она, хотя в комнате никого больше не было. — Хороший язык, интересный сюжет, а персонажи — яркие и живые. Роман мне очень понравился.

Сейчас, находясь в кухне, где все было перевернуто вверх дном, она почувствовала резкую тревогу от ощущения потерянного времени. Она ощущала зловещий промежуток, в течение которого произошло что-то ужасное.

Посмотрев на наручные часы, она была удивлена, увидев, что уже так поздно — 5.12 пополудни. День истек вместе с дождем.

Она не знала, когда она впервые вошла в гостиную, чтобы осмотреть камин. Возможно, минуту назад. А возможно, две, или четыре, или десять минут назад.

В открытую дверь черного хода дышала ночь начала зимы. Марти не могла вспомнить, видела ли она темноту в окнах гостиной, когда находилась там. Если в этом дне существовал провал времени, то он *должен* был случиться именно тогда, когда она находилась в той комнате, у камина.

Марти поспешила в переднюю часть дома, и место, по которому она пробегала, было хорошо знакомо ей, но при этом сильно отличалось от того, каким было этим утром. Ничего теперь не было совершенно прямоугольным или квадратным, все приобрело какие-то текучие формы и стало почти треугольным, почти шестиугольным, криволинейным. Потолки, прежде ровные, получили легкий уклон. Она могла поклясться, что пол качается под нею, будто палуба лавирующего судна. Неодолимая тревога, которая, как ей казалось, деформировала ее умственные процессы, порой преображала физический мир в странные формы, хотя она знала, что эта ирреальная пластичность была мнимой.

В гостиной — нет шипения; газ не уходит. Запаха газа тоже нет.

Ключ лежит на каминной доске. Она не прикасалась к нему. Пристально глядя на эту блестящую медную штуку, Марти отступила от камина и прошла, пятясь, между креслами и диваном вон из комнаты.

Выйдя в прихожую, она поглядела на часы. Пять тринадцать. Минута прошла. А потери времени не произошло. И никаких признаков фуги не было заметно.

В кухне, пытаясь справиться с охватившей ее неодолимой дрожью, она снова посмотрела на часы. Все те же 5.13. Она в порядке. У нее не было затмения сознания. Она не могла в состоянии фуги вернуться в гостиную и включить газ. Перед ее глазами изменилась одна из цифр: 5.14.

Дасти в своей записке обещал приехать домой к пяти часам. Он опаздывал. Дасти обычно бывал точен. Он выполнял свои обещания.

— Боже, прошу тебя, — сказала она и была сама потрясена патетическим звучанием своего голоса и чувствовавшейся в нем горькой дрожью, из-за которой слова звучали искаженно, — приведи его домой. Боже, боже, умоляю тебя, ну, пожалуйста, пожалуйста,

1 Фуга — не только музыкальный термин. В психиатрии он имеет значения — бегство, бессознательное бродяжничество душевнобольного, автоматизм действий.

помоги мне, пожалуйста, приведи его сейчас домой.

Когда Дасти вернется, он введет свой фургон в гараж и поставит его рядом с ее «Сатурном».

Это плохо. Гараж был опасным местом. Там в бесчисленном количестве хранились острые инструменты, смертельно опасные машины, ядовитые вещества, огнеопасные жидкости.

Она должна оставаться в кухне и ждать его здесь. В гараже с ним ничего не случится, если ее там не будет, когда он приедет. Острые инструменты, яды, горючее — все это не опасно. Реальной опасностью, единственной угрозой, была она сама, Марти.

Из гаража он войдет прямо в кухню. Она должна убедиться, что убрала отсюда все, что могло бы послужить оружием.

И все же продолжать эти поиски острых и твердых предметов, ядовитых веществ было явным безумием. Она никогда не сможет причинить вред Дасти. Она любит его больше жизни. Она сама умерла бы за него, если бы узнала, что он может умереть из-за нее. Нельзя убить того, кого так сильно любишь.

Однако эти бессмысленные страхи все больше и больше заражали ее, растворялись в ее крови, пронизывали ее кости, как сонмы бактерий, осаждали ее разум, и она с каждой секундой ощущала, что заболевает все тяжелее и тяжелее.

ГЛАВА 24

Скит сидел в кровати, опершись спиной на подушки. Он был бледен, глаза ввалились, губы были совершенно серыми, и все же в нем ощущалось трагическое достоинство побежденного, словно он представлял собой не просто песчинку из легиона потерянных душ, блуждавших по руинам этой разрушающейся культуры, а был неким угасающим от чахотки поэтом, живущим в далеком прошлом, которое представляло собой более невинное время, нежели это новое столетие. И, возможно, этот поэт лечился от туберкулеза в частном санатории и боролся не против своих собственных пагубных пристрастий, не против сотни лет существования мертвенных философий, отказывающих человеческой жизни в цели и смысле, а всего-навсего против злокозненных бактерий. Его колени прикрывал больничный поднос, прикрепленный к кровати.

Со стороны можно было подумать, что Дасти, стоя у окна, внимательно глядит на вечернее небо, возможно, пытаясь прочесть свою судьбу в контурах низко нависших облаков. Разбухшие брюха грозовых туч казались отделанными золотой филигранью — это в них отражалось море искусственного света, заливавшего пригород, над которым они проплывали.

Но на самом деле ночь превратила стекло в черное зеркало, в котором Дасти мог внимательно разглядывать бесцветное отражение Скита. Он рассчитывал таким образом увидеть, если его брат сделает что-нибудь непонятное и показательное для его состояния, чего не стал бы делать, зная, что за ним наблюдают.

Это было странное и какое-то параноидальное ожидание, но ощущение его необходимости застряло в мозгу Дасти, как колючая заноза, которую он никак не мог вытащить. Этот непонятный день завел его глубоко в лес подозрений; они были бесформенными и беспредметными, но тем не менее тревожными.

Скит с наслаждением поедал ранний обед: томатный суп с базиликом, приправленный тертым пармезаном, и цыпленок с соусом из чеснока и розмарина с жареным картофелем и спаржей. Блюда, которые подавали в «Новой жизни», были куда лучше, чем в обычных больницах, хотя твердая пища оказалась порезанной на мелкие кусочки — ведь Скит находился под наблюдением в связи с его порывами к самоубийству.

Валет, сидя на кресле, глядел на Скита с интересом завзятого гурмана. Однако он был воспитанным псом и, хотя время его обеда давно прошло, не выпрашивал кусочков.

— Уже несколько недель так не ел, — заявил Скит, набив полный рот курятиной. —

Похоже, что ничего так не способствует аппетиту, как прыжок с крыши.

Мальчишка был настолько тощ, что казалось, будто он занимался похуданием сразу по нескольким рецептам для супермоделей и заработал на этом деле булимию[1]. Глядя на него и представляя себе, насколько должен был съежиться его желудок от многодневного голодания, было трудно предположить, что туда может вместиться все то, что он уже поглотил.

Все еще прикидываясь, что вычитывает предзнаменования в облаках, Дасти сказал:

— Ты, похоже, заснул только потому, что я тебе велел.

— Ты что? Знаешь, братец, это что-то новенькое. С этого времени я делаю все, что ты пожелаешь.

— Ну-ну…

— Вот увидишь.

Дасти сунул правую руку в карман джинсов и прикоснулся к сложенным листкам из блокнота, которые нашел в кухне Скита. Он подумал было вновь взяться за выяснение вопроса насчет доктора Ена Ло, но интуиция подсказала ему, что звучание этого имени могло бы спровоцировать еще один приступ ступора, который будет сопровождаться таким же безнадежным бессмысленным диалогом, как тот, что они уже вели здесь. Вместо этого он произнес:

— Легкий порыв.

Как было видно в окне-зеркале, Скит даже не оторвал взгляда от тарелки.

— Что?

— И волны разносят.

На этот раз Скит поднял голову, но ничего не сказал.

— Голубые сосновые иглы, — продолжал Дасти.

— Голубые?

— Это для тебя имеет какой-нибудь смысл? — спросил Дасти, отворачиваясь от окна.

— Сосновые иглы зеленые.

— Я полагаю, что бывают и голубовато-зеленые.

Полностью очистив тарелку, Скит отодвинул ее и взял десертную чашку со свежей клубникой с густыми сливками и желтым сахаром.

— Мне кажется, что я это уже где-то слышал.

— А я так просто уверен в этом. Потому что я услышал это от тебя.

— От меня? — Скит, похоже, искренне удивился. — Когда?

— Раньше. Когда ты был… не в себе.

Неторопливо просмаковав обильно политые сливками ягоды, Скит сказал:

— Это рок. Мне было бы крайне неприятно думать, что в моих генах заложена литературщина.

— Это загадка? — спросил Дасти.

— Загадка? Нет. Это стихи.

— Ты пишешь стихи? — не скрывая недоверия, спросил Дасти. Он хорошо знал, насколько усердно Скит старался избегать любого контакта с тем миром, в котором обитал его отец, профессор литературоведения.

— Это не мои, — ответил Скит. Он как маленький, высунув язык, тщательно слизывал с ложки остатки сливок. — Я не знаю, как зовут поэта. Кто-то из древних японцев. Это хокку. Наверно, я где-нибудь прочел его, а потом оно прилипло.

— Хокку, — повторил Дасти, безуспешно пытаясь найти полезное значение этой новой информации.

Размахивая ложкой, словно дирижерской палочкой, Скит, тщательно расставляя ударения, продекламировал:

Легкий порыв —
И волны разносят

1 Болезненносильное и трудноутолимое чувство голода.

Голубые сосновые иглы.

Обретя связи между собой, ударения и размер, эти восемь слов уже не воспринимались как бессмысленная тарабарщина.

На память Дасти вдруг пришла картинка с оптической иллюзией, которую он как-то, много лет назад, увидел в журнале. Это был карандашный рисунок, изображавший плотно сомкнувшиеся ряды деревьев — сосны, ели, березы, осины, — высокие, мощные, похожие друг на друга, и все это было озаглавлено «Лес». Пояснительная надпись утверждала, что эта лесистая местность скрывала более сложную сцену, которую можно было разглядеть, отрешившись от предвзятости, заставив себя забыть слово «лес» и исхитрившись посмотреть сквозь лежащий на поверхностности образ на другую панораму, очень сильно отличающуюся от изображения леса. Были люди, которым, для того чтобы постигнуть второе, потаенное изображение, требовалось лишь несколько минут, тогда как другие бились над разгадкой больше часа. Безуспешно вглядываясь в картинку на протяжении десяти минут, Дасти в конце концов отодвинул журнал — и тогда краешком глаза увидел спрятанный город. Когда же потом он снова прямо посмотрел на рисунок, то увидел большой столичный город в готическом стиле, где каменные дома теснили друг друга; темные лесные тропинки между стволами деревьев превратились в узкие улицы, погруженные в глубокий полумрак, стиснутые рукотворными холодными серыми скалами, вздымавшимися к суровому небу.

Точно так же и эти восемь слов обрели новое значение в тот же миг, когда Дасти услышал их как хокку. Образ, созданный поэтом, был совершенно ясным. «Легкий порыв» — это дуновение ветра, срывающего сосновые иглы с деревьев и бросающего их в море. Это было точное и пробуждающее воспоминания наблюдение из жизни природы, которое, если вдуматься, конечно же, обладает многочисленными метафорическими значениями, подходящими для того или иного состояния человека.

Поэтический образ, однако, не был единственным значением, которое можно было найти в этих трех коротких строчках. У них имелась и другая интерпретация, которая была чрезвычайно важна для Скита, когда он пребывал в своем непонятном трансе, но теперь он, казалось, забыл об этом. Тогда он назвал каждую строчку правилом, хотя он не мог внятно объяснить, какое поведение, действие или игру эти загадочные правила определяли.

Дасти подумал, не присесть ли ему на краешек кровати брата и продолжить расспросы. Однако его сдерживало опасение того, что Скит под нажимом мог снова отступить в свое полукататоническое состояние и уже не выйти из него так же легко, как в первый раз.

Кроме того, они оба провели тяжелый день. Скит, несмотря на то что поспал и рано пообедал, вероятно, чувствовал себя почти таким же усталым, как и Дасти, который ощущал себя так, словно его выстирали, прокипятили и выжали.

* * *

Лопата.

Кирка.

Топор.

Молотки, отвертки, пилы, сверла, плоскогубцы, ключи, целая горсть длинных стальных гвоздей.

Хотя кухня еще не превратилась в совершенно безопасное место, да и другие комнаты в доме необходимо было тоже осмотреть и очистить, Марти не могла перестать думать о гараже, мысленно перечисляя многочисленные орудия пытки и убийства, которые находились в нем.

В конце концов она оказалась не в силах придерживаться своего твердого решения не входить в гараж и избегать риска находиться там, среди его острых соблазнов до тех пор, пока Дасти рано или поздно не вернется домой. Она открыла дверь из кухни, нащупала

выключатель и зажгла люминесцентные лампы на потолке.

Как только Марти перешагнула через порог, ей в глаза бросился щит, на котором был укреплен набор садовых инструментов, о которых она совершенно забыла. Совки и лопатки. Ножницы, большая лопата. Секатор с пружиной и лезвиями, покрытыми тефлоном. Электрическая машинка на батарейках для подрезки живых изгородей.

Кривой садовый нож.

* * *

Скит с шумом возил ложкой по десертной чашке, выскребая из нее последние следы сливок и сахара.

И, словно на звук ложки, постукивавшей по фаянсу, явилась новая сиделка, которой предстояло наблюдать за Скитом ночью. Ее звали Жасмина Эрнандес, миниатюрная, хорошенькая для своих тридцати с небольшим лет, с глазами цвета иссиня-черной сливы. В ее облике сочетались таинственность и чистота. Ее униформа сияла белизной и свежестью, и при этом она казалась воплощением профессионализма, хотя красные тапочки с зелеными шнурками намекали — и не без основания, как это выяснилось почти сразу же — на некоторую игривость характера.

— Ой, какая же вы маленькая, — воскликнул, увидев ее, Скит и подмигнул Дасти. — Жасмина, я не представляю, как вы сможете остановить меня, если я попытаюсь покончить с собой.

Сиделка отцепила поднос от кровати, поставила его на тумбочку и серьезно ответила:

— Послушайте, стрекотунчик, если для того, чтобы уберечь вас от подобного поступка, потребуется переломать вам все кости и с головы до пят запеленать в гипс, то я смогу это сделать.

— Святое дерьмо, — воскликнул Скит, — где вы учились медицине — в Трансильвании?

— Еще хуже. Меня учили монахини из ордена Сестер Милосердных. И предупреждаю вас, стрекотунчик, что я не потерплю никаких ругательств во время моего дежурства.

— Простите, — сказал Скит с искренним раскаянием. Но ему все же хотелось еще поддразнить свою опекуншу. — А что делать, если мне нужно будет пойти пи-пи?

Жасмина, потрепывая уши Валета, заверила:

— У вас не может быть ничего такого, что мне не приходилось бы уже видеть, хотя уверена, что я видела кое-что побольше.

Дасти улыбнулся Скиту.

— Ты, пожалуй, правильно поступишь, если теперь будешь говорить только: «Да, мэм».

— А что значит «стрекотунчик»? — поинтересовался Скит. — Вы же не станете давать мне дурных прозвищ, не так ли?

— «Стрекотунчик» — это колибри, — объяснила Жасмина Эрнандес, ловко засунув электронный термометр в рот Скиту.

— Так, значит, вы называете меня колибри? — смиренно спросил Скит. Поскольку во рту у него был термометр, его слова звучали невнятным бормотанием.

— Стрекотунчиком, — подтвердила сиделка.

Со Скита давно уже сняли датчики электрокардиографа, так что она приподняла его костистое запястье и посчитала пульс.

Еще один щемящий импульс беспокойства, холодный, как стальное лезвие между ребрами, скользнул в душе Дасти, но он не мог определить его причину. И чувство это не показалось ему новым. Это было то же самое неопределенное подозрение, которое ранее подтолкнуло его на то, чтобы следить за отражением Скита в темном окне. Что-то здесь было не так, но необязательно со Скитом. Его подозрение переключилось на место, в котором они находились, на клинику.

— Колибри — симпатичные птички, — сказал Скит Жасмине Эрнандес.

— Держите термометр под языком, — предупредила она.

Но он продолжал бормотать:

— А я вам кажусь симпатичным?

— Вы привлекательный мальчик, — сказала она, словно могла видеть Скита таким, каким он был прежде — здоровым, со свежим цветом лица и ясными глазами.

— Колибри очаровательны. Они — свободные духи.

Сиделка считала пульс Скита.

— Действительно, стрекотунчик — симпатичная, очаровательная, свободная, незаметная птичка, — ответила она, не сводя глаз с циферблата своих часов.

Скит поглядел на брата и закатил глаза.

Если сейчас в этом месте и с этими людьми что-то было не так, то Дасти был не в состоянии определить что. Даже незаконнорожденному сыну мисс Марпл от Шерлока Холмса пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы найти серьезное основание для того подозрения, которое тревожило нервы Дасти. Его обостренная чувствительность, скорее всего, являлась результатом усталости и его тревоги за Скита, и, пока он не отдохнет, ему не стоило доверять своей интуиции.

— Я тебя предупреждал. Два слова: да, мэм. Так ты ничего не сможешь ляпнуть. Да, мэм, — сказал Дасти в ответ на гримасы брата.

Как только Жасмина отпустила запястье Скита, цифровой термометр запищал, и она вынула его изо рта пациента.

Дасти подошел поближе к кровати.

— Пора прощаться, Малыш. Я обещал Марти, что мы отправимся куда-нибудь пообедать, и уже опаздываю.

— Всегда выполняй то, что обещал Марти. Она особенная.

— А разве в ином случае я женился бы на ней?

— Я надеюсь, что она не ненавидит меня, — сказал Скит.

— Эй, не говори глупостей.

В глазах Скита мерцали непролившиеся слезы.

— Я люблю ее, Дасти, ты знаешь. Марти всегда так хорошо относилась ко мне.

— Она тоже любит тебя, Малыш.

— Это чертовски малочисленный клуб — Люди, Которые Любят Скита. А вот Люди, Которые Любят Марти, — теперь в нем больше народу, чем в Ротари, Киванисе и Оптимист-клубе, вместе взятых.

Дасти не мог придумать никакого успокоительного ответа, потому что замечание Скита было, бесспорно, верным.

Однако Малыш говорил не от жалости к себе.

— Дружище, это груз, который я не хотел бы нести. Понимаешь? Когда люди любят тебя, то они чего-то ожидают от тебя, а потом у тебя появляются обязанности. Чем больше людей любит тебя, тем больше и больше их потом становится, и это никогда не кончается.

— Тяжело переносить любовь, да?

— Любовь тяжела, — кивнул Скит. — Иди, иди, отправляйтесь с Марти пообедать в хорошее место. Стакан вина… Скажи ей, насколько она прекрасна.

— Увидимся завтра, — пообещал Дасти, поднимая поводок Валета и пристегивая его к ошейнику собаки.

— Ты найдешь меня здесь, — откликнулся Скит. — Я буду в гипсе с головы до пят.

Когда Дасти с Валетом выходил из комнаты, Жасмина подошла к кровати с тонометром.

— Я должна измерить ваше давление, стрекотунчик.

— Да, мэм, — покорно согласился Скит.

Снова пронзительное чувство того, что все идет не так, как надо. Не обращай внимания. Это усталость. Это воображение. Все это пройдет, если выпить стакан вина, глядя на лицо Марти.

Они прошли через холл к лифту. Когти Валета негромко постукивали по пластиковым плиткам, выстилавшим пол.

Медицинские сестры и сиделки улыбались, глядя на ретривера.

— Эй, собачка!

— Какой красивый мальчик!

— Ты милашка, правда?

В лифте Дасти и Валет спускались в обществе санитара, который знал, где на ухе у собаки находится та точка, при поглаживании которой в собачьих глазах появляется блаженное выражение.

— У меня самого была такая же золотая. Славная девочка по имени Сэсси. Она заболела раком, пришлось усыпить ее с месяц тому назад. — На слове «усыпить» его голос заметно дрогнул. — Не мог заставить ее ловить тарелки «фрисби», зато за теннисными мячами она готова была гоняться хоть целый день.

— Он тоже, — сказал Дасти. — Если ему бросить подряд два мяча, он не выпустит первый; принесет оба и выглядит при этом так, словно у него тяжелый случай свинки. Вы возьмете нового щенка?

— Не сразу, — ответил санитар. Это означало, что ему нужно переждать до тех пор, пока боль от потери Сэсси станет не такой острой, как сейчас.

На первом этаже, в комнате отдыха, примыкавшей к вестибюлю, десятка полтора пациентов, сидя за столами по четыре человека, играли в карты. Их разговоры и беззаботный смех, пощелкивание тасующихся карт, сочный звук свингующей трубы, исполнявшей по радио старую мелодию Гленна Миллера, создавали ощущение такого уюта, что можно было принять это общество за компанию друзей, собравшихся в сельском клубе, церковном зале или чьем-то доме, а не сведенных вместе несчастливой судьбой людей с подорванным здоровьем и разрушенной психикой. Это были обеспеченные представители среднего класса, бедняги, которые глотали, нюхали, кололи все подряд: курили крэк, прикладывались к снежку, смотрели амфетаминовые сны, закусывали кактусами… Стенки их вен были изрыты дырками от уколов сильнее, чем головка лучшего швейцарского сыра.

За столом рядом с передней дверью находился пост охранника. Его основная задача состояла в том, чтобы в случае преждевременного отъезда какого-нибудь особо упрямого пациента позвонить членам его семьи или судейским чиновникам, в зависимости от специфики каждого случая.

В эту смену за столом сидел человек лет пятидесяти, в брюках хаки, светло-голубой сорочке, красном галстуке и темно-синей спортивной куртке. Он читал роман. На прицепленной к груди карточке сообщалось, что его зовут Уолли Кларк. Пухлый, с ямочками на щеках, гладко выбритый, испускающий слабый пряный аромат лосьона после бритья, с добрыми голубыми глазами пастора-праведника и приятной улыбкой (но не чересчур приятной, как раз такой, чтобы превратить вермут в не-слишком-сухой-мартини), Уолли был бы мечтой для каждого голливудского режиссера, подбирающего актеров для роли любимого дяди звезды, благородного наставника, просвещенного учителя, уважаемого отца семейства или ангела-хранителя.

— Я был здесь, когда ваш брат остался у нас в прошлый раз, — сказал Уолли Кларк, наклонившись на стуле, чтобы приласкать Валета. — Я не ожидал, что он возвратится сюда. Рассчитывал, что этого не произойдет. Он добрый мальчик.

— Спасибо.

— Он часто приходил сюда поиграть со мною в триктрак. Не волнуйтесь, мистер Родс. Ваш брат — глубокий человек, у него правильные задатки. На сей раз он скоро вылетит отсюда и останется на верном пути.

Ночь снаружи была прохладной и сырой, хотя и не неприятной. Плотные тучи распушились и поредели, временами то показывая серебряную луну, безмятежно скользящую по небесному озеру, то быстро пряча ее снова.

На площади для стоянки автомобилей осталось много мелких лужиц, и Валет натягивал

поводок, стараясь пробежаться по каждой из них.

Подойдя к своему фургону, Дасти оглянулся на здание клиники, так похожее на старинный усадебный дом. С королевскими пальмами, которые негромко напевали колыбельные под аккомпанемент сонного бриза, с бугенвиллеями, оплетшими колонны лоджий и нависшими изящными фестончатыми балдахинами в аркаде, это здание вполне могло быть жилищем Морфея, греческого бога сновидений.

И все же Дасти никак не мог избавиться от назойливого подозрения, что за этой картинной видимостью скрывалась какая-то другая, более темная действительность, что это было местом, где вершилась суета какой-то непрерывной деятельности, торопливо строились тайные планы, что здесь находилось гнездо, улей, в котором трудился кошмарный рой, стремившийся к неведомой отвратительной цели.

Том Вонг, доктор Донклин, Жасмина Эрнандес, Уолли Кларк, да и весь персонал «Новой жизни», казалось, был энергичным, высокопрофессиональным, компетентным и сострадательным. Ничто в их поступках или поведении не давало Дасти ни малейшего основания для того, чтобы подвергать сомнению их намерения.

Возможно, его обеспокоило, что все они были слишком совершенными для того, чтобы быть настоящими. Не исключено, что если бы хоть один из служащих «Новой жизни» туго соображал, был медлительным, неряшливым, грубым или рассеянным, то у Дасти не появилось бы этого непонятного, впервые возникшего недоверия к клинике.

Конечно, необычная компетентность, обязательность и дружелюбие персонала означали только то, что «Новая жизнь» хорошо управлялась. Очевидно, глава персонала имел дар подбирать и взращивать первоклассных служащих. Это счастливое обстоятельство должно было породить у Дасти чувство благодарности, а не параноидальное ощущение зловещего заговора.

И все же что-то здесь было *не так* . Он опасался того, что Скит не будет здесь в безопасности. Чем дольше он смотрел на клинику, тем сильнее становились его подозрения. И, к сожалению, он все еще не мог уловить причину, которая их породила.

* * *

Секатор с пружиной и длинными лезвиями и электрическая машинка для стрижки живых изгородей выглядели настолько зловеще, что Марти не могла удовлетвориться, просто выбросив их. Она будет ощущать исходящую от них опасность до тех пор, пока эти предметы не превратятся в безвредный хлам.

Большие садовые инструменты были аккуратно сложены в высоком шкафу. Вилы, грабли для листьев, лопата, мотыга. Кувалда.

Она положила машинку на бетонный пол там, куда Дасти, вернувшись домой, поставит свой фургон, и замахнулась на нее кувалдой. Под ударом тяжелого молота машинка завопила, как живое существо, но Марти рассудила, что еще не до конца испортила ее. Она подняла молот и взмахнула им еще раз, потом третий, четвертый…

Куски пластмассы от раздробленной рукоятки, несколько винтов и другие части с грохотом ударялись о стоявшие поблизости шкафы, со скрежетом отскакивали от блестящих боков «Сатурна». От каждого удара стекла в окнах гаража дребезжали, а от пола отскакивали крошки бетона.

Вся эта шрапнель больно впивалась в лицо Марти. Она понимала, что осколок может отскочить в глаз, но не смела остановиться и поискать защитные очки. Нужно было сделать еще много работы, а большая дверь гаража могла в любой момент с грохотом подняться, сообщив о прибытии Дасти.

Она бросила на пол секатор и принялась жестоко колотить его до тех пор, пока пружина не выскочила и ручки не отвалились.

Тогда вилы. Она молотила по ним до тех пор, пока деревянная ручка не разлетелась на

части. Пока зубья не согнулись в бессмысленный запутанный комок.

Кувалда была не из самых тяжелых — в три фунта весом. Однако, чтобы пользоваться ею с желательным разрушительным эффектом, требовались сила и сноровка. Марти, обливаясь потом, задыхалась, во рту у нее пересохло, гортань палило огнем, но она продолжала ритмично вздымать молот над головой и тяжело швырять его вниз.

Конечно, утром ей будет плохо: каждый мускул на плечах и руках будет болеть. Но в этот момент, держа в руках молот, Марти чувствовала такое могущество, что будущая боль нисколько ее не беспокоила. Все ее существо пронизывал пьянящий поток ощущения власти; впервые за весь день она с глубоким удовлетворением почувствовала, что полностью владеет собой. Каждый твердый глухой удар молота будоражил ее; тяжелая отдача, проникавшая из длинной рукояти в ее руки, распространявшаяся в плечи и шею, приносила ей наслаждение, которое можно было сравнить разве что с эротическим. Каждый раз, поднимая молот, она заглатывала воздух, с хеканьем выталкивала его из себя, опуская вниз, и издавала бессвязный негромкий крик радости всякий раз, когда что-то изгибалось или дробилось под тяжестью железного обуха…

…пока внезапно не услышала себя и не осознала, что сейчас должна казаться скорее животным, нежели человеком.

Марти, задыхаясь, отвернулась от разбитых инструментов. Она все еще держала кувалду в руках. Вдруг на глаза ей попалось собственное отражение в боковом окне «Сатурна». Ее плечи были ссутулены, голова вытянута вперед на изогнутой под невероятным углом шее. Так, наверно, должен был выглядеть осужденный убийца, с надеждой ожидавший отмены смертного приговора до того момента, пока петля палача не сломала ему шейные позвонки. Ее темные волосы спутались и торчали дыбом, как если бы она получила удар тока. Помешательство превратило ее лицо в рожу ведьмы, и глаза сверкали диким блеском.

Невероятно, но она вспомнила иллюстрацию из сборника рассказов, которым очень дорожила в детстве: злобный тролль под старым каменным мостом склонился над пылающим горном и, орудуя молотом и клещами, кует цепи и кандалы для своих жертв.

Что она сотворила бы с Дасти, если бы он вошел в тот момент, когда она пребывала в апофеозе своего безумного труда… или, кстати, если он войдет сейчас?

Содрогнувшись от отвращения, она отбросила молот в сторону.

ГЛАВА 25

Уезжая из дому, Дасти был почти уверен, что, когда настанет время собачьего обеда, они еще не вернутся. Поэтому он насыпал в специальную сумку с «молнией» две кружки сухого гранулированного корма. На сей раз это была баранина с рисом. Пересыпав корм из сумки в пластмассовую миску, он поставил ее на тротуар около фургона.

— Прости за плохую сервировку, — обратился он к собаке. Даже если бы они находились не на больничной стоянке автомобилей, а на пышном лугу или в роскошной квартире, Валет вряд ли мог бы больше обрадоваться трапезе. Судя по всему его виду, у него не было никаких претензий ни к хозяину, ни к окружающей обстановке.

Собаки обладали таким невероятным множеством замечательных качеств, что Дасти иногда задавался вопросом, не создавал ли бог этот мир, ориентируясь из всей живности прежде всего на них. Люди могли быть помещены сюда уже post factum, для того чтобы у собак оказались компаньоны, которые будут готовить им пищу, ухаживать за ними, напоминать им, какие они хорошие, и чесать животы.

Пока Валет поспешно уплетал свой обед, Дасти извлек из-под водительского сиденья сотовый телефон и набрал номер дома. После третьего гудка он услышал голос автоответчика.

Решив, что Марти не хочет отвечать на звонки, он сказал:

— Скарлетт, это я, Рэт. Звоню просто для того, чтобы сообщить, что я уже ругаюсь.

Она не сняла трубку.

— Марти, ты дома? — Он подождал. Потом, чтобы немного затянуть свой монолог и дать ей время добраться до кабинета, где стоял автоответчик, если она находилась в дальнем конце дома, продолжил: — Извини, я запоздал. Чертовски тяжелый день. Я приеду через полчасика, и мы отправимся на обед. Куда-нибудь в слишком дорогое для нас место. Мне надоело быть здравомыслящим и респектабельным. Выбери что-нибудь поэкстравагантнее. Может быть, даже такое, где пищу подают в настоящих тарелках, а не на полистироловых поддонах. Если потребуется, то возьмем ссуду в банке.

Марти или не слышала телефон, или ее не было дома.

Валет покончил с обедом и теперь облизывал нос и усы, собирая крошки. Его язык описывал полные круги, словно пес изображал самолет с крутящимся пропеллером.

Отправляясь куда-нибудь с собакой, Дасти всегда брал с собой и воду в бутылках. И сейчас он открыл бутылку и налил воды в синюю миску. Когда Валет напился, они прошлись в сумеречном освещении по лужайкам, которые с трех сторон окружали «Новую жизнь». Эта прогулка на первый взгляд предпринималась для того, чтобы дать собаке возможность после обеда справить нужду, но, помимо того, Дасти под этим предлогом хотел поближе осмотреть увитое лианами строение.

Даже если клиника и была не совсем тем, чем казалась изнутри, Дасти понятия не имел, где ему следует искать ключи к ее подлинной сути. Ему не попалось никаких потайных дверей, ведущих в огромный подземный штаб гениального злодея наподобие тех, которых с таким успехом побеждал Джеймс Бонд. Вероятно, не приходилось рассчитывать также и на то, что удастся застать с поличным какого-нибудь ожившего мертвеца из числа прислуги графа Дракулы[1], когда тот будет украдкой переносить фоб своего бессмертного и неживого хозяина из фургона, запряженного воронымиконями, в подвал здания. Это была южная Калифорния на пороге нового тысячелетия, и поэтому здесь было полно куда более странных существ, чем Голдфингер[2] и вампиры, хотя в настоящее время ни одного из них, похоже, в этих местах не было.

Но перед лицом неумолимой заурядности территории клиники подозрения Дасти, похоже, не выдерживали никакой критики. Трава на газонах была аккуратно подстрижена, земля под ногами слегка чавкала после недавнего дождя. Лужайки окружали ухоженные кусты. Ночные тени были всего-навсего тенями.

Хотя Валет часто легко пугался, здесь он чувствовал себя совершенно спокойно и потому сделал все свои дела без обычных нервических колебаний и даже под фонарем, что облегчило его хозяину уборку последствий собачьей прогулки.

Благодаря хорошо заметному заполненному голубому мешочку с собачьими экскрементами у Дасти появился предлог пройтись по дорожке позади клиники, где вдоль тротуара не было никаких газонов. Найдя небольшой мусорный контейнер, он бросил туда мешок, а заодно окинул взглядом задний, более скромный фасад клиники: хозяйственный и служебные входы, выброшенные коробки, еще один контейнер.

Ни ему, ни его четвероногому доктору Ватсону не удалось обнаружить на задворках клиники ничего неподобающего, хотя около второго контейнера Валет нашел измазанную ароматным жиром коробку из-под «биг-мака», которую готов был без передышки облизывать и обнюхивать хоть шесть, хоть восемь часов.

Вернувшись из закоулка, Дасти еще раз прошел по газону вдоль южной стороны клиники и, посмотрев на окно комнаты Скита, увидел стоявшего перед окном человека. Освещенная со спины единственным хорошо затененным светильником, фигура представляла собой лишенный каких-либо деталей силуэт.

Хотя под этим углом зрения можно было обмануться, парень казался слишком высоким и слишком широкоплечим для Скита или доктора Донклина. Дежурство Тома Вонга закончилось, и он, конечно, ушел, но он тоже принадлежал к иному физическому типу,

---

1 Герой одноименного романа Брэма Стокера (1897); его имя стало нарицательным для вампира.

2 Злодей, персонаж одноименного романа Яна Флеминга из серии о Джеймсе Бонде.

нежели этот человек.

Дасти ничего не мог разглядеть на лице незнакомца, даже смутного отблеска в глазах. Однако он был уверен, что этот человек наблюдал за ним. Дасти, словно намереваясь поиграть в гляделки с призраком, не отрываясь смотрел на окно, и в конце концов темная фигура с неуклюжей грацией несомого ветром эктоплазменного существа отклонилась от стекла и выплыла из поля зрения.

Дасти был готов броситься в комнату брата, чтобы узнать, кем же был человек, смотревший на него из окна. Но ведь он почти наверняка оказался бы сотрудником клиники. Или еще одним пациентом, решившим познакомиться со Скитом.

С другой стороны, если невнятное подозрение не было простой паранойей, а имело под собой какую-то почву и человек из окна находился в комнате не с добрыми намерениями, то, конечно, он не стал бы торчать на том же месте теперь, после того как Дасти увидел его. Без сомнения, его там уже не было.

Здравый смысл никак не мог смириться с подозрениями. У Скита не было денег, не было никаких заманчивых жизненных перспектив, он не обладал ни малейшей властью. Не было ничего, что могло бы подвигнуть кого-либо сплести против него сложный заговор.

Кроме того, любой враг — в том маловероятном случае, если он имелся у кроткого Скита, — должен был понимать, что бессмысленно строить сложные планы для того, чтобы мучить и сживать со свету Малыша. Предоставленный своей собственной участи, Скит подвергал себя гораздо более изощренным пыткам, чем мог бы устроить самый жестокий тюремщик, и стремительно подгонял бы себя к полному разрушению.

Может быть, это вообще не была комната Скита. Подняв голову к окну, Дасти нимало не сомневался в том, что это комната Малыша, но… не исключено, что окно Скита находится слева. Дасти вздохнул. Валет, всегда сочувствовавший переживаниям хозяев, вздохнул в ответ.

— Похоже, твой старик заблудился, — сказал ему Дасти.

Ему не терпелось оказаться дома, рядом с Марти, вырваться из безумия этого дня и вернуться к реальности.

* * *

Лиззи Борден[1] топором
Сорок раз отца рубила…

Омерзительные слова разухабистой уличной песенки снова и снова раздавались в мозгу Марти. Они разрывали непрочную цепь ее логики, и ей все время приходилось собираться с силами для того, чтобы оставаться сосредоточенной.

На гаражном верстаке были закреплены тиски. Марти крутила рукоять до тех пор, пока губки тисков не сжали топорище мертвой хваткой.

Ей пришлось напрячь всю свою волю для того, чтобы заставить себя взять в руки ножовку. Это тоже был опасный инструмент, но он не внушал такого страха, как топор, который необходимо было уничтожить. А потом она, конечно, уничтожит и ножовку.

Марти принялась пилить топорище у самого обуха. Стальная головка топора все равно останется чрезвычайно опасной, даже и без топорища, но цельный топор куда смертоноснее, чем любая из его частей.

Лиззи Борден топором
Сорок раз отца рубила…

1 «Героиня» судебного процесса, состоявшегося в США в 1893 г. Ее обвиняли в том, что она убила топором своего отца и мачеху.

Полотно ножовки вязло в твердой древесине топорища, изгибалось, снова вязло, оставляя неровную прорезь. Марти швырнула пилу на пол.

В наборе инструментов имелось две плотницкие пилы. Одна из них была продольной и предназначалась для того, чтобы пилить вдоль волокон, а другая — поперечной. Правда, Марти не могла отличить одну от другой. Она нерешительно попробовала одну, затем другую, но ни одна ей не понравилась.

Отдохнула, а потом
Все сначала повторила.

Среди инструментов была электрическая циркулярная пила с полотном настолько устрашающего вида, что от Марти потребовалась вся ее сила воли, чтобы вынуть ее, воткнуть провода в розетку, взять пилу за рукоять и включить. Несколько секунд пила судорожно дергалась, ее зубья без толку царапали дуб, но когда Марти взяла инструмент потверже, полотно, басовито жужжа, врезалось в древесину, и головка топора с культей топорища упала на верстак.

Марти отпустила кнопку пилы и отложила инструмент в сторону. Разжала челюсти тисков, вынула обрезок топорища. Бросила его на пол.

После этого она обезглавила кувалду.

Затем лопату. У нее рукоятка длиннее. И сама она тяжелее. Зажать ее в тиски оказалось труднее, чем топор или кувалду. Но вскоре и она пала жертвой электропилы, и штык лопаты с жестяным грохотом упал на верстак.

Потом она распилила мотыгу.

Грабли.

Что еще?

Фомка. Крюк с заостренной лапкой с прорезью для вытаскивания гвоздей с одной стороны, плавно изогнутый рычаг — с другой. Этот кривой стальной прут нельзя распилить.

Этим можно разбить пилу. Сталь звенит о сталь, о бетон, и звук раскатывается по гаражу, словно это огромный колокол.

А разделавшись с пилой, она все так же держала фомку в руках. Она была не менее опасна, чем кувалда, ради которой она в первый раз взялась за пилу.

Она замкнула круг. И ничего не добилась. На деле фомка была даже опаснее кувалды, потому что ее было легче держать в руках.

Надежды не было. Невозможно было сделать дом безопасным, даже одну комнату, даже один уголок комнаты. Это было невозможно до тех пор, пока в доме находилась она. Это она, а не какой-то неодушевленный предмет, была источником этих кошмарных мыслей, это она представляла собой единственную угрозу.

Ей следовало зажать пилу в челюстях тисков, включить ее и отпилить себе руки.

И теперь она держала фомку такой же мертвой хваткой, как недавно — кувалду. В мозгу, ужасая ее, мелькали кровавые видения.

Щелкнул и загудел мотор ворот гаража. Створка с негромким лязгом поднялась, и Марти обернулась к открывшимся дверям.

Шины, фары, ветровое стекло, Дасти за рулем, рядом с ним Валет. Нормальная жизнь на самых прозаических колесах въезжала в личную Сумеречную зону Марти. Это было то самое столкновение вселенных, которого она страшилась с тех самых пор, как перед ее умственным взором возникло пророческое видение — ключ, торчащий из глаза Дасти, — от которого ее сердце рухнуло вниз, словно скоростной лифт, а содержимое желудка взлетело вверх, как противовес.

— Не подходи ко мне! — исступленно закричала она. — Ради всего святого, не подходи! Со мной творится что-то страшное!

В лице Дасти так же отчетливо, словно это было зеркало, Марти увидела, насколько

странной — насколько сумасшедшей — она выглядит.

— О, боже!

Она отшвырнула фомку, но и топор без топорища, и головка кувалды находились совсем недалеко от нее, на верстаке. Она могла одним движением схватить любой из этих предметов и запустить в ветровое стекло.

Ключ. Глаз. Вонзить и повернуть.

Внезапно Марти осознала, что не выбросила автомобильный ключ. Как она могла допустить такую промашку и не избавиться от него сразу же по приезде домой, а принялась возиться с ножами, скалкой, садовыми инструментами и всем прочим? Если это кошмарное видение и на самом деле было пророческим, если этот ужасный акт насилия неизбежен, то автомобильный ключ был первой из вещей, которую она обязана была искорежить, а потом захоронить на дне мусорного бачка.

Пройти Дасти и попасть на следующий уровень игры, где прозаический ключ Уровня 1 становится мощным волшебным объектом, эквивалентным Кольцу Всевластия Властелина всех магических Колец Средиземья, того самого, которое необходимо доставить обратно в Мордор и расплавить в том же огне, в котором оно было отковано, расплавить до того, как оно начнет служить Злу. Но это была не игра. Ужасы были реальными. И кровь, когда потечет, окажется густой, теплой и влажной, а не просто двухмерной совокупностью различных пикселов, сливающихся в красные пятна соответствующих оттенков.

Марти отвернулась от фургона и поспешила в дом.

На доске со штырьками автомобильного ключа не было.

На кухонном столе не было ничего, кроме запотевшего стакана с недопитым имбирным пивом и бутылочной пробки.

Через спинку стула небрежно переброшен ее плащ. Два глубоких кармана. В одном несколько «Клинексов». В другом книжка.

Ключа нет.

Из гаража слышался голос Дасти. Он звал ее. Он, должно быть, вышел из фургона и пробирался через кучу хлама, которую она оставила на полу. С каждым разом ее имя звучало все громче и ближе.

Прочь из кухни, в холл, мимо столовой, гостиной в прихожую. Марти бежала к парадному входу с единственной целью — сделать расстояние, отделяющее ее от Дасти, как можно больше. Она была не в состоянии подумать о том, что будет после этого безумного бегства, о том, куда же ей в конечном счете придется направиться, что делать. Сейчас ничего не имело значения, кроме одного: убежать как можно дальше от мужа, чтобы не иметь возможности причинить ему вред.

Маленький персидский коврик, на который она наступила в прихожей, скользнул по шлифованному дубовому паркету, и в следующий миг Марти оказалась на полу, тяжело рухнув на правый бок.

Локтем она стукнулась о твердое дерево; мгновенно вспыхнула боль, охватившая всю ее руку, от плеча до кончиков пальцев. Очень больно было ребрам, по которым через нервы растеклась боль от ушиба тазобедренного сустава.

Но самой отвратительной оказалась слабая боль в правом бедре: быстрый укол, резкий, но непродолжительный. Она наткнулась на что-то, лежавшее в правом кармане ее джинсов, и сразу поняла, что же это было такое.

Автомобильный ключ.

И это было бесспорным доказательством: она не могла доверять себе. На каком-то подсознательном уровне она, конечно, знала, что ключ лежит у нее в кармане — и когда смотрела на доске, и когда искала на столе, и когда отчаянно рылась в карманах плаща. Она обманывала себя, а ведь единственной причиной для обмана могло быть лишь намерение воспользоваться ключом для того, чтобы ослепить, убить. Внутри себя она была Иной Мартиной, существом с расстроенной психикой, которого боялась, которое было способно на любое злодеяние и стремилось осуществить ненавистное пророчество: *Ключ. Глаз. Вонзить*

и повернуть.

Марти, держась за ручку застекленной парадной двери, с трудом поднялась на ноги.

И в тот же самый момент снаружи показался Валет. Лапами он упирался в переплет витража, уши были насторожены, а язык вывален на сторону. Сквозь многочисленные квадраты, прямоугольники и круги граненого стекла, среди которых тут и там были разбросаны призмы алмазной огранки и круглые стеклянные бусинки, его мохнатая морда казалась кубистическим портретом, одновременно и забавным, и демоническим.

Марти отшатнулась от двери. Не потому, что испугалась Валета, а как раз наоборот — она боялась за него. Если она и впрямь была способна причинить вред Дасти, то и бедному доверчивому псу тоже грозила опасность.

— Марти! — позвал Дасти из кухни.

Она не ответила.

— Марти, где ты? Что случилось?

Вверх по лестнице. Бесшумно, но быстро, через ступеньку, невзирая на хромоту из-за засевшей в бедре боли от ушиба. Левая рука держится за перила. Правая роется в кармане.

На верхней ступеньке лестницы она уже сжимала ключ в кулаке, только серебристый кончик выглядывал из крепко сжатых пальцев. Маленький кинжал.

Может быть, ей удастся выбросить его из окна. В ночь. Забросить в густой кустарник или за забор в соседский сад, откуда ей не так уж легко будет достать его обратно.

В полутемном холле второго этажа, где горела только одна лампа над лестницей, она остановилась в нерешительности, потому что не любое окно годилось для ее цели. Некоторые были закрыты наглухо. А из тех, что можно открыть, часть наверняка разбухла после дождливого дня, и их так просто не распахнешь.

Ключ. Глаз. Вонзить и повернуть.

А времени не было. Дасти мог найти ее в любой момент.

Она не смела задерживаться, не смела рисковать, угадывая, какое же из окон скорее всего может легко открыться — ведь тем временем Дасти мог подойти к ней, а ключ продолжал бы оставаться в ее руках. При виде мужа она могла бы сорваться, могла бы совершить одно из тех невероятных злодеяний, которые всю вторую половину дня обуревали ее сознание. Ладно, тогда остается большая ванная. Смыть проклятую штуковину в канализацию.

Сумасшествие.

Но все равно, сделать это! Шевелись, шевелись, делай, сумасшествие это или нет.

У парадной двери обычно молчаливый Валет начал лаять, прижимаясь мордой к стеклу.

Марти вихрем ворвалась в спальню и включила верхний свет. Только она шагнула к ванной, как тут же остановилась. Ее пристальный взгляд, быстрый и острый, как гильотина, упал на тумбочку Дасти.

В своей исступленной попытке обезопасить дом она вышвырнула такие безобидные предметы, как картофелечистки и ковырялки для кукурузы, и даже не подумала о самой опасной из всех имевшихся у них вещей, об оружии, которое было только и исключительно оружием, а не могло использоваться в качестве скалки или терки для сыра, — о полуавтоматическом пистолете 45-го калибра, который Дасти купил на тот случай, если в дом ворвутся злодеи.

Это был еще один пример хитрого самообмана. Иная Марти — насильница, в течение столь долгого времени захороненная в глубинах ее личности, и вот теперь эксгумированная — сбила ее с пути, подтолкнула ее истерию, отвлекала ее до предпоследнего момента, когда она была менее всего способна ясно мыслить и обдуманно действовать, когда Дасти оказался рядом и подходил все ближе и ближе… И вот теперь ей разрешили — о нет, помогли — вспомнить о пистолете.

Внизу, в прихожей, Дасти через окно в парадной двери говорил с ретривером:

— Спокойно, Валет, спокойно! — И собака прекратила лай.

Когда Дасти купил пистолет, он настоял на том, чтобы Марти училась стрелять вместе с

ним. Они десять-двенадцать раз ходили на стрельбище. Марти не любила оружия, она не хотела иметь в доме и этот пистолет, хотя и понимала, что мудрость требует иметь возможность защищаться в этом мире, где прогресс и дикость нарастают с одинаковой скоростью. Она на удивление ловко обращалась с оружием, с безотказным никелированным «коммандером кольтом», дальним родственником знаменитых револьверов.

Внизу, в прихожей, слышался голос Дасти.

— Хорошая собачка, — похвалил он послушного Валета. — Очень хорошая собачка.

Марти отчаянно хотелось избавиться от «кольта». Пока оружие находилось в доме, Дасти находился в опасности. Да и никто поблизости не мог бы считаться в безопасности, если бы пистолет попал ей в руки.

И она подошла к тумбочке.

Ради всего святого, оставь его в ящике.

Она открыла ящик.

— Марти, милая, где ты? Что случилось? — Он уже был на лестнице и с каждым мгновением приближался.

— Уходи, — потребовала она. Она хотела крикнуть, но получилось хриплое сдавленное карканье, потому что ее горло было перехвачено страхом и потому что она запыхалась, — но, возможно, еще и потому, что убийца в глубине ее существа на самом деле не хотел, чтобы он уходил.

В ящике между коробкой с носовыми платками и пультом дистанционного управления для телевизора тускло поблескивал пистолет — рок, воплотившийся в кусок элегантно обработанной стали, ее темная судьба.

Как жук-точильщик, который тикает своими мандибулами, прогрызая туннели в глубине дерева, иная Марти корчилась в плоти Марти, вгрызалась в ее кости, обгрызала душу.

Она подняла «кольт». С механизмом простого действия, хорошо компенсированной отдачей, усилием нажима на спусковой крючок в 4,5 фунта и защищенной от заклинивания семизарядной обоймой, он был идеальным оружием для личной самообороны в ближнем бою.

Пока она не отступила от тумбочки и не повернулась к ней спиной, Марти не отдавала себе отчета в том, что выронила автомобильный ключ.

ГЛАВА 26

Даже падая с крыши, Дасти не был так испуган — ведь сейчас он боялся не за себя, а за Марти. В тот момент, когда она бросила фомку и убежала, лицо ее было застывшим, как густо накрашенный лик артиста японского театра «Кабуки». Бледная гладкая кожа, словно покрытая гримом. Глаза, форма которых подчеркнута не тушью, а болью. Глубокая красная рана рта.

Не подходи ко мне! Ради всего святого, не подходи! Со мной творится что-то страшное!

Даже сквозь густой гул мотора, работавшего на малых оборотах, он отчетливо расслышал ее предупреждение и почувствовал ужас, заставлявший голос срываться.

Разгром в гараже. Беспорядок на кухне. Мусорный бачок у черного хода, рядом с открытой дверью, наполнен чем угодно, но только не мусором. Он совершенно не мог понять, что же все это значит.

На первом этаже было холодно, так как кухонная дверь стояла открытой. Дасти вдруг пришло в голову, что этот холод говорит о присутствии в доме ледяного духа, который проник сюда через другую, невидимую дверь из места, бесконечно более чуждого, чем черный ход.

Серебряные подсвечники на столе в гостиной, казалось, были прозрачными, словно

являлись собственными отражениями или же были вырезаны изо льда.

Гостиная была исполнена зимним блеском стеклянных безделушек, медных каминных принадлежностей, фарфоровых ламп. Время на старинных часах замерло на 11.00. Во время медового месяца они нашли эти часы в антикварном магазине и приобрели за сходную цену. Часы не были им нужны в своем основном качестве, и они не намеревались восстанавливать их механизм. Стрелки застыли, указывая на час их свадьбы, а это выглядело добрым предзнаменованием.

Успокоив Валета, Дасти решил пока что оставить собаку у парадного входа, а сам быстро поднялся по лестнице. Хотя с каждой ступенькой воздух в доме становился все теплее, холод шел по лестнице вместе с ним, тот самый холод, который пронизал его при виде искаженного мукой лица Марти.

Он нашел ее в большой спальне. Она стояла около кровати, держа в руках пистолет 45-го калибра, и, выдернув из него обойму, исступленно бормоча что-то вполголоса, выдергивала патроны.

Вынув патрон, она швырнула его через комнату. Он ударился о зеркало, но не разбил его, а отскочил на туалетный столик и упокоился среди декоративных гребней и расчесок.

Дасти сначала не мог понять, что она говорит, но тут разобрал: «…Благодатная Мария, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах…»

Громким шепотом, повизгивая от напряжения, как испуганный ребенок, Марти читала молитву Пресвятой Марии, выковыривая при этом из обоймы патрон за патроном, словно то были бусинки четок и она с молитвою исполняла епитимью.

Дасти, стоя в дверях, глядел на Марти и чувствовал, как на сердце у него становится все тяжелее от страха за нее; тяжесть непрерывно нарастала до тех пор, пока не пронзила грудь острой болью.

Она отбросила еще один патрон, стукнувшийся о комод, и вдруг заметила стоявшего в дверях мужа. Ее лицо, и так достаточно белое для того, чтобы она могла выйти на сцену «Кабуки», побледнело еще сильнее, хотя, казалось, это уже было невозможно.

— Марти…

— Нет… — выдохнула она, когда Дасти шагнул через порог.

Она выпустила пистолет из рук, он со стуком упал на ковер, а Марти пнула его с такой силой, что он пролетел через всю комнату и громыхнул о дверцу шкафа.

— Марти, это же я.

— Уходи отсюда, уходи, уходи, уходи!

— Почему ты боишься меня?

— Я боюсь *себя* ! — Ее тонкие белые пальцы ковыряли обойму пистолета с упорством голодной вороны, вытаскивая очередной патрон. — Ради бога, *беги* отсюда!

— Марти, что…

— Не приближайся ко мне, не надо! Не доверяй мне. — Она говорила через силу, ее голос беспомощно дрожал и срывался, как канатоходец, потерявший равновесие. — Я спятила, совершенно спятила.

— Послушай, милая, я никуда не уйду, пока не выясню, что здесь случилось, какая стряслась беда, — ответил Дасти, делая еще один шаг в ее сторону.

С воплем отчаяния она отшвырнула патрон и полупустую обойму в разные стороны (подальше от Дасти) и кинулась в ванную.

Он бросился за нею.

— *Пожалуйста* , — взмолилась Марти, решительно пытаясь закрыть дверь ванной перед его носом.

Всего лишь минуту назад Дасти и помыслить не мог о том, что могут возникнуть какие угодно обстоятельства, при которых он использует силу против Марти, и теперь, когда он сопротивлялся ее усилию, в его желудке возник противный комок. Просунув колено между дверью и косяком, он попытался протиснуться в ванную.

Вдруг Марти резко отпустила дверь и отступила в угол.

Дверь распахнулась настолько резко, что Дасти вздрогнул и споткнулся о порог.

А Марти отступала все дальше и дальше, пока не уперлась спиной в дверцу душевой кабины.

Придержав автоматическим движением дверь ванной, отскочившую от резинового упора, Дасти не отводил глаз от Марти. Он нашарил выключатель на стене и включил флуоресцентную панель над двойной раковиной умывальника.

Искусственный свет отражался от зеркал, фарфора, белого и зеленого кафеля. От никелированных сантехнических приборов, сияющих, как хирургические инструменты.

Марти стояла, прижавшись спиной к полупрозрачной душевой кабине. Глаза закрыты. Лицо искажено от напряжения. Кулаки прижаты к вискам.

Губы быстро шевелились, но не издавали ни звука, будто она онемела от ужаса.

Дасти подозревал, что она опять молилась. Он сделал три шага и коснулся ее руки.

Ее темно-синие и полные тревоги, как штормовое море, глаза широко распахнулись.

— *Уходи* !

Потрясенный страстным напряжением, прозвучавшим в ее голосе, он сделал шаг назад.

Дверца душевой кабины со звонким щелчком раскрылась, и Марти скользнула внутрь.

— Ты даже не знаешь, что я могу сделать. Мой бог, ты даже представить себе не можешь, насколько это будет ужасно и жестоко.

Прежде чем она успела задвинуть дверцу кабинки, Дасти протянул руку и придержал створку.

— Марти, я не боюсь тебя.

— Ты должен бояться, должен.

— Скажи же мне, что произошло! — пораженный, потребовал он.

Прожилки в ее сделавшихся темными голубых глазах походили на трещины в толстом стекле, черные зрачки казались пулевыми пробоинами в мишени.

И вдруг, словно раскололась невидимая преграда, из нее осколками посыпались слова:

— Во мне есть что-то такое, чего ты не знаешь, где-то внутри сидит другая я, полная ненависти, готовая искалечить, зарезать, уничтожить, а может быть, это и не иная, а просто я, и, значит, я не тот человек, которым всегда себя считала, а что-то извращенное, ужасное, ужасное!

Даже в самых кошмарных своих сновидениях, в самые отчаянные моменты своей жизни наяву Дасти никогда не испытывал такого всепоглощающего испуга, и в сложившемся в мозгу представлении о себе как о человеке он никогда не допускал, что страх может настолько сокрушить его, как это было сейчас.

Он ощущал, что та Марти, которую он всегда знал, ускользает от него, необъяснимым образом, но неумолимо проваливается в какой-то психологический Мальстрем, более непостижимый, чем любая черная дыра в глубинах Вселенной, и что даже если какая-то ее часть останется здесь, после того как ужасный вихрь прекратится, то она окажется не менее загадочной, чем иноземная форма жизни.

И хотя до сих пор Дасти никогда не представлял себе, до какой степени им может овладеть ужас, он всегда понимал, насколько холодным станет для него этот мир, если в нем не будет Марти. Перспектива безрадостной и одинокой жизни без нее и являлась источником того страха, которым он сейчас терзался.

А Марти пыталась отступить подальше от стеклянной дверцы, пока не забилась в самый угол душевой кабины; она вся съежилась, обхватив грудь руками и засунув кулаки под мышки. Все ее кости, казалось, торчали наружу — колени, бедра, локти, лопатки, череп, — как будто скелет стремился разорвать свой союз с плотью.

Когда Дасти вслед за ней вступил в кабинку, Марти простонала:

— Прошу тебя, Дасти, не надо, пожалуйста, не надо. — Ее голос гулко отдавался от кафельных стен.

— Я могу помочь тебе.

Марти заплакала. Ее рот искривился, все черты лица исказились.

— Нет, милый, нет. Отойди. — Она тряслась всем телом.

— Неважно, что бы ни случилось, я смогу тебе помочь.

Когда Дасти приблизился, Марти соскользнула по стене и скорчилась на полу, так как ей было уже некуда отступать от него.

Он опустился рядом с нею на колени.

Когда же он положил ей руку на плечо, она забилась в конвульсиях, панически выкрикнула одно слово:

— Ключ!

— Что?

— Ключ, ключ! — Она оторвала сжатые кулаки от тела и поднесла их к лицу. Стиснутые пальцы судорожно разжались. Марти всмотрелась в пустую правую руку, затем в пустую левую. Она выглядела пораженной, как будто некий фокусник незаметно для нее заставил монету или скомканный шелковый шарф исчезнуть из ее ладони.

— Нет, он был у меня, он у меня, этот автомобильный ключ, он где-то здесь! — Она отчаянно ощупывала карманы джинсов.

Дасти вспомнил, что видел ключ от автомобиля на полу около тумбочки.

— Ты обронила его в спальне.

Она подняла на него недоверчивый взгляд, но потом, казалось, вспомнила.

— Прости меня. Что я могла сделать? Вонзить и повернуть. О, Иисус, бог мой! — Она продолжала дрожать всем телом. В ее глазах появилось выражение глубокого стыда, сразу же проявившегося чуть заметным румянцем на противоестественно меловой коже.

Когда Дасти попытался обнять ее, Марти принялась сопротивляться, нервно предупреждая его не доверять ей, беречь глаза, потому что, хотя у нее и не было автомобильного ключа, у нее были накладные акриловые ногти, достаточно острые для того, чтобы вонзиться в его глаза, потом она внезапно попыталась сорвать их, цепляясь ногтями одной руки за ногти другой; они громко щелкали — клик-клик-клик, — будто откуда-то сыпалась куча больших твердых жуков. Наконец Дасти перестал *пытаться* обнять ее и просто — черт возьми! — *обнял* , ошеломив Марти. Он сжал ее в своих любящих объятиях, с силой прижал к себе, как если бы его тело было громоотводом, через который могли бы уйти ее страхи, чтобы она могла вернуться к действительности. Она напряглась, пытаясь спрятаться в свой эмоциональный панцирь, и, хотя внешне уже становилась больше похожа на себя, еще сильнее сжалась в комочек, так что казалось, будто неимоверная сила ее страха стремилась стиснуть ее, пока Марти не станет такой же твердой, как камень, как алмаз, пока она не сколлапсирует в черную дыру своего собственного создания и не исчезнет в параллельной вселенной, куда, как ей на миг подумалось, скрылся автомобильный ключ, когда его не оказалось у нее ни в правой, ни в левой руке. Дасти, не поддававшийся страхам, продолжал обнимать ее. Он медленно баюкал ее, сидя на полу душевой кабины, и говорил, что он любит ее, что все будет хорошо, что она не злобный орк, а добрый хоббит[1] и что в этом можно легко убедиться, стоит лишь взглянуть на ее забавные, неженственные, но очаровательные пальчики на ногах, которые она унаследовала от Улыбчивого Боба, говорил ей все, что только приходило ему на ум, что могло бы вызвать у нее улыбку. Улыбалась она или нет, он не знал, так как ее голова была опущена и лица не было видно. Однако через некоторое время она прекратила сопротивление. Прошло еще немного времени — чуть побольше, — и ее тело расслабилось, и она сама обхватила мужа руками, сначала робко, потом смелее, и постепенно она повернулась к нему всем телом и прижалась так же, как он прижимался к ней, с беззаветной любовью, с острым ощущением наступивших в их жизни безвозвратных перемен и с тяжелым сознанием того, что теперь они существовали в гигантской тени надвигающегося неведомого.

ГЛАВА 27

1 Орк и, хоббиты — сказочные существа из «Властелина Колец» Дж. Р.Р. Толкиена.

Посмотрев по телевизору вечерние новости, Сьюзен Джэггер обошла квартиру, сверив все имевшиеся в ней часы со своими электронными наручными часами. Она занималась этим каждый вторник по вечерам в один и тот же час.

В кухне одни часы были встроены в духовку и микроволновую печь, а еще одни висели на стене. Элегантные декоративные часы, работавшие от батарейки, стояли на каминной полке в гостиной, а на тумбочке рядом с ее кроватью находились радиочасы.

Ни одни из этих часов не уходили вперед и не отставали за неделю больше чем на минуту, но Сьюзен доставляла удовольствие сама процедура их контроля и проверки хода с точностью до секунды.

После шестнадцати месяцев почти полной изоляции и хронического состояния тревожности она опиралась на ритуалы как на важные средства для сохранения рассудка.

Для каждого из домашних дел она выработала сложную систему процедур, которой следовала не менее строго, чем инженер с атомной электростанции — инструкции по эксплуатации оборудования, нарушение которой может привести к катастрофическому разогреву и плавлению ядерного горючего. Покрытие полов мастикой или полировка мебели превратились в длительные мероприятия, которые должны были заполнить время, дабы оно не оставалось пустым. Выполнение любой работы с высочайшим качеством, которое достигалось лишь благодаря скрупулезному следованию всем указаниям, имевшимся в руководствах для домашних хозяек, порождало в ней ощущение, что она в состоянии владеть собою, и это успокаивало ее, несмотря даже на то, что она отдавала себе отчет: это в значительной степени иллюзия.

После того как все часы были сверены, Сьюзен отправилась в кухню, чтобы приготовить обед. Салат из помидоров и эскариоля. Цыпленок в марсале.

Приготовление пищи было самым любимым из всех ее ежедневных занятий. Она следовала рецептам с научной точностью, отмеряла и соединяла все компоненты с такой же тщательностью, с какой пиротехник манипулирует со своими привередливыми взрывчатыми химикалиями. Кулинарные и религиозные ритуалы, как никакие другие, обладали способностью успокаивать сердце и привносить мир в сознание, возможно, потому, что одни направлены на питание плоти, а другие — души.

Однако этим вечером она не могла сконцентрироваться на аккуратной шинковке овощей, натирании, отмеривании, перемешивании. Ее внимание постоянно обращалось к молчащему телефону. Она с нетерпением ждала звонка Марти, особенно теперь, после того как она наконец-то набралась смелости, чтобы рассказать о своем таинственном ночном посетителе.

До недавних событий она была уверена, что может с легким сердцем говорить с Марти о чем угодно, не испытывая ни малейшей неловкости. Однако уже в течение шести месяцев она была не в силах рассказать о том сексуальном насилии, которому подвергалась во время сна.

Ее заставлял молчать стыд, но на самом деле стыд значил меньше, чем опасение, что ее могут принять за сумасшедшую. Ведь она сама считала, что трудно поверить в то, что можно было раздеть ее, изнасиловать и опять одеть, не разбудив; при том что таких случаев было много.

Эрик не был волшебником, способным проникать в квартиру и выбираться из нее — и овладевать ею, Сьюзен, — и оставаться при этом незамеченным.

Хотя Эрик действительно мог быть тем слабым и нравственно неразборчивым существом, каким его находила Марти, Сьюзен отказывалась соглашаться с тем, что он мог ненавидеть до такой степени, чтобы творить с ней такие вещи, а ведь за этой мерзостью, несомненно, скрывалась ненависть. Они действительно любили друг друга, и их разрыв был отмечен сожалением, а не гневом.

Если бы он захотел ее, она, скорее всего, пошла бы ему навстречу, даже несмотря на то что он оставил ее в трудное время. И поэтому у него не могло быть никаких причин для того,

чтобы строить такие сложные и продуманные до мелочей планы и чтобы брать ее против ее желания.

И… если это не Эрик, то кто же?

Пусть эта мысль кажется невероятной, но Эрик, который жил вместе с нею в этом доме и использовал верхний этаж — этот самый, где она теперь жила, — мог знать, каким образом справиться с дверями и окнами. Ни у кого больше не было возможности так хорошо изучить этот дом, чтобы ходить туда-сюда, не оставляя следов.

Ее рука задрожала, и из мерной ложки просыпалась соль.

Оторвавшись от приготовления обеда, она вытерла свои внезапно вспотевшие руки о посудное полотенце.

Подойдя к входной двери квартиры, она внимательно осмотрела засовы. Оба были задвинуты. Цепочка на месте.

— Я в своем уме! — вслух произнесла она, опершись спиной на дверь.

Во время телефонного разговора Марти, казалось, поверила ей.

Но убедить других будет совсем не так легко.

Доказательства ее утверждения о том, что она подвергалась насилию, были недостаточно убедительными. Иногда она испытывала болезненные ощущения во влагалище, но это бывало не всегда. На ее бедрах и груди иногда появлялись синяки, соответствующие своими размерами кончикам человеческих пальцев, но она не могла доказать, что они возникали из-за грубых прикосновений насильника, а не являлись результатом каких-то случайностей в процессе обычной физической деятельности.

Сразу же по пробуждении она всегда безошибочно знала, если у нее побывал этот призрачный (хотя, увы, реальный) злоумышленник, даже если у нее не было болезненности между ног или новых синяков, даже не успев обнаружить пятно спермы на своем теле — она чувствовала себя грязной, вернее, осквернённой.

Но чувства, однако, не могли считаться доказательствами.

Единственным свидетельством того, что с нею был мужчина, являлась сперма, но она никак не подтверждала насилия.

Помимо всего прочего, предъявить властям испачканные трусики или же, что еще хуже, отправиться в больницу «Скорой помощи», чтобы там сделали соскоб из влагалища, потребовало бы от нее гораздо больших усилий, чем она сейчас была в состоянии выдержать.

Действительно, ее состояние, агорафобия, было главной причиной, из-за которой она так долго отказывалась довериться Марти, уже не говоря о полиции или других посторонних. Хотя достаточно просвещенные люди знали, что экстремальная фобия не является разновидностью безумия, большинство из них могли не помочь ей, а отнести ее слова к разряду странностей пограничного состояния. И если бы она принялась утверждать, что подвергается сексуальному насилию во сне, что это делает призрачный злоумышленник, которого она никогда не видела, человек, способный проходить сквозь запертые двери… Да услышав это, даже лучшая подруга, знающая ее почти всю жизнь, вполне может задаться вопросом: а не является ли агорафобия, которая сама по себе не есть психическое заболевание, предшественницей настоящего умственного расстройства?

И теперь, все же еще раз осмотрев засовы, Сьюзен нетерпеливо подошла к телефону. Она не могла больше ни минуты ждать обещанного звонка Марти. Ей было необходимо получить подтверждение того, что хотя бы ее лучшая подруга, пусть даже одна во всем белом свете, верит в призрачного насильника.

Сьюзен даже нажала на четыре кнопки, набрав первые цифры номера Марти, но повесила трубку. Если она слишком явно продемонстрирует свою слабость или нетерпение, то ее история может показаться менее правдоподобной.

Вернувшись к соусу из марсалы, она поняла, что слишком возбуждена для того, чтобы кулинарные ритуалы могли ее убаюкать. Да и голода она не испытывала.

Она откупорила бутылку «Мерло», налила полный бокал вина и присела за стол в кухне. В последнее время она пила больше, чем обычно. Отхлебнув вина, она посмотрела

сквозь стакан на свет. Темно-рубиновая жидкость была прозрачной, без следа какой-либо мути.

В течение некоторого времени она была уверена в том, что кто-то каким-то образом дает ей наркотики. Такая возможность все еще продолжала тревожить ее, но уже не казалась столь вероятной, как некогда.

Рогипнол, который журналисты прозвали наркотиком для свиданий… Так, пожалуй, можно было бы объяснить, как получается, что она ничего не замечает или, по крайней мере, забывает, что ее грубо берет мужчина. Подмешайте рогипнол женщине в спиртное, и она окажется в начальной стадии опьянения: потеряет ориентацию, окажется уступчивой и беззащитной. Состояние, возникшее под действием наркотика, в конечном счете переходит в настоящий сон, а после пробуждения женщина ничего или почти ничего не помнит о том, что происходило ночью.

Но, однако, по утрам, после отвратительных визитов ее таинственного посетителя, Сьюзен ни разу не испытывала никаких признаков отравления рогипнолом. Ни тошноты, ни сухости во рту, ни ухудшения зрения, ни пульсирующей головной боли, ни вялости, ни нарушения чувства равновесия. Обычно она просыпалась в абсолютно здравом уме, даже освеженной, но с ощущением осквернённости.

К тому же она неоднократно меняла своих поставщиков. Порой продукты для Сьюзен покупала Марти, но, как правило, она заказывала их в небольших магазинчиках, которые занимались доставкой на дом. Сейчас немногие оказывают такие услуги, даже за дополнительную плату. Хотя Сьюзен, меняя продавцов, имела дело, пожалуй, со всеми такими торговцами в городе — чему способствовала ее параноидальная уверенность в том, что кто-то подсыпает наркотики ей в пищу, — это не помогло положить конец ночным вторжениям.

В отчаянии она попыталась найти ответ в сверхъестественном. Передвижная библиотека доставляла ей книги с сенсационными повествованиями о призраках, вампирах, демонах, об изгнании нечистой силы, о черной магии и похищении людей инопланетянами.

Библиотекарь, сказать к его чести, ни разу никак не прокомментировал ее выбор, даже бровью не повел в знак своего удивления жадным пристрастием Сьюзен к этому специфическому предмету. Возможно, ему казалось, что это более здоровое чтение, нежели современная политика или сплетни о знаменитостях.

Сьюзен была буквально очарована легендой об инкубе. Этот злой дух являлся к спящим женщинам и овладевал ими, когда они видели сны.

Но очарование так и не превратилось в убеждение. Она еще не дошла до суеверия и не считала, что должна спать, положив четыре экземпляра Библии по углам кровати, или же носить ожерелье из чеснока.

В конце концов она забросила исследования сверхъестественного, поскольку из-за копания в иррациональных сферах ее агорафобия стала усиливаться. Присутствуя на пиру безумия, она, похоже, питала больную часть своей души, в которой процветал ее необъяснимый страх.

«Мерло» в бокале осталось меньше половины. Сьюзен долила его доверху.

Держа бокал в руке, она отправилась в обход по квартире, чтобы удостовериться в том, что все возможные входы накрепко закрыты.

Оба окна столовой глядели на соседнее здание, возвышавшееся поблизости от дома Сьюзен. Они были заперты. В гостиной она выключила лампы и села в кресло, потягивая вино, пока ее глаза привыкали к темноте.

Ее фобия уже усилилась до такой степени, что ей было чрезвычайно трудно смотреть на мир, залитый дневным светом, пусть даже и через окно. Но пока что ей ничего не препятствовало рассматривать ночной мир при пасмурном небе, когда в лицо ей не смотрели с бездонного неба мириады звезд. При такой погоде, как сегодня, Сьюзен никогда не упускала случая проверить себя, поскольку опасалась, что если она совсем не будет упражнять свою хрупкую храбрость, то вскоре та совсем атрофируется.

Когда предметы перед Сьюзен приобрели четкие очертания, а слабенький двигатель силы духа в ее сердце под влиянием «Мерло» заработал ровнее, она подошла к середине большого трехстворчатого окна, обращенного к океану. После непродолжительного колебания она набрала полную грудь воздуха и приподняла плиссированную штору.

Прямо перед домом расстилался променад — приморская аллея. Мокрый асфальт сверкал ледяным блеском в свете далеко отстоявших один от другого уличных фонарей. Хотя было еще не поздно, вся аллея была почти пуста — мало кому хотелось гулять в прохладный и сырой январский день. Прокатили двое молодых людей на роликовых коньках. От одного островка тени к другому, задрав хвост, скачками перебежал кот.

Редкие пальмы и уличные фонари были связаны между собой тонкими ленточками туманных испарений. Стоял штиль, ветви висели неподвижно, и потому казалось, что плавно струившийся туман был живым и в его безмолвном продвижении ощущалась потаенная угроза.

Сьюзен могла разглядеть лишь небольшую часть окутанного ночной тьмой пляжа. Тихий океан ей не был виден вообще: его закрывал барьер плотного тумана, который сейчас отодвинулся к самому побережью и сам почти слился с темнотой. Лишь изредка при случайных отблесках света перед глазами мелькала высокая серая стена, при виде которой в голову приходила мысль о вздыбившейся над берегом волне цунами, озаренной внезапной вспышкой за момент до того, как она, сотрясая землю, разобьется о набережную. А ленты, оторвавшиеся от туманного барьера, напоминали о струйках пара, поднимающихся от куска сухого льда.

Когда звезды были скрыты низкими облаками, а тьма и туман делили мир на крохотные кусочки, Сьюзен могла смотреть в окно на протяжении нескольких часов. Она ощущала себя отгороженной от своих страхов, лишь сердце билось учащенно. И внезапно возникшее у нее предчувствие не было следствием агорафобии: она вдруг ощутила, что за ней наблюдают.

С тех пор, как начались ночные посягательства, Сьюзен все больше и больше досаждал этот новый страх. Скопофобия, боязнь подглядывания.

Но в данном случае это была не просто еще одна фобия, не просто необъяснимый страх, а совершенно рациональная реакция на происходящее. Если ее насильник-фантом был реален (а он был), ему следовало время от времени держать ее дом под наблюдением, чтобы убедиться в том, что, когда он нанесет визит, она будет в одиночестве.

Тем не менее ее беспокоило появление новых наслоений поверх агорафобии. Если так пойдет дальше, то она в конце концов окажется спеленута по рукам и ногам, как египетская мумия, закрыта саваном тревожности, парализована и прекрасно забальзамирована заживо.

Променад был пустынен. Стволы пальм были недостаточно толстыми для того, чтобы спрятать человека.

Он — там.

Уже три ночи подряд на Сьюзен не нападали. И этот слишком уж человекоподобный инкуб должен был объявиться. В своих проявлениях он демонстрировал образец аккуратности в подходе к удовлетворению потребности, его поведение было столь же размеренным, как и смена лунных фаз, управляющих током крови в жилах вервольфа[1].

Много раз она пыталась бодрствовать всю ночь, чтобы поймать его, когда он пробирается в квартиру. Когда она, измученная, с покрасневшими от бессонницы глазами, выдерживала до утра, он не показывался. Но в тех случаях, когда сила воли изменяла ей и она засыпала, он все же являлся. Однажды она заснула полностью одетой, сидя в кресле, а проснулась также полностью одетой, но в кровати с прилипшим к ней слабым запахом его пота и с ненавистным липким пятном его спермы в трусах. Он, казалось, каким-то шестым чувством знал, когда она спала и была беспомощна.

Он — там.

Там, где плоский пляж уходил в темноту и туман, плавно горбились несколько

1 Человек-оборотень, становящийся волком и по ночам нападающий на людей и скот, из германской мифологии.

невысоких дюн. Наблюдатель мог скрываться за одной из них, хотя для того, чтобы остаться незамеченным, должен был лежать, вжавшись в песок.

Она чувствовала на себе его пристальный взгляд. Или ей казалось, что чувствует.

Сьюзен быстро опустила штору, закрыв окно.

Разгневанная собственной постыдной робостью, потрясенная скорее яростью и неверием в свои силы, чем страхом, уставшая от своего состояния беспомощной жертвы — состояния, которое так и не стало для нее привычным, ведь большую часть жизни она жертвой себя ни в коем случае не чувствовала, — она смертельно переживала из-за того, что не может преодолеть агорафобию и выйти наружу, промчаться по пляжу, пробежать по песчаным гребням дюн и встретиться лицом к лицу со своим мучителем или же доказать себе, что его там не было. Но у нее не хватало смелости на то, чтобы преследовать преследователя, и оставалось только прятаться в доме и ждать.

Она не могла даже надеяться на избавление, потому что надежда, которая так долго поддерживала ее, к настоящему времени сократилась настолько, что если бы она обладала физической сущностью, то ее вряд ли можно было бы рассмотреть в увеличительное стекло и даже в самый мощный микроскоп.

Увеличительное стекло!

Выпустив из рук шнур занавески, Сьюзен почти в буквальном смысле ухватилась за новую идею, мысленно осмотрела ее со всех сторон и осталась довольна своей находкой. Прикованная к дому агорафобией, она не могла преследовать своего противника, но, возможно, ей удастся рассмотреть его, пока он наблюдает за нею.

В шкафу, стоявшем в спальне, на полке над висящей одеждой лежала пластиковая сумка, в которой хранился мощный бинокль. В лучшие времена, когда она нисколько не расстраивалась при виде освещенного солнцем мира, широко раскинувшегося в своей необъятности, ей нравилось смотреть на парусные регаты, проходившие у побережья, и на большие океанские суда, направляющиеся в Южную Америку или Сан-Франциско.

Захватив из кухни двуногую складную скамеечку, она поспешила в спальню. Бинокль находился именно там, где она и ожидала его найти.

На той же самой полке, среди других вещей, лежал предмет, о котором она совершенно забыла. Видеокамера. Видеокамера была одним из многих непродолжительных увлечений Эрика. Интерес к съемке на пленку и монтажу домашнего кино он полностью утратил задолго до того, как они расстались.

Возможность использовать технику сразу же перевернула с ног на голову весь план Сьюзен о том, чтобы рассматривать дюны в поисках скрытого наблюдателя. Не прикоснувшись к биноклю, она извлекла твердый пластмассовый футляр, в котором находилась камера и всяческие принадлежности к ней, положила на кровать и раскрыла.

Помимо камеры, в футляре находились запасные аккумуляторы с зарядным устройством, две неиспользованные кассеты и толстая инструкция.

Ей никогда еще не приходилось пользоваться камерой. Все съемки проводил Эрик. И теперь она с жадным интересом читала инструкцию.

Как обычно, взявшись за новое хобби, Эрик не удовольствовался обычными инструментами. Ему обязательно требовалось самое лучшее, самое современное оборудование и все возможные приспособления к нему. Вот и эта ручная видеокамера выглядела компактной, но при этом была оснащена высококачественными линзами, позволяла получить практически безупречную видео— и звукозапись и при этом работала совершенно бесшумно, так, что ее собственный высокочувствительный встроенный микрофон не улавливал звука работающего мотора.

Кроме того, в ней использовались не только двадцати— или тридцатиминутные ленты, а можно было поставить и двухчасовую кассету. Но этим возможности увеличения объема сделанной записи не исчерпывались. Снизив скорость движения ленты, можно было на двухчасовой кассете вести съемку в течение трех часов, хотя, как утверждала инструкция, при этом четкость изображения и точность воспроизведения цветов оказались бы на десять

процентов ниже, чем при стандартной скорости.

Видеокамера была очень экономной в потреблении энергии, а сменные аккумуляторы — очень емкими, так что можно было снимать эти два или три часа без перерыва; помешать могло разве что чрезмерно активное использование монитора для просмотра полученного изображения и других энергопотребляющих приспособлений.

Согласно встроенному индикатору установленный аккумулятор сдох до конца. Сьюзен проверила запасной источник питания, и оказалось, что он разрядился далеко не полностью.

Не уверенная в том, что разряженный аккумулятор можно реанимировать, Сьюзен взяла второй источник, вставила его в зарядное устройство и включила в розетку в ванной, чтобы привести аккумулятор в полную готовность.

Бокал «Мерло» стоял на краю стола в гостиной. Она подняла его, словно произносила про себя тост, и на сей раз пила не для того, чтобы утешиться, а чтобы отпраздновать.

Впервые за много месяцев она искренне чувствовала, что в состоянии управлять своей жизнью. И, хотя Сьюзен знала, что на деле сделала только один-единственный маленький шажок для решения всего лишь одной из множества печальных проблем, которые мучили ее, знала, что до подлинного управления своей жизнью ей еще очень далеко, она не сдерживала своей радости. По крайней мере, она наконец что-то *делала* и отчаянно нуждалась в бодрости, порождаемой этим приливом оптимизма.

В кухне, убирая так и не приготовленного цыпленка и доставая из морозильника пиццу с пепперони[1], она задавала себе вопрос: почему она не подумала о видеокамере несколько недель или месяцев тому назад? Она действительно начала понимать, что была на удивление пассивна, учитывая, какие ужасы и унижения ей пришлось вынести.

О да, она искала излечения. Два раза в неделю, уже почти шестнадцать месяцев. Эти ее поступки не представляли собой никаких достижений, между сеансами она не вела никакой борьбы, не проявляла настойчивости при виде чрезвычайно незначительных результатов, но подчиниться лечению было, пожалуй, единственным, на что она оказалась способна, когда вся ее жизнь стала разваливаться. И ключевым словом было «подчиниться», потому что она действительно подчинялась лечебной стратегии Аримана и следовала его советам с нетипичным для нее послушанием. Ведь нужно было учесть, что в прошлом она относилась к врачам с тем же скептицизмом, что и к напористым торговцам автомобилями, перепроверяя их слова своими собственными исследованиями и дублируя заключение каждого специалиста у другого специалиста.

Засовывая пиццу в микроволновую печь, Сьюзен была счастлива от того, что избавилась от необходимости готовить сложный обед. Она поняла с ясностью прозрения, что, отвергнув ритуал *ради действия* , она сделала быстрый шаг к здравомыслию. Ритуал заменял обезболивание, благодаря ему то жалкое состояние, в котором она пребывала, казалось терпимым, но он ни в коей мере не подводил ее к преодолению ее проблем, он не исцелял.

Она наполнила бокал. Вино тоже не исцеляло, и ей нужно было соблюдать осторожность, чтобы не опьянеть и не испортить предстоящую ей работу. Но она пребывала в состоянии такого возбуждения, в ее крови было столько адреналина, что она могла, вероятно, выпить целую бутылку и с ее повышенной активностью в нынешнем состоянии полностью сжечь в организме алкоголь к тому времени, когда нужно будет ложиться спать.

За то время, что Сьюзен вышагивала по кухне, дожидаясь, пока пицца будет готова, возникшее в ней ощущение озадаченности своей столь длительной пассивностью превратилось в глубокое изумление. Посмотрев на минувший год под новым углом зрения, она готова была поверить, что прожила его под заклятием злого колдуна, которое помрачило ее разум, иссушило ее силу воли, оковало ее душу черным волшебством.

Что ж, теперь заклинание разбито. Она превращалась в прежнюю Сьюзен Джэггер, энергичную, с ясной головой и готовую использовать свой гнев для того, чтобы изменить свою жизнь.

Он был там. Возможно, в эту самую минуту он смотрел с дюн на ее окна. Возможно, он

---

1 Сорт колбасы.

время от времени катался перед ее домом на роликовых коньках, или пробегал, или проезжал на велосипеде и выглядел при этом одним из бесчисленных любителей спорта или развлечений, обитавших в Калифорнии. Но он наверняка был там.

Мерзкий пролаза не посещал ее в течение трех последних ночей, но он в своих действиях руководствовался одним и тем же расписанием, и она была почти уверена в том, что он явится сегодня перед рассветом. Даже если она не сможет удержаться ото сна, даже если она каким-то образом одурманена и опять не будет помнить, что он с ней делает, утром она все узнает о нем, поскольку при малейшей доле везения скрытая видеокамера застигнет его на месте преступления.

Если на ленте окажется Эрик, то она будет лупить его по мерзкой заднице до тех пор, пока не потребуется хирургическим путем удалять обломки каблуков ее туфель из его ягодиц. И потом навсегда вышвырнет его из своей жизни.

Если это окажется незнакомец, что ей казалось крайне маловероятно, то у нее будет доказательство для полиции. Пусть ей будет неимоверно тяжело передать в полицию фильм о насилии над собою, но она сделает то, что должна.

Вернувшись к столу за бокалом с вином, она продолжала гадать: что, если?… Что, если?…

Что, если после пробуждения она будет ощущать себя изнасилованной и осквернённой, почувствует омерзительную теплоту спермы и все же лента покажет, что она находилась в кровати одна, бьющаяся в экстазе или в ужасе, как душевнобольная в припадке? Что, если ее посетитель окажется потусторонним существом — допустим, инкубом, — которое не отражается в зеркалах и не оставляет своего изображения на видеозаписи?

Чушь.

Истина находилась за пределами ее квартиры, но в ней не было ничего сверхъестественного.

Она подняла бокал «Мерло» и одним большим глотком выпила сразу половину.

ГЛАВА 28

Эта комната казалась святилищем Марти Стюарт, богини современного американского дома. Два торшера с отделанными бахромой шелковыми абажурами. Два больших кресла со скамеечками для ног по сторонам чайного столика. Кружевные подушечки на стульях. Камин.

Это было самое любимое Марти место в доме. Множество вечеров за последние три года они с Дасти сидели здесь с книгами и молча читали, каждый углублен в свою книгу, и при этом оставались так же близки, как если бы держались за руки и внимательно глядели в глаза друг другу.

А теперь она сидела с ногами в кресле, слегка наклонившись влево, без книги. Она сидела очень спокойно и со стороны, вероятно, могла бы показаться воплощением безмятежности, хотя на самом деле это было не спокойствие, а предельное изнеможение.

Дасти пытался устроиться в другом кресле, в тщетной попытке спокойно обдумать и проанализировать случившееся, но каждый раз напряженно сдвигался на край сиденья.

Марти рассказывала о перенесенных ею испытаниях. Она часто умолкала от смущения, хотя чаще эти паузы были вызваны тем, что рассказчица не переставала поражаться невероятным деталям своего собственного сумасшедшего поведения. Когда повествование прерывалось, Дасти мягко направлял ее вопросами.

Самый вид Дасти успокаивал ее и придавал надежду, но Марти иногда не могла глядеть ему в глаза. Она пристально глядела в холодный камин, как будто керамические бревна облизывали гипнотические языки пламени.

Как ни странно, декоративный набор бронзовых каминных принадлежностей не встревожил ее. Маленький совок. Острые клещи. Кочерга. Совсем недавно от одного лишь

вида кочерги ее нервы, натянутые, как струны арфы, сыграли бы убийственное арпеджио ужаса.

В ней все еще продолжали сверкать тлеющие угольки беспокойства, но в данный момент она больше боялась еще одного приступа парализующей паники, чем порыва совершить акт насилия.

Хотя Марти рассказывала о том, что с нею происходило, со всеми яркими деталями, но все же не могла передать, что чувствовала в это время. Действительно, ей было трудно воспроизвести в памяти всю силу того ужаса перед той сущностью, которая ненадолго поднялась с грязного дна ее души, а теперь снова скрылась в глубине. Казалось, что все это происходило с совсем другой Марти Родс.

Время от времени Дасти шумно встряхивал лед в своем стакане виски, чтобы привлечь внимание Марти, а когда она смотрела на него, то приподнимал стакан, напоминая о том, что ей тоже стоит выпить. Сначала Марти отказалась было от виски, опасаясь снова утратить контроль над собою. Однако, унция за унцией, «Джонни Уокер» с красным ярлыком доказал, что является отличным лекарством.

Славный Валет лежал рядом с ее креслом и время от времени поднимался, чтобы положить голову на ее колени и напомнить о том, что его нужно погладить по голове; в его проницательных глазах светилось сочувствие.

Пару раз Марти давала псу маленькие кубики льда из своего стакана. Он грыз их с видом странно торжественного удовольствия.

— И что же дальше? — спросил Дасти, когда Марти закончила свой рассказ.

— Утром отправлюсь к доктору Клостерману. Я договорилась о приеме сегодня, когда возвращалась от Сьюзен, даже до того, как мне стало по-настоящему плохо.

— Я пойду с тобой.

— Я хочу пройти серьезное обследование. Полный анализ крови. Снимок мозга — вдруг у меня опухоль.

— У тебя нет никакой опухоли, — уверенно сказал Дасти, хотя основой для такой уверенности была одна лишь надежда. — У тебя нет никаких серьезных отклонений.

— Кое-что есть.

— Нет. — Мысль о том, что она могла заболеть, возможно, даже смертельно, вызвала у Дасти такой ужас, что он не смог скрыть его.

Марти уловила каждую черточку боли, появившуюся на его лице, потому что это выражение больше, чем все разговоры о любви, происходящие в мире, показывало, насколько он дорожит ею.

— Я согласилась бы на мозговую опухоль, — сказала она.

— Согласилась?

— Если это альтернатива психическому заболеванию. Опухоль можно удалить, и тогда остается шанс, что я останусь сама собою.

— Нет, это не так, — ответил он, и морщины, прорезавшие его лицо, углубились. — Это не психическое расстройство.

— Но что-то все же есть, — настаивала она.

* * *

Сидя в кровати, Сьюзен ела пиццу с пепперони и попивала «Мерло». Это был самый восхитительный обед из всех, которые ей когда-либо доводилось есть.

Она была достаточно проницательна и полностью сознавала, что компоненты ее простой пиши не имеют никакого отношения к той сочности и аромату, которыми она сейчас наслаждалась. Вкус пицце придавали не колбаса, сыр и поджаристая корочка, а перспектива выяснить истину.

Освободившись от заклятия, сковавшего ее цепями робости и беспомощности, она

жаждала не столько истины и правосудия, сколько мести. Она, конечно, не питала никаких иллюзий по поводу того, что ей удастся отомстить так, чтобы это принесло достаточное удовлетворение. В конце концов в числе ее зубов, как и у каждого человека, имелись четыре клыка и четыре резца — чтобы рвать и откусывать.

Припомнив, как она защищала Эрика от нападок Марти, Сьюзен откусила огромный кусок пиццы и принялась с жестоким удовольствием жевать его.

Если ее агорафобия развилась как следствие болезненных переживаний после измены Эрика, то, возможно, он заслуживал какого-то наказания. Но если он был ее призрачным ночным посетителем, беспощадно издевающимся над ее мозгом и телом, значит, он совсем не тот человек, за которого Сьюзен принимала его, когда выходила за него замуж. Вообще не человек, а некое существо, ненавистное создание. Змея. Наверняка она без колебаний использовала бы закон, чтобы покончить с ним, как лесоруб не раздумывая пускает в ход топор, чтобы зарубить гремучую змею.

Во время еды Сьюзен изучала спальню в поисках наилучшего места для того, чтобы спрятать видеокамеру.

* * *

Марти, сидя за кухонным столом, следила за тем, как Дасти устраняет учиненный ею беспорядок.

Когда он втаскивал мусорный бачок с лестницы в кухню, его содержимое грохотало и позвякивало, как инструменты в мешке живодера. Марти, которая в этот момент подносила к губам второй стакан виски, понадобилось вцепиться в него обеими руками. Закрыв дверь, Дасти загрузил ножи, вилки и прочую посуду в посудомоечную машину.

Вид острых лезвий и вздымающихся зубьев, их стальной звон и скрежет друг о друга на сей раз почти не встревожили Марти. Лишь ее горло слегка перехватило, и согревающая струйка сильно разбавленного «Джонни Уокера» сочилась в ее желудок медленно, словно путь ей преграждал внезапно возникший в пищеводе комок.

Дасти вернул «Шардоннэ» и «Шабли» в холодильник. Бутылки не потеряли своей пригодности для того, чтобы рассечь скальп и раздробить кости черепа, но Марти больше не испытывала назойливого искушения взять бутылку за горлышко, широко размахнуться и с силой опустить…

Задвинув пустые ящики на место и убрав те предметы, которые можно было не мыть, Дасти сказал:

— А то, что в гараже, может подождать до утра.

Марти кивнула, но ничего не сказала в ответ. Она не настолько доверяла себе, чтобы заговорить здесь, где разворачивалась значительная часть действия ее поразительного припадка. Воздух тут, казалось, был насыщен миазмами безумия, как ядовитыми спорами, и она почти сознательно ожидала, что стоит ей открыть рот, как она вновь отравится ими и примется творить разные ужасные глупости.

Когда Дасти предложил пообедать, Марти не чувствовала никакого аппетита, но он настоял на том, чтобы она поела.

В холодильнике нашлась кастрюля с остатками лазаньи[1]. Их было вполне достаточно на двоих, и Дасти согрел их в микроволновой печи. Потом он почистил и нарезал немного свежих грибов.

Нож в его руках выглядел совершенно безопасным.

Пока Дасти обжаривал грибы в масле и шинковал лук, а затем смешивал их в горшке с пакетом стручкового сладкого горошка, Валет сидел перед микроволновой печью и мечтательно взирал на нее, глубоко вдыхая аромат разогревавшейся лазаньи.

---

1 Печеное блюдо итальянской кухни, состоящее из нескольких слоев теста, макарон, сыра, томатного соуса и обычно мяса.

В свете того, что Марти совсем недавно натворила здесь, этот домашний уют поразил ее своей ирреальностью. Ощущение было почти таким же, словно она вернулась после скитаний по бескрайним адским полям горящей серы.

Пока Дасти накрывал на стол, Марти пыталась угадать, не могла ли она раньше отравить остатки лазаньи. Она не могла припомнить, чтобы совершила подобное предательство. Но она все еще подозревала, что перенесла одно, а то и несколько выпадений памяти, судорог времени, в течение которых могла действовать вроде бы и сознательно, хотя в памяти ничего не оставалось.

Уверенная в том, что Дасти стал бы есть лазанью хотя бы только для того, чтобы показать, насколько доверяет ей, Марти сдержалась и не стала предостерегать его. Но чтобы наверняка избежать мрачной перспективы выжить после этого обеда в одиночку, она, превозмогая отсутствие аппетита, съела большую часть того, что муж положил ей на тарелку.

Но все же она отказалась от вилки и ела ложкой.

* * *

В углу спальни Сьюзен Джэггер стояла высокая тумба в стиле «бидермейер»[1]. Наверху ее венчала бронзовая шарообразная ваза, в которой росло миниатюрное деревце-бонсаи. Растение, конечно, совсем не видело дневного света, так как окна были всегда закрыты, но его выручала установленная сзади, у стены, специальная лампа для домашних растений.

Вместе с бонсаи рос пышный плющ с маленькими звездообразными листьями. Его побеги свешивались из вазы, почти полностью прикрывая ее. Прикинув, как установить видеокамеру, чтобы кровать наилучшим образом оказалась в поле зрения, она поместила аппарат в контейнер и искусно задрапировала его фестонами плюща.

Потом она выключила лампу, освещавшую растения, но зажгла ночник. Для того чтобы на пленке осталось изображение, которое можно было бы рассмотреть, в комнате должен быть свет.

Чтобы оправдать зажженную лампу, должно сложиться впечатление, что она заснула во время чтения. Полупустой бокал вина на тумбочке, на одеяле раскрытая книга, будто выпавшая у нее из рук, — вполне убедительная декорация.

Сьюзен прошлась по комнате, внимательно рассматривая бронзовый шар. Видеокамера была скрыта отлично. Лишь при взгляде с одного острого угла можно было увидеть янтарный отблеск лампы, сверкавший в глубине темного стекла линзы, словно из ветвей плюща выглядывала одноглазая ящерица. Но эта искорка была настолько мала, что наверняка не могла привлечь внимание ни инкуба, ни простого смертного.

Сьюзен подошла к видеокамере, просунула палец между листьями и после секундного поиска нажала кнопку. Отступила на два шага. Замерла, вскинув голову и затаив дыхание. Внимательно прислушалась.

Хотя отопление было выключено, не работал ни один вентилятор, хотя стихший ветер не шептал под карнизом или в окнах, тишина в спальне была совершенно полной, даже невероятной в век вездесущих механизмов. Похоже, что изготовители не бросались словами: Сьюзен не слышала ни малейшего отзвука, который выдавал бы работу двигателя видеокамеры, а легчайший шелест движущейся в кассете ленты полностью заглушался окутывавшим камеру плющом.

Зная, что причуды архитектуры могли заставить звук распространяться в самых неожиданных направлениях, она медленно прошлась по комнате. Пять раз она останавливалась и замирала, прислушиваясь, но так и не уловила ничего подозрительного.

Сьюзен, удовлетворенная обследованием, возвратилась к тумбе, извлекла видеокамеру

---

1 Бидермейер — стилевое направление, развивавшееся главным образом в немецком и австрийском искусстве первой половины XIX века. Название получило по имени вымышленного поэта, якобы автора стихов, принадлежавших на самом деле различным авторам.

из плюща и рассмотрела запись на встроенном мониторе камеры.

Кровать целиком оказалась в центре кадра. У левой кромки изображения была видна входная дверь.

Сьюзен смотрела, как сама входит в кадр и выходит из него. Останавливается в тщетных попытках услышать звук от работы камеры. К своему большому удивлению, она казалась очень молодой и привлекательной.

В эти дни, глядя в зеркала, она не могла как следует рассмотреть себя. В стекле она видела скорее собственное психологическое восприятие отражения, нежели реальное изображение. Ей представлялась Сьюзен Джэггер, постаревшая от хронического беспокойства, со стертыми и искаженными от шестнадцати месяцев бесплодной рефлексии чертами лица, серая от скуки и изможденная от волнения.

А женщина на видеопленке была изящной и хорошенькой, и, что важнее всего, у нее была важная цель. Это была женщина с надеждой — и будущим.

Довольная первым результатом, Сьюзен еще раз просмотрела запись. И снова она возникла из железно-окисной памяти видеокамеры, целеустремленно передвигаясь по спальне, входя и покидая кадр, делая паузы, чтобы прислушаться: женщина, у которой был план.

* * *

Даже ложка может стать оружием, если зажать ее черпак в кулаке и нанести удар ручкой. Конечно, она не такая острая, как нож, но ею можно ткнуть, ослепить.

Приступ дрожи навалился на Марти, заставляя ложку трястись в ее пальцах. Дважды она громыхала по тарелке, словно призывала к вниманию перед тем, как провозгласить тост.

Ей отчаянно хотелось отбросить ложку подальше, чтобы нельзя было до нее дотянуться, и есть руками. Но из страха показаться в глазах Дасти даже более сумасшедшей, чем она уже выглядела, она упорно продолжала борьбу со столовым прибором.

Беседа за обедом протекала очень неуклюже. Даже после того, как Марти в гостиной подробно рассказала о своих припадках паники, у Дасти было много вопросов. Она же со все большей неохотой говорила на эту тему.

С одной стороны, сам предмет разговора угнетал ее. Вспоминая о своем чрезвычайно странном поведении, она чувствовала себя беспомощной, как если бы ее отбросило назад, в бессильное и зависимое состояние раннего детства.

Кроме того, она была обеспокоена необъяснимым, но тем не менее твердым убеждением в том, что разговоры о припадках паники могут вызвать новые приступы. Она чувствовала себя так, будто сидит на закрытой крышке люка, и чем дольше говорит, тем больше становится вероятность того, что она произнесет кодовое слово, сработает секретный механизм, откроется замок, и она рухнет вниз, в пропасть.

Она спросила Дасти, как тот провел день, и он перечислил ей множество дел, которыми обычно занимался, когда погода не благоприятствовала малярным работам.

Хотя Дасти никогда не лгал, Марти почувствовала, что он рассказывал ей не все. Правда, в ее нынешнем состоянии она была слишком мнительной для того, чтобы доверять своим ощущениям.

— Ты продолжаешь отводить от меня глаза, — заметил Дасти, отодвинув тарелку.

Она и не отрицала этого.

— Мне ужасно противно, что ты видишь меня такой.

— Какой же?

— Слабой.

— Ты не слабая.

— В этой лазанье больше костей, чем во мне.

— Ей уже два дня. Для лазаньи… Черт возьми, да ей по человеческому счету уже

восемьдесят пять лет.

— Я тоже чувствую себя на восемьдесят пять.

— Что ж, я должен засвидетельствовать, что для такого возраста ты сохранилась куда лучше, чем эта проклятая лазанья.

— Знаете что, мистер: вы наверняка можете вскружить голову девчонке.

— А знаешь, что говорят о малярах?

— И что же?

— Мы умеем густо закатать.

Она взглянула ему в глаза.

Дасти улыбнулся и сказал:

— Все будет хорошо, Марти.

— Нет, если ты не научишься шутить получше.

— Язык мой — враг мой.

* * *

Обойдя бастионы своей четырехкомнатной крепости, Сьюзен Джэггер удостоверилась в том, что все окна были заперты.

Единственная дверь квартиры, открывающаяся во внешний мир, находилась в кухне. Она была заперта на два мощных засова и крепкую цепочку.

Закончив проверку замков, Сьюзен взяла кухонный стул и, уперев его в пол задними ножками, подсунула спинку под дверную ручку. Даже если Эрик так или иначе добыл ключ, стул не позволит ему отворить дверь. Конечно, она уже пробовала эту уловку со стулом, но и это не предотвратило вторжения.

Найдя место для видеокамеры и проверив угол съемки, Сьюзен вынула источник питания, чтобы еще раз подзарядить его в ванной. Теперь он был полностью заряжен.

Она поставила аккумулятор на место и спрятала видеокамеру в плюще под карликовым деревцем. Она включит ее перед тем, как лечь в постель, а потом у нее будет три часа — в режиме экономного расходования пленки — для того, чтобы поймать Эрика на месте преступления.

Все сверенные часы единодушно указывали 9:40 вечера. Марти обещала позвонить до одиннадцати.

Сьюзен не терпелось услышать, к какому же выводу пришла ее подруга, какой она могла дать совет, но она не собиралась сообщать Марти о своем изобретении с видеокамерой. Ведь вполне возможно, ее телефон прослушивался. Может быть, Эрик слушал все ее разговоры.

О, как же прекрасно было здесь, в котильоне паранойи скользить и кружиться в омерзительных объятиях злокозненного незнакомца под оркестр, играющий погребальные плачи… Сьюзен, мрачно стиснув зубы, набиралась смелости для того, чтобы взглянуть в лицо танцору, который вел ее в этом ужасном танце.

ГЛАВА 29

После двух стаканов виски, тяжелого кирпича лазаньи и всех событий этого ужасного дня Марти оцепенела от изнеможения. Пока Дасти мыл посуду после обеда, она сидела за столом, наблюдая за ним из-под отяжелевших век.

Она ожидала бессонной ночи, была уверена, что пролежит с открытыми глазами до рассвета, мучимая беспокойством, страшась будущего. Но теперь ее рассудок взбунтовался под влиянием еще более страшного предвкушения опасности: а что, если ночью мозг потеряет контроль над ее телом?

Лишь еще одно опасение — возможного лунатизма — помешало ей уснуть прямо здесь, за кухонным столом. У нее никогда раньше не было приступов сомнамбулического поведения, но ведь она ни разу до нынешнего утра не знала приступов панического страха, а теперь все было возможным.

Ведь если она станет бродить во сне, то, вполне возможно, ее телом будет управлять иная Марти. Тихонько выскользнув из кровати, оставив Дасти в одиночестве видеть сны, иная Марти может пробраться босиком через весь дом, ориентируясь в темноте так же легко, как слепой, вынуть чистый нож из сушилки в посудомоечной машине…

Дасти взял ее за руку и повел по первому этажу, выключая по дороге свет. Валет шел за ними следом, его глаза светились в темноте красноватым огнем.

Дасти забрал из кухни плащ Марти и задержался в прихожей, чтобы повесить его на вешалку.

Нащупав что-то одном из карманов, он вытащил пухлую книжку.

— Ты еще не дочитала ее?

— Это настоящий триллер.

— Но ты же всегда берешь ее на сеансы Сьюзен.

— Не каждый раз. — Она зевнула. — Хорошо написано.

— Конечно, это настоящий триллер, но неужели ты не осилила его за шесть месяцев?

— Но ведь не может быть, чтобы я мусолила его полгода, правда? Хотя, язык хороший, интересный сюжет, а персонажи — яркие и живые. Роман мне очень нравится.

Дасти, нахмурившись, смотрел на нее.

— Что с тобою происходит?

— Много всего. Но прямо сейчас я просто чертовски устала.

— Что ж, если тебе от переживаний трудно заснуть, то, возможно, страничка-другая этой истории подействует лучше нембутала.

Спать… А может быть, бродить, доставать нож…

Валет взбежал по лестнице перед ними.

Пока Марти поднималась по лестнице, опираясь одной рукой на перила и ощущая на талии крепкую и добрую руку Дасти, ей в голову пришла успокоительная мысль, что если она примется бродить по дому в приступе лунатизма, то собака может разбудить ее. Добряк Валет станет лизать ее босые ноги, колотить по коленям своим роскошным хвостом, когда она будет спускаться по лестнице, и, конечно, лаять на нее, если она вынет мясницкий нож из посудомоечной машины не для того, чтобы отрезать ему лакомый кусочек от грудинки, лежащей в холодильнике.

* * *

Сьюзен одевалась на ночь в простые белые хлопчатобумажные трусики без всяких вышивок, кружев или каких-то еще украшений и белую футболку.

До недавних пор ей нравилось яркое белье с оборками. Она любила чувствовать себя сексуальной. А теперь нет.

Она понимала психологическую подоплеку, скрывавшуюся за изменением стиля ее ночной одежды. Сексуальность теперь связывалась в ее сознании с изнасилованием. Накладные кружева, бахрома, оборки, вышивки, прозрачные газовые вставки и тому подобное — все это могло быть истолковано как безмолвное выражение поддержки и одобрения ее таинственному ночному посетителю, и он мог бы воспринять оборки как предложение продолжать свои мерзкие дела.

Некоторое время она ложилась спать в мужской пижаме, свободной и уродливой, и затем в мешковатых хлопчатобумажных спортивных брюках. Но все это не могло остановить подонка.

Что поразительно, раздев и грубо овладев ею, он тратил время на то, чтобы тщательно

ее одеть, что было очевидным издевательством. Если ее пижама была с вечера застегнута на все пуговицы, то и он застегивал все до одной, но если хоть одна из пуговиц оставалась незастегнутой, то именно ее она обнаруживала в таком же точно положении, когда просыпалась. И шнурок на спортивных брюках он завязывал точно таким же бантиком, который всегда делали ее руки.

А в последнее время она надевала простые белые трусики. Утверждение ее невинности. Отказ признать себя падшей или осквернённой независимо от того, что он делал с нею.

* * *

Дасти был обеспокоен вялостью, которая внезапно навалилась на Марти. Она говорила о том, что смертельно устала, однако при взгляде со стороны ее поведение соответствовало не столько утомлению, сколько глубокой депрессии.

Она двигалась вяло, но не с той неуклюжестью, которая присуща физически вымотанному человеку, а с мрачным и целеустремленным упорством человека, сгибающегося под непосильной тяжестью. Ее лицо словно окаменело, углы рта и глаз напряглись, а не расслабились, как это бывает при переутомлении.

Марти всегда была почти фанатичкой, когда дело касалось ухода за зубами, но этим вечером она не пожелала чистить зубы. Впервые за три года их супружеской жизни.

Каждый вечер на памяти Дасти Марти мыла лицо и протирала кожу увлажняющим лосьоном. Расчесывала волосы. Но не сегодня.

Не выполнив ни одного из своих вечерних ритуалов, она легла спать полностью одетой.

Когда Дасти понял, что она не собирается раздеваться, он развязал шнурки и разул ее. Снял носки. Стащил джинсы. Она не сопротивлялась, но и не помогала ему.

Снять с Марти блузку было гораздо труднее, тем более что она лежала на боку, поджав колени и скрестив руки на груди. Поэтому, оставив жену полуодетой, Дасти накинул ей на плечи одеяло, погладил по голове, отведя волосы с лица, и поцеловал в бровь.

Ее веки дрогнули, но в глазах было какое-то застывшее и в то же время обостренное выражение, какого не бывает при обычной усталости.

— Не покидай меня, — с тоской в голосе сказала она.

— Ни за что.

— Не доверяй мне.

— Но я не могу.

— Не спи.

— Марти…

— Пообещай мне, что не будешь спать.

— Хорошо.

— Обещай.

— Обещаю.

— Потому что я могу убить тебя, пока ты спишь, — сказала Марти и закрыла глаза. Их цвет, казалось, изменился с васильково-синего на зеленовато-голубой, а за мгновение до того, как веки сомкнулись, глаза стали пурпурно-серыми.

Он стоял рядом, глядя на жену, боясь не ее предупреждения, не за себя, а за нее.

— Сьюзен, — пробормотала она.

— А как дела у нее?

— Только что вспомнила. Я не рассказала тебе о Сьюзен. Странные дела. Я должна позвонить ей.

— Ты можешь позвонить ей утром.

— Каким же другом я тогда окажусь? — неуверенно возразила Марти.

— Она поймет. А теперь отдыхай. Просто отдыхай.

Уже через несколько минут Марти, казалось, уснула. Ее губы приоткрылись, она тихо

дышала ртом. Тревожные морщинки в уголках глаз разгладились.

Двадцать минут спустя, когда Дасти, сидя рядом с кроватью, прокручивал в памяти всю ту запутанную историю, которую услышал от Марти и пытался преобразовать ее в стройное последовательное повествование, раздался телефонный звонок. Чтобы им не мешали спать, они обычно держали телефон в спальне выключенным, и звонок, который услышал Дасти, донесся из кабинета Марти. Там стоял автоответчик, включавшийся после второго звонка.

Он предполагал, что это звонит Сьюзен, хотя это мог быть Скит или же кто-нибудь из персонала «Новой жизни». В нормальной обстановке он перешел бы в кабинет Марти, чтобы прослушать поступившее сообщение, но сейчас он не хотел выходить из комнаты — жена могла вдруг проснуться и увидеть, что он нарушил свое обещание не отходить от нее. Скит был в безопасности, находился в хороших руках, а что касается «странных дел» Сьюзен, то вряд ли они могли быть более странными или более важными, чем то, что приключилось этим вечером здесь. Дела Сьюзен могли подождать до утра.

Мысли Дасти вновь возвратились к рассказу Марти о минувшем дне. Несмотря на то что он страшно переживал по поводу каждого из невероятных событий и фантастических подробностей происшедшего, все же ему не удавалось избавиться от неведомо откуда взявшейся уверенности в том, что все случившееся с его женой было так или иначе связано с тем, что стряслось с его братом. Он ощущал определенное сходство в обоих событиях, хотя точная природа связей ускользала от него. Бесспорно, это был самый странный день в его жизни, и инстинкт уверенно подсказывал ему, что одновременность происшествий со Скитом и Марти объясняется не простым совпадением.

В углу комнаты свернулся на своей кровати — большой подушке, покрытой овчиной, — Валет. Но пес не спал. Он лежал, положив морду на вытянутую вперед лапу, и внимательно смотрел на свою спящую хозяйку, озаряемую золотистым светом ночника.

* * *

Поскольку Марти никогда не нарушала своих обещаний и приобрела таким образом изрядный кредит морального капитала, Сьюзен не обиделась на то, что обещанный телефонный звонок так и не прозвучал до одиннадцати часов, а скорее почувствовала некоторое беспокойство. Она сама набрала номер подруги, услышала голос автоответчика и забеспокоилась сильнее.

Без всякого сомнения, Марти была потрясена рассказом Сьюзен о призрачном насильнике, который свободно проникал сквозь запертые двери. Она попросила дать ей немного времени, чтобы подумать. Но Марти терпеть не могла увиливать от прямого разговора или разводить излишнюю дипломатию. К настоящему времени она должна была либо прийти к какому-то выводу и дать совет, либо позвонить и сообщить, что ей нужны дополнительные доказательства для того, чтобы уверовать в эту поистине невероятную историю.

— Это я, — сообщила Сьюзен автоответчику. — Что-то случилось? С тобой все в порядке? Может быть, ты думаешь, что я схожу с ума? Для этого у тебя есть все основания. Перезвони мне.

Она выждала еще несколько секунд, а затем повесила трубку.

Однако было маловероятно, чтобы Марти предложила что-либо более действенное, чем ее ловушка с видеокамерой, так что Сьюзен решила продолжать свои приготовления.

Она поставила полупустой бокал вина на тумбочку — не для того, чтобы пить, а в качестве реквизита ее постановки. Потом она уложила в постели высокую стопку подушек, и расположилась, опираясь на них спиной. Она была слишком возбуждена для того, чтобы читать.

Чуть позже она включила телевизор и некоторое время пыталась смотреть «Темный коридор», но так и не смогла сосредоточиться на перипетиях старого кинофильма. Ее мысли

блуждали по куда более темным и пугающим коридорам, чем те, что приходилось преодолевать героям Богарта и Бакалл[1].

Хотя Сьюзен ощущала себя чрезвычайно возбужденной, она все же не могла не вспомнить о других ночах, когда непреодолимая вроде бы бессонница резко сменялась противоестественно глубоким сном — и насилием. Если ее на самом деле тайно пичкали наркотиками, то она не могла предугадать, в какой момент химикалии скажутся на ней, и совершенно не желала обнаружить, проснувшись поутру, что опять подверглась насилию, а видеокамеру так и не включила.

Поэтому в полночь она подошла к бидермейеровской тумбе, просунула палец между листьями плюща, включила видеозапись и вернулась в кровать. Если в час ночи она все еще не будет спать, то перемотает кассету и начнет съемку сначала, сделает то же самое в два и в три часа. Таким образом, если она все же заснет, вероятность того, что пленка кончится до того, как негодяй войдет в комнату, будет меньше.

Она выключила телевизор. Во-первых, для того, чтобы получше разыграть сценарий «заснула во время чтения», и, во-вторых, потому, что он мог заглушить звуки, возникающие в других частях квартиры. И не успела пройти и минута после этого — Сьюзен только-только вознамерилась взять лежавшую рядом с нею книгу, — зазвонил телефон.

— Привет! — воскликнула она, уверенная, что это наконец-то звонит Марти.

— Это говорит Бен Марко.

И, как если бы этот Бен Марко был масонским колдуном, самый голос которого может двигать камни, сердце Сьюзен сразу же оказалось стиснуто гранитными стенами. И в то время как сердце отчаянно колотилось о стены тюрьмы, пытаясь вырваться из нее, сознание Сьюзен раскрылось, словно дом, с которого ураганом сорвало крышу; все ее мысли разом разлетелись в вихре смерча, легкие и ненужные, как пыль и паутина, а в ее голову из черной надмирной бесконечности проникла шепчущая темнота, неодолимое Присутствие, которое, столь же невидимое и холодное, как потусторонний дух, скользнуло сначала сквозь хрупкую кровлю ее сознания, а потом дальше, дальше, в самые глубины ее существа.

— Я слушаю, — сказала Сьюзен Бену Марко.

И сразу же ее отчаянное сердцебиение начало успокаиваться, и страх, бурливший в крови, улетучился.

А теперь правила.

— Зимний шторм… — сказал голос в телефоне.

— Шторм — это вы, — ответила она.

— Спрятался в рощу бамбука…

— Роща — это я.

— И понемногу утих.

— В тишине я узнаю, что должна сделать, — ответила Сьюзен.

Зимний шторм
Спрятался в рощу бамбука
И понемногу утих.

И впрямь красиво. Когда литания правил закончилась, Сьюзен Джэггер погрузилась в море тишины: квартира вокруг нее была совершенно безмолвна, в ней самой царила глубокая тишь. Такая безжизненная пустота была, наверно, лишь до сотворения мира, пока бог не произнес: «Да будет свет».

Когда зимний шторм заговорил снова, его мягкий глубокий голос, казалось, слышался не в телефонной трубке, а раздавался внутри Сьюзен.

— Скажи мне, где ты.

— В кровати.

— Уверен, что ты одна. Скажи мне: я прав?

---

1 Богарт, Хамфри(1900-1957), Бакалл, Лорен (1924) — известные американские актеры.

— Да, вы правы.

— Впусти меня.

— Да.

— Побыстрее.

Сьюзен положила трубку, поднялась из постели и поспешила через темную квартиру к входной двери. И, хотя она шла очень быстро, почти бежала, ее сердце билось все медленнее: сильнее, ровнее, спокойнее.

В кухне не было никакого освещения, кроме зеленых бледных цифр на часах микроволновой печи и духовки. Но кромешная тьма не мешала ей. Слишком много месяцев эта маленькая квартира являлась ее миром, и она настолько хорошо ориентировалась в ней, что могла ходить здесь ощупью, словно слепой от рождения человек в доме, где провел всю жизнь.

Стул был крепко втиснут под дверную ручку. Она вынула его и отодвинула в сторону; деревянные ножки негромко скрипнули по кафельному полу.

Головка на конце медной цепочки выскользнула из прорези в пластине замка. Когда Сьюзен выпустила цепочку, она с грохотом ударилась о стальной косяк двери.

Она отодвинула один засов. Второй.

Она открыла дверь.

Он был штормом, он был зимним, он ждал на площадке лестницы перед дверью; сейчас он был тих, но весь исполнен гневом ураганов; ярость, обычно хорошо скрытая от мира, всегда незримо кипела в нем, проявляясь лишь в самые интимные моменты, и когда он перешагнул через порог в кухню, вынуждая ее пятиться назад, и небрежно, пинком прикрыл за собой дверь, то, протянув свою сильную руку, сдавил ее стройную шею.

ГЛАВА 30

Левая и правая сонные артерии, осуществляющие основную часть кровоснабжения шеи и головы, отходят непосредственно от аорты, которая, в свою очередь, соединяется прямо с верхушкой левого желудочка. Кровь, которая проходит по этим сосудам, только что вышла из сердца, она особенно богата кислородом и движется с большой силой.

Рука обхватила спереди горло Сьюзен, четыре пальца лежат на левой стороне ее шеи, большой палец находится прямо под челюстью и подушечкой прижат к правой сонной артерии. Доктор Марк Ариман стоял так, пожалуй, с минуту, наслаждаясь сильными, ровными ударами ее пульса. Она была так восхитительно полна жизни.

Если бы он хотел задушить ее насмерть, то мог бы сделать это, не опасаясь сопротивления. В своем искаженном состоянии сознания она стояла бы послушно и даже не думая возражать, пока он постепенно выдавливал бы из нее жизнь. Когда у нее не осталось бы сил стоять, она опустилась бы на колени, а затем безмолвно и изящно скользнула на пол, лишь прося глазами прощения за то, что не может умереть стоя и потому вынуждает его становиться на колени рядом с нею, чтобы закончить дело.

На самом деле, умирая, Сьюзен Джэггер развлекала бы доктора Аримана любыми проявлениями, которые он мог пожелать. Искреннее обожание. Эротический экстаз. Бессильный гнев или даже безропотное смирение с озадаченным выражением лица — все, что могло бы его развлечь.

Он не намеревался убивать ее. Не здесь и не сейчас — хотя, впрочем, скоро.

Когда же это время придет — а оно придет обязательно, — он не станет убивать Сьюзен собственными руками. Он всегда питал большое уважение к отделу научной экспертизы вездесущей и очень хорошо оснащенной американской полиции. Если ему требовалось «мокрое дело», он всегда осуществлял его при помощи посредников, которые попадали под удар, отводя от него всякую опасность разоблачения.

Кроме того, наибольшее и полное наслаждение он получал не от самого акта увечья и

убийства, а от хитрой и изящной манипуляции, которая и приводила к этим результатам. Нажать на спусковой крючок, всадить нож, затянуть концы проволочной удавки — ни одно из этих действий не могло бы взволновать его настолько остро, как использование кого бы то ни было для того, чтобы совершить злодеяние по его тайному приказу.

Власть дает более острые ощущения, чем насилие.

Если сказать еще точнее, наслаждение ему доставлял не конечный эффект использования власти, а организация процесса ее использования. Манипуляция. Управление. Подергивание за ниточки, проявление абсолютного подчинения со стороны его марионеток и наблюдение за тем представлением, которое устраивают используемые им люди, приносили доктору настолько глубокое удовлетворение, что в прекраснейшие моменты своих кукольных спектаклей он физически ощущал в себе удовольствие; это чувство пронизывало весь его организм, словно гулкие звуки огромного гонга, вибрирующий звон массивных соборных колоколов.

Горло Сьюзен под его рукой напомнило ему об острых ощущениях давних лет, о другом стройном и изящном горле, которое было пробито пикой, и с этим воспоминанием по его позвоночнику пробежала дрожь боя колоколов.

В Скоттсдэйле, штат Аризона, стоит особняк в стиле Палладио, в котором жила изящная молодая наследница по имени Майнетт Лэкленд. Она вдребезги разбила молотком череп своей матери, а вскоре после этого выстрелом в затылок убила отца, когда тот смотрел по телевизору старый кинофильм и ел песочный пирог. Потом она спрыгнула с галереи второго этажа, пролетела восемнадцать футов и напоролась на копье, находившееся в руках Дианы, богини луны и охоты, которая стоит на красивом постаменте в центре ротонды входа. Предсмертная записка, бесспорно написанная аккуратным почерком Майнетт, утверждала, что она с детства подвергалась сексуальным посягательствам со стороны обоих родителей — возмутительная клевета, которую ей внушил доктор Ариман. Пятна крови, как красные лепестки, усеивали белый мраморный пол у бронзовых ног Дианы.

И вот теперь Сьюзен Джэггер, стоявшая полуобнаженной в темной кухне — в зеленых глазах отражается слабый зеленый отсвет цифровых часов духовки, — была даже еще прекраснее, чем некогда Майнетт. Но хотя ее лицо и фигура вполне могли стать предметом мечтаний, от которых любой эротоманьяк весь покрылся бы липким потом, Ариман был возбужден не столько ее внешностью, сколько знанием того, что в ее гибких конечностях и податливом теле скрывался смертоносный потенциал, ничуть не меньший, чем тот, что был выпущен на свободу в Скоттсдэйле так много лет назад.

Под большим пальцем доктора ровно и сильно пульсировала ее правая сонная артерия. Пятьдесят шесть ударов в минуту.

Она не боялась. Она спокойно ожидала, пока ее используют, как если бы была бессмысленным орудием — или, точнее, игрушкой.

Произнеся имя-код Бен Марко и прочитав хокку, представлявшую собой еще один код, Ариман перевел ее в измененное состояние сознания. Обыватель назвал бы его гипнотическим трансом, каковым оно в значительной степени было. Психолог-клиницист диагностировал бы его как фугу, что было ближе к истине.

Хотя ни тот, ни другой термин не был в данном случае достаточно точным.

После того как Ариман прочитал хокку, индивидуальность Сьюзен оказалась глубже и тверже подавлена, чем если бы она была загипнотизирована. В этом специфическом состоянии она в любом смысле не была больше Сьюзен Джэггер, а стала никем, механизмом из живой плоти. Ее сознание можно было сравнить с заново отформатированным жестким диском компьютера, готовым принять любое программное обеспечение, которое Ариман пожелает установить.

Если бы она пребывала в классическом состоянии фуги, которое является серьезным проявлением распада личности, то вела бы себя почти как обычно, было возможно лишь возникновение более или менее значительных проявлений эксцентричности поведения, но

при этом в ней не было бы той полной отрешенности, какую она сейчас проявляла.

— Сьюзен, — сказал он, — ты знаешь, кто я?

— Я знаю? — переспросила она. Ее голос прозвучал слабо, как бы издалека.

В этом состоянии она не могла ответить ни на один вопрос и, прежде чем что-то сказать, должна была дожидаться подсказки: что он хотел услышать, какой поступок она должна была совершить и даже что она должна при этом чувствовать.

— Сьюзен, я твой психиатр?

Несмотря на темноту, он угадал выражение замешательства на ее лице.

— Вы?

До освобождения от этого состояния она сможет отвечать только на команды.

— Скажи мне, как тебя зовут, — потребовал он.

Получив прямую инструкцию, она могла свободно использовать любое знание, имевшееся в ее мозгу.

— Сьюзен Джэггер.

— Скажи мне, кто я?

— Доктор Ариман.

— Я твой психиатр?

— Вы?

— Назови мне мою профессию.

— Вы психиатр.

Создать это состояние «больше-чем-транс-и-не-совсем-фуга» было совсем нелегко. Чтобы превратить молодую женщину в эту податливую игрушку, потребовалось много напряженной работы и профессиональных знаний.

Восемнадцать месяцев тому назад, еще, конечно, не будучи ее психиатром, Ариман тщательно организовал три случая, во время которых угостил ее мощной смесью наркотиков. Это были рогипнол, фенциклидин, валиум и еще одно изумительное средство, не внесенное в официальные фармакопеи. Рецепт был его собственный, и он лично составлял каждую дозу из запасов, находившихся в его частной и совершенно незаконной аптеке, потому что для достижения требуемого эффекта необходимо было точно выдержать пропорции всех компонентов.

Сами наркотики не могли привести Сьюзен в ее нынешнее состояние бессмысленного повиновения, но после каждой дозы она теряла способность здраво рассуждать, оценивать ситуацию и становилась вполне покорной. И в то время, когда она пребывала в этом поверхностном наркозе, Ариман получал возможность обойти ее сознательную сферу, где осуществлялось целенаправленное мышление, и говорить с ее глубоким подсознанием, где располагались безусловные рефлексы и где он не мог встретить никакого сопротивления.

То, что он сделал в течение эти трех продолжительных сеансов, могло бы соблазнить корреспондентов бульварных газет и авторов шпионских романов использовать термин «промывание мозгов». На самом деле в двадцатом веке ничего подобного этому не существовало. Он не сокрушал структуру ее сознания с целью воссоздать его в новой архитектуре. Этот подход, который когда-то пользовался такой любовью советского, китайского и северокорейского правительств, был слишком амбициозным, требовал долгих месяцев круглосуточной работы с объектом в тоскливой тюремной обстановке, проведения бесчисленного количества утомительных психологических пыток, не говоря уже о необходимости терпеть раздражающие крики и трусливые мольбы негодяев. Коэффициент умственного развития доктора Аримана был очень высок, а вот порог скуки — очень низок. Кроме того, статистика утверждала, что успех при использовании традиционных методов промывания мозгов достигался довольно редко, что само по себе не вдохновляло, да и степень контроля умственной деятельности подопытных была весьма невысока.

Доктор скорее внедрялся в область подсознания Сьюзен, так сказать, в подвал, где создал новое помещение, потайную часовню, о которой ее сознание действительно не имело никакого понятия. Там она должна была поклоняться одному-единственному божеству,

забывая обо всех остальных, и этим божеством был он сам, Марк Ариман. Он был жестоким божеством из дохристианского пантеона, отрицающим любую свободу воли, нетерпимым к малейшему проявлению неповиновения, беспощадным к отступникам.

После он уже никогда не вводил ей наркотики. В этом не было никакой необходимости. В ходе тех трех предварительных сеансов он создал механизм управления ее существом, который состоял из звучания имени Марко и строк хокку. Эти десять слов мгновенно подавляли индивидуальность Сьюзен и заставляли ее подчиняться тем самым глубинным слоям души, которые некогда подверглись изменению под воздействием химикатов.

На заключительном сеансе лекарственного воздействия он также навязал Сьюзен агорафобию. Он находил, что это интересная болезнь, гарантирующая любопытные драматические события и множество ярких эффектов по мере того, как больная постепенно приближается к распаду личности и в конце концов доходит до ее полного разрушения. Ведь, что ни говори, он делал все это для собственного развлечения.

Теперь, все так же держа Сьюзен за горло, он сказал:

— Думаю, что на этот раз я буду не собой. Мне хочется чего-нибудь забавного. Сьюзен, ты знаешь, кто я такой?

— Кто вы такой?

— Я твой отец, — объявил Ариман.

Она не ответила.

— Скажи мне, кто я, — приказал он.

— Вы мой отец.

— Называй меня папой, — велел он.

Ее голос оставался сухим, лишенным эмоций, — ведь он еще не сказал ей, что она должна чувствовать согласно этому сценарию.

— Да, папа.

Пульс в сонной артерии под его правым большим пальцем оставался все таким же неторопливым.

— Скажи мне, Сьюзен, какого цвета у меня волосы.

— Светлые, — ответила она, хотя в кухне было слишком темно для того, чтобы рассмотреть цвет его волос.

Волосы Аримана были каштановыми с проседью — «перец с солью», — но отец Сьюзен действительно был блондином.

— Скажи, какого цвета мои глаза.

— Зеленые, как и у меня.

Глаза Аримана были карими.

Все так же держа Сьюзен правой рукой за горло, доктор наклонился и почти целомудренно поцеловал ее.

Ее губы были вялыми. Она не была активной участницей поцелуя; на самом деле она была настолько пассивной, что с таким же успехом могла пребывать в состоянии ступора, если не комы.

Мягко покусывая ее губы, просунув язык между ними, он поцеловал ее, как никакой отец никогда не поцеловал бы свою дочь, и, хотя ее рот остался таким же расслабленным, а пульс на артерии нисколько не изменился, он ощутил в своем горле ее дыхание.

— Тебе это нравится, Сьюзен?

— Вы хотите, чтобы мне это нравилось?

Поглаживая одной рукой ее волосы, он дал ей указания:

— Тебе очень стыдно, ты оскорблена. Полна ужасного горя… и немного обижена тем, что с тобой так поступает собственный отец. Ощущаешь себя грязной, униженной. И все же ты послушна, готова делать то, что тебе велят… Потому что ты тоже возбуждаешься против своего желания. Ты чувствуешь нездоровое неутоленное желание, которое хотела бы подавить, но не можешь.

Он еще раз поцеловал ее, и сейчас она попыталась сжать губы под его прикосновением,

но тут же расслабилась, и ее губы тоже стали мягче и раскрылись. Она уперлась руками ему в грудь, чтобы оттолкнуть, но сопротивление было слабым, совсем детским.

Пульс в артерии под его большим пальцем теперь скакал, как у зайца, которого по пятам преследует собака.

— Папа, нет.

Отблеск зеленого свечения в зеленых глазах Сьюзен вспыхнул с новой влажной силой.

В этой искрящейся глубине он уловил легчайший, чуть горьковатый соленый аромат, и этот знакомый аромат заставил ноздри доктора раздуться от жестокого приступа желания.

Сняв руку с горла, он положил ее на талию Сьюзен и привлек женщину вплотную к себе.

— Пожалуйста, — прошептала она, и в этом слове одновременно слышался и протест, и возбужденное приглашение.

Ариман глубоко и резко вздохнул, а потом снова склонился к ее лицу. Обоняние не обмануло хищника: ее щеки были влажны и солоны.

— Прекрасная…

Покрыв ее лицо множеством быстрых поцелуев, он увлажнил губы ее слезами и потом прошелся по благоухающим губам кончиком языка.

Взяв Сьюзен обеими руками за талию, он приподнял ее и пронес несколько шагов, пока не притиснул к холодильнику и навалился на нее всем телом.

— Пожалуйста, — повторила она, а потом еще раз: — Пожалуйста. — Прелестная девочка, разрывающаяся между противоречивыми желаниями, между желанием и страхом, которые в равной степени угадывались в ее голосе.

Плач Сьюзен не сопровождался ни рыданиями, ни хныканьем, и доктор смаковал эти молчаливые потоки, пытаясь хоть временно ослабить ту жажду, которую никогда не мог утолить. Он слизывал соленые жемчужины с уголков ее рта, с подрагивающей кромки ноздрей, выпивал капли, накапливавшиеся на ее ресницах, смакуя аромат слез, как будто они явились для него единственным хлебом насущным на протяжении всего дня.

Выпустив ее талию, отстранившись от нее, он приказал:

— Идите в свою спальню, Сьюзен.

Гибкая тень, она шла, оставаясь такой же, как ее горячие слезы: чистой и горькой. Доктор следовал за нею, восхищаясь ее изящной походкой, к ее адскому ложу.

ГЛАВА 31

Валет дремал. Подергивая всеми лапами и сопя, он гонялся за призрачными кроликами, но Марти пребывала в каком-то каменном оцепенении, напоминая изваяние на надгробном памятнике, олицетворяющее смерть.

Ее сон казался глубже, чем следовало, учитывая прошедший бурный день, настолько богатый ужасными событиями, и приводил на память неправдоподобный сон, охвативший Скита в его комнате в «Новой жизни».

Дасти сидел на кровати, босой, в джинсах и футболке, опираясь на подушки, и еще раз перебирал четырнадцать страниц, вырванных из блокнота, обнаруженных в кухне брата, и размышляя об имени «доктор Ен Ло», которое тридцать девять раз было написано на них.

Ему казалось, что, произнесенное вслух, это имя причинило Скиту психическую травму, и тот провалился в сумеречное состояние, находясь в котором отвечал вопросом на каждый вопрос, который был ему задан. Открытые глаза подергивались, как в фазе быстрого сна, и он отвечал, пускай загадочно, только на те вопросы, которые звучали как утверждения или команды. Когда Дасти, расстроившись, велел ему: «Ах, поспи немного и дай мне передохнуть!», Скит отключился так же мгновенно, как больной нарколепсией реагирует на щелчок электрохимического выключателя в своем мозгу.

Один из многочисленных любопытных аспектов поведения Скита в настоящее время

интересовал Дасти больше, чем какой-либо другой: Малыш не смог вспомнить ничего из короткого, длиной в несколько минут, периода, прошедшего с того момента, когда услышал имя «доктор Ен Ло», и до тех пор, когда, повинуясь необдуманному восклицанию Дасти, уснул. Это походило на выборочную амнезию. Но больше походило на то, что в то время, когда Скит разговаривал с Дасти, у него произошло выключение сознания.

Марти говорила о своих дневных опасениях по поводу «пропажи времени», хотя и не могла дать себе отчет в том, когда произошел этот промежуток или промежутки. Напуганная тем, что могла открыть газовый кран камина и не зажечь огонь, она то и дело возвращалась в гостиную с непреодолимой уверенностью, что вот-вот произойдет роковая вспышка. Хотя кран оказывался каждый раз плотно закрыт, она продолжила волноваться; у нее было ощущение, что ее память дырявая, словно старый шерстяной шарф, над которым долго работала моль.

Дасти убедился в том, что у его брата произошло помрачение сознания. И он ощущал правду в опасениях Марти насчет того, что она оказалась в состоянии фуги.

Здесь, возможно, имеется связь.

Сегодняшний день был совершенно из ряда вон выходящим. Два самых дорогих сердцу Дасти человека перенесли различные, но одинаково драматические события, связанные с серьезными отклонениями в поведении. Вероятность случайного совпадения таких серьезных — пусть даже и временных — психических расстройств была крайне мала, намного меньше даже одного шанса из восемнадцати миллионов на получение главного выигрыша в государственной лотерее.

Он подумал, что рядовой обыватель нашего бравого нового тысячелетия должен решить, что это было пусть и печальным, но все же совпадением. В самом крайнем случае он принял бы эти события за один из примеров тех курьезных штучек, которые великая мельница Вселенной подчас случайно выкидывает в качестве отходов своего бессмысленного коловращения.

Однако Дасти, который чувствовал мистическую связь во всем, начиная от цвета нарциссов, кончая бесхитростным весельем Валета, вскачь несущегося за мячиком, не признавал такой вещи, как совпадение. Связь дразняще проглядывала, хотя ее и трудно было уловить. И она пугала.

Он положил страницы из блокнота Скита на тумбочку и взял свой собственный блокнот. На первой странице он печатными буквами написал три строчки той хокку, которую его брат назвал правилом.

Легкий порыв —
И волны разносят
Голубые сосновые иглы.

Скит был волнами. Опять же, по его словам, голубые сосновые иглы были поручениями. Легкий порыв — это Дасти, или Ен Ло, или, возможно, кто-то другой, тот любой, кто процитировал хокку в присутствии Скита.

Сначала все, что наговорил Скит, казалось совершенной тарабарщиной, но чем дольше Дасти ломал голову над услышанным, тем больше он ощущал наличие структуры и цели, которую следовало выяснить. Неизвестно почему, но он начал воспринимать хокку как своего рода механизм, простое устройство с мощным эффектом, словесное подобие мощного пневматического распылителя краски или механического пистолета для забивания гвоздей и скобок.

Дайте такой пистолет плотнику доиндустриальной эпохи, и хотя интуитивно он будет понимать, что это инструмент, но вряд ли догадается о его предназначении — до тех пор, пока, случайно нажав, не всадит гвоздь в ногу. Опасение нечаянно причинить брату психологический ущерб заставило Дасти снова и снова вдумываться в хокку, пока он не поймет, как действует этот инструмент, и только потом решать, стоит ли дальше изучать его

действие на Скита.

Поручения.

Чтобы понять предназначение хокку, он должен был разобраться, по крайней мере, что Скит имел в виду, говоря о *поручениях* .

Дасти точно знал, что слово в слово запомнил и хокку, и странные объяснения Малыша, потому что был одарен исключительной зрительной и звуковой памятью, настолько цепкой, что прошел всю среднюю школу и один год колледжа с твердой оценкой 4.0. Правда, потом он решил, что гораздо глубже изучит мир, если станет маляром, а не ученым.

Поручения .

Дасти перебрал синонимы и близкие по смыслу слова. *Задача. Работа. Труд. Задание. Цель. Профессия. Ремесло. Карьера.*

Но от этого ничего не стало понятнее.

Валет на своей большой овчинной подушке в углу тревожно захныкал, словно кролики в его сновидениях отрастили огромные клыки и теперь занимались его, собачьей, работой, а он сам в погоне играл уже роль кролика.

Марти спала крепко, и, конечно, тонкие повизгивания собаки не могли разбудить ее.

Однако иногда кошмары настолько одолевали Валета, что он просыпался с испуганным лаем.

— Спокойно, мальчик, спокойно, — шептал Дасти. Ретривер и сквозь сон слышал голос своего хозяина, и его взволнованное хныканье стихало.

— Спокойно. Хороший мальчик. Хороший Валет.

Хотя пес и не проснулся, он несколько раз обмахнул овчину широкими движениями длинного пушистого хвоста, а потом опять завернул его под себя.

Марти и собака продолжали мирно спать, но Дасти внезапно выпрямился; самая мысль о сне была мгновенно вытеснена сверкнувшим озарением. Размышляя по поводу хокку, он и не думал спать, но по сравнению с тем состоянием, в какое пришел сейчас, все равно что дремал. Он оказался теперь в состоянии сверхтревоги, его спину пронзил холод, будто вместо спинномозговой жидкости в его позвоночнике оказалась ледяная вода.

Он вспомнил о другом моменте этого дня, связанном с собакой.

Валет стоит в кухне, около двери, ведущей в гараж. Он готов отправиться в путешествие на квартиру Скита и приветливо разгоняет воздух пушистым хвостом, пока Дасти надевает через голову нейлоновую куртку.

Звонит телефон. Кто-то предлагает подписаться на «Лос-Анджелес таймс».

Когда Дасти спустя всего несколько секунд вешает телефонную трубку и поворачивается к двери, то обнаруживает, что Валет уже не стоит там, а лежит на боку у порога, словно прошло минут десять и он успел как следует вздремнуть.

— Тебя подкосила белковая пища, мое золотко. Давай-ка потратим немного энергии.

Валет поднимается с долгим вздохом глубокого страдания.

Дасти мог мысленно пройтись по запечатлевшейся в его памяти сцене, как если бы она была трехмерной, и теперь он рассматривал золотистого ретривера, стараясь проникнуть в каждую деталь. Действительно, сейчас он видел все гораздо отчетливее, чем тогда, и мог поклясться: собака на самом деле дремала.

Но даже при всей своей эйдетической и звуковой памяти он не мог вспомнить, мужчиной или женщиной был распространитель «Таймс». Он совершенно не помнил, что сам сказал по телефону или что сказали ему; сохранилось лишь неопределенное впечатление о том, что он оказался целью телефонной подписной кампании.

В первый момент он приписал нетипичную для него невнимательность последствиям потрясения. Свалиться с крыши, наблюдать, как с братом на твоих глазах происходит тяжелый припадок… От этого у кого угодно смешаются мозги.

Но если он находился у телефона пять или десять минут, а не несколько секунд, то не мог же он болтать с кем-то из агентов — распространителей «Таймс»! О чем, черт возьми, они столько времени говорили? О шрифтах? О ценах на газетную бумагу? Об Иоганне

Гутенберге — отличный парень! — и изобретении подвижного пресса? Об огромной эффективности «Таймс» как средства для воспитания щенка в те дни, когда Валет еще был малышом, исключительной пригодности газеты для этих целей, ее поразительной впитывающей способности, ее замечательных качествах как не загрязняющей окружающую среду и полностью разлагаемой микроорганизмами подстилки, на которую щенок может смело делать лужицы?

На протяжении нескольких минут, которые потребовались Валету для того, чтобы соскучиться, улечься и задремать у двери, ведущей в гараж, Дасти разговаривал по телефону с кем-то другим, а не только с распространителем «Таймс», или же он действительно разговаривал по телефону лишь несколько секунд, а остальное время занимался каким-то другим делом.

Делом, о котором он не мог вспомнить.

Потерянное время.

Невозможно. Неужели я тоже?

Ему показалось, что по его рукам, ногам, спине с настойчивой целеустремленностью побежали полчища муравьев, и хотя он знал, что на самом деле никаких муравьев в кровати не было, что его ощущение — это реакция нервных окончаний на внезапно покрывшую все его тело гусиную кожу, он все же отряхнул руки и заднюю сторону шеи, словно стряхивал армию шестиногих солдат.

Он почувствовал, что не в состоянии сидеть не двигаясь, и поэтому тихонько поднялся на ноги, но и стоять, оказалось, он тоже не мог. Он принялся было шагать по комнате, но пол под ковром несколько раз громко скрипнул, так что ходить бесшумно он не мог. В конце концов он снова сел на кровать и сидел неподвижно. Его кожа стала прохладной, муравьи исчезли. Но по извилинам его мозга расползалось новое и неприятное ощущение уязвимости, знакомое по фильмам о «Секретных Материалах» смутное осознание того, что в его жизнь вступили неведомые силы, странные и враждебные.

ГЛАВА 32

Залитое слезами, покрытое румянцем смущения лицо. Очаровательные выпуклости под белой тканью. Голые колени стиснуты. Сьюзен в ожидании сидела на краешке кровати.

Ариман сидел поодаль в кресле, обитом муаровым шелком персикового цвета. Он не спешил овладеть ею.

Еще будучи совсем мальчишкой, он понял, что самая дешевая игрушка и любой из дорогих старинных автомобилей его отца, по существу, одинаковы. Неторопливое изучение предмета, оценка его линий и деталей могут дать не меньше, а то и больше удовольствия, чем его использование. На самом деле, для того чтобы действительно обладать игрушкой, нужно понять прелесть ее формы, а не просто наслаждаться тем, как она осуществляет свои функции.

Прелесть формы Сьюзен Джэггер была двоякой: и физической, и психологической. Ее лицо и тело были исключительно красивыми. Но красотой обладал и ее интеллектуальный облик — ее индивидуальность и ее разум.

Как игрушка, она обладала двойной функцией, и первая из них была сексуальной. Сегодня и в течение еще нескольких ночей Ариман намеревался жестоко и тщательно использовать эту функцию.

А вторая функция заключалась в том, чтобы терпеть страдания и правильно умереть. Как игрушка, она уже доставила ему истинное наслаждение той храбростью, с которой вела безнадежное сражение против агорафобии, против боли и отчаяния, наполнявших ее, как начинка — марципан. Ее храбрая попытка сохранить чувство юмора и отыграть назад свою, в общем-то, уже потерянную жизнь была патетической и потому привлекательной. Он намеревался вскоре усилить и усложнить ее фобию, ввергнув ее в быстро развивающееся и

необратимое хроническое состояние, а потом ему предстояло насладиться финальным триллером, самым захватывающим зрелищем из всех, какие она была способна сыграть.

А сейчас она сидела, оробевшая, обливаясь слезами, разрываемая противоречивыми чувствами: боязнью воображаемого кровосмешения, которое ее душа отвергала, и одновременно нарастающей болезненной сладкой тоской, как было запрограммировано. Ее била дрожь.

Время от времени ее глазные яблоки начинали беспорядочно подергиваться, выдавая состояние быстрого сна, период глубочайшего удаления от собственной личности. Это отвлекало доктора и нарушало очарование ее красоты.

Сьюзен уже знала те роли, которые они разыгрывали этой ночью, знала, что ожидалось от нее в этом эротическом сценарии, и поэтому Ариман подвел ее ближе к поверхности, хотя, конечно, не позволил вернуться к полному сознанию. Лишь настолько, чтобы положить конец судорожным подергиваниям глаз.

— Сьюзен, я хочу, чтобы ты сейчас вышла из часовни, — сказал он, имея в виду то воображаемое место в глубине ее подсознания, куда он запер ее индивидуальность и где давал свои инструкции. — Выйди, поднимись по лестнице, но не слишком далеко, на один пролет, куда просачивается немного света. Иди туда.

Ее глаза походили на чистые водоемы, потемневшие от темных отражений серых облаков, когда их поверхности внезапно касаются несколько слабых солнечных лучей, и сразу же раскрывается глубина.

— Мне все еще нравится то, что на тебе надето, — сказал он. — Белая материя. Простота. — Несколько посещений тому назад он велел ей одеваться перед сном именно таким образом — до тех пор пока он не захочет чего-то иного. Этот облик действовал на него возбуждающе. — Невинность. Чистота. Похожа на ребенка, хотя, бесспорно, достаточно зрелая женщина.

Розы на ее щеках разгорелись ярче; она скромно потупила глаза. Слезы стыда, как бусинки росы, дрожали на лепестках румянца.

А когда она осмеливалась поднимать глаза на доктора, то на самом деле видела перед собой своего отца. Такой была мощь внушения, сделанного ей Ариманом в то время, когда они разговаривали один на один, в часовне, спрятанной в потаенных глубинах ее разума.

Когда они закончат сегодняшнее представление, он даст ей приказание забыть все, что происходило с момента его звонка и до тех пор, пока он не выйдет из квартиры. Она не будет помнить ни его посещения, ни этой фантазии на тему кровосмешения.

Конечно, если бы Ариман захотел, то он мог бы придумать для Сьюзен детальную историю сексуальных домогательств, которыми ее преследовал отец. Для того чтобы вплести этот мрачный рассказ в гобелен ее настоящих воспоминаний, потребовалось бы много времени, но зато потом он мог бы приказать ей поверить в то, что она всю жизнь находилась в положении жертвы, и во время сеансов психотерапии постепенно «возвращать» ей эти якобы подавлявшиеся травмы.

Если бы убеждения заставили ее сообщить об отце в полицию и там ее попросили пройти проверку на детекторе лжи, то она ответила бы на каждый вопрос с неколебимой уверенностью и совершенно искренней эмоциональной реакцией. Ее дыхание, кровяное давление, пульс, гальванические характеристики кожи убедили бы любого эксперта в том, что она говорит правду, так как она сама была бы уверена в том, что ее омерзительные обвинения являются истиной в каждой детали.

Но Ариман не собирался вести с ней такую игру. Он уже неоднократно развлекался таким образом с другими объектами, но теперь ему это надоело.

— Посмотри на меня, Сьюзен.

Она подняла голову; ее глаза встретились с его взглядом, и доктору пришел на память отрывок из стихотворения Каммингса: «В твоих глазах живет зеленый египетский шум».

— В следующий раз, — сказал он, — я принесу свою видеокамеру, и мы сделаем еще одну видеозапись. Ты помнишь, как я первый раз снимал тебя?

Сьюзен отрицательно помотала головой.

— Это потому, что я запретил тебе помнить. Ты вела себя так постыдно, что любое воспоминание об этом могло заставить тебя покончить с собой. А я пока что не готов к твоему самоубийству.

Ее взгляд оторвался от его лица. Она смотрела на миниатюрное деревце-бонсаи в бронзовой чаше, которое стояло на бидермейеровской тумбе.

— Еще одну ленту, чтобы лучше помнить о тебе, — продолжал он, — в следующий раз. Я собираюсь дать простор своему воображению. На следующий раз ты будешь очень грязной девчонкой, Сьюзи. По сравнению с этой съемкой первая лента будет казаться диснеевским мультиком.

Хранение видеозаписей наиболее возмутительных актов его кукольных представлений не было мудрым поступком. Он хранил эти доказательства преступлений — на сегодня у него насчитывалась 121 лента — в запертом и хорошо укрытом хранилище, хотя, если бы дурные люди заподозрили о его существовании, они разобрали бы его дом доску за доской, камень за камнем и в конце концов нашли бы его архив.

Он шел на этот риск потому, что был в глубине души сентиментальным и питал ностальгическую тоску по прошлым дням, старым друзьям, отвергнутым игрушкам.

Жизнь похожа на поездку на поезде, и на многих станциях по пути люди, которые много значили для нас, покидают вагон, чтобы уже не вернуться туда, и в конце концов мы оказываемся в почти пустом вагоне… Эта истина печалила доктора ничуть не меньше, чем других мужчин и женщин, имеющих склонность к рефлексии, хотя его сожаления, бесспорно, очень сильно отличались от чувств, которые испытывали они.

— Смотри на меня, Сьюзен.

Она не отводила взгляда от растения на тумбе.

— Не упрямься. *Сейчас же* посмотри на папочку.

Ее полные слез глаза оторвались от деревца. В них читалась мольба позволить ей сохранить, по крайней мере, хоть каплю достоинства, мольба, которую доктор Ариман с удовольствием заметил и проигнорировал.

Вне всякого сомнения, на следующий же вечер после того, как Сьюзен Джэггер погибнет, склонный к ностальгии доктор будет вспоминать о ней с нежностью, его захлестнет задумчивое желание вновь услышать ее музыкальный голос, увидеть ее прекрасное лицо, вновь пережить множество тех прекрасных моментов, которые у них были. Это была его слабость.

И в тот вечер он не откажет себе в удовольствии обратиться к своему видеоархиву. Он с радостью будет смотреть, как Сьюзен занимается такими грязными и омерзительными вещами, что меняется настолько же, насколько оборотень меняется под влиянием полнолуния. В этом обвале непристойностей ее сияющая красота тускнеет, и доктор сможет ясно разглядеть живущее в ней животное, первозданное животное, подавленное, но продолжающее хитрить, перепуганное, но все же внушающее страх, животное, в котором воплощается все темное, что есть в ее сердце.

И кроме того, даже если это домашнее кино доставит ему меньше удовольствия, чем он рассчитывает, он все равно добавит его к своему архиву видеозаписей, потому что он по природе неутомимый коллекционер. Несколько комнат в его несколько хаотичном доме занимает выставка игрушек, которые он неутомимо приобретал в течение многих лет: армии игрушечных солдат, очаровательные, раскрашенные вручную чугунные автомобильчики, механические копилки, пластмассовые наборчики с тысячами миниатюрных фигурок от римских гладиаторов до астронавтов.

— Встань, девочка.

Она поднялась с кровати.

— Повернись

Она медленно повернулась; медленно, чтобы он мог хорошенько рассмотреть ее.

— О да, — сказал он, — я хочу, чтобы на ленте осталось больше о тебе, для потомства.

И, возможно, на следующий раз немного крови, чуть-чуть членовредительства. Вообще-то телесные жидкости сами по себе могут оказаться темой. Очень грязной, очень извращенной. Это должно получиться забавно. Уверен, что ты не станешь возражать.

Она снова отвела взгляд от его лица и посмотрела на растение в углу, но это было лишь пассивное неповиновение, так как при первых же словах команды она уже снова смотрела на него.

— Если ты считаешь, что получится забавно, так и скажи, — наставительно произнес он.

— Да, папа. Забавно.

Он велел ей встать на колени, и она опустилась на пол.

— Ползи ко мне, Сьюзен.

Как заводная фигурка с механической копилки, как если бы она с монетой в зубах следовала по единственно доступному ей пути к щели, куда нужно было эту монету опустить, она подползла к креслу. С лицом, залитым вполне натуральными слезами, она являла собою превосходный образец, приобретение, которое обрадовало бы любого коллекционера.

ГЛАВА 33

Между Моментом, Когда Дасти Увидел Спящую Собаку, и предшествовавшим ему Моментом, Когда Зазвонил Телефон В Кухне, существовал пробел, и, сколько он ни проигрывал в мозгу эту сцену, ему так и не удавалось связать воедино разорванную нить его дня. Вот собака стоит, размахивая хвостом, и в следующий момент собака просыпается после короткого сна. Потеряно несколько минут. С кем он разговаривал в это время? Что делал?

Он снова и снова повторял этот эпизод, концентрируясь на темном прогале между тем мгновением, когда он поднял телефонную трубку, и другим — когда повесил ее на аппарат, пытаясь как-то заполнить провал в памяти, когда Марти на кровати рядом с ним принялась стонать во сне.

— Не волнуйся. Все хорошо. Успокойся, — шептал он, легко положив руку ей на плечо, пытаясь нежно вывести ее из кошмара в спокойный сон, как он недавно сделал с Валетом.

Но Марти не успокоилась. Ее стоны сменились хныканьем, она задрожала, принялась слабыми движениями отпихивать одеяло. Потом хныканье перешло в пронзительные крики, она забилась, сбросила одеяло, резко села, а затем вскочила на ноги. Она уже не визжала в ужасе, а задыхалась, по груди пробегали спазмы тошноты, разинутый рот искривился в рвотном движении, и она с силой зажала его обеими руками, словно истерически отказывалась от чего-то, входившего в меню банкета, на котором была во сне.

Вскочив почти так же порывисто, как и Марти, Дасти обежал вокруг кровати, зная, что Валет испугается происходящего.

Она испуганно обернулась к мужу:

— Держись подальше от меня!

В ее голосе прозвучал такой надрыв, что Дасти и впрямь на мгновение приостановился, а собака вздрогнула всем телом. Шерсть по всей длине хребта Валета поднялась дыбом. Проведя еще раз по губам, Марти взглянула на руки, как будто ожидала увидеть на них свежую кровь — и, возможно, не свою собственную.

— О, боже, мой боже!

Дасти сделал шаг в ее сторону, и снова она не менее отчаянным голосом, чем прежде, приказала ему держаться на расстоянии.

— Ты не должен доверять мне, не должен подходить ко мне, и не думай, что тебе это можно.

— Это был всего-навсего ночной кошмар.

— *Это* кошмар.

— Марти…

Она опять согнулась в судорожном приступе тошноты, вызванном воспоминанием о только что увиденном сне, и испустила тоскливый стон отвращения и боли.

Несмотря на предупреждение, Дасти все же подошел к ней, и, когда он коснулся ее, она отпрянула и яростным движением отпихнула его в сторону.

— Не доверяй мне! Нет, нет! Ради Христа, не надо! — И, не желая проходить рядом с мужем, она по-обезьяньи ловко вскочила на разбросанную постель, спрыгнула с другой стороны и вбежала в смежную ванную.

Собака испустила короткий, резкий не то лай, не то вскрик, словно кто-то яростно дернул за струну. Звук отдался в теле Дасти и пробудил в нем такой страх, какого он еще не знал прежде. Ибо увидеть Марти в таком состоянии второй раз оказалось еще ужаснее, чем в первый. Один раз мог оказаться случайностью. Два раза уже походили на систему, а в системе можно было разглядеть будущее.

Он поспешно отправился вслед за Марти и обнаружил ее стоявшей около раковины. Из крана лилась холодная вода. Только что распахнутая дверца аптечки по инерции закрылась.

— Похоже, что на сей раз хуже, чем обычно, — заметил Дасти, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

— Что?

— Кошмар.

— Это был не такой, вовсе не такой привычный, как Человек-из-Листьев, — ответила Марти. Но было совершенно ясно, что она совершенно не намеревалась развивать эту тему.

Она сорвала крышку с бутылочки сильного снотворного, продававшегося без рецепта, которым они изредка пользовались. Поток голубых таблеток хлынул в ее подставленную левую ладонь.

В первый момент Дасти решил, что она хочет проглотить все эти таблетки, но это было просто смешно: Марти наверняка в любом состоянии понимала, что даже целая бутылка не убьет ее, а, кроме того, муж стоит рядом и, конечно же, выбьет снотворное из ее руки прежде, чем она успеет отправить всю горсть в рот.

Но Марти сразу же высыпала часть пилюль обратно в бутылочку. У нее на ладони осталось лишь три штуки.

— Максимальная доза — две, — напомнил Дасти.

— Плевать я хотела на максимальную дозу. Я намереваюсь прийти в себя. Я должна выспаться, должна отдохнуть, но не собираюсь смотреть еще один сон наподобие этого. Да, да, ничего похожего на это.

Ее черные, влажные от пота волосы были спутаны, как змеиная корона какой-нибудь горгоны, с которой она встретилась во сне. Пилюлям предстояло разделаться с монстрами. Вода с плеском полилась в стакан, Марти кинула таблетки в рот и запила их одним большим глотком.

Дасти не вмешивался. Три пилюли, наверно, многовато, но они вовсе не означали вызов «Скорой помощи» и аппарат для промывания желудка, а если утром у нее будет немного кружиться голова, то, возможно, и беспокойство при этом будет немного меньше.

Он, правда, не считал, что глубокий сон исключит сновидения, как, видимо, рассчитывала Марти. Но если она будет спать, то, даже проведя ночь в безжалостной схватке кошмаров, к утру все же отдохнет лучше, чем если проведет ночь без сна.

Опуская стакан, Марти заметила свое отражение в зеркале и вздрогнула. Именно от того, что увидела себя в этот момент, не от холодной воды.

Как зима вымораживает синеву из воды чистого озерца, так и страх обесцветил лицо Марти. Оно было бледным, как лед. Щеки приобрели какой-то серовато-фиолетовый оттенок, а там, где Марти с силой прижимала руки к лицу, виднелись цинково-серые пятна.

— О, боже, ты только посмотри, какой я стала, — горестно простонала она, — только посмотри…

Дасти понимал, что она говорит не о своих повлажневших и спутанных волосах, не о

мертвенно побледневшем лице, а о чем-то другом, ненавистном, что, как ей показалось, она заметила в глубине своих голубых глаз.

Выплеснув последние капли воды из стакана, Марти размахнулась, но Дасти перехватил ее руку и, прежде чем она швырнула стакан в зеркало, вынул его из стиснутых пальцев.

Почувствовав его прикосновение, Марти отскочила в тревоге и с такой силой врезалась в стену, что сдвижная дверца душевой кабины прокатилась на своих роликах и с грохотом ударилась в косяк.

— Не приближайся ко мне! Ради бога, неужели ты не понимаешь, что я могу сделать такое… Могу сделать все что угодно?

— Марти, я не боюсь тебя, — ответил Дасти, превозмогая комок, который от волнения встал у него в горле.

— Разве далеко от поцелуя до укуса? — спросила она. Ее голос был хриплым и срывался от страха.

— Что?

— Я могу во время поцелуя откусить тебе язык.

— Марти, пожалуйста…

— От поцелуя до укуса… Так легко оторвать тебе губу. Откуда ты знаешь, что я не могу этого сделать? Что я не сделаю этого?

Если она еще не была охвачена непреодолимым приступом паники, то на всех парах неслась к нему, и Дасти не знал, как ее остановить или хотя бы замедлить.

— Посмотри на мои руки, — приказала она. — Эти ногти. Акриловые ногти. Почему ты думаешь, что я не могу ими ослепить тебя? Разве я не могу вырвать тебе глаза?

— Марти. Это не…

— Во мне завелось что-то такое, чего я не знала никогда прежде, все возможное и невозможное дерьмо прет из меня, и оно может сотворить нечто ужасное, действительно может. Может заставить меня ослепить тебя. Для твоего же собственного блага будет лучше, если ты тоже поймешь это и будешь бояться этого.

Две эмоции нахлынули на Дасти: щемящая жалость и неимоверная любовь; они, столкнувшись, разрывали его на части. Он опять шагнул к Марти, но она скользнула мимо него из ванной и захлопнула дверь перед его носом.

Когда же он следом за ней вошел в спальню, то увидел, что Марти роется в его открытом гардеробе. Она рылась в его рубашках, передвигала плечики на металлическом шесте, явно что-то разыскивая.

Вешалку для галстуков. Большинство крючков на ней были пусты. У Дасти было всего лишь четыре галстука. Достав из шкафа два галстука — простой черный и синий в красную полоску, она протянула их Дасти.

— Свяжи меня.

— Что? Нет. Помилуй бог, Марти!…

— Именно это я и имею в виду.

— Я тоже. Нет.

— Ноги и руки, — настойчиво потребовала она.

— Нет.

Валет сидел на своей подушке, его воздетые козырьком брови подчеркивали то взволнованное выражение, с которым он переводил взгляд с Марти на Дасти и снова на Марти.

— Потому что, если меня ночью охватит безумие, кровавое безумие…

Дасти старался быть твердым, но спокойным, надеясь, что, глядя на его поведение, Марти тоже хоть немного успокоится.

— Пожалуйста, прекрати.

— …кровавое безумие, то мне нужно будет освободиться, прежде чем я смогу кого-нибудь искалечить. А пока я буду развязываться, ты проснешься, если вдруг заснешь.

— Я не боюсь тебя.

Его притворное спокойствие нисколько не подействовало на Марти; она продолжала сыпать словами все быстрее и лихорадочнее:

— Ладно, ладно, возможно, ты не боишься, хотя и должен бояться, да, да, возможно, ты не боишься, а вот я боюсь. Я боюсь себя, Дасти, боюсь, черт возьми, что я могу сотворить что-нибудь с тобой или с кем-нибудь еще, когда на меня накатит это затмение, сумасшествие, боюсь, что могу что-то сотворить и сама с собою. Я не знаю, что происходит со мною, это еще сверхъестественнее, чем экзорцизм[1], пусть даже я не умею левитировать и поворачивать голову на триста шестьдесят градусов. Если мне, когда не надо, во время этого припадка безумия, в руки попадет нож или же твой пистолет, то я обращу его против себя, я знаю, что так и будет. Я ощущаю это болезненное стремление здесь, — она дважды стукнула себя кулаком по животу, — это зло, этого червя, который сидит во мне и нашептывает о ножах, ружьях, молотках.

Дасти потряс головой.

Марти села на кровать и принялась стягивать свои лодыжки одним из галстуков, но уже через несколько секунд остановилась, расстроенная.

— Черт побери, я совсем не разбираюсь в узлах. Ты должен помочь мне.

— Обычно хватает одной пилюли. Ты приняла три. Нет никакой необходимости тебя связывать.

— Я нисколько не доверяю никаким пилюлям и не собираюсь доверять. Или ты поможешь мне завязать узлы, или я засуну палец в горло, и меня вырвет этими пилюлями прямо сейчас.

Ее не убеждали никакие доводы. Страх так же владел ею, как Скитом — призрачный мир, в который тот погрузился после своего коктейля из наркотиков, да и логика вряд ли действовала сейчас на нее сильнее, чем на Малыша, когда тот сидел на крыше дома Соренсонов.

Марти, потная, дрожащая, сидела на кровати, бестолково закручивая галстук вокруг своих ног. В конце концов она расплакалась:

— Пожалуйста, милый, прошу тебя. Пожалуйста, помоги мне. Я должна поспать, я так устала, мне необходимо немного отдохнуть, или я совершенно развалюсь. Мне нужно хоть немного *покоя* , а никакого покоя не будет, если ты не поможешь мне. Помоги. Умоляю тебя.

Слезы сделали то, чего не смогла настойчивость.

Когда Дасти подошел к Марти, она откинулась на кровати и закрыла лицо руками, словно стыдилась того беспомощного состояния, до которого довел ее страх, а у него самого тряслись руки, пока он обвязывал галстуком ее щиколотки.

— Крепче, — попросила она, не отрывая рук от лица.

Дасти повиновался, хотя все же не стал затягивать узлы так сильно, как она просила. Мысль о том, чтобы, пусть по неосторожности, причинить ей боль, была для него непереносима.

Потом она протянула ему сжатые руки.

Взяв черный галстук, Дасти связал запястья достаточно крепко, чтобы Марти до утра могла ощущать себя в безопасности, но в то же время осторожно, чтобы не нарушить кровообращения.

Когда Дасти связывал Марти, она лежала с закрытыми глазами, отвернув от него лицо. Может быть, потому, что была потрясена силой владевшего ею страха, может быть, — потому, что стеснялась своего внешнего вида. И то и другое было возможно. Но Дасти подозревал, что она старалась скрыть от него свое лицо прежде всего потому, что привыкла отождествлять слезы со слабостью.

Дочь Улыбчивого Боба Вудхауса — а он был настоящим героем войны и за прошедшие после войны годы тоже не единожды вел себя как подобает герою, правда, уже на мирном поприще — всю жизнь стремилась соответствовать унаследованным ею понятиям о чести и

1 Обряд изгнания бесов.

достоинстве. Конечно, та жизнь, которую она вела как молодая жена и разработчик компьютерных игр в курортном прибрежном городе Калифорнии, не давала ей возможности для частых проявлений героизма. Это была хорошая жизнь, и она не ощущала в себе стремления окунуться в один из кипящих котлов бесконечного насилия, например, на Балканах или в Руанде, или принять участие в шоу Джерри Спрингера. Но, обитая в мире и спокойствии, она стремилась воздать дань памяти своего отца только через незаметный героизм повседневной жизни: хорошо выполняя свою работу, осуществляя свой жизненный путь в добрые и худые времена в соответствии с той клятвой, которую дала, когда выходила замуж, оказывая друзьям всю поддержку, которая была в ее силах, проявляя искреннее сострадание к людям, израненным жизнью, таким, как Скит, и живя честно, правдиво и с осознанным чувством собственного достоинства, чтобы избежать опасности оказаться в числе таких людей. Этот незаметный героизм, который никогда не вознаграждается орденами и торжественными маршами, является тем топливом и той смазкой, благодаря которым машина цивилизации продолжает свое движение. В мире, изобилующем искушениями самодовольства, самовлюбленности и самооправдания, имеется на удивление много таких маленьких героев, гораздо больше, чем можно было бы ожидать. Однако когда человек пребывает в тени большого героизма, как это случилось с Марти, тогда простая достойная жизнь и активная доброта, которые служат для других возвышающим примером, могут казаться ему недостаточными, а возможные срывы, даже в момент истинного несчастья, воспринимаются как предательство отцовского наследия.

Все это Дасти понимал, но не мог сказать Марти сейчас, а возможно, и никогда, потому что сказать об этом означало признаться, что он распознал ее самые потаенные уязвимые места. Это знание означало жалость и нанесло бы ущерб ее достоинству, как всегда бывает с жалостью. Она знала, что он это знал, и знала, что он знал о ее знании; но любовь становится глубже и сильнее, когда нам хватает мудрости, и чтобы говорить то, что должно сказать, и чтобы знать, чего никогда не следует облекать в слова.

И поэтому Дасти завязал черный галстук в торжественном молчании.

Когда Марти была надежно связана, она повернулась на бок. Из ее закрытых глаз все так же текли слезы. Валет подошел к кровати, задрал морду вверх и облизал ей лицо.

И лишь теперь из ее уст вырвалось рыдание, которое она столько времени подавляла, но это было лишь наполовину рыдание, потому что наполовину оно было смехом. А последовавший затем звук уже был больше смехом, чем рыданием.

— Мой усатый-бородатый мальчик. Неужели ты знаешь, что твоей бедной маме нужно, чтобы ее поцеловали, мой сладенький?

— А может быть, он учуял в твоем дыхании остатки аромата моей поистине прекрасной лазаньи? — спросил Дасти, надеясь подбавить кислорода в огонь просветления и заставить его гореть ярче и дольше.

— Лазанья или чистая любовь собаки, — ответила Марти, — мне совершенно неважно. Я знаю, что мой маленький мальчик любит меня.

— Твой большой мальчик тоже любит тебя, — заметил Дасти.

Наконец-то она повернула голову и посмотрела на него.

— Благодаря этому я и смогла уцелеть сегодня. Мне было нужно то, что мы сделали.

Он сел на край кровати и взял ее за связанные руки.

Через некоторое время ее глаза закрылись под тяжестью усталости и патентованных пилюль.

Дасти поглядел на стоявшие на тумбочке часы, которые напомнили ему о проблеме потерянного времени.

— Доктор Ен Ло.

— Кто? — переспросила Марти, не открывая глаз.

— Доктор Ен Ло. Ты никогда не слышала о таком?

— Нет.

— Легкий порыв.

— А?

— Волны разносят…

Марти открыла глаза. Они уже были сонными и постепенно темнели от наползающей дремы.

— Или это бессмыслица, или ты не договорил до конца.

— Голубые сосновые иглы, — закончил он, хотя больше не считал, что эти слова вызовут в ней какие-то ассоциации, как это было со Скитом.

— Чудесно, — пробормотала она и снова закрыла глаза.

Валет не вернулся на свою овчинную подушку, а устроился на полу около кровати. Он не спал. Время от времени он поднимал голову, чтобы посмотреть на спящую хозяйку или окинуть взглядом тени в дальних углах комнаты. Он, насколько мог, насторожил свои висячие уши, как будто прислушивался к слабым, но подозрительным звукам. Его влажные черные ноздри раздувались и вздрагивали, словно пес пытался разобраться в сложной смеси запахов, наполнявших помещение. Он чуть слышно зарычал. Ласковый Валет, казалось, пытался преобразиться в сторожевую собаку, хотя для него оставалось непонятным до конца, от чего же он должен сторожить.

Глядя на спящую Марти, разглядывая ее кожу, сохранявшую все тот же пепельный оттенок, ее противоестественно темные, как свежий синяк, губы, Дасти почувствовал странную уверенность в том, что затянувшееся помрачение разума, в котором пребывала его жена, является не самой страшной опасностью, как ему казалось прежде. Инстинктивно он ощущал, что ее преследует смерть, а не безумие и что она уже наполовину погрузилась в могилу.

Его посетило какое-то сверхъестественное откровение: инструмент ее смерти находится здесь, в спальне, в эту самую минуту. По его шее и спине пробежали колкие мурашки суеверия, он медленно поднялся с края кровати и со страхом посмотрел вверх, почти готовый к тому, что увидит призрак, проплывающий под потолком, — что-нибудь вроде вихря черных саванов, мятущийся облик фигуры, покрытой капюшоном, из-под которого ухмыляется лик черепа.

Наверху ничего не было, кроме гладко оштукатуренного потолка.

Валет испустил еще одно басовитое протяжное рычание, поднялся на ноги и встал около кровати.

Марти безмятежно спала, и Дасти перевел взгляд с потолка на ретривера.

Ноздри Валета расширились, он с силой втянул носом воздух, принюхиваясь, и словно раздулся от этого: его золотистая шерсть ощетинилась. Черные губы оттянулись, обнажив огромные клыки. Ретривер, казалось, видел то смертоносное привидение, присутствие которого Дасти мог только смутно ощущать.

Настороженный взгляд собаки уставился на Дасти.

— Валет?

Даже сквозь пышную зимнюю шерсть Дасти видел, что мышцы на плечах и бедрах собаки напряглись. Валет принял совершенно несвойственную ему агрессивную позу.

— Что тебе не нравится, дружок? Это же я. Всего-навсего я.

Глухое рычание умолкло. Пес стоял молча, но был все так же напряжен, насторожен.

Дасти сделал шаг к нему.

Снова послышалось рычание.

— Это же я, — повторил Дасти.

Собака, казалось, не была в этом уверена.

ГЛАВА 34

Когда доктор наконец поднялся с нее, Сьюзен Джэггер лежала на спине, скромно сдвинув бедра, как будто пыталась скрыть, что они только что были широко раздвинуты. Ее

руки стыдливо прикрывали грудь.

Она все еще плакала, но уже не молча, как прежде. Ради собственного удовольствия Ариман позволил ей придать боли и стыду вокальное оформление.

Застегивая рубашку, он закрыл глаза, чтобы слышать те надломленные, похожие на птичьи звуки, которые она издавала. Негромкие нежные рыдания: стенание одинокого голубя под крышей, жалоба чайки, сбитой порывом ветра.

Приказав ей лечь в кровать, он, воспользовавшись методом регрессионного гипнотического воздействия, вернул ее к возрасту двенадцати лет, к той поре, когда она была еще нетронута, невинна, как бутон розы, еще не заимевший шипов. Ее голос зазвучал нежнее, выше тоном; фразы она строила, как рано развившийся ребенок. Ее брови на самом деле стали ровнее, рот — мягче, будто время и впрямь возвратилось вспять. Зелень ее глаз не стала ярче, но взгляд стал яснее, словно из него изъяли тот суровый жизненный опыт, который накапливался в течение шестнадцати лет.

И тогда, спрятавшись под маской ее отца, он лишил ее девственности. Поначалу ей было дозволено слабо сопротивляться, затем активнее: это был страх и смущение ее повторно обретенной девственности. Немного позднее ожесточенное сопротивление было подслащено дрожью чувственности. Доктор произнес несколько слов, и Сьюзен оказалась охвачена все нарастающим животным желанием; ее бедра напряглись, и она выгнулась навстречу ему.

А в ходе дальнейшего Ариман изменял ее психологическое состояние негромкими указаниями, и все время непрерывно ее волнующие крики — крики девочки, впервые познавшей наслаждение от сексуальной близости, — подкрашивались страхом, стыдом, горем. Ее слезы были для него куда нужнее, чем секрет, который выделяли железы ее тела, чтобы облегчить ему вход в нее. Даже во время экстаза слезы были непременным условием.

Теперь, закончив одеваться, Ариман разглядывал ее лицо с безупречными чертами.

Лунный свет на воде,
Глаза — озера, наполненные весенним дождем;
Темная рыба мысли.

Нет, плохо. Он был не в состоянии составить хокку, способное описать то холодное выражение, с которым она смотрела в потолок. Его талант к поэтическому творчеству был незначительным по сравнению с его способностью ценить стихи.

Доктор не питал никаких иллюзий по поводу своих дарований. Хотя по всем оценкам интеллекта он был гением высокого уровня, тем не менее он был игроком, а не творцом. У него был талант к играм, к изобретению способов все нового и нового использования игрушек, но он ни в коей мере не был художником.

Точно так же обстояло дело и с наукой. Он интересовался ею с самого детства, но не обладал свойствами характера, необходимыми ученому: терпением, готовностью сталкиваться со все новыми и новыми неудачами на пути к успеху, который увенчает работу, предпочтением знаний сенсации. Молодой Ариман стремился попасть в число ученых, тех людей, которые пользуются всеобщим уважением, являются носителями авторитета и неафишируемого, но ощущаемого превосходства, которое частенько проскальзывает в их поведении — первосвященников этой культуры, поклоняющейся переменам и прогрессу. Именно такими были побудительные мотивы, заставившие Аримана обратиться к науке. Серая безрадостная атмосфера лабораторий, естественно, не обладала для него ни малейшей привлекательностью, равно как и скука и однообразие — обязательные атрибуты серьезных исследований.

Он был вундеркиндом и в тринадцать лет уже учился на первом курсе колледжа. Тогда же он понял, что психология может предложить ему идеальную карьеру. К тем, кто утверждал, что познал тайны сознания, относились с уважением, граничащим с благоговением. Так, должно быть, относились к священникам в предшествующих столетиях,

когда вера в душу была столь же широко распространена, как в настоящее время вера в подсознание и эго. И если психолог требовал повиновения, то обыватели сразу же и с готовностью подчинялись этому требованию.

Большинство людей считали психологию точной наукой. Правда, некоторые относили ее к кругу *нестрогих* наук, но таких год от года становилось все меньше и меньше.

В естественных науках — таких, как физика и химия, — гипотезы выдвигались для того, чтобы вести исследования общих свойств некоторого значительного количества феноменов. Ну а потом, если значительное количество исследовательских работ, проведенных множеством ученых, подтверждало положения гипотезы, она могла бы превратиться в фундаментальную теорию. В дальнейшем же, если теория доказывала свою универсальную эффективность в тысячах экспериментов, у нее появлялся шанс обрести звание закона.

Некоторые психологи пытались подвести область своей деятельности под этот стандарт научного обоснования. Ариман жалел их. Они пребывали во власти иллюзии, согласно которой их авторитет и их власть были связаны с открытием вечных истин, тогда как на самом деле правда являлась раздражающим ограничением и авторитета, и власти.

Психология, по мнению Аримана, была привлекательной областью деятельности, поскольку в ней требовалось всего лишь сделать и зафиксировать ряд субъективных наблюдений, найти надлежащую призму, при взгляде сквозь которую статистическую совокупность можно будет рассмотреть в наиболее подходящем из цветов спектра, а потом весело перепрыгнуть через гипотезы и теории, объявляя сразу об открытии основополагающего закона человеческого поведения.

Наука была скучной рутинной работой. А психологию молодой Ариман совершенно однозначно воспринимал как *игру* , в которой люди были игрушками.

Он всегда делал вид, что разделяет гнев своих коллег в адрес тех негодяев, которые обзывают их работу нестрогой наукой, хотя про себя думал о ней как об аморфной науке, даже газообразной, и это было самым главным качеством, на которое он надеялся, продвигаясь по своему пути. Власть ученого, которому приходится иметь дело с однозначными фактами, ограничивается этими фактами; зато за словом «психология» скрывалась мощь суеверий, которые могли овладеть миром куда прочнее, чем это сделали электричество, антибиотики и водородные бомбы.

Поступив в колледж в тринадцать лет, он уже к семнадцатому дню рождения приобрел докторскую степень в области психологии. А поскольку психиатры пользуются в глазах широкой публики даже большим восхищением и уважением, чем психологи, и потому что авторитет звания мог бы облегчить постановку тех игр, в которые он желал играть, Ариман добавил к своим верительным грамотам ученую степень в области медицины и другие необходимые регалии.

Он ожидал, что обучение медицине, где требуется так много реальных знаний, будет утомительным, но, напротив, этот период оказался весьма забавным. Ведь, помимо всего прочего, хорошее медицинское образование было неразрывно связано с кровью и внутренностями; у студентов было бесчисленное количество возможностей наблюдать страдания и непереносимую боль, ну а когда вокруг так много боли и страданий, то и в слезах недостатка не бывает.

Маленьким мальчиком он при виде слез испытывал удивленное восхищение, сродни тому, что другие дети чувствуют, глядя на радугу, звездное небо и светлячков. После достижения половой зрелости он обнаружил, что вид слез сильнее, чем самая откровенная порнография, разжигает его либидо.

Сам он никогда не плакал.

И вот теперь, полностью одетый, доктор стоял в изножье кровати Сьюзен и изучал ее заплаканное лицо. Пустые озера ее глаз. Ее дух, плавающий в них, уже почти утонул. Цель его игры состояла в том, чтобы довести утопление до конца. Не этой ночью. Но вскоре.

— Скажи мне, сколько тебе лет, — приказал он.

— Двенадцать, — голосом школьницы ответила она.

— Сейчас, Сьюзен, ты пойдешь во времени вперед. Тебе тринадцать… Четырнадцать… Пятнадцать… Шестнадцать… Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Теперь тебе семнадцать… Восемнадцать…

Шаг за шагом он довел ее до реального возраста, до того часа и той минуты, на которые указывали стрелки на прикроватных часах, а потом приказал ей одеться.

Ее белье было разбросано по полу. Она одевалась медленными скованными движениями, присущими человеку, пребывающему в трансе.

Сидя на краю кровати, Сьюзен продевала в белые трусики свои стройные ноги. Внезапно она согнулась, словно получила удар в солнечное сплетение, ее дыхание пресеклось. Она, дрожа, втянула в себя воздух, а затем сплюнула с отвращением и ужасом. Слюна упала на ее бедро, блестящая, как след улитки. Потом Сьюзен еще раз сплюнула, как будто отчаянно пыталась избавиться от невыносимого привкуса во рту. Плевки сменялись рвотными движениями, и среди этих жалких звуков прорывались два слова, которые она с отчаянным усилием выталкивала из себя:

— Папа, зачем? Папа, зачем? — потому что, хотя она больше не считала, что ей двенадцать лет от роду, в ней осталась уверенность в том, что любимый отец жестоко изнасиловал ее.

Для доктора этот неожиданный пароксизм тоски и стыда был сюрпризом, бесплатным пряным десертом к обеду страдания, шоколадным трюфелем после коньяка. Он стоял перед нею, втягивая полной грудью слабый, но вяжущий соленый аромат, который источали слезы, непрестанно стекавшие по ее лицу.

Когда он по-отечески положил руку ей на голову, Сьюзен вздрогнула от этого прикосновения, и «Папа, зачем?» превратилось в негромкий, протяжный и бессловесный вопль. Это приглушенное завывание напомнило ему о жутких стенаниях койотов теплой ночью в глубине пустыни в прошлом, еще более далеком, чем то время, когда в городке Скоттсдэйл, что в Аризоне, статуя Дианы пронзила копьем горло Майнетт Лэкленд.

В Нью-Мексико, неподалеку от раскаленного горнила Санта-Фе, находится коневодческое ранчо: красивый дом из сырцового кирпича, конюшни, скаковые круги, огороженные луга, засеянные сладкими кормовыми травами, а вокруг всего этого — заросли чапарели, в которых проводят свою дрожащую жизнь тысячи кроликов да по ночам стаями охотятся койоты. Однажды летней ночью, за два десятка лет до того, как человечество принялось задумываться по поводу приближающегося рассвета нового тысячелетия, Файона Пасторе, красавица жена владельца ранчо, подходит к телефону и слышит три стихотворных строки — хокку, написанные Басе[1]. Она имеет светское знакомство с доктором; кроме того, он лечит ее десятилетнего сына, Дайона, страдающего сильным заиканием. Файона несколько раз была в сексуальной близости с Ариманом, причем эти контакты достигали такой степени развращенности, что после них у женщины бывали приступы депрессии, несмотря даже на то, что в ее памяти не сохранилось никаких прямых следов свиданий. Она не представляет для доктора ни малейшей опасности, но он пресытился ею физически и готов теперь перейти к заключительной стадии их отношений.

Под воздействием слов хокку сработал взрыватель, спрятанный в глубине сознания Файоны. Она без малейшего протеста выслушивает гибельные инструкции, проходит в кабинет мужа и пишет краткое, но трогательное предсмертное письмо, в котором обвиняет своего добропорядочного супруга во множестве злодеяний. Закончив письмо, она открывает оружейный шкаф, стоящий в той же комнате, и достает шестизарядный «кольт» 45-го калибра. Для женщины ростом всего-навсего пять футов четыре дюйма и весом 110 фунтов это настоящая пушка, но она вполне может справиться с этим оружием. Она родилась и выросла на юго-западе и научилась точно попадать в цель, еще не прожив и

1 Мацуо Басё (1644-1694) — великий японский поэт, поднявший народный поэтический жанр хайкай (хокку) до уровня высокого искусства.

половины из своих тридцати лет. Она вставляет в барабан двадцатиграммовые патроны и направляется в спальню своего сына.

На открытом окне комнаты натянута плотная сетка для защиты от летающих, жужжащих и кусающихся обитателей пустыни, и поэтому, когда Файона зажгла лампу, взгляду доктора представилось нечто наподобие широкоэкранного кинофильма. Как правило, он лишен возможности наблюдать за финальными сценами спектаклей, разворачивавшихся под его руководством, так как не желает ни в малейшей степени подвергать себя риску оказаться заподозренным в причастности к трагическим (с точки зрения большинства) событиям. Хотя, впрочем, у него имеются друзья, занимающие такие высокие посты, что обвинение ему, пожалуй, грозить не может. Однако на сей раз обстоятельства оказываются просто идеальными, и он не может устоять перед искушением посетить представление. Ранчо располагается в изрядном отдалении от другого жилья. Управляющий ранчо со своей женой находятся в отпуске; они гостят у родственников в Пекосе, городе в Техасе, где проходит интереснейшая ежегодная выставка дынь. Трое остальных работников ранчо ночуют не здесь. Ариман позвонил Файоне по телефону из автомобиля, который оставил в четверти мили от усадьбы, и остаток пути прошел пешком, причем успел к окну Дайона лишь за минуту до того, как Файона вошла в спальню и щелкнула выключателем.

Спящий мальчик не проснулся, и это разочаровывает доктора, он готов заговорить из-за сетки, как священник в исповедальне, назначающий епитимью своему прихожанину, и приказать Файоне разбудить сына. Но пока он пребывает в колебании, она дважды стреляет в спящего ребенка. С испуганным криком вбегает Бернардо, ее муж, и она еще дважды нажимает на спусковой крючок. Это смуглый тощий человек, один из тех обитателей Запада, которые кажутся неуязвимыми из-за своей продубленной солнцем кожи, сквозь которую выпирают высохшие от жары кости. Но пули, конечно, не отскакивают от его шкуры, а с ужасной силой входят вглубь, разрывая плоть. Он кружится на месте, ударяется о высокий шкаф и, отчаянно пытаясь удержаться, из последних сил цепляется за него руками. Раздробленная челюсть свисает набок. В черных глазах Бернардо видно недоумение, которое поразило его сильнее, чем пули сорок пятого калибра. А когда он видит в окне взирающего на происходящее доктора, глаза раскрываются еще шире. В его изумленных черных глазах проступает иная, более глубокая чернота, тьма вечности. Из разбитой пулей челюсти выпадает не то зуб, не то частица кости, а следом за этой белой крупицей и он сам оседает на пол.

Ариман находит представление даже более интересным, чем он рассчитывал, и если когда-либо прежде он сомневался относительно мудрости выбора своей карьеры, то теперь знает, что этим сомнениям пришел конец. Но, поскольку некоторые проявления голода не так легко утолить, он хочет еще больше усилить остроту, если можно так выразиться, сделать погромче, частично выведя Файону из ее состояния «больше-чем-транс-но-не-совсем-фуга» на более высокий уровень сознания. В настоящее время ее индивидуальность так сильно подавлена, что она лишена способности эмоционального восприятия того, что сделала, и потому не выказывает видимой реакции на то кровопролитие, которое учинила. Если ее высвободить из-под контроля настолько, чтобы она смогла осознать, почувствовать, то ее мучения породят прелестный поток слез, шторм, который увлечет доктора в те края, куда он еще никогда не заплывал.

Ариман колеблется, и у него есть для этого достаточно серьезные основания. Освобожденная настолько, чтобы осознать ужас своих преступлений, женщина может повести себя непредсказуемо, может полностью сбросить свои оковы и воспротивиться восстановлению контроля. Он уверен, что в худшем случае сможет вернуть ее под свой контроль, произнеся соответствующие команды, не больше чем за минуту, но ведь ей, для того чтобы повернуться к открытому окну и всадить пулю в цель, потребуется лишь несколько секунд. Конечно, в любой игре имеется риск получения травмы, даже на детской площадке можно ободрать колени, вывихнуть сустав, удариться, порезаться, выбить

совершенно здоровый зуб, совершая кувырок. Но после некоторого раздумья доктор приходит к выводу, что одно лишь ощущение возможности получить пулю в лицо может лишить всю забаву ее привлекательности. И поэтому он хранит молчание, позволяя женщине закончить спектакль в состоянии отключенности сознания.

Стоя среди своих мертвых родных, Файона Пасторе спокойно вкладывает дуло «кольта» себе в рот и, к сожалению, без единой слезинки, спускает курок. Она оседает на пол почти бесшумно, но ее падение все же сопровождается твердым стальным стуком: револьвер в ее руке, повисший на согнутом указательном пальце, ударяется о деревянную спинку кровати.

Игрушка сломана, и доктор некоторое время смотрит в окно, испытывая щемяще-острое чувство сожаления о том, что ему больше не придется наслаждаться ею. Он в последний раз изучает прелестные формы. Это не столь приятно, как раньше, поскольку весь затылок разбит пулей, но выходная рана ему почти не видна, а лицевая часть оказалась поврежденной на удивление мало.

Неземные песни койотов сотрясали воздух точно так же, как и в то время, когда доктор подходил к дому на ранчо, но тогда звери охотились в паре миль на востоке. Изменение тона, новое волнение, появившееся в их стонах, навели Аримана на мысль о том, что они приближаются. Если запах крови достаточно хорошо разносится в воздухе пустыни, то эти волки прерии могут вскоре собраться под затянутым сеткой окном, чтобы оплакивать мертвых.

В фольклоре всех племен американских индейцев койот считается самым хитрым из всех существ, но Ариману перспектива соревноваться в остроумии с целой стаей четвероногих хитрецов не кажется заманчивой. Он быстро идет, хотя и не бежит, к своему «Ягуару», который оставил в четверти мили к северу.

В ночном букете ароматов выделяется силикатный аромат песка, маслянистый мускус москитов и слабый железный запах, источник которого он не может определить.

Когда доктор оказывается рядом с автомобилем, койоты затихают, уловив запах нового следа. Это заставляет их насторожиться, и, без сомнения, причина их настороженности — он сам, Ариман. Во внезапной тишине он улавливает над головой новый звук и поднимает голову.

Редкие белые летучие мыши, озаренные полной луной, вычерчивают иероглифы в небе. Взмахи белых крыльев в вышине, чуть слышное жужжание удирающих насекомых: убийство молчаливо.

Доктор, увлеченный, смотрит на них. Мир — одно большое игровое поле, спорт — это убийство, и единственная цель состоит в том, чтобы остаться в игре.

Сверкая под луной своими бледными крыльями, летучие мыши отступают, скрываясь в ночи, и, когда Ариман открывает дверцу автомобиля, койоты опять начинают свои вопли. Они настолько близко, что могли бы принять его в свой хор, если бы он пожелал возвысить голос.

Потом он захлопывает дверь и запускает мотор, и к этому времени шесть койотов — восемь, десять — показываются из кустов и собираются на дорожке перед автомобилем, их глаза сверкают в свете фар. Когда Ариман трогает машину с места и камни начинают хрустеть под колесами, стая разделяется на две группы и бежит перед ним по обеим сторонам узкой дорожки, сопровождая «Ягуар», словно скороходы из преторианской гвардии. Сотней ярдов дальше, когда автомобиль повернет на запад, туда, где в отдалении вздымается город, сутулые звери оставят его и направятся к усадьбе ранчо, все еще продолжая игру, как и доктор.

Как и доктор.

Хотя негромкие дрожащие рыдания печали и позора Сьюзен Джэггер оказывали на него тонизирующее воздействие, хотя воспоминания о семействе Пасторе, которые пробудил ее страдающий голос, освежали, доктор Ариман все же не был молодым человеком, как в те давние времена в Нью-Мексико, и ему было необходимо по меньшей мере несколько часов

крепкого сна. Предстоящий день потребует от него энергии и особенно ясного мышления, потому что Мартине и Дастину Родс предстоит освоить новую, куда более серьезную роль в этой сложной пьесе, чем та, которую они играли до настоящего времени. Поэтому он приказал Сьюзен преодолеть свои эмоции и закончить одевание.

Когда она снова оказалась в трусах и футболке, он приказал:

— Встань.

Она поднялась.

— Ты просто картинка, дочка. Хотел бы я снять тебя на видео сегодня вечером, а не в следующий раз. Такие милые слезки. «Папа, зачем? Зачем?» Это было особенно трогательно. Я никогда не забуду этого. Ты подарила мне такой же прекрасный момент, как и белые летучие мыши.

Ее внимание ускользнуло от него.

Он проследил направление ее пристального взгляда: маленькое деревце в бронзовой чаше на бидермейеровской тумбе.

— Комнатное садоводство, — сказал он одобрительно, — является прекрасным терапевтическим средством для агорафобиков. Декоративные растения позволяют тебе сохранять контакт с миром, оставшимся вне этих стен. Но когда я говорю с тобой, то рассчитываю, что ты не будешь отвлекаться от меня.

Она опять смотрела на него. Она больше не плакала. Последние слезы высыхали на ее лице.

Какая-то странность в ее поведении, трудноуловимая и непонятная, озадачила доктора. Пристальность во взгляде. То, как были стиснуты ее губы, напряжены уголки рта. В ней чувствовалось напряжение, не связанное с оскорблением и позором.

— Красный паутинный клещик, — сказал он. Ему показалось, что в ее глазах промелькнуло беспокойство. — Их до черта на этом деревце.

Несомненно, по ее лицу пробежала тень беспокойства, но, конечно, оно не было связано со здоровьем ее комнатных растений.

Чувствуя нервозность, Ариман сделал усилие, чтобы окончательно изгнать из своих мыслей туман, не улегшийся до конца после половой близости, и сосредоточиться на Сьюзен.

— Что тебя беспокоит?

— Что меня беспокоит? — переспросила она.

Он повторил свой вопрос в виде команды:

— Скажи мне, что тебя беспокоит.

Она некоторое время колебалась, он повторил команду, и она ответила:

— Видео.

ГЛАВА 35

Вздыбленная шерсть Валета улеглась. Он перестал рычать. Он снова стал знакомым, размахивающим хвостом, ласковым существом, полез обниматься, а потом возвратился на свое ложе и сразу же заснул, как будто его вовсе ничего только что не беспокоило.

Марти, связанная по рукам и ногам, как она и требовала, и еще сильнее скованная действием трех таблеток снотворного, спала молча и безмятежно. Несколько раз Дасти отрывал голову от подушки, наклонялся над нею и замирал в тревоге, пока не улавливал чуть слышное дыхание.

Хотя он рассчитывал бодрствовать всю ночь и потому оставил свой ночник включенным, но все же заснул.

В его сон вторглись видения, в которых ужас и абсурд слились в странное повествование, одновременно и тревожащее, и бессмысленное.

Он лежит в кровати, на одеяле, полностью одетый, лишь ботинки сняты. Валета в комнате нет. В противоположном углу комнаты на собачьей подушке сидит в позе лотоса

Марти, абсолютно неподвижно, глаза закрыты, пальцы расслабленно лежат на коленях, как будто она полностью погружена в медитацию.

Кроме них с Марти, в комнате никого нет, и все же он с кем-то разговаривает. Он ощущает, что его губы и язык шевелятся, и хотя и слышит, как его собственный голос глухо, невнятно, глубоко отдается в костях черепа, но не может уловить ни единого слова своей речи. Паузы указывают на то, что он ведет беседу, не монолог, но не слышит другого голоса: ни отзвука, ни шепота.

За окном ночное небо пронзают молнии, но не слышно ни грома, протестующего против огненных ран, ни шума дождя на крыше. Единственный звук возникает, лишь когда большая птица пролетает мимо окна так близко, что одно из крыльев со свистящим шорохом задевает за стекло, и испускает крик. Хотя летучее существо находится перед окном лишь долю секунды, Дасти каким-то образом знает, что это цапля. Судя по крику, птица, кажется, летает в ночи по кругу; он замирает, потом делается громче, снова стихает и снова приближается.

Он осознает, что в его левую руку воткнута игла для внутривенных вливаний. Пластмассовая трубка от иглы идет к пухлому прозрачному полиэтиленовому пакету, полному глюкозы. Пакет висит на простом торшере, который был бы уместен в аптеке — его используют вместо штатива для капельницы.

Снова штормовой порыв, и огромная цапля мелькает за окном в ослепительной вспышке, ее вопль улетает в темноту, сомкнувшуюся вслед за молнией.

Правый рукав рубашки Дасти закатан выше, чем левый, потому что ему измеряют кровяное давление; манжета тонометра обмотана вокруг его руки выше локтя. Черный резиновый шланг идет от манжеты к резиновой груше, которая плавает в воздухе, словно дело происходит в невесомости. И, странно, груша ритмично сжимается и раздувается, будто ее стискивает невидимая рука, и манжета на руке твердеет. Если в комнате находится третий человек, то этот безымянный посетитель, должно быть, владеет таинством невидимости.

Следующая зарница зарождается и ударяет в землю в спальне, а не в ночи за окном. Многоногая, шустрая, замедлившая свое движение от скорости света до скорости кошки, стрела с шипением бьет из потолка точно так же, как обычно ударяет из тучи, бросается к металлической рамке картины, оттуда к телевизору и, наконец, к торшеру, на котором висит капельница; она плюется искрами, словно нагло скалит блестящие зубы.

И сразу же вслед за сверкающими зигзагами молнии в спальню сквозь закрытое окно или твердую стену вступает цапля, она испускает крики, широко раскрывая свой похожий на меч клюв. Она огромна, ее рост от головы до ног по меньшей мере три фута; это птица, но при этом весь ее облик какой-то доисторический, а взгляд свирепый, как у птеродактиля. При вспышках молний за окнами тени крыльев мечутся по стенам, трепеща перьями.

Сопровождаемая своей тенью, птица бросается к Дасти, и он знает, что она встанет ему на грудь и выклюет ему глаза. В его руках такое ощущение, будто они привязаны к кровати, хотя на правой у него лишь манжета для измерения давления, а к левой привязана дощечка наподобие лубка, которая не позволяет ему согнуть локоть, пока игла находится в вене. Однако он лежит неподвижно, беззащитный, а птица вопит над ним.

Когда молния проскакивает между телевизором и торшером, прозрачный пластиковый мешок с глюкозой вспыхивает, как баллон газового фонаря, и на Дасти обрушивается дождь горячих искр; они непременно должны были поджечь белье на кровати, но этого почему-то не произошло. Нависающая тень цапли разбивается на множество осколков — столько же, сколько было и искр, — и когда мириады сверкающих и темных точек с ослепительной вспышкой соединяются, Дасти в испуге и растерянности закрывает глаза.

Он уверен (возможно, его убедил невидимый гость), что не должен бояться, но когда он открывает глаза, то видит, что над ним нависает пугающий предмет. Птица

невозможно смята, сокрушена, скручена и теперь находится в раздутом мешке с глюкозой. Несмотря на эту деформацию, цаплю можно узнать, хотя сейчас она больше походит на изображение птицы, сотворенное каким-то недоделанным Пикассо, стремящимся пугать людей. Хуже то, что она каким-то образом жива и продолжает вопить, хотя ее пронзительные крики приглушены прозрачными стенами пластиковой тюрьмы. Она корчится в мешке, пытается своим острым тонким клювом и когтями пробить путь на свободу, ей это не удается, и она вращает своим холодным черным глазом, взирая вниз, на Дасти, с демонической страстью.

Он тоже ощущает себя пойманным, лежа здесь, беспомощный, под подвешенной в мешке птицей. В нем — слабость распятого, в ней — темная энергия наподобие той, что скрывается в орнаменте, украшающем сатанистскую издевательскую пародию на рождественскую елку. Затем цапля исчезает, превращаясь в кровавую коричневую слизь, и прозрачная жидкость в трубочке для вливания начинает темнеть по мере того, как вещество, в которое разложилась птица, просачивается из мешка и ползет вниз, вниз. При виде этой грязной тьмы, дюйм за дюймом загрязняющей трубку, Дасти кричит, но при этом не издает ни звука. Парализованный, он выталкивает из себя воздух полной грудью, но это происходит совершенно бесшумно, словно он пытается дышать в вакууме; он пытается поднять правую руку и вырвать иглу из вены, пытается соскочить с кровати, не может, и он тогда выпучивает глаза, напрягаясь, чтобы видеть последний дюйм трубки, когда яд достигнет иглы.

Ужасная вспышка внутреннего жара — все равно что разряд молнии проскочил по его венам и артериям — и пронзительный вопль указывают мгновение, когда птица входит в его кровь. Он чувствует, как она поднимается по внутренней вене его предплечья, просачивается через бицепс в пределы торса, и почти сразу же вслед за тем внутри его сердца начинается невыносимый трепет, деловитое постукивание-подергивание-потрепывание, будто некто вьет там гнездо.

Все еще пребывая в позе лотоса на овчинной подушке Валета, Марти открывает глаза. Они не синие, как прежде, но такие же черные, как и ее волосы. Белков нет вообще: обе глазницы заполнены сплошной гладкой, влажной, выпуклой чернотой. Птичьи глаза обычно бывают круглыми, а эти миндалевидные, как у человека, но тем не менее это глаза цапли.

— Добро пожаловать, — говорит она.

Дасти проснулся мгновенно. Голова у него была настолько ясная, что, открыв глаза, он не вскрикнул, не сел в кровати, чтобы понять, где находится. Он все так же неподвижно лежал на спине, глядя в потолок.

Его ночник горел точно так же, как он его оставил. Торшер стоял подле кресла для чтения, где ему и надлежало быть, и никто не подвешивал на него внутривенную капельницу.

Его сердце больше не трепетало. Оно колотилось. Насколько он мог сказать, его сердце все еще оставалось его личным владением, где не гнездилось ничего, кроме его собственных надежд, бед, любовей и пристрастий.

Валет чуть слышно похрапывал.

Марти спала рядом с Дасти глубоким сном достойной женщины — хотя в данном случае ее совершенствам была оказана поддержка в виде трех таблеток снотворного.

Пока сновидение оставалось свежим в его памяти, он снова и снова мысленно воспроизводил его с самых различных точек зрения. Он пытался использовать тот урок, что давным-давно заучил над карандашным рисунком первобытного леса, который, если посмотреть на картинку без предвзятости, преобразовывался в изображение готического города.

Обычно он не анализировал свои сновидения.

Фрейд, однако, был убежден, что из снов можно массами вылавливать рыбные косяки проявлений подсознательного, чтобы устроить пир для психоаналитика. Доктор Дерек Лэмптон, отчим Дасти, четвертый из четырех мужей Клодетты, также забрасывал свои

удочки в то же самое море и регулярно вытаскивал улов, которым, согласно своей странной и весьма ненадежной гипотезе, он насильно пичкал пациентов, вовсе не принимая во внимание возможность того, что его добыча могла оказаться ядовитой.

Поскольку Фрейд и Гад Лэмптон верили в сновидения, Дасти никогда не принимал их всерьез. Вот и теперь ему не хотелось допускать, что в его сне мог содержаться какой-то смысл, но все же он ощущал в нем крупицу правды. Однако откопать жемчужину неприукрашенного факта в этой куче хлама было задачей, посильной разве что Гераклу.

Если его исключительная образная и слуховая память сохранила все детали сновидения с такой же тщательностью, с какой берегла реальные жизненные впечатления, то он, по крайней мере, мог быть уверен в том, что если переберет все подробности этого кошмара достаточно тщательно, то в конечном счете найдет любую правду, которая могла бы дожидаться своего открытия, как фамильная серебряная вилка, случайно выброшенная вместе с остатками обеда.

ГЛАВА 36

— Видео, — повторила Сьюзен в ответ на приказ Аримана и снова посмотрела в сторону от него, на крошечное деревце.

Доктор улыбнулся, удивленный:

— Какая же ты скромная девочка, особенно если учесть, что ты вытворяешь. Расслабься, дорогая. Я снимал тебя только один раз — следует признать, получился изумительный фильм на девяносто минут, — и когда мы встретимся в следующий раз, я сниму еще один. Никто, кроме меня, не увидит этих моих скромных любительских видеозаписей. Их никогда не покажут ни Си-эн-эн, ни Эн-би-си, ручаюсь тебе. Хотя рейтинг Найелсона[1] подскочил бы выше крыши, ты не находишь?

Сьюзен продолжала рассматривать деревце, но доктор наконец понял, каким образом она могла отводить от него взгляд, даже при том, что он приказал ей смотреть на него. Стыд был мощным побудительным мотивом, из которого она получала силы для своего маленького бунта. Все мы совершаем поступки, которых стыдимся, и с различной степенью трудности мы достигаем примирения с самим собой, наращивая жемчужную оболочку вины на каждую причиняющую боль моральную песчинку. Вина в отличие от стыда может действовать почти что успокаивающе, восприниматься как достоинство, потому что режущие грани вещи, заключенной в гладкую оболочку, больше не чувствуются, а сама вина превращается в объект нашего интереса. Сьюзен могла сделать богатое ожерелье из того стыда, который переносила по приказанию Аримана, но сейчас она знала о происходящей видеозаписи и потому не могла слепить еще одну жемчужину вины и спрятать в ней стыд.

Доктор снова приказал ей смотреть на него, и после непродолжительного колебания она вновь подняла свой взгляд к его глазам. Потом он велел ей спуститься, ступенька за ступенькой, по подсознанию до тех пор, пока она не возвратится в тайную часовню, из которой он разрешил отойти на несколько шагов, чтобы придать своей игре добавочный интерес.

Когда она вернулась в свой несокрушимый потаенный редут, ее глазные яблоки быстро задергались. Индивидуальность была изъята из нее; так повар вынимает мясо и кости из отвара, чтобы получить бульон. Теперь ее сознание превратилось в прозрачную бесцветную жидкость, которая ожидала, пока ее приправят по рецепту Аримана.

— Ты забудешь о том, что этой ночью здесь был твой отец, — сказал он. — Воспоминания о его лице, вместо которого ты видела мое, воспоминания о его голосе, вместо которого ты слышала мой, обратились теперь в пыль и улетели прочь. Я твой доктор, а не твой отец. Сьюзен, скажи мне, кто я такой.

---

1 Оценка доли зрителей определенной телевизионной программы в общем количестве телезрителей, чьи телевизоры в это время включены.

Ее шепот, казалось, донесся гулким эхом из подземной пещеры.

— Доктор Ариман.

— У тебя, конечно, как всегда, не останется абсолютно никакой доступной памяти о том, что произошло между нами, абсолютно никакой доступной памяти о том, что я был здесь этой ночью.

Несмотря на все его усилия, остатки памяти где-то сохранились, возможно, в той неведомой области, что скрывается *глубже* подсознания. В противном случае она вообще не ощущала бы стыда, потому что никаких воспоминаний о том скотском разврате, которому она предавалась этой ночью и раньше, у нее не сохранилось бы. Но угнетавший ее стыд был, с точки зрения доктора, порождением под-подсознания, где оставались несмываемые пометы жизненного опыта. Этот глубочайший из всех уровней памяти был, по убеждению Аримана, практически недоступен и не представлял для него никакой опасности. Он должен был лишь тщательно стереть все следы, которые оставались в ее сознании и подсознании — и ему ничего не могло угрожать.

Кое-кто гадал, не могло ли это под-подсознание быть душой. Но доктор не относился к числу этих людей.

— Если все же у тебя будут какие-либо основания считать, что ты подверглась сексуальному насилию — ты почувствуешь боли или заметишь какие-то следы, — ты не будешь подозревать никого иного, кроме ушедшего от тебя мужа, Эрика. Теперь скажи мне, ты действительно понимаешь все, что я тебе только что сказал?

Ее ответ сопровождался спазмом быстрого сна, как будто в этот момент те воспоминания, о которых говорил Ариман, вытекали из ее существа сквозь подергивающиеся глаза.

— Я понимаю.

— Но тебе строго запрещено сообщать Эрику о своих подозрениях.

— Запрещено. Я понимаю.

— Хорошо.

Ариман зевнул. Независимо от того, насколько интересной была игра, в конце концов все заканчивалось необходимостью убрать игрушки и привести в порядок комнату. Хотя он понимал, почему аккуратность и порядок были абсолютно необходимы, но все же жалел о времени, которое приходилось тратить на уборку, не меньше, чем в те годы, когда был мальчиком.

— Пожалуйста, проводи меня в кухню, — требовательным тоном сказал он и еще раз зевнул.

Все такая же изящная, несмотря на грубость, с которой он совсем недавно овладевал ею, Сьюзен двигалась по темной квартире с текучей грацией японской золотой рыбки, неспешно играющей в полуночном пруду.

Войдя в кухню, Ариман, которого мучила жажда, как и любого игрока после длительной и утомительной игры, сказал:

— Скажи мне, какое пиво у тебя есть?

— «Циндао».

— Открой для меня бутылку.

Она извлекла бутылку из холодильника, пошарила в ящике в темноте, нащупала открывалку и откупорила бутылку.

Находясь в этой квартире, доктор следил за тем, чтобы как можно реже касаться поверхностей, на которых могли бы сохраниться отпечатки пальцев.

Он пока еще не решил, должна ли будет Сьюзен самоликвидироваться, когда он закончит свою игру с нею. Если он придет к выводу, что самоубийство будет достаточно интересным, то ее долгая и гнетущая борьба с агорафобией окажется вполне убедительной причиной, а предсмертное письмо даст основание закрыть дело без тщательного расследования. Но более вероятно, думал он, что она пригодится для большей игры с Марти и Дасти, кульминацией которой должны стать массовые убийства в Малибу.

Были и другие возможности, например, убить Сьюзен руками бросившего ее мужа или даже ее лучшей подруги. В том случае, если бы ее прикончил Эрик, расследование убийства все равно было бы проведено — даже если бы он позвонил полицейским с места действия, сознался во всем, а потом разнес себе мозги выстрелом и упал мертвым на труп жены, даже если бы было со всей очевидностью ясно, что причиной преступления стал жестокий семейный раздор. Тогда сюда заявится отдел научной экспертизы со своими карманными наборами приспособлений и плохими стрижками и примется посыпать все вокруг порошком в поисках отпечатков пальцев, мазать раствором йода, нитрата серебра и нингидрина, обрабатывать парами цианоакрилата, может быть, даже метаноловым раствором родамина и аргоновым лазером. И если Ариман по неосторожности оставил одну-единственную отметку там, где эти нудные, но дотошные исследователи додумаются найти ее, то его жизнь может измениться, и, пожалуй, не в лучшую сторону.

Его высокопоставленные друзья могли в значительной степени затруднить привлечение его к судебному преследованию. Вещественные доказательства исчезнут или будут подменены. Полицейских детективов и чиновников из офиса районного прокурора постоянно будут сбивать с толку, а те нахалы, которые попытаются провести объективное расследование, серьезно испортят себе жизнь, а то и потеряют работу из-за множества разнообразнейших неприятностей и трагедий, которые, как будет всем казаться, не могут быть никак связаны с доктором Ариманом.

Но, однако, друзья не были способны защитить его ни от подозрений, ни от сенсационных предположений в средствах информации. Он стал бы знаменитостью, а это было неприемлемо. Известность нарушит его стиль.

Когда он принимал бутылку «Циндао» из рук Сьюзен, то поблагодарил ее и услышал в ответ:

— Прошу вас.

Независимо от обстоятельств доктор полагал, что следует соблюдать хорошие манеры. Цивилизация — это величайшая игра из всех игр, чудесно организованный всеобщий турнир, в котором умелый игрок получает лицензию на доступ к тайным удовольствиям. А соблюдение правил — манеры, этикет — очень важно для успешного ведения игры.

Сьюзен вежливо проследовала за ним к двери, где он сделал паузу, чтобы дать ей заключительные инструкции на эту ночь.

— Скажи мне, Сьюзен, что ты меня слушаешь.

— Я слушаю.

— Будь спокойной.

— Я спокойна.

— Будь послушной.

— Да.

— Зимний шторм…

— Шторм — это вы, — ответила она.

— Спрятался в рощу бамбука…

— Роща — это я.

— И понемногу утих.

— В тишине я узнаю, что должна сделать, — ответила Сьюзен.

— После того как я уйду, ты закроешь дверь кухни, запрешь все замки и подопрешь ручку стулом, как и было. Ты вернешься в постель, ляжешь, выключишь лампу и закроешь глаза. После этого ты мысленно выйдешь из часовни, в которой сейчас находишься. Когда ты закроешь за собой дверь часовни, все воспоминания о том, что произошло с того момента, когда ты подняла телефонную трубку и услышала мой голос, до тех пор, пока ты не проснешься в постели, будут стерты — каждый звук, каждый вид, каждая деталь, каждый нюанс исчезнет из твоей памяти и никогда в ней не восстановится. Затем, считая до десяти, ты поднимешься по лестнице, и, когда ты скажешь «десять», к тебе вернется полное сознание. Открыв глаза, ты будешь считать, что проснулась после освежающего сна. Если ты

поняла все, что я сказал, то, пожалуйста, скажи мне об этом.

— Я поняла.

— Доброй ночи, Сьюзен.

— Доброй ночи, — ответила она, открывая перед ним дверь.

Ариман вышел на площадку и шепнул:

— Спасибо.

— Вам всегда рады, — послышалось в ответ, и Сьюзен тихо закрыла дверь.

С моря, как армада вторжения, желающая похитить всю память о мире у тех, кто мирно спал в своих уютных домах, надвинулись галеоны[1] тяжелого тумана. Сначала они лишили мир цвета, затем деталей, а после этого принялись за объем и форму.

Из-за двери, изнутри, донесся звук цепочки безопасности, скользнувшей в гнездо.

С мягким шорохом задвинулся засов, секундой позже — второй.

Доктор улыбнулся, удовлетворенно кивнул, отхлебнул глоток пива и, чего-то ожидая, окинул взглядом лестницу. На серых резиновых ступеньках блестели капли росы — слезы на мертвом лице.

Скрипнуло дерево о металл: это Сьюзен подпирала спинкой кленового стула дверную ручку. А сейчас она должна босиком отправиться в постель.

Не прикасаясь к перилам, ловкий, как юноша, доктор Ариман спустился по крутой лестнице, на ходу поднимая воротник плаща.

Кирпичи на фронтоне намокли и казались темными, как кровь. Насколько он мог разглядеть в тумане, на променаде набережной никого не было.

Створка ворот в белой ограде скрипнула. Но в этом осевшем на землю облаке звук был приглушенным, его не уловило бы даже ухо кошки, караулящей мышь у норы.

Уходя, доктор прикрывал лицо, чтобы его нельзя было разглядеть из дома. И приходил он с такими же мерами предосторожности.

Ни раньше, ни теперь в окнах не было никакого света. Пенсионеры, арендовавшие два нижних этажа дома, вне всякого сомнения, свили себе гнезда под одеялами и спали так же безмятежно, как и их попугаи, смежившие глаза на своих жердочках в накрытых покрывалами клетках.

Однако Ариман все равно принимал разумные меры предосторожности. Он был владыкой памяти, но ведь не каждый человек был восприимчив к его омрачающей сознание мощи.

Голос прибоя, лениво накатывавшегося на берег, приглушенный туманом, воспринимался скорее не как звук, а как вибрация, был не столько слышен, сколько ощущался как дрожание холодного воздуха.

Ветви пальм висели неподвижно. Роса, сконденсировавшаяся на них, капала с каждого листа, как чистый яд с языков змей.

Ариман приостановился и посмотрел на полускрытые туманом короны пальм, внезапно почувствовав озабоченность. Но ее причина от него ускользнула. Постояв секунду-другую, озадаченный, он хлебнул еще глоток пива и пошел дальше по широкой набережной.

Его «Мерседес» стоял за два квартала от дома Сьюзен. По пути ему никто не встретился.

Стоявший под огромным индийским лавром черный седан звенел, гудел и дребезжал под осыпавшими его каплями, как расстроенный ксилофон.

Усевшись в автомобиль и вставив ключ в замок зажигания, Ариман снова замер. Он все еще ощущал беспокойство, а немелодичная музыка, которую капли воды выбивали на стали, казалось, подвела его поближе к разгадке источника тревоги. Допив пиво, он уставился на массивный навес раскинувшихся побегов лавра, как будто открытие ожидало его в сложных переплетениях ветвей.

Но открытие не совершилось, и он включил мотор и поехал по бульвару Бальбоа на

---

1 Галеон — трехмачтовое парусное судно XVI-XVIII веков для перевозки грузов между Европой и Америкой. Имел артиллерийское вооружение, отличался особо укрепленным корпусом.

запад по полуострову.

В три часа утра движения почти не было. На протяжении первых двух миль он увидел только три движущиеся автомашины; их фары в тумане были окружены нечетким ореолом. Все три были полицейскими автомобилями и безо всякой спешки направлялись ему навстречу.

Проезжая по мосту к Пасифик-Коаст-хайвей, глядя на западный канал огромной гавани, раскинувшейся справа от дороги, где в доках и у пирсов стояли яхты, напоминавшие в тумане корабли-призраки, двигаясь по дороге вдоль побережья на юг, вплоть до самой Короны-дель-Мар, он продолжал ломать голову над причиной своего беспокойства, пока не затормозил перед красным светофором и не обратил внимания на большое дерево калифорнийского перца, кружевное и изящное, возвышавшееся над невысокими каскадами алых бугенвиллей. Он вспомнил о деревце-бонсаи и развесистом плюще, скрывавшем его корни.

Бонсаи. Плющ.

Светофор переключился на зеленый.

Такими же зелеными были ее глаза, прикованные к деревцу.

Мысль доктора мчалась вскачь, но он твердо держал ногу на педали тормоза.

И лишь когда свет сменился на желтый, он наконец проехал через пустынный перекресток. Сразу же за ним он подъехал к тротуару, остановил машину, но не стал выключать двигатель.

Эксперт по вопросам природы памяти, он теперь применил свои знания для дотошного анализа собственных воспоминаний о событиях в спальне Сьюзен Джэггер.

ГЛАВА 37

Девять.

Когда Сьюзен Джэггер проснулась в темноте, то ей показалось, будто кто-то назвал эту цифру. Но тут же она с удивлением услышала, что сама сказала:

— Десять.

Вся напрягшись, она прислушалась, пытаясь уловить движение в квартире, одновременно спрашивая себя: то ли она сама произнесла эти два слова, то ли сказала «десять» в ответ на чью-то реплику.

Прошла минута, другая. Она не смогла уловить ни звука, кроме своего дыхания, а когда задержала воздух в груди, ее окружила вообще гробовая тишина. Она находилась в одиночестве.

Судя по пылающим цифрам на электронных часах, было три с небольшим часа утра. Выходит, она проспала больше двух часов.

В конце концов она села в кровати и включила лампу.

Недопитый стакан вина. Брошенная книга среди смятого постельного белья. Закрытые шторами окна, мебель — все в таком точно виде, в каком и должно быть. Деревце-бонсаи.

Она поднесла ладони к лицу и обнюхала их. Затем правое предплечье, левое…

Его запах. Безошибочно. Пот смешивается с еле уловимым ароматом его излюбленного мыла. Возможно, он пользовался также лосьоном для рук.

Насколько она могла доверять своей памяти, этот запах нисколько не подходил Эрику. И все же она пребывала в убеждении, что именно он, и никто другой, был ее слишком уж реальным привидением.

И даже без этого запаха она не могла не понять, что он побывал здесь, пока она спала. Здесь зуд, там ощущение раздражения слизистой… Легкий, похожий на нашатырь, дух его спермы.

Когда она отбросила покрывало и встала с кровати, то почувствовала, что из нее продолжает сочиться его вязкое семя, и вздрогнула всем телом.

Подойдя к тумбе, она раздвинула свисающие плети плюща и вынула скрытую под ними видеокамеру. В кассете могло оставаться не более нескольких футов неиспользованной пленки, но камера все еще продолжала запись.

Она выключила ее и вынула из футляра.

Отвращение внезапно пересилило и ее любопытство, и стремление установить истину и совершить правосудие. Она поставила видеокамеру на тумбочку у кровати и поспешила в ванную.

Порой, после того как она просыпалась и обнаруживала, что ее использовали, отвращение Сьюзен воплощалось в тошноте, и она очищала себя, будто верила, что, освободив желудок, могла вернуть часы обратно ко времени до обеда, когда до насилия оставалось еще несколько часов. Но сейчас тошнота прошла, лишь только она добралась до ванной.

Ей хотелось принять долгий и чрезвычайно горячий душ с большим количеством ароматного мыла и шампуня и энергично растереть себя мочалкой. Ей также хотелось сначала принять душ, а потом посмотреть видеозапись, потому что она чувствовала себя более грязной, чем когда-либо прежде, невыносимо грязной, как если бы ее измазали омерзительной невидимой грязью, изобилующей массами микроскопических паразитов.

Но сначала видеозапись. Истина. И только потом очищение.

Хотя Сьюзен была в состоянии отложить мытье, все же отвращение заставило ее сменить белье и подмыться. Она протерла лосьоном лицо и руки, прополоскала рот и горло мятным эликсиром.

Футболку она кинула в корзину для грязного белья, а осквернённые трусики — на ее крышку, так как совершенно не намеревалась стирать их.

Если ей удалось запечатлеть негодяя на видеозаписи, то, скорее всего, никаких иных вещественных доказательств факта насилия уже могло не потребоваться. Но тем не менее сохранить образец спермы для лабораторного анализа, пожалуй, следовало.

Ее состояние и поведение, зафиксированные лентой, без сомнения убедили бы власти, что она находилась под влиянием наркотика, была не добровольной соучастницей событий, а жертвой. Все же после обращения в полицию она будет просить, чтобы они как можно скорее взяли у нее пробу крови, пока следы препарата находятся в организме.

Как только она убедится в том, что видеокамера работала, что изображение получилось хорошим, что у нее есть неопровержимые доказательства против Эрика, она должна будет позвонить ему — до того, как обратится в полицию. Не для того, чтоб высказать ему обвинения, нет. Спросить: почему? Откуда эта злоба? Откуда это скрытое коварство? Зачем он подвергал опасности ее жизнь и разум при помощи какого-то дьявольского варева из наркотиков? Откуда такая ненависть?

Но она не может сделать этот звонок, потому что настораживать его могло оказаться опасным. Это запрещено.

Запрещено. Какая странная мысль!

Она вспомнила, что использовала это самое слово в разговоре с Марти. Возможно, это было верное слово, так как то, что Эрик делал с ней, было хуже, чем изнасилование и оскорбление, это, казалось, находилось за гранью простого беззакония, являлось не просто преступлением против личности, а почти кощунством. В конце концов, брачные клятвы священны или должны быть такими, потому эти нападения были нечестивыми, запрещенными.

Вернувшись в спальню, она надела чистую футболку и новые трусики. Мысль о том, что она будет голой смотреть это ненавистное кино, была невыносима.

Присев на край кровати, она взяла камеру и перемотала кассету.

Встроенный в камеру экран для предварительного просмотра давал изображение в три квадратных дюйма. Она увидела, как возвращается в постель, запустив ленту, спустя

несколько минут после полуночи.

Единственная лампа-ночник рядом с кроватью давала достаточное, хотя, конечно, не идеальное, освещение для видеосъемки. Поэтому качество изображения в маленьком окошке было не слишком хорошим.

Она вынула кассету из видеокамеры, вставила в видеомагнитофон и повернулась к телевизору. Взяв обеими руками пульт дистанционного управления, она села с ногами на кровать и, как зачарованная, с недобрым предчувствием впилась взглядом в экран.

Она видела, как в полночь, включив запись, возвращается к кровати, видела, как садится на кровать и выключает телевизор.

Несколько секунд она сидит в кровати, внимательно прислушиваясь к тишине в квартире. Затем, когда она тянется за книгой, раздается телефонный звонок.

Сьюзен нахмурилась. Она совершенно не помнила, чтобы ей звонили по телефону.

Она снимает трубку.

— Алло.

К сожалению, видеозапись могла показать ей телефонный разговор только с одной стороны. Из-за расстояния, отделявшего ее от видеокамеры, отдельные слова слышались нечетко, но в услышанном оказалось даже меньше смысла, чем она ожидала.

Она поспешно кладет трубку, встает с кровати и выходит из комнаты.

С того момента, когда Сьюзен начала разговор, в ее лице, движениях, во всем языке, на котором говорило ее тело, произошли непонятные и трудноуловимые перемены; она чувствовала их, но не могла сразу дать им определение. Но, несмотря на всю трудноуловимость, ей сейчас казалось, что из спальни выходила не она, а какая-то незнакомка.

Она выждала с полминуты, а потом включила ускоренную протяжку ленты, и вскоре опять заметила на ней движение.

Темные контуры фигуры в коридоре за открытой дверью спальни. Затем возвращается она. Вслед за нею из темного коридора порог переступает мужчина. Доктор Ариман.

От удивления Сьюзен лишилась дыхания. Она будто обратилась в камень, вся похолодела, перестала воспринимать записанный на ленте звук, ощущать собственное сердцебиение. Она была подобна мраморной деве, изваянной для окруженного самшитовым кустарником цветника в сердце роскошного английского сада, по ошибке оказавшейся в спальне.

Спустя несколько секунд изумление сменилось недоверием, она резко перевела дух и нажала кнопку «пауза» на пульте дистанционного управления.

В замершем изображении она сидела на краю кровати, почти так же, как и сейчас. Ариман стоял перед нею.

Она нажала «перемотку» и вывела себя и доктора обратно из комнаты. Затем снова коснулась «воспроизведения» и еще раз всмотрелась в тени, появлявшиеся из коридора, почти уверенная в том, что сейчас вслед за ней через порог переступит Эрик. Ведь доктор Ариман… Его появление здесь было просто невозможным. Он был высокоморальным. Достойным всяческого восхищения. Общепризнанным профессионалом. Полным сострадания. Искренне обеспокоенным. Это просто невозможно: здесь, вот так… Ее недоверие было, пожалуй, не меньше, чем если бы она увидела на ленте собственного отца, она была бы меньше потрясена, если бы в ее спальню вошел демон с рогами на лбу и глазами, желтыми и лучистыми, как у кошки. Но высокий, самоуверенный и безрогий, в дверь еще раз вошел Ариман, и недоверию пришлось отступить.

Он был, как всегда, представительным. Но на красивом, как у актера, лице доктора появилось выражение, которого она никогда прежде не видела. Не просто жаждущее вожделение, как можно было ожидать, хотя вожделение в нем тоже присутствовало. Не маска безумия, хотя его чеканные черты выглядели не такими, как обычно, словно их искажало какое-то все усиливающееся внутреннее давление. Изучая это лицо, Сьюзен наконец нашла определение: самодовольство.

Это не было чопорное — со сжатыми в ниточку губами, прищуренными глазами, откинутой головой самодовольство морализирующего проповедника или абстинента, заявляющего о своем презрении ко всем, кто пьет, курит и употребляет пищу с большим количеством холестерина. Нет, здесь было превосходство ухмыляющегося подростка. Миновав дверь спальни, Ариман обрел ленивую грацию, гибкие движения и дерзость школьника, полагающего, что все взрослые являются дебилами, — и горящий, страстный взгляд подростка, изнывающего от желания.

Этот преступник и тот психиатр, чей кабинет она посещала по два раза каждую неделю, были физически идентичными. Различие между ними определялось только восприятием этих двух ипостасей. И все же различие было настолько пугающим, что сердце Сьюзен заколотилось сильно и быстро.

Недоверие сменилось возмущением и ощущением предательства. Эти чувства были настолько сильны, что она выплюнула целый поток ругательств. Голос при этом был настолько не похож на ее собственный, что можно было подумать, что она страдает синдромом Туретта[1].

На ленте доктор вышел из кадра в направлении кресла.

Он приказывает ей ползти к нему, и она ползет.

Глядеть на этот отчет о ее унижении было почти непереносимо для Сьюзен, но она не нажимала «стоп», потому что это зрелище питало ее гнев, и это было именно тем, что ей сейчас было совершенно необходимо. Гнев придавал ей силы, возрождал ее после шестнадцатимесячного ощущения бессилия.

Она прокрутила ленту вперед до тех пор, пока они с доктором не вернулись в кадр. Теперь оба были голыми.

С мрачно искаженным лицом, несколько раз нажимая на кнопку быстрого прогона, она просмотрела целый ряд извращений, перемежаемых обычным сексом, который казался по сравнению с ними столь же невинным, как поцелуи подростков.

Как он мог управлять ею, как он мог изгонять такие отвратительные события из ее памяти — эти тайны казались столь же глубокими, как происхождение Вселенной и смысл жизни. Она была исполнена ощущения нереальности происходящего, словно все в мире было не таким, каким казалось на первый взгляд, а являлось сложной сценической постановкой, в которой люди были всего-навсего актерами.

Однако эта мерзость на телеэкране была реальной, столь же реальной, как и пятна на нижнем белье, которое она оставила на крышке корзины в ванной.

Оставив ленту крутиться дальше, она отвернулась от телевизора и сняла трубку телефона. Нажала две кнопки — 9 и 1, но не стала нажимать единицу вторично[2].

Если она вызовет полицейских, ей придется открыть дверь, чтобы впустить их в квартиру. Они могли бы пожелать, чтобы она отправилась с ними куда-нибудь, чтобы составить подробное заявление, или пройти в отделении «Скорой помощи» медицинское обследование на предмет насилия, что потом будет одним из важнейших доказательств в суде.

Но, хотя гнев и придал ей сил, их все равно не хватало для того, чтобы преодолеть агорафобию. Одна только мысль о том, что придется выйти наружу, вернула знакомую панику в ее сердце.

Она сделает все, что будет необходимо, пойдет туда, куда они скажут, столько раз, сколько им будет нужно. Она сделает все, что от нее потребуется для того, если это поможет засадить этого проклятого сукина сына Аримана за решетку на долгий, долгий срок.

Но и перспектива выхода наружу с посторонними людьми тоже вызывала тягостные мысли, пусть даже незнакомцы были полицейскими. Ей требовалась поддержка друга, кого-

1 Неврологическое расстройство, характеризующееся непреднамеренными движениями, в том числе многократными подергиваниями головы и иногда вербальным тиком в виде рычания, лая или словоизвержения, особенно ругательств.

2 В США — диспетчерский телефон службы оказания экстренной помощи, по которому можно вызвать полицию, «Скорую помощь», пожарных и т.п. — 911.

то, кому она полностью доверяла, потому что выход наружу был для нее почти равносилен — а может быть, и совсем равносилен — смерти.

Она набрала номер Марти и вновь услышала автоответчик. Сьюзен знала, что по ночам телефон в их спальне отключен, но один из них мог проснуться от телефонного звонка в передней и пройти в кабинет Марти хотя бы из любопытства, чтобы узнать, кто это звонит в такое невероятное время.

Услышав длинный гудок, Сьюзен сказала:

— Марти, это я. Марти, ты здесь? — Она сделала паузу. — Послушай, если ты рядом, то, ради бога, возьми трубку. — Ничего. — Это не Эрик, Марти. Это Ариман. *Это — Ариман* . Я записала ублюдка на видео. Это ублюдок — после того, как я совершила для него такую выгодную сделку, когда он покупал дом. Марти, пожалуйста, пожалуйста, позвони мне. Мне необходима помощь.

Внезапно почувствовав ком в желудке, она повесила трубку.

Сидя на краю кровати, Сьюзен стиснула зубы и прижала одну холодную руку к шее, пониже затылка, а другую — к животу. Спазм тошноты прошел.

Она взглянула на телеэкран — и тут же отвела взгляд в сторону.

Глядя на телефон, всем сердцем желая, чтобы он зазвонил, сказала она:

— Марти, ну, пожалуйста. Позвони мне. Скорее, скорее…

Вино в стакане оставалось нетронутым уже на протяжении нескольких часов. Она допила его.

Потом она выдвинула верхний ящик своей тумбочки и достала пистолет, который хранила для самообороны.

Насколько она знала, Ариман никогда не посещал ее дважды за одну ночь. Насколько она знала.

Она внезапно поняла всю нелепость того, что наговорила на автоответчик Марти: «Ублюдок — после того, как я совершила для него такую выгодную сделку, когда он покупал дом». Она продала Марку Ариману его нынешнее жилище восемнадцать месяцев назад, за два месяца до того, как у нее возникла агорафобия. Она представляла продавца, а доктор явился смотреть дом и попросил, чтобы она представляла еще и его. Она провела чертовски хорошую работу, и ей удалось соблюсти в максимальной степени интересы как покупателя, так и продавца. И все же никто, пожалуй, не стал бы рассчитывать, что если бы среди клиентов оказался маньяк-человеконенавистник, то он зарезал бы ее более нежно из-за того, что в общении с ним она проявила себя честным и порядочным риелтором.

Она начала было смеяться, подавила смех, попыталась найти убежище в вине, обнаружила, что его не осталось, и, поставив пустой стакан, взяла пистолет.

— Марти, ну, пожалуйста. Позвони! Позвони!

Телефон зазвонил.

Сьюзен отложила пистолет и схватила трубку.

— Да, — сказала она.

И, прежде чем она смогла выговорить хоть еще одно слово, мужской голос произнес:

— Бен Марко.

— Я слушаю.

ГЛАВА 38

Восстановив сновидение в памяти, Дасти теперь шел по нему, как турист по музею, неторопливо рассматривая каждый готический образ. Цапля в окне, цапля в комнате. Тихие вспышки сверкающей молнии среди невероятного — без грома и дождя — шторма. Медное дерево с мешком глюкозы вместо плода. Медитирующая Марти.

Изучая свой кошмар, Дасти все больше и больше убеждался в том, что в нем была скрыта какая-то чудовищная правда; так в самой последней коробочке из китайского набора

сидит скорпион. В этот непонятный набор входило очень много коробочек, однако многие из них было трудно открыть, и правда осталась спрятанной, готовой ужалить.

В конце концов, расстроенный, он встал с кровати и пошел в ванную. Марти спала так крепко, ее руки и ноги были так надежно связаны галстуками Дасти, что было маловероятно, что она проснется, а тем более выберется из комнаты, пока его не будет рядом с нею.

Спустя несколько минут, когда Дасти мыл руки над раковиной, его посетило озарение. Это было не внезапное осознание значения сновидения, а ответ на тот вопрос, над которым он ломал голову раньше, до того, как Марти проснулась и потребовала, чтобы он связал ее.

Поручения.

Хокку, которое декламировал Скит.

Легкий порыв -
И волны разносят
Голубые сосновые иглы.

Скит сказал, что сосновые иглы — это поручения.

Пытаясь понять смысл этой фразы, Дасти мысленно составил список синонимов к слову «поручение», но это не помогло ему. *Задача. Работа. Труд. Задание. Профессия. Ремесло. Карьера.*

Теперь, когда он струей горячей воды смывал мыло с рук, в его сознании возник еще один ряд слов. *Задание. Цель. Миссия. Инструкция. Команда.*

Дасти стоял около раковины почти так же, как Скит в ванной в «Новой жизни» держал руки под струей кипятка, и обдумывал слово *инструкция* .

Внезапно ему показалось, что тонкие волоски у него на шее стали жесткими, как натянутые струны рояля, только вместо звуковых волн от них распространялся мороз, отдававшийся вибрирующим глиссандо в каждом позвонке.

Имя *доктор Ен Ло* , когда он произнес его в разговоре со Скитом, вызвало формальный ответ: *я слушаю* . И после этого он отвечал на вопросы одними только вопросами.

— Ты знаешь, где находишься?

— А где я нахожусь?

— Значит, не знаешь?

— Ая знаю?

— Ты можешь посмотреть вокруг?

— А я могу?

— Это аттракцион Эббота и Костелло?

— Вот это?

Скит ответил на вопросы только вопросами, адресованными к нему самому, Дасти, как будто ожидал подсказки, что ему следует думать или делать, но реагировал на утверждения, как на команды, а на настоящие команды — так, словно они исходили из уст господа. Когда Дасти, расстроенный, сказал: «Ах, поспи немного и дай мне передохнуть!» — его брат сразу же оказался в сонном забытьи.

Скит сказал о хокку, что это «правила», и Дасти позднее решил, что эти стихи — своеобразный механизм, простое устройство с мощным действием, вербальный эквивалент спускового крючка, хотя, в общем-то, не понимал, что он имеет в виду.

Теперь же, продолжая изучать возможные ответвления от слова «инструкция», он понял, что хокку лучше воспринимать не в качестве механизма, не в качестве устройства, а в качестве операционной системы компьютера, программного обеспечения, которое позволяет вводить команды, понимать их и сопровождать их выполнение.

И какой же, черт побери, вывод можно с помощью дедукции сделать из гипотезы «хокку как программное обеспечение»? Что Скит был… запрограммирован?

Когда Дасти выключал воду, ему послышался слабый звонок телефона.

Воздев, как хирург, готовящийся к операции, руки, с которых капала вода, он вышел из

ванной в спальню и прислушался. В доме было тихо.

Если им звонили, то после второго гудка абонент должен был услышать голос автоответчика, установленного в кабинете Марти.

Вероятнее всего, что звонок ему померещился. Никто и никогда не звонил им в этот час. Однако это следует проверить, прежде чем ложиться в кровать.

Вернувшись в ванную и вытирая руки полотенцем, он снова и снова мысленно прокручивал слово «запрограммирован», рассматривая все его возможные вариации.

Глядя в зеркало, Дасти видел не свое отражение, а воспроизведение странных событий, происходивших в комнате Скита в клинике «Новая жизнь».

Затем его память вернулась еще дальше, во вчерашнее утро, на крышу дома Соренсона.

Скит утверждал, что видел Другую Сторону. Ангел смерти показал ему, что ожидает за пределами этого мира, и Малышу понравилось то, что он увидел. Потом ангел проинструктировал его спрыгнуть. Скит именно так и сказал: «Проинструктировал».

Ледяное глиссандо вновь прокатилось по позвоночному столбу Дасти. Еще одна из китайских коробок была открыта, и в нее оказалась вложена другая коробка. Каждая коробка меньше предыдущей. Возможно, не так уж много слоев головоломки оставалось снять. Он почти физически слышал шуршание скорпиона: звук отвратительной правды, дожидающейся, когда будет поднята последняя крышка для того, чтобы ужалить.

ГЛАВА 39

Мягкий шорох прибоя, густая пелена тумана скрывали его возвращение.

Роса на серых ступенях. По второй ползет улитка. Ее панцирь чуть слышно хрустит под башмаком.

Всходя по лестнице, доктор шептал в свой сотовый телефон:

— Зимний шторм…

— Шторм — это вы, — ответила Сьюзен Джэггер.

— Спрятался в рощу бамбука…

— Роща — это я.

— И понемногу утих.

— В тишине я узнаю, что должна сделать.

Шагнув на площадку перед дверью, он приказал:

— Впусти меня.

— Да.

— Побыстрее, — добавил Ариман, выключил телефон, убрал его в карман и окинул тревожным взглядом пустынную набережную.

Неподвижно свешивавшиеся лапы пальмовых ветвей напоминали в тумане холодный темный фейерверк.

Раздался негромкий стук и поскрипывание: стул, подпиравший дверную ручку, был изгнан со своего места. Первый засов. Второй. Погромыхивание снимаемой цепочки.

Сьюзен приветствовала его скромно, без слов, но с покорным полупоклоном, напоминавшим движения японских гейш. Ариман переступил порог.

Он подождал, пока она закрывала за ним дверь и задвигала один из засовов, а потом приказал проводить его в ее спальню. Когда они шли через кухню, столовую, гостиную и по короткому коридору в спальню, он сказал:

— Мне кажется, что ты была плохой девочкой, Сьюзен. Я не знаю, как ты смогла затеять что-то против меня, как это вообще смогло прийти к тебе в голову, но я совершенно уверен, что ты что-то сделала.

Во время первого из его сегодняшних посещений, каждый раз, отводя от него взгляд, она смотрела на стоявшее в углу маленькое деревце. И каждый раз перед тем, как ее неподвижный взгляд упирался в растение, Ариман упоминал или о видеозаписи, которую

уже сделал, или о ленте, которую намеревался записать при своем следующем визите. Когда она показалась чрезмерно напряженной и взволнованной, он велел ей назвать причину беспокойства, и когда она кратко сказала: «Видео», он сделал очевидный вывод. Очевидный и, возможно, неверный. Его подозрение было пробуждено, едва ли не слишком поздно, тем фактом, что она *каждый раз* смотрела на деревце-бонсаи; не на пол, как можно было бы ожидать от человека, сломленного чувством стыда, не на кровать, где происходили столь многие ее унижения, но всегда на маленькое деревце в шарообразной бронзовой вазе.

И теперь, войдя в спальню, он потребовал:

— Я хочу видеть, что находится в этой вазе, под плющом.

Она послушно направилась к бидермейеровской тумбе, но тут доктор увидел изображение на экране телевизора и резко остановился.

— Будь я проклят! — воскликнул он.

И он был бы на самом деле проклят, если не смог уловить причину своей тревоги, если бы в конце концов приехал домой и улегся спать, вместо того чтобы возвратиться сюда.

— Подойди ко мне! — приказал он.

Когда Сьюзен приблизилась, доктор стиснул кулаки. Ему хотелось изуродовать ее прекрасное лицо.

Девчонки. Все они одинаковы.

В детские годы он не видел в них никакого толку, ему совершенно не хотелось иметь с ними дела. Девчонки утомляли его всеми своими нехитрыми уловками. Самым лучшим в них было то, что он без труда мог заставить их плакать — проливать красивые соленые слезы, — но в этих случаях они всегда бежали к матерям или отцам жаловаться. Ему удавалось опровергать их истерические обвинения: взрослые, как правило, находили его очаровательным и верили ему. Но достаточно скоро он понял, что ему нужно научиться осмотрительности и не позволять стремлению вызывать и видеть слезы управлять его действиями наподобие того, как тяга к кокаину руководила поступками множества людей в голливудской толпе, среди которой трудился и его отец.

Позднее, подхлестываемый гормонами, он обнаружил, что девчонки нужны ему не только ради их слез. Он также узнал, насколько легко такой красивый парень, как он, может разыгрывать спектакли, благодаря которым девичьи сердца оказываются в его власти. Это позволяло выжать из них куда больше слез при помощи расчетливого проведения романа и измены, чем в детстве — валяя их в грязи, используя щипки, удары и таскание за волосы и уши.

Однако десятилетия, в течение которых он причинял им эмоциональные муки, не сделали их для Аримана более привлекательными, чем они были в то время, когда дошкольником он засовывал гусениц им за воротники. Девчонки все же раздражали его сильнее, чем зачаровывали, ублажив любую из них, он оказывался разбитым, больным, и то, что они притягивали его, словно окутывали чарами, лишь заставляло доктора обижаться на них еще больше. Хуже того, простых сексуальных удовольствий для них никогда не было достаточно: каждая хотела заполучить отца для своего ребенка. При мысли о том, чтобы стать хоть чьим-нибудь отцом, в теле Аримана начинал бурлить костный мозг. Однажды он чуть не попал в эту западню, но судьба уберегла его. Детям нельзя было доверять. Они находились внутри твоей несокрушимой крепости и были в состоянии убить тебя и украсть твое богатство, когда ты меньше всего этого ожидаешь. Доктору было известно все о таких предательствах. А если родится дочь, то мать и ребенок, конечно, сговорятся и будут постоянно совместным фронтом выступать против тебя во всем. С точки зрения доктора, все остальные мужчины принадлежали к другой породе, более низкой, чем его собственная. А девчонки являлись не просто особой породой, а иной разновидностью живых существ, девчонки были чуждыми и принципиально непостижимыми.

Когда Сьюзен остановилась перед ним, доктор поднял кулак. Она, казалось, не испытывала ни малейшего страха. Впрочем, так оно и было. Ее индивидуальность в данный момент была так глубоко подавлена, что она была не в состоянии выказать какую-либо

эмоцию, пока не получит указания это сделать.

— Я разобью тебе лицо.

Хотя Ариман слышал в своем голосе ребяческую раздражительность, это нисколько не беспокоило его. Доктор достаточно хорошо знал себя, чтобы понять, что в ходе этих игр с управлением чужими личностями он сам испытывает регрессивные изменения индивидуальности, спускаясь по лестнице лет. Этот спуск ни в коей мере не мог повредить ему, он даже был совершенно необходим для того, чтобы насладиться происходящим во всех его нюансах. Как взрослый, много проживший и видевший человек, он был почти пресыщен, но как мальчишка все еще обладал восхитительно незрелым ощущением удивления, все еще приходил в восторженный трепет от каждого нового проявления своей злонамеренной власти.

— Я просто должен разбить твое дурацкое лицо, так разбить, чтобы ты навсегда осталась уродиной.

Полностью скованная его заклятьем, Сьюзен оставалась безмятежной. Несколько секунд ее открытые зеленые глаза бессмысленно дергались в быстром сне, но это никак не было связано с угрозой.

Но сейчас были совершенно необходимы осмотрительность и сдержанность. Ариман не мог себе позволить осмелиться ударить ее. Если смерть будет должным образом организована, то маловероятно, что ее смогут счесть убийством и начать расследование. А если на трупе окажутся синяки и ушибы, то в самоубийство могут и не поверить.

— Я больше не люблю тебя, Сьюзи. Совсем не люблю тебя.

Она молчала, потому что не получила указания, что нужно сказать.

— Я предполагаю, что ты еще не звонила в полицию. Скажи мне, если это так.

— Это так.

— Ты говорила с кем-нибудь о той видеозаписи, которую показывает телевизор?

— Я говорила?

Напомнив себе, что ее ответ не был проявлением неповиновения, что именно так она была запрограммирована отвечать на вопросы, когда находилась в тайной часовне своего сознания, доктор опустил кулак и медленно разжал его.

— Скажи мне — да или нет, — говорила ли ты с кем-нибудь о той видеозаписи, которую показывает телевизор.

— Нет.

Сдержав вздох облегчения, он взял ее за руку и подвел к кровати.

— Садись, девочка.

Она села на край кровати, колени сжаты, руки спокойно лежат на коленях.

В течение нескольких минут доктор допрашивал ее, так и сяк меняя свои вопросы, которые формулировал как утверждения или команды, пока не понял, зачем она устроила западню с видеокамерой. Она искала улики против Эрика, а не против своего психиатра.

Хотя ее память вычищалась каждый раз после посещений Аримана, Сьюзен была уверена в том, что подвергается сексуальному насилию. Это и не могло быть иначе, если бы, конечно, доктор не брал губку и не обтирал ее от каждой выделенной им капли пота и страсти. Сьюзен стремилась найти конкретные свидетельства, которые подтвердили бы ее подозрения. Ариман предпочитал не оставлять ей указаний по поводу приведения себя в порядок после сношений, так как это уменьшило бы острое ощущение его властной мощи и могло поставить под угрозу сладкую иллюзию абсолютности его контроля над объектом. И драка за кусок хлеба, и кровавое убийство доставят не слишком много удовольствия, если после них потребуется вымыть шваброй стены и пол.

В конце концов он же авантюрист, а не домохозяйка.

Он владел массой методов, которые могли смягчить или направить в сторону подозрения Сьюзен. С одной стороны, он мог внушить ей, чтобы после пробуждения она просто игнорировала все признаки того, что она была с кем-то в сексуальной близости, не замечать даже самых очевидных ее признаков.

В более игривом настроении доктор мог внедрить в нее мысль о том, что ее навещает желтоглазый обитатель огнистых глубин преисподней, выбравший ее для того, чтобы подарить миру Антихриста. Для этого было достаточно заставить женщину вспомнить своего зловещего ночного любовника — его тело, покрытое грубой кожей, серный дым, валящий из ноздрей при дыхании, раздвоенный черный язык. Он был способен в буквальном смысле обратить ее жизнь в ад.

Ариману уже приходилось разыгрывать подобные штуки с другими. Играя на струнах суеверия, он стимулировал развитие серьезных случаев демонофобии — страха перед демонами и чертями, — которые разрушали жизни его пациентов. Этот спорт чрезвычайно заинтересовал его, но лишь на некоторое время. Эта фобия могла оказываться более вредоносной, чем иные, и часто стремительно приводила к полноценному хроническому психическому заболеванию и истинному безумию. И в конце концов Ариман счел, что это далеко не удовлетворительно, так как слезы безумных, обреченных на страдания, не так подбадривали, как слезы нормальных женщин, которые все еще питали надежду на восстановление своего психического здоровья.

Рассмотрев множество других вариантов, доктор решил направить подозрение Сьюзен на оставившего ее мужа. Для этой игры, которая проходила в настоящее время, Ариман мысленно составил особенно кровавый и запутанный сценарий. Как предполагалось, она должна была закончиться взрывом насилия, который станет сенсацией общенационального масштаба. Доктор никак не мог остановиться на точном плане, в котором Эрик мог сыграть роль или очевидного преступника, или жертвы.

Заставив Сьюзен сосредоточить подозрения на Эрике, а потом запретив ей высказывать его, Ариман создал мощную пружину, управлявшую психологическим напряжением. Неделя за неделей пружина сжималась все туже, и в конце концов у Сьюзен с трудом хватало сил сдерживать скрытую в ней колоссальную эмоциональную энергию. И вследствие этого, отчаявшись избавиться от этого напряжения, она принялась искать доказательства вины покинувшего ее мужа, неоспоримые доказательства, с которыми она могла бы обратиться в полицию и тем самым избежать запрещенного личного объяснения с Эриком.

В обычном случае такая ситуация не возникла бы, потому что доктор никогда не забавлялся ни с кем так долго, как со Сьюзен Джэггер. Помилуй бог, он начал давать ей наркотики и приводить в нужное состояние еще полтора года тому назад, и она являлась его пациенткой в течение шестнадцати месяцев. Обычно игра надоедала ему через шесть месяцев, иногда уже через два или три. Тогда он или вылечивал пациента, устраняя ту фобию или навязчивую идею, которую внушал ему на подготовительном этапе, таким образом подтверждая свою и без того блестящую репутацию врача, или же выдумывал смерть, достаточно красочную для того, чтобы удовлетворить столь искушенного игрока, как он. Околдованный необыкновенной красотой Сьюзен, он развлекался с ней чересчур долго, позволив ее напряжению нарастать до тех пор, пока оно не вынудило объект совершить опасное для игрока действие.

Девчонки. Они всегда приносят неприятности, рано или поздно.

Поднявшись с кровати, Ариман приказал Сьюзен тоже встать. Она повиновалась.

— Ты испортила всю мою игру, — сказал он. Теперь женщина по-настоящему раздражала его. — И я должен придумать для нее новый финал.

Он мог допросить ее, чтобы выяснить, когда мысль о видеокамере впервые пришла ей в голову, а затем дойти от того момента до настоящего времени, удалив все связанные с этим действием воспоминания. Однако в этом случае она могла бы обнаружить странные провалы в памяти о недавнем прошлом. Он мог относительно легко стереть целый участок из памяти объекта, а затем заполнить промежуток ложными воспоминаниями, которые, несмотря на то что были написаны крупными мазками и лишены деталей, казались бы совершенно убедительными. По сравнению с этим методом гораздо труднее было ловко изъять одну-единственную ниточку из широкого полотна памяти — примерно так же, как выделить тоненькую прослойку жира из куска филе-миньон, оставив при этом мясо неповрежденным.

Он мог исправить ситуацию и изъять из памяти Сьюзен любые мысли и намеки на то, что он был ее мучителем, но у него не было ни времени, ни энергии, ни терпения на такую работу.

— Сьюзен, скажи мне, где у тебя ближе всего лежат блокнот и ручка.

— Около кровати.

— Возьми их, пожалуйста.

Обойдя следом за ней кровать, он заметил, что на тумбочке лежит пистолет.

Сьюзен, казалось, не проявляла никакого интереса к оружию. Она открыла ящик тумбочки и вынула оттуда шариковую ручку и линованный блокнот наподобие тех, какими пользуются стенографистки. На каждой странице у корешка была напечатана ее фотография, а также эмблема и телефонные номера компании по продаже недвижимости, в которой она работала до того, как агорафобия прервала ее карьеру.

— Убери пушку, пожалуйста, — мягким тоном приказал Ариман, хотя нисколько не опасался, что она обратит оружие против него.

Она положила пистолет в ящик, задвинула его и, повернувшись к Ариману, протянула ему ручку и блокнот.

— Возьми их с собой, — сказал доктор.

— Куда?

— Иди за мной.

Вслед за Ариманом она прошла в столовую. Там он велел ей включить люстру и сесть за стол.

ГЛАВА 40

Все так же глядя в зеркало ванной, в очередной раз воспроизводя в памяти свою беседу со Скитом, состоявшуюся на крыше, пытаясь расположить в должном порядке детали, которые могли бы придать достоверность невероятной теории о том, что его брат был запрограммирован, Дасти понял, что со сном на эту ночь покончено. В мозгу, как москиты, роились вопросы, и их укусы разгоняли сон куда сильнее, чем большая чашка горячего черного кофе, уваренного до густоты патоки.

Кто мог запрограммировать Скита? Когда? Каким образом? Где? Для каких будущих целей? И почему из всех миллионов людей выбрали именно Скита, человека, который сам считает себя кретином, наркоманом, безропотным неудачником (и все это так и есть)?

Все это очень отчетливо попахивало паранойей. Возможно, эта бредовая теория имела бы смысл в мире разговоров о паранормальных явлениях, в котором обитал во время работы — да, пожалуй, и в остальное время, когда не спал, — Пустяк Ньютон, в той несуществующей, но заботливо пестуемой Америке, где коварные инопланетяне деловито совокупляются с несчастными человеческими женщинами, где существа из иных измерений несли ответственность как за глобальное потепление, так и за возмутительно низкие проценты, начисляемые владельцам кредитных карт, где президент Соединенных Штатов был тайно заменен двойником-андроидом, собранным на заводах Билли Гейтса, где Элвис Пресли не умер, а живет на секретной космической суперстанции, построенной Уолтом Диснеем, и работой которой он продолжает руководить и сейчас; вернее, не он сам, а его мозг, пересаженный в донорское тело, известное нам под именем звезды рэпа и титана кинематографа Уилла Смита. А вот здесь мысль о запрограммированном Ските не имела смысла — здесь, в реальном мире, где Элвис был окончательно и бесповоротно мертв, где Дисней был тоже мертв, а самое близкое отношение к сексуально озабоченным инопланетянам имела эмблема с надписью «Звездный путь» на упаковках «виагры».

Дасти сам посмеялся бы над своей головоломной теорией… если бы только Скит не сказал ему, что был «проинструктирован» прыгнуть вниз головой с крыши дома Соренсона, если бы только Малыш не впал в тот жуткий транс в клинике «Новая жизнь», если бы только у каждого из них — Скита, Марти и самого Дасти — в течение дня не пропадало несколько

отрезков времени, если бы их жизни не рушились с такой поразительно странной синхронностью и непреодолимостью природного катаклизма, какую можно увидеть, разве что наблюдая за многосерийными похождениями трагических Даны Скалли и Фокса Малдера. Если смех был долларами, хихиканье — четвертаками, а улыбки — пенни, Дасти за эти минуты успел бы превратиться в нищего.

Элвис, тебе не одиноко нынче ночью там, на орбите?

Уверенный в том, что бессонница привязалась к нему до конца ночи, он решил побриться и принять душ, пока Марти пребывала в лекарственном сне. Если она, проснувшись, вновь окажется охваченной той же гротескной боязнью себя, то, конечно, не захочет, чтобы муж выпускал ее из поля зрения, так как наверняка будет опасаться, что каким-то образом вывернется из узлов и приблизится к нему с намерением убить.

Спустя несколько минут гладко выбритый Дасти выключил электрическую бритву, и тут до него донеслись из спальни приглушенные испуганные крики.

Когда он подбежал к Марти, та уже опять спала, всхлипывая во сне. Но безмятежности уже не было. Все ее тело напряглось; она бормотала:

— Нет, нет, нет, нет.

Вырванный из мира собачьих грез, несомненно наполненного теннисными мячами и мисками с мясом и сосисками, Валет поднял голову и неторопливо зевнул, широко раскрыв пасть и продемонстрировав великолепные зубы, которыми мог бы гордиться и крокодил. Но пес не рычал.

Марти мотала головой на подушке, гримасничала и негромко стонала. Она была похожа на больного малярией, мечущегося в горячечном бреду. Дасти вытер ее вспотевший лоб салфеткой, убрал упавшие на лицо волосы, взял обеими ладонями ее связанные элегантным галстуком руки и держал их до тех пор, пока она не затихла.

Какой кошмар ужаснул ее? Тот, который уже неоднократно мучил ее на протяжении последнего полугодия, где появлялась неуклюжая фигура, сложенная из опавших листьев? Или ей явился новый призрак, тот самый, который разбудил ее несколько часов назад и заставил зажимать рот, сдерживая позывы к рвоте?

Когда Марти вновь погрузилась в спокойный сон, Дасти задумался над новым вопросом: не мог ли ее повторяющийся сон о Человеке-из-Листьев быть столь же значащим, каким ему показалось его столкновение с цаплей, сопровождаемой молниями.

Она описала ему свой кошмар несколько месяцев назад, после второго или третьего раза, когда ей пришлось страдать от него. Теперь он извлек это описание из своих неисчерпаемых хранилищ памяти и исследовал так, словно видел это зрелище сам ее глазами.

Хотя на первый взгляд их сновидения не имели между собой ничего общего, анализ выявил в них тревожащее сходство.

Все это скорее озадачило Дасти, нежели что-нибудь прояснило. Он углубился в исследование точек совпадения, имеющихся в этих двух кошмарах.

«Видел ли Скит сны в последнее время?» — подумал он.

Все так же лежа на своей овчинной подушке, Валет шумно выдохнул носом; такое квазичихание он проделывал для того, чтобы прочистить нос перед тем, как отправиться искать следы кроликов во время утренней прогулки. А на этот раз, когда поблизости не было никаких кроликов, это фырканье, казалось, выражало его скептическое отношение к вновь возникшей навязчивой идее его хозяина — той, что была связана с ночными кошмарами

— В этом что-то есть, — пробормотал Дасти в ответ.

Валет снова чихнул.

ГЛАВА 41

Беспокойно вышагивая по комнате, Ариман составил чудесный трогательный текст

предсмертного письма, а Сьюзен под его диктовку записала его своим изящным почерком. Он точно знал, что следует включить в текст, а чего не нужно упоминать, чтобы убедить даже самого въедливого полицейского детектива в том, что письмо подлинное.

Анализ почерка, конечно, сам по себе не оставил бы никакого места для сомнений, но доктор в таких вопросах был очень дотошным человеком.

Нет, составить текст в таких обстоятельствах было вовсе нелегко. Во рту у него было кисло от недавно выпитого пива. Он устал донельзя, в глазах жгло, под веки, казалось, набился песок, спать хотелось так, что мысли путались. Все это заставляло его по нескольку раз мысленно исследовать каждую фразу, прежде чем продиктовать ее.

К тому же его отвлекала сама Сьюзен. Возможно, потому что ему никогда больше не придется обладать ею, она казалась еще красивее, чем в любой из предыдущих моментов их отношений. Великолепные золотые волосы. Ярко-зеленые, искрящиеся, как у цыганки, глаза. Жаль, что эта игрушка сломалась.

Нет. Все дело в паршивом хокку. Очень ограниченном. В нем было шестнадцать слогов, и в идеальном случае оно позволяло получить пятьсот десять степеней свободы, то есть вариантов поведения, но этим все исчерпывалось.

Ему удавалось иногда составить вполне приличное стихотворение, например, об улитке на ступеньке лестницы, хрустнувшей под подошвой ботинка, или чем-нибудь еще столь же отвлеченном, но когда дело доходило до строк, предназначенных для того, чтобы приковать к себе взгляд, подчинить настроение, овладеть индивидуальностью девчонки, любой девчонки, он испытывал серьезные затруднения.

Что же не удалось в этом его паршивом хокку? Она *была* сломана, эта некогда прекрасная игрушка. Несмотря на то что внешне она выглядела все еще великолепно, она была непоправимо повреждена, и он не мог просто восстановить ее с помощью нескольких капель клея, как он поступил бы с пластмассовой статуэткой из классического марксовского набора вроде комплектов «Родео на ранчо Роя Роджерса» или «Космическая академия Тома Корбетта».

Девчонки. На них нельзя полагаться, они всегда подводят.

Исполненный странного сочетания сентиментальной тоски и угрюмого негодования, Ариман закончил сочинение предсмертного письма самоубийцы. Теперь он стоял над Сьюзен, наблюдая, как она подписывает внизу свое имя.

Руки с длинными тонкими пальцами. Изящный росчерк авторучки. Последние слова без надрыва.

Вот дерьмо.

Оставив пока что блокнот на столе, доктор отвел Сьюзен в кухню. По его команде она достала запасной ключ от квартиры из встроенного секретера, за которым сидела, когда составляла списки для покупки продуктов и меню на несколько дней вперед. У Аримана уже был один ключ, но сегодня он не взял его с собой. Положив его в карман, он в сопровождении Сьюзен вернулся в спальню.

Телевизор продолжал показывать сделанную Сьюзен видеозапись. По указанию Аримана женщина взяла пульт дистанционного управления и остановила пленку. Потом она вынула ее из видеомагнитофона и положила на тумбочку рядом с пустым бокалом.

— Скажи мне, где ты обычно хранишь видеокамеру.

Глаза Сьюзен задергались. Когда ее взгляд вновь сфокусировался, она указала на шкаф:

— В коробке на верхней полке.

— Пожалуйста, упакуй ее и убери на место.

Чтобы выполнить приказ, ей пришлось принести из кухни скамеечку.

Затем он велел принести из ванной полотенце и протереть крышку тумбочки, спинку кровати и все остальное, до чего он мог случайно дотронуться, пока находился в спальне. Он внимательно следил, чтобы Сьюзен все сделала правильно и ничего не пропустила.

Поскольку Ариман всегда соблюдал осторожность, стараясь как можно меньше прикасаться к гладким поверхностям в квартире, то он не слишком беспокоился, что

отпечатки его пальцев могут оказаться где-то, кроме спальни и ванной Сьюзен. И когда она закончила протирать в спальне, он минут десять стоял в дверях ванной, взирая на то, как она полирует плитки на стенах, стакан, бронзовые и фаянсовые детали.

Выполнив задачу, она идеально ровно свернула полотенце втрое и повесила его на сверкающую бронзовую вешалку рядом с другим полотенцем, которое было свернуто и висело точно так же. Доктор оценил ее аккуратность.

Увидев свернутые белые трусики на крышке корзины, он чуть не приказал ей бросить их вместе с другим бельем, предназначенным для стирки, но инстинкт подтолкнул его спросить, почему они вдруг оказались отдельно от прочего белья. Когда же он узнал, что они были отложены как вещественное доказательство для предъявления полиции, то был потрясен.

Девчонки. Криводушие. Хитрость. Сколько раз, пока доктор был еще мальчиком, девчонки провоцировали его спихнуть их с лестницы в подъезде или запихнуть в колючий розовый куст, после чего всегда бежали к близким взрослым, жалуясь, что он сам на них напал, что все это — его подлость. Здесь, сейчас, спустя десятилетия, они дошли до самого настоящего предательства.

Он мог несколькими словами заставить ее выстирать трусы в раковине, но решил, что благоразумие требует забрать их с собой, уходя, вообще удалить их из квартиры.

Доктор, конечно, не являлся специалистом в области последних достижений криминалистики в расследовании убийств, но был с полным основанием уверен в том, что скрытые отпечатки пальцев на человеческой коже сохраняются всего лишь в течение нескольких часов, а то и того меньше. Их можно обнаружить с помощью лазеров и другого сложного оборудования, но он знал, что для этого достаточно эффективно используются и более простые процедуры. Специальные эластичные пластинки или неэкспонированная полароидная фотопленка, тщательно прижатые к коже, зафиксируют на себе предательский отпечаток. Если потом посыпать пластинку или пленку особым черным порошком и сфотографировать, то на полученной фотографии обнаружатся достаточно четкие дактилоскопические отпечатки. Магнитный порошок в сочетании со специальной щеткой позволяет обнаружить мелкие подкожные кровоизлияния, например, от щипков, а метод с использованием йодистого серебра годится, если под рукой имеются устройство для окуривания и старомодная серебросодержащая фотобумага.

Он рассчитывал, что тело Сьюзен будет найдено не раньше, чем через пять или шесть часов, а возможно, и намного позже. К тому времени ранние стадии разложения должны будут уничтожить все скрытые отпечатки на ее коже.

Однако он прикасался практически к каждому дюйму ее тела — и часто. Чтобы выходить победителем из таких игр, нужно играть энергично, с энтузиазмом, но при этом до малейших тонкостей знать правила и обладать стратегическим талантом.

Он предложил — приказал — Сьюзен принять горячую ванну. Затем он шаг за шагом проведет ее через оставшиеся минуты жизни.

Пока ванна наполнялась, она вынула из одного из ящиков безопасную бритву. Обычно она подбривала ею ноги, но сейчас бритве предстояло сыграть более серьезную роль.

Сьюзен раскрутила станок, вынула одностороннее лезвие и положила его на плоский край ванны. Потом она разделась. Обнаженная, она совсем не казалась сломанной, и Ариман даже пожалел, что не может сохранить ее. Ожидая дальнейших инструкций, Сьюзен стояла около ванны, глядя на бьющую из крана струю воды. Изучая отражение женщины в зеркале, Ариман гордился ее спокойствием. Умом она понимала, что скоро будет мертва, но из-за превосходной работы, которую он проделал с нею, она была лишена возможности проявить адекватную и непосредственную эмоциональную реакцию, пока ее индивидуальность пребывала в состоянии полного подчинения посторонней воле.

Доктор сожалел о том, что неизбежно наступало время, когда ему приходилось отказаться от каждого из своих приобретений и позволять ему идти путем, предписанным всей плоти.

Ему было жаль, что он не может сохранить каждое из них в отличном состоянии и отвести несколько комнат в своем доме под их коллекцию, где их можно было бы демонстрировать, как сейчас он делает со своими настоящими и игрушечными автомобилями, фигурными копилками, комплектами человечков и животных и прочими объектами своих увлечений коллекционера. Насколько изумительно было бы пройтись при случае среди этих женщин и мужчин, которые на протяжении многих лет были его орудиями и его компаньонами. У него был отличный набор для гравирования, и он мог любовно изготовить медные пластинки, на которых были бы записаны их имена, статистические данные и даты приобретения — как он делал для экспонатов других своих собраний. Его видеозаписи представляли собой великолепные сувениры, но все движение на них осуществлялось в двух измерениях и не могло дать ни глубины, ни тем более осязательного удовлетворения, которое могли бы обеспечить физически сохраненные игрушки.

Проблема заключалась в разложении. Доктор был взыскательным человеком, который никогда не стал бы добавлять ни одного экспоната к своим коллекциям, если он находится не в идеальном состоянии — прямо из-под штампа, как говорят нумизматы. А просто хорошо сохранившийся экземпляр — не для него. И поскольку ни один из известных методов сохранения, начиная с мумификации и кончая современными способами бальзамирования, не мог удовлетворить его высокие требования, он и дальше будет вынужден по необходимости прибегать к своим видеозаписям, когда его одолеют ностальгические или сентиментальные настроения.

И теперь он отправил Сьюзен в столовую, чтобы она принесла блокнот, в котором было записано ее последнее «прости» жизни. Вернувшись, женщина положила блокнот на свежепротертую крышку туалетного столика, стоявшего рядом с раковиной. Там его и найдут одновременно с ее трупом.

Ванна была готова. Она выключила оба крана. Добавила в воду ароматическую соль.

Доктор был удивлен, так как такого указания он ей не давал. Очевидно, она всегда поступала так перед тем, как войти, в ванну, и это действие было, по существу, проявлением условного рефлекса, для которого не требовалось никакого сознательного размышления. Интересно.

Колеблющиеся струйки пара, поднимавшиеся от воды, теперь благоухали слабым ароматом роз.

Присев на опущенную крышку унитаза, внимательно следя за тем, чтобы не коснуться ничего руками, Ариман приказал Сьюзен войти в ванну, сесть и вымыться со всей возможной тщательностью. После этого можно будет забыть о лазере, всяческих пластинках, щетках, парах серебра и прочем — ничто уже не сможет обнаружить на коже трупа предательских отпечатков его пальцев. Он рассчитывал также, что вода смоет и растворит всю его сперму.

Конечно, не могло быть никакого сомнения в том, что и в спальне, и в каких-то других местах квартиры оставались его волосы и волокна от его одежды, которые можно обнаружить с помощью полицейского пылесоса, специально предназначенного для этих целей. Но если не будет хороших отпечатков пальцев или других прямых улик, которые могли бы позволить присоединить его к списку подозреваемых, то полицейские никак не смогут установить, что эти мелочи имеют отношение к нему.

А самое главное, он принял необходимые меры для того, чтобы представить полиции убедительный текст, в котором изложены веские мотивы самоубийства, так что вряд ли у детективов возникнет хоть какое-то подозрение на убийство.

Ариман с удовольствием посмотрел бы подольше, как Сьюзен купается, так как выглядела она при этом очаровательно, однако он устал и хотел спать. Кроме того, ему хотелось покинуть квартиру задолго до рассвета, когда вероятность встречи со случайными свидетелями была меньше всего.

— Сьюзен, возьми, пожалуйста, лезвие.

Она не сразу смогла ухватить стальное лезвие, прилипшее к влажной поверхности ванны. Но через секунду-другую все же подцепила тонкую металлическую пластинку и

зажала ее между большим и указательным пальцами правой руки.

Доктор предпочитал выразительные виды смерти. Он был человеком искушенным, и его давно уже нисколько не волновали ни чашка с отравленным чаем, ни простая веревочная петля, ни, как в этом случае, разрез в одной или двух лучевых артериях. По-настоящему позабавиться можно было, глядя на применение дробовиков, крупнокалиберных пистолетов, топоров, цепных пил, взрывчатки…

Его заинтересовал ее пистолет. Но выстрел разбудил бы живущих внизу пенсионеров, даже если они перед сном, как обычно, вволю напились мартини.

Разочарованный, но твердо решивший не поддаваться своей постоянной тяге к театральности, Ариман объяснил Сьюзен, как правильно держать лезвие, где точно сделать надрез на левом запястье и с какой силой нажимать на лезвие. Перед тем как сделать смертоносный разрез, она легким движением провела губительной пластинкой по коже один раз, другой, словно пребывала в нерешительности, — такие повреждения полиция сочтет дополнительным подтверждением самоубийства, больше половины самоубийц, выбиравших этот способ смерти, долго колебались и оставляли на своих телах неглубокие отметины, прежде чем сделать решающий надрез. Затем без выражения на лице, с одним лишь чистым зеленым блеском прекрасных глаз она нанесла себе третью рану, намного глубже, чем первые две.

Конечно, вскрывая лучевую артерию, Сьюзен не могла не травмировать сухожилия и потому была не в состоянии держать лезвие в левой руке так же твердо, как и в правой. Рана на ее правом запястье была мельче и кровоточила не так сильно, как на левой, но и это должно совпасть с привычными впечатлениями полицейских.

Она выпустила лезвие. Погрузила руки в воду.

— Спасибо, — сказал он.

— Вам всегда рады.

Доктор вместе с нею дожидался конца. Он мог уйти, уверенный в том, что в этом покорном состоянии, даже без его руководства, она будет спокойно сидеть в ванне, пока не умрет. Однако в этой игре судьба уже преподнесла ему пару удивительных сюрпризов, и он намеревался застраховаться от чего-либо подобного.

Над водой теперь поднималось гораздо меньше пара, и к запаху розового масла примешивался новый, совсем иной аромат.

Сожалея о недостаточном драматизме происходящего, Ариман подумал, не стоит ли вывести сознание Сьюзен из потайной часовни, где оно было сейчас заперто, и провести на ступеньку-другую вверх, ближе к полноценному рассудку. Так она смогла бы лучше оценить тяжесть своего положения. Однако, хотя он мог управлять ею и на более высоких уровнях сознания, все равно оставался небольшой, но вполне реальный шанс, что она издаст непреднамеренный крик ужаса или отчаяния, который окажется достаточно громким для того, чтобы разбудить и пенсионеров, и попугаев внизу.

Он ждал.

Вода в ванне, остывая, становилась темнее, хотя тот цвет, которым ее одарила Сьюзен, сам по себе казался раскаленным.

Женщина сидела в полной тишине, проявляя не больше эмоций, чем эмалированная чугунная ванна, в которой она находилась, и потому доктор оказался просто потрясен, увидев, как по лицу Сьюзен скатилась одна-единственная слеза.

Он недоверчиво наклонился вперед, уверенный в том, что это был пот или простая вода.

Но когда капля докатилась до подбородка, из того же глаза вытекла еще одна слеза, ненормально огромная, куда больше первой. У Аримана больше не было сомнений в происхождении этой влаги.

Нет, все же это было не так скучно, как он ожидал. Очарованный, он следил за тем, как слеза течет по изящной выпуклости ее высокой скулы, в ямочку на щеке, к углу полных губ и далее, к краю нижней челюсти. Капля добралась туда, несколько уменьшившись в размере,

но все равно достаточно большая для того, чтобы свет переливался в ней, как в подвеске из драгоценного камня.

Но за второй слезой не последовала третья. Поцелуй сухих губ Смерти удалил излишнюю влагу из глаз Сьюзен.

Когда рот Сьюзен приоткрылся — выражение на ее лице напоминало страх, — последняя слеза задрожала и сорвалась с изящной челюсти в воду, раздался чуть уловимый звон, словно из дальнего угла квартиры донесся звук самой тонкой фортепьянной струны, к которой еле заметно прикоснулся молоточек после виртуозного прикосновения к клавише.

Зеленый цвет глаз сменялся серым. Розовая кожа приобретала окраску… губительного лезвия. Она радовала глаз Аримана.

Конечно же, оставив свет включенным, Ариман взял испачканное белье Сьюзен с крышки корзины, вышел из ванной и прошел в спальню, где забрал кассету с видеозаписью.

В гостиной он задержался, наслаждаясь тонким ароматом цитрусовых ароматических смесей, просачивающимся из керамических флаконов. Он давно собирался спросить Сьюзен, где она купила эту смесь, чтобы приобрести такую же себе домой. Слишком поздно.

Около наружной двери он, тщательно обернув пальцы салфеткой, повернул задвижку единственного засова, на который Сьюзен закрыла дверь после его прихода. Выйдя на площадку, он тихо притворил дверь и с помощью запасных ключей, извлеченных из секретера, закрыл оба замка. С цепочкой он, конечно, не мог ничего сделать. Но эта деталь вряд ли вызовет у властей излишние подозрения.

Ночь и туман, его сообщники, все так же дожидались его, чтобы прикрыть Ариману путь отступления, да и прибой шумел сильнее, чем во время его возвращения, полностью заглушая тот негромкий звук, который производили его ботинки на покрытых резиной ступеньках лестницы.

Как и в прошлый раз, он добрался до своего «Мерседеса», не увидев ни одной живой души. А во время безмятежной поездки домой движение на улицах оказалось ничуть не оживленнее, чем было сорок пять минут назад.

Его дом, окруженный участком в два акра, находился на вершине холма и входил в огороженный поселок: множество беспорядочно разбросанных футуристически изощренных прямо— и многоугольных форм; одни дома из полированного снаружи монолитного бетона, другие облицованы черным гранитом, с множеством этажей, полуэтажей и ярусов, изгибающимися в самых разнообразных направлениях крышами, обильно украшенными бронзой дверями и высокими, от пола до потолка, окнами, такими огромными, что о них часто разбивались птицы, да не по одной, а целыми стаями.

Дом был выстроен молодым предпринимателем, которому удалось невероятно разбогатеть, продавая связь по Интернету. А ко времени, когда строительство было закончено, он влюбился в юго-западную традиционную архитектуру и принялся строить махину в сорок тысяч квадратных футов под сырцовый кирпич в стиле «пуэбло» где-то в Аризоне. Дом он выставил на продажу, не прожив в нем и дня.

Доктор поставил машину в подземном гараже, рассчитанном на восемнадцать автомобилей, и поднялся в лифте на первый этаж.

Комнаты и залы были огромными; полы в них были сделаны из полированного черного гранита. Старинные персидские ковры, переливавшиеся различными оттенками бирюзового, персикового, нефритового, рубинового цветов, были умело состарены и производили впечатление глубокой старины. Они словно плавали на черном граните, как вертолеты в полете, а чернота под ними казалась не камнем, а глубокой пропастью ночи.

Ариман шел по коридорам и залам, и на несколько шагов впереди него загорались огни — светом управляли датчики, воспринимавшие движение. В меньших комнатах лампы подчинялись голосовым командам.

Молодой интернетовский миллиардер компьютеризировал все системы дома до мельчайших деталей. Несомненно, когда он в свое время смотрел «Космическую одиссею 2001 года», то был уверен в том, что Хэл — это настоящий герой.

Войдя в свой отделанный драгоценными породами дерева кабинет, доктор позвонил в свой офис и оставил на автоответчике сообщение для секретарши. Ей следовало отменить все посещения, назначенные на десять и одиннадцать часов, и перенести их на следующую неделю. А он сам придет после ленча.

На вторую половину дня в среду у него не было запланировано никаких больных. Он оставил это время свободным для Дасти и Марти Родс, которые позвонят ему утром, отчаянно нуждаясь в помощи.

Восемнадцать месяцев тому назад доктор понял, что Марти может стать одним из самых лучших солдатиков в изумительной игре, куда более сложной, чем все, в которые ему когда-либо приходилось играть. Восемь месяцев назад он добавил ей в кофе и шоколадный бисквит свое колдовское варево из наркотиков и запрограммировал ее в ходе трех визитов Сьюзен на сеансы психотерапии — ведь сама Сьюзен уже давно была в его полной власти.

И с тех пор Марти ждала, когда ею воспользуются, не отдавая себе отчета в том, что уже принадлежит к коллекции Аримана.

Утром во вторник, восемнадцать часов назад, когда Марти в очередной раз прибыла к нему в офис вместе со Сьюзен, доктор наконец-то включил ее в игру, препроводив в тайную часовню сознания, где он внушил ей непреодолимую мысль о том, что она не может доверять себе, что она представляет серьезную опасность для себя и других, что она — чудовище, способное на невероятные проявления насилия и отвратительные злодеяния.

После того как он проделал с Мартиной Родс должные процедуры и отослал ее вместе со Сьюзен Джэггер, у нее должен был пройти весьма интересный день. А сейчас Ариман обдумывал ближайшее будущее, выстраивая яркие детали.

Он пока что не использовал Марти в сексуальном отношении. Хотя и не такая красавица, как Сьюзен, она была весьма привлекательна, и он гадал, до какой же степени унижения и развращенности она может дойти, если дать ей попробовать. Но пока что она находилась еще в недостаточно жалком состоянии, чтобы обладать серьезной эротической притягательностью для Аримана.

Но это будет уже совсем скоро.

В данный момент он находился в опасном настроении — и отлично знал об этом. Во время активных периодов игры его личность подвергалась определенному регрессу, и для ее возврата в обычное состояние по окончании игры требовалось известное время. Подобно тому как водолаз поднимается из глубины несколько часов, делая через каждые несколько метров остановки для декомпрессии, чтобы избежать кессонной болезни, так и Ариман возвращался к своей взрослой жизни через несколько «декомпрессионных станций». В настоящее время он не был в полной мере ни мужчиной, ни мальчиком, а проходил стадию эмоциональной метаморфозы.

Подойдя к бару, стоявшему в углу кабинета, он открыл бутылку коки «Классическая формула» и вылил ее содержимое в высокий стакан для «Тома Коллинза»[1], добавил вишневого сиропа и льда, тщательно перемешал смесь длинной серебряной ложкой, попробовал и улыбнулся. Лучше, чем «Циндао».

Измученный, но все же не в состоянии расслабиться и успокоиться, Ариман прошелся по дому, предварительно дав компьютеру команду не зажигать на его пути ни яркого света, ни мягкой подсветки. Он хотел, чтобы повсюду, насколько хватал глаз, была темнота, и единственная лампа тускло светилась настолько далеко, что почти терялась в глубине помещений, из окон которых открывался ночной вид на графство Оранж.

На обширной равнине, раскинувшейся под холмами, даже в этот час мерцали миллионы огней, хотя большая часть графства все еще спала. В огромные окна дома вливалось вполне достаточно света, чтобы доктор с уверенностью, которой позавидовала бы и кошка, мог проделывать свой путь туда, откуда исходило золотистое сияние.

Остановившись в темноте перед огромным листом стекла, чуть освещенный отдаленным сиянием, глядя на огромный город, раскинувшийся вдали, как самая большая в

1 Название одного из популярных в США алкогольных коктейлей.

мире игральная доска, он понимал, что мог чувствовать бог, глядя на творение, если, конечно, бог существовал. Доктор не был верующим, он был игроком.

Потягивая коку с вишневым сиропом, он бродил из комнаты в комнату, по коридорам и галереям. Огромный дом был лабиринтом, его можно было обойти множеством различных путей, но в конечном счете он вернулся в гостиную.

Здесь он более восемнадцати месяцев тому назад приобрел Сьюзен. В день, когда он официально вступил во владение, он встретился здесь с нею, своим агентом, для того, чтобы получить у нее ключи от дома и толстую инструкцию по использованию компьютеризированных систем. Она с удивлением увидела у него в руках два бокала для шампанского и охлажденную бутылку «Дом Периньон». С того дня, когда они впервые встретились, доктор проявлял большую осторожность и ни разу не показал виду, что питает к Сьюзен еще какой-то интерес, кроме как к специалисту по недвижимости. И даже тогда, с бокалом в руке, он изображал такое сексуальное безразличие, что она, незамужняя женщина, не осознала, насколько привлекает его. Больше того, с того момента, когда он увидел ее и решил воспользоваться ею в своих играх, он постоянно, как крошки для голубя, подбрасывал намеки о том, что он гомосексуалист. А поскольку он был настолько счастлив, заполучив роскошный новый дом, а она нисколько не сердилась на те весьма солидные комиссионные, которые заработала, она не видела никакого вреда в том, чтобы отметить с клиентом удачную сделку бокалом шампанского — хотя в ее бокал было добавлено все, что требовалось.

И в этой комнате во время одиноких поминок по Сьюзен Ариманом овладели противоречивые эмоции. Он сожалел о потере Сьюзен и готов был погрузиться в истому сладкой сентиментальности, но при этом он ощущал себя обманутым, преданным. Несмотря на то что они провели вместе столько замечательных минут и часов, она была готова уничтожить его и сделала бы это, если бы получила такую возможность.

Но в конце концов он преодолел свой внутренний конфликт, так как пришел к выводу, что она была всего-навсего девчонкой, такой же, как и все другие девчонки, и ни в малейшей степени не заслуживала того времени и внимания, которые он щедро уделял ей. Размышляя о ней теперь, Ариман пришел к выводу, что она обладала властью над ним, какой еще никогда и никому не удавалось достичь.

Он был коллекционером, а не она. Он владел вещами, а не они им.

— Я рад, что ты мертва, — громко произнес он в темной гостиной. — Я рад, что ты мертва, глупая девчонка. Я надеюсь, что бритва сделала тебе больно.

Выразив вслух свой гнев, он почувствовал себя намного лучше. О, действительно, на тысячу процентов.

Хотя Седрик и Нелла Хоторн, пара, следившая за его хозяйством, находились в это время в доме, Ариман совершенно не беспокоился по поводу того, что его могли услышать. Конечно, сейчас чета Хоторнов пребывала в постели в своей трехкомнатной квартире, располагавшейся в крыле для слуг. Но даже если бы они и увидели или услышали что-либо, он нисколько не опасался, что они смогут вспомнить хоть что-то, способное повредить ему.

— Надеюсь, тебе было больно! — повторил он.

Затем он поднялся в лифте на следующий этаж и прошел по просторному холлу в главную спальню, представлявшую собой отдельные апартаменты.

Он тщательно почистил зубы щеткой и ниткой, а потом обрядился в черную шелковую пижаму.

Нелла приготовила ему постель. Белые простыни с черной окантовкой. Множество пухлых подушек.

Как обычно, на тумбочке стояла ваза с конфетами — по паре шести его любимых сортов. Он пожалел, что почистил зубы.

Прежде чем лечь, он воспользовался стоявшим у кровати сенсорным монитором «Крестрон», чтобы активизировать одну из программ управления домом. При помощи этого монитора он мог включать и выключать свет по всему дому, управлять кондиционерами и отоплением каждой комнаты в отдельности, системой безопасности, обзорными уличными

телекамерами, подогревом воды для бассейна и ванн и множеством других систем и устройств.

Набрав свой личный пароль, он вызвал страницу, где были указаны шесть стенных сейфов различных размеров, находившихся в различных частях дома. Ариман прикоснулся к обозначению «главная спальня», и список сменился изображением цифровой клавиатуры.

После того как он набрал семизначный номер, заработал пневматический привод, и фрагмент гранитной стены рядом с камином отъехал в сторону, обнаружив небольшой стальной сейф, встроенный в стену. Ариман набрал на клавиатуре еще один код, и в комнате послышалось негромкое «клик» открывшегося замка.

Подойдя к камину, доктор открыл стальную квадратную дверь, двенадцать на двенадцать дюймов, и вынул из ячейки в стене тщательно завернутый предмет. Банку емкостью в одну кварту[1].

Он поставил банку на сверкающий металлической окантовкой мозаичный деревянный столик и присел рядом, вглядываясь в ее содержимое.

Выдержав несколько минут, Ариман не смог дальше сопротивляться сиренному призыву вазы с конфетами. Внимательно рассмотрев то, что в ней лежало, он в конце концов выбрал миндальную конфету «Херши».

Он не станет еще раз чистить зубы. Лечь спать со вкусом шоколада во рту было греховным удовольствием. Иногда он позволял себе побыть плохим мальчиком.

Снова усевшись за стол, Ариман смаковал конфету, растягивая этот процесс как можно дольше, и глубокомысленно изучал банку. Хотя он не торопился, но к тому времени, когда последние крошки шоколада растаяли у него во рту, ему не удалось увидеть в глазах отца ни единой искры, в которой содержалось бы новое озарение.

Они были карими, радужную оболочку прикрывала молочно-мутная пленка. Белки больше не были белыми, они стали желтоватыми с прожилками и напоминали чуть пастельно-зеленоватый мрамор. Они лежали в герметично закрытом сосуде, погруженные в формалин, и по временам задумчиво взирали сквозь изогнутое стекло, а порой в них, казалось, можно было прочесть выражение невыносимой тоски.

Ариман изучал эти глаза всю свою жизнь. И тогда, когда они находились на своем определенном природой месте в черепе отца, и после того, как они были извлечены из него. В них содержались тайны, которые он стремился разгадать, но, как всегда, прочесть их было невозможно.

ГЛАВА 42

После трех снотворных таблеток Марти, казалось, не могла впасть в паническое состояние, поэтому Дасти развязал галстуки на ее руках и ногах, и она поднялась с кровати.

Тем не менее ее руки почти непрерывно дрожали, и, когда Дасти подошел к ней слишком близко, она вновь встревожилась. Она все еще считала, что может внезапно вырвать у мужа глаза из глазниц, откусить нос, оторвать губы и таким образом обеспечить себе совершенно нетрадиционный завтрак.

Когда она раздевалась, чтобы принять душ, то у нее был очень милый, сонный и обиженный вид. Дасти, взиравший на жену с того установленного ею расстояния, которое казалось ей безопасным, счел ее чрезвычайно привлекательной.

— Чрезвычайно сильная затаенная эротика. Когда ты так выглядишь, то любой парень с радостью согласится пробежаться босиком по утыканному гвоздями футбольному полю.

— Я не чувствую в себе ни капли эротики, — хрипло ответила Марти. Обиженное выражение появилось на ее лице совершенно невольно, но производило мощный эффект. — Я ощущаю себя птичьим дерьмом.

— Любопытно.

---

1 Кварта — 0,95 литра.

— Только не для меня.

— Что?

Сбрасывая нижнее белье, она пояснила:

— Я не желаю ходить, как кошка, сама по себе.

— Нет, я не о том, — сказал Дасти. — Я имею в виду твой выбор слов. Ты сказала, что ощущаешь себя птичьим дерьмом, но почему именно птичьим?

— Я так сказала? — зевнула она.

— Да.

— Не знаю. Возможно, потому, что у меня такое ощущение, будто меня уронили откуда-то с большой высоты и я забрызгала все вокруг.

Она не хотела оставаться в одиночестве, когда мылась.

Дасти смотрел в открытую дверь, как Марти расстилала на полу коврик, открывала дверцу душевой кабины и регулировала воду. Когда она вошла в кабину, он перешел в ванную и уселся на опущенной крышке унитаза.

Когда Марти стала намыливаться, Дасти сказал:

— Мы женаты уже три года, но сейчас у меня такое ощущение, будто я подсматриваю за тобой в щелку.

Кусок мыла, пластиковая бутылка шампуня и тюбик ополаскивателя для волос явно содержали в себе очень незначительный смертоносный потенциал, и поэтому Марти смогла закончить купание без нового приступа ужаса.

Дасти вынул из ящика фен для волос, вставил вилку в розетку и вновь отступил к двери. Но Марти уже решила, что не будет пользоваться феном.

— Я вытру волосы полотенцем, а дальше пускай они сохнут сами по себе.

— Тогда они будут виться, тебя будет раздражать твой вид, и ты весь день будешь скулить.

— Я не скулю.

— Ну конечно же, ты не скулишь.

— Черт возьми, я не делаю этого.

— Жалуешься? — предложил он.

— Ладно. С этим я соглашусь.

— Ты будешь весь день жаловаться. Почему ты не хочешь взять фен? Он совершенно неопасен.

— Не знаю. Он похож на пистолет.

— Но это не пистолет.

— Не стану клясться в том, что все это имеет *рациональное* объяснение.

— Обещаю тебе, что если ты включишь его на полную мощность и попытаешься засушить меня до смерти, то я не стану спокойно стоять и ждать, пока из этого что-нибудь получится.

— Ублюдок.

— Ты знала это, когда выходила за меня замуж.

— Прости.

— За что?

— За то, что я обозвала тебя ублюдком.

Он пожал плечами.

— Да называй меня как угодно, пока не убила.

Глаза Марти гневно вспыхнули голубым огнем, ярче вспышки газа.

— Это не смешно.

— Я отказываюсь бояться тебя.

— Ты должен, — печально сказала она.

— Ни за что.

— Ты глупый, глупый… человек.

— Человек. О! Невыносимое оскорбление. Послушай, если ты когда-нибудь еще

назовешь меня человеком… не знаю, это звучит так, будто между нами все кончено.

Она уперлась в мужа яростным взглядом, потом потянулась за феном, но тут же отдернула руку. Попробовала еще раз, опять отскочила и задрожала не столько от страха, сколько от расстройства и сдерживаемой боли.

Дасти боялся, что она может заплакать. Вчера вечером он совершенно не мог выносить вида Марти, заливавшейся слезами.

— Давай, я помогу тебе, — предложил он, шагнув поближе. Она отшатнулась:

— Держись подальше.

Он подхватил полотенце с вешалки и протянул жене.

— Ты согласна, что это не сможет облюбовать ни один, даже самый невероятный маньяк-убийца?

Она и впрямь внимательно осмотрела все полотенце, словно пыталась осторожно вычислить, какие в нем скрыты затаенные угрозы.

— Держи его обеими руками, — посоветовал он. — Натяни его посильнее и держи натянутым, сосредоточься и не выпускай его из рук. Пока твои руки заняты полотенцем, ты не сможешь причинить мне никакого вреда.

Марти, скептически ухмыльнувшись, приняла полотенце.

— Нет, подумай сама, — продолжал Дасти, — ну что ты сможешь им сделать, кроме как шлепнуть меня по спине?

— Это принесет мне некоторое удовлетворение.

— Но при этом будет самое меньшее пятьдесят процентов вероятности того, что я выживу. — Марти, похоже, в чем-то сомневалась, и он добавил: — Кроме того, у меня есть фен. Только попробуй что-нибудь, и я тебе так надаю — всю жизнь не забудешь.

— Я чувствую себя такой дурой.

— Ты не дура.

Валет просунул голову в дверь и фыркнул.

— Голосование — два против одного, что ты не дура.

— Давай-ка закончим с умыванием, — мрачно прервала его Марти.

— Стань к раковине, повернувшись ко мне спиной, если считаешь, что так я буду в большей безопасности.

Марти послушно отвернулась к раковине, но закрыла при этом глаза, чтобы не видеть своего отражения в зеркале. Хотя в ванной было достаточно тепло, вся ее спина была покрыта гусиной кожей.

Взяв расческу, Дасти принялся расчесывать ее густые, черные, великолепные волосы под сильной струей горячего воздуха из фена, укладывая их на манер того, как это обычно делала Марти.

Все то время, пока они жили вместе, Дасти с наслаждением наблюдал за тем, как его жена ухаживает за собой. Она могла мыть волосы, красить ногти, накладывать косметику или втирать в кожу лосьон для загара, и всегда она подходила к любому из этих занятий с неуловимой, почти ленивой тщательностью, напоминавшей кошачьи повадки и исполненной очаровательной грации. Львица, уверенная в своей красоте, но не пренебрегающая заботой о ней.

Марти всегда производила впечатление сильной и стойкой, так что Дасти никогда не волновался по поводу того, как могла бы сложиться ее судьба в случае его безвременной смерти, например, во время работы на какой-нибудь крутой и высокой крыше. А теперь он волновался, и это волнение казалось ему оскорблением Марти, словно он жалел ее, а этого он не делал, просто не мог. Она оставалась слишком самой собой, Марти, для того чтобы вызывать жалость. И все же теперь она казалась тревожно уязвимой: эта изящная шея, эти нежные плечи, эта ложбинка вдоль спины и скрытый под ней хрупкий позвоночник… Дасти боялся за эту дорогую ему женщину до такой степени, какой никогда даже не мог себе представить.

Как однажды выразился великий философ Скит, любовь тяжела.

* * *

В кухне произошло нечто странное. Вообще-то странным было все, что происходило на кухне, но самым странным из всех оказалось последнее событие, случившееся как раз перед тем, как они покинули дом.

Во-первых, Марти, стараясь сохранять неподвижность, сидела на одном из кухонных стульев, засунув руки под бедра. На самом деле она уселась на руки, как будто была уверена в том, что, если им предоставить свободу, они схватят первое же, до чего смогут дотянуться, и швырнут в Дасти.

Поскольку ей предстояло сдать анализ крови и еще какие-нибудь анализы, она не должна была ничего есть с девяти часов минувшего вечера и до тех пор, пока доктор не разрешит ей прекратить пост.

Она была расстроена тем, что им пришлось находиться в кухне, пока Валет уплетал свою утреннюю трапезу, а Дасти пил стакан молока и ел пончик. Нет, она не завидовала им.

— Я знаю, что спрятано в этих ящиках, — взволнованно сказала она, имея в виду ножи и другие острые предметы.

Дасти игриво подмигнул.

— Зато я знаю, подо что ты спрятала руки.

— Черт побери, ты не мог бы относиться к этому посерьезнее?

— Если я начну так себя вести, то мы оба, пожалуй, очень скоро прикончим сами себя.

Марти еще сильнее нахмурилась, но тем не менее про себя признала мудрость слов мужа.

— Ты пьешь свое молоко, пожираешь пончик с кремом… Не похоже, чтобы ты намеревался сделать харакири.

— Я считаю, что самый верный способ для того, чтобы прожить *нормальную* и, возможно, долгую жизнь, — ответил он, сделав последний глоток, — это выслушать все, что говорят эти нацисты от здравоохранения, а потом сделать все с точностью до наоборот.

— А что, если завтра они скажут, что самая здоровая диета для тебя — это чизбургеры с жареной картошкой?

— Тогда я буду есть фальшивый сыр из соевого молока и сырую проросшую люцерну.

Споласкивая стакан, он повернулся к Марти спиной. Она резко окликнула мужа: «Эй» — и он сразу же повернулся к ней и так и стоял, вытирая стакан, так что у нее не было ни малейшей возможности подкрасться к нему и нанести смертельный удар консервной банкой со свининой и бобами.

Они просто не могли вывести Валета на его священный утренний променад. Марти наотрез отказалась оставаться в доме одна, в то время как Дасти отправился бы на прогулку с собакой. А если бы она отправилась с ними, то наверняка вся извелась бы от смертельного страха, что может толкнуть Дасти под проходящий грузовик и засунуть Валета под электрическую газонокосилку какого-нибудь садовника.

— Во всем этом есть одна чертовски забавная сторона, — вдруг сказал Дасти.

— В этом нет ничего забавного, — мрачно возразила Марти.

— Скорее всего, мы оба правы.

Дасти открыл черный ход и выпустил Валета в огороженный задний двор, где собаке предстояло провести утро. Погода была прохладной, но не холодной, дождя не обещали. Он поставил полную миску с водой около двери и повернулся к собаке:

— Делай свои кучи, где хочешь, я потом за тобой уберу, только не считай, что это новый порядок.

Он закрыл дверь, запер замок, посмотрел на телефон, и тут-то и случилась эта странная вещь. Они с Марти заговорили одновременно, перебивая друг друга.

— Марти, я не хочу, чтобы ты неправильно меня поняла…

— Из всего мира у меня надежда только на доктора Клостермана…
— …Но мне кажется, что нам действительно следует подумать…
— …Но результаты анализов могут быть готовы только через несколько дней…
— …Узнать еще одно мнение…
— …И насколько я ненавижу саму эту мысль…
— …И не второго терапевта…
— …Думаю, что нужно качественно определить мое состояние…
— …А специалиста…
— …Психиатра…
— …В области тревожных состояний…
— …С большим опытом…
— …Кого-то вроде…
— …Мне кажется, это мог бы быть…
— …Доктор Ариман.
— …Доктор Ариман.

Они одновременно произнесли это имя и, разинув рты, уставились друг на друга в наступившей тишине.

— Похоже, мы слишком давно женаты, — сказала Марти после долгой паузы.

— Еще немного, и мы станем совершенно одинаковыми.

— Я не сошла с ума, Дасти.

— Я знаю.

— Но все же позвони ему.

Дасти подошел к телефону, набрал справочную службу и узнал номер офиса Аримана. Он продиктовал автоответчику просьбу о приеме и назвал номер своего сотового телефона.

ГЛАВА 43

Спальня в квартире Скита была меблирована и украшена ничуть не богаче, чем келья какого-нибудь монаха.

Втиснувшись в угол, чтобы как можно сильнее ограничить возможность действий, если вдруг ею вновь овладеет стремление к убийству, Марти стояла, скрестив руки на груди и зажав кулаки под мышками.

— Но почему ты не сказал мне об этом вчера вечером? Бедный Скит опять оказался в лечебнице, а я до сих пор ничего об этом не знала.

— У тебя было достаточно своих забот, — ответил Дасти, копаясь под аккуратно сложенной одеждой в нижнем ящике комода, настолько простого, что можно было подумать: тот, кто его делал, руководствовался строгими религиозными принципами, согласно которым мебель в функциональном стиле Шейкера была до греховности вычурной.

— Что ты ищешь? Его запасы зелья?

— Нет. Если у него осталось хоть что-то из наркотиков, то потребуются целые часы для того, чтобы их разыскать. Я ищу… Видишь ли, я сам не знаю, что ищу.

— Нам нужно через сорок минут быть у доктора Клостермана.

— У нас еще полно времени, — ответил Дасти, переходя к следующему ящику.

— Он что, пришел на работу, накачавшись?

— Да. И спрыгнул с крыши дома Соренсонов.

— Боже мой! Он сильно разбился?

— Нисколько.

— Совсем нисколько?

— Это длинная история, — уклонился Дасти, выдвигая верхний ящик комода.

Он совершенно не собирался сообщать ей, что свалился с крыши вместе со Скитом, по крайней мере сейчас, когда она пребывала в таком состоянии.

— Ты что-то скрываешь от меня! — заявила Марти.

— Ничего не *скрываю* .

— Тогда о чем ты *умалчиваешь* ?

— Марти, давай не будем заниматься играми с семантикой, ладно?

— В такие моменты становится совершенно ясно, что ты сын Тревора Пенна Родса.

— Там было невысоко, — пояснил Дасти, задвигая последний ящик комода. — Я ни о чем не *умалчиваю* .

— От чего ты меня защищаешь?

— Полагаю, то, что я разыскиваю, — сказал Дасти вместо ответа, — окажется свидетельством того, что Скит помешался на каком-то религиозном культе.

Поскольку он уже обыскал единственную тумбочку и внимательно посмотрел под кроватью, Дасти перешел в маленькую, чистенькую и совершенно белую ванную. Там он открыл аптечку и быстро просмотрел ее содержимое.

Марти обеспокоенным и требовательным тоном спросила из спальни:

— Ты не подскажешь, чем бы таким я могла здесь заняться?

— Может быть, поисками топора?

— Ублюдок.

— Мы уже ходили по этой дорожке.

— Да, но она длинная.

Выйдя из ванной, он увидел, что она вся дрожит. Лицо ее было таким же бледным, как те создания, которые живут под камнями, — хотя, конечно, Марти была гораздо симпатичнее всяких многоножек.

— Ты в порядке?

— Что ты имел в виду, говоря о культе?

Хотя она съежилась, когда Дасти подошел к ней, он взял ее за руку, вывел из угла и провел в гостиную.

— Скит сказал, что спрыгнул с крыши потому, что ангел смерти велел ему сделать это.

— Но ведь это просто наркотический бред.

— Возможно. Но ты знаешь, как действуют эти секты — промывание мозгов и все такое прочее?

— О чем ты все-таки говоришь?

— О промывании мозгов.

В гостиной она сразу же опять втиснулась в угол и так же зажала руки под мышками.

— Промывание мозгов?

— Дуби-дуби, мозги в кубе…

Из мебели в гостиной были лишь диван, кресло, кофейный столик, еще один маленький приставной столик да несколько полок, на которых стояли книги и журналы. Дасти, запрокинув голову, читал названия на корешках книг.

Марти из угла спросила:

— Что ты скрываешь от меня?

— Ты начинаешь все сначала.

— Ты не стал бы считать, что ему помогли помешаться в секте, — помилуй бог, промывание мозгов — только из-за того, что он рассказал тебе о каком-то ангеле смерти.

— Было еще происшествие в клинике.

— «Новой жизни»?

— Да.

— И что за происшествие?

Все стоявшие на полках книги в мягких обложках были романами-фэнтези. Сказки о драконах, волшебниках, феях и удалых героях в давно исчезнувших или вовсе не существующих землях. Дасти не впервые расстраивался этим пристрастием Малыша: ведь в конце концов Скит и так в значительной степени жил в мире фантазии, и потому ему, казалось бы, должны были требоваться иные развлечения.

— Что за происшествие? — повторила Марти.

— Он впал в транс.

— Что ты имеешь в виду, говоря о трансе?

— Ну, ты знаешь, как какой-нибудь из этих фокусников, эстрадных гипнотизеров, уставится на тебя, а потом оказывается, что ты кудахчешь, как цыпленок.

— И что, Скит на самом деле кудахтал, как цыпленок?

— Нет, все было гораздо сложнее.

Дасти продолжал просматривать полки, и ему вдруг сделалось ужасно грустно. Он понял, что, скорее всего, его брат искал убежища в этих выдуманных королевствах, потому что они представляли собой более чистую, лучше организованную фантазию, чем та, в который обитал Малыш. В этих книгах слова были заклинаниями и могли влиять на мир, друзья были всегда честными и храбрыми, добро и зло резко различались между собой, хорошие всегда побеждали — и никто не становился рабом наркотиков и не губил свою жизнь.

— Квакал, как утка, бормотал, как индюк? — продолжала спрашивать Марти из своего заточения в углу.

— Ты о чем?

— В чем проявлялась сложность того, что случилось со Скитом в клинике?

После паузы, за время которой Дасти быстро просмотрел стопку журналов — в ней не оказалось изданий, выпущенных хоть какой-то более отвратительной сектой, чем издательская компания «Тайм-Уорнер», он ответил:

— Я расскажу тебе потом. Сейчас у нас нет времени.

— Ты просто невыносим.

— Я просто настоящий подарок, — возразил Дасти. Оставив книги и журналы в покое, он отправился в маленькую кухню.

— Не оставляй меня здесь одну, — со слезами в голосе попросила Марти.

— Тогда пойдем со мной.

— Ни в коем случае! — воскликнула она, очевидно, думая о ножах, вилках, скалках и прочих тяжелых предметах. — Ни в коем случае! Это же кухня.

— Я не собираюсь просить тебя готовить.

Кухня, объединенная со столовой, имела двери, которые широко раскрывались в гостиную, как это принято в Калифорнии; поэтому Марти вполне могла видеть, как ее муж выдвигает ящики и распахивает двери шкафов.

Где-то с полминуты она стояла молча, но, когда заговорила, ее голос дрожал:

— Дасти, я совсем плохая.

— Для меня, детка, ты все время становишься лучше и лучше.

— Я понимаю. Но говорю серьезно. Я уже на самой грани и вот-вот сорвусь.

Среди тарелок и кастрюль Дасти не нашел никаких свидетельств деятельности изуверской секты. Никаких перстней со зловещей символикой. Никаких брошюр по поводу того, что в ближайшие дни разразится Армагеддон. Никаких руководств, как опознать Антихриста, если столкнешься с ним во время прогулки в парке.

— Что ты там делаешь? — опять спросила Марти.

— Разбиваю себе сердце. Так что тебе не Нужно будет этим заниматься

— Ты ублюдок.

— Каким я был, таким я и остался, — провозгласил Дасти, возвращаясь в гостиную.

— Ты бессердечный, — пожаловалась Марти. Черты ее бледного лица исказил гнев.

— Я просто ледяной, — согласился он.

— Да, именно это я и хотела сказать.

— Настоящий снежный человек.

— Ты приводишь меня в такую ярость!

— А ты делаешь меня таким счастливым, — возразил Дасти.

Гневное выражение на ее лице сменилось изумленным, а глаза широко раскрылись.

— Ты — моя Марти, — неожиданно сказала Марти.

— Это звучит не так, как другие оскорбления.

— А я — твоя Сьюзен.

— О, только не это. Ведь нам придется сменить все наши полотенца с вышитыми монограммами.

— Целый год я обращалась с нею так же, как ты сейчас обращаешься со мной. Старалась развлекать ее, постоянно подкалывала, чтобы вывести из состояния жалости к себе, пыталась поддержать ее дух.

— Ты ведь была настоящей злобной сукой, да?

Марти рассмеялась. Ее смех, дрожащий, готовый вот-вот перейти в рыдание, напоминал смех в опере, когда трагическая героиня испускает колоратурную трель, без остановки переходящую в дрожащее контральто отчаяния.

— Да, я была сукой, была насмешливой дрянью — потому что я так люблю ее.

Дасти, улыбаясь, протянул к ней правую руку.

— Ну вот, мы можем идти.

Она сделала шаг из своего убежища, но остановилась, не в состоянии двигаться дальше.

— Дасти, я не хочу быть Сьюзен.

— Я знаю.

— Я не хочу… зайти так далеко.

— С тобой этого не будет, — пообещал он.

— Я боюсь.

Изменив своему общеизвестному пристрастию к яркой одежде, Марти сегодня обратилась к темной стороне своего гардероба. Черные ботинки, черные джинсы, черный пуловер и черная кожаная куртка. В своем одеянии она походила на байкера, собравшегося на похороны товарища. В этом строгом облачении она должна была производить впечатление жесткой, твердой и грозной, как сама ночь. Но вместо этого она казалась такой же эфемерной, как тень, съеживающаяся и тающая под лучами безжалостного солнца.

— Я боюсь, — повторила она.

Сейчас было время для правды, а не для шуток, и Дасти признался:

— Я тоже.

Преодолевая страх перед обнаружившимся смертоносным потенциалом, она взяла его за руку. Ее пальцы были совершенно ледяными, но прикосновение было прогрессом.

— Я должна позвонить Сьюзен, — сказала она. — Она ожидала моего звонка еще вчера вечером.

— Мы позвоним ей из автомобиля.

На протяжении всего пути из квартиры по общему вестибюлю, вниз по лестнице, через небольшой холл, где Скит на ярлыке своего почтового ящика зачеркнул «Колфилд» и карандашом написал «Фарнер», и на улицу. Дасти чувствовал, как рука Марти согревается в его ладони, и осмелился подумать, что сможет спасти ее.

Садовник, спозаранку вышедший на работу, увязывал в кусок мешковины остриженные ветви живой изгороди. Красивый молодой испанец с глазами, черными, как кротовая шубка, улыбнулся и кивнул им.

На лужайке рядом с ним лежали небольшие садовые ножницы и огромный двуручный секатор.

При виде лезвий Марти издала сдавленный крик. Выдернув руку у Дасти, она побежала, но не к этим мирным орудиям, которые превращались в ее воображении в оружие убийства, а прочь от них, к красному «Сатурну», стоявшему у тротуара.

— Disputa? — сочувственно поинтересовался у Дасти садовник, как будто у него самого был прискорбно обширный опыт споров с женщинами.

— Infinidad, — ответил Дасти, торопливо проходя мимо, и уже совсем подошел к автомобилю, когда до него дошло, что вместо слова «enfermedad», означающего «болезнь»,

он сказал «бесконечность».

Садовник смотрел ему вслед и не хмурился в замешательстве, но торжественно кивал, как будто за ошибкой Дасти в выборе слова скрывалась невероятная глубина.

Такова репутация мудрости, стоящая на основах, более зыбких, чем фундаменты воздушных замков.

Когда Дасти уселся за руль, Марти уже сидела на пассажирском месте, скорчившись, упершись головой в «торпеду». Ее трясло, она стонала. Она изо всех сил сжала колени, засунув между ними ладони, словно руки зудели от желания учинить погром.

— В перчаточном ящике есть что-нибудь острое? — спросила Марти, когда Дасти захлопнул за собой дверь.

— Не знаю.

— Он заперт?

— Не знаю.

— Запри его, ради бога.

Он послушно запер маленький замочек и включил двигатель.

— Побыстрее, — потребовала она.

— Ладно.

— Но поезжай не слишком быстро.

— Ладно.

— Но поторопись.

— Так как же мне ехать? — спросил Дасти, отводя машину от тротуара.

— Если ты будешь ехать слишком быстро, я могу попытаться схватить руль, вывернуть машину с дороги и перевернуть или же направить ее в лоб грузовику.

— Но ты, конечно же, не сделаешь этого.

— Я могу, — настаивала она, — и сделаю. Ты не желаешь увидеть того, что творится в моей голове, какие в ней возникают картины.

Заторможенность, вызванная приемом трех снотворных таблеток, покинула ее в считанные секунды, тогда как в животе Дасти все усиливалась изжога, вызванная пончиком с кремом и холодным молоком.

— О боже, — простонала она, — боже, прошу тебя, не позволяй мне видеть этот кошмар, запрети мне видеть его.

Скорчившись в жалкой позе, изнемогая от ужасных видений, которые незваными представали перед ее мысленным взором, Марти вдруг заикала. Почти сразу же икота сменилась сильными рвотными движениями, которые, конечно, заставили бы ее до капли извергнуть содержимое желудка, если бы в нем что-нибудь было.

С утра движение на улицах, по которым они проезжали, было довольно напряженным, но Дасти перескакивал из ряда в ряд, иногда рискованно втискиваясь в узкие промежутки между машинами, игнорируя гневные взгляды других водителей и отрывистый лай сигналов. Марти, казалось, неслась с крутой горы на неуправляемых санях эмоций, скользила по гладкому льду, а у подножия склона ее ожидал приступ паники. Дасти стремился оказаться как можно ближе к приемной доктора Клостермана на тот случай, если она на этом пути врежется в стену и обрушится в срыв наподобие того, свидетелем которого он оказался вчера вечером.

Хотя бесплодные рвотные позывы мучили Марти сильнее, чем когда-либо, она не испытывала никакого облегчения, и не столько потому, что ее желудок был пуст, сколько потому, что ей требовалось извергнуть воображаемую рвоту, порождаемую омерзительными образами, возникающими в ее сознании. Вероятно, ее рот был полон слюны, как обычно бывает при приступах рвоты, так как она несколько раз плюнула на пол.

В промежутках между приступами желудочных спазмов она жадно ловила воздух раскрытым ртом, ее горло наверняка должно было воспалиться от этих яростных хриплых вдохов. Помимо всего этого, Марти непрерывно сотрясала дрожь такой силы, что Дасти тоже передалась дрожь холодного отвращения, несмотря даже на то, что он, конечно, не мог

вообразить себе тех ужасных видений, которые мучили его жену.

Он погнал еще быстрее, агрессивно перескакивая из ряда в ряд, все больше рискуя, вызывая все больше возмущенной ругани, автомобильных сигналов за спиной, к которым теперь прибавился и обиженный скрип тормозов. Он почти надеялся на то, что его остановит какой-нибудь полицейский. Учитывая состояние, в котором находилась Марти, любой полицейский, вероятно, не только не стал бы выписывать ему повестку в суд, а, наоборот, с сиреной проводил бы до приемной врача.

А состояние Марти *ухудшалось* . На какой-то момент рвотные конвульсии утихли, но она принялась со стонами раскачиваться на сиденье, ударяясь лбом о «торпеду», поначалу мягкими, медленными и легкими движениями, словно стремилась изгнать эльфов, овладевших ее сознанием, но потом все сильнее и сильнее. Она уже не стонала, а ухала, как футболист, наскакивающий во время тренировки на тяжелый жесткий манекен: «Ух, ух, ух, ух, ууухххх…»

Дасти непрерывно разговаривал с нею, убеждал успокоиться, взять себя в руки, вспомнить о том, что он здесь, с нею, что он верит ей и что все скоро придет в норму. Он не знал, слышала ли она его. Ничего из того, что он говорил, казалось, не доходило до ее сознания.

Ему отчаянно хотелось повернуться к ней и приласкать, но он подозревал, что во время этого приступа любое прикосновение приведет к прямо противоположному результату. Вполне возможно, что, положи он руку на плечо жены, та впадет в состояние ужаса и отвращения еще глубже.

Доктор Клостерман принимал пациентов в отведенном для медиков небоскребе, построенном рядом с больницей. Им оставалось проехать всего один квартал; эти здания, самые высокие в округе, были хорошо видны.

Хотя панель «торпеды» была мягкой, несомненно, эти удары не могли окончиться для Марти благополучно, но она все билась и билась о нее. Она не вскрикивала от боли, лишь ухала при каждом ударе, бормотала проклятия и сердито уговаривала сама себя: «Прекрати, прекрати, прекрати». Она казалась одержимой. Точнее, она была и одержимой, и священником, который изо всех сил сражался с овладевшими им самим демонами.

Стоянка около медицинского комплекса была окружена большими раскидистыми деревьями. Окинув площадку взглядом, Дасти выбрал место неподалеку от входа в небоскреб, под тенистой кроной дерева.

Даже после того, как Дасти поставил машину на стоянку, его не оставляло ощущение, будто они все еще едут. Колеблемые утренним бризом листья отбрасывали дрожащие тени на ветровое стекло, а солнечные блики, преломляясь в искривленной прозрачной поверхности, казалось, разлетались по сторонам, словно листья, играющие на ветру, разбрасывали яркие искры.

Как только Дасти выключил мотор, Марти прекратила бодать панель. Ее руки, до тех пор стиснутые между напряженными коленями, вырвались на свободу. Она сжала ими голову, будто старалась подавить волны боли от страшной мигрени, с такой силой нажимая на череп, что кожа на суставах судорожно напрягшихся пальцев стала гладкой и белой, как кости под ними.

Она больше не стонала, не ухала, не ругала себя. Хуже того, она снова скорчилась и принялась кричать. Пронзительные вопли перемежались судорожными глотками — так пловец, выбиваясь из сил, заглатывает воздух пополам с водой. Ее крики были исполнены ужаса, а также и возмущения, отвращения, потрясения. В них слышался ужас омерзения, будто пловец внезапно ощутил рядом собою, под самой поверхностью воды, нечто странное и холодное, скользкое и ужасное.

— Марти, что с тобой? Скажи мне, Марти. Позволь мне помочь тебе.

Возможно, крики, и торопливые оглушительные удары сердца, и гул крови в ушах не позволяли Марти услышать его, или же она знала, что он бессилен что-либо сделать и потому никакого смысла отвечать просто не было. Она боролась с мощным водоворотом

неуправляемых эмоций, который, казалось, утаскивал ее в глубину, в губительный бездонный омут, в котором могло скрываться безумие.

Позабыв о своих трезвых мыслях, Дасти прикоснулся к ней. Ее реакция оказалась именно такой, какой он боялся: Марти дернулась от него, сбросила его руку с плеча, прижалась к дверце, пребывая все в той же абсурдной уверенности, что может ослепить его или сделать что-нибудь еще хуже.

Молодая женщина, проходившая через стоянку с двумя маленькими детьми, услышав крики Марти, подошла поближе к «Сатурну»; при виде Дасти ее хмурый взгляд наполнился возмущением, словно она увидела в нем воплощение злоумышленника из тех, что встречаются в каждом американском городе, детоубийцу, кровожадного маньяка, безумного террориста и охотника за головами — одного из тех злодеев, о которых на всем протяжении ее жизни взахлеб рассказывали колонки новостей в газетах. Она прижала малышей к себе и торопливо направилась в сторону больницы, вероятно, высматривая охранника.

Припадок безумия Марти закончился куда более резко, чем начался, не постепенно, а практически внезапно. Последний вскрик, отразившийся от одного-другого-третьего-четвертого стекла в маленькой жестяной коробочке «Сатурна», сменился судорожными мелкими вздохами, перешедшими в неровное глубокое дыхание, сквозь которое чуть слышно доносилось жалкое хныканье раненого животного, тонкое, как шелковая нить, то ясно различимое, то заглушаемое громкими истерическими вздохами.

Хотя Дасти и не мог видеть тех призраков, которые показывало его жене взбунтовавшееся сознание, само зрелище страданий, переносимых любимой, заставило его ощутить слабость. Во рту пересохло. Сердце бешено колотилось. Он поднял руки, увидел, что они дрожат, а потом вытер повлажневшие ладони о джинсы.

Ключи все так же свисали из замка зажигания. Он выдернул их, зажав в кулаке, чтобы не зазвенели, и поскорее сунул в карман, чтобы Марти, подняв голову, не увидела их.

Он нисколько не волновался, что она схватит ключи и нанесет удар по его лицу в яростном стремлении ослепить мужа — сцена, которая, по ее словам, предстала ей в видении. Он не боялся ее ни на йоту больше, чем перед последним эпизодом. Тем не менее он допускал, что сразу же после приступа вид ключей сможет снова швырнуть ее вниз по ужасной лестнице паники.

Марти выпрямилась и убрала руки с головы. Она сидела молча, единственным звуком теперь было ее тяжелое дыхание.

— Я больше этого не выдержу, — прошептала она.

— Это закончилось.

— Боюсь, что нет.

— Во всяком случае, пока что.

Пестрое от бликов и теней лицо Марти, казалось, переливалось золотым и черным, словно оно было не более материально, чем лицо из сновидения. Казалось, будто из него истекает все больше золотого света и его место занимает чернота, пока в конце концов оно не лишится одной из своих составляющих и не погаснет, рассыпая последние яркие искорки, как догорающая римская свеча, потрескивающая в бескрайнем ночном небе.

Хотя умом Дасти полностью отрицал возможность потерять ее, сердцем он понимал, что она ускользала от него, плененная силой, которой он не мог постичь и против которой не мог предложить никакой защиты.

Впрочем, нет. Доктор Ариман в состоянии помочь ей. В состоянии, должен и поможет.

Возможно, доктор Клостерман при помощи магниторезонансных сканеров, позитронно-эмиссионных томографов, электроэнцефалографов и всех других приборов и методов, изобретенных для медицины этим высокотехнологичным веком, которые именуют сложными длинными названиями, сокращениями и аббревиатурами, распознает ее состояние, установит его причину и обеспечит лечение.

А уж если не Клостерман, то наверняка Ариман.

Из дикой пляски волнуемых ветром теней на него взглянули два голубых глаза Марти,

голубых, как два аквамарина в глазницах укрытой от нечестивцев в джунглях каменной богини. В этом взгляде не было никаких иллюзий. Никакой суеверной убежденности в том, что все к лучшему в этом лучшем из всех возможных миров. Лишь трезвая оценка своей проблемы.

Каким-то образом ей удалось преодолеть страх перед прячущимся в ней смертоносным началом. Она протянула ему левую руку.

— Бедный Дасти, — сказала она. — Наркоман брат и сумасшедшая жена.

— Ты не сумасшедшая.

— Но стремлюсь к этому.

— Что бы ни случилось с тобою, — ответил он, — это случится не с тобой одной. Это случится с нами обоими. И все это происходит с нами обоими.

— Я знаю.

— Два мушкетера.

— Чип и Дэйл.

— Микки и Минни.

Дасти не улыбнулся. Марти тоже. Но с присущей ей силой духа она сказала:

— Пойдем посмотрим, смогли ли в медицинском колледже научить дока Клостермана хоть чему-нибудь.

ГЛАВА 44

Доктор Клостерман измерил Марти температуру, кровяное давление, частоту пульса, осторожно посветил офтальмоскопом в левый глаз, затем в правый, при помощи отоскопа проник в тайны ушей, с чрезвычайно торжественным видом выслушал стетоскопом грудь и спину — глубоко выдохнуть и не дышать, вдохнуть, выдохнуть, вдохнуть и не дышать, — пропальпировал живот, проверил синхронность слуха и зрения, нанес легкий удар изящным молоточком по симпатичной коленке, чтобы проверить коленный рефлекс. В результате священнодействия доктор Клостерман пришел к выводу: Марти исключительно здоровая молодая женщина, с физиологической точки зрения даже моложе своих двадцати восьми лет.

Дасти, сидевший в углу кабинета, сказал:

— Она, похоже, с каждой неделей становится все моложе.

— И это относится ко всему тяжелому периоду? — поинтересовался Клостерман у Марти.

— Мне приходится каждое утро силой выдирать самое себя из дома. — Она улыбнулась Дасти. — Мне это нравится.

Клостерману было около пятидесяти, и он в отличие от Марти и внешне, и, конечно, физиологически был старше своих лет, не только из-за преждевременной седины. Двойной подбородок над жирной шеей, массивные челюсти, гордо вздернутая кнопка носа, глаза с воспаленными уголками и белками, покрытыми сеточкой лопнувших капилляров, от слишком долгого пребывания на соленом ветру под тропическим солнцем, загар, который заставил бы любого дерматолога охрипнуть от возмущенных протестов, — все это позволяло безошибочно определить искушенного гурмана, мастера рыбной ловли в открытом океане, любителя виндсерфинга и, вероятно, ценителя хорошего пива. Всем своим обликом, начиная с широких бровей и вплоть до объемистого чрева, он являлся живым примером последствий игнорирования тех советов, которые невозмутимо раздавал своим пациентам.

Док — его пропеченная океанским солнцем светлость — обладал острым, как скальпель, умом, врачебным тактом любимого дедушки, явившегося к больному внуку со сборником сказок в руке, и практическим опытом, который вполне мог бы заставить устыдиться самого Гиппократа. И все же Дасти предпочитал его всем остальным известным ему терапевтам не столько из-за этих замечательных качеств, сколько за очень человечную, хотя, возможно, и не так уж обоснованную с медицинской точки зрения терпимость. Док был

одним из тех очень редко встречающихся специалистов, лишенных высокомерия, свободных от догмы, способных взглянуть на проблему с новой точки зрения прежде, чем нацепить очки предвзятого мнения, которое так часто ослепляет других людей, требующих помощи эксперта, унижает, насмешливо подчеркивая их слабость и недалекость.

— Изумительное здоровье, — сообщил Клостерман, усевшись за стол и приступив к заполнению истории болезни Марти. — Крепкая конституция. Как у вашего папы.

Сидя на краешке высокой кушетки, одетая в халатик и закрученные к щиколоткам красные гольфы, Марти действительно казалась столь же здоровой, как любая преподавательница аэробики из многочисленных телевизионных шоу, зрители которых, убежденные в том, что смерть является скорее персональным выбором каждого, чем неизбежностью, исступленно занимались, не отрывая глаз от руководителя на экране.

Однако Дасти видел изменения, появившиеся в облике Марти, которых Клостерман, несмотря на все его внимание к пациентам, был не в состоянии заметить. Холодная тень в глазах, затуманивающая ее обычно такой яркий взгляд. Постоянно мрачно напряженный рот, опущенные плечи, словно она решила отказаться от борьбы.

Хотя Клостерман с готовностью согласился направить Марти в расположенную по соседству больницу, чтобы там проделали ряд сложных диагностических процедур, он, совершенно очевидно, считал, что это явится лишь элементом ежегодного комплексного обследования, а не существенным шагом в диагностировании причин опасного для жизни состояния. Док выслушал сокращенный отчет о ее непостижимом поведении на протяжении последних двадцати четырех часов, и хотя она и не стала в деталях описывать свои связанные с различными видами насилия видения, но тем не менее рассказала достаточно для того, чтобы Дасти пожалел о том, что съел с утра этот жирный пончик. Однако врач, закончив записывать результаты своих наблюдений, приступил к разъяснениям по поводу причин стресса, умственных и психологических проблем, возникающих вследствие стресса, и рассказу о наилучших методах, используемых для преодоления стресса и его последствий, — как если бы проблема Марти проистекала из слишком сильной перегрузки, стремления гореть на работе, недостатка досуга и неудобной постели.

Но тут Марти прервала Клостермана и спросила, не может ли тот убрать свой молоточек для исследования рефлексов.

Потерявший нить своего гладко, словно экспресс по рельсам, двигавшегося повествования о преодолении стресса, доктор замигал и переспросил:

— Убрать молоточек?

— Его вид заставляет меня нервничать. Я не могу оторвать от него взгляд. Я боюсь того, что могла бы сделать с его помощью.

Сияющий хромированный инструмент был маленьким, словно детская игрушка, — его, казалось, невозможно было использовать в качестве оружия.

— Если я схвачу его и брошу вам в лицо, — продолжала Марти, и в ее словах на сей раз больше тревожил не предмет разговора, а тот факт, что голос был спокойным и разумным, — это ошеломит вас, возможно, слегка травмирует, зато у меня появится время, чтобы схватить что-нибудь более смертоносное. Например, эту ручку. Не могли бы вы убрать еще и ручку?

Дасти передвинулся на краешек стула.

Началось.

Доктор Клостерман взглянул на шариковую авторучку, лежавшую на закрытой истории болезни Марти.

— Но ведь это же простая «Paper Mate»!

— Я расскажу вам, доктор, что могу сделать этим оружием. Маленький пример того, что происходит в моем сознании, и я не знаю, откуда приходит это зло и как воспрепятствовать ему. — Синий сатиновый халатик издал отчетливый и зловещий звук, что-то в нем треснуло, словно это была скорлупа созревшей куколки, в, которой что-то смертоносное боролось за то, чтобы появиться на свет. Ее голос оставался внешне спокойным, хотя теперь в нем уже слышался надрыв: — Меня совершенно не заботит марка

— «Montblanc» или «Bic», — потому что это прежде всего стилет, пика, и я могу схватить ее с этой папки и использовать против вас. Прежде чем вы поймете, что происходит, я воткну ее вам в глаз, а потом ее можно до половины вогнать в глубину черепа, провернуть, поворачивать и поворачивать, прямо-таки ввинчивать ее в ваш мозг, и вы в конце концов или упадете мертвым на месте, или, если выживете, будете обречены провести остаток жизни с умственными способностями меньшими, чем у какого-нибудь затраханного картофельного клубня.

Марти уже дрожала всем телом. Ее зубы стучали. Она стиснула обеими руками голову, точно так же, как совсем недавно в автомобиле, стремясь подавить те отвратительные образы, которые против ее воли расцвели в полуночном саду ее сознания.

— И неважно, живым или мертвым вы окажетесь на полу, здесь есть масса вещей, которые я могу использовать против вас, помимо авторучки. В одном из тех ящиков вы держите шприцы и иглы, а на этом шкафу стоит стеклянный стакан со шпателями для осмотра горла. Разбить стакан, и все осколки — это ножи. Я могу вырезать узор на вашем лице или разрезать его на части и приколоть части к стене иглами для инъекций, сделать коллаж из вашего лица. Я могу сделать все это. Я вижу… представляю это *прямо сейчас* , так отчетливо, словно вижу наяву. — Она закрыла лицо руками.

Клостерман поднялся на ноги на слове «картофельного». Несмотря на свою толщину, он сделал это ловко, как танцор. Дасти тоже встал.

— Во-первых, — сказал доктор (он был явно обескуражен), — я пропишу валиум. Сколько было таких эпизодов?

— Несколько, — ответил Дасти. — Я точно не знаю. Но этот был еще не из худших.

Круглое лицо Клостермана куда лучше подходило для улыбки. Хмурому выражению на нем недоставало серьезности, этому мешала пуговка носа, розовые щеки и веселые глаза.

— Не из худших? Значит, другие были еще хуже? Тогда я не рекомендовал бы проводить обследование *без* валиума: некоторые из процедур, например, магниторезонансное сканирование, обычно волнуют пациентов.

— Меня волнует то, что со мной происходит, — вставила Марти.

— Мы дадим вам успокоительного, так что это окажется не таким уж тяжелым испытанием. — Клостерман шагнул к двери, но вдруг замер, взявшись за ручку, и взглянул на Дасти. — А с вами все в порядке?

Дасти кивнул.

— Все это — лишь то, что она боится сделать, а вовсе не то, на что она действительно *способна* . Именно она, Марти.

— Да, черт возьми, все это именно не способна, — подтвердила Марти, не отрывая рук от лица.

Когда Клостерман ушел, Дасти отодвинул молоточек для исследования рефлексов и авторучку так, чтобы Марти не могла до них дотянуться.

— Так лучше?

Марти сквозь пальцы видела проявление его заботы.

— Это унизительно.

— Могу я взять тебя за руку?

Непродолжительное колебание. Затем:

— Хорошо.

Позвонив в аптеку, услугами которой он обычно пользовался, Клостерман вскоре вернулся. Он принес два маленьких пакетика с разовыми дозами лекарства. Сразу же открыв один из них, доктор протянул его Марти и дал запить водой из бумажного стаканчика.

— Марти, — сказал Клостерман, — я совершенно уверен, что обследование исключит любое внутричерепное новообразование — опухолевое, кистозное, воспалительное или гуммозное. У большинства из нас, если мы чувствуем необычную головную боль, которая к тому же не сразу проходит, сразу же возникают, возможно, подспудные мысли о том, что это должна быть опухоль. Но мозговые опухоли не настолько распространены.

— Но у меня не головная боль, — прервала Марти доктора.

— Совершенно верно. А головные боли — это главный признак мозговых опухолей, точно так же, как состояние сосудов сетчатки глаза указывает на сдавливание позвоночного диска, — которого я не обнаружил, когда исследовал ваши глаза. Вы упомянули рвоту и тошноту. Если бы у вас была рвота без тошноты, то это был бы классический признак. Судя по тому, что вы мне сказали, у вас фактически не галлюцинации.

— Нет.

— Только эти отвратительные мысли, гротескные образы в голове, но вы не принимаете их за нечто, действительно происходящее. И я вижу, что это патологическое состояние тревоги возникает на высоком уровне сознания. Теперь, когда все сказано и сделано, хотя мы имеем много психологических факторов, которые предварительно нужно устранить… Что ж, подозреваю, что я должен буду порекомендовать вам специалиста.

— Мы уже знаем одного, — сказала Марти.

— О! И кто же это?

— Он считается одним из лучших, — стал объяснять Дасти, — возможно, вы слышали о нем. Он психиатр. Доктор Марк Ариман.

Хотя на круглом лице Роя Клостермана не могло появиться резких морщин, обычно присущих резкому неодобрению, на нем сразу же возникло совершенно непостижимое выражение, понять которое было не легче, чем прочитать иероглиф из алфавита жителей другой галактики.

— Да, Ариман… Он имеет прекрасную репутацию. И его книги, конечно. Как вам удалось договориться с ним? Я полагал, что у него столько пациентов, что он вряд ли может принять кого-либо без долгого ожидания.

— Он лечит мою подругу, — объяснила Марти.

— И могу я спросить, чем она страдает?

— Агорафобией.

— Ужасная вещь.

— Она сломала всю ее жизнь.

— И как у нее дела?

— Доктор Ариман считает, что она на пороге решающих перемен, — ответила Марти.

— Хорошие новости, — сказал Клостерман.

Лучики морщинок вновь разбежались по загорелой коже от уголков глаз, уголки губ раздвинулись точно настолько же, как и минуту назад, но это не была та широкая и победная улыбка, которая обычно не сходила с его лица. На самом деле это была вообще не улыбка, а лишь изменение в его непостижимом облике, напоминающее на сей раз об улыбке статуи Будды — ласковой, но скрывающей больше тайны, чем радости.

Все так же уклончиво он сказал:

— Но если вы увидите, что доктор Ариман не берет новых пациентов, то я знаю замечательного врача, сострадательную и поистине блестящую женщину. Уверен, что она сможет уделить вам внимание. — Он взял историю болезни Марти и ту самую ручку, которой она, по ее словам, могла выбить ему глаз. — Но прежде, чем вести какие-то разговоры о лечении, давайте-ка проведем обследование. Вас ожидают в больнице, в различных отделениях пообещали вставить вас вне очереди в свои графики, как будто вас направили из отделения «Скорой помощи», так что не требуется никаких дополнительных направлений или разрешений. Все результаты будут у меня к пятнице, и тогда мы сможем решить, что делать дальше. К тому времени, пока вы переоденетесь и доберетесь до первого из нужных вам кабинетов, валиум начнет действовать. Если вам потребуется еще успокоительное прежде, чем вы завершите обследование, — у вас есть еще одна доза. У вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы?

Почему вы не любите Марка Аримана? — молча спросил Дасти.

Он не задал этого вопроса вслух. Учитывая его недоверие к большинству теоретиков и экспертов — а оба эти ярлыка Ариман, без сомнения, носил с гордостью — и его уважение к

доктору Клостерману, Дасти не смог объяснить это умолчание. Однако вопрос так и остался запертым между его языком и нёбом.

Спустя несколько минут, когда он вместе с Марти пересекал прямоугольную площадку от башни практикующих врачей до башни больницы, Дасти осознал, что его нежелание задать вполне естественный вопрос хотя и было странным, но куда менее озадачивало, чем его же нежелание сообщить доктору Клостерману о том, что он уже позвонил в приемную Аримана, попросил о приеме позднее в этот же самый день и теперь ожидал ответного звонка.

Его внимание привлекло послышавшееся над головой громкое карканье. По небу, как свертки грязного белья, скользили тонкие серые облачка, а под ними, быстро размахивая крыльями, воздух рассекали три жирные черные вороны, время от времени шарахаясь в стороны, как будто выхватывали волокна из мутного гнилого тумана, чтобы строить себе гнезда на кладбище.

По целому ряду причин, одни из которых были совершенно очевидными, а другие — нет, Дасти подумал об Эдгаре По, о вороне с дурной вестью, усевшемся над дверью. Хотя Марти, успокоившаяся под действием валиума, держала его под руку без малейших признаков сопротивления, которое так явно проявлялось прежде, Дасти думал также и о навсегда утраченной невесте По, Линор, и задал себе вопрос: не могло ли «карр» пролетевших ворон в переводе на человеческий язык означать «никогда»?

* * *

В лаборатории гематологии Марти, пока сидела, глядя, как ее кровь медленно заполняет мензурку за мензуркой, болтала с фельдшером, молодым американским вьетнамцем Кенни Фаном. Он ввел иглу в ее вену быстро и совершенно безболезненно.

— Я причиняю намного меньше неприятных ощущений, чем вампир, — с заразительной улыбкой сказал Кенни, — и к тому же от меня не так гнусно пахнет.

Дасти мог бы совершенно спокойно смотреть на кровь, но сейчас ему становилось больно от того, что это кровь Марти.

Ощутив, что Дасти плохо, Марти попросила его воспользоваться свободной минутой и позвонить Сьюзен Джэггер по сотовому телефону.

Он набрал номер и выждал целых двенадцать гудков. Когда после этого Сьюзен не ответила, он нажал «отбой» и спросил у Марти номер.

— Ты же его знаешь!

— Возможно, я неправильно набрал.

Он снова принялся нажимать кнопки, называя каждую цифру вслух, и когда нажал последнюю, Марти воскликнула:

— Вот именно!

На сей раз он выждал шестнадцать гудков, прежде чем нажать отбой.

— Ее нет дома.

— Но она должна быть там. Она никогда никуда не выходит без меня.

— Может быть, она в душе?

— И не включила автоответчик?

— Нет. Я попробую еще, немного попозже.

Умиротворенная валиумом, Марти выглядела задумчивой, возможно, даже обеспокоенной, но не волновалась.

Заменяя наполненную мензурку последним пустым пузырьком, Кенни Фан объявил:

— Еще один для моей личной коллекции.

Марти рассмеялась, и на этот раз за ее смехом не чувствовалось никакого потрясения, вызванного темными эмоциями.

Несмотря на обстоятельства, Дасти почувствовал себя так, словно нормальная жизнь

могла вот-вот оказаться на расстоянии вытянутой руки, словно вернуть ее намного легче, чем он представлял себе в самые мрачные моменты из минувших четырнадцати часов.

Когда Кенни Фан наклеивал на точку, оставшуюся после иглы, маленький пластырь с изображением Динозавра Барни, сотовый телефон Дасти зазвонил. Дженнифер, секретарь доктора Аримана, сообщила, что психиатр сможет изменить свой график второй половины дня и примет их в тринадцать тридцать.

— Хоть что-то хорошее, — с явным облегчением сказала Марти, когда Дасти сообщил ей новость.

— Да.

Дасти также почувствовал облегчение. Это было удивительно, учитывая то, что, если проблема Марти была психологической, вероятность быстрого и полного излечения могла быть куда меньше, чем в том случае, если болезнь имела полностью физическую причину. Он никогда не встречался с доктором Марком Ариманом, и все же после звонка секретаря психиатра в нем разгорелось теплое умиротворяющее пламя, разлилось ощущение безопасности, что также было любопытной и удивительной реакцией.

Если проблема не чисто медицинская, то Ариман должен знать, что делать. Он должен быть в состоянии раскрыть корни беспокойства Марти.

Несогласие Дасти полностью доверять экспертам любого сорта было почти патологическим, и он первый отдавал себе в этом отчет. И теперь он был несколько встревожен тем, что в нем поселилась такая упорная надежда на доктора Аримана, на то, что тот со всеми его учеными званиями, профессиональными бестселлерами и громкой репутацией окажется наделенным чуть ли не волшебной способностью расставить вещи по местам.

Судя по всему, он все-таки куда ближе к среднему простофиле, чем ему всегда хотелось считать. Когда всё, о чем он беспокоился больше всего — Марти и их совместная жизнь, — оказалось в опасности, а его собственных знаний и здравого смысла было недостаточно для того, чтобы решить проблему, тогда он в своем унизительном испуге обратился к экспертам не просто с прагматической потребностью в надежде, но с чем-то, неуютно приближающимся к вере.

Ладно, проехали. Что из того? Если он, Ариман, сможет привести Марти назад в то, прежнее состояние, когда та была здорова и счастлива, то он, Дасти, смирится перед кем угодно, когда угодно, где угодно.

Все так же одетая во все черное, но с одним засученным рукавом и фиолетовым Барни на сгибе руки, Марти вышла из лаборатории гематологии под руку с Дасти. На очереди был магниторезонансный сканер.

В коридорах пахло мастикой для пола, дезинфицирующими средствами — все это на фоне слабого, но вездесущего запаха болезни.

Навстречу им медсестра и санитар провезли каталку, на которой лежала молодая женщина, не старше Марти. К ее руке была подключена капельница, лицо было обложено компрессами, на которых виднелась свежая кровь. Можно было разглядеть один ее глаз, открытый, серо-зеленый, он остекленел от шока.

Дасти поспешно отвел взгляд, чувствуя, что он вторгся в частную жизнь этой незнакомки. Он покрепче сжал руку Марти, суеверно уверенный в том, что в стеклянном взоре этой травмированной, пребывавшей в бессознательном состоянии женщины притаилась новая порча, готовая быстрее, чем глаз успеет мигнуть, перескочить от нее к нему.

Несколько деланая кривоватая непостижимая улыбка Клостермана, подобно Чеширскому коту, всплыла в памяти Дасти.

ГЛАВА 45

Доктор проснулся поздно. Он спал без сновидений и спокойно встретил наступивший день.

В прекрасно оборудованном тренажерном комплексе, входившем в состав главных хозяйских апартаментов, он совершил два цикла упражнений на силовых тренажерах и полчаса крутил педали на велотренажере.

Это была обычная тренировка, которую он проводил три раза в неделю. Благодаря упражнениям он был в такой же прекрасной форме, как и двадцать лет назад, с талией тридцать два дюйма в окружности и телосложением, привлекавшим женщин. Он верил в свои гены, но тем не менее всегда совершенно здраво считал, что напряжение нужно разряжать и не давать ему накапливаться.

Прежде чем отправиться в душ, он вызвал по внутренней селекторной линии кухню и попросил Неллу Хоторн приготовить завтрак. Еще через двадцать минут он с влажными волосами, слабо благоухающий пряным лосьоном, облаченный в красный шелковый халат, возвратился в спальню и принял свой завтрак из электрического лифта, связывавшего его апартаменты с кухней.

На старинном подносе прекрасного серебра размещались небольшое серебряное ведерко со льдом, в котором был бережно установлен графин со свежевыжатым апельсиновым соком, два шоколадных круассана, вазочка с земляникой, еще две вазочки — с желтым сахаром и густыми сливками, горячая сдоба с оранжевым миндалем, вазочка со взбитым сливочным маслом, большой кусок кекса с тертым кокосовым орехом, умащенный лимонным мармеладом, и изрядная порция обжаренных по-французски орехов-пекан, сдобренных сахаром и корицей, чтобы закусывать прочие прелести.

Хотя доктору было уже сорок восемь лет, он мог похвастаться обменом веществ не хуже, чем у десятилетнего мальчика, принимающего метамфетамины.

Он ел на том самом столе из стали и разноцветного дерева, где несколько часов назад рассматривал исторгнутые из тела глаза своего отца. Банка с формалином стояла на том же самом месте. Он не стал убирать ее в сейф перед тем, как лечь спать.

Порой он по утрам включал телевизор, чтобы во время завтрака узнать новости. Однако никто из ведущих, ни мужчин, ни женщин, не обладал столь интригующими глазами, как глаза Джоша Аримана, который уже в течение двадцати лет был мертв.

Земляника была спелой и ароматной, именно такой, какую доктор ел всегда. Круассаны были восхитительными.

Пристальный взгляд папы томно наблюдал за утренним банкетом.

Великолепно одаренный человек, доктор завершил все свое образование и открыл психиатрическую практику, когда ему еще не исполнилось двадцати пяти лет. Однако хотя учеба давалась ему очень легко, но обеспеченные пациенты не спешили в его кабинет, несмотря на связи в Голливуде, которые обеспечивал его отец. Хотя элита кинобизнеса во всеуслышание заявляла о своем эгалитаризме, вне рекламных текстов большинство ее представителей питали предубеждение против молодых психиатров и не проявляли готовности ложиться на кушетку врача двадцати с чем-то лет от роду. Справедливости ради следует сказать, что доктор выглядел намного моложе своего возраста — и тогда, и сейчас, — так что когда он вывесил на двери табличку со своим именем, то вполне мог сойти за восемнадцатилетнего. Однако, попав в кинобизнес, где люди, позволившие себе проявления сердечной открытости, подвергались общественному осуждению, даже более суровому, чем те, кто был вознесен в эту минуту на гребень моды, Ариман был прямо-таки угнетен, оказавшись жертвой такого лицемерия.

Отец продолжал, не скупясь, оказывать ему поддержку, но доктор чем дальше, тем меньше был склонен принимать щедроты своего старика. Насколько тяжело ему должно было находиться в зависимом положении в двадцать восемь лет, особенно учитывая блестящие академические достижения. Кроме того, даже широко раскрытый бумажник Джоша Аримана не мог предоставить Марку Ариману возможности жить так, как он хотел, или провести некоторые исследования, к которым стремился.

Будучи единственным ребенком и единственным наследником, он убил своего отца при помощи большой дозы быстро разлагающегося тиобарбитала в смеси с паральдегидом. Эту смесь он шприцем ввел в пару покрытых шоколадом марципановых пирожных, к которым старик питал слабость. Прежде чем поджечь дом, чтобы уничтожить тело, доктор препарировал лицо папы в поисках источника его слез.

Джош Ариман был потрясающе удачливым сценаристом, режиссером и продюсером — настоящим универсалом, — творившим как простенькие любовные истории, так и патриотические повествования о мужестве, проявленном под огнем врага. Несмотря на то что все эти фильмы были очень разными, в них имелось одно общее качество: они исторгали потоки слез из глаз зрителей всего мира. Некоторые критики — хотя ни в коем случае не все — называли их сентиментальной чепухой, но публика стекалась в кинотеатры и приносила деньги, а папа до своей безвременной кончины в пятьдесят один год получил два «Оскара» — один за режиссуру, а второй за сценарий.

Его фильмы были золотой жилой для кассы, поскольку чувство в них было искренним. Несмотря на то что папа в необходимых количествах обладал и жестокостью и двуличностью, без которых преуспеть в Голливуде было просто невозможно, он также обладал чувствительной душой и настолько чутким сердцем, что был одним из первых плакальщиков своего времени. Он плакал на похоронах, причем даже в тех случаях, когда покойный был из тех, о чьей смерти он часто и пылко молился.

Он, ничего не стыдясь, плакал на свадьбах, празднованиях различных годовщин, бракоразводных процессах, бар-мицвах, днях рождения, политических собраниях, петушиных боях, в День благодарения и в Рождество, в Новый год, Четвертого июля, в День Труда[1] и — особенно горько — в день годовщины смерти его матери, если, конечно, вообще вспоминал о нем.

Этот человек знал все тайны слез. Каким образом равно выжимать их из милых бабушек и рэкетиров. Как растрогать ими красивых женщин. Как использовать их для того, чтобы самому очиститься от печали, боли, разочарования, напряжения. Даже его моменты радости становились сильнее, острее и изящнее благодаря приправе из слез.

Имеющий превосходное медицинское образование, доктор точно знал, где изготавливаются слезы, где они хранятся и как распределяются по человеческому телу. Тем не менее он рассчитывал что-то узнать, препарировав слезный аппарат своего отца.

Но в этом ему пришлось разочароваться. После того как доктор удалил веки папы и аккуратно извлек глаза, он обнаружил слезные железы именно там, где им и следовало быть: в глазницах, немного выше и сбоку от глазных яблок. Железы имели совершенно нормальный размер, форму и устройство. Верхние и нижние слезные протоки обоих глаз также не были ничем замечательны. Каждый слезный мешочек — они помещались в желобках слезной кости, были прикрыты связками, и их оказалось трудновато извлечь неповрежденными — имел в длину тринадцать миллиметров, что было средним размером для взрослого человека.

Поскольку слезный аппарат был крошечным, состоял из очень мягких тканей и к тому же оказался поврежден во время мини-вскрытия трупа, которое проводил доктор, ему не удалось спасти этот орган. Так что теперь у него сохранились одни лишь глазные яблоки и, несмотря на массу усилий, которые он прилагал для их сохранения — фиксатив, вакуумная упаковка, регулярная обработка, — ему все же не удалось полностью предотвратить их постепенную порчу.

Вскоре после смерти отца Ариман забрал глаза с собою в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где, как он полагал, ему будет легче выйти из тени великого режиссера, в которой

---

1 Бар-мицва — иудейский религиозно-общественный обряд, торжественная церемония, проводимая в синагоге обычно в субботу утром, на которой происходит прием в число взрослых членов еврейского сообщества мальчиков, достигших 13 лет, успешно закончивших предписанный курс изучения основ иудаизма. День благодарения — официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в последний четверг ноября. Четвертое июля — день независимости США. День Труда празднуется в первый понедельник сентября.

он должен был бы вечно пребывать, если бы остался в Лос-Анджелесе, и стать самостоятельным человеком. Там, в пустыне, он достиг своих первых успехов и обнаружил в себе устойчивую страсть к играм с людьми.

Из Санта-Фе глаза переехали вместе с ним в Скоттсдэйл, Аризона, а потом, сравнительно недавно, в Ньюпорт-Бич.

Здесь, всего в часе с небольшим езды к югу от земель, некогда истоптанных отцом, доктор смог благодаря течению времени и своим собственным многочисленным достижениям навсегда выйти из этой патриархальной тени и теперь чувствовал себя так, словно вернулся наконец домой.

Когда Ариман толкнул коленом ножку стола, глаза медленно поплыли в формалине. Они, казалось, следили за траекторией движения остатков жареного пекана, которые он нес ко рту.

Грязную посуду доктор оставил на столе, но банку вернул в сейф.

Он оделся в прекрасно сшитый двубортный синий шерстяной костюм фирмы «Вестимента», несколько старомодную белую сорочку с широким воротничком и французскими манжетами. Все это украшал узорчатый шелковый галстук и простой, но симпатичный платочек в нагрудном кармане. Благодаря драматургическому таланту своего отца он хорошо знал, какую важную роль может играть костюм.

Утро почти закончилось. Он хотел прибыть в свой офис не менее чем за два часа до визита Дастина и Марти Родс, проанализировать все стратегические шаги, которые он сделал к настоящему времени, и решить, как лучше всего перейти к следующему уровню игры.

Спускаясь на лифте в гараж, он мельком вспомнил о Сьюзен Джэггер, но она была уже в прошлом, и теперь его мысленному взору легче всего представало лицо Марти.

Ему никогда не удавалось выжать слезы из массы людей, как это снова и снова делал его отец. Однако можно было найти изумительное удовольствие и в том, чтобы заставлять плакать одного человека. Для этого требовался неординарный интеллект, умение и опыт. И прозорливость. Ни одна форма развлечения не была более законной, чем какая-нибудь другая.

Когда двери лифта раскрылись в гараже, доктор подумал: а не может ли быть так, что слезные железы и мешки Марти окажутся более объемистыми, чем у папы?

ГЛАВА 46

Марти была уже просвечена, отсканирована, рассмотрена со всех сторон. У нее взяли кровь, записали различные многометровые то-и-сё-граммы, и теперь, перед тем как покинуть больницу, ей оставалось лишь пописать в небольшой пластмассовый горшочек. Благодаря валиуму она была достаточно спокойна для того, чтобы рискнуть одной войти в ванную без неуместного и, пожалуй, несколько унизительного для обоих присутствия Дасти, хотя тот и предложил побыть часовым при анализе мочи.

Она все так же была не в себе. Лекарство не устранило ее непостижимое волнение, лишь ослабило его; горячие угли тлели, запертые в самых темных углах ее сознания, и могли вновь разгореться во всепоглощающий пожар.

Споласкивая руки над раковиной, она осмелилась взглянуть в зеркало. Это было ошибкой. В отражении своих глаз она увидела иную Марти, подавленную, полную гнева, раздраженную этими химическими путами.

И, заканчивая умывание, она держала глаза опущенными.

К тому времени, когда она вместе с Дасти покидала больницу, тлеющие угольки беспокойства принялись вновь разгораться.

С того момента, когда она приняла первую дозу валиума, прошло всего лишь три часа; как правило, транквилизаторы принимают значительно реже. Однако Дасти решительно разорвал пакетик и дал ей вторую таблетку, которую Марти запила водой из питьевого

фонтанчика в вестибюле.

На площадке перед входом прохаживалось куда больше народу, чем с утра. Тихий голос внутри Марти, вкрадчивый, как у зловещего духа, вызванного во время спиритического сеанса, бегло комментировал сравнительную уязвимость встречных пешеходов. Человека в гипсовой повязке на голени, ковылявшего на костылях, так легко сбить с ног, а когда он упадет, беззащитный, то добить его можно ударом носка туфли в горло. А вот проезжает улыбающаяся женщина в инвалидном кресле на аккумуляторах, у нее высохшая левая рука и слабые ноги, правой рукой она управляет своей коляской; такой беззащитной цели сегодня, пожалуй, больше не попадется.

Марти уткнулась взглядом в тротуар под ногами и попыталась не видеть, не слышать, не замечать людей, мимо которых проходила; это могло заставить умолкнуть ненавистный внутренний голос, так ужасавший ее. Она быстрым движением ухватилась за руку Дасти, полагаясь на то, что муж с помощью валиума сможет доставить ее к автомобилю.

Пока они шли к стоянке автомобилей, январский бриз несколько усилился и принес с северо-запада прохладу. Раскидистые деревья, окружавшие стоянку, заговорщицки перешептывались. Бойкие вспышки и блики света и тени, вспыхивавшие на множестве автомобильных ветровых стекол, были подобны семафорным сигналам, код которых она не могла прочитать.

У них еще оставалось время на то, чтобы позавтракать до приема у доктора Аримана. Даже несмотря на то что вторая таблетка валиума должна была скоро подействовать, Марти не могла доверять себе настолько, чтобы рискнуть провести сорок пять минут пусть даже в самом удобном кафе, не опасаясь устроить сцену, и поэтому Дасти отправился на поиски ресторана быстрого обслуживания, где можно купить еду, не выходя из автомобиля.

Они проехали чуть больше мили, когда Марти попросила мужа притормозить перед широко раскинувшимся трехэтажным комплексом «квартира-сад». Перед комплексом лежала лужайка, зеленая, как поле для гольфа, на которой тут и там росли изящные деревья калифорнийского перца, кружевные мелалевкасы и несколько высоких жакарандов, усыпанных ранними лиловыми цветами. Бледно-желтые оштукатуренные стены. Красные черепичные крыши. Это, казалось, было чистое, безопасное, удобное место.

— Половину пришлось построить заново после пожара, — сказала Марти. — Шестьдесят квартир сгорели дотла.

— Как давно это случилось?

— Пятнадцать лет тому назад. И они поменяли крыши на всех уцелевших зданиях, потому что старые были из кедровых досок, и по ним пламя так быстро распространилось.

— Не похоже, чтобы здесь гуляли призраки, правда?

— А должны быть. Девять человек погибли, из них трое маленьких детей. Кажется забавным… знаешь, сейчас это выглядит настолько мило, что можно подумать, будто та ночь была только сном.

— Ну, а без твоего отца все закончилось бы много хуже.

Хотя Дасти знал все, что тогда произошло, в подробностях, Марти захотелось еще раз поговорить об этом пожаре. Сейчас у нее остались от отца одни лишь воспоминания, и, перебирая их, она одновременно освежала в памяти.

— Когда приехали пожарные, здесь уже был настоящий ад. Они и не надеялись быстро справиться с огнем. Улыбчивый Боб входил туда четыре раза, четыре раза побывал в пламенном, дымном адском жерле, и каждый раз выходил обратно. Он меньше кого бы то ни было годился для этого, но он каждый раз выходил вместе с людьми, которые в ином случае не смогли бы выжить, кого-то он нес на себе, кого-то вел. Один раз он вывел целую семью из пяти человек, их ослепило дымом, окружило огнем, они заблудились, растерялись, но он вышел вместе с ними, все пятеро были в целости и сохранности. Там были и другие герои, каждый человек из каждого пожарного расчета, но никто из них не мог держаться так, как он, глотать едкий дым, словно ему это доставляло искреннее удовольствие, направляться в убийственный жар с таким видом, будто идет в сауну, просто раз за разом повторять это — но

ведь таким он был всегда. Всегда. Благодаря ему спасли шестнадцать человек, прежде чем он потерял сознание и его увезли отсюда в машине «Скорой помощи».

Когда той ночью Марти вместе с матерью торопилась в больницу, а потом сидела у постели Улыбчивого Боба, она пребывала под гнетущей тяжестью страха, которая, как ей казалось, должна была вот-вот сокрушить ее. Его лицо, ярко-красное от ожога первой степени. И испещренное черными точками: частицы сажи оказались настолько глубоко вбиты в поры кожи, что их было очень непросто смыть. Воспаленные, налитые кровью глаза, один раздулся и закрывается веком лишь наполовину. Брови и почти все волосы опалены, а на шее сзади еще один ожог — второй степени. Кисть левой руки и предплечье, глубоко порезанные стеклом, зашиты и перевязаны. И голос такой страшный — грубый, осипший, слабый, — никогда прежде у него не было такого голоса. Из его горла с трудом исходили хриплые слова, а вместе с ними и кислый запах дыма, его дыхание все еще хранило запах дыма, дымное зловоние продолжало исходить из его легких. Марти, которой тогда было тринадцать лет, только тем утром почувствовала себя взрослой и нетерпеливо требовала от мира, чтобы он признал за ней это новое качество. Но там, в больнице, рядом с тяжело пострадавшим Улыбчивым Бобом, она внезапно ощутила себя незначительной и беззащитной, столь же беспомощной, как четырехлетняя малышка.

— Он взял меня за руку своей здоровой правой рукой, но был настолько измучен, что с трудом мог удерживать мою ладонь своими пальцами. И тем ужасным, дымным голосом он сказал: «Эй, мисс М», и я ответила: «Эй». Он попытался улыбнуться, но его лицо было сильно повреждено, так что вышла невероятная улыбка, которая нисколько не могла ободрить меня. Он говорит: «Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала» — а я только киваю, потому что, боже мой, я пообещала бы ради него что угодно, даже отрезать себе руку, и он наверняка знал об этом. Он хрипит и сильно кашляет, но все же выговаривает: «Когда ты завтра пойдешь в школу, то не хвастайся тем, что, мол, твой папа сделал то, твой папа сделал это… Тебя будут расспрашивать, будут повторять то, что обо мне расскажут в новостях, но не грейся во всем этом. Не грейся. Расскажи им, что я лежу здесь, ем мороженое, придираюсь к медсестрам, в общем, развлекаюсь, как могу, стараясь набрать как можно больше на больничный счет, прежде чем здесь догадаются, что я купаюсь в золоте».

Эту часть истории Дасти услышал впервые.

— Но зачем ему нужно было заставлять тебя давать такое обещание?

— Я тоже спросила его об этом. И он сказал, что у всех ребят в нашей школе тоже есть отцы, и они все считают своих отцов героями или ужасно хотят так считать. И большинство из них, согласно папиным словам, или же действительно были героями, или же могли ими стать, если бы им выпала такая возможность. Но они были бухгалтерами, продавцами, механиками, клерками, и им не хватило везения, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте, как это случилось с моим папой благодаря его работе. Он сказал: «Если кто-то из детей придет домой и посмотрит на своего отца с разочарованием из-за того, что ты хвасталась мною, то, значит, ты совершила низкий поступок, мисс М, а я знаю, что ты не станешь совершать низких поступков. Ты — никогда. Ты персик, мисс М. Ты самый настоящий персик».

— Счастливая, — восхищенно сказал Дасти, помотав головой.

— Ведь он что-то представлял собой, а?

— Да уж.

Благодарность, которую ее отец получил от отдела пожарной охраны за храбрость, проявленную той ночью, была у него не первой и не стала последней. Прежде чем рак сотворил с ним то, чего не смогло сделать никакое пламя, он успел набрать побрякушек больше, чем любой иной пожарный в истории штата.

Он настаивал на том, чтобы благодарности и награды ему вручали чуть ли не тайно, без церемоний и официальных сообщений для печати. Согласно его образу мыслей, он делал только то, что должен был делать, за что ему платили зарплату. Кроме того, любой риск и травмы — все это было совершенной мелочью по сравнению с тем, через что он прошел во

время войны.

— Я не знаю, что происходило с ним во Вьетнаме, — сказала Марти. — Он никогда не говорил об этом. Когда мне было одиннадцать, я нашла на чердаке его медали в коробке. Он сказал мне, что получил их за то, что печатал на машинке быстрее всех в штабе дивизии, а когда я категорически отказалась в это поверить, то он сказал, что во Вьетнаме часто устраивали конкурсы поваров и он испек совершенно невероятный кекс. Но даже в одиннадцать лет я знала, что даже за самый потрясающий кекс в армии не дают множества «Бронзовых звезд». Я не знаю, был ли он, когда поехал во Вьетнам, таким же прекрасным человеком, каким пришел оттуда, но по некоторым причинам я считаю, что, возможно, он стал лучше благодаря тому, что ему довелось пережить, что именно это сделало его таким скромным, таким нежным и таким щедрым — и преисполнило такой любви к жизни и к людям.

Бриз раскачивал гибкие перцевые деревья и мелалевкасы, а жакаранды горели лиловым цветом на фоне сереющего неба.

— Я чертовски тоскую без него, — сказала она.

— Я знаю.

— И еще, чего я так боюсь… из-за этой сумасшедшей истории, происходящей со мной…

— Ты разделаешься с нею, Марти.

— Нет, я не о том. Я боюсь, что из-за этого… из-за этого я сделаю что-то такое, что окажется недостойным его.

— Это невозможно.

— Ты не знаешь, — сказала она, содрогнувшись всем телом.

— Я знаю. Это невозможно. Ты — дочь своего отца.

Марти с удивлением обнаружила, что в состоянии улыбнуться, пусть даже кривой чуть заметной улыбкой. Фигура Дасти перед нею расплылась, и, хотя она изо всех сил стиснула дрожащие губы, все же почувствовала в уголке рта вкус соленой влаги.

* * *

Они поели в автомобиле на стоянке за рестораном быстрого обслуживания.

— Никаких тебе скатертей, никаких свечей, никаких ваз с цветами, — сказал Дасти, с удовольствием уплетая сандвич с рыбой и жареную картошку, — но следует признать, что вместо этого мы имеем прекрасный вид этого мусорного бака.

Марти, хотя и не завтракала, заказала только маленький молочный ванильный коктейль и неторопливо потягивала его. Ей совершенно не хотелось иметь полный желудок жирной пищи, если вдруг она вновь подвергнется атаке отвратительных видений наподобие тех, что овладели ее мозгом по дороге от дома Скита к доктору Клостерману.

Вынув сотовый телефон, Марти набрала номер Сьюзен и выждала двадцать гудков, прежде чем дала отбой.

— Что-то не так, — сказала она.

— Давай не будем торопиться с выводами.

— Не будем торопиться. Все равно в моих ногах не осталось ни одной пружинки, — согласилась Марти. Что касается ног, то тут она сказала чистую правду — ей было трудно напрячь мускулы: следствие приема двух таблеток валиума. А ее беспокойство было слабым и неопределенным, но тем не менее сохранялось.

— Если мы не сможем дозвониться ей после посещения доктора Аримана, то заедем к ней домой и проверим, в чем дело, — пообещал Дасти.

Измученная своими собственными невероятными несчастьями, Марти так и не нашла возможности сообщить Дасти о фантастическом рассказе Сьюзен насчет преследования со стороны ночного посетителя, который приходил и уходил, когда хотел, а она ничего не

помнила о его вторжениях.

Сейчас тоже был неподходящий момент. Она достигла шаткого равновесия и опасалась, что пересказ их эмоциональной беседы со Сьюзен вновь его нарушит. Кроме того, уже через несколько минут они должны были подъехать к офису доктора Аримана, и она не успеет изложить Дасти содержание этой беседы со всеми необходимыми подробностями. Позже.

— Что-то не так, — повторила она и умолкла.

* * *

Очень странно было оказаться в этой элегантной, окрашенной в черный и медовый цвета приемной без Сьюзен.

Переступив порог, поставив ногу на черный гранитный пол, Марти сразу же почувствовала, что бремя тревоги спадает с нее. В теле и сознании появился новый свет. В сердце пришла долгожданная надежда.

Это ощущение тоже поразило ее. Оно не имело ничего общего с действием валиума. Транквилизатор ослабил ее тревогу, подавил ее, но Марти все же знала, что она продолжает корчиться, пытаясь вырваться из химического плена. А оказавшись в этом месте, она ощущала, как дурные предчувствия покидают ее и не просто подавляются и сдерживаются, но рассеиваются и исчезают где-то вдали.

Два раза в неделю на всем протяжении прошлого года, без единого исключения, Сьюзен также становилось заметно лучше после того, как она входила в это помещение. Тяжелая рука агорафобии никогда не выпускала ее из своей железной хватки ни в одном помещении, кроме собственной квартиры, и лишь за этим порогом ее сила заметно ослабевала.

Спустя мгновение после того, как Дженнифер, секретарь, подняла глаза и увидела, что Мартина и Дастин Родс вошли в приемную, дверь кабинета доктора Аримана отворилась, и психиатр вышел в зал, чтобы приветствовать их.

Он был высок и красив. Его осанка, манера держаться, безупречное одеяние напомнили Марти об изящных киногероях прошлой эры, таких, как Уильям Пауэлл и Гэри Грант.

Марти не представляла себе, каким образом доктору удавалось создать вокруг себя такую ауру молчаливого авторитета и компетентности, но она даже и не стала пытаться проанализировать этот ореол, поскольку самый вид доктора даже в большей степени, чем вступление через обычную дверь в эту комнату, исполнил ее сознание ощущением покоя, и она сейчас испытывала лишь благодарность за нахлынувшее на нее ощущение надежды.

ГЛАВА 47

Зловещая мгла, канувшая в море за несколько часов до рассвета, словно изначальная злая воля, теперь вновь восставала из океанских глубин и разливалась над берегами.

Небо наконец закуталось в серые тучи, которые с самого утра так упорно пытались закрыть его, не оставив в вышине ни одного голубого пятнышка, которое могло бы отразиться в воде, ни проблеска солнца, который мог бы вспыхнуть на зубах волн. Однако Дасти свинцово-серый океан казался еще темнее, чем был на самом деле; он отчетливо видел на водной глади черные мраморные прожилки.

Все побережье, панорама которого разворачивалась в окне четырнадцатого этажа, тоже было мрачным — укрытый тенями берег, гряда холмов на юге и густо населенные равнины на западе и севере. Природная зелень была чуть заметна, как тонкий оттенок нездорового пепельно-серого фона, а все творения рук человеческих выглядели горками щебня, покорно ожидающими разрушительного землетрясения из тех, которые случаются раз в тысячелетие, или термоядерной войны.

Когда Дасти окинул взглядом пейзаж, раскинувшийся за стеклянной стеной, чувство

тревоги полностью и внезапно покинуло его, словно кто-то повернул незримый выключатель. Помещение, облицованное панелями красного дерева, книжные полки с аккуратно расставленными томами, множество дипломов, выданных самыми престижными университетами страны, теплое многоцветное освещение от трех ламп в стиле Тиффани[1] — неужели подлинный Тиффани? — вся эта подобранная со вкусом обстановка оказывала успокаивающее действие. Вступив вместе с Марти в приемную Аримана, он с удивлением почувствовал явное облегчение, но здесь и сейчас это облегчение сменилось безмятежностью наподобие той, что испытывают при медитации дзен-буддизма.

Его кресло стояло рядом с огромным окном, но Марти и доктор Ариман сидели поодаль от него, в двух креслах, разделенных низеньким столиком. Марти рассказывала о своих приступах паники, проявляя при этом наибольшее самообладание с тех пор, как Дасти вчера вечером увидел ее в гараже. Психиатр слушал внимательно, на его лице было написано неподдельное сострадание, и это выражение успокаивало.

Глядя на все это, Дасти почувствовал себя настолько успокоенным, что улыбнулся.

Это безопасное место. Доктор Ариман — великий психиатр. Теперь, когда он взял Марти под свою опеку, все должно исправиться. Доктор Ариман употребляет все свои знания и опыт на благо пациентов. Доктор Ариман заставит все эти страхи исчезнуть.

Внимание Дасти вновь обратилось к зрелищу океана. Теперь водное пространство предстало подобием гигантского болота, словно его воды были настолько покрыты пятнами грязи и пучками морских водорослей, что по ним могли пробегать лишь низкие вязкие волны. И в этом мрачном тусклом дневном освещении гребни волн казались не белыми, а пятнисто-серыми и ядовитыми хромово-желтыми.

В зимние дни, под пасмурными небесами, море часто принимало такой облик, но никогда прежде не казалось Дасти настолько тревожным. Действительно, раньше он видел в таких сценах редко встречающуюся своеобразную красоту.

Негромкий голос рассудка подсказал ему, что он спроецировал на это зрелище те чувства, которые на самом деле не имели к нему прямого отношения. Море было всего лишь морем, таким, каким оно было всегда, а истинная причина беспокойства крылась где-то в другом месте.

Эта мысль озадачила его, потому что в этой комнате не было ничего, что могло бы послужить причиной тревоги. Это безопасное место. Доктор Ариман — великий психиатр. Теперь, когда он взял Марти под свою опеку, все должно исправиться. Доктор Ариман употребляет все свои знания и опыт…

— Нам нужно еще побеседовать, — сказал доктор Ариман, — выяснить кое-что еще, прежде чем я смогу с должной уверенностью поставить диагноз. Но я все же рискну дать имя тому явлению, которое вы испытали, Марти.

Марти слегка наклонилась вперед в своем кресле, и Дасти увидел, что она ожидает предварительный диагноз психиатра с полуулыбкой, ее лицо не выдавало никакого, столь, казалось бы, очевидного, душевного трепета.

— Это любопытное и редкое состояние, — продолжал психиатр. — Аутофобия, боязнь самого себя. Я никогда еще не сталкивался с подобными случаями, но я знаком с литературой, посвященной этому расстройству. Оно проявляется самыми разнообразными и странными образами — теперь вы, к сожалению, хорошо знаете какими.

— Аутофобия! — удивленно воскликнула Марти. В ее голосе слышалось чуть ли не восхищение, а не тоска или неприязнь, как будто психиатр вылечил ее, всего лишь найдя наименование постигшего ее несчастья.

Может быть, такую реакцию вызвал валиум?

Дасти задумался над репликой Марти и вдруг понял, что тоже улыбается и кивает.

Доктор Ариман заставит все эти страхи исчезнуть.

---

1 Тиффани, Чарльз Льюис (1812-1902), ювелир, и его сын Льюис Комфорт (1848-1933), художник и дизайнер, особенно прославившийся предметами из стекла, — основатели известного в США стиля в области декоративно-прикладного искусства.

— С точки зрения теории вероятностей, — продолжал Ариман, — совершенно невероятно, чтобы у вашей лучшей подруги и вас одновременно развились глубокие фобические состояния. Фобии такого мощного воздействия, как у вас и Сьюзен, явления достаточно необычные, и поэтому я подозреваю, что между ними имеется связь.

— Связь? Каким же образом, доктор? — спросил Дасти, а его тихий внутренний голос рассудка не смог удержаться от замечания по поводу интонации его собственного голоса, которая мало чем отличалась от интонации двенадцатилетнего мальчика, задающего вопрос мистеру Мудрецу в не существующей ныне детской телевизионной программе, предназначавшейся для того, чтобы, показывая любопытные и забавные стороны, пробуждать в зрителях интерес к науке.

Ариман сцепил пальцы под подбородком и сразу приобрел задумчивый вид.

— Марти, вы сопровождали сюда Сьюзен в течение целого года…

— С тех пор, как Эрик ушел от нее.

— Да. И вы были спасательным кругом для Сьюзен, заботились о ней, делали для нее покупки, выполняли другие поручения. В ее состоянии почти не наблюдалось прогресса, и вы начали все сильнее и сильнее волноваться. По мере роста вашего волнения вы принялись обвинять в малой эффективности лечения себя.

— Я? Обвиняла себя? — удивленно переспросила Марти.

— Насколько я вас знаю, это в вашей природе — принимать на себя ответственность за других. Возможно, даже чрезмерную ответственность.

— Гены Улыбчивого Боба, — вставил Дасти.

— Это мой отец, — объяснила Марти Ариману, — Роберт Вудхаус.

— Да. Так вот, мне кажется, что вы считали себя ответственной за то, что Сьюзен не приходит в норму, искали и находили ошибки в своем поведении, и этот поиск ошибок трансформировался в чувство вины. А из вины развилась эта аутофобия. Раз вам не удалось помочь своей подруге, которую вы так любите, то… что ж, вы начинаете говорить себе, что вы, по-видимому, не очень хороший человек, что вы, возможно, даже плохой человек и, уж конечно, плохой друг и вам нельзя доверять.

Дасти подумал, что объяснение кажется слишком уж простым для того, чтобы быть верным, — и все же в нем звучали убедительные нотки.

Когда Марти встретилась с ним взглядом, он заметил, что реакция его жены на это объяснение была практически такой же, как и у него.

Могло ли такое сверхъестественное, да еще и столь редкое несчастье внезапно случиться с человеком, чья психика всегда казалась прочной и устойчивой, как Скалистые горы?

— Не далее как вчера, — Ариман напомнил Марти, — когда вы привезли Сьюзен на очередной сеанс, вы отвели меня в сторону, чтобы сообщить, насколько вы волнуетесь за нее.

— Да, конечно.

— И помните, что еще вы мне сказали? — Видя, что Марти колеблется, Ариман напомнил ей: — Вы сказали мне, что вам кажется, будто вы допустили с ней какую-то большую промашку.

— Но я не имела в виду…

— Вы сказали это с большой убежденностью. С болью. Сказали, что вы допустили промашку.

— Но ведь промашка была, не так ли?

Расцепив пальцы и воздев руки, словно желая произнести евангельское «Ты говоришь», доктор Ариман улыбнулся.

— Если дальнейший диалог поможет подтвердить этот предварительный диагноз, это будет хорошим признаком.

— Мне очень нужны какие-нибудь хорошие признаки, — сказала Марти, хотя с того времени, как она вошла во владения доктора Аримана, ей вовсе не казалось, что она в любой момент может снова начать сходить с ума.

— Обнаружение корня фобии, ее скрытой причины, зачастую является самой трудной стадией терапии. Если ваша аутофобия является следствием чувства вины по поводу состояния Сьюзен, то мы сможем перепрыгнуть более чем через год анализа. Еще лучше будет, если окажется, что у вас не столько натуральное фобическое состояние, сколько, м-м… назовем это симпатической фобией.

— Наподобие того, как некоторые мужья испытывают тошноту и утренние недомогания во время беременности их жен? — предположила Марти.

— Именно так, — согласился Ариман. — И симпатическую фобию, если именно ею вы и страдаете, много легче вылечить, чем глубоко укорененное состояние вроде того, что владеет Сьюзен. Я почти готов дать гарантию, что вам не придется слишком уж долго посещать меня.

— Но все же насколько долго?

— Месяц. Возможно, три. Вы должны понять, что здесь совершенно невозможно установить точные сроки. Так много зависит от… от вас и от меня.

Дасти откинулся в кресле; на душе у него становилось все легче. Один месяц, пусть даже три — это не такой уж большой срок. Особенно если ей удастся полностью вылечиться. Они смогут выдержать это.

Доктор Ариман — великий психиатр. Доктор Ариман заставит все эти страхи исчезнуть.

— Я готова начать, — заявила Марти. — Уже этим утром я посетила своего терапевта…

— И что он считает? — поинтересовался Ариман.

— Он говорит, что следует провести все необходимые обследования, чтобы исключить мозговые опухоли и тому подобное, но скорее всего здесь потребуется работа психотерапевта, а не медика.

— Чувствуется, что это хороший, вдумчивый врач.

— Я уже прошла в больнице ряд обследований, все, что он считал нужным. Но теперь… конечно, ни в чем еще нельзя быть уверенным, но я думаю, что именно у вас смогу найти помощь.

— Тогда давайте приступим! — воскликнул доктор Ариман с почти юношеским энтузиазмом. Дасти счел эту интонацию ободряющей, так как за этим возгласом должен был скрываться интерес к своей работе и уверенность в своих силах.

Доктор Ариман заставит все эти страхи исчезнуть.

— Мистер Родс, — сказал психиатр, — традиционная терапия — это процесс, обязательным условием которого является конфиденциальность для пациента, если, конечно, он — в данном случае она — желает достичь успехов, поэтому я попрошу вас перейти в нашу вторую комнату ожидания и побыть там до завершения нашего сеанса.

Дасти вопросительно взглянул на Марти. Та улыбнулась и кивнула.

Это безопасное место. С ней здесь все будет в порядке.

— Ну, конечно, о чем речь, — согласился Дасти, вставая с кресла.

Марти вручила мужу кожаную куртку, которую сняла при входе в приемную, и он перекинул ее через руку, поверх своей.

— Прошу вас сюда, мистер Родс, — сказал доктор Ариман, подойдя к двери, ведущей во вторую комнату для посетителей.

Тяжелые тучи, жирные и тухлые, как гниющая рыба, казались мерзкой блевотиной бурлящего Тихого океана, прилипшей к небесам. Угольно-черные вены, проглядывавшие в воде, явно были варикозными, их стало гораздо больше, чем прежде, большие участки морской поверхности обрели жутко черный цвет — пусть только в глазах Дасти, а не в чьих-то еще.

Но краткий приступ беспокойства сразу же оставил Дасти, как только он отвернулся от огромного окна и проследовал за доктором Ариманом.

Дверь между облицованной красным деревом приемной и комнатой для ожидания уходящих пациентов оказалась удивительно толстой. Пригнанная, как притертая стеклянная

пробка графина, она открылась со слабым щелчком, как будто была нарушена вакуумная изоляция.

Дасти предположил, что эта серьезная дверь предназначалась для того, чтобы защищать пациентов доктора от любителей подслушать, встречавшихся среди их товарищей по несчастью. Вне всякого сомнения, основную часть толстого дверного полотна должны были составлять слои звукоизолирующего материала.

Стены цвета меда, пол из черного гранита и вся обстановка в этой второй комнате ожидания были точь-в-точь такими же, как и в главной приемной Аримана.

— Может быть, попросить Дженнифер подать вам кофе, колы, холодной воды? — спросил Ариман Дасти.

— Нет, благодарю вас. Я прекрасно проведу время и так.

— Все журналы, — сказал Ариман, указывая на гору периодических изданий на столе, — свежие. — Он улыбнулся. — Это, возможно, единственная приемная врача, не являющаяся кладбищем журналов предшествующих десятилетий.

— Очень мудро.

Ариман успокаивающе положил руку на плечо Дасти.

— С ней все будет прекрасно, мистер Родс.

— Она боец.

— Верьте в успех.

— Я верю.

Психиатр возвратился к Марти.

Дверь закрылась с приглушенным, но внушительным глухим стуком, раздался щелчок автоматически защелкнувшегося замка. С этой стороны двери не было никакой ручки. Дверь можно было открыть только из кабинета.

ГЛАВА 48

Черные волосы, черное одеяние. Голубые глаза сияют, словно лампа от Тиффани. И вся она светится, словно лампа.

Доктор сложил в уме это подобие хокку, остался им доволен и вернулся в свое кресло, отделенное от кресла Марти Родс невысоким столиком.

Не говоря ни слова, он изучал ее лицо, сначала черту за чертой, а потом все целиком, не жалея на это времени и в то же время заинтригованный, заставит ли затянувшееся молчание ее занервничать.

Но она невозмутимо ждала и была, судя по всему, уверена в том, что врач молчаливо осматривает ее с какой-то своей профессиональной целью и, когда наступит время, объяснит ей, что он делает и для чего.

Как и в случае со Сьюзен Джэггер, доктор Ариман предварительно внушил Марти и Дастину Родс, что в его кабинете и приемной они будут чувствовать себя совершенно непринужденно. Ну, и конечно, такую же реакцию должен вызывать у них и внешний облик доктора.

Он вложил в их ничего не подозревающие умы пять мыслей, своеобразных кратких молитв, и они должны были вспоминать их по отдельности или же все вместе, как длинную успокоительную мантру, в том случае, если в их разуме зародится хоть какое-то сомнение или нервозность, связанная с его персоной. *Это безопасное место. Доктор Ариман — великий психиатр. Теперь, когда он взял меня — а для Дасти: когда он взял Марти под свою опеку, все должно исправиться. Доктор Ариман употребляет все свои знания и опыт на благо пациентов. Доктор Ариман заставит все эти страхи исчезнуть.* И, даже когда они будут находиться в полном сознании, эти мини-медитации все равно будут помогать им укрепляться в уверенности, что доктор Марк Ариман является для них единственной надеждой на спасение.

Доктору показалось чрезвычайно забавным глядеть, как они улыбаются и кивают, хотя сами в это время наверняка задумываются, почему их внезапно оставили неотвязные тревоги. И, конечно, главное развлечение состояло в том, чтобы видеть, как человек с такой благодарностью поручает тебе свою жену, тогда как ты на самом деле намереваешься унижать ее, оскорблять, развращать и в конечном счете уничтожить.

После непредвиденной паузы, вызванной самоубийством Сьюзен, игра теперь должна была возобновиться.

— Марти? — вопросительно произнес Ариман.

— Да, доктор?

— Раймонд Шоу.

Ее поведение сразу же изменилось. Поза стала напряженной, она выпрямилась в кресле. Прекрасная полуулыбка застыла, а потом исчезла.

— Я слушаю, — сказала она.

Приведя Марти в состояние готовности при помощи кодового имени, доктор теперь загрузил сложную программу, которая была кратко закодирована в ее личном хокку.

— С запада ветер летит…

— Вы — это запад и западный ветер, — покорно откликнулась Марти.

— …Кружит, гонит к востоку…

— Восток — это я, — ответила Марти.

— …Ворох опавшей листвы.

— Листва — это ваши приказы.

Теперь все приказы, которые отдаст ей доктор, будут собраны и сокрыты точно так же, как опавшие осенние листья собираются в компостную кучу, чтобы там, в темной теплой глубине ее подсознания, превратиться в перегной, с которым доктор будет поступать так, как найдет нужным.

* * *

Вешая черную кожаную куртку Марти на вешалку, Дасти случайно нащупал в правом кармане книгу в мягкой обложке. Это был роман, который она носила с собой, когда провожала сюда Сьюзен, если не на всем протяжении минувшего года, то, по крайней мере, в течение четырех или пяти месяцев.

Хотя она постоянно заверяла мужа, что роман очень интересный, книга казалась совершенно новой, будто ее только что сняли с полки книжного магазина. Корешок был гладким, а ведь у книг, которые читают, он даже при самом осторожном обращении трескается вдоль. Когда Дасти перелистал страницы, они оказались настолько свежими и чистыми, словно блок разделяли впервые после того, как страницы сложили вместе и склеили в переплетном цехе.

Он припомнил, как Марти рассказывала об этом романе тем неестественным языком, каким говорят студенты, пытаясь доказать профессору, что хорошо знают книгу, которую никто из них даже не раскрывал. Внезапно он почувствовал твердую уверенность в том, что Марти не прочла ни одной страницы этого романа, но он не мог даже вообразить, зачем ей могло понадобиться лгать, тем более по столь ничтожному поводу.

Вообще-то Дасти оказалось чрезвычайно трудно даже подумать о том, что Марти когда-либо солгала хоть в чем-то, в большом или малом. Необыкновенное уважение к правде было одним из тех пробных камней, на которых она постоянно проверяла свое право именоваться дочерью Улыбчивого Боба Вудхауса.

Потом, повесив свою собственную куртку рядом с курткой Марти и все еще держа в руке книгу в мягкой обложке, он принялся рассматривать журналы, разложенные на столе. Все они были одного сорта и посвящались или бесстыдному заискиванию перед знаменитостями, или натужным остротам и нарочито бодрому анализу поступков и

высказываний тех же знаменитостей, что было, по существу, таким же самым бесстыдным заискиванием.

Оставив журналы нетронутыми, он сел в кресло с книгой. Название показалось ему смутно знакомым. В свое время эта книга была бестселлером. По нему был известный кинофильм. Дасти не читал этой книги и не видел фильма. «Маньчжурский кандидат» Ричарда Кондона. Согласно строчке об авторском праве, первое издание вышло в свет в 1959 году. Целую эпоху тому назад. В ином тысячелетии. И все еще переиздается. Хороший признак.

Хотя роман и был триллером, действие начиналось не темной бурной ночью, а солнечным днем в Сан-Франциско. Дасти углубился в чтение.

* * *

Доктор попросил Марти пересесть на кушетку, где он мог бы сесть рядом с нею. Она покорно поднялась с кресла.

Облачена в черное. Странный цвет для упаковки игрушки — еще не сломанной игрушки.

Последнее хокку отзывалось в его душе, и он несколько раз со все большим удовольствием повторил его про себя. Оно не было столь изящным, как стекло Тиффани, но все же гораздо лучше, чем результат его недавних усилий, предназначенный для того, чтобы запрограммировать при помощи стихов поведение Сьюзен Джэггер.

Сидя на кушетке рядом с Марти, но не придвигаясь к ней вплотную, доктор сказал:

— Сегодня мы вместе переходим к новой фазе.

В торжественных и безмолвных приделах потайной часовни ее сознания, где благовонные свечи горели в честь одного-единственного бога — бога Аримана, — Марти с молчаливой готовностью ловила каждое его слово и взирала на него ясным провидческим взором Жанны д'Арк, вслушивающейся в Голос.

— Начиная с этого дня ты обнаружишь, что разрушение и самоуничтожение начинают все больше привлекать тебя. Ужасно, да. Но даже в ужасе имеется своя привлекательность. Скажи мне, тебе доводилось когда-нибудь кататься на «русских горках», сидя в тележке, которая с огромной скоростью мчится вверх и вниз на роликах по извилистой рельсовой дорожке?

— Да.

— Скажи мне, что ты чувствовала, сидя в этой тележке.

— Страх.

— Но ты чувствовала и что-то еще.

— Волнение. Восторг.

— Вот оно. Ужас и восторг связаны в нас друг с другом. Мы крайне непоследовательные создания, Марти. Ужас восхищает нас, и сами внушающие его явления, и возможность передать это ощущение другим. И если мы признаем эту непоследовательность и не пытаемся вести безнадежную борьбу за то, чтобы стать лучше, чем позволяет наша природа, то становимся здоровее. Ты понимаешь, что я говорю?

Глаза Марти заметались в орбитах. Стадия быстрого сна.

Спустя несколько секунд она сказала:

— Да.

— Независимо от того, какими нас желал видеть создатель, мы стали тем, чем стали. Сострадание, любовь, смирение, честность, преданность, правдивость — все это практически то же самое, как огромные стеклянные окна, о которые с такой глупой настойчивостью разбиваются маленькие птички. Мы разбиваемся в клочья о стекла любви, стекла правды, по-дурацки стремясь прийти туда, куда не в состоянии прийти, стать тем, кем нам не суждено стать.

— Да.

— Власть и ее первичные последствия — смерть и секс. Вот что движет нами. Власть над другими — острейшее из острых ощущений, доступных нам. Мы делаем идолов из политических деятелей потому, что они обладают большой властью, мы поклоняемся знаменитостям, потому что их жизни кажутся нам более приближенными к власти, чем наши собственные. Те из нас, кто сильнее, захватывают власть, а на долю слабым остается трепет ощущения жертвы во власти сильных. Власть. Власть убивать, калечить, уничтожать, указывать другим, что нужно делать, как нужно думать, во что верить и во что не верить. Власть терроризировать. Разрушение — это наш талант, наша судьба. И я намереваюсь подготовить тебя, Марти, к тому, чтобы ты наслаждалась разрушением, а в конечном счете уничтожила самое себя, чтобы ты смогла познать оба вида этого священного трепета — трепета разрушителя и трепета разрушаемого.

Голубое колебание. Голубая неподвижность.

Ее руки лежат на коленях, ладонями кверху, будто она ждет, что в них что-то положат. Губы чуть приоткрыты для вдоха. Голова чуть вздернута и наклонена набок, как у внимательного студента.

Доктор положил руку ей на лицо, погладил щеку.

— Поцелуй мне руку, Марти.

Она прижалась губами к его пальцам.

Доктор опустил руку.

— Я хочу показать тебе новые фотографии, Марти. Изображения, которые мы будем запоминать вместе. Они похожи на те, что мы запоминали вчера, когда ты была здесь вместе со Сьюзен. Как и на тех фотографиях, все эти картины отталкивающие, отвратительные, пугающие. Однако ты изучишь их спокойно и внимательно, чтобы не упустить малейших деталей. Они запечатлеются в самом дальнем уголке твоей памяти, где они окажутся практически забытыми, но всякий раз, когда твоя тревога превратится в настоящую панику, эти образы будут всплывать в твоем сознании. И ты будешь видеть их не как фотографии из книги, аккуратно размещенные, с белыми рамочками и подписями внизу. Нет, тебе предстанут образы, заполняющие весь твой мысленный взор, ты будешь воспринимать их более яркими и реальными, чем зрелища, которые тебе приходилось видеть на самом деле. Пожалуйста, скажи мне, Марти, ты меня на самом деле понимаешь?

— Я понимаю.

— Я горжусь тобой.

— Спасибо.

В ее голубых глазах просительное выражение. Его мудрость позволяет ей обрести видение. Учитель и ученица.

Технически неплохо, но неверно. Прежде всего он не ее учитель, а она не его ученица в любом смысле этих слов. Игрок и игрушка. Хозяин и его имущество.

— Марти, когда эти образы вернутся к тебе во время приступа паники, они будут вызывать у тебя боль, отвращение, тошноту и даже отчаяние… но в них будет и странная притягательность. Ты найдешь их отталкивающими, но и заманчивыми. Хотя ты можешь прийти в отчаяние по поводу судьбы жертв, запечатленных на этих картинах, но где-то на заднем плане твоего сознания будет проходить восхищение убийцами, которые так жестоко обходились с жертвами. Часть твоего Я будет завидовать этим убийцам, власти над людьми, которой они обладают, и ты признаешь это отношение к убийству своим собственным. Ты будешь бояться этой жестокой иной Марти… и все же сожалеть, что тебе приходится сдерживать ее. Ты будешь воспринимать эти образы как *желания* , как проявления безумной страсти к насилию, которым ты сама уступила бы, если бы только могла быть честной по отношению к той, иной Марти, к той холодной дикарской сущности, которая является на самом деле твоей истинной человеческой натурой. Эта иная Марти и есть настоящая ты. Нежная женщина, которой ты кажешься окружающим, — это только обман, тень, которую ты отбрасываешь в свете цивилизации, и благодаря ей ты можешь подкрасться к кому-нибудь из

слабых и не встревожить его. Во время нескольких следующих сеансов я покажу тебе, как стать той Марти, которой ты должна быть, как выйти из этого теневого существования и начать жить настоящей *жизнью* , как воплотить твой потенциал, получить власть и славу, которые и есть твоя судьба.

Доктор положил на кушетку два больших учебника с иллюстрациями изумительного качества. Эти дорогие тома использовались в курсах криминологии многих университетов. С ними были хорошо знакомы большинство полицейских детективов и судебно-медицинских экспертов в больших городах, зато мало кто из широкой публики вообще знал об их существовании.

Первый из них был академическим курсом судебной патологии, которая является наукой о распознавании и определении заболеваний, повреждений и ранений в человеческом организме. Судебная патология представляла интерес для доктора Аримана, потому что он был медиком и, конечно, потому что он твердо решил никогда не оставлять никаких улик — в тех органических останках, которыми сопровождались его игры, — которые могли бы послужить причиной его насильственного переселения из особняка в камеру со стенами, обитыми или не обитыми мягким материалом.

«ОТПРАВЛЯЙСЯ В ТЮРЬМУ, ОТПРАВЛЯЙСЯ ПРЯМО В ТЮРЬМУ» — этой карты он намеревался никогда не прикупать. В конце концов в отличие от «Монополии» в этой игре не было карты «ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ТЮРЬМЫ».

Вторая книга была практическим курсом тактики, процедур и судебных методов практического расследования убийства. Доктор приобрел ее, исходя из принципа, что успехи в игре невозможны без досконального знания стратегии игроков противостоящей стороны.

В обоих томах содержались обширные галереи темного искусства Смерти. Учебник судебной патологии был иллюстрирован большим количеством разнообразнейших примеров, которые буквально выворачивали душу наизнанку, а книга о расследовании убийств предлагала множество фотоснимков жертв на месте гибели; эти фотографии обладали своеобразным шармом, которого, как правило, лишены снимки, сделанные в морге, — точно так же любая скотобойня с виду куда интереснее, чем мясная лавка. Лувры насилия, музеи потоков крови, галереи человеческого зла и несчастья, снабженные для облегчения поисков оглавлениями и указателями.

Послушная его воле, она ждала. Губы чуть приоткрыты. Большие глаза. Сосуд, готовый к тому, чтобы его наполнили.

— Марти, — сказал ей доктор, — ты просто прекрасна. Должен признаться, что, ослепленный блеском Сьюзен, я недооценивал твою красоту. Вплоть до нынешнего момента.

А получив побольше закалки в страданиях, она, вероятно, станет изысканно эротичной. Ну что ж… Он решил начать с учебника по расследованию убийств и открыл его на странице, отмеченной розовой наклейкой.

Держа книгу перед Марти, Ариман обратил ее внимание на фотографию мертвеца, лежавшего навзничь на деревянном полу. На обнаженном теле было тридцать шесть колотых ран. Доктор удостоверился в том, что Марти отметила, в частности, изобретательность, с которой убийца обошелся с гениталиями жертвы.

— А здесь, во лбу, мы видим вбитый железнодорожный костыль, — сказал Ариман, будто читал лекцию. — Стальное острие десяти дюймов в длину и головкой диаметром в дюйм, но большая часть острия на снимке не видна. Она вбита в дубовый пол. Без сомнения, здесь мы имеем дело с реминисценцией распятия на кресте — гвоздь, вбитый в руку, и терновый венец образуют однозначный символ. Усвой это как следует, Марти. Каждую из этих великолепных деталей.

Она внимательно, как и было приказано, изучила снимок; ее пристальный взгляд исследовал всю фотографию, рану за раной.

— Убитый был священником, — продолжал лекцию доктор. — Скорее всего, убийца был не в восторге от дубового пола, но маловероятно, чтобы хоть какой-нибудь из изготовителей строительных материалов решил пустить всем пыль в глаза и стал бы делать

шпунтовые доски из кизила или самшита.

Голубое колебание. Голубая неподвижность. Мигание. Вот теперь образ усвоен и спрятан в закрома памяти. Ариман перевернул страницу.

* * *

Дасти, переживавший по поводу состояния Марти, не рассчитывал, что ему удастся сосредоточиться на романе. Однако душевное облегчение, которое он испытал, вступив в офис доктора Аримана, не исчезало, и он сравнительно легко увлекся книгой.

У «Маньчжурского кандидата» оказался интересный сюжет, яркие и живые персонажи — все точь-в-точь так, как уверяла его Марти таким странным деревянным тоном и фразами, годящимися разве что для газетной рецензии. Учитывая высокие достоинства романа, было совершенно необъяснимо, что Марти не дочитала его — и даже не одолела сколько-нибудь значительной его части — в течение нескольких месяцев, когда она носила книгу с собой на сеансы Сьюзен.

Во второй главе Дасти наткнулся на абзац, который начинался с имени: доктор Ен Ло.

Шок оказался настолько сильным, что Дасти чуть не выронил книгу из рук. Он все же поймал ее на лету, но потерял место, на котором остановился.

Просматривая текст в поисках нужной страницы, он был уверен, что глаза подшутили над ним. Подвернулась какая-то фраза, состоявшая из четырех слогов, в которые входило азиатское имя, и при беглом взгляде прочитанное проассоциировалось с тем, что столько времени занимало его мысли.

Дасти нашел вторую главу, страницу, абзац, и там, совершенно бесспорно, черным по белому было отчетливо напечатано теми же буквами то самое имя, которое Скит столько раз начертал на страницах из своего блокнота: доктор Ен Ло. Руки Дасти затряслись так, что строчка запрыгала перед глазами.

Звучание этого имени заставило Малыша немедленно впасть в странное состояние, словно он оказался загипнотизированным, а сам Дасти сейчас оказался потрясен так, что на шее у него высыпали мурашки крупнее рубчиков вельвета. Даже специально подобранная для оказания успокаивающего действия обстановка комнаты не могла помочь ему согреть хребет, который внезапно сделался холодным, как термометр в морозильном отделении холодильника.

Заложив страницу пальцем, он поднялся на ноги и принялся вышагивать по комнате, рассчитывая таким образом сбросить нахлынувшую на него нервную энергию и вернуться к чтению.

Почему на Скита таким невероятно угнетающим образом подействовало имя, которое означало всего-навсего персонаж беллетристической книги?

Причем, учитывая литературные вкусы Малыша, книжные полки в его квартире, прогибавшиеся под тяжестью романов-фэнтези, он, скорее всего, даже не читал этот триллер. В нем ни разу не упоминались ни драконы, ни эльфы, ни волшебники.

Сделав несколько кругов по комнате и начав понимать, насколько отвратительным должно быть настроение у запертой в клетке зверинца пантеры, Дасти вернулся в кресло. У него было такое ощущение, будто вся жидкость из позвоночного столба собралась в одном крошечном участке хребта, но он отстранился от этого чувства и вновь взялся за чтение. Доктор Ен Ло…

ГЛАВА 49

Настоящее «мокрое дело» — это отделение головы, особенно если заниматься им с негодными инструментами.

— Марти, здесь особый интерес представляют глаза жертвы. Насколько широко они раскрыты. Верхнее веко под влиянием шока до предела оттянулось назад, так что они кажутся полностью выкатившимися. В этом взгляде сокрыта такая тайна, такое потустороннее качество, словно ему в момент смерти открылось видение того, что ждет его в ином мире.

Она вгляделась в жалкие глаза на фотографии. Моргнула. Еще моргнула.

Перевернув страницы к следующей розовой закладке, доктор сказал:

— Марти, это особенно важно. Изучи это как следует.

Она слегка склонилась над страницей.

— Тебе и Дасти в конечном счете придется калечить женщин именно в таком стиле и вот так, по-умному раскладывать различные части тел на столе. Жертва здесь — девочка, ей было всего лишь четырнадцать лет, но вы двое будете иметь дело с людьми постарше.

Доктор с таким интересом разглядывал фотографию, что не увидел двух первых слез, пока они не пробежали почти по всему лицу Марти. Вид этой пары жемчужин просто поразил его.

— Марти, предполагается, что ты находишься в глубочайшей из глубин своего сознания, в его потайной часовне. Скажи мне, ты действительно находишься там?

— Да. Там. В часовне.

При полностью подавленной индивидуальности она не имела возможности проявлять эмоции как по отношению к тому, что она видит, так и к тому, что происходит лично с нею. Как и в случае со Сьюзен, доктору потребовалось бы вывести ее из часовни и приказать подняться на один-два марша лестницы, чтобы вести разговор на более высоком уровне сознания, иначе она не должна была проявлять такую странную реакцию, как эта.

— Марти, скажи мне, что тебя не устраивает.

Ее голос звучал не громче дыхания:

— Такая боль.

— Тебе больно?

— Ей.

— Скажи мне, кому?

Из ее глаз брызнули новые слезы; она указала на расчлененную молодую девушку на фотографии.

— Это всего лишь фотография, — сказал озадаченный Ариман.

— Живого человека, — пробормотала Марти.

— Она уже много лет мертва.

— Когда-то она была живой.

Судя по всему, слезный аппарат Марти был прекрасным экземпляром. Ее слезные мешки порождали слезные озера, достигшие ныне стадии наводнения, и вот еще две капли страдания выбежали из ее глаз.

Ариман вспомнил о последней слезе Сьюзен, пробежавшей по ее щеке в последнюю минуту жизни. Смерть, конечно, является острым экспериментом, даже в том случае, когда человек умирает спокойно, в состоянии полного отключения индивидуальности. Марти сейчас не умирала. И все же, эти слезы…

— Ты не знала этой девчонки, — настаивал доктор.

— Нет, — почти шепотом.

— Она могла заслужить такую участь.

— Нет.

— Она могла быть малолетней проституткой.

Чуть слышный унылый голос:

— Это неважно.

— Может быть, она сама была убийцей.

— Она — это я.

— Что это означает? — спросил он.

— Что это означает? — словно попугай, откликнулась Марти.

— Ты сказала, что она — это ты. Объясни.

— Это нельзя объяснить.

— Тогда это бессмыслица.

— Это можно только знать.

— Это можно только знать? — презрительно переспросил он.

— Да.

— Это что, загадка, или, может быть, парадокс дзен-буддизма, или еще что-нибудь в этом роде?

— Это что? — откликнулась она.

— Девчонки, — с нетерпимостью в голосе сказал он.

Марти промолчала.

Доктор закрыл книгу, несколько секунд рассматривал профиль Марти, а потом приказал:

— Посмотри на меня.

Она подняла голову и повернулась к нему анфас.

— Сиди спокойно, — сказал он. — Я хочу попробовать.

Ариман прикоснулся губами к обоим плачущим глазам. Слегка лизнул.

— Соленые, — констатировал он, — но есть и еще какой-то привкус. Нечто трудноуловимое, но весьма интригующее.

Он захотел еще. Глазное яблоко эротически задрожало под его языком в кульминации быстрого сна.

— Слегка вяжущий, но не горький вкус, — утвердительно заметил Ариман, вновь отодвинувшись от Марти.

Солнечная влага на лице девчонки. Все горе мира. И все же такая яркая красота.

Исполнившийся радостной надежды на то, что промелькнувшие в его мозгу три фразы могут послужить основой для еще одного хокку, заслуживающего того, чтобы быть запечатленным на бумаге, доктор запомнил сложившиеся стихи, чтобы позднее довести их до совершенства.

Как будто губы Аримана выпили всю влагу из слезного аппарата Марти — ее глаза снова стали сухими.

— Кажется, игра будет даже забавнее, чем я думал, — сказал Ариман. — Для работы с тобой потребуется значительное искусство, но дело стоит дополнительных усилий. Как и у всех лучших игрушек, искусство, с которым создана твоя форма — твое сознание и сердце, — по меньшей мере равновелико тому нервному возбуждению, вызов которого является твоей функцией. Теперь я хочу, чтобы ты стала спокойной, совершенно спокойной, отстраненной, внимательной, послушной.

— Я понимаю.

Он снова раскрыл учебник.

Под терпеливым руководством доктора, теперь уже с сухими глазами, Марти изучала сделанную полицейскими экспертами фотографию расчлененного трупа девочки, куски которого были изобретательно разложены по месту преступления. Ариман велел Марти вообразить, будто она совершила это злодеяние своими собственными руками, поверить в то, что она наяву ощущает запах крови, воочию видит перед собой все, изображенное на глянцевой странице. Чтобы удостовериться в том, что в этом упражнении задействованы все пять органов чувств Марти, Ариман использовал все свои медицинские познания, весь свой богатый опыт и тренированное воображение. Ему было необходимо помочь своей кукле воспринять все детали в их цветах, структуре и зловонии.

Затем другие страницы. Другие фотографии. Свежие трупы и тела в различных стадиях разложения.

Глаза мигают.

Глаза мигают.

Наконец он поставил два тяжелых тома на полку.

Он потратил на Марти лишних пятнадцать минут, но испытывал истинное удовлетворение оттого, что провел переоценку ее отношения к смерти. Временами доктору казалось, что он мог бы стать первоклассным преподавателем, облаченным в твидовый костюм, подтяжки, галстук-бабочку. Он знал, что ему понравилось бы работать с детьми.

Он приказал Марти лечь на спину на кушетке и закрыть глаза.

— Сейчас я хочу привести сюда Дасти, но ты не услышишь ни слова из того, что мы будем говорить. Ты не откроешь глаза, пока я не разрешу тебе сделать это. Сейчас ты попадешь в место без звука и света, погрузишься в глубокий сон, от которого пробудишься в тайной часовне своего сознания только после того, как я поцелую твои глаза и назову тебя принцессой.

Выждав минуту, доктор посчитал пульс на левом запястье Марти. Медленный, сильный, ровный. Пятьдесят два удара в минуту.

А теперь займемся мистером Родсом, маляром, недоучившимся студентом колледжа, тайным интеллектуалом. Скоро ему предстоит прославиться от моря до моря в качестве невольного орудия мести.

* * *

Роман был посвящен промыванию мозгов. Это Дасти понял, пробежав одну-две страницы, на которых говорилось о докторе Ен Ло.

Это открытие поразило его почти в такой же степени, как и увиденное на печатной странице имя из блокнота Скита. На сей раз он не ронял книгу, не вскакивал с места, а лишь чуть слышно бормотал:

— Сукин сын.

В квартире Малыша Дасти безуспешно искал какие-нибудь свидетельства его принадлежности к секте. И не нашел никаких трактатов или брошюр. Никаких культовых одеяний или изображений. Ни одного запертого в клетку взволнованно квохчущего в ожидании жертвоприношения цыпленка. И вот теперь, когда Дасти вовсе *не думал* о бедах, постигших Скита, со страниц романа Кондона спрыгнул таинственный китайский врач, оказавшийся крупнейшим специалистом в науке и искусстве *промывания мозгов* .

Дасти не верил в совпадения. Жизнь была гобеленом, вытканным узорами, которые можно различить, если хорошо поискать. И эта книга была не просто романом, который Марти почему-то таскала с собой на протяжении нескольких месяцев. Она попалась им в руки потому, что в ней содержался ключ к сути этой безумной ситуации.

Он отдал бы свое левое яйцо — или с большей готовностью все деньги с их семейного текущего счета, — чтобы узнать, кто устроил так, что «Маньчжурский кандидат» оказался здесь именно сейчас, когда он необходим. Хотя Дасти верил в то, что Вселенная была чудесным образом сотворена, но тем не менее ощущал, что в том, чтобы представить бога, осуществляющего свою волю при помощи триллера в мягкой обложке, должна быть изрядная натяжка — дешевое издание это все-таки не пылающий куст или, что считается более традиционным и величественным, небесное знамение. Ладно, пусть это не бог, но и не совпадение; следовательно, должен существовать некто из плоти и крови.

Дасти поймал себя на том, что разговаривает сам с собою вслух невнятным голосом, будто подражает крику совы, и немедленно заставил себя умолкнуть. Ему было еще слишком мало известно для того, чтобы надеяться найти ответ на свой вопрос.

В романе Кондона, действие которого происходило во время и сразу после корейской войны, доктор Ен Ло «промывал мозги» нескольким американским солдатам, превратив одного из них в роботоподобного убийцу, не сознающего, что с ним было сделано. Вернувшись домой, провозглашенный героем солдат должен был вести нормальную жизнь до тех пор, пока активизированная особой конфигурацией карт во время простого

раскладывания пасьянса программа не включила заложенный код. Потом он получил соответствующие инструкции и превратился в послушного убийцу.

Но корейская война закончилась в 1953 году, а этот триллер был опубликован в 1959-м, задолго до рождения Дасти. Ни молодой солдат, ни доктор Ен Ло не были реальными людьми. Не было никакой очевидной причины, согласно которой должна была существовать связь между этим романом и Дасти, Марти и Скитом с его правилами, изложенными в виде хокку.

Дасти оставалось только читать далее, надеясь на открытие.

Пробежав еще несколько страниц, Дасти услышал, как в толстой двери со стороны кабинета Аримана скрипнула ручка, услышал щелчок замка и внезапно почувствовал: никто не должен узнать, что он читал эту книгу. Он ощутил резкое необъяснимое возбуждение и, когда герметическая дверь начала приоткрываться со щелчком и вздохом потревоженного вакуума, отбросил книгу от себя, словно боялся быть застигнутым за смакованием мерзкой порнографии или, хуже того, одного из тех многочисленных напыщенных томов, на содержании которых паразитировали его отец и отчим.

Книга скользнула по маленькому столику, стоявшему рядом с его креслом, и шлепнулась на пол в то же мгновение, когда тяжелая дверь распахнулась и на пороге появился доктор Ариман. Необъяснимо покраснев, Дасти поспешно поднялся на ноги одновременно с падением книги и совершенно натурально закашлялся, заглушив звук падения.

Взволнованный, он услышал свой голос:

— Доктор, Марти… Как у нее… Она…

— Виола Нарвилли, — произнес Ариман вместо ответа.

— Я слушаю.

ГЛАВА 50

После того как была прочитана литания на тему личного хокку Дасти, доктор Ариман проводил его в свой кабинет и подвел к тому самому креслу, в котором прежде сидела Марти. Сейчас она спала на кушетке, но Дасти даже не взглянул на нее.

Ариман уселся в кресло, стоявшее напротив, и с минуту изучал свой объект. У мужчины был несколько отстраненный вид, тем не менее он сразу же откликался на голос доктора. Пассивное выражение его лица напоминало тот облик, который автоматически обретает почти каждый автомобилист, попавший в пробку в час пик.

Дастин Родс был сравнительно новым приобретением в коллекции Аримана. Он находился под полным контролем доктора менее двух месяцев.

Марти, действовавшая по непосредственным указаниям доктора, три раза собственноручно подносила мужу тщательно составленную смесь наркотиков: рогипнол, фенциклидин, валиум и еще одну субстанцию, известную под названием «Санта-Фе-46» лишь узкому кругу посвященных. Под действием этого коктейля он погружался в состояние поверхностного наркоза, которое наилучшим образом позволяло проводить программирование личности. Поскольку Дасти всегда ел за обедом сладкое, первая доза была принята им вместе с куском арахисового торта, вторая, два дня спустя, ничуть не изменила ни вкуса, ни запаха шарика крем-брюле, посыпанного крошкой кокосового ореха, а третью, через три дня после второй, подмешанную в торт из фруктового мороженого, залитого сверху сливочной помадкой и богато посыпанного и нафаршированного вишнями в ликере «мараскин», толченым миндалем и мелко порезанными финиками, не смогла бы обнаружить, пожалуй, даже полицейская ищейка-бладхаунд.

Этот человек знал толк в еде. И доктор даже чувствовал некоторое духовное родство с ним, по крайней мере в кулинарных пристрастиях.

Программирование было осуществлено в спальне четы Род-сов: Дасти лежал на

кровати, Марти сидела, скрестив ноги, в углу на большой подушке, покрытой овчиной, торшер использовался в качестве штатива для капельницы. Все прошло прекрасно.

Дело могла усложнить собака, но она была слишком ласковой и послушной, и потому ее недовольство проявилось лишь в негромком ворчании и угрюмом взгляде. Марти выставила пса из комнаты и оставила одного с миской воды, желтым резиновым пищащим утенком и нейлоновой косточкой.

Теперь же, дождавшись, пока беспорядочные движения глазных яблок Дасти, вызванные фазой быстрого сна, закончатся, доктор Ариман объявил:

— Это займет не так уж много времени, но мои сегодняшние инструкции очень важны.

— Да, сэр.

— Марти явится сюда на прием в пятницу, послезавтра, а ты должен будешь так организовать свой график, чтобы лично доставить ее ко мне. Скажи мне, ты понял?

— Да. Понял.

— Пойдем дальше. Ты удивил меня вчера — своим геройством на крыше дома Соренсона. Это не входило в мои планы. Если в будущем тебе случится присутствовать при другой попытке твоего брата Скита совершить самоубийство, ты не станешь вмешиваться. Ты можешь приложить некоторые усилия для того, чтобы отговорить его от этого, но ограничишься одними только разговорами и в конце концов позволишь Скиту уничтожить себя. Скажи мне, ты все понял?

— Я понял.

— Когда он покончит с собой, ты окажешься совершенно внутренне опустошенным. И разгневанным. О, ты будешь в совершенной ярости. Ты полностью потеряешь контроль над своими эмоциями. Ты будешь знать, на кого направить свой гнев, потому что это имя будет названо в предсмертной записке. Подробности мы обсудим в пятницу.

— Да, сэр.

Человек всегда может найти время позабавиться, даже в том случае, когда его действия подчинены строгому графику. Доктор поглядел на Марти, лежавшую на кушетке, а потом повернулся к Дасти.

— Твоя жена — это лакомый кусочек, тебе не кажется?

— Мне?

— Неважно, считаешь ты так или нет, — я думаю, что твоя жена — это лакомая штучка.

Глаза Дасти были почти серыми, но с голубыми искорками, которые делали их цвет уникальным. В детстве Ариман собирал стеклянные шарики, накопил несколько мешков прекрасных гладких разноцветных шариков, и среди них были три, несколько напоминавших глаза Дасти, хотя и не таких блестящих. Марти считала глаза мужа воистину прекрасными; именно поэтому доктор потерпел неудачу в первой попытке навязать ей *реальный* приступ аутофобии, внушив видение ключа, воткнутого в один из этих любимых глаз.

— По этому поводу ты больше не станешь давать мне кратких ответов, — распорядился Ариман. — Давай-ка по-настоящему обсудим сочность твоей жены.

Неподвижный взгляд Дасти был направлен не на Аримана, а куда-то в точку пространства, разделявшего их. Он сказал безо всяких интонаций, категорично, как могла бы говорить машина:

— Сочность, я полагаю, это свойство в основном плодов.

— Совершенно верно, — подтвердил доктор.

— Сочным может быть виноград. Земляника. Апельсины. Хорошие свиные отбивные должны быть сочными, — продолжал Дасти. — Но это слово не… не может точно охарактеризовать человека.

— О, неужели не может? — восхищенно улыбаясь, воскликнул Ариман. — Будь поосторожнее, маляр. В тебе сказываются гены. А что, если я каннибал?

Неспособный в этом состоянии ответить на вопрос, не содержавший четкого указания на характер ожидаемой информации, Дасти спросил:

— Вы каннибал?

— Если бы я был каннибалом, то был бы совершенно точен, назвав твою хорошенькую жену сочной. Просветите меня, что вы думаете по этому поводу, мистер Дастин Пенн Родс.

Тон голоса Дасти оставался все таким же бесчувственным, но теперь он звучал сухо и педантично, что еще сильнее забавляло доктора:

— С людоедской точки зрения, это выражение должно быть верным.

— Боюсь, что под твоей простонародной синей робой скрывается нудный профессор.

Дасти ничего не сказал; его глаза задергались в пляске стадии БС.

— Ладно, пусть я и не каннибал, — сказал Ариман, — но все же нахожу, что твоя жена сочна. И потому с нынешнего дня я дам ей новое уменьшительное имя. Она будет моей маленькой котлеткой.

Доктор закончил сеанс своими обычными инструкциями, которые должны были запретить любое сознательное или подсознательное воспоминание о том, что происходило между ними. Потом он распорядился:

— Дасти, сейчас ты вернешься в малую приемную. Возьмешь ту же книгу, которую читал, и сядешь на то же место, где сидел прежде. Найдешь место, до которого успел дочитать прежде, чем тебя прервали. После этого ты мысленно выйдешь из часовни, в которой сейчас находишься. Как только ты закроешь дверь часовни, все воспоминания о том, что случилось с того момента, когда я вышел из своего кабинета — когда ты услышал щелчок замка — и до тех пор, пока ты не пробудишься от того состояния, в котором сейчас находишься, окажутся стертыми. Затем ты медленно сосчитаешь до десяти. За это время ты поднимешься по лестнице из часовни. Когда ты скажешь «десять», твое сознание полностью восстановится, и ты продолжишь чтение.

— Я понимаю.

— Доброго вечера тебе, Дасти.

— Спасибо.

— Всегда рад тебя видеть.

Дасти поднялся с кресла и пересек кабинет, ни разу не взглянув на свою жену, лежавшую на кушетке.

После того как мистер вышел, доктор подошел к миссис и несколько секунд стоял, рассматривая ее. И впрямь сочная.

Он опустился на колено перед кушеткой, поцеловал ее в оба закрытых глаза и позвал:

— Моя котлетка! — Это, конечно, не привело ни к какому эффекту, но позабавило доктора. Еще два поцелуя в закрытые глаза. — Принцесса.

Она проснулась, но все еще находилась в тайной часовне своего мозга, ей еще не было позволено вернуться в полное сознание.

По указанию Аримана она вернулась в кресло, в которое села, войдя в кабинет.

Усевшись в собственное кресло, доктор стал объяснять:

— Марти, всю вторую половину дня и ранним вечером ты будешь чувствовать себя несколько спокойнее, чем на протяжении минувших двадцати четырех часов. Твоя аутофобия не исчезнет, но несколько смягчится. Некоторое время ты будешь ощущать только неопределенное беспокойство, ощущение слабости в теле, а также краткие периоды более острого страха продолжительностью всего одна-две минуты каждый час. Но позже, примерно… о, примерно в девять часов вечера, ты все же испытаешь самый сильный приступ паники из всех, которые с тобою происходили. Он начнется так же, как обычно, будет развиваться, как обычно, но внезапно в твоем сознании возникнут образы убитых и замученных людей, которые мы изучали вместе, все эти зарезанные и застреленные люди, искалеченные тела, разлагающиеся трупы, и ты против всякого здравого смысла окажешься уверенной в том, что несешь личную ответственность за то, что случилось с ними, что своими собственными руками совершала все эти пытки и убийства. Твоими руками. Твоими руками. Скажи мне, ты поняла мои слова?

— Моими руками.

— Все детали я оставляю на твое собственное усмотрение. Ты получила достаточно

сырья для того, чтобы нагромоздить все что угодно.

— Я понимаю.

Раскаленные страстью глаза.
Кипение в бульоне эроса.
Моя сочная котлетка.

Хокку с кулинарными метафорами. Не было никаких свидетельств того, что мастера японского стиха творили что-либо подобное, но, хотя доктор уважал строгую формальную структуру хокку, все же его дух был достаточно свободным и время от времени позволял ему устанавливать свои собственные правила.

* * *

Дасти читал о докторе Ене Ло и его команде высокообразованных коммунистов — специалистов по контролю над сознанием, копавшихся в мозгах несчастных американских солдат, когда внезапно воскликнул:

— Что это значит, черт возьми?!

Речь шла о дешевой книжке в мягкой обложке, которую он держал в руках.

Он чуть не швырнул «Маньчжурского кандидата» через всю комнату, но сдержался. Вместо этого он положил ее на столик, стоявший рядом с его креслом, и потряс правой рукой, словно обжег ее о книгу.

Резко вскочив на ноги, Дасти уставился на эту проклятую штуку. Он, пожалуй, не был бы потрясен и напуган сильнее, даже если бы заклинание злого волшебника прямо у него в руках превратило роман в гремучую змею.

Осмелившись наконец оторвать взгляд от книги, он поглядел на дверь, ведущую в кабинет доктора Аримана. Закрыто. Дверь казалась закрытой с незапамятных времен. Несокрушимой, как каменный монолит.

Легкое поскрипывание дверной ручки, щелчок замка. Он ясно слышал оба эти звука. Смущение, тревога, чувство стыда, ощущение опасности — совершенно необъяснимым образом эти и еще какие-то чувства проскочили в его сознании со скоростью электрического разряда, сложившись в отчетливую мысль: «*Никто не должен узнать, что он читал эту книгу!* » Не раздумывая, он отбросил книгу на стол; ее глянцевая неистрепанная обложка скользнула по гранитной крышке. Дверь издала хлопок нарушенного вакуума, а он вскочил, так как в это время книжка шлепнулась на пол, а потом…

…А потом роман снова оказался в его руке, а сам он сидел в кресле и читал, как будто скрипа ручки, щелчка замка, хлопка звукоизоляции вовсе не было. А что, если вся его жизнь, с рождения до смерти, была просто видеозаписью там, в грядущем царстве, и один из небесных редакторов промотал несколько секунд из нее, к моменту, предшествовавшему тому, когда звуки открывавшейся двери встревожили его, стер эти события, но забыл стереть его память о них. Наверно, это был начинающий ученик редактора.

Магия. Дасти припомнил романы-фэнтези из квартиры Скита. Волшебники, колдуны, некроманты, маги, заклинатели. То, что произошло сейчас с ним, заставило поверить в волшебство — или усомниться в состоянии своего рассудка.

Он потянулся к книге, лежавшей на столе там, куда он отбросил ее — неужели уже во второй раз? — и замер в растерянности. Потом ткнул в книгу пальцем, но она не зашипела, не открыла глаза, не подмигнула ему.

Он поднял ее, с любопытством повертел в руках, провел по обрезу страниц большим пальцем.

Страницы прошуршали со звуком, напомнившим ему перетасовываемую колоду карт, а это, в свою очередь, привело ему на память американского солдата из романа с промытыми

мозгами, того, что был запрограммирован стать убийцей. Программа должна была активизироваться, когда ему вручат колоду карт и спросят: «Вам не кажется, что пасьянс поможет скоротать время?» Эффект мог наступить только в том случае, когда вопрос задавался нужными словами в нужном порядке. Парень принялся раскладывать пасьянс до тех пор, пока не открыл бубновую даму, после чего его подсознание раскрылось для человека, осуществлявшего контроль над ним, пришло в готовность к получению инструкций.

Задумчиво рассматривая пухлый томик, Дасти снова провел пальцем по страницам. Сел, пребывая все в той же задумчивости. Еще раз прошуршал страницами. Что бы с ним ни случилось, к волшебству оно не имело никакого отношения. А что с ним случилось? Он потерял краткий промежуток времени, вероятно, лишь несколько секунд, даже меньше, чем во время телефонного разговора в кухне накануне. Меньше? А так ли это было на самом деле?

Он посмотрел на наручные часы. Возможно, и не меньше. Он не мог быть в этом уверенным, так как не смотрел на часы с тех самых пор, как принялся за чтение романа. Возможно, он пребывал в отключке в течение нескольких секунд, а может быть, и десяти минут, а то и дольше.

Сказка о потерянном времени.

Какой в ней смысл?

Никакого.

Подхлестываемый глубинным инстинктом, рассудок ринулся по следу, проложенному логикой, который петлял куда сильнее даже, чем человеческий кишечник. Сейчас сосредоточиться на романе Кондона было невозможно.

Дасти пересек комнату, подошел к вешалке для одежды и засунул книгу в карман своей собственной куртки, а не Марти. Из другого кармана он извлек телефон.

Запрограммированный в результате промывания мозгов человек откликнулся на точно сформулированный вопрос: «*Вам не кажется, что пасьянс поможет скоротать время?* » Почему таким паролем не может послужить имя? *Доктор Ен Ло* .

И при этом глубинные слои подсознания становятся доступными для контролирующей личности после появления бубновой дамы… Почему вместо карты нельзя использовать декламацию нескольких поэтических строк? Хокку.

Шагая по комнате, Дасти набрал номер Неда Мазервелла. Нед ответил после пятого гудка. Он все еще находился в доме Соренсона.

— Сегодня нельзя было красить: все еще влажное после дождя, но мы сделали очень большую подготовительную работу. Черт возьми, мы с Пустяком, всего-навсего вдвоем, сегодня сделали больше, чем за минувшие два дня вместе с этим пропащим тощим подонком, который шлялся вокруг, обкурившись то одной, то другой «дури».

— Дела у Скита идут на лад, — сообщил Дасти, — спасибо, что ты о нем вспомнил.

— Я надеюсь, что там, куда ты его отправил, его будут круглые сутки хлестать по костлявой заднице.

— Именно так и будет. Я отправил его как раз в Госпиталь поротых задниц во имя Богоматери.

— Такое место обязательно должно найтись.

— Я уверен, что если стрейт-эджеры примкнут к церкви, то хотя бы одна такая лечебница появится в каждом городе. Послушай, Нед, не мог бы ты попросить Пустяка закончить сегодняшнюю работу в одиночку, а ты тем временем сделал бы кое-что для меня?

— Как нечего делать. *Пустяк* не жрет наркотики, не пытается угробить себя, как этот бестолковый хер. На *Пустяка* можно положиться.

— Он не видел за последнее время снежного человека?

— Если он мне когда-нибудь скажет, что видел, то я поверю ему.

— Я тоже, — признался Дасти.

Он сказал Неду Мазервеллу, что ему требуется, и они договорились, когда и где

встретятся.

Закончив разговор, Дасти прицепил телефон к поясу. Потом посмотрел на часы. Почти три часа. Он снова уселся в кресло.

Двумя минутами позже Дасти погрузился в раздумья такой интенсивности, что, казалось, от умственного напряжения даже сера из его ушей должна была вылететь со скоростью пули. Он сидел, наклонившись вперед, упершись локтями в бедра, зажав руки между коленями и уставившись невидящими глазами в черный гранитный пол. Услышав слабое поскрипывание дверной ручки, щелканье замка, он вскинул голову, но продолжал сидеть.

Первой из кабинета вышла Марти. Она приятно улыбалась, и Дасти поднялся с места, чтобы приветствовать ее, правда, при этом улыбался не так приятно, как она. Следом за нею в приемную вступил доктор Ариман, улыбаясь по-отечески, и, возможно, Дасти улыбнулся при виде психиатра даже приятнее, чем при виде Марти, так как этот человек излучал неподдельную компетентность, и сострадание, и доверительность, и все остальные хорошие качества человека и специалиста.

— Превосходный сеанс, — заверил Дасти доктор Ариман. — Мы уже добились некоторого прогресса. Я полагаю, что Марти наилучшим образом откликнется на ту терапию, которую я с нею провожу в настоящее время.

— Слава богу! — воскликнул Дасти, снимая с вешалки куртку Марти.

— Не могу поручиться, что впереди не ожидается тяжелых времен, — предупредил доктор. — Возможно, случатся даже более серьезные приступы паники, чем *прежде бывшие* . Ведь это все-таки редкая фобия, и для ее преодоления требуются изрядные усилия. Но я абсолютно уверен, что, не считая кратковременных возвратов прежнего состояния, в долгосрочной перспективе мы добьемся полного излечения.

— В долгосрочной перспективе? — переспросил Дасти; правда, в его голосе не прозвучало волнения, так как никто не мог волноваться при виде уверенной улыбки доктора.

— Не больше, чем несколько месяцев, — сообщил доктор Ариман, — а возможно, даже намного быстрее. У этих вещей имеются свои собственные часы, и мы не можем устанавливать их по своей воле. Но тем не менее имеются все основания для оптимизма. На этом этапе я даже не собираюсь рассматривать медикаментозный компонент, только терапия в течение недели или двух, а там мы посмотрим.

Дасти чуть не сообщил о валиуме, который прописал его жене доктор Клостерман, но Марти заговорила раньше.

Скользнув в рукава своей черной кожаной куртки, которую подал ей Дасти, она сказала:

— Милый, я чувствую себя довольно хорошо. На самом деле, намного лучше. Правда-правда.

— В пятницу утром, в десять часов, я вас жду, — напомнил доктор Ариман.

— Мы придем, — заверил его Дасти.

— Уверен, что придете, — с ласковой улыбкой кивнул Ариман.

Когда доктор шагнул назад и закрыл за собой тяжелую дверь кабинета, показалось, что приемная лишилась части тепла, взамен которого откуда-то хлынула волна холода.

— Он действительно великий психиатр, — сказала Марти.

— Он употребляет все свои знания и опыт на благо пациентов, — добавил Дасти, застегивая «молнию» на своей куртке, и хотя при этих словах он улыбался и чувствовал себя прекрасно, какая-то каверзная часть его сознания успела ехидно возразить: а откуда ему известно, что Ариман употребляет свои знания и опыт на что-нибудь, кроме взимания гонораров со своих посетителей?

— Он заставит все эти страхи исчезнуть. Я совершенно уверена в нем, — сказала Марти, открывая дверь в коридор четырнадцатого этажа.

Когда они шли по длинному коридору, направляясь к лифту, Дасти спросил:

— Кто использует слово «преждебывшие»?

— Что ты имеешь в виду?

— Он так сказал. Доктор Ариман. Преждебывшие.

— Он? Ну и что, ведь это термин, не так ли?

— Но насколько часто тебе приходилось его слышать? Я хочу сказать, не в конторе адвоката или зале суда.

— О чем ты все-таки говоришь?

— Я сам не знаю, — нахмурившись признался Дасти.

Уже стоя в нише возле двери лифта, нажав кнопку вызова, Марти сказала:

— Преждебывшие… Ты обычно не говоришь бессмысленных вещей, а вот сейчас…

— Это напыщенное слово.

— Нет, почему же.

— Для повседневной речи — напыщенное, — продолжал настаивать он. — Оно из тех словесных уродов, какие мог бы употреблять мой старик, Тревор Пенн Родс. Или старик Скита. Или каждый из последовавшей за ними пары мужей, этих элитарных ублюдков.

— Ты произносишь тирады, что нечасто случалось в преждебывшем. И что же все-таки ты имеешь в виду?

— Полагаю, что ничего определенного, — вздохнул Дасти.

Пока они спускались на первый этаж, желудок Дасти все норовил подняться к самому горлу и выскочить наружу, как если бы они находились в экспресс-лифте, несущемся прямо в ад.

Дасти шел по вестибюлю так, что можно было подумать, будто он проходит декомпрессию после погружения в глубоководную океаническую впадину или приспосабливается к земному тяготению после недельного пребывания в «спейс-шаттле». Или отходил после тяжелого кошмарного сновидения.

Когда они подошли к дверям, Марти взяла его под руку.

— Извини меня, Марти, — сказал он. — Дело в том, что я чувствую… нечто сверхъестественное.

— Все в порядке. Ты и был сверхъестественным, когда я вышла за тебя замуж.

ГЛАВА 51

В отличие от помещения, занимаемого на четырнадцатом этаже доктором Ариманом, со стоянки автомобилей океан не был виден совсем, и Дасти не мог разглядеть, были ли сейчас волны такими же зловеще темными, какими они казались из окна приемной психиатра.

Мрачное небо все так же тяжело нависало над головами, но уже не наваливалось на Дасти со всей невыразимой тяжестью Судного дня, как недавно, да и, глядя вокруг, на творения рук человеческих, он больше не видел в них потенциальные руины грядущих катаклизмов.

Бриз понемногу усиливался, превращаясь в ветер; он деловито гнал по тротуару опавшие листья и мелкие клочья мусора.

Когда Марти села в автомобиль, ею овладел приступ нервного возбуждения, хотя по своей интенсивности он был лишь бледной тенью тех пароксизмов, которые происходили с нею утром. Находясь под свежим воздействием сеанса психотерапии, она принялась рыться в перчаточном ящике, нашла там пакетик шоколадных конфет, стала по одной засовывать их в рот и с наслаждением жевать. Судя по всему, ее совершенно не беспокоило, что в случае приступа паники она будет вынуждена извергнуть их обратно, если ее, как это уже бывало, одолеет неудержимая рвота.

Взяв шоколадку, которую предложила ему Марти, Дасти вынул из кармана книгу о маньчжурском кандидате.

— Где ты ее взяла? — спросил он у жены.

Она взглянула на книгу и пожала плечами.

— Где-то подцепила.

— Ты купила ее?

— Ты же знаешь, что в книжных магазинах ничего не дают даром.

— Какой это был книжный магазин?

— А какая разница? — нахмурившись, спросила Марти.

— Я потом объясню. Но прежде я хотел бы выяснить, что это был за магазин. Барнса и Нобля? Бордерса? «Книжный карнавал», где ты покупаешь детективные романы?

Жуя очередную шоколадку, Марти довольно долго разглядывала книгу, а потом подняла на мужа смущенный взгляд:

— Не знаю.

— Но ведь ты же не покупаешь еженедельно по сотне книг в двадцати различных магазинах, — нетерпеливо сказал он.

— Ну, ладно, но ведь я никогда не утверждала, что имею такую же память, как и ты. А *ты* не помнишь, откуда она у меня взялась?

— Должно быть, меня тогда не было с тобой.

Марти отложила конфеты и забрала у Дасти книгу. Она не раскрыла ее, не пролистала страницы, как он ожидал, а лишь держала ее обеими руками и рассматривала название, стискивая томик с такой силой, словно пыталась выжать из него тайну происхождения, как сок из апельсина.

— Пожалуй, мне стоит вернуться в больницу и пройти еще одно обследование — не началась ли у меня в сверхраннем возрасте болезнь Альцгеймера[1], — в конце концов сказала она, возвращая книгу Дасти и вновь принимаясь за конфеты.

— Возможно, это был подарок, — предположил Дасти.

— От кого?

— Именно это я у тебя и спрашиваю.

— Нет. Если бы мне ее подарили, то я запомнила бы это.

— Сейчас, когда ты рассматривала книгу, почему ты не раскрыла ее?

— Раскрыть ее? Но там нет ничего, что могло бы напомнить мне, где я ее купила. — Она протянула Дасти полупустой пакетик конфет. — Знаешь, ты какой-то раздражительный. Может быть, у тебя понижен уровень сахара в крови? Подкинь в себя немного сахара.

— Постой, Марти. Ты знаешь, о чем этот роман?

— Конечно. Это — триллер.

— Но триллер *о чем* ?

— Хороший язык, интересный сюжет, а персонажи — яркие и живые. Роман мне очень нравится.

— И все же — о чем в нем *рассказывается* ?

Марти посмотрела на аккуратную пухлую книжку; движение ее челюстей, пережевывавших шоколадку, замедлилось.

— Ну, ты же знаешь эти триллеры… Бегают, прыгают, гоняются, стреляют, опять бегают…

Дасти внезапно показалось, что книга, которую он держал в руках, стала заметно холоднее и тяжелее. Да и ее материал тоже начал изменяться: яркая обложка казалась на ощупь более гладкой, чем прежде. Как будто это была не просто книга. А нечто большее, чем книга. Скорее талисман, который мог в любой момент проявить свою сверхъестественную силу и провести его сквозь магические ворота в населенную драконами иную реальность наподобие тех, о которых любит читать Скит. А может быть, талисман уже исполнил этот трюк, и он, Дасти, даже и не заметив, перешел из одного мира в другой. Здесь явно водились драконы.

— Марти, мне кажется, что ты не прочла ни единой фразы из этой книги. Даже не

---

1 Болезнь Альцгеймера — разновидность старческого слабоумия, характеризующаяся прогрессирующими: распадом памяти, эмоциональной неустойчивостью и нарушениями мыслительной деятельности, в том числе потерей пространственной ориентировки, утратой практических навыков, распадом речи, возникновением бредовых идей. При этом наличествует смутное сознание своей болезни. Обычно возникает в возрасте 50-60 лет и тянется 10-15 лет.

открывала ее.

Держа шоколадку двумя пальцами, чтобы засунуть ее в рот, Марти заявила:

— Я уже говорила тебе: это настоящий триллер. Хороший язык, интересный сюжет, а персонажи — яркие и живые. Роман… мне… очень нравится.

Дасти понял, что Марти заметила странную напевность своего голоса. Она сидела с приоткрытым ртом, но кусочек шоколада так и остался снаружи, перед губами. Глаза Марти широко раскрылись, словно она была очень удивлена.

Дасти перевернул книгу задней стороной обложки вверх.

— Здесь рассказывается о промывании мозгов, Марти. Это ясно даже из издательской аннотации.

Выражение лица Марти лучше, чем любые слова, которые могли бы попасть ей на язык, говорило о том, что она действительно не имела понятия о содержании романа.

— Действие происходит во время корейской войны и спустя еще несколько лет после ее окончания, — продолжал он.

Шоколадный кружок начал таять в ее пальцах, и она засунула его в рот.

— Там рассказывается об одном парне, — сообщил Дасти, — о солдате по имени Раймонд Шоу, который…

— Я слушаю, — перебила его Марти.

В этот момент Дасти смотрел на книгу. И, подняв глаза на жену, он увидел на ее лице неподвижное вопросительное выражение. Ее рот приоткрылся. Он видел лежавшую на языке шоколадку.

— Марти?

— Да, — сказала она не своим голосом, не смыкая губ; конфета подрагивала на ее языке.

Это был тот самый случай, что произошел со Скитом в клинике «Новая жизнь», только теперь он повторялся с Марти.

— Вот дерьмо, — в сердцах сказал он.

Марти моргнула, закрыла рот, засунула конфету за левую щеку и спросила:

— Что случилось?

Она опять вернулась к нему из этого пугающего отдаления; глаза ее прояснились.

— Где ты была? — спросил он.

— Я? Когда?

— Здесь. И прямо сейчас.

Она резко вздернула голову.

— Мне кажется, что у тебя в организме действительно не хватает сахара.

— Почему ты сказала: «Я слушаю»?

— Я не говорила этого.

Дасти посмотрел сквозь ветровое стекло и не увидел ни черного замка из обсидиана, ни красноглазых злобных нелюдей, выглядывающих сквозь бойницы его зубчатых, как пила, стен, ни драконов, пожирающих рыцарей. Всего лишь обдуваемую свежим бризом стоянку для автомобилей, тот самый мир, который он хорошо знал, хотя сейчас он был далеко не таким понятным, каким казался еще совсем недавно.

— Я пересказывал тебе содержание книги, — напомнил он. — Ты помнишь мои последние слова о ней?

— Дасти, что за…

— Ну, порадуй меня.

Она вздохнула.

— Ладно. Ты говорил что-то об этом парне, солдате…

— И?

— А потом ты сказал: «Вот дерьмо!» Это все.

Дасти показалось, что он видит какой-то выход из того тупика, в котором они оказались. Положил книгу на приборную панель.

— Ты не запомнила имени солдата?

— Ты не сказал его.

— Да нет, я его назвал. А потом… потом ты ушла. Вчера вечером ты рассказывала мне, что у тебя есть ощущение, будто ты теряешь частицы времени. Так вот, прямо здесь только что ты потеряла несколько секунд.

Марти недоверчиво смотрела на него.

— Я этого не чувствую.

— Раймонд Шоу, — снова сказал он.

— Я слушаю.

И снова она куда-то ушла. Взгляд расфокусирован. Но транс не такой глубокий, как у Скита.

Предположим, что имя активизирует субъект. Предположим, что после этого хокку раскрывает подсознание для приема инструкций.

— Легкий порыв… — произнес Дасти. Это было единственное хокку, которое он знал.

Глаза Марти казались остекленевшими, но не подергивались, как у Скита. Она не отреагировала на эти строки минувшей ночью, когда заснула, и не собиралась реагировать на них теперь. Ее фраза-детонатор была «Раймонд Шоу», а не «доктор Ен Ло», и ее хокку должно было быть не таким, как у Скита.

Тем не менее он продолжил:

— И ветер разносит…

Марти моргнула.

— Что разносит?

— Ты снова уходила.

— Тогда кто нагрел мое сиденье? — поинтересовалась Марти, глядя на него с откровенным сомнением.

— Я говорю совершенно серьезно. Ты уходила. Примерно так же, как и Скит, но все же не совсем так. Я лишь назвал имя, только сказал: «Доктор Ен Ло», — и он оказался совершенно потерянным, бормотал что-то насчет правил, обижался на меня за то, что я нарушаю эти правила. Но ты крепче и поэтому ждешь, пока я произнесу слова, которые должны идти следом, и если не слышишь нужного стихотворения, с помощью которого ты открываешься для приема команд, то выходишь из этого состояния.

Марти глядела на него, как на сумасшедшего.

— Я не спятил, — заверил он.

— В тебе сейчас определенно гораздо больше сверхъестественного, чем в то время, когда я вышла за тебя замуж. Что там за ерунда насчет Скита?

— В «Новой жизни» вчера произошло кое-что весьма странное. У меня не было возможности рассказать тебе об этом.

— Теперь у тебя есть такая возможность.

Дасти мотнул головой.

— Попозже. Давай-ка сначала разберемся по порядку; я попробую доказать тебе, что нечто все-таки происходит. У тебя во рту есть конфета?

— У меня во рту?

— Да. Ты уже проглотила последний кусочек или же у тебя во рту все еще что-то остается?

Она вынула языком полурастаявшую конфету из-за щеки, высунула язык, показав Дасти кусочек шоколада, и снова спрятала его в рот.

— Но разве тебе не будет лучше съесть нетронутую конфету? — поинтересовалась она, в очередной раз протянув мужу пакетик.

— Проглоти конфету, — попросил Дасти, забрав пакетик у нее из рук.

— Знаешь, иногда мне нравится, когда они тают во рту.

— Ты сможешь дать растаять следующей, — нетерпеливо сказал он. — Ну, давай, глотай ее.

— Определенно, у тебя в крови пониженный сахар.

— Нет, просто я раздражителен по натуре, — возразил он, вынув конфету из пакетика. — Ты проглотила?

Марти сделала по-театральному выразительный глоток.

— У тебя во рту нет конфеты? — требовательно спросил Дасти. — Ничего не осталось? Совсем?

— Да, да. Но какое это имеет отношение к…

— Раймонд Шоу, — произнес Дасти.

— Я слушаю.

Глаза ее сразу расфокусировались, лицо застыло неподвижной маской, рот остался приоткрытым на полуслове: она ждала слов хокку, которых он не знал.

Вместо того чтобы прочесть стихи, Дасти дал ей конфету, просунув кружочек шоколада между приоткрытыми губами и несжатыми зубами на язык, который даже не пошевелился от прикосновения сладости.

И лишь после того, как Дасти отклонился от нее, Марти моргнула, попыталась закончить фразу, которую Дасти прервал именем «Раймонд Шоу», — и почувствовала, что у нее во рту конфета.

Судя по всему, в этот момент она ощутила примерно то же самое, что и Дасти, когда волшебным способом обнаружил в руках книгу, которую за мгновение до этого уронил на пол приемной. Он тогда от потрясения чуть не швырнул ее в дальний угол комнаты, но в последний момент сдержался. Марти не смогла сдержаться: она задохнулась от неожиданности, поперхнулась, закашлялась и с силой выплюнула конфету, угодив прямо Дасти в лоб.

— Мне казалось, что тебе нравится, когда они постепенно тают, — только и смог сказать он.

— Она тает.

Дасти вынул «Клинекс» и тщательно стер шоколад со лба.

— Ты отсутствовала в течение нескольких секунд, — сообщил он.

— Да, я отсутствовала, — согласилась она; ее голос дрожал.

Состояние подъема, в котором она пребывала после сеанса, исчезло. Она нервно обтерла губы тыльной стороной ладони, отогнула противосолнечный щиток, чтобы рассмотреть лицо в маленьком зеркальце, но сразу же отшатнулась от своего отражения. Откинув щиток на место, она съежилась на сиденье.

— Скит? — напомнила она мужу.

Со всей возможной краткостью Дасти рассказал ей о падении с крыши дома Соренсона, о страницах из блокнота в кухне Скита, об эпизоде в «Новой жизни» и о своем недавнем открытии: что он испытывал по крайней мере краткие периоды потерянного времени.

— Выпадения сознания, фуги — все равно, как их называть.

— Ты, я, Скит… — сказала Марти и поглядела на ничем не примечательную книгу в мягкой обложке, лежавшую на приборной панели. — Но… Промывание мозгов?

Дасти остро сознавал, насколько невероятной должна была казаться его теория, но события последних двадцати четырех часов придали ей достоверности, хотя от этого она не стала менее нелепой.

— Может быть, и так. С нами что-то произошло. Что-то… с нами произошло.

— Но почему с нами?

Он посмотрел на часы.

— Пожалуй, нам лучше отправляться. Я должен встретиться с Недом.

— А чем Нед может помочь во всей этой истории?

— Ничем, — ответил Дасти, включив зажигание. — Просто я попросил его кое-что сделать для меня.

Когда Дасти стал задним ходом подавать автомобиль с места на стоянке, Марти снова заговорила:

— Вернемся к главному вопросу. Почему мы? Почему это произошло с нами?

— Конечно, я понимаю, что ты думаешь. Маляр, разработчик компьютерных игр и несчастный придурок Скит. Кто может извлечь пользу из того, что поломает наши мозги, начнет управлять нами?

Взяв злосчастную книгу с приборной панели, Марти спросила:

— А зачем они в этой истории промывали парню мозги?

— Его превратили в убийцу, который никогда не сможет указать управляющих им людей.

— Ты, я и Скит — убийцы?

— Ли Харви Освальд, до тех пор пока не застрелил Джона Кеннеди, был, по крайней мере, таким же никем, как и мы.

— Ну и дела, спасибо.

— Полностью с тобой согласен. И Сирхан-Сирхан. И Джон Хинкли.

Независимо от того, какого цвета было море, сохранило ли оно свою окраску серо-черного мрамора с тех пор, как Дасти в последний раз взглянул на него, он почувствовал, что теперь, когда успокаивающая обстановка приемной психиатра осталась вдали, его настиг новый спад в настроении. Когда на выезде со стоянки он подошел к будке кассира, стоявшей рядом с легким полосатым шлагбаумом, перегораживавшим проезд, крошечный домик показался Дасти обителью угрозы, наподобие блокпоста на отдаленной, богом забытой границе где-то высоко в балканских горах, где одетые в камуфляжную форму головорезы с автоматами привычно грабили, а порой и убивали путешественников. В будке сидела милая женщина лет тридцати, с приятным лицом, немного полноватая, с заколкой в виде бабочки в волосах, но Дасти испытывал параноидальное ощущение: она была кем-то совсем не тем, кем казалась. Когда шлагбаум взлетел вверх и машина выкатилась со стоянки, он готов был поверить в то, что не менее чем в половине автомобилей, проезжавших по улице, скрывались шпионы, которые должны были следовать за ними по пятам.

ГЛАВА 52

Пока они ехали по Ньюпорт-Сентр-драйв, раскачиваемые ветром пальмы размахивали своими разлапистыми листьями перед машиной, будто хотели предостеречь Дасти от того маршрута, по которому он направлялся.

— Ладно, — сказала наконец Марти, — пусть кто-то сотворил с нами все это, но кто все-таки?

— В «Маньчжурском кандидате» этим занимались Советы, китайцы и северные корейцы.

— Советского Союза больше не существует, — заметила она. — Да и в любом случае я не могу представить нас троих инструментами сложного заговора азиатских тоталитаристов.

— В кинофильме виновниками, скорее всего, оказались бы инопланетяне.

— Великолепно! — с ноткой сарказма откликнулась Марти. — Давай позвоним Пустяку Ньютону и попросим его порыться в его неисчерпаемом запасе информации о пришельцах.

— А может быть, какая-нибудь гигантская корпорация решила превратить всех нас в бездумных человекоподобных роботов-потребителей.

— Я уже почти стала такой без их помощи, — ответила Марти.

— Тогда это тайное правительственное агентство, коварные политические деятели или Большой Брат — замаскированный диктатор.

— Этот вариант, пожалуй, слишком похож на правду, для того чтобы отнестись к нему легко. Но спрашиваю еще раз — почему мы?

— Если бы это были не мы, то должен был оказаться кто-то еще.

— Это не ответ.

— Я знаю, — ответил Дасти. В его голосе слышалось больше расстройства, чем у

монаха, пойманного на нарушении обета безбрачия.

Откуда-то из темной глубины его сознания дразняще высовывался другой ответ. Он поблескивал, пусть и тускло, но вполне достаточно для того, чтобы ясно видеть, что он там есть. Но всякий раз, когда Дасти вступал в теневую зону, пытался добраться до решения, мысль ускользала от него.

Он хорошо помнил картинку с изображением леса, который превратился в город, как только ему удалось избавиться от предвзятого взгляда. Но сейчас он пребывал в другой ситуации, где не мог разглядеть города из-за деревьев.

Он припомнил также свой сон с молнией и цаплей. Груша тонометра плыла между полом и потолком, сжимаемая невидимой рукой. В этом сне, помимо него и Марти, присутствовал некто третий, прозрачный, как призрак.

Этот третий и был их мучителем — то ли пришелец из космоса, то ли агент Большого Брата, то ли кто-то еще. Дасти подозревал, что если он действительно действует или должен будет действовать согласно какой-то гипнотически внедренной в его сознание программе, то его программисты наверняка предусмотрели и помехи для его умственной деятельности. Это было необходимо, чтобы он, если вдруг станет проявлять излишнюю подозрительность, не заподозрил своего настоящего хозяина, а думал бы о самых разных людях и нелюдях, независимо от того, насколько вероятной или невероятной могла быть их причастность к событиям, — ну, например, об инопланетянах и правительственных агентах. Настоящий враг мог попасться на его пути в любой момент, но оказаться при этом таким же невидимым, каким он был в том кошмаре с вопящей цаплей.

Когда Дасти свернул направо и выехал на Пасифик-Коаст-хайвей, Марти раскрыла «Маньчжурского кандидата». В первой же фразе книги упоминалось то самое имя, которое включало у нее временное выпадение сознания. Дасти видел краем глаза, как его жена содрогнулась всем телом, словно от холода, когда имя возникло у нее перед глазами, но тем не менее не отключилась.

Тогда она выговорила эти слова вслух: «Раймонд Шоу», и опять не последовало никакого эффекта, кроме еще одного краткого приступа содрогания.

— Может быть, оно не действует на тебя как надо, если ты читаешь его глазами или же сама произносишь, — предположил Дасти, — и, чтобы подействовало, нужно, чтобы эти слова произнес кто-нибудь другой?

— А не может быть такого, что, узнав это имя, я лишила его власти над собой?

— Раймонд Шоу, — сказал Дасти вместо ответа.

— Я слушаю.

Когда Марти секунд через десять вернулась к своему обычному состоянию сознания, Дасти приветствовал ее:

— Добро пожаловать обратно. И покончим с этой теорией.

— Мы должны отвезти ее домой и сжечь, — заявила Марти, хмуро глядя на книгу.

— Как раз этого делать не стоит. В ней должны быть какие-то ключи. Тайные коды. Те, кто дал тебе эту книгу — а я склонен считать, что ты не заходила в магазин, чтобы купить ее, — кем бы они ни были, должны работать на противоположной стороне улицы от тех, кто запрограммировал нас. Они хотели помочь нам осознать, что с нами происходит. И книга — это ключ. Они дали тебе ключ, чтобы мы смогли отпереть все замки.

— Да? А почему бы тогда им просто не подойти ко мне и не сказать: «Эй, леди, кое-кто, кого мы знаем, творит кое-что с вашим мозгом, забил вам в голову аутофобию и еще кучу всякой гадости, о которой даже и не догадываетесь, сами не знаем, по каким причинам, и все это нам не слишком-то нравится».

— Ладно, допустим, что это какое-то секретное правительственное агентство, и внутри этого агентства имеется маленькая фракция, находящаяся в моральной оппозиции к проекту…

— Моральная оппозиция по отношению к Операции По Промыванию Мозгов Дасти, Скита и Марти.

— Ну, да. Но они не могут подойти к нам открыто.

— Почему? — продолжала упорствовать Марти.

— Потому что их могут убить. А может быть, они боятся, что их уволят и они лишатся пенсии.

— Моральная оппозиция, но не до такой степени, чтобы рисковать пенсией. Эта часть производит впечатление абсолютно возможной. А вот вторая часть… Значит, они подсунули мне эту книгу. Подмигивали, пихали локтями в бока. И тогда получается, что они по каким-то причинам запрограммировали меня не читать ее.

Дасти затормозил в пробке, скопившейся перед красным светофором.

— Версия слегка хромает, так ведь?

— Хромает на все четыре копыта.

Они находились на мосту, нависавшем над каналом, который соединял Ньюпортскую гавань с уходящим в глубь суши заливом. Широкое пространство воды под пасмурным небом было темным, серо-зеленым, но не черным, его поверхность рябил бриз, а подповерхностный слой — течение; поэтому она казалась чешуйчатой, словно шкура неловко спрятавшейся и дремлющей ужасной рептилии юрского периода.

— Но есть история, которая совершенно не хромает, — сказала Марти, — ну совершенно. То, что происходит со Сьюзен.

Ее голос прозвучал очень мрачно, и это сразу отвлекло внимание Дасти от гавани.

— Что еще случилось со Сьюзен?

— У нее тоже происходят потери времени. Причем не короткими отрезками. Как раз наоборот, длинными. Целыми ночами.

Тень после приема валиума, до сих пор сохранявшаяся в глазах Марти, постепенно разошлась, и это было хорошо, зато искусственное спокойствие снова уступило место беспокойству. В офисе доктора Аримана неестественная бледность оставила ее, сменившись прекрасным цветом лица, но теперь тени вновь стали собираться на ее нежной коже, образовывая пятна под глазами, как если бы лицо темнело в унисон с медленно гаснущим зимним днем.

Перед ним, за дальним концом моста, красный сигнал сменился зеленым. Поток машин двинулся.

Марти принялась рассказывать о призрачном насильнике, посещающем Сьюзен.

До сих пор Дасти был взволнован. Ему было страшно. А теперь на его сердце легло иное чувство, хуже, чем волнение или страх.

Порой, когда он пробуждался в темной пропасти ночи и лежал, прислушиваясь к милому, чуть слышному дыханию Марти, смертный страх — более ужасный, чем простая боязнь, — охватывал его существо. Если ему случалось выпить за обедом слишком много вина, съесть слишком много сливочного соуса и, возможно, лишний зубчик чеснока, в его мыслях воцарялась такая же неустроенность, как и в желудке, и он воспринимал тишину предутреннего мира, не видя по своему обыкновению красоты в неподвижности, не слыша в ней мира, а улавливая вместо всего этого угрозу пустоты. Несмотря на веру, которая была его опорой на протяжении большей части жизни, в эти безмолвные ночи его сердце точил червь сомнения, и он задавал себе вопрос: не может ли быть так, что та жизнь, которую они проживут вместе с Марти, окажется единственной, и помимо нее не будет ничего, кроме темноты, в которой не сохраняется никакой памяти, которая пуста настолько, что в ней нет даже одиночества? Его не устраивала жизнь, «доколе смерть нас не разлучит», он не желал соглашаться ни на что, кроме вечности, и когда исполненный отчаяния внутренний голос говорил, что вечность — это обман, он каждый раз протягивал руку, чтобы во мраке прикоснуться к спящей Марти. Ему нужно было не разбудить ее, а лишь почувствовать то, что в ней неизменно присутствовало и что он мог воспринять даже при самом легком прикосновении: ее врожденное милосердие, ее бессмертие и обетование его собственного бессмертия.

И теперь, когда он слушал, как Марти пересказывает ему историю Сьюзен, Дасти вновь

обратился в яблоко, подтачиваемое червем сомнения. Все, что происходило с каждым из них, казалось нереальным, бессмысленным, всплеском того хаоса, что лежит в основе жизни. К этому ощущению добавилась мысль, что конец, когда он наступит, будет только концом, а не явится одновременно началом, и еще он ощущал, что дело быстро движется к жестокой и зверской смерти, навстречу которой они мчатся вслепую.

Когда Марти закончила рассказ, Дасти вручил ей свой сотовый телефон.

— Набери номер Сьюзен еще раз.

Она нажала на кнопки. В трубке раз за разом раздавался гудок. Еще и еще.

— Знаешь что, давай заедем и спросим у тех пенсионеров, что живут внизу, не знают ли они, куда она ушла, — предложила Марти. — Это недалеко.

— Нас ждет Нед. Как только я заберу то, что он для меня добыл, мы поедем к Сьюзен. Но я полностью уверен, что это не Эрик. Он не станет, да и не сможет пробираться туда по ночам.

— К тому же, кто бы это ни творил с нею, это один из них. После того что случилось с тобой, со мной, со Скитом, в этом не может быть никаких сомнений.

— Да. А Эрик, черт побери, советник по инвестициям, ходячий компьютер, но не волшебник, не властитель умов.

Марти еще раз набрала номер Сьюзен. Она крепко прижала трубку к уху, словно это могло помочь дозвониться. Ее лицо напряглось от нетерпеливого желания услышать ответ.

ГЛАВА 53

«Чеви-Камаро» 1982 года был гордостью Неда Мазервелла: некрашеный, зато покрытый периодически обновляемым слоем грунтовки, потрепанный, но оснащенный изысканными фарами и разукрашенный яркими наклейками повсюду, не считая разве что пары толстых хромированных выхлопных труб. Машина стояла в юго-восточном углу стоянки торгового центра, как раз там, где они договорились встретиться, и, глядя на нее, можно было подумать, что это средство передвижения дожидается ушедших на дело гангстеров, чтобы увезти их с места преступления.

Дасти нашел место через две машины от Неда. Мазервелл вылез из «Камаро», и хотя его автомобиль ни по одному из параметров не подходил под определение «микролитражный», казалось, что Нед ну никак не может поместиться в нем. Запирая дверь, он низко склонился над своим приземистым автомобильчиком. Хотя день был прохладным и уже клонился к вечеру, Нед был, как обычно, одет лишь в легкие белые брюки и белую же футболку. Глядя на него, казалось, что если с «Камаро» что-нибудь случится, то он легко донесет его до гаража на спине.

Деревья, окружавшие стоянку, раскачивались на ветру, над тротуарами взлетали смерчики пыли и мусора, но набиравшая силу буря, судя по всему, совершенно не затрагивала Неда. Точнее, он ее просто не замечал.

Когда Дасти опустил свое окно, Нед взглянул мимо него, улыбнулся и сказал:

— Привет, Марти.

— Привет, Нед.

— Я слышал, что ты не совсем здорова. Сочувствую.

— Ничего, говорят, выживу.

Во время телефонного звонка из приемной Аримана Дасти сказал, что Марти заболела, чувствует себя слишком плохо для того, чтобы пойти в аптеку или книжный магазин, и что ему не хотелось бы оставлять ее одну в автомобиле.

— У нас достаточно тяжелая работа для этого парня, — сообщил Нед Марти, — так что я представляю себе, как ты должна уставать от жизни с ним. Босс, я совершенно не хочу тебя обидеть.

— А я и не обижаюсь.

Нед сунул в окно пакет с рекламой аптеки. В нем был тот самый валиум, который доктор Клостерман утром заказал для Марти по телефону. За ним последовал пакет побольше, из книжного магазина.

— Если бы ты спросил меня сегодня утром, что такое хокку, — сказал Нед, — то я ответил бы, что это какое-то боевое искусство, вроде таэквандо. А это всего-навсего обрезанные стихи.

— Обрезанные? — недоуменно переспросил Дасти, заглядывая в пакет.

— Вроде моего автомобиля, — пояснил Нед, — укороченные, упрощенные. Они какие-то чересчур сдержанные. Я купил книжку и для себя.

В пакете Дасти обнаружил семь сборников хокку.

— Так много!

— У них этим добром забита целая большая полка, — ответил Нед. — Пожалуй, что и многовато для таких малюток, как хокку.

— Завтра я выпишу тебе чек за все эти покупки.

— Можешь не торопиться. Я покупал по кредитной карточке. Там осталось еще достаточно.

Дасти через окно передал Неду принадлежавший Марти ключ от дома.

— Ты уверен, что у тебя хватит времени, чтобы позаботиться о Валете?

— Времени хватит. Но я плохо знаю собак.

— Да тут, в общем-то, и знать ничего не нужно. — Дасти рассказал, где лежат пакеты с сухим кормом. — Дай ему две кружки. После этого он будет ждать прогулки, но ты просто выпусти его еще раз на задний двор минут на десять, и он сделает все, что положено.

— А ничего, что он останется в доме один?

— Пока у него будет полная миска воды и негромко включенный телевизор, он будет счастлив.

— Моя матушка — кошатница, — сообщил Нед. — Не Женщина-кошка, вроде той, что с Бэтменом, Человеком-летучей-мышью, нет, но у нее дома всегда живет кисочка.

Услышать из уст гиганта Неда слово «кисочка» было почти то же самое, что увидеть, как громила — защитник Национальной футбольной лиги вбегает на сцену на цыпочках пуантов и выполняет безукоризненное балетное антраша.

— Однажды сосед отравил рыжую полосатую киску, которую моя матушка очень любила. Миссис Джинглс. Это кошку так звали, а не соседа.

— Разве нормальный человек смог бы отравить кошку? — сочувственно спросил Дасти.

— Он снимал соседний дом и делал там кристаллизованные наркотики, — продолжал Нед. — Настоящий отброс общества. Я перебил ему обе ноги, позвонил 911, как будто говорит он сам, сказал, что я, мол, упал с лестницы, мне необходима помощь. Они прислали санитарную машину, увидели его химическую лабораторию, и его бизнес на этом закончился.

— Ты перебил ноги главарю банды торговцев наркотиками? — поинтересовалась Марти. — Разве это не очень большой риск?

— Не особенно. Пару дней спустя, уже было темно, один из его приятелей попытался пристрелить меня, но он так накачался наркотиками, что позорно промазал. Я сломал ему обе руки, засунул в его же автомобиль и перевернул машину на набережной. Позвонил по 911, опять сказал, что это я пострадал, плакал, просил о помощи. Они приехали, нашли подозрительные деньги, наркотики в багажнике автомобиля, наложили ему на руки гипс и упрятали вместе с загипсованными руками на десять лет.

— И все это за кошку? — недоверчиво спросил Дасти.

— Миссис Джинглс была хорошей киской. Плюс к тому она была киской моей матушки.

— Я чувствую, что Валет попал в хорошие руки, — заметила Марти.

— Я не позволю, чтобы с вашим щеночком случилось что-нибудь нехорошее, — улыбнувшись, кивнул Нед.

* * *

Когда они уже были на полуострове и ехали по бульвару Бальбоа, всего в нескольких кварталах от жилища Сьюзен, Марти, листавшая сборник хокку, вдруг задохнулась, отбросила книгу и съежилась на сиденье, словно от боли.

— Останови. Останови скорее. Останови!

Это была не боль, нет. Страх. Страх того, что она вцепится в рулевое колесо. Рванет автомобиль на встречную полосу. До отвращения знакомый уже блюз «Дьявол в моем сердце»[1].

Летом, когда пляж постоянно заполнен толпами народа, Дасти, вероятно, пришлось бы целый час утюжить прибрежный район, прежде чем найти место для остановки. Одним из немногих достоинств января была относительная свобода прибрежных дорог от транспорта, и водителю удалось почти сразу же приткнуть машину к тротуару.

По тротуару пролетели мимо на звонких роликовых коньках несколько ребятишек, высматривавших престарелых горожан, которых так весело и безопасно было бы свалить на асфальт. Слева машину огибали велосипедисты, игравшие со смертью на магистральной дороге.

Никто не выказывал ни малейшего интереса к Дасти и Марти. Но, конечно, положение должно было измениться, если она опять начала бы кричать.

Дасти лихорадочно раздумывал, как можно было бы лучше всего удержать жену, если она вновь примется колотиться головой о приборную панель. Но сделать это, пожалуй, было невозможно. Лишенная рассудка в приступе паники, она стала бы отчаянно сопротивляться, вырываться на свободу, и он мог бы нечаянно причинить ей травму.

— Я люблю тебя, — беспомощно сказал он.

Тогда он начал говорить с нею, просто спокойно говорить, пока она раскачивалась на месте, задыхалась и стонала, словно испытывала первые родовые схватки, словно это ее паника стремилась появиться на свет. Он не пытался убеждать ее, взывая к разуму, не пытался убаюкивать ее ласковыми словами, потому что уже знал, что это совершенно бесполезно. Вместо всего этого он принялся вспоминать о том, как они отмечали первую годовщину своей свадьбы. Это было воистину очаровательное несчастье. Он неудержимо стремился в знакомый ресторан, но за те шесть недель, пока он там не был, ресторан сменил хозяина. Новый повар, судя по всему, получил образование в Кулинарном Институте Сельской Исландии, потому что пища была холодной, зато каждое блюдо имело привкус вулканического пепла. Помощник официанта пролил стакан воды на Дасти, а Дасти пролил стакан воды на Марти, и их официант вылил кастрюльку со сливочным соусом на себя. Пока они ели десерт, в кухне начался пожар. Он был недостаточно силен для того, чтобы вызывать пожарную команду, но для борьбы с ним все же потребовались усилия одного помощника официанта, одного официанта, метрдотеля и главного специалиста по соусам (очень крупного самоанского джентльмена), которые применили четыре огнетушителя, хотя, возможно, они затратили чрезмерное количество пены, так как она попадала не столько в пламя, сколько на самозваных пожарных. Уехав из ресторана, они, голодные, зашли в маленькое кафе, где им подали невероятно хороший обед. Дасти и Марти так хохотали, что, вероятно, их обоих запомнили там навсегда.

Сейчас ни один из них не смеялся, но связь между ними была сильнее, чем когда-либо. Явилось ли это следствием тихого разговора Дасти, успокоительного действия валиума или результатом сеанса, проведенного доктором Ариманом, но Марти на сей раз не погрузилась в полномасштабный приступ паники. Прошло две или три минуты, и ее ощущение страха уменьшилось. Она снова выпрямилась на сиденье.

— Лучше, — сообщила она. — Но я все еще похожу на дерьмо.

---

1 «Devil in her heart» («Дьявол в ее сердце») — песня Р. Драпкина, записанная группой «Битлз» на своем втором альбоме «With the Beatles».

— Птичье дерьмо, — напомнил ей Дасти.

— Ну, конечно.

Хотя до заката оставался почти час, больше половины проходивших мимо, вверх ли, вниз ли по полуострову, автомобилей ехали с зажженными фарами. Мгла, медленно растекавшаяся по небу с запада на восток, породила ранние и длительные сумерки. Дасти тоже включил ближний свет, и «Сатурн» влился в поток машин.

— Спасибо тебе за это, — сказала Марти.

— Я не знал, что еще поделать.

— В следующий раз тоже просто говори. Твой голос. Он поддерживает меня.

Дасти молча спросил себя, насколько долго он еще сможет удерживать ее рядом с собой без блеска начинающейся паники в глазах, без нарастающего ощущения напряжения в ее теле, вызванного страхом. Насколько долго?… Да и сможет ли вообще?

* * *

Рычащее море пыталось силой пробить себе путь из глубин на просторы континента, а пальцы ветра разбрасывали песок по всей ширине набережной, насыпая горки у тротуаров.

Три чайки отчаянно цеплялись за металлические перила смотровой площадки, пытаясь разобраться, не стоит ли им сменить ветреный берег на защищенные от бурь гнезда в заливах.

Когда Марти и Дасти вступили на крутую лестницу, ведущую к площадке на третьем этаже, птицы одна за другой обратились в бегство, балансируя на беспорядочно мятущихся волнах воздуха. Хотя чайки редко бывают молчаливы, на сей раз ни одна из них, улетая, не издала своего характерного резкого крика.

Марти постучала в дверь, выждала немного и постучала снова, но Сьюзен не отвечала.

Воспользовавшись своим ключом, она открыла два замка. Распахнула дверь, дважды позвала Сьюзен и вновь не получила ответа.

Они вытерли обувь о циновку, лежавшую у двери, и прошли внутрь, закрыв за собой дверь и снова и снова повторяя имя хозяйки.

В кухне было темно, зато в столовой горел свет.

— Сьюзен? — повторила Марти, но ее призыв опять остался без ответа.

Квартира была полна голосами, но это всего-навсего ветер снаружи болтал сам с собой. Разговаривал с кедровыми стропилами крыши. Ликующе кричал, теребя карниз. Посвистывал в каждой щели и шептал в каждом окне.

Темнота в гостиной; все занавески и шторы закрыты. Темнота в коридоре, зато из открытой двери спальни льется свет. Яркое флуоресцирующее свечение из полуоткрытой двери ванной.

Постояв в нерешительности, еще раз позвав Сьюзен, Марти вошла в спальню.

Взявшись за дверь ванной, еще не начав открывать ее, Дасти уже все знал. Аромат розовой воды не мог скрыть иного запаха, который угадывался снаружи.

Она больше не была Сьюзен. Лицо успело раздуться от газа, выделенного бактериями, кожа позеленела, глаза выпучились от давления в черепе, из ноздрей и рта вытекали струйки бесцветной жидкости, язык вывалился изо рта, придав ей то самое гротескное выражение, благодаря которому каждый человек после смерти может стать собакой. Горячая вода, в которой лежала Сьюзен, помогла мельчайшим из порождений природы в считанные часы превратить прекрасную женщину в воплощение ночных кошмаров.

Дасти увидел лежавший на полочке блокнот, написанные аккуратным почерком строки и внезапно почувствовал, что в его отчаянно бьющемся сердце кровь течет пополам с ужасом. Это был не тот естественный страх, который не мог не возникнуть при виде несчастной мертвой женщины в ванне, не жалкая трусливая паника, обычная для героев фильмов ужаса, а ледяное осознание того, что все это означало для него самого, Марти и

Скита. Он увидел всю картину разом, интуитивно понял ее истинность, а также и то, насколько они уязвимее, чем казалось до сих пор: уязвимы друг для друга, уязвимы каждый для себя самого, причем до такой степени, которая делала аутофобию Марти чуть ли не пророчеством.

Но, успев прочесть всего несколько слов из последнего письма Сьюзен, он услышал, как Марти вслух позвала его, услышал ее шаги, приближавшиеся из спальни по коридору. Сразу же повернувшись, он двинулся ей навстречу, преградив ей путь в ванную:

— Нет.

И, как если бы она видела своими глазами все, что он увидел в ванной, Марти воскликнула:

— О боже! Скажи, что это не так! Скажи, ведь это же не она?

Она попыталась протиснуться мимо мужа, но он схватил ее и силой отвел в гостиную.

— Ты не захочешь такого прощания.

В ней что-то порвалось. Такой Дасти раньше видел свою жену лишь однажды, ночью в больнице, у кровати, в которой ее отец потерпел поражение в своей борьбе с раком. Раздираемая эмоциями, она могла передвигаться не больше, чем тряпичная кукла, могла держаться на ногах не лучше, чем соломенное пугало, лишенное подпорки.

Повиснув всем телом на руках мужа, Марти кое-как добралась до гостиной и, обливаясь слезами, рухнула там на диван. Схватив красивую вышитую подушку, она прижала ее к груди и отчаянно стиснула, словно надеялась этой подушкой сдержать кровь, готовую хлынуть из ее разбитого сердца.

Ветер снаружи притворился, будто хочет придать своим завываниям траурные интонации. Дасти достал телефон и набрал 911, хотя «Скорая помощь» уже несколько долгих часов здесь не требовалась.

ГЛАВА 54

Первыми прибыли двое одетых в форму представителей полиции. За их спинами ярился ветреный вечер, а от них самих сильно пахло мятной жевательной резинкой, которая должна была скрыть обилие чеснока в ленче, поданном в полицейском участке.

К настроению, воцарившемуся в квартире — его определяло молчаливое горе Марти, сочувственные слова, которые бормотал ей Дасти, и потусторонняя разноголосица разгулявшегося ветра, — прибавилась неведомо откуда взявшаяся нить хрупкой надежды, которая укрепляет сердца в первые минуты и часы после свершившейся смерти. Дасти ощущал ее в себе, несмотря даже на то, что видел собственными глазами: это было сумасшедшее, безнадежное, тлеющее где-то в глубине души и не желающее сдаваться, жалобное желание поверить в то, что произошла ужасная ошибка, что умерший не умер, что он просто находится без сознания, или в коме, или в летаргическом сне и вскоре, проснувшись, выйдет в комнату и примется спрашивать, почему это они сидят с такими мрачными лицами. Он видел зеленоватую бледность, окрасившую лицо Сьюзен, темные пятна, появившиеся на ее горле, ее вздувшееся лицо, струйки стекавшей по нему жидкости, но тем не менее чуть слышный внутренний голос, не желавший смиряться с доводами рассудка, все доказывал, что, возможно, он видел лишь тени, игру света, которая представила все в превратном виде. А в Марти, не видевшей трупа, эта безотчетная и безумная надежда неизбежно должна была говорить куда громче, чем в Дасти.

Копы положили конец этой надежде одним своим присутствием. Это были профессионалы своего дела, они были вежливы, говорили полушепотом, но были при этом такими массивными, высокими и крепкими людьми, что сама их внешность воплощала в себе суровую реальность, которая сразу же вытеснила ложную надежду. Жаргон, на котором они общались между собой — «эм-тэ», что означало «мертвое тело», «судя по всему, 10-56»: кодированное обозначение очевидного самоубийства, — не смог скрыть их полной

уверенности в том, что смерть произошла, а хриплые разговоры, доносившиеся из рации, висевшей у одного из них на поясе, казались жутким голосом рока, которым нельзя было пренебречь, несмотря на его невнятность.

Потом прибыли еще двое полицейских в форме, чуть позже — пара одетых в гражданское детективов. Следом за ними явились мужчина и женщина из отдела судебно-медицинской экспертизы. И как первые двое, не отдавая себе в том отчета, похитили последнюю надежду, так эта толпа людей, тоже сама того не желая, лишили смерть ее тайны, ее мистического покрова.

Полицейские задавали множество вопросов, но все же значительно меньше, чем ожидал Дасти. Наверняка потому, что внешний вид места происшествия и состояние тела почти безупречно подтверждали версию самоубийства. В письме покойной, занимавшем четыре страницы в блокноте, достаточно явно излагались мотивы, побудившие ее принять такое решение, но при этом в нем содержалось достаточно эмоций, а также и специфической для такого рода писем бессвязности отчаяния, чтобы текст казался подлинным.

Марти опознала почерк, которым было написано письмо, как принадлежавший Сьюзен. Сравнение почерка с оказавшимся в квартире неотправленным письмом Сьюзен матери и записями из записной книжки позволило почти полностью отбросить вероятность подделки. А если бы при расследовании возникло какое-то подозрение в убийстве, то эксперт-графолог смог бы провести более тщательный анализ.

Присутствие Марти также оказалось очень полезным, так как полиции требовалось подтверждение того, что Сьюзен Джэггер написала в своем предсмертном письме: что она в течение шестнадцати месяцев страдала от тяжелой агорафобии, что ее профессиональная карьера разрушилась, ее брак развалился, а сама она переносила приступы депрессии. Протесты Марти, которая утверждала, что Сьюзен никогда не думала о самоубийстве, даже для Дасти звучали как бессильная попытка защитить репутацию своей подруги и отклонить тень, которая неминуемо должна пасть на нее.

Кроме того, эмоциональные упреки, которые Марти высказывала, не столько обращаясь к полицейским или к Дасти, сколько к себе самой, тоже говорили о ее собственной уверенности в том, что это было самоубийство. Она ругала себя за то, что ее не было здесь в то время, когда она была особенно нужна Сьюзен, что она не позвонила Сьюзен минувшей ночью — ведь этот звонок, возможно, заставил бы ее выпустить лезвие из руки.

Еще до прибытия властей Дасти и Марти договорились не упоминать историю Сьюзен о невидимом ночном посетителе, оставлявшем после себя очень даже видимые признаки своих визитов в виде следов биологической жизнедеятельности своего организма. Марти решила, что этот рассказ только укрепит уверенность полицейских в нестабильном, даже, возможно, по-настоящему нездоровом состоянии психики Сьюзен и еще сильнее повредит ее репутации.

Ее также чрезвычайно беспокоило то, что обсуждение этой весьма непростой проблемы поведет к вопросам, для ответа на которые потребуется раскрыть владеющее ею самой состояние аутофобии. Она не желала подвергаться их скрупулезному допросу и холодному психологическому анализу. Она не причиняла никакого вреда Сьюзен, но в том случае, если она начнет рассказывать о том, что в ее сознании имеется ненормальное и необъяснимое ощущение возможности совершить убийство или нанести увечье, то детективы отложат в сторону уже вынесенный ими вердикт о самоубийстве, бульдожьей хваткой вцепятся в нее и будут терзать в течение долгих часов, пока не придут к убеждению, что ее страхи действительно настолько же безосновательны, насколько это кажется ей самой. И если напряжение допросов приведет в их присутствии к возникновению еще одного приступа паники, то полицейские, скорее всего, решат, что она представляет опасность для себя и других, и насильно поместят ее в психиатрическую лечебницу на те семьдесят два часа, которые позволяет им закон.

— Я не выдержу пребывания в таком месте, — сказала Марти Дасти, пока они ждали прибытия полицейских. — Взаперти. Под непрерывным надзором. Нет, это просто

невозможно.

— Этого не будет, — пообещал он.

Дасти был согласен с женой, что о фантоме-насильнике, являвшемся к Сьюзен, нужно молчать. Причина для этого у него была другая, и он не сообщил о ней Марти. Марти лишь испытывала тайную и бесплодную надежду на то, что Сьюзен не убила себя своею собственной рукой, по крайней мере сделала это не по своей воле или не понимая, что она делает. Однако в том случае, если он сообщит об этом полицейским и даже предпримет неудачную попытку убедить их в том, что они имеют дело с из ряда вон выходящими событиями, в которых участвуют некие безликие заговорщики, использующие невероятно эффективные методы управления сознанием, то и он, и Марти так или иначе окажутся покойниками еще до завершения недели.

А ведь сейчас был уже вечер среды.

После того как он наткнулся на доктора Ена Ло в этом романе и особенно после того как обнаружил, что дешевый томик волшебным образом возвратился в его трясущиеся руки, хотя мгновение назад он шлепнулся под стол в приемной, причем на изрядном расстоянии от него, Дасти испытывал все усиливавшееся ощущение опасности. Часы тикали. Он не видел этих часов, не слышал их, зато каждый удар их механизма тяжело отдавался в его теле. Время его и Марти стремительно убегало. К тому же сейчас его опасения настолько увеличились, что он был полностью уверен: полицейские заметят его беспокойство, неправильно истолкуют его и станут подозрительными.

Мать Сьюзен, проживавшая в Аризоне с новым мужем, и ее отец, живший в Санта-Барбаре с новой женой, уже были оповещены по телефону и должны были выехать сюда. После разговоров с родителями полицейский детектив, лейтенант Бизмет, расспросил Марти, насколько серьезным было отчуждение между Сьюзен и ее мужем, и позвонил Эрику. Того не было дома, и детектив продиктовал автоответчику свой номер телефона, звание, но ничего не сказал о причине звонка.

Бизмет, огромный человечище с коротко подстриженными светлыми волосами, казавшийся на первый взгляд прямым, как отвертка, сказал Дасти, что в их присутствии здесь больше нет необходимости. И в это время с Марти случился приступ аутофобии.

Дасти распознал признаки приближающегося приступа. Внезапная тревога в глазах. Напряженное выражение лица. Внезапная бледность.

Она рухнула на диван, с которого только что поднялась, сжалась в комочек и принялась, дрожа и задыхаясь, раскачиваться всем телом, как это было с нею раньше в автомобиле.

На сей раз, находясь в обществе полицейских, он не мог успокаивать ее воспоминаниями об их прошлых праздниках. Он мог только беспомощно стоять, умоляя про себя, чтобы этот приступ не превратился в неодолимый натиск паники.

К удивлению Дасти, лейтенант Бизмет счел аутофобическое состояние Марти просто еще одним проявлением горя. Он стоял, с неподдельной тревогой глядя на съежившуюся Марти с высоты своего роста, бормотал какие-то слова утешения и бросал сочувственные взгляды на Дасти.

Кое-кто из полицейских поглядел на Марти, чтобы сразу же возвратиться к своим многочисленным обязанностям и разговорам; их инстинкт ищеек на сей раз дал сбой, пропустив подозрительный запах.

— Она пьет? — вдруг спросил Бизмет.

— Что? — Дасти пребывал в таком напряженном состоянии, что в первое мгновение даже не смог уловить значения слова «пьет», будто оно было произнесено на суахили.

— Ах, конечно, пьет… Да, иногда. А что?

— Отвезите ее в хороший бар и влейте в нее несколько порций спиртного, чтобы немного расслабить нервы.

— Хороший совет, — согласился Дасти.

— Но не вы, — нахмурившись, добавил Бизмет.

— Как это? — спросил Дасти; сердце у него упало.

— Несколько порций для нее, но не больше одной для вас, раз вы за рулем.

— Ах да, конечно. У меня пока что не было неприятностей из-за нарушения правил движения. Сейчас особенно не хочется.

Марти раскачивалась, сидя на диване, задыхалась, ее трясло, но тем не менее у нее хватило силы духа очень натурально изобразить несколько сдавленных рыданий. Приступ прошел через минуту или две, точно так же, как это было в автомобиле по пути сюда.

Выслушав от Бизмета выражения сочувствия и благодарности за помощь, пробыв в квартире всего лишь час, они вышли в темнеющий день.

Разгулявшийся после полудня ветер не утих с наступлением ранних зимних сумерек. Его прохладное дыхание несло запах соленой океанской воды и йодистый дух сохнувших на ближнем берегу клубков морских водорослей; ветер налетал на Дасти и Марти, и тормошил, и, взвизгивая, словно обвинял в укрывательстве преступников и напоминал об их собственной вине.

В беспорядочном шорохе и постукивании ударяющихся одна о другую пальмовых ветвей Дасти слышалось приглушенное ритмичное тиканье часов. Он слышал его и пока они шли по набережной, в шелесте крыльев декоративной трехфутовой ветряной мельницы, стоявшей в патио одного из глядящих на океан домов, мимо которого они прошли, слышал и в таких коротких промежутках между ударами своего сердца. Время шло.

ГЛАВА 55

Дэйви Крокетт[1] храбро оборонял Аламо, но на сей раз ему помогали не только его постоянные сподвижники. Он пользовался поддержкой Элиота Несса и множества агентов ФБР.

Можно было ожидать, что автоматы, попав в руки стойких защитников Аламо, изменят результат исторического сражения, состоявшегося в 1836 году. В конце концов, пушка Гатлинга, явившаяся первой, очень сырой версией пулемета, будет изобретена лишь через двадцать шесть лет. Да и автоматических винтовок тогда еще не существовало, а самые лучшие ружья, которыми могли пользоваться воюющие стороны, заряжались с дула.

К несчастью для защитников Аламо, на сей раз их осаждали не только мексиканские солдаты, но и банда безжалостных гангстеров времен «сухого закона», имевших свои собственные автоматы. Бандитская хитрость Аль Капоне и стратегический талант генерала Санта-Анны, собранные воедино, оказались не по зубам Крокетту и Нессу.

Доктор немного подумал, не стоит ли усложнить это эпическое сражение, введя в него астронавтов и оружие будущего из его коллекции «галактических командос». Но все же устоял перед этим ребяческим искушением, поскольку опыт неоднократно доказывал ему, что чем большее количество анахронистических элементов он объединяет на доске, тем меньше удовлетворения приносит игра. Для того чтобы игра стала захватывающей, он должен был сдерживать свою великолепную фантазию и строго следовать сценарию, базирующемуся на одной выдуманной, но правдоподобной концепции. А заставить сражаться рука об руку или друг против друга пионеров южных штатов, мексиканских солдат, агентов ФБР, гангстеров да еще и астронавтов было бы попросту глупо.

Облаченный в удобную черную пижаму в стиле «ниндзя» с алым шелковым поясом, босой, доктор медленно прохаживался перед доской, вдумчиво анализируя позиции противостоящих армий. Закончив разведку, он взял стаканчик с парой игральных костей и принялся с грохотом трясти их.

Его огромная игровая доска фактически являлась большим, со стороной в восемь футов, квадратным столом, стоявшим посреди комнаты. Эти шестьдесят четыре квадратных фута ландшафта можно было составлять заново для каждой новой игры, используя большую

1 Крокетт, Дэвид (1786-1836) — видная фигура в захватнической пограничной войне, которую Соединенные Штаты Америки в начале XIX века вели против Мексики, политический деятель и фольклорный герой.

коллекцию сделанных для него по особому заказу топографических элементов.

Кроме стола, в большой — тридцать на тридцать футов — комнате были кресло и маленький столик, на который можно было поставить телефон и закуски. Вдоль всех четырех стен возвышались от пола до потолка узкие шкафы-витрины, в которых хранились сотни пластмассовых игровых наборов в фабричных коробках. Большинство коробок было совершенно новыми или почти новыми, да и все прочие были в превосходном состоянии. В каждом из наборов содержались все до одной фигурки, крохотные макеты зданий и прочие принадлежности.

Ариман приобретал только игровые наборы, выпускавшиеся Луисом Марксом в 1950-1970-х годах. Миниатюрные фигурки в этих наборах были красивы, все их детали были очень тщательно проработаны. Правда, и стоили они сотни, а то и тысячи долларов. Помимо битвы при Аламо, у него были наборы «Приключения Робина Гуда», «Американский патруль», «Танковая атака», «Бен Гур», «Поле битвы», «Капитан Талант из Иностранного легиона», «Форт Апач», «Родсо Роя Роджерса», «Космическая академия Тома Корбетта» и множество других, многие по два и по три экземпляра, что позволяло ему населять свою игровую доску огромным количеством действующих лиц.

Этим вечером доктор пребывал в совершенно великолепном настроении. Игра на доске обещала получиться очень интересной. Но еще больше обещала его другая, большая игра, которую он вел вне этой комнаты; она, похоже, становилась интереснее час от часу.

Мистер Родс взялся читать «Маньчжурского кандидата». Скорее всего, Дастину не хватит ни воображения, ни интеллекта для того, чтобы найти все ключи, содержащиеся в этом романе, понять истинное качество и масштаб сети, в которую он угодил. Перспективы спасения для него и его жены просматривались весьма смутно, хотя, конечно, были несколько лучше, чем до тех пор, пока он не раскрыл книгу.

Только безнадежно самовлюбленный человек, человек, страдающий манией величия или каким-то иным психическим заболеванием, стал бы год за годом участвовать в любых спортивных соревнованиях, точно зная заранее, что обязательно победит. Для настоящего — и, конечно, уравновешенного — игрока элемент сомнения, по крайней мере намек на волнение об исходе, требовался обязательно, иначе и играть не стоило бы. Он должен проверять свои навыки и бросать вызов вероятности; нет, не быть справедливым по отношению к другим игрокам — справедливость — это забава для дураков, но держать себя в тонусе и оставить самому себе возможность для дополнительных развлечений.

Доктор всегда усложнял свои сценарии, расставляя ловушки на самого себя. Как правило, западни были не насторожены, но все равно смутно вырисовывавшаяся на горизонте *возможность* бедствия подбадривала его и требовала ловкости. Ему нравилось в себе это проявление озорства, и он поощрял его сам в себе.

Так, например, он разрешил Сьюзен Джэггер замечать сперму, которую оставлял в ней. Он мог дать ей команду забыть об этом неприятном свидетельстве прошедших событий, и она выбросила бы его из головы. Позволяя ей обнаруживать следы своих посещений и направив подозрения в сторону покинувшего ее мужа, доктор дал возможность личности Сьюзен обзавестись мощными мотивами к действиям, последствия которых он не мог предсказать. Так и оказалось: он никак не мог вообразить себе ловушки с видеозаписью.

К числу таких ловушек в этой игре относился и «Маньчжурский кандидат». Он вручил книжку Марти, приказав ей забыть, от кого она получила ее. Он внедрил ложную память, согласно которой в течение каждого из сеансов Сьюзен Марти понемногу читала роман, хотя на самом деле она вообще не раскрывала его; он время от времени поддерживал это внушение, сообщая ей несколько фраз совершенно общего характера, которыми она могла бы охарактеризовать историю, если Сьюзен или кто-нибудь еще станет расспрашивать ее о книге. Если бы бестолковое, невразумительное, деревянное описание книги, столь нехарактерное для Марти, удивило Сьюзен, то она могла бы сама заглянуть в нее, обнаружив в тексте связь с реальными проблемами своей жизни.

Самой Марти не было поставлено строгого запрета читать роман, лишь внушено

нежелание делать это, которое она, в общем-то, вполне могла преодолеть в самый неожиданный для Аримана момент. Но вместо этого по неведомой причине удить рыбу в книжке принялся мистер Родс.

Где заканчивается вымысел и начинается действительность? В этом и состояла сущность игры.

Доктор расхаживал вокруг большого стола, стараясь угадать, кто же сегодня победит — Крокетт или Капоне, его черная пижама-ниндзя издавала шелковый свистящий шорох. Р-рат-тл-р-рат-тл, гремели кости в стаканчике.

* * *

Если бы дизайнеру задали вопрос, то он сказал бы, что в качестве образца было избрано современное бистро, итальянский модерн. Это не было бы прямой ложью, даже лицемерием, но ответ был бы не по существу. Все это глянцевое темное дерево и черный мрамор, все эти гладкие полированные поверхности, подсвечники из янтарного цвета оникса в форме вульвы, длинная фреска стойки бара, изображающая джунгли в стиле Руссо, где растительность куда пышнее, чем бывает в действительности, а из-под усыпанных дождевыми жемчугами листьев глядят таинственные кошачьи глаза, — все это говорило об одной и только одной теме: о сексе.

Половину помещения занимал ресторан, а другую — бар; разделяла их массивная арка, по бокам которой стояли колонны красного дерева на мраморных постаментах. Сейчас, ранним вечером, когда трудящийся люд еще только начал расходиться из своих контор, бар был заполнен молодыми одиночками, которым богатство позволяло свободно распоряжаться своим временем. Они были, пожалуй, агрессивнее, чем охотящиеся лесные кошки. Зато в ресторане было совсем свободно.

Официантка проводила Дасти и Марти к расположенному у стены столику. У стоящих рядом с ним кожаных кресел были такие высокие спинки, что посетители оказывались фактически в отдельном кабинете, открытом лишь с одной стороны.

Марти нелегко было заставить себя отправиться в такое людное место, рисковать тяжелым унижением в том случае, если ее настигнет там непреодолимый приступ паники. Но то, что последние приступы, случившиеся после того, как она покинула офис доктора Аримана, были сравнительно несильными и непродолжительными, придало ей смелости.

И, несмотря на то же самое опасение публичного унижения, она предпочла бы поесть здесь, а не в своей собственной кухне. Ей было трудно заставить себя пойти домой, где неубранный хаос в гараже пристыдит ее, напомнив о безумном, невероятном намерении избавить дом от потенциального оружия.

И еще сильнее, чем гараж и другие напоминания о том, как она потеряла власть над собою, ее пугал автоответчик, дожидавшийся в кабинете. На нем, и это так же точно, как то, что Хэллоуин бывает 31 октября, записано сообщение от Сьюзен, датированное вчерашним вечером.

Чувство долга и честь не позволяли Марти стереть ленту, не прослушав ее. Она не была даже способна перепоручить эту мрачную ответственность Дасти.

Но прежде чем она будет способна выслушать этот любимый голос, будет готова взвалить на свои плечи эту великую вину, которая ей наверняка будет предъявлена, ей следовало подкрепить свою храбрость. И немного набраться силы духа. Как законопослушные граждане, они следовали совету лейтенанта Бизмета: бутылка пива «Хейникен» для Дасти, «Сьерра-Невада» для Марти.

С первым же глотком пива она приняла валиум, несмотря на то что на аптечном пузырьке было напечатано недвусмысленное предупреждение: не смешивать бензодиазепин с алкоголем.

Проживи тяжелую жизнь и умри молодым. Или в любом другом случае все равно умри

молодым. Вот такой перед ними открывался выбор.

— Если бы только я позвонила ей вчера вечером… — сказала Марти.

— Ты была не в том состоянии, чтобы звонить. Ты была просто не в состоянии помочь ей никоим образом.

— Может быть, услышав это в ее голосе, я смогла бы найти силы для того, чтобы оказать ей помощь.

— В ее голосе ты ничего не услышала бы. Ни того, о чем ты думаешь, ни сильного проявления депрессии, ни отчаяния, которое привело бы к желанию покончить с собой.

— Мы никогда не узнаем этого, — без выражения сказала она.

— А я знаю точно, — настаивал Дасти. — Ты не услышала бы в ее голосе нотки отчаяния, потому что она не совершала самоубийства.

* * *

Несс был уже мертв. Чересчур ранняя случайность, катастрофа для защитников Аламо!

Благородный законник был убит скрепкой для бумаг. Доктор убрал крохотный пластмассовый труп с доски. Чтобы определить в каждый момент игры, которая из армий будет стрелять и какое оружие будет использовано, Ариман прибегал к сложным вычислениям по формуле, а в основе расчета лежали числа, выпавшие после броска костей, и вынутая наугад из колоды игральная карта.

Оружие было двух видов: скрепки, выпускаемые из резиновой рогатки, и стеклянный шарик, который наносил грозные удары с помощью большого пальца игрока. Конечно, эти два простых устройства могли означать множество разновидностей ужасных смертей: от стрелы, от ружья, от пушки, от охотничьего ножа, от томагавка, рассадившего лоб…

Как ни прискорбно, в природе пластмассовых игрушек не было заложено возможности совершить самоубийство: для Америки и ее жителей было жестоко оскорбительным даже предположение о том, что такие люди, как Дэйви Крокетт и Элиот Несс, могли даже подумать о том, чтобы покончить с собой. Поэтому в этих настольных играх не хватало столь полезного качества.

В большей игре, где вместо пластмассы были настоящие плоть и кровь, вскоре должно было произойти еще одно самоубийство. Должна была оборваться жизнь Скита.

Поначалу, когда доктор затевал эту игру, он полагал, что Холден «Скит» Колфилд окажется звездой первой величины, что, погрязший в резне, он дойдет до заключительного кровопролития. Его лицо будут показывать во всех программах новостей. Его странное имя окажется увековеченным в преступной легенде и будет упоминаться с таким же отвращением, как и имя Чарльза Мэнсона.

Однако, вероятно, потому что его мозг был с самого детства обожжен множеством наркотиков, Скит оказался неинтересным объектом для программирования. Его способность к концентрации — даже в состоянии гипнотического транса! — была очень слабой, к тому же очень трудно оказалось сохранять в его подсознании остаточное влияние кодовых стихов, определяющих его психологическое состояние. Вместо обычных трех сеансов программирования доктору потребовалось работать со Скитом целых шесть раз, а потом еще возникла необходимость провести несколько более коротких поддерживающих сеансов — никогда прежде ему не приходилось делать ничего подобного, — во время которых он повторил установку сбойных фрагментов программы.

Временами Скит оказывался полностью доступным для управления сразу же после того, как слышал кодовое имя «доктор Ен Ло», и Ариману не было необходимости проводить его через хокку. Угроза безопасности, возникающая в результате такого чересчур свободного доступа, была невыносимой.

Скорее раньше, чем позже Скит должен был, фигурально выражаясь, угодить под скрепку. Ему предстояло умереть во вторник утром. А уж после этого вечера наверняка.

На костях выпало девять очков. Из колоды карт выглянула червовая дама.

После быстрого расчета Ариман решил, что следующий выстрел будет произведен от фигурки, помещенной в юго-западном углу крыши Аламо; это был один из лояльных последователей Элиота Несса. Без сомнения, расстроенный агент ФБР будет гореть желанием отомстить. Его оружием был шарик, имевший гораздо больший смертоносный потенциал, чем простая скрепка, а учитывая выгодное положение стрелка на высоте, он мог нанести чрезвычайный урон окружающим мексиканским солдатам и подонкам из мафии, которые будут проклинать тот день, когда согласились делать грязную работу для Аль Капоне.

* * *

— Она не совершала самоубийства, — повторил Дасти. Он говорил вполголоса, склонясь к своей собеседнице, хотя образовавшаяся кабинка надежно защищала их от посторонних, да и рев голосов, отчетливо доносившийся из бара, надежно защищал от подслушивания.

В его голосе звучала такая уверенность, что Марти не нашлась что ответить. Разрезанные запястья. Никаких следов борьбы. Подробное предсмертное письмо, написанное почерком Сьюзен, который она ни с каким другим не могла перепутать. Доказательства самоубийства казались ей неопровержимыми.

Дасти поднял правую руку со сжатым кулаком и принялся перечислять, разгибая с каждым названным пунктом по пальцу:

— Раз. Вчера в «Новой жизни» Скит, услышав имя «доктор Ен Ло», оказался приведенным в активированное состояние, а потом мы вместе с ним натолкнулись на хокку, которое позволило мне проникнуть в его подсознание для программирования.

— Программирование… — повторила Марти с сомнением в голосе. — Я все еще не могу в это поверить.

— Программирование — так я это назвал. Он ожидал инструкций, *поручений* . Теперь два. Когда я донельзя расстроился оттого, что с ним происходило, и сказал ему, что он должен дать мне отдохнуть, а сам — поспать, то он немедленно заснул. Он *повиновался* тому, что выглядело как невозможный для исполнения приказ. Я хочу сказать: разве возможно мгновенно уснуть по чьему-то желанию? Три — тоже вчера, только пораньше, собираясь броситься с крыши, он сказал мне, что кто-то *велел* ему сделать это.

— Да, ангел смерти.

— Конечно, я учитываю, что ему могло что-то привидеться. Но это вовсе не означает, что в его словах вовсе не было никакой правды. Четыре — в «Маньчжурском кандидате» солдат с «промытыми мозгами» совершает убийства по указанию управляющего им человека, после чего полностью забывает о том, что сделал, но, представь себе, он будет точно так же следовать приказу убить самого себя, если это окажется необходимым.

— Но ведь это всего лишь триллер.

— Да, я знаю. Хороший язык, интересный сюжет, яркие и живые персонажи. Роман тебе по-настоящему нравится.

Поскольку Марти было нечего сказать в ответ, она отхлебнула еще «Сьерра-Невады».

* * *

Генерал Санта-Анна был мертв, и история переписывалась заново. Теперь Аль Капоне предстояло взять под свое командование, помимо преступного мира Чикаго, еще и вооруженные силы Мексики.

Все же ханжам и святошам, защищающим Аламо, было рано торжествовать победу.

Санта-Анна был великим стратегом, но Аль Капоне многократно превосходил его в неприкрытой жестокости. Однажды реальный Капоне — а не эта пластмассовая фигурка — казнил осведомителя при помощи ручной дрели. Это происходило в автомобильной мастерской. Он зажал голову парня в тиски, помощники держали предателя за ноги и за руки, а старый Аль лично крутил ручку дрели, вводя алмазное сверло на всю длину в лоб перепуганного человека.

Однажды доктор тоже убил женщину при помощи дрели, но это был электрический инструмент фирмы «Блэк энд Декер».

* * *

— Книга Кондона — это, конечно, беллетристический вымысел, — сказал Дасти, — но возникает ощущение, что методы психологического контроля, описанные в ней, основаны на исследованиях звукового воздействия, и то, что кажется вымыслом, имело право на существование даже в те времена. И, знаешь, Марти, действие книги происходит почти пятьдесят лет назад. До того, как появились реактивные авиалайнеры.

— До высадки на Луну.

— Да. До появления сотовых телефонов, микроволновых печей и обезжиренных картофельных чипсов, на упаковках которых напечатано предупреждение, что они могут вызвать понос. Только представь себе, на что специалисты по управлению памятью могут быть способны сегодня, имея неограниченные ресурсы, но не имея совести. — Он сделал короткую паузу и отхлебнул пива. — Затем пять. Доктор Ариман сказал, что случай, при котором и ты, и Сьюзен оказались поражены такими тяжелыми фобиями, является совершенно невероятным. Он…

— Знаешь, он, скорее всего, прав, считая, что моя болезнь связана с болезнью Сьюзен, что ее причина основана на моем сознании невозможности помочь ей, от моего…

Дасти потряс головой и снова сжал пальцы в кулак.

— Или и твоя, и ее фобии были внедрены, запрограммированы в вас как часть эксперимента, или по какой-то другой причине, в которой ни одной проклятой крупицы смысла.

— Но доктор Ариман никогда даже не предполагал…

Дасти нетерпеливо перебил ее:

— Конечно, он великий психиатр и больше всего на свете заботится о благе своих пациентов. Но и образование, и опыт заставляют его искать психологическую причину и ее результат в какой-то травме, случившейся в твоем прошлом и обусловившей твое состояние. Возможно, у Сьюзен и не было очевидного прогресса, именно потому, что в ее прошлом не было и травмы, которая явилась бы причиной ее состояния. И, Марти, если они могут запрограммировать тебя на боязнь самой себя, на возникновение всех этих ужасных видений, на бессмысленные поступки, вроде того, что ты сделала вчера в доме… Что еще они могут заставить тебя сделать?

Возможно, дело было в алкоголе. Возможно, в валиуме. Возможно, даже просто подействовала логика Дасти. Но, как бы то ни было, Марти находила его доводы все более и более убедительными.

* * *

Ее звали Вивека Скофилд. Она была молодой, подающей надежды киноактрисой на двадцать пять лет моложе отца доктора и даже на три года моложе самого доктора, которому тогда было двадцать восемь. Играя вторую женскую роль в самом последнем фильме старика, она использовала всю свою недюжинную хитрость для того, чтобы женить его на

себе.

И даже если бы доктор не стремился выйти из тени своего папаши и заработать свое собственное имя, ему все равно следовало разобраться с Вивекой прежде, чем она станет миссис Джош Ариман и примется управлять семейным состоянием или проматывать его.

Папаша обладал нерушимым здравым смыслом, руководившим им в лабиринтах Голливуда, он был необыкновенно талантлив, когда нужно было выкручивать руки партнерам и запугивать даже самых вредных и психованных боссов студии. Но при этом он уже пятнадцать лет был вдовцом и в некоторых отношениях был настолько же уязвим, насколько непроницаемо бронирован в других. Вивека вышла бы за него замуж, нашла способ довести его до безвременной смерти, в ночь перед похоронами съела бы его печень с луком кружочками, а потом вышвырнула бы его сына из особняка, оставив ему лишь подержанный «Мерседес» и символическую ежемесячную стипендию.

Поэтому ради справедливости доктор намеревался устранить Вивеку в ту же ночь, когда покончил со своим отцом. Он приготовил второй шприц со сверхкороткоживущим тиобарбиталом и паральдегидом, рассчитывая ввести препараты либо в ее пищу, либо прямо в тело звездочки.

Когда великий режиссер уже лежал мертвым в библиотеке, побежденный отравленным пирожным, но еще до того как его слезный аппарат был подвергнут вскрытию, доктор отправился на поиски Вивеки и обнаружил ее в кровати своего отца. На ночном столике лежала трубка для курения опиума из экзотического бобингового дерева, другие атрибуты наркомана, в постели валялся сборник стихов со смятыми страницами. Звездочка храпела, как медведь, нажравшийся перебродившего винограда, слюна вздувалась и лопалась пузырями на ее губах.

Она была абсолютно голой, какой ее сотворила природа, и, поскольку природа в то время, очевидно, пребывала в похотливом настроении, в уме молодого доктора пронеслась масса интересных мыслей. Однако сейчас под угрозой находились большие деньги, а деньги были властью, а власть была куда лучше, чем секс.

В тот же день, пораньше, они с Вивекой встретились наедине, и между ними произошел небольшой, но достаточно неприятный спор. В конце разговора она застенчиво отметила, что никогда не замечала у него тех эмоций, которые так естественно проявлялись у его отца.

— Мы с вами похожи, — сказала она. — Вашему отцу досталась и его, и ваша доля слез, тогда как я израсходовала все свои уже к восьми годам. Мы оба сухи, как кость. Ну, а ваша проблема, маленький доктор, заключается в том, что у вас все же остался маленький увядающий кусочек сердца, тогда как у меня нет сердца вообще. Поэтому, если вы попробуете настроить своего старика против меня, я кастрирую вас и каждый вечер за обедом буду для развлечения смотреть, как вы поете арии сопрано.

При воспоминании об этой угрозе у доктора родилась идея, показавшаяся ему гораздо лучшей, чем секс.

Он направился в дальний конец усадьбы, где находилась прекрасно оборудованная столярная мастерская и хранился великолепный комплект разнообразных инструментов. В домике, где она помещалась, на втором этаже жили управляющий усадьбой мистер Хофброк с женой, а также садовник и мастер на все руки Эрл Вентнор. Хофброки на неделю уехали в отпуск, а Эрл, вне всякого сомнения, предавался своим еженощным патриотическим упражнениям по поддержке отечественной пивоваренной промышленности, благодаря которым американские пивовары должны были наверняка разорить всех иностранных конкурентов.

Поэтому доктору не нужно было ни от кого прятаться. Он выбрал среди инструментов электродрель «Блэк энд Декер». Ему также хватило духа найти двадцатифутовый оранжевый удлинитель.

Вернувшись в отцовскую спальню, он вставил вилку удлинителя в стенную розетку, подключил дрель, а когда все было готово, забрался на кровать, где спала Вивека, и хорошенько потряс ее, стоя на коленях. Она до такой степени обкурилась, что прохрапела все

время, пока он совершал свои приготовления. Ему пришлось много раз прокричать ей прямо в ухо ее имя, чтобы она очнулась. Когда она наконец немного пришла в себя, то, глупо моргая, улыбнулась ему, словно приняла его за кого-то другого, а не за того, кем он был, а электрическую дрель сочла новым сложным влагалищным вибратором шведского производства.

Благодаря превосходному образованию, полученному в Гарвардском медицинском колледже, доктор совершенно точно определил место, куда нужно было ввести стальное сверло полудюймового диаметра.

— Может быть, у вас и нету сердца, — сказал он ничего не соображающей, но продолжающей улыбаться Вивеке, — но что-то там все же должно быть, и лучший способ выяснить это — взять образец ткани.

Визгливое гудение небольшого, но мощного мотора дрели вывело ее из состояния наркотического оцепенения. Однако к тому времени он уже почти закончил сверлить.

Спустя непродолжительное время, которое потребовалось для того, чтобы убедиться в бесповоротной смерти очаровательной Вивеки, доктор заметил раскрытый поэтический сборник, лежавший на простыне. Обе страницы были залиты кровью, но в случайном белом пятне посреди темно-красного пятна он увидел три строчки:

Призрак облетающих лепестков
Зыбко тает в цветах
И свете луны.

Он не знал тогда, что стихотворение называется хокку, что оно было написано Окио в 1890 году, что оно было посвящено приближающейся смерти самого поэта и что, как и большинство хокку, его было невозможно перевести на английский, точно выдержав классическое соотношение слогов — пять-семь-пять, — со строгим соблюдением которого стихи этого жанра пишутся японцами.

Зато он *узнал* тогда, что это крошечное стихотворение затронуло его неожиданно глубоко, как ничто прежде его не затрагивало. Стихотворение выразило, как сам Ариман никогда не мог этого сделать, наполовину подавляемое им прежде, несформировавшееся ощущение его смертности. Три строки Окио мгновенно и остро раскрыли ему ужасно грустную истину: он тоже предназначен для того, чтобы в конце концов умереть. Он тоже был призраком, столь же хрупким, как любой цветок, и однажды должен был упасть, как увядший лепесток.

Стоя на коленях на кровати, держа обеими руками сборник хокку, он снова и снова перечитывал эти три строчки, забыв о проколотой сверлом кинозвездочке, на труп которой продолжал опираться коленом. Доктор чувствовал, что в его груди собирается тяжелый ком, а горло перехватывает от ощущения перспективы возможной кончины. Как коротка жизнь! Насколько несправедлива смерть! Насколько все мы ничего не значим! Насколько жестока Вселенная.

Эти мысли с такой силой прошли через его сознание, что доктор был уверен — он должен заплакать. Держа книгу в левой руке, он провел правой по сухим щекам, потом по глазам, но слез не было. Но он был уверен, что находился на самой грани слез, и теперь знал, что у него есть способность плакать, которая проявится в том случае, если ему доведется испытать что-либо достаточно грустное, что смогло бы разбудить его соленый родник.

Это открытие доставило ему удовольствие, так как подразумевало, что у него больше общего с отцом, чем он предполагал прежде, а также доказывало, что он был не таким, как Вивека Скофилд, в чем она пыталась его уверить. Может быть, у нее и вовсе не было слез, но у него-то они имелись, только были спрятаны где-то далеко и ожидали своего часа.

Она также заблуждалась насчет отсутствия сердца. Все-таки оно у нее имелось. Но, конечно, больше не билось.

Доктор слез с Вивеки, оставив ее лежать как незаконченную резную фигуру. Дрель так

и осталась торчать в ее груди, а он долго сидел на краю кровати, листая сборник хокку. Здесь, в этом малоподходящем месте, в не слишком подходящий момент он обнаружил в себе артистическую жилку.

Когда он смог наконец оторваться от книги, то принес тело папы наверх, положил его в кровать, стер темные следы шоколада с его губ, сделав аккуратные разрезы, извлек прекрасный слезный аппарат великого кинорежиссера и его знаменитые глаза. Потом он собрал в склянку несколько унций крови Вивеки, достал из ящика комода шесть ее похожих на узкую тесемку трусиков — она была признанной невестой и жила у будущего супруга — и сорвал один из ее накладных акриловых ногтей.

Проникнув с помощью хозяйского ключа в квартиру Эрла Вентнора, он обнаружил там грубую копию Пизанской падающей башни, выстроенной из пустых банок «Будвайзера» на кофейном столике в гостиной. Мастер на все руки в полной отключке валялся на диване. Он храпел почти так же громко, как недавно Вивека, а тем временем в телевизоре Рок Хадсон очаровывал Дорис Дей в старом кинофильме.

Где заканчивается вымысел и начинается действительность? В этом сущность игры. Хадсон соблазняет Дей. Эрл в пьяном угаре насилует беспомощную кинозвездочку и совершает зверское двойное убийство — мы верим в то, чему легко поверить, будь то вымысел или реальность.

Молодой доктор побрызгал кровью Вивеки на штаны и рубашку спящего работника. Потом он как следует облил кровью крохотные трусики. Тщательно запихнув сорванный акриловый ноготь в пропитанные кровью трусы, он положил все шесть штук в нижний ящик комода, стоявшего в спальне Эрла.

Когда Ариман, завершив дела, покинул квартиру, Эрл все так же беспробудно спал. Но пожарные и полицейские сирены рано или поздно разбудят его.

В расположенном поблизости сарайчике садовника, где лежали газонокосилки, доктор нашел пятигаллонную[1] канистру бензина и отнес ее в спальню отца.

Сложив в мешок свою собственную испачканную кровью одежду, быстро вымывшись и облачившись в чистое платье, он облил тела бензином, бросил пустую канистру на кровать и поджег простыню.

К тому времени доктор уже неделю жил в домике своего отца в Палм-Спрингс и приехал оттуда лишь несколько часов назад, чтобы решить неотложные семейные проблемы. Покончив с делами, он возвратился в пустыню.

Несмотря на то что многие прекрасные и ценные антикварные изделия могли сгореть, если пожарная команда прибудет недостаточно быстро, Ариман взял с собой только мешок со своей собственной одеждой, испачканной кровью, сборник хокку и глаза своего папы в сосуде, заполненном временным фиксирующим раствором. Спустя всего час с небольшим он уже был в Палм-Спрингс, где сжег опасную одежду в камине вместе с несколькими поленьями ароматного кедра, а пепел потом смешал с мульчирующей смесью в небольшом розарии позади плавательного бассейна. Конечно, держать при себе глаза и тонкую книжку стихов было еще опаснее, но он был слишком сентиментален, чтобы расстаться со всем этим.

Он бодрствовал до утра: смотрел ночной киномарафон старых фильмов Белы Лугози, съел целую кварту мороженого «Ро-ки-роад» и большой пакет картофельных чипсов, пил травяное пиво[2] и крем-соду, поймал большого песчаного жука и гонял его горящей спичкой. Его личная философия чрезвычайно обогатилась тремя строками хокку Окио, и он всем сердцем воспринял завет поэта: жизнь коротка, все мы умрем, поэтому хватайся за любые развлечения, до которых сможешь дотянуться.

* * *

1 Галлон — мера объема. Жидкостный галлон (США) составляет — 3,8 л.

2 Шипучий напиток из корнеплодов, приправленный мускатным маслом, и т. п.

Обед был подан вместе со второй порцией пива. Марти, съевшая вместо завтрака лишь один молочно-ванильный коктейль, была голодна. Однако ей казалось, что признать у себя наличие аппетита, когда прошло так мало времени после того, как они обнаружили мертвую Сьюзен, будет предательством ее подруги. Но жизнь продолжалась, и, несмотря на огорчение и даже скорбь, в человеке оставалась способность получать удовольствие, пусть это и казалось совершенно неприемлемым. Получать удовольствие можно было в промежутках между приступами страха, и поэтому она смаковала каждый откушенный кусок огромной креветки, продолжая внимательно слушать, как муж пытается объяснить, каким образом он пришел к осознанию нависшей над ними смертельной опасности.

Дасти продолжал по одному разгибать сжатые в кулак пальцы.

— Шесть. Если Сьюзен можно было запрограммировать на подчинение многократно повторяющемуся сексуальному злоупотреблению и стереть из ее сознания воспоминания об этих событиях, если ей можно было дать инструкцию подчиняться изнасилованию, то чего еще с ней нельзя было сделать? Семь. У нее появились подозрения по поводу происходившего, и хотя и не было никаких доказательств, но, возможно, даже мимолетного подозрения оказалось достаточно, чтобы встревожить тех, кто ею управлял. Восемь. Она поделилась своими подозрениями с тобой, они узнали об этом, испугались, что ты тоже расскажешь об этом кому-то, причем из тех, кто не находится под их контролем, следовательно, с тобою надо покончить.

— А как они могли узнать?

— Может быть, ее телефон прослушивался. Может быть, что-то еще. Но если они решили прикончить ее и дали команду совершить самоубийство, а она повиновалась, потому что была запрограммирована, это не настоящее самоубийство. Не в нравственном и, возможно, даже не в юридическом смысле. Это — убийство.

— Но что мы можем со всем этим поделать?

Дасти некоторое время обдумывал ее вопрос, поедая бифштекс.

— Черт меня возьми, если я знаю… Ведь мы же не можем ничего доказать.

— Если они могли просто позвонить ей и заставить ее совершить самоубийство в собственной квартире, за запертыми дверями… Что нам делать, когда наши телефоны начнут звонить? — задумчиво проговорила Марти.

Оба, закрыв глаза, задумались над вопросом, напрочь забыв о еде.

— Мы не станем отвечать, — в конце концов решил Дасти.

— Но это не позволит надолго исправить положение.

— Честно говоря, Марти, если мы не найдем решения достаточно быстро, то не думаю, чтобы у нас осталось впереди по-настоящему много времени.

Она думала о Сьюзен, лежавшей в ванне, хотя так и не видела там ее тела, и на струнах ее души играли две руки: горячие пальцы печали и холодные — страха.

— Да, много времени у нас не будет, — согласилась она. — Но каким же образом мы сможем определить, кто виноват? Что делать? С чего начать?

— Мне приходит на ум лишь одно. Хокку.

— Хокку?

— Gesundheit[1] кое-чего стоит, — сказал он, раскрывая пакет из книжного магазина, который взял с собой в ресторан. Просмотрев все семь книг, которые купил для него Нед, он передал одну через стол Марти, а себе взял другую. — Судя по обложке, здесь собраны классические произведения поэтов, работавших в этом жанре. Для начала поищем здесь — и будем надеяться, что это поможет. Вероятно, современных стихов так много, что если мы не найдем того, что нужно, у классиков, то понадобится потратить на дальнейшие поиски целые недели.

— А что мы ищем?

— Стихотворение, от которого тебя бросит в дрожь.

— Как было, когда я в тринадцать лет читала стихи Рода Стюарта?

---

1 Здоровье *(нем.)* .

— Помилуй, бог, конечно, нет. Я постараюсь забыть, что ты такое сказала. Я имею в виду ту дрожь, которая охватила тебя, когда ты прочла это имя в «Маньчжурском кандидате».

— Раймонд Шоу. — Она могла произнести это имя, не впадая при этом в транс, в который погружалась, если слышала, как его произносил кто-то другой. — Меня действительно затрясло от этих слов.

— Ищи хокку, которое окажет на тебя такое же действие.

— А что дальше?

Вместо ответа он принялся листать книгу, не забывая при этом о еде. И уже через несколько минут воскликнул:

— Вот! От этого у меня не холодеет в спине, но я уверен, что хорошо его знаю.

Легкий порыв…
И волны разносят…
Голубые сосновые иглы.

— Хокку Скита.

Согласно примечанию, автором стихов был Мацуо Басё, родившийся в 1644-м и умерший в 1694 году.

Поскольку хокку были очень короткими и их можно было просматривать очень быстро, то не прошло и десяти минут — Марти еще не успела съесть и половины своих скампи[1], — как она сделала очередное великое открытие.

— Вот оно. Написал Иоса Бусон, через сотню лет после твоего Басё.

С запада ветер летит,
Кружит, гонит к востоку
Ворох опавшей листвы.

— Это твое?

— Да.

— Ты уверена?

— Я до сих пор вся трясусь.

Дасти взял у нее из рук книгу и пробежал глазами строчки. От него не ускользнула связь с прошедшими событиями. «…Опавшей листвы…»

— Это мой повторяющийся сон, — сказала она. Казалось, что ее прекрасные волосы вот-вот встанут дыбом, словно она прямо сейчас слышала шаркающую походку Человека-из-Листьев, пробирающегося к ней сквозь тропический лес.

* * *

Столько мертвецов: шестнадцать сотен погибли в 1836 году и еще несколько сот сдуло с доски этим январским вечером по прихоти выпавших костей и случайно вынутых карт. И тем не менее сражение продолжало бушевать с прежней жестокостью!

Разыгрывая сражение при Аламо, доктор одновременно разрабатывал детали завершения жизненного пути Холдена «Скита» Колфилда. Со Скитом должно было быть покончено перед рассветом, но еще одна смерть посреди всей этой многотысячной резни была совершенно незаметной добавкой.

На костях выпали «змеиные глаза» — два очка, а из колоды показался туз пик. По разработанным доктором сложным правилам, это означало, что высшие командиры каждой из армий должны предать свои войска и перебежать к противнику. Теперь мексиканскую армию вел полковник Джеймс Боуи, тяжело больной тифом и воспалением легких, а мистер

1 Скампи — креветки в чесночном соусе.

Аль Капоне бился за независимость территории штата Техас.

Скит не должен был покончить с собой на территории «Новой жизни». Ариман был одним из главных владельцев клиники, хотя это никак и нигде не афишировалось, сделал туда солидные инвестиции, которые нужно было защищать. Хотя не имелось совершенно никаких причин считать, что Дастин или Марти потребуют привлечь лечебницу к ответственности, все же оставалась опасность, что это сделает кто-нибудь из родственников, которых доктор не контролировал, возможно, троюродный дядя, проведший последние тридцать лет в тибетской хижине и даже не встречавшийся никогда со Скитом, в обществе адвоката от общества по расследованию медицинских злоупотреблений, явится через пять минут после того, как этот жалкий любитель наркотиков будет предан земле, и возбудит иск. И тогда жюри, состоящее из специально подобранных идиотов, а другие в наши дни, похоже, не заседают в суде присяжных, вынесет решение — заплатить тибетскому родственнику миллиард долларов. Нет, Скит должен уйти из «Новой жизни» по собственному желанию невзирая на советы докторов, очень неблагоразумно, может быть, со скандалом, и после этого совершить самоубийство в другом месте.

Шарик, выпущенный одним из героев Аламо, сделал рикошет и унес жизни девяти прекрасных мексиканских солдат и двоих из главарей бандитов Аль Капоне, не пожелавших перейти на сторону техасцев вместе с ним.

Святой Антоний Валерийский, давший имя миссии, созданной францисканскими священниками, вокруг которой потом была построена большая крепость Аламо, должен, по-видимому, бесконечно оплакивать жизни, потерянные в тени его церкви — если, конечно, забыть о том, что он умер и перестал что-либо оплакивать задолго до 1836 года. И, очень вероятно, он был бы очень встревожен и в том случае, если бы узнал, что Аль Капоне оказался гораздо лучшим защитником этой священной земли, чем Дэйви Крокетт.

Личной медсестрой, наблюдавшей за Скитом в вечернюю смену, была Жасмина Эрнандес в красных тапочках с зелеными шнурками. Она, к сожалению, была медиком профессиональным и неподкупным. У доктора не было ни времени, ни интереса проводить медсестру Эрнандес через полный цикл программирования только для того, чтобы она оказалась слепой и глухой к тем инструкциям, которые он должен будет дать Скиту. Поэтому Ариману приходилось ждать до конца ее дежурства. Зато медсестра, которая ее сменит в полночь, — ленивая дура. Она с радостью приткнет свою задницу в комнате отдыха персонала, уставится в телевизор и не оторвется от шоу «Полночь», пока Ариман будет колдовать над жалким сводным братом Дастина.

Он не хотел рисковать, давая Скиту инструкции по поводу самоубийства по телефону. Несчастный Колфилд-младший был настолько своеобразным объектом для программирования, что работу с ним необходимо было проводить лицом к лицу.

Полетела скрепка. Пинг! Беда. Полковник Боуи убит. Полковник Боуи убит! Мексиканская армия осталась без командира. Аль Капоне злорадствует.

* * *

Какой прекрасный лес, густой и прохладный. Огромные деревья растут настолько близко друг к другу, что их гладкие красно-коричневые полированные стволы образуют сплошную древесную стену. Марти откуда-то знает, что лес красного дерева, хотя никогда раньше не видела ни одного. Она, должно быть, находится в южноамериканских джунглях, где растет красное дерево, но она не может вспомнить ни своего путешествия сюда, ни упаковки вещей.

Она надеется, что взяла с собой достаточно одежды, не забыла дорожный утюг и, конечно, набор антитоксинов, особенно новейших, потому что змея только что вонзила свои ядовитые зубы ей в левую руку. Нет, один зуб. У змеи, кажется, есть только один зуб, и зуб очень своеобразный, серебристый, прямой и тонкий, как игла. У змеи тонкое

прозрачное тело, и она свисает с серебряного дерева без листьев и с одной только веткой, но ведь в Амазонии и должны быть экзотические рептилии и растения.

Судя по всему, змея не ядовитая, потому что Марти совершенно не волнуется из-за укуса, как, впрочем, и Сьюзен, которая тоже участвует вместе с нею в этой южноамериканской экспедиции. Сейчас она сидит в кресле по другую сторону поляны вполоборота к Марти, видно только ее профиль; она сидит так неподвижно и тихо, что, скорее всего, медитирует или погрузилась в свои мысли.

Сама Марти лежит на раскладушке, а может быть, и на чем-то более внушительном, вроде дивана; ложе простегано гвоздиками и имеет теплый отблеск кожи. Наверно, это первоклассный тур по дикой местности, ведь, чтобы тащить с собой кресла и диваны, нужно приложить очень много сил.

Время от времени происходят волшебные и забавные вещи. В воздухе проплывают сандвичи — с виду это банан и арахисовое масло на толстых кусках белого хлеба, — движутся взад и вперед, вверх и вниз, все время уменьшаясь, словно здесь, в лесу, рядом с нею находится призрак, голодный призрак, решивший позавтракать. Бутылка травяного пива также плавает в воздухе, приникает к невидимым губам, утоляя жажду того же самого призрака, а потом бутылка газированного виноградного напитка. Она полагает, что в конце концов все должно проясниться. Южноамериканские писатели создали литературный стиль, известный как волшебный реализм.

Еще одно проявление волшебства — окно в лесу. Оно расположено выше и позади нее, освещая лес, который иначе был бы совершенно темным и непривлекательным. Все говорит за то, что это прекрасное место для лагеря.

Если бы только не листья. Опавшие листья усеивают всю поляну, возможно, они слетели с красных деревьев, возможно, с каких-то других, и, хотя это просто мертвые листья, они заставляют Марти тревожиться. Время от времени они начинают шуршать, трещать, хотя на них никто не наступает. Даже самого легкого ветерка не чувствуется в лесу, но неугомонные листья дрожат по отдельности и кучками, дрожат и скребут один по другому, и проползают по площадке, на которой разбит лагерь, издавая зловещие шуршащие звуки, как будто простые листья могут строить планы и сговариваться между собой.

Совершенно неожиданно с запада налетает сильнейший порыв ветра. Окно выходит на запад, и, судя по всему, оно открыто, потому что ветер проносится сквозь него и врывается на поляну — огромное завывающее существо, несущее новое множество листьев, громадные кишащие вороха, которые шуршат, мятутся, как тучи летучих мышей; одни из них свежие и мягкие, другие высохшие и мертвые, третьи гнилые и осклизлые. Ветер взметает листья с земли, и вся масса мчится вокруг поляны — красные осенние листья, свежие зеленые листья, лепестки, чешуйки почек. — все это кружится как карусель без лошадей, но со странными животными, слагающимися из листьев. И затем, словно по сигналу трубы Пана, все до одного листья собираются в середину поляны и сливаются в фигуру человека, облекая в форму то невидимое существо, тот поедавший бутерброды и пьющий газировку призрак, который был здесь всегда, придавая ему материальность. Образуется Человек-из-Листьев, огромный и ужасный: с чешуйчатым лицом, напоминающим страшные маски Хэллоуина, с черными провалами вместо глаз, рваными клочьями там, где должен быть живот.

Марти прилагает все силы, чтобы встать с дивана прежде, чем существо коснется ее, прежде, чем станет поздно, но она слишком слаба для того, чтобы подняться, как будто ее подкосила тропическая лихорадка, малярия. Или, может быть, змея все-таки оказалась ядовитой, и ее укус начал сказываться.

Ветер принес листья с запада, а Марти — это восток, и листья должны войти в нее, потому что она — восток, и Человек-из-Листьев кладет ей на лицо свою огромную чешуйчатую руку. Вещество, из которого он состоит, — это листья, мятущаяся масса листьев; некоторые из них сухие и сморщенные, другие свежие и влажные, есть осклизлые от плесени, гнилые, с налипшей землей, и он запихивает свою лиственную субстанцию ей в

рот, и она откусывает кусок чудовища, пытается выплюнуть, но сразу же ей в рот попадает еще большее количество листьев, и она вынуждена глотать их, глотать или задохнуться, потому что все больше раскрошившихся, растертых в мелкий порошок листьев набивается ей в нос, а вот теперь гнилые листья начинают залеплять ей оба уха. Она пытается закричать, позвать на помощь Сьюзен, но не может кричать, а только давится; пробует позвать Дасти, но Дасти не поехал сюда, в Южную Америку или где там они находятся, он дома, в Калифорнии, и нет никого, кто мог бы ей помочь; и вот она заполняется листьями, ее живот полон листьев, ее легкие забиты, ее горло заткнуто листьями; теперь начинается безумное кружение листьев в ее голове, внутри ее черепа, листья скребут по поверхности ее мозга до тех пор, пока она не теряет способность ясно думать, пока все ее внимание не сосредоточивается на звуках, издаваемых листьями, на непрерывном шелестящем-шуршащем-хрустящем-скрипящем-скребущем-чавкающем-чмокающем-шепчущем-скрежещущем ЗВУКЕ…

— И на этом месте я всегда просыпаюсь, — закончила Марти. Она не отрывала глаз от последней креветки, покоившейся на остатках ложа из спагетти и от этого походившей не столько на порождение моря, сколько на кокон, наподобие тех, которые она во множестве находила, когда, будучи ребенком, лазила по деревьям. И на самом верху одного из раскидистых гигантов, там, где, казалось, в изумрудно-зеленой листве была обитель солнечного света и свежего воздуха, она однажды наткнулась на зараженное место, на множество жирных коконов, прочно приклеившихся к листьям, а листья, неестественно изогнувшись, прятали их, словно дерево было вынуждено защищать паразитов, которые питались его соками.

Только заставив себя успокоиться, многократно напомнив себе о том, что гусеницы в конце концов превращаются в бабочек, она смогла присмотреться к этим шелковым мешкам и увидела, что некоторые из них заполнены корчащейся жизнью. Решив высвободить золотое или темно-красное чудо, извивавшееся в тесной тюрьме, выпустить его в мир на минуту, а то и на час прежде, чем оно само сможет вырваться на волю, Марти аккуратно сняла слоистую ткань кокона — и обнаружила там не бабочку, пусть даже невзрачного мотылька, а множество новорожденных паучков, разбегавшихся от грозди яиц. Сделав это открытие, она никогда больше не чувствовала себя высшим существом всего лишь из-за того, что оказывалась на овеваемых ветрами вершинах деревьев или же добиралась до какой-либо иной вершины. Нет, после этого она поняла, что каждое создание, пусть оно прячется под камнем или копается в вязкой грязи, имеет равным образом корчащуюся ипостась, которая процветает в высших сферах, поскольку хотя этот мир и дивен, но все же это падший мир.

Ее аппетит оказался испорчен. Она не взглянула на последнюю креветку и взялась за «Сьерра-Неваду».

Дасти отодвинул остатки своего обеда.

— Хотелось бы мне, чтобы ты рассказала о своем кошмаре во всех подробностях немножко пораньше.

— Но ведь это был всего-навсего сон. Что ты смог бы понять из него?

— Ничего, — признался Дасти. — По крайней мере, до того, как минувшей ночью я увидел свой собственный кошмар. И я сразу же уловил бы связь, которая имеется между ними. Хотя и не уверен, что она что-либо прояснила для меня.

— И какая же это связь?

— И в твоем и в моем сновидении имеется… некое незримое присутствие. И еще тема одержимости, наличия какого-то темного и совершенно нежелательного существа, посягающего на сердце и мысли. И еще, конечно, капельница, о которой ты не говорила прежде.

— Какая капельница?

— Для внутривенных вливаний. В моем сновидении совершенно ясно была видна капельница, висевшая на торшере в нашей спальне. В твоем сне это змея.

— Но ведь это и *есть* змея.

Он потряс головой.

— В этих снах мало что является тем, чем кажется. Это все символы, метафоры. Поскольку и сны — это не просто сны.

— Это воспоминания, — предположила Марти и почувствовала, что ее предположение и есть истина.

— Запрещенные воспоминания о проводимых с нами сеансах программирования, — согласился Дасти. — Наши дрессировщики, как я назвал бы их, кем бы они ни были, — они стерли все связанные с этим процессом воспоминания, которые могли бы у нас оставаться, потому что наверняка не хотели, чтобы мы помнили хоть что-то об этом.

— Но ощущения все же остались где-то в глубинных уровнях памяти.

— И когда они проявляются, то не могут проявляться иначе; только в искаженном виде, исключительно в виде символов, поскольку иной любой доступ к ним нам прегражден.

— Это похоже на то, как ты удаляешь файл из своего компьютера. Он исчезает из директории, и ты не можешь снова открыть или запустить его, но он все равно сохраняется на жестком диске, и фактически навсегда.

Дасти рассказал жене о своем сновидении, в котором летала кричащая цапля и сверкали молнии. Когда он закончил рассказ, Марти почувствовала, как в ней вновь начинает шевелиться знакомый безумный страх, как он с невероятной энергией тысяч новорожденных паучков вырывается из гроздей отложенных яиц и разбегается по всему ее позвоночнику.

Опустив голову, она уставилась на бокал, крепко стиснутый обеими руками. Если бросить бокал, то им можно больно ударить ничего не подозревающего Дасти. А после того как стекло разобьется, им можно изрезать его лицо.

Содрогаясь, она молча молилась: пусть официант не выберет этот момент, чтобы забрать у них тарелки. Но приступ закончился минуты через две.

Марти подняла голову и вгляделась в ту часть зала ресторана, которую было видно из их полузакрытой кабинки. Обедавших прибавилось по сравнению с тем временем, когда сюда пришли они с Дасти, больше официантов ходило между столиками, но никто не кидал на нее недоуменных или испуганных взглядов.

— Тебе лучше? — спросил Дасти.

— Сейчас было не настолько плохо.

— Валиум, алкоголь.

— Что-то… — Это не было ни согласием, ни возражением.

Взглянув на часы, Дасти сказал:

— Они происходят почти точно через час, но пока что все приступы умеренные…

Эти слова прозвучали для Марти острым предостережением: все эти малочувствительные недавние приступы были просто-напросто репетициями грядущего аттракциона, мелкими фрагментами большого спектакля.

Поджидая, пока официант принесет им счет, а потом сдачу, они еще раз пролистали сборники хокку.

Марти нашла еще одно стихотворение, то, что относилось к Скиту, про голубые сосновые иглы. Его автором тоже был Мацуо Басё.

И вдруг:

Молнии вспышка -
И цапли ночной
Крик проколол темноту.

Она не стала произносить стихи вслух, а просто протянула книгу Дасти.

— Наверно, это. Все три принадлежат классикам.

Она видела, что муж, читая стихи, весь затрясся, словно продрог на холоде.

Но подошел официант со своим традиционным: «Благодарю за посещение» и «Удачного дня», хотя уже два часа как стемнело, и все встало на свои места.

Отсчитав чаевые и вручив их, Дасти сказал:

— Мы знаем, что имена-детонаторы взяты из романа Кон-дона, поэтому, вероятно, будет нетрудно найти мое. Теперь у нас есть наши хокку. Я хочу знать, что произойдет, когда… когда мы попробуем применить их друг к другу. Но, кажется, это неподходящее место для того, чтобы проводить опыты.

— А где тогда?

— Давай поедем домой.

— А разве дома безопасно?

— А где безопасно? — грустно спросил Дасти.

ГЛАВА 56

Оставленный в одиночестве почти на целый день, запертый в заднем дворе, вместо того чтобы ходить рядом с хозяевами, как этого заслуживает любая хорошая собака, получивший обед от страшного гиганта, которого он прежде видел только два раза, Валет имел полное право пребывать в плохом настроении, не желать смотреть на хозяев и даже приветствовать их сердитым рычанием. Но он весь так и лучился видимым и невидимым золотым сиянием: показывал в радостной улыбке страшные зубы, размахивал хвостом, прижимался, чтобы его обняли, а потом отскакивал на шаг в сторону в своей бесхитростной чистой радости оттого, что хозяева снова пришли домой, хватал свою великолепную желтую утку и быстро-быстро покусывал ее, отчего игрушка громко и неблагозвучно пищала.

Они забыли сказать Неду Мазервеллу, чтобы тот включил для Валета свет, но Нед оказался действительно по-матерински заботливым и оставил кухню ярко освещенной.

На таблице лежал большой почтовый конверт для бандеролей, а рядом с ним записка, написанная рукой Неда: «Дасти, эта штука валялась около вашей парадной двери».

Марти разорвала конверт. Валет с интересом взглянул на источник звука; возможно, он подумал, что хозяйка собирается достать ему из мешка новую игрушку или что-то вкусненькое. Но в конверте оказалась книга в яркой суперобложке.

— Это книга доктора Аримана.

Дасти, озадаченный, взял у нее книгу, а Валет, подняв голову, раздул ноздри, принюхиваясь, а потом фыркнул.

Это был последний бестселлер, изданный Ариманом, популярное пособие на тему того, как научиться любить себя.

Ни Дасти, ни Марти не читали его, потому что оба предпочитали художественную литературу. Больше того, для Дасти чтение беллетристики было принципиальным действием в той же степени, что и делом вкуса. В эпоху, когда главными валютами для большей части общества стали обман, искажение истины, осмысленная, а то и бессмысленная ложь, он часто обнаруживал, что в литературном вымысле оказывалось больше правды, чем в целых ведрах информации, изверженных авторами научных исследований.

Но ведь это же была книга доктора Аримана, которая, вне всякого сомнения, была написана с тем же глубоким стремлением употребить все свои знания и опыт на благо пациентов, которым он руководствовался в своей частной практике.

— Странно, почему он не сказал, что послал нам книгу? — заметил Дасти, разглядывая фотографию на обложке.

— Это прислали не по почте, — сказала Марти. Действительно, на конверте не было ни марки, ни почтового штемпеля. — Какая-то служба доставки — и не от доктора Аримана.

На приклеенном к конверту ярлыке было напечатано имя доктора Роя Клостермана и адрес его кабинета. В книгу была вложена коротенькая записка: «Мой регистратор проезжает мимо вашего дома по дороге к себе домой; поэтому я попросил ее завезти вам это. Я подумал, что вы могли бы найти самую последнюю книгу доктора Аримана не лишенной интереса. Возможно, вы никогда не читали его работ».

— Любопытно, — сказала Марти.

— Да. Он не любит доктора Аримана.

— Кто?

— Клостерман.

— Не может быть. Конечно же, он любит его, — возразила она.

— Нет. Я почувствовал это. По выражению лица, по интонациям голоса.

— Но как его можно не любить? Доктор Ариман — великий психиатр. Доктор Ариман употребляет все…

— Кря-кря-кря! — заорала прекрасная желтая игрушечная утка.

— Да, конечно же, да и посмотри, насколько тебе стало лучше после одного только сеанса. Он очень хорошо действует на тебя.

Утка в пасти бегающего кругами по кухне Валета — уши развеваются, когти стучат по кафелю — непрерывно крякала; сильнее, пожалуй, чем целая крылатая стая.

— Валет, успокойся, — потребовала Марти. — А что, если… Что, если у доктора Клостермана это профессиональная ревность?

Дасти раскрыл книгу и принялся листать ее, начиная с первой страницы.

— Ревность? Но ведь Клостерман не психиатр. Они с доктором Ариманом играют не только в разных командах, но и в совершенно разные игры.

Обычно послушный Валет перестал топтаться по кухне, но продолжал терзать свою утку. Дасти уже начало казаться, что они попали в мультфильм, героями которого являются знаменитые утята Даффи и Дональд.

Дасти испытывал некоторое раздражение от непрошеного подарка Клостермана. Судя по той скрываемой, но все же несомненной неприязни, которую терапевт испытывал к доктору Ариману, его поступок вряд ли следовало расценивать как акт благотворительности. Скорее он казался удручающе мелочным.

Пролистав семь первых страниц книги психиатра, Дасти наткнулся на краткий эпиграф, предварявший первую главу. Это было хокку.

Призрак опадающих лепестков
Зыбко тает в цветах
И свете луны.
Окио, 1890.

— Что-то не так? — спросила Марти.

В сознании Дасти промелькнуло что-то вроде музыки старинного «терменвокса» к знаменитому когда-то кинофильму с Борисом Карлоффом[1] в главной роли.

— Дасти?

— Странное небольшое совпадение, — сказал он, показывая ей хокку.

Прочитав эти три строки, Марти вздернула голову, будто тоже услышала навеваемую стихотворением музыку.

— Действительно, странно, — согласилась она.

Снова завопила стиснутая собачьими зубами утка.

* * *

Взойдя на лестницу, Марти замедлила шаг.

Дасти знал, что ей будет страшно услышать голос Сьюзен на автоответчике. Он предложил, что послушает запись сам, а потом расскажет жене ее содержание, но для нее это

1 Терменвокс — первый электромузыкальный инструмент, изобретенный в 1920 г. советским инженером Л.С.Терменом. Карлофф, Борис, псевд., настоящее имя Уильям Генри Прэтт (1887-1969) — британский киноактер, снимавшийся в США. Прославился своими ролями в фильмах ужасов.

было бы моральной трусостью.

В кабинете на втором этаже располагался большой П-образный стол, на котором находилось все то, что было ей необходимо для того, чтобы помочь хоббитам выбраться из Эриадора, провести через Гондор и Ристанию в Мордор, царство зла, — если, конечно, допустить, что жизнь оставит ей шанс вернуться в здравомыслящий мир, вымышленный Толкиеном. Примерно треть места занимали два мощных компьютера и подключенный к обоим принтер.

К телефону был присоединен автоответчик, которым Марти пользовалась начиная с того года, когда закончила колледж. В эпоху электроники он был не просто устаревшим, а по-настоящему древним. Судя по окошку индикатора, на ленте содержалось пять сообщений.

Марти стояла на изрядном расстоянии от стола, около двери, будто расстояние могло помочь ей укрыться от эмоционального воздействия голоса Сьюзен.

Здесь тоже лежала покрытая овчиной подушка для Валета, но он остался рядом с хозяйкой, будто заранее знал, что ей потребуется утешение. Дасти перемотал ленту, включил воспроизведение. Первое сообщение было от Дасти, когда он накануне вечером собирался уехать с автомобильной стоянки около «Новой жизни».

«Скарлетт, это я, Рэт. Звоню просто для того, чтобы сообщить, что я уже ругаюсь…»

Второй звонок был от Сьюзен. Судя по всему, она звонила в то время, когда Марти первый раз заснула после того, как, донельзя усталая, выпила несколько капель виски, но до того, как она проснулась, увидев кошмар, и совершила налет на аптечку в поисках снотворного.

«Это я. Что-то случилось? С тобой все в порядке? Может быть, ты думаешь, что я схожу с ума? Для этого у тебя есть все основания. Перезвони мне».

Марти отступила еще на два шага в дверь, как будто голос мертвой подруги толкнул ее назад. Ее лицо побелело, но руки, которыми она закрыла его, были еще белее.

Валет сидел перед нею, не сводя с хозяйки глаз; уши насторожены, губы растянуты в улыбке, словно он надеялся, что зрелище прекрасных белых клыков поможет ей противостоять печали.

Третье сообщение также было от Сьюзен. Оно поступило в 3.20 утром. Вероятно, в это время Дасти мыл руки в ванной, а Марти «спала освежающим сном невинных младенцев», как говорилось в телевизионной заставке, рекламирующей патентованные медицинские препараты.

«Марти, это я. Марти, ты здесь?»

Сьюзен сделала паузу — на ленте в течение нескольких секунд был слышен только слабый шорох, — она ждала, чтобы кто-нибудь снял трубку, и Марти, стоявшая в дверях, застонала.

— Да, — с безутешной горечью сказала она, и это единственное коротенькое словечко означало: да, подвела тебя, и мой промах уже не исправить.

«Послушай, если ты рядом, то, ради бога, возьми трубку».

Началась следующая пауза. Марти, оторвав руки от лица, с ужасом уставилась на автоответчик.

Дасти знал, что она ожидала услышать дальше, поскольку сам он ожидал того же самого. Разговор о предстоящем самоубийстве. Мольба о поддержке, о дружеском совете, об утешении.

«Это не Эрик, Марти. Это Ариман. *Это — Ариман* . Я записала ублюдка на видео. Это *ублюдок* — после того, как я совершила для него такую выгодную сделку, когда он покупал дом. Марти, пожалуйста, пожалуйста, позвони мне. Мне необходима помощь».

Дасти остановил ленту прежде, чем аппарат перешел к четвертому сообщению.

Дом, казалось, сотрясло землетрясением, будто тектонические плиты глубоко под побережьем Калифорнии со страшной силой врезались одна в другую. Но это землетрясение происходило лишь в головах двоих людей. Дасти посмотрел на жену.

Какие глаза, какие у нее глаза… Удар шока пробил даже тяжелое горе, от которого ее

глаза сделались еще синее, чем обычно. А теперь в ее глазах появилось что-то еще, чего он еще никогда не видел ни в чьих глазах, качество, которому он не мог подобрать подходящего названия.

Он услышал свой собственный голос, произносящий:

— Похоже, что под конец она все-таки немного сошла с ума. Я имею в виду: ведь в ее словах нет смысла. Какое видео?

Доктор Ариман…

— …Великий психиатр. Он…

— …Употребляет все свои знания и опыт…

— …На благо пациентов.

В голове Дасти звучала та же негромкая музыка примитивного электрического инструмента, жуткая и немелодичная, даже не музыка, а рожденный его душою эквивалент звона в ушах — мысленный звон в мысленных ушах. Она была порождена тем, что психотерапевты, берущие с пациентов по сто долларов за час, называют когнитивным диссонансом: столкновение двух диаметрально противоположных мнений об одном и том же предмете. Предметом в данном случае был Марк Ариман. Дасти испытывал сильнейший когнитивный диссонанс, поскольку все время считал, что Ариман — великий психиатр, а теперь вдруг оказалось, что он к тому же еще и насильник, считал Аримана сострадательным доктором, употребляющим все свои знания и опыт на благо пациентов, и узнал, что он к тому же убийца, жестоко манипулирующий людьми.

— Это не может быть правдой, — сказал он.

— Не может, — согласилась она.

— Но хокку…

— Лес красных деревьев в моем сне.

— Его кабинет облицован панелями красного дерева.

— И окно в нем выходит на запад, — добавила Марти.

— Это сумасшествие.

— Но даже если это может и впрямь оказаться он — почему мы?

— Я знаю, почему ты, — мрачно сказал Дасти. — По той же самой причине, что и Сьюзен. Но почему я?

— Почему Скит?

Из оставшихся двух сообщений первое поступило в девять часов утра этого дня, второе в четыре дня, и оба были от матери Марти. Первое было кратким: Сабрина звонила только для того, чтобы поболтать.

Второе сообщение было более длинным и полным тревоги, так как Марти работала дома и, как правило, делала ответный звонок матери не позже, чем через час-другой. Поэтому недостаточно быстрый ответ дал Сабрине повод пуститься в домыслы апокалиптического толка. В хаотичном монологе легко было уловить пусть не высказанные вслух, но совершенно ясные для любого, кто достаточно хорошо знал окольную манеру выражаться, присущую Сабрине, горячую надежду на то, что (1) Марти обсуждает с адвокатом детали будущего развода, (2) Дасти напился до потери сознания и теперь проходит курс лечения в клинике, (3) Дасти оказался бабником и теперь лежит в больнице, выздоравливая после побоев — сильных побоев, — которые нанес ему муж другой женщины, а Марти находилась в конторе адвоката, обсуждая с ним детали предстоящего развода.

Обычно Дасти против воли раздражался, слыша речи тещи, но на сей раз отсутствие у Сабрины малейшей капли веры в него показалось совершенно несущественным.

Он промотал ленту назад, ко второму и последнему сообщению Сьюзен. Сейчас, второй раз, ее слова было слушать даже тяжелее, чем в первый.

Сьюзен мертва, но остался ее голос.

Ариман — целитель, Ариман — убийца.

Когнитивный диссонанс.

Лента автоответчика не могла являться неопровержимым доказательством, которое можно было бы использовать для того, чтобы дать делу законный ход, так как сообщение Сьюзен не было достаточно определенным. Она не обвиняла психиатра в насилии или совершении каких-то еще действий, а лишь обзывала его ублюдком.

Однако лента все равно являлась уликой, и они должны были сохранить ее.

Дасти извлек микрокассету, взял со стола красный фломастер и написал печатными буквами на ярлыке «СЬЮЗЕН». Марти вставила в автоответчик новую кассету, а он положил подписанную кассету в небольшой центральный ящик стола. Марти казалась совершенно потрясенной.

Сьюзен мертва. А теперь доктор Ариман, который казался такой надежной опорой в шатком мире, превратился в губительный капкан.

ГЛАВА 57

Из кухни Дасти позвонил в офис Роя Клостермана и переговорил с дежурившим там по ночам врачом. Он наврал, что у Марти возникла аллергическая реакция на медикаменты, прописанные доктором.

— У нас здесь сложилось просто чрезвычайное положение.

Пока хозяева сидели за кухонным столом, ожидая ответного звонка, Валет лежал под столом и вздыхал, чтобы людям стало ясно, насколько бестолково они проводят время и что гораздо лучше было бы заняться перетягиванием каната или какой-нибудь игрой с мячиком.

Дасти листал «Маньчжурского кандидата» в поисках имени, при виде которого его так же бросило бы в дрожь, как случилось во время прочтения стихотворения Басё про цаплю. Сидя в приемной доктора Аримана, он прочел довольно значительную часть триллера и видел, наверно, большинство имен ведущих персонажей, но ни от одного из них у него под кожей не забегали мурашки. Теперь, уже почти на последних страницах, ему попалось еще одно имя: крайне малозначащего действующего лица, вызвавшее тем не менее ожидаемую реакцию. Виола Нарвилли, плохонькая оперная певица, имя которой казалось слишком дурацким и претенциозным, чтобы Ариман — или кто бы ни было другой — мог выбрать его для такой убийственной цели.

Потом они стали читать друг другу хокку.

Начал Дасти, назвав имя-детонатор.

— Раймонд Шоу.

— Я слушаю, — ответила Марти. Ее глаза остекленели, но она была к чему-то готова.

— С запада ветер летит…

— Вы — это запад и западный ветер.

Вдруг Дасти понял, что не следует проходить все три строки стихотворения, так как он не знал, как нужно будет держать себя с Марти в том случае, если он сможет углубиться в ее подсознание. Открытый для получения команд разум наверняка должен находиться в неустойчивом и уязвимом состоянии, фразы, которые он мог сказать ей, вопросы, которые мог задать, вполне могли оказаться причиной необратимых последствий, причинить непредвиденный психологический ущерб.

Кроме того, он не знал, как вывести ее из транса обратно, в состояние действенного сознания иным путем, разве что отдать ей приказ спать, как он сделал это со Скитом. И Скит в «Новой жизни» уснул настолько крепко, что его не удалось разбудить, ни окликая по имени, ни тряся за плечо, ни подсовывая под нос нашатырь и какие-то другие нюхательные средства; он пришел в себя по какому-то внутреннему графику. Если бы даже владевшее Дасти ощущение безвозвратно убегающего времени было не таким параноидальным, а, скорее, рассудительным, то все равно нельзя было допускать рискованной возможности, что Марти погрузится во внушенную квазикому, из которой он может не суметь ее вывести.

Когда Дасти умолк, не перейдя ко второй строке хокку, Марти спустя несколько секунд

мигнула, с ее лица исчезло сосредоточенное выражение, и она вновь вернулась к своему обычному состоянию.

— Ну, что?

Дасти рассказал ей о том, что сделал и чего не стал делать.

— Но это сработало бы. Совершенно точно. А теперь ты попробуй на мне — но только первую строчку моего стихотворения.

Не надеясь на свою память, Марти склонилась над книгой.

Он видел, как она приоткрыла рот, чтобы заговорить…

…А потом почувствовал, что ретривер уткнул свою большую голову ему в колени, желая успокоить хозяина или ожидая, что тот сам его успокоит.

Долю секунды назад Валет лежал, свернувшись пушистым комом, в ногах у Дасти.

Нет, это не могла быть доля секунды. Десять или пятнадцать секунд, а может быть, и больше оказались теперь потерянными для Дасти. Судя по всему, когда Марти использовала имя-детонатор — Виола Нарвилли, — Дасти отозвался неестественным голосом, и собака, почувствовав, что с ее хозяином что-то не так, поднялась, чтобы узнать, в чем дело.

— Это страшно, — сказала Марти, закрывая книгу. Скорчив недовольную гримасу, она отодвинула ее от себя таким движением, словно перед ней оказалась «Черная библия» сатанистов. — У тебя был такой вид… тебя здесь не было.

— Я даже не помню, чтобы ты называла имя.

— Я назвала его. И первую строку стихотворения. «Молнии вспышка…» А ты ответил: «Вы — это молния».

Телефон зазвонил.

Дасти вскочил из-за стола, чуть не уронив стул, и, уже схватив трубку висевшего на стене телефона, спросил себя: а что будет, если в ответ на его «Алло» доктор Клостерман или кто-нибудь еще ответит: «Виола Нарвилли». Порабощение вызывалось произнесением этого имени вслух.

Клостерман.

Дасти сразу же попросил извинения за ложь, к которой прибегнул, чтобы наверняка получить своевременный ответ.

— Никакой аллергической реакции нет, но есть критическое положение, доктор. Эта книга, которую вы прислали…

— «Учитесь любить себя», — напомнил название Клостерман

— Да. Доктор, почему вы прислали ее нам?

— Я думал, что вам следует прочесть ее, — ответил Клостерман. Впрочем, по его словам невозможно было определить, положительно или отрицательно он относится к самой книге или к ее автору.

— Доктор… — Дасти заколебался на несколько мгновений, а потом решительно, словно открыв холодный душ, продолжил: — О черт, об этом нельзя говорить уклончиво. Я думаю, что у нас, возможно, возникла проблема с доктором Ариманом. Серьезная проблема.

Даже в тот момент, когда он произносил это обвинение, внутренний голос спорил с ним. Психиатр, знаменитый и общепризнанный, не сделал ничего, что могло бы оправдать неуважительность и эту злую клевету. Дасти чувствовал себя виноватым, неблагодарным, заблуждающимся, предателем, наконец. И все эти ощущения вызвали в нем новый испуг, потому что, учитывая обстоятельства, у него имелись все основания для того, чтобы подозревать психиатра. Внутренний голос, говоривший так убедительно, был не его голосом, но голосом незримого существа, того самого, которое сжимало грушу тонометра в его кошмаре, того самого, вокруг которого яростным вихрем собирались опавшие листья в кошмаре Марти, и теперь это существо расхаживало по анфиладе залов его сознания, невидимое, но не молчаливое, убеждая его доверять доктору Ариману, отрешиться от этого абсурдного подозрения, успокоиться и *уверовать* .

Послушав молчание Дасти, Клостерман задал вопрос:

— Марти уже виделась с ним, не так ли?

— Сегодня, во второй половине дня. Но теперь нам кажется… это началось раньше. Несколько… много месяцев тому назад, когда она сопровождала к нему свою подругу. Доктор, вы, конечно, решите, что я сумасшедший…

— Не обязательно. Но нам в любом случае не следует продолжать это обсуждение по телефону. Вы можете приехать сюда?

— Куда сюда?

— Я живу на острове Бальбоа. — Клостерман продиктовал ему адрес.

— Мы скоро приедем. Можно нам взять с собой собаку?

— Она поиграет с моей.

— Возможно, это не лучшее из доступных решений, — сказала Марти, когда Дасти повесил трубку и повернулся к ней.

Она прислушивалась к речам своего собственного внутреннего голоса.

— Может быть, — продолжила она, — стоит позвонить доктору Ариману и выложить все это ему… А он нам все объяснит.

Невидимое существо, без спросу расхаживавшее по коридорам сознания Дасти, советовало то же самое, почти слово в слово повторяя то, что вслух сказала Марти.

Внезапно она вскочила из-за стола:

— О боже, что за чушь я несу?

Лицо Дасти вспыхнуло, и он знал, что если бы посмотрел сейчас в зеркало, то увидел бы румянец на щеках. Его сжигал стыд, стыд за свои подозрения, за свою непростительную ошибку, в результате которой он отказывает доктору Ариману в заслуженном доверии и уважении, которое должен бы испытывать по отношению к этому замечательному психиатру.

— Похоже, — заметил Дасти (его била дрожь), — что вокруг нас разыгрывается новый вариант «Вторжения похитителей тел».

Валет вылез из-под стола. Он стоял, опустив свой хвост, который почти всегда радостно болтался, воздетый, как турецкая сабля, плечи собаки ссутулились, голова была опущена к земле — тяжелое настроение, овладевшее хозяевами, передалось доброму псу.

— Почему мы берем с собой собаку? — спросила Марти.

— Потому что я рассчитываю некоторое время не возвращаться сюда. Мне кажется, что это будет слишком большой риск. Пойдем, — продолжил он, уже выходя из кухни в прихожую, — нужно побросать в чемоданы кое-что из вещей, одежду на несколько дней. И давай сделаем это побыстрее.

Спустя несколько минут, перед тем как закрыть свой чемодан, Дасти вынул из ящика тумбочки небольшой, сделанный на заказ «кольт» 45-го калибра. Подумав несколько секунд, стоит ли держать оружие так, чтобы его было легко достать, он закрыл чемодан, не добавив пистолет к его содержимому, и достал из гардероба кожаную куртку с глубокими карманами.

В эти секунды он пытался найти ответ на вопрос: мог ли пистолет на самом деле послужить защитой?

Если бы прямо сейчас, в эту самую минуту в спальню вошел Марк Ариман, то предательский внутренний голос мог бы отвлечь Дасти на время, которого психиатру вполне хватило бы для того, чтобы улыбнуться и проговорить: «Виола Нарвилли», а после этого он уже будет не в состоянии нажать на спусковой крючок.

«*А смог бы я тогда засунуть в рот дуло пистолета, словно мороженое на палочке, и разнести себе мозги так же покорно, как Сьюзен резала себе вены?* »

Из спальни, вниз по узкой лестнице, первым сбежал ретривер, следом на ним Марти с чемоданом, потом Дасти с другим. Они задержались на мгновение в кухне, чтобы забрать книги, и направились к стоявшему на подъездной дорожке «Сатурну». У обоих было ощущение, что следует поторапливаться, чтобы обогнать все сильнее сгущающуюся тень приближающейся гибели.

ГЛАВА 58

Остров Бальбоа, расположенный посреди Ньюпортской гавани, соединял с материком невысокий многопролетный мост. Марин-авеню, по сторонам которой тянулись многочисленные рестораны и магазины, была почти пуста. Многочисленные смерчики, напоминавшие при беглом взгляде контуры человеческих тел, несли по мостовой листья эвкалиптов и лезвия, оторванные от пальмовых ветвей, словно желали напомнить Марти о лесе красных деревьев из ее сна.

Дом доктора Клостермана находился не на внутренних улицах острова, а глядел прямо на побережье. Они оставили машину в конце Марин-авеню и вместе с Валетом вышли на пешеходный приморский бульвар, окружавший весь остров и отделенный от гавани невысоким барьером набережной.

Прежде чем они нашли дом Клостермана, спустя час и одну минуту после предыдущего приступа, Марти настигла еще одна волна аутофобии. Этот приступ тоже оказался терпимым, не сильнее, пожалуй, чем предыдущие три, но все равно она была не в состоянии не то что идти, но даже стоять. Они сидели на барьере набережной, ожидая конца приступа. Валет вел себя очень терпеливо; он не подлизывался к хозяевам, упрашивая их поскорее продолжить прогулку, и не рвался обнюхать потенциального приятеля, когда мимо прошел человек с далматином на поводке.

Шел прилив. Одновременно в гавань ворвался ветер. Он рябил обычно спокойную воду, разбивал барашки волн о бетонную стену набережной, и отражения огней зданий на противоположной стороне гавани извивались во взволнованной воде, как огненные змеи.

Яхты и моторные катера, пришвартованные в частных доках, раскачивались на волнах, испуская стоны и скрипы. Фалы и металлические скрепы звенели, ударяясь о стальные мачты.

Приступ прошел быстро.

— Я видела мертвого священника, — сказала Марти. — Во лбу у него торчал костыль, которыми крепят железнодорожные рельсы. Это промелькнуло быстро, слава богу, не так, как сегодня утром, когда я никак не могла выкинуть из головы какую-то подобную мерзость. Но откуда вся эта дрянь берется?

— Кто-то *вложил* это туда, — ответил Дасти и, превозмогая сопротивление настойчивого внутреннего голоса, уточнил: — Это вложил *Ариман* .

— Но каким образом?

Оставшийся безответным вопрос улетел в глубь гавани, и они отправились дальше разыскивать дом доктора Клостермана.

На острове, похоже, не было домов выше трех этажей. Многие из зданий представляли собой очаровательные бунгало, втиснувшиеся между массивными замками. Клостерман жил в уютном с виду двухэтажном доме с фронтонами, окна которого украшали декоративные ставни и ящики, где буйно росли английские примулы.

Клостерман открыл им дверь. Он был бос и облачен в коричневые спортивные штаны, туго обтягивавшие его внушительное чрево, и футболку с рекламой аквапланов Хоби. Рядом с ним стоял черный Лабрадор с большими любознательными глазами.

— Шарлотта, — представил ее хозяин. Валет обычно бывал застенчив при встрече с другими собаками, но, спущенный с поводка, он сразу же потянулся носом к Шарлотте, радостно размахивая хвостом. Они сделали пару ритуальных кругов вокруг друг друга, пофыркали, принюхиваясь, а потом Лабрадор рванулся в глубину прихожей, к лестнице, и Валет, позабыв обо всем на свете, кинулся за новой подругой.

— Все в порядке, — успокоил прибывших Рой Клостерман. — Они не смогут ничего сбить, потому что все, что можно, сбито уже давно.

Врач предложил забрать у посетителей куртки, но они предпочли оставить их при себе, так как в одном из карманов Дасти лежал «кольт».

В кухне от большой кастрюли соуса для спагетти поднимался аппетитный аромат готовящихся фрикаделек и сосисок.

Клостерман предложил Дасти коктейль, кофе Марти:

— Если вы не принимали больше валиума.

Оба гостя решили выпить кофе.

Они сидели за идеально отполированным деревянным столом. Врач взял несколько пухлых желтых перцев, тщательно осмотрел их и разрезал на части.

— Я намеревался постараться немного получше понять вас, — сказал Клостерман, — а потом решить, насколько откровенно можно с вами говорить. Но потом решил, что, черт возьми, нет никаких оснований для излишней сдержанности. Я очень любил и ценил вашего отца, Марти, и если вы хоть сколько-нибудь похожи на него — а я полагаю, что это так, — то это значит, что я могу положиться на вашу рассудительность.

— Спасибо.

— Ариман, — продолжал Клостерман, — самовлюбленный засранец. Это не личное мнение. Это неопровержимый факт, который в соответствии с законом следует включать в биографическую справку автора, напечатанную на суперобложках.

Он оторвал взгляд от перцев, чтобы посмотреть, насколько потряс этим заявлением своих гостей, и улыбнулся, увидев, что они не стали делать протестующих жестов, отгоняя нечистую силу. Со своими сединами, тяжелыми челюстями, массой подбородков и улыбкой он был очень похож на безбородого Санта-Клауса.

— Вы читали что-нибудь из его книг? — спросил он.

— Нет, — ответил Дасти. — Лишь вкратце пролистал ту, что вы прислали.

— Это куда хуже, чем обычное популярное дерьмо, которое производят психиатры. «Учитесь любить себя». Марку Ариману никогда не было нужно учиться любить Марка Аримана. Он был влюблен в себя, начиная с самого рождения. Прочтите книгу, и вы это поймете.

— Как вы считаете, он способен привносить расстройства в психику своих пациентов? — напрямую спросила Марти.

— Способен? Меня не удивило бы, если бы вдруг стало известно, что половину всех заболеваний, которые он вылечивает, он сам внушил своим больным.

Услышав эту фразу, Дасти почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Мы считаем, что подруга Марти, та, о которой мы упоминали сегодня утром…

— Страдающая агорафобией?

— Ее звали Сьюзен Джэггер, — сказала Марти. — Я знала ее с десяти лет. Она покончила с собой прошлой ночью.

Слова Марти потрясли врача так, как его эмоциональная речь не потрясла посетителей. Он отложил нож и отвернулся от желтых перцев, вытирая руки маленьким полотенцем.

— Ваша подруга…

— Мы обнаружили ее тело сегодня во второй половине дня, — пояснил Дасти.

Клостерман сел за стол и взял в обе ладони руку Марти.

— А вы считали, что ей становится лучше…

— Так мне вчера сказал доктор Ариман.

— У нас есть основания считать, что аутофобия Марти — как мы теперь узнали, это называется именно так, — не естественного происхождения, — вмешался Дасти.

— Я ходила к нему вместе со Сьюзен два раза в неделю в течение года, — объяснила Марти. — И начала замечать… странные провалы в памяти.

В привыкших к ослепительному солнцу с покрасневшими от морского ветра уголками глазах врача читалось больше доброты, чем потрясения. Он повернул руку Марти и всмотрелся в ее ладонь.

— Я могу рассказать вам кое-что важное об этом склизком сукином сыне.

Его прервала Шарлотта, вбежавшая в кухню с мячом в зубах. Следом за ней вприпрыжку бежал Валет. Поскальзываясь на кафельном полу, собаки развернулись и вылетели из комнаты так же бойко, как появились там.

— Приученные к опрятности собаки могут научить нас гораздо большему, чем мы их,

— сказал Клостерман. — Я веду небольшую благотворительную работу. Я никакой не святой. Многие врачи делают куда больше. Моя благотворительная работа связана с неблагополучными детьми. Ребенком я жил очень плохо. Но это не наложило на меня непреодолимого отпечатка. Я мог потратить время своей жизни на ненависть к виновным… или же предоставить их закону и богу и использовать свою энергию для помощи невинным. Так или иначе… помните случай с Орнуолами?

Семья Орнуолов более двадцати лет содержала популярное заведение для дошкольников в Лагуна-Бич. За каждое место между родителями потенциальных подопечных Орнуолов шли форменные сражения.

Два года назад мать пятилетнего ребенка подала в полицию жалобу, обвинив руководителей заведения в сексуальных злоупотреблениях по отношению к ее дочери и в том, что других детей использовали для группового секса и сатанинских ритуалов. В последовавшей затем истерической кампании другие родители подопечных Орнуолов рассматривали любую мельчайшую странность в поведении своих детей как тревожную эмоциональную реакцию на злоупотребления воспитателей.

Я не был никоим образом связан ни с Орнуолами, ни с семьями, чьи дети посещали их школу, — продолжал Рой Клостерман, — и поэтому меня попросили провести в порядке благотворительности обследование детей от имени Службы защиты детей и управления окружного прокурора. На таких же благотворительных началах они привлекли к работе еще и психиатра. Он вел беседы с детьми, посещавшими школу Орнуолов, чтобы определить, могут ли они дать адекватные показания об имевшихся злоупотреблениях.

— Это был доктор Ариман? — полуутвердительно заметила Марти.

Рой Клостерман встал из-за стола, взял кофейник и снова наполнил чашки.

— Нам приходилось встречаться, чтобы скоординировать различные аспекты медицинской стороны расследования по делу Орнуолов. Я сразу же невзлюбил Аримана.

Дасти почувствовал болезненный укол угрызения совести, от которого даже заерзал на стуле. Неотвязный внутренний голос в очередной раз пристыдил его за отсутствие лояльности к психиатру, за то, что он слушает, как про того рассказывают гадости.

— И когда он бесцеремонно сообщил, что использовал метод гипнотической регрессии для того, чтобы помочь некоторым детям повторно пережить возможные случаи злоупотреблений, — продолжал рассказ Клостерман, — все мои колокола забили тревогу.

— Разве гипноз не является общепринятой психотерапевтической методикой? — спросила Марти, возможно, повторяя реплику своего собственного внутреннего адвоката.

— Все менее и менее. Недостаточно искусный врач может очень легко, пусть даже невольно, внедрить пациенту ложные воспоминания. Любой загипнотизированный человек становится особо уязвимым. А если у врача есть какая-то своя цель и он не обременен этическими ограничениями…

— Вы считаете, что в деле Орнуолов у Аримана были свои цели?

— Дети легко поддаются убеждению даже без гипноза, — сказал Клостерман вместо ответа. — Многочисленные исследования снова и снова подтверждали, что если умелый врач хочет, чтобы они что-то «помнили», то они совершенно искренне будут считать, что помнят именно это. Проводя их опросы, нужно быть очень осторожным, чтобы не ввести в их сознание какие-то несуществующие сведения. И любые так называемые подавленные воспоминания, возникшие у ребенка, пребывающего под гипнозом, фактически не стоят ни гроша.

— А вы говорили об этом с Ариманом? — спросила Марти.

Клостерман вновь взялся за желтые перцы.

— Я говорил об этом — и получил снисходительный, высокомерный укол. Но вежливый. Он ловкий политик. На любое мое сомнение у него был готов ответ, и мои тревоги не разделил ни один из участников расследования или судебного процесса. Конечно, несчастному, проклятому, погубленному семейству Орнуолов от этого не стало легче, но это был один из тех случаев, когда массовая истерия определяет и извращает ход процесса.

— А ваше обследование детей дало какие-нибудь доказательства преступлений? — спросил Дасти.

— Нет. Когда дело происходит со старшими детьми, не всегда возможно найти физиологические свидетельства. Но это были дошкольники, *маленькие* дети. Если бы хоть что-то из того, в чем обвиняли воспитателей, имело место, я почти наверняка нашел бы повреждения тканей, травмы и хронические инфекционные заболевания. Ариман рассказывал все эти истории о сатанинских сексуальных обрядах и пытках, а я не мог найти ни одного мельчайшего признака, которые хоть в какой-то степени подтверждали бы их.

Пятеро членов семейства Орнуолов были признаны виновными, а помещение, в котором содержались дети, было разобрано буквально по кирпичу в поисках улик.

А потом, — сказал Клостерман после небольшой паузы, — ко мне пришел один из тех людей, кто знал мое мнение об Аримане… И он сказал мне, что перед тем, как все это началось, тот общался с сестрой женщины, обвинившей Орнуолов.

— Но разве Ариман не должен был скрывать эту связь? — спросил Дасти.

— Он и скрывал. Так что я отправился к окружному прокурору. Женщина, о которой шла речь, действительно была сестрой матери, выдвинувшей обвинения, но Ариман утверждал, что они никогда не были знакомы.

— И вы не поверили ему?

— Нет. Но прокурор поверил и оставил Аримана в комиссии. Поскольку если бы они признали, что Ариман причастен к событиям, то не могли бы воспользоваться ни одним из тех сведений, которые он получил у детей. Больше того, все, что дети рассказали ему, нужно было рассматривать как подсказанные или даже насильно *индуцированные* воспоминания. Во время суда они в качестве доказательств не стоили бы даже плевка. И вся судьба процесса основывалась лишь на убежденности в честности Аримана.

— Я не помню, чтобы мне в газетах попалось хоть что-нибудь об этом процессе, — заметила Марти.

— Я дам вам материалы, — пообещал Клостерман. Движения его ножа на разделочной доске стали менее точными, более агрессивными, как будто он резал не просто сочные желтые перцы. — И еще я слышал о том, что пациентку Аримана часто сопровождала к нему сестра, та самая женщина, которая обвинила Орнуолов.

— Как я сопровождала Сьюзен, — негромко откликнулась Марти.

— Если так и было на самом деле, то он никак не мог не встретиться с нею, по крайней мере однажды. Но у меня не было никаких подтверждений этому, только слух. Ну, а если вы не хотите, чтобы вас судили за диффамацию, то не следует выдвигать публичных обвинений против такого человека, как Ариман, пока у вас нет неопровержимых доказательств.

Утром, у себя в кабинете, Клостерман пытался нахмуриться, но его круглому, как надутый воздушный шар, лицу это не удалось. Теперь же гнев изменил все черты его лица, и там, где не могла удержаться хмурая мина, застыло твердое суровое выражение.

— Я не знал, как добыть эти доказательства. Я ведь не врач-детектив, наподобие того, которого показывают по телевидению. Но я подумал… подумал, что надо поискать, нет ли чего-нибудь в прошлом этого ублюдка. Казалось странным, что в его карьере было два больших шага. Проведя больше десяти лет в Санта-Фе, он перескочил в Скоттсдэйл, город в Аризоне. И, прожив там еще семь лет, прибыл сюда, в Ньюпорт. Вообще-то говоря, медики, у которых работа идет удачно, не любят бросать сложившуюся практику и без особой необходимости переселяться в другие города.

Клостерман закончил резать перцы на полоски, ополоснул нож, вытер его и убрал в ящик.

— Я принялся наводить справки среди врачей: искал, нет ли у кого-нибудь знакомых, практиковавших в то время в Санта-Фе. У одного из моих друзей, кардиолога, оказался знакомый, с которым они вместе учились в колледже, поселившийся в Санта-Фе. Мы обратились к нему. Оказывается, что этот доктор был знаком с Ариманом, когда тот жил там… И не любил это проклятое отродье даже сильнее, чем я. И еще футболист… Там был

большой скандал с развратными действиями и сексуальным насилием по отношению к дошкольникам, и Ариман, точно так же как и здесь, проводил обследование детей. И там тоже возникли вопросы насчет применявшихся им методов.

В желудке Дасти встал тяжелый ком, и хотя он не думал, что кофе имел к нему какое-либо отношение, но все же отодвинул от себя чашку.

— Один из детей, пятилетняя девочка, совершила самоубийство после того, как начался процесс, — продолжал Рой Клостерман. — *Пятилетняя* . Оставила трагический рисунок, на котором была изображена девочка, похожая на нее… стоящая на коленях перед обнаженным мужчиной. Мужчина был изображен правильно с точки зрения анатомии.

— Помилуй бог, — простонала Марти, отодвигаясь вместе со стулом от стола. Она начала было приподниматься с места, потом почувствовала, что идти некуда, и снова села.

Дасти подумал про себя, а не могло ли случиться так, что тело пятилетней девочки возникнет в сознании Марти во всех ужасных деталях во время следующего приступа паники.

— Дело могло бы сразу же перейти в суд присяжных, потому что обвиняемые были выбраны, а улики тщательно сфальсифицированы. Прокурор Санта-Фе получил убедительные подтверждения по всем пунктам обвинения.

Врач вынул из холодильника бутылку пива и сорвал крышечку.

— С хорошими людьми, когда они оказываются рядом с доктором Марком Ариманом, случаются дурные вещи, зато он всегда сохраняет облик спасителя. Так было до тех пор, пока в Санта-Фе не произошли ужасные убийства в семье Пасторе. Миссис Пасторе, очаровательная женщина, никогда не сказавшая никому дурного слова, не имевшая в жизни ни одного темного пятна, внезапно заряжает револьвер и решает убить свою семью. И для начала расправляется со своим десятилетним сыном.

Эта история вызвала у Марти испуг перед собственными позывами к насилию, и теперь ей было необходимо двигаться, чтобы отвлечься. Она встала из-за стола, подошла к раковине, открыла воду, налила себе на руки жидкого мыла и принялась энергично мыть их.

Хотя Марти не сказала Клостерману ни слова, он, похоже, не счел ее поступок ни вызывающим, ни странным.

— Мальчик был пациентом Аримана. Он серьезно заикался. Существовали подозрения, что между Ариманом и матерью что-то было. И нашелся свидетель, который видел Аримана около дома Пасторе в ночь убийств. Он действительно стоял около дома, глядя на резню через открытое окно.

— Глядя? — переспросила Марти, отматывая бумажное полотенце от рулона, укрепленного на стене. — Просто… глядя?

— Как будто это было шоу, — пояснил Рой Клостерман. — Как будто… как будто он поехал туда потому, что заранее знал, что там произойдет.

Дасти тоже не мог больше сидеть неподвижно.

— Я уже выпил сегодня вечером две бутылки пива, — сказал он, поднимаясь на ноги, — но если ваше предложение все еще остается в силе…

— Угощайтесь, — откликнулся Клостерман. — Разговоры о докторе Марке Аримане не располагают к умеренности.

— Ну, этот свидетель видел его, — сказала Марти, швырнув полотенце в мусорное ведро, — и чем все это кончилось?

— Ничем. Свидетелю не поверили. А слухи, которыми обросло дело, было невозможно доказать. Кроме того, не было ни малейшего сомнения в том, что миссис Пасторе действительно сама нажимала на спусковой крючок. Это подтверждалось всеми достижениями криминалистической науки. Но Пасторе хорошо знали, очень многие их любили и считали, что Ариман *каким-то* образом замешан и так или иначе скрывается на заднем плане этой трагедии.

— Значит, ему перестала нравиться обстановка в Санта-Фе, и он перебрался в Скоттсдэйл, — предположил Дасти, возвращаясь за стол с бутылкой пива.

— Где с другими хорошими людьми происходили другие дурные события, — подхватил Клостерман, размешивая фрикадельки и сосиски в кастрюле соуса. — У меня есть досье, где все это описано. Я дам его вам, когда вы будете уходить.

— Обладая всеми этими боеприпасами, — сказал Дасти, — вы, наверно, смогли бы отстранить его от расследования дела Орнуолов.

Рой Клостерман вернулся на свое место за столом, Марти тоже села на место.

— Нет, — сказал врач.

— Но ведь одной лишь ссылки на аналогичный случай с преступлениями против дошкольников было бы достаточно… — удивленно начал Дасти.

— Я не воспользовался этими сведениями.

Загорелое лицо врача, потемневшее от гнева, стало совсем бурым и пошло пятнами.

Клостерман прокашлялся и продолжил рассказ:

— Кому-то стало известно, что я звонил в Санта-Фе и Скоттсдэйл, расспрашивая насчет Аримана. Однажды вечером я пришел домой после приема и обнаружил здесь, на кухне, на тех самых местах, где сидите вы, двоих человек. В темных костюмах, при галстуках, благопристойного вида. Но эти люди были незнакомы мне, и, когда я повернулся, чтобы убраться к черту из дома, позади меня оказался третий.

Дасти внимательно слушал рассказ Клостермана, но углубляться в *эту* подробность ему совершенно не хотелось. Потому что это, казалось, были врата в безнадежность для него и Марти.

Если доктор Ариман был их врагом, то он был врагом в полном смысле этого слова. Только в Библии Давид мог одолеть Голиафа. Только в кино малыш имеет шанс справиться с левиафаном.

— Ариман использует грубую силу? — спросила Марти, то ли потому что не могла понять того, что уже постиг Дасти, то ли потому, что не хотела верить этому.

— Никакой грубости. У каждого из тех, кто забрался ко мне, прекрасные перспективы на обеспеченную старость, превосходное медицинское обслуживание, великолепные зубы и право пользования служебной машиной в рабочее время. Так или иначе, они принесли видеозапись, и показали ее мне на моем же видеомагнитофоне. На ленте был снят мальчик — мой пациент. Его мать и отец — тоже мои пациенты и к тому же старые друзья. Близкие друзья.

Врач был вынужден прервать рассказ. Он задыхался от гнева, от перенесенного ужасного оскорбления. Его рука с такой силой стиснула бутылку, что, казалось, стекло вот-вот треснет.

— Мальчик, ему девять лет, — совладав с собою, продолжил Клостерман, — действительно хороший ребенок. В видеозаписи по его лицу текут непрерывные слезы. Он рассказывает кому-то, находящемуся вне поля зрения камеры, как, начиная с возраста шести лет, подвергался сексуальным домогательствам со стороны своего доктора. С моей стороны. Я никогда не совершал ничего подобного с этим мальчиком, никогда не думал об этом, просто не мог. Но он говорил очень убедительно, эмоционально и образно. Любой, кто знает его, твердо скажет, что он не мог разыграть такой сцены, не мог выдумать такую чудовищную ложь. Он слишком наивен, чтобы быть настолько двуличным. Он верит всему этому, каждому слову. И в его мыслях все это происходило, все эти мерзости, и он считает, что это делал я.

— Мальчик был пациентом Аримана, — уверенно сказал Дасти.

— Нет. Эти три мерзавца, вторгшиеся в мой дом, эти ухоженные благообразные головорезы сказали мне, что пациенткой Аримана была мать мальчика. Я не знал об этом. Я даже представить не могу, зачем ей нужно было с ним встречаться.

— Через мать, — сказала Марти, — Ариман наложил лапы на мальчика.

— И каким-то образом обработал его, внедрив с помощью гипнотического внушения или чего-то еще в этом роде ложные воспоминания.

— Это больше, чем гипнотическое внушение, — сказал Дасти. — Не знаю, *что* это на

самом деле, но это намного глубже.

Отхлебнув добрый глоток пива, Рой Клостерман продолжил:

— Эти ублюдки сказали мне… во время съемки мальчик находился в трансе. Оказавшись в полном сознании, он не будет помнить об этих ложных воспоминаниях, об ужасных вещах, которые говорил обо мне. Он никогда не увидит этого во сне, даже на подсознательном уровне это не будет его тревожить. Они не окажут никакого воздействия на его психику, его жизнь. Но ложные воспоминания должны внедриться в сферу, которую они назвали подподсознанием, сохраняться там в подавленном виде и могут быть получены, если мальчик когда-нибудь получит команду все это вспомнить. Они обещали дать ему эту команду в том случае, если я попытаюсь причинить неприятности Марку Ариману в связи с делом дошкольного заведения Орнуолов или каким-либо еще. После этого они уехали, забрав с собой видеозапись.

Адвокат Аримана, обитавший в сознании Дасти, удалился куда-то в дальние закоулки, его голос звучал куда слабее и потерял убедительность.

— Но вы хоть предполагаете, кем могли быть эти трое? — спросила Марти.

— Мне совершенно неважно, название какого учреждения напечатано на тех чеках, по которым они получают зарплату, — отозвался Рой Клостерман. — Достаточно, что я знаю, чем от них пахло.

— Властью, — уверенно сказал Дасти.

— Прямо так и смердело, — подтвердил врач.

Судя по всему, в этот момент Марти не так боялась сама сотворить что-нибудь ужасное, как тревожилась, не сделали бы этого мужчины: она положила ладонь на руку Дасти и изо всей силы прижала ее к столу.

Из прихожей послышалось запыхавшееся дыхание и торопливый стук когтей собачьих лап. Валет и Шарлотта, наигравшиеся, улыбаясь всеми своими страшными зубами, возвратились в кухню.

Почти сразу же раздались другие шаги, на этот раз человеческие, и в кухню вошел коренастый, приветливый на вид человек в гавайской рубашке и шортах до середины икр. В левой руке он держал конверт из оберточной бумаги.

— Это Брайен, — сказал Рой Клостерман и представил вошедшему своих гостей.

Пожав руку Дасти, Брайен вручил ему конверт.

— Это досье на Аримана, которое собрал Рой.

— Но мы не давали его вам, — предупредил врач, — и вы не должны возвращать его.

— Честно говоря, — вмешался Брайен, — мы не хотим, чтобы оно когда-либо вернулось к нам.

— Брайен, — обратился к нему Рой Клостерман, — покажи им твое ухо.

Откинув изрядной длины белокурые волосы с левой стороны головы назад, Брайен покрутил, растянул, дернул и в конце концов оторвал ухо.

Марти потеряла дар речи.

— Протез, — пояснил Рой Клостерман. — Когда той ночью три мерзавца убрались, я поднялся наверх и обнаружил Брайена без сознания. Его ухо было отрезано — и рана зашита рукой специалиста. Они бросили ухо в мусоропровод, и поэтому его нельзя было пришить на место.

— Настоящие лапочки, — сказал Брайен, прикладывая ухо ко лбу, к щекам. Его исполненное почти натурального веселья представление заставило Дасти улыбнуться, несмотря на совершенно невеселые обстоятельства.

— Мы с Брайеном живем вместе уже больше двадцати четырех лет, — сказал врач.

— Больше двадцати *пяти* , — поправил Брайен. — Рой, ты всегда безнадежно забывал о юбилеях.

— Им не нужно было калечить его, — сказал Клостерман. — Видеофильма с мальчиком было достаточно, больше чем достаточно. Они сделали это только для того, чтобы показать, у кого сила в руках.

— Со мной это подействовало, — заметил Брайен, приставляя протезное ухо на место.

— И, — добавил Рой Клостерман, — возможно, теперь вы поймете, почему угроза фальшивыми разоблачениями со стороны мальчика оказалась для меня таким ударом. Из-за наших с Брайеном отношений, нашей совместной жизни, нашлись бы люди, которые с легкостью обвинили бы меня в том, что я развращаю ребенка. Но, клянусь богом, если бы я когда-либо почувствовал *любое* искушение такого рода, любую сексуальную тягу к ребенку, я собственной рукой перерезал бы себе глотку.

— Если бы я не сделал этого раньше, — вставил Брайен.

С приходом Брайена душившая Клостермана ярость стала утихать, исчезли бурые пятна, проступившие из-под многолетнего загара. Но теперь тени вновь стали возвращаться на его лицо.

— Я вовсе не собираюсь оправдывать свое отступление, искать в нем достоинство. Семья Орнуолов уничтожена, хотя все они были ни в чем не повинны. Если бы в борьбе участвовали только я и Марк Ариман, то я сражался бы против него, чего бы это ни стоило. Но эти люди, слизняки, выползающие из-под камней, чтобы защищать его… Я просто не понимаю этого. И не могу бороться против того, чего не понимаю.

— Может быть, и мы тоже не сможем бороться против этого, — задумчиво протянул Дасти.

— Может быть, и нет, — согласился Клостерман. — А вы заметили, что я всячески избегал задавать вам прямые вопросы о том, что случилось с вашей подругой Сьюзен и каковы ваши собственные проблемы с Ариманом. Потому что, если быть честным, я ничего больше не хочу знать. Полагаю, что это трусость с моей стороны. Я никогда не считал себя трусом до сих пор, до появления Аримана, но теперь я знаю, что на большее уже не способен.

— Со всеми нами это бывает, — воскликнула Марти, обнимая его. — И вы никакой не трус, док. Вы прекрасный, храбрый человек.

— Я говорил ему, — заметил Брайен, — но мне он никогда не верит.

Врач на секунду крепко прижал Марти к себе.

— Вам потребуется вся душевная широта, имевшаяся у вашего отца, и вся его смелость.

— Все это у нее есть, — ответил Дасти.

Это был самый странный момент проявления духа товарищества, о котором Дасти когда-либо знал: четыре человека, столь несхожих между собой и все равно державшихся так, словно были последними представителями человечества, оставшимися на планете после колонизации ее инопланетянами.

— Вы присоединитесь к нам за обедом? — поинтересовался Брайен.

— Благодарю вас, — ответил Дасти, — но мы уже поели. И нам нужно еще много успеть до того, как наступит ночь.

Марти взяла Валета на поводок, и собаки на прощание еще раз обнюхали друг дружку под хвостами.

— Доктор Клостерман… — сказал Дасти, остановившись перед дверью.

— Прошу вас, называйте меня Рой.

— Спасибо. Рой, я не могу утверждать, что та неразбериха, которая окружает сейчас нас с Марти, станет меньше, если я доверюсь моим инстинктам и перестану называть себя параноиком, но в этом случае мы, возможно, сделаем еще полшага с того места, где находимся.

— Паранойя является самым очевидным признаком душевного здоровья в новом тысячелетии, — ответил за врача Брайен.

— Так вот… — начал Дасти, — хотя, конечно, это покажется проявлением паранойи… У меня есть брат, который находится в наркологическом восстановительном центре. Это с ним уже третий раз. И прошлый раз он был в той же самой лечебнице. Вчера вечером, когда я оставил его там, это место вызвало у меня тревожное ощущение, настоящую параноидальную реакцию…

— Что это за заведение? — спросил Рой.

— Клиника «Новая жизнь». Вы ее знаете?

— В Ирвине? Знаю. Ариман — один из владельцев.

Дасти вспомнил величественный силуэт, который заметил накануне в окне Скита.

— Да. Вчера это удивило бы меня. Но не сегодня.

После теплого дома Клостермана январская ночь казалась еще холоднее. Ветер, взвизгивая, срывал пенные гребни с разгулявшихся в гавани волн и швырял их на мостовую приморского бульвара.

Валет весело бежал, натянув поводок на всю длину, и хозяева спешили следом за собакой.

Ни луны. Ни звезд. Ни уверенности в том, что наступит рассвет, и никакого желания увидеть, что он может принести с собой.

ГЛАВА 59

На этот раз Марти не показалось, что фонари в ее глазах темнеют, она не увидела поднимающейся завесы, за которой скрываются видения, — ни одного из тех признаков, которые уже несколько раз сегодня подсказывали ей, что приближается приступ, на сей раз не было. И сразу, без предупреждения, в населенной призраками части ее мозга зажегся киноэкран, на котором замелькали мертвые священники в окровавленных уродливых венцах и другие кошмарные порождения худших свойств человеческой природы. Она вскрикнула и рванулась на сиденье так, будто почувствовала, что по ее ногам взбирается жирная театральная крыса, отъевшаяся на рассыпанной посетителями воздушной кукурузе и брошенных недоеденных «Сникерсах».

На этот раз Марти испытала не постепенный спуск к состоянию паники, не плавное скольжение по склону страха. Она на полуслове, в разгар разговора с мужем о Ските, рухнула в глубокую яму, полную ужасов. Удушье, два хриплых стона, и сразу за ними крик. Она попыталась согнуться, но пристегнутые ремни безопасности удержали ее на месте. Ремни пугали ее, пожалуй, не меньше, чем видения. Возможно, дело было в том, что многие из трупов, являвшихся ее мысленному взору в дневных кошмарах, были спутаны цепями, веревками, кандалами, в их головах торчали длинные штыри, в ладони были вбиты гвозди. Она вцепилась обеими руками в нейлоновый пояс, но, совершенно явно, не могла вспомнить, как справиться с державшим ее устройством: слишком отчаянным был ее испуг, чтобы она могла сообразить, как отстегнуть застежку.

Они ехали по широкому проспекту с напряженным движением, и потому Дасти, чудом избежав столкновения, резко рванул машину вправо, к тротуару. Визжа тормозами, «Сатурн» остановился на ковре мертвых вечнозеленых игл под огромной каменной сосной, наверно, уже не одну сотню лет ведущей войну с ветром.

Когда Дасти попытался помочь Марти освободиться от ремней, она дернулась прочь от него, одновременно продолжая безуспешно сражаться с ремнями и отмахиваться от мужа, пытаясь заставить его держаться на расстоянии. Однако ему все же удалось нащупать застежку и отстегнуть ремни.

Еще несколько секунд Марти продолжала борьбу с ремнями безопасности, но в конце концов освободилась от них, и широкие ленты скользнули на свое место. Но обретение дополнительной свободы движений нисколько не улучшило ее состояние. Паника продолжала нарастать; Марти совершенно не замечала сочувственных поскуливаний Валета, волновавшегося на заднем сиденье, а спустя всего несколько секунд ее сдавленные крики сменились конвульсивной рвотой.

На этот раз ее желудок был полон, и когда она наконец-то смогла наклониться вперед, сухие рвотные позывы чуть не сменились влажными. С содроганием отвращения взявшись рукой за горло, Марти принялась нащупывать дверную ручку, пытаясь выйти из автомобиля.

Возможно, она хотела выйти наружу лишь затем, чтобы не запачкать автомобиль, если обед все же извергнется из нее, но нельзя было исключить возможность того, что, оказавшись на улице, она могла попробовать убежать; убежать не только от ужасных видений, сменявших друг друга в ее мозгу, но и от Дасти, от угрозы того, что она набросится на него в приступе ярости. Он никак не мог позволить ей уйти, хотя бы потому, что в панике она могла, не разбирая дороги, выскочить на проезжую часть и попасть под колеса автомобиля.

Марти наконец дернула за ручку, дверь приоткрылась, и в щель сразу же ворвался воинственный ветер. Волосы Марти взметнулись, как флаг.

— Раймонд Шоу, — произнес Дасти.

Ветер с силой прорывался в машину, завывая в щели, как падающая с высоты мина; Марти продолжала испуганно кричать, и поэтому не услышала слов мужа. Она приготовилась распахнуть дверь во всю ширину, и Дасти выкрикнул во весь голос:

— Раймонд Шоу!

Марти сидела почти спиной к нему, и он не слышал, сказала ли она в ответ: «Я слушаю», но он знал, что эти слова должны были быть произнесены, потому что она смолкла и застыла на месте, ожидая услышать хокку. Быстро перегнувшись через нее, Дасти закрыл дверь. В наступившей относительной тишине, прежде чем Марти могла успеть мигнуть, стряхнуть с себя это оцепенение и вернуться в паническое состояние, Дасти взял ее рукой за подбородок, повернул лицо к себе и сказал:

— С запада ветер летит…

— Вы — это запад и западный ветер, — откликнулась Марти.

— …Кружит, гонит к востоку…

— Восток — это я.

— …Ворох опавшей листвы.

— Листва — это ваши приказы.

Полностью закодированная, Марти, ожидая, пока ей начнут командовать, смотрела теперь сквозь Дасти, как если бы теперь незримым существом стал *он* , а не Ариман.

Дасти был потрясен, увидев, как погасли глаза Марти, как на ее лице появилось унылое бездумное выражение, означавшее готовность к полному повиновению. Он отодвинулся от жены. Его сердце колотилось, как работающий с непосильным напряжением мотор, а мысли в голове мелькали со скоростью тяжелого раскрутившегося маховика.

В этот момент она стала несказанно уязвимой. Если он даст ей неверное указание, выразит его словами, в которых может оказаться непредусмотренное второе значение, то это может привести к совершенно непредсказуемым последствиям. Возможность причинить неосторожным действием огромный психологический ущерб казалась Дасти до ужаса реальной.

Когда он велел Скиту заснуть, то не указал, сколько времени тот должен проспать. Скит спал немногим более часа, однако казалось, что не было никакой причины, препятствующей ему спать дни, недели, месяцы, а то и всю оставшуюся жизнь, если бы при этом его жизнь поддерживали механизмы медиков, надеющихся на пробуждение, которое могло никогда не произойти.

Поэтому Дасти, прежде чем дать Марти пусть даже самую простую команду, должен был как можно тщательнее обдумать ее. Он должен был выбрать, насколько возможно, однозначную формулировку.

Вдобавок к опасению причинить нечаянный вред он был до глубины души потрясен степенью той власти, которую получил над Марти сейчас, когда она молча сидела, ожидая его приказов. Он любил эту женщину больше жизни, но никто не должен иметь абсолютной власти над другим человеком, независимо от того, насколько чистыми могли быть его намерения. Гнев менее ядовит для души, чем жадность, жадность менее вредоносна, чем зависть, а зависть далеко не с такой силой разъедает душу, как власть.

Мертвые сосновые иглы падали на ветровое стекло, образуя непрерывно изменяющиеся

картины, но если они предсказывали будущее, то Дасти не был способен прочесть их пророчества.

Он не отрываясь глядел в глаза жены, которые вдруг мелко задергались, как недавно глаза Скита.

— Марти, я хочу, чтобы ты внимательно слушала меня.

— Я слушаю.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, где ты сейчас находишься.

— В нашем автомобиле.

— Физически да. Именно здесь ты и находишься. Но мне кажется, что мысленно ты находишься где-то еще. Я хотел бы знать, что это за другое место.

— Я нахожусь в часовне сознания, — сказала она.

Дасти понятия не имел, что она имела в виду, говоря эти слова, но у него не было ни времени, ни присутствия духа для того, чтобы глубже разбираться сейчас в этом. Он оказался перед необходимостью пойти на риск, не зная ничего, кроме этого термина — «часовня сознания».

— Когда я подниму руку перед твоим лицом и щелкну пальцами, ты погрузишься в глубокий и мирный сон. Когда я щелкну второй раз, ты пробудишься от этого сна, а также возвратишься из часовни сознания, в которой сейчас находишься. Ты будешь снова все полностью сознавать… и твой приступ паники закончится. Ты понимаешь?

— Я понимаю?

Его лоб покрылся обильным потом, и он вытер лоб одной рукой.

— Скажи мне, ты меня на самом деле понимаешь?

— Я понимаю.

Он поднял правую руку, сложил большой и средний пальцы, напряг их, но вновь заколебался, охваченный сомнением.

— Повтори мои инструкции.

Марти слово в слово повторила его слова.

Сомнение продолжало сдерживать его, но он не мог сидеть здесь всю ночь. Его пальцы были готовы щелкнуть, и сам он не просто надеялся на удачу. Он копался в глубоких подвалах своей памяти, извлекая все, что он узнал о методах управления, наблюдая за Скитом и проанализировав все разбросанные тут и там не слишком заметные ключи. Он не мог найти никакой ошибки в своем плане — не считая того, что он основывался не на знании, а на невежестве. В том случае, если он ошибается, то ввергнет Марти навсегда в кому. Он прошептал три слова: «Я люблю тебя», с которыми она могла навсегда уйти во тьму, и громко щелкнул пальцами.

Марти резко откинулась на спинку сиденья и немедленно заснула. Ее затылок упал на подголовник, а потом голова наклонилась вперед, подбородок уперся в грудь, черные, как вороново крыло, волосы свесились, закрыв лицо женщины от Дасти.

Его легкие, казалось, сложились, как смятый мешок; ему пришлось сделать усилие, чтобы набрать в грудь воздуха, а потом, вместе с выдохом, он снова щелкнул пальцами.

Марти выпрямилась на месте. Она уже не спала, в ее взгляде больше не было отрешенности, зато появилась тревога; она удивленно осмотрелась:

— Что за чертовщина?

Только что она задыхалась в слепой панике, пыталась непослушными руками открыть дверь и выбраться из «Сатурна» — и вот, мгновение спустя, она уже спокойна, а дверца автомобиля закрыта. Карнавал смерти, разбивший свои шатры в ее голове, со всеми своими изувеченными священниками и разлагающимися трупами, резко улетучился, словно унесенный вечерним ветром.

Марти посмотрела на мужа, и он увидел, что она поняла.

— Ты…

— Не думаю, чтобы у меня был выбор. Судя по всему, должен был появиться старший брат, а то и папаша всех твоих приступов.

— Я чувствую… чувствую себя чистой.

Валет наполовину протиснулся между передними сиденьями. Пес жутковатым образом закатил глаза и тянулся к хозяевам, чтобы они успокоили его.

— Чистой, — повторила Марти, поглаживая собаку. — Неужели с этим можно справиться?

— Не так просто… — протянул Дасти. — Возможно, если подумаем и проявим осторожность… то нам удастся обратить вспять то, что было сделано с нами. Но прежде…

— Прежде всего, — перебила его Марти, пристегивая ремень безопасности, — давай заберем Скита из этого заведения.

ГЛАВА 60

Черная, как сажа, кошка, выслеживавшая крыс, проскользнула мимо облачком дыма, заглянула в фары «Сатурна», ее глаза вспыхнули на мгновение горячими оранжевыми угольями, а потом кошка исчезла в темной ночи.

Дасти поставил машину рядом с мусорным контейнером, стоявшим около дома, оставив дорожку свободной.

Валет смотрел вслед хозяевам, торопливо шедшим к служебному входу «Новой жизни», прижавшись носом к окну автомобиля; стекло запотело от его дыхания.

Время для посещения пациентов закончилось двадцать минут назад. Скорее всего, им разрешили бы заглянуть к Скиту и в том случае, если бы они прошли через главный вход, особенно если бы при этом они сказали, что явились забрать его из клиники. Однако такой смелый подход потребовал бы долгих обсуждений с ответственными сотрудниками клиники: с медсестрой и врачом, если, конечно, таковой еще дежурил. Да и с оформлением документов вышла бы задержка.

Хуже того, Ариман мог сделать на истории болезни Скита пометку, где было бы сказано, что его требуется поставить в известность, если пациент или родственники последнего потребуют выписки. Дасти не мог позволить себе риск столкнуться лицом к лицу с психиатром; по крайней мере, пока еще не мог позволить.

К счастью, служебный вход был не заперт. За ним располагалась маленькая тускло освещенная пустая комнатушка со сливным отверстием в середине бетонного пола. Вяжущий смолистый аромат дезинфицирующего средства не мог полностью скрыть кислого запаха, который, вероятно, принадлежал молоку, пролившемуся из порванного пакета во время доставки продуктов, а затем впитавшемуся в пористый бетон. Но сейчас этот безобидный запах, словно застарелая вонь рвоты или свернувшейся крови, говорил Дасти о жестокости, если не о настоящем преступлении. К наступлению нового тысячелетия действительность стала настолько пластичной, что, глядя на это столь обыденное место, он мог вообразить себе потайной застенок, где в первую полночь каждого полнолуния совершались ритуальные жертвоприношения.

Конечно, он был не настолько захвачен паранойей, чтобы считать, что Ариман смог установить контроль над сознанием каждого сотрудника клиники и обратил всех в своих нерассуждающих рабов, тем не менее они с Марти шли украдкой, на цыпочках, словно пробирались по вражеской территории.

Первая комната выходила в длинный коридор, упиравшийся в небольшой зал, где была пара дверей, за которыми, по всей вероятности, находился вестибюль. По сторонам коридора находились служебные и складские помещения, а также, возможно, кухня.

Никого не было видно, лишь издалека доносились голоса двоих человек, говоривших не на английском, а на каком-то незнакомом, вероятно, азиатском языке. Голоса были нереальными, словно долетали не из одного из находившихся впереди помещений, а вырвались из-за занавеса, отделявшего этот мир от иного, странного пространства.

Не доходя до приемного покоя, Марти увидела справа дверь с табличкой

«ЛЕСТНИЦА», и, в лучших традициях реализма минувшего тысячелетия, за дверью действительно оказалась лестница.

* * *

Марк Ариман был одет в простой темно-серый с буроватым оттенком костюм, белую рубашку с расстегнутым воротником и синий в желтую полоску незатянутый галстук, без платочка в кармане. Свои густые волосы, растрепанные ветром, он, войдя в вестибюль клиники «Новая жизнь», небрежно пригладил ладонью. Это придавало ему облик преданного своему делу врача, чьи вечера принадлежали не ему, а его пациентам.

На месте охранника сидел Уолли Кларк, пухлый, с ямочками на щеках, улыбающийся и розовый, но при этом вид у него был такой, будто он ожидал, что его вот-вот закопают в песок, разожгут сверху костер и приготовят из него луау[1].

— Доктор Ариман! — воскликнул Уолли, когда тот с черным медицинским чемоданчиком в руке деловито шагал по вестибюлю. — Нет отдыха усталому?

— На самом деле говорится: «Нет отдыха злодею», — поправил доктор.

Уолли торопливо хихикнул в ответ на эту шутку, которой знаменитый доктор поставил простого охранника на один уровень с собою.

Внутренне улыбнувшись, Ариман представил себе, во что превратилось бы хихиканье охранника, доведись ему увидеть некий сосуд, в котором плавает пара знаменитых глаз.

— Но достоинство целителя стоит куда больше пропущенного обеда, — сказал он вслух.

— Как прекрасно было бы, разделяй все доктора ваше отношение к делу, сэр! — восхитился Уолли.

— О, я уверен, что большинство так и делает, — великодушно сказал Ариман, нажимая на кнопку вызова лифта. — Но я должен согласиться, что нет ничего хуже, чем представитель медицинской профессии, который больше не думает о людях, а просто по инерции занимается рутинной работой. Если радость, которую я получаю от этой работы, когда-либо оставит меня, Уолли, то надеюсь, мне хватит здравого смысла, чтобы сменить профессию.

Двери лифта почти бесшумно разошлись.

— Надеюсь, что этот день никогда не наступит. Вашим пациентам будет ужасно не хватать вас, доктор.

— Ну что ж, значит, перед тем, как сменить профессию, я должен буду всех их убить.

— Ну и насмешили вы меня, — захлебываясь от смеха, сказал Уолли.

— Обороняйте дверь от нашествия варваров, — величественно сказал Ариман, вступая в лифт.

— Положитесь на меня, сэр.

За те несколько секунд, которые занял подъем на второй этаж, доктор успел пожалеть, что ночь прохладна. При более теплой погоде он мог войти в клинику в пиджаке, небрежно накинутом на одно плечо, с засученными рукавами сорочки. Так он смог бы создать тот же самый желаемый образ, почти полностью избежав диалога.

Если бы он выбрал для своей карьеры кино, то, он был полностью уверен, получил бы не простую известность, но всемирную славу. На него непрерывно сыпались бы различного рода премии и награды. Поначалу, конечно, шли бы разговорчики о кумовстве, отцовских связях, но его талант в конечном счете заставил бы замолчать пустобрехов.

Но дело было в том, что Ариман происходил из высших голливудских кругов, вырос среди съемочных площадок и не видел в кинопромышленности ни малейшей романтики. Точно так же сыну самого кровавого диктатора «третьего мира» могли навсегда прискучить самые умелые истязания в прекрасно оборудованных пыточных камерах и зрелище массовых

1 Гавайское блюдо из листьев таро, обычно с добавлением кокосового крема, осьминогов или цыплят.

казней.

Кроме того, известность кинозвезды и связанная с нею потеря анонимности позволили бы ему проявлять свои садистские наклонности только по отношению к съемочным группам, дорогостоящим девочкам по вызову, обслуживавшим самых эксцентричных жрецов целлулоидной пленки, а также молодым актрисам, достаточно неизвестным для того, чтобы допустить издевательства над собою. Доктор никогда не удовлетворился бы такими примитивными победами.

Динь! Лифт остановился на втором этаже.

* * *

На втором этаже Дасти и Марти, осторожно поднявшихся по вспомогательной лестнице, ожидала удача. Почти в сотне футов оттуда, в хорошо освещенном главном коридоре, находился сестринский пост, где дежурили две женщины, но ни одной из них, конечно, не могло прийти в голову посмотреть в сторону лестницы, которой в это время суток никто не пользовался. Палата Скита находилась неподалеку, и они пробрались туда незамеченными.

Комнату освещал один только телевизор. По экрану прыгали фигурки копов и грабителей, и вместе с ними по стенам переливались бледные пятна света.

Скит сидел на кровати, откинувшись, как турецкий паша, на груду подушек, и пил через соломинку из бутылки ванильный «Йу-ху». Увидев гостей, он пустил в бутылку массу пузырей, словно протрубил в сигнальный рог, и радостно приветствовал их.

Марти сразу же подошла к кровати, чтобы обнять и поцеловать Скита в щеку. Дасти с широкой улыбкой пожелал доброго вечера Жасмине Эрнандес, чьей постоянной обязанностью был надзор за больными, совершившими попытки самоубийств, и открыл небольшой шкаф.

Когда Дасти выпрямился, держа в руке чемодан Скита, медсестра Эрнандес поднялась из кресла и демонстративно посмотрела на светящийся циферблат своих наручных часов.

— Время посещений уже закончилось.

— Да, правильно, но мы пришли не для посещения, — сказал Дасти.

— У нас сложная ситуация, — поддержала его Марти. Одновременно она отобрала у Скита бутылку с напитком и заставила его пересесть на край кровати.

— Кое-кто заболел, — добавил Дасти.

— И кто же? — поинтересовался Скит.

— Матушка, — ответил Дасти.

— Чья матушка? — спросил Скит. Он явно не мог поверить своим ушам.

Клодетта больна? Клодетта, которая выбрала ему в отцы Холдена Колфилда, а потом в отчимы — Дерека Гада Лэмптона? Эта женщина, обладающая красотой и холодным безразличием богини? Эта возлюбленная третьеразрядных ученых? Эта муза романистов, не желающих находить смысла в письменной речи, пошлых психологов, презирающих человеческий род? Клодетта, непримиримая экзистенциалистка, неприкрыто плюющая на все правила и законы, не признающая никаких определений действительности, которые не начинались с нее самой? Как могло это незыблемое и, очевидно, бессмертное существо стать жертвой хоть чего-то в этом мире?

— Наша матушка, — подтвердил Дасти.

На ногах Скита уже были носки, и Марти опустилась на колени около кровати, запихивая его ноги в тапочки.

— Марти, — удивленно воскликнул Малыш, — но ведь я в пижаме!

— Нет времени переодеваться, дорогой. Вашей матушке действительно очень плохо.

— На самом деле? — еще удивленнее спросил Скит. — Кло-детта действительно так больна?

— Ее внезапно хватил удар, — отозвался Дасти, швырявший вещи Скита в чемодан с такой скоростью, с какой мог выхватывать их из шкафа.

— Наверно, грузовик или что-то в этом роде?

Жасмина Эрнандес уловила в голосе Скита чуть ли не восхищенную нотку и нахмурилась.

— Стрекотунчик, значит ли это, что вы снимаете с нас всякую ответственность?

— Мой организм совершенно чист, — уверенно ответил Скит, разглядывая свои пижамные штаны.

* * *

Доктор заглянул на сестринский пост на втором этаже, чтобы сказать медицинским сестрам, что ни его самого, ни его пациента из палаты № 246 не следует беспокоить во время сеанса.

— Он позвонил мне и сказал, что утром хочет уйти из клиники, а это, по всей видимости, будет означать для него конец. Я должен отговорить его. Он все еще находится в сильной наркотической зависимости. Выйдя на улицу, он в течение часа добудет героин, и если я правильно понимаю его психопатологию, то он желает ввести себе смертельную дозу и покончить с этим миром.

— И со всем тем, — вставила медсестра Гангусс, — для чего стоит жить.

Это была привлекательная женщина тридцати с небольшим лет, выглядевшая высококвалифицированным профессионалом. Однако, когда дело доходило до этого пациента, она казалась скорее не дипломированной медсестрой, а сексуально перевозбудившейся школьницей, постоянно пребывающей на грани обморока от мозговой анемии, недостаточного кровообращения в мозгу, являющегося следствием усиленного притока крови к матке и гениталиям.

— А ведь он такой хорошенький, — добавила она.

На младшую из женщин, медсестру Килу Вустен, пациент из палаты № 246 не производил впечатления, но было ясно, что она питает интерес к самому доктору Ариману. Всякий раз, когда ей выпадал случай поговорить с доктором, медсестра Вустен прибегала к одному и тому же набору трюков с языком. Притворяясь, что не сознает, что делает — а на деле проводя в долю секунды больше расчетов, чем суперкомпьютер «крэй» сможет сделать за целый день, — она часто облизывала губы, увлажняя их. Это было долгое, медленное, чувственное движение. Получая от Аримана указания, эта хитрая лиса порой высовывала острый кончик языка, словно это помогало ей обдумать услышанное.

Да, вот язык выглянул наружу, в правом уголке рта, словно пытался нащупать прилипшую в нежной складке сладкую крошку. Вот губы раскрылись в удивлении, язык прошелся по верхней губе. Еще раз, увлажняя губы.

Медсестра Вустен была довольно хорошенькой, но совершенно не интересовала доктора. С одной стороны, он был принципиально против того, чтобы «промывать мозги» своим служащим. Хотя контроль над сознанием рабочей силы на его многочисленных предприятиях позволил бы забыть о требованиях повышения заработной платы и дополнительных льгот, но возможные осложнения делали риск чрезмерным.

Он мог бы сделать исключение для медсестры Вустен, потому что ее язык совершенно очаровывал его. Это была игривая розовая штучка. Он с удовольствием позабавился бы с ним. Но, как ни прискорбно, сейчас, когда прокалывание тела для косметических целей больше никого не удивляло, когда множество народа прокалывали себе уши, брови, ноздри, губы, пупы и даже языки и цепляли туда всяческие украшения, доктору было трудно придумать с языком Вустен что-то такое, что после пробуждения показалось бы ей пугающим или хотя бы оскорбительным.

Порой он расстраивался, так как быть садистом в эпоху, когда членовредительство

стало всеобщей модой, довольно трудно.

Теперь в 246-ю палату, к своему знаменитому пациенту.

Доктор был одним из основных инвесторов клиники «Новая жизнь», но пациентов у него здесь было мало. Вообще говоря, его не привлекали люди с проблемами, порожденными наркотиками: они так усердно разрушали свои жизни, что любое дополнительное несчастье, которое он мог причинить им, оказалось бы мелким дополнительным штрихом, филигранью поверх филиграни.

В настоящее время у него в «Новой жизни» был один-единственный пациент, помещавшийся за дверью с номером 246. Конечно, у Аримана был свой интерес к брату Дасти Родса, обитавшего дальше по коридору, в номере 250, но он не входил в число лечащих врачей Скита; все его консультации, связанные с этим случаем, нигде не регистрировались.

Открыв дверь 246-й палаты, за которой находились две комнаты с большой ванной, он обнаружил известного актера в гостиной. Тот стоял на голове, упершись ладонями в пол, а пятками и ягодицами прислонившись к стене, и таким образом смотрел телевизор.

— Марк? Что вы тут делаете в такое время? — спросил актер, не меняя своей йоговской — а может быть, и чьей-то еще — позы.

— Я был у другого пациента и подумал, что стоит зайти посмотреть, как у вас дела.

Доктор солгал медсестрам Гангусс и Вустен, сказав им, что актер позвонил ему, угрожая утром выписаться из клиники. На самом деле Ариману нужно было пробыть здесь до прихода полуночной смены, когда чересчур прилежная медсестра Эрнандес отправится домой и он сможет запрограммировать Скита. Актер был его прикрытием. После того как он проведет в 246-й палате пару часов, вполне можно будет как бы случайно заглянуть к Скиту, и никого из персонала этот непредвиденный визит нисколько не удивит.

— Я провожу в таком положении около часа в день, — сообщил актер. — Хорошо для мозгового кровообращения. Надо бы завести второй телевизор, поменьше размером, который я мог бы перевернуть вверх тормашками, когда понадобится.

Взглянув на экран, где разыгрывалась комедия положений, Ариман сказал:

— Если вы собираетесь смотреть что-нибудь такое, то вверх ногами оно гораздо лучше.

— Никто не любит критики, Марк.

— Дон Адриано де Армадо.

— Я слушаю, — ответил актер. Его тело сотряс краткий приступ дрожи, но он продолжал твердо стоять на голове.

Для того чтобы активизировать этот объект, доктор выбрал имя персонажа из «Бесплодных усилий любви» Вильяма Шекспира.

Стоявший вниз головой актер, уже скопивший двадцать миллионов долларов, не считая гонораров за исполнение ролей в фильмах, за свои тридцать с небольшим лет получил очень небольшое образование и практически не имел никакой профессиональной подготовки. Читая роли и сценарии, он, как правило, не обращал внимание ни на что, кроме своих собственных реплик и относящихся к ним ремарок. И поэтому скорее лягушки начали бы летать по небу, чем он сунул бы нос в собрание сочинений Шекспира. Шансов на то, что он получит роль в спектакле по произведению стрэтфордского барда, было не больше, чем у макак и бабуинов — прийти к руководству драматическим театром. Поэтому опасности, что актер услышит имя дона Адриано де Армадо от кого-либо, кроме самого доктора, пожалуй, не было.

Ариман провел актера через его личное пусковое хокку.

* * *

Когда Марти закончила завязывать шнурки спортивных туфель Скита, Жасмина Эрнандес сказала:

— Если вы присмотрите за ним, то я принесу бланк формы о передаче вам

ответственности за больного, и вы должны будете подписать его.

— Мы завтра же привезем его обратно, — сказала Марти, поднимаясь на ноги и предлагая Скиту последовать ее примеру.

— Да, — подтвердил Дасти, продолжая упихивать одежду в чемодан, — мы хотим лишь привезти его повидать матушку, а потом он возвратится.

— Но все равно вы должны будете подписать бланк, — настаивала медсестра Эрнандес.

— Дасти, — предупредил Скит, — если Клодетта когда-нибудь услышит, что ты называешь ее не Клодетта, а матушка, то она наверняка в кровь исхлещет тебе задницу.

— Он только вчера пытался совершить самоубийство, — напомнила медсестра Эрнандес. — Клиника не может взять на себя никакой ответственности, если он выйдет отсюда в таком состоянии.

— Мы освобождаем клинику от ответственности и берем ее на себя, — заверила Марти.

— Тогда я принесу форменный бланк.

Марти преградила медсестре дорогу, оставив Скита стоять, пошатываясь, на нетвердых ногах.

— Почему бы вам не помочь собрать его? Потом мы все вместе подойдем к сестринскому посту и подпишем бумаги.

— Что здесь все-таки происходит? — спросила Жасмина Эрнандес, прищурив глаза.

— Мы спешим, только и всего.

— Да? Тогда я лучше поскорее принесу бумаги, — ответила медсестра, протискиваясь мимо Марти. В дверях она обернулась и ткнула пальцем в Скита: — Не уходи никуда, пока я не вернусь, стрекотунчик.

— Конечно, конечно, — пообещал Скит. — Но, пожалуйста, поторопитесь. Клодетта действительно больна, и я не хочу ничего пропустить.

* * *

Доктор дал актеру команду встать с головы на ноги и сесть на диван.

Любимец американской публики, бывший когда-то эксгибиционистом, был одет только в черные шорты-бикини. Несмотря на огромный список его самоубийственных привычек, он был худощав при прекрасно оформленной мускулатуре и казался здоровым, как шестнадцатилетний парень.

Актер прошел по комнате с гибким изяществом балетного танцовщика. Действительно, хотя его индивидуальность была сейчас глубоко подавлена, и в этом состоянии он, пожалуй, обладал не большим самосознанием, чем репа, он двигался, словно участвовал в представлении. Очевидно, его убежденность в том, что он всегда находится на глазах обожающих поклонников, возникла не после того, как известность развратила его; эта убежденность скрывалась в его генах.

Пока актер ждал, доктор Ариман снял пиджак и закатал рукава сорочки. Потом посмотрел на себя в зеркале. Великолепный вид. Предплечья мощные, мужественные, волосатые, но ничуть не неандертальские. Когда он в полночь покинет эту комнату и пойдет по коридору к палате Колфилда, то накинет пиджак на плечо и превратится в воплощение усталого, трудолюбивого, высококвалифицированного и сексуально привлекательного медика.

Ариман пододвинул к дивану стул и сел лицом к лицу с актером.

— Спокойно.

— Я спокоен.

Дерг-дерг, голубые глаза, при виде которых у медсестры Гангусс подкашиваются ноги.

Этот принц театральных касс пришел к Ариману-младшему, а не к любому другому врачу, из-за того, что родословная доктора была связана с Голливудом. Ариман-старший,

Джош, умер, отравившись пирожными, когда этот парень учил арифметику, историю и какие-то еще предметы в начальной школе, и поэтому они никак не могли работать вместе. Но актер рассуждал, что, если великий режиссер получил двух «Оскаров», то сын великого режиссера должен быть лучшим психиатром в мире.

«Кроме, может быть, Фрейда, — сказал он доктору, — но Фрейд живет где-то там, в Европе, а я не могу по нескольку раз в неделю летать туда и обратно на сеансы».

После того как Роберта Дауни-младшего отправили наконец в тюрьму на длительный срок, этот высокооплачиваемый кусок ухоженного мяса забеспокоился, что тоже может попасться в лапы этих «фашистов из агентства по борьбе с наркотиками». Хотя ему совершенно не хотелось как-то менять свой образ жизни в угоду репрессивным органам, но еще меньше его устраивала перспектива разделить тюремную камеру с маньяком-убийцей, имевшим семнадцатидюймовую шею, но никаких предпочтений по отношению к половой принадлежности жертв.

Хотя Ариман постоянно отказывался от пациентов, имевших серьезные проблемы с наркотиками, с этим он стал работать. Актер вращался в высших кругах общества, где мог причинить редкостный вред, что, конечно, очень развлекло бы доктора. И сейчас он готовил актера к исполнению главной роли в поразительной пьесе, которая должна была повлечь за собой исключительной глубины последствия общенационального и даже всемирного масштаба.

— У меня есть для тебя кое-какие важные указания, — сказал Ариман.

Кто-то нетерпеливо постучал в дверь палаты.

* * *

Марти пыталась надеть на Скита купальный халат, но тот сопротивлялся.

— Дорогой, — уговаривала она, — сейчас ночь и холодно. Тебе нельзя выходить наружу в одной пижаме.

— Этот халат отвратителен, — возразил Скит. — Он не мой, Марти. Его дали мне здесь. Он весь покрыт катышками, к тому же я ненавижу полосатую расцветку.

Раньше, до того как наркотики начали оказывать на него свое губительное влияние, Малыш оказывал на женщин примерно такое же воздействие, как запах сырой говядины — на Валета. Они просто бегали за ним. В те времена он очень хорошо одевался — петух в роскошном оперении. Даже теперь в этой развалине, оставшейся от прежнего Скита, иногда просыпался вкус к хорошей одежде, хотя Марти не могла понять, почему этот вкус должен был проявиться именно *сейчас* .

— Пойдемте, — сказал Дасти, щелкнув замками чемодана. Лихорадочно пытаясь найти выход из положения, Марти сорвала с кровати Скита одеяло и накинула ему на плечи.

— А как тебе это?

— В стиле американских индейцев, — сказал он, оборачивая одеяло вокруг себя. — Мне это нравится.

Она взяла Скита за руку и подтолкнула к двери, где в ожидании стоял Дасти.

— Подождите! — резко обернувшись, сказал Скит. — Лотерейные билеты.

— Какие билеты?

— В тумбочке, — пояснил Дасти. — Вложены в Библию.

— Мы не можем уехать без них, — настаивал Скит.

* * *

— Я велел не беспокоить меня здесь, — сердито сказал доктор в ответ на стук.

Краткое колебание, затем новый стук.

— Иди в спальню, ложись на кровать и жди меня, — спокойно сказал Ариман актеру.

Тот поднялся с дивана с такой готовностью, будто услышал слова возлюбленной, пообещавшей ему все возможные плотские наслаждения, и направился прочь из гостиной. Каждый из этих легких шагов, каждое движение бедер были настолько исполнены эротической притягательности, что зрители могли заполнить любой театр мира, лишь бы только посмотреть на эти движения.

Стук раздался в третий раз.

— Доктор Ариман? Доктор Ариман?

Направляясь к двери, доктор решил, что, если причиной помехи является медсестра Вустен, то ему следует уделить побольше времени размышлениям о том, что же можно сделать с ее языком.

* * *

Марти вынула из Библии пару лотерейных билетов и попыталась вручить их Скиту.

Придерживая свое импровизированное пончо левой рукой правой он отвел руку Марти с билетами.

— Нет, нет! Если я прикоснусь к ним, то они будут стоить меньше, чем бумага, на которой напечатаны; вся удача выйдет из них.

Засовывая билеты в карман, она услышала, как в коридоре кто-то зовет доктора Аримана.

* * *

Когда Ариман, открыв дверь с номером 246, вышел в коридор и увидел там Жасмину Эрнандес, то был встревожен даже больше, чем если бы там оказалась медсестра Вустен с ее розовым игривым язычком.

Жасмина была превосходной дипломированной медсестрой, но она была слишком похожа на нескольких особенно неприятных девчонок из тех, с которыми доктор сталкивался в детстве и ранней юности. Они относились к той породе женщин, которую он называл «всезнайки». К этой породе относились те, кто дразнил его глазами, хитрыми быстрыми взглядами и самодовольными улыбками, которые он видел боковым зрением, отворачиваясь от них. Всезнайки, казалось, видели его насквозь, угадывали те его побуждения, которые он желал скрыть, понимали то, что не должно было быть понято. Хуже того, у него было странное чувство, что они к тому же знали о нем что-то смешное, чего он сам не знал, что из-за каких-то неведомых ему самому своих качеств он был смешон для них.

Начиная с шестнадцати или семнадцати лет, когда его подростковая нескладная симпатичность начала сменяться зрелой мужской сокрушительной красотой, доктор редко беспокоился по поводу «всезнаек», которые в большинстве своем, казалось, потеряли способность видеть его насквозь. Однако Жасмина Эрнандес принадлежала к этой породе, и, хотя она пока что была не в состоянии просветить его рентгеновскими лучами, случались моменты, когда Ариман был уверен, что она вот-вот заморгает от удивления и наклонится поближе, ее глаза исполнятся той самой насмешкой, а уголки рта приподнимутся в чуть заметной ухмылке.

— Доктор, простите, что я потревожила вас, но я рассказала медсестре Гангусс о том, что произошло, она сказала, что вы находитесь в клинике, и я посчитала нужным поставить вас в известность.

Она излучала такую энергию, что доктор отступил на пару шагов. Жасмина восприняла это как приглашение войти в комнату, хотя Ариман вовсе не имел этого в виду.

— Пациент выписывается по собственному желанию, — принялась рассказывать

медсестра Эрнандес, — и, на мой взгляд, при странных обстоятельствах.

* * *

— Могу я забрать мою «Йу-ху»? — спросил Скит.

Марти посмотрела на него, словно считала его немного сумасшедшим. Конечно, когда она подумала так, то с полным основанием продолжила мысль: у них *обоих* явно не хватает шариков в головах. Поэтому она попыталась исходить из презумпции невиновности.

— Твое что?

— Газировку, — пояснил Дасти, стоявший около двери. — Бери ее скорее, и сматываемся отсюда!

— Кто-то позвал Аримана, — сказала Марти. — Он здесь.

— Я тоже слышал, — согласился Дасти. — Быстрее, бери эту проклятую газировку.

— Ванильная «Йу-ху» с шоколадом, раз уж об этом речь пошла, — принялся объяснять Скит, пока Марти обегала кровать и хватала бутылку с тумбочки, — а вовсе не газировка. Газа там вовсе нет. Это скорее десертный напиток.

Вкладывая бутылку «Йу-ху» в правую руку Скита, Марти нетерпеливо сказала:

— Вот твой десертный напиток, милый. А теперь шевели-ка ногами, а то пну тебя в задницу.

* * *

В первом замешательстве доктор подумал, что медсестра Гангусс сообщила медсестре Эрнандес о том, что актер собрался покинуть больницу, и что это и есть тот самый пациент, о котором она с таким возбуждением рассказывает.

Поскольку история об актере была с начала до конца выдумана Ариманом, чтобы скрыть истинную цель его прибытия в клинику, он сказал:

— Не волнуйтесь, медсестра Эрнандес, в конце концов он никуда не уедет.

— Что? Да о чем вы таком говорите? Они прямо сейчас пытаются увести его отсюда.

Ариман обернулся и окинул взглядом гостиную комнату и открытую дверь спальни. Он был почти готов увидеть нескольких молодых женщин, возможно, из клуба поклонников, вытаскивающих почти голого, лежащего в квазикататоническом оцепенении актера из окна, чтобы посадить его под замок и сделать из него своего раба-любовника.

Никаких похитительниц в комнате не было. Кинозвезду никто не похищал.

— Так о ком вы говорите? — спросил он, снова повернувшись к медсестре.

— Об этом стрекотунчике, — пояснила та. — О маленьком колибри. О Холдене Колфилде.

* * *

Марти спускалась по лестнице, поддерживая Скита.

Малыш был настолько бледным и хилым, что в пижаме и белом одеяле его можно было принять за один из призраков, часто посещавших дальние помещения «Новой жизни». Немощный призрак. Он дрожащими нетвердыми ногами перебирал ступеньки лестницы, все время думая о необходимости сохранять равновесие. При этом ему все время угрожала опасность наступить на волочившееся по ступенькам одеяло и скатиться с лестницы.

Дасти, державший чемодан, шел следом за Марти и Скитом, прикрывая их со спины, чтобы защитить их, если наверху внезапно появится Ариман. «Кольт» он вынул из кармана и теперь держал в руке.

Убийство видного психиатра не гарантировало бы ему места в ярко освещенном Зале Славы Героев рядом с Улыбчивым Бобом Вудхаусом. Ему пришлось бы не провозглашать тосты на праздничных торжественных обедах, а стоять в очереди за тюремной жратвой.

Несмотря на все, что они узнали о докторе Аримане, все, до чего удалось дойти путем умозаключений, имелась еще и горькая правда. Она состояла в том, что у них не было абсолютно никаких доказательств его незаконных или хотя бы неэтичных поступков. Кассета из автоответчика с сообщением Сьюзен была ближе всего к разряду улик из того, чем они обладали, но и там не было сказано ничего конкретного, говорилось лишь, что Ариман — ублюдок. Если Сьюзен, как она уверяла, каким-то образом сняла Аримана на видео, то в ее доме этой записи не было.

Скит спускался по лестнице, как ребенок, только что научившийся ходить. Он ставил правую ногу на следующую ступеньку, опускал левую ногу рядом, мгновение стоял, обдумывая следующий шаг, и повторял процедуру.

Они дошли до площадки, а наверху все еще не было никаких признаков преследования. Дасти остановился здесь, карауля верхний лестничный пролет, а Марти с Малышом продолжили путь к двери на первом этаже.

Если Ариман войдет на лестницу со второго этажа и увидит, как они спускаются, то поймет, что они раскусили его и представляют опасность, а тогда Дасти должен будет стрелять, как только увидит психиатра. Поскольку, если у Аримана будет время, чтобы выговорить два слова: «Виола Нарвилли», — а потом проговорить хокку о цапле, то он завладеет пистолетом, даже если Дасти будет все так же держать его в руке. А после этого могло произойти все, что угодно.

* * *

Ариман не на шутку встревожился. Но он был слишком опытным лицедеем для того, чтобы позволить своему беспокойству проявиться. Вытесняя медсестру Эрнандес из палаты № 246 в коридор, он заверял ее, что Дасти и Мартина Родс не станут предпринимать никаких непродуманных действий, которые могли бы подвергнуть опасности восстановление здоровья Скита.

— Если быть откровенным, то миссис Родс недавно стала моей пациенткой, и я знаю, что она полностью доверяет тому лечению, которое мы предоставляем ее родственнику.

— Они рассказали, что мать стрекотунчика серьезно заболела…

— Ах как досадно!

— …Но, если вы хотите знать мое мнение, эта история показалась мне тухловатой. И, учитывая риск, что клинике придется нести ответственность…

— Да, да, конечно. Я уверен, что смогу разобраться во всем этом.

Плотно закрыв дверь 246-й палаты, доктор Ариман прошел по коридору к 250-й палате. За ним, как тень, следовала Жасмина Эрнандес. Он шел не торопясь, потому что поспешность могла проявить, что он на самом деле относится к событию куда серьезнее, чем ему хотелось бы показать.

Он был доволен, что потратил время на то, чтобы снять пиджак и закатать рукава. Этот облик простого парня, в сочетании с его мужественными предплечьями, поддерживал атмосферу доверия и компетентности, которую он стремился создать вокруг себя.

250-я палата была пуста, если не считать, конечно, фальшивой жизни, бурлившей в телевизоре. Постель была перевернута, ящики секции платяного шкафа выдвинуты и пусты, выданный клиникой купальный халат валялся на полу, а пациент исчез.

— Пожалуйста, пойдите спросите у медсестры Гангусс, не видела ли она, как они ушли: по главной лестнице или спустились на лифте? — обратился доктор к Жасмине Эрнандес.

Поскольку медсестра Эрнандес не была запрограммирована и полностью владела своей

волей, которой было больше чем достаточно, то она вступила в спор:

— Но у них было слишком мало времени, чтобы…

— Чтобы проверить заднюю лестницу, вполне хватит одного человека, — прервал ее Ариман. — А теперь идите, пожалуйста, к сестре Гангусс.

Жасмина Эрнандес нахмурилась так сурово, что, наверно, никто не стал бы возражать, заяви она, что является транссексуальным воплощением Панчо Вильи[1], отвернулась от доктора и торопливо направилась к сестринскому посту.

Подойдя к задней лестнице, Ариман открыл дверь, шагнул на верхнюю площадку, прислушался, ничего не услышал, и бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Звуки его тяжелых шагов эхом отдавались от бетонных стен, вновь и вновь повторялись в гулком пустом проеме, и к тому моменту, когда он оказался у подножия нижнего пролета, казалось, что за спиной у него осталась бешено аплодирующая аудитория.

Коридор первого этажа был пуст.

Ариман толкнул дверь, ведущую в приемный покой, расположенный в задней части здания. Никого. Еще одна дверь, выходящая на подъездную дорожку…

В ту же секунду, когда Ариман вышел наружу, порыв ветра с грохотом ударился об один из мусорных контейнеров и, казалось, *пронес* мимо него красный «Сатурн».

За рулем сидел Дасти Родс. Он взглянул на доктора. На лице маляра был написан испуг и слишком уж много знания.

Спятивший от наркотиков, сопливый, бесполезный кусок дерьма, братец, сидел на заднем сиденье. Он помахал Ариману рукой.

Габаритные огни уменьшались, как огни, вырвавшиеся из дюз космического корабля, набиравшего скорость. «Сатурн» ракетой уносился в ночь.

Доктор надеялся, что автомобиль врежется в один из больших мусорных контейнеров, тут и там стоявших на дорожках, надеялся, что водитель не справится с управлением, машина перевернется и взорвется огненным шаром. Он надеялся, что Дасти, и Марти, и Скит сгорят заживо, что их тела превратятся в кучки обугленных костей и дымящегося мяса, и потом, надеялся он, с неба спустится огромная стая ворон-мутантов, которые разорвут обломки «Сатурна» и доберутся до зажаренной плоти погибших, доберутся и станут рвать их, рвать до тех пор, пока от них ничего не останется. Но ничего из этого не свершилось.

Автомобиль проехал два квартала и свернул налево, на широкую улицу.

И еще долго после того, как «Сатурн» скрылся из виду, доктор стоял посреди дорожки, смотря ему вслед.

Его хлестал ветер. Ариман был рад этим холодным ударам, словно они могли унести прочь его растерянность и прочистить голову.

Сегодня днем в комнате ожидания уходящих пациентов Дасти читал «Маньчжурского кандидата», которого доктор дал Марти втемную, как козырь. Эта карта, если ее разыграть, должна была придать игре немного напряженности. Читая триллер, Родс должен был ощущать легкую тревогу, которую можно было объяснить содержанием книги, особенно когда наткнулся бы на имя «Виола Нарвилли» и обнаружил бы какие-то странные соответствия с событиями собственной жизни. Книга навела бы его на размышления, заставила удивляться.

Тем не менее вероятность того, что роман Кондона сам по себе позволил бы Дасти выстроить длиннейшую логическую цепь и прийти к пониманию истинной природы доктора и его реальных целей, была исчезающе мала. Куда больше можно было надеяться на то, что прилетевшие на Марс астронавты обнаружат там киоск с портретом Элвиса Пресли, где будут подавать зажаренного по-кентуккийски цыпленка. И он понимал, что нет — подчеркнуть: *нет* — вообще шансов за то, что маляр мог вычислить все это за *полдня* .

---

1 Вилья, Франсиско, «Панчо» (1877-1923) — наст. имя Доротео Аранго. Руководитель крестьянского движения в период Мексиканской революции 1910-1917 гг. Во время интервенции США в Мексику (1916-1917) активно участвовал в борьбе с интервентами. В 1916-1919 гг. вел партизанскую войну против помещиков и правительственных войск.

Следовательно, должны иметься другие козыри, которые сам доктор не вкладывал в колоду, которые сдала судьба.

Одним из них мог быть Скит. Скит, чей мозг настолько протух от наркотиков, что не был полностью программируемым.

Обеспокоенный ненадежностью подмастерья маляра, Ариман приехал сюда этим вечером именно для того, чтобы заложить в подподсознание Скита сценарий самоубийства, а потом отправить этого никому не нужного негодяя в побег; чтобы тот, оказавшись на свободе, незадолго до рассвета покончил с собой. Теперь ему нужно было вырабатывать новую стратегию.

А какие еще могли быть козыри, кроме Скита? Бесспорно, были сыграны и другие. Однако, как много ни знали бы Дасти и Марти — а их знание вполне могло не быть таким полным, каким казалось, — у них не было возможности собрать такую значительную часть мозаики, воспользовавшись только книгой и Скитом.

Этот неожиданный поворот отнюдь не подхлестнул спортивный дух Аримана. Ему нравилось, когда в его играх присутствовал небольшой элемент риска, но этот риск должен был все-таки подчиняться его воле.

Он был игрок, но никогда не играл слишком уж азартно. Джунглям удачи он предпочитал архитектуру правил.

ГЛАВА 61

Под сильным ветром множество трейлеров сбилось в тесную кучу, словно готовясь к обороне от одного из торнадо, которые всегда находили такие вот места и расшвыривали легкие домики по изуродованным окрестностям ради того, чтобы предоставить телевизионным камерам повод позлорадствовать. К счастью, смерчи в Калифорнии происходили редко, существовали недолго и бывали крайне сильными. Обитателям этой стоянки не суждено было столкнуться с отрепетированными сочувственными речами репортеров, разрывающихся между стремлением показать такую завлекательную панораму разрушений и признанием в том, что сочувствие людским драмам уже давно изжило свое время в службе вечерних новостей.

Улицы поселка образовывали сетку, и каждая следующая являлась точным подобием предыдущей. Сотни передвижных домов, установленных на фундаменты из бетонных блоков, имели между собой гораздо больше сходства, чем различия.

Однако Дасти не составило ни малейшего труда найти жилище Фостера Пустяка Ньютона. Все домики этого поселка были подключены к кабельному телевидению, и тарелку спутниковой антенны можно было увидеть только на крыше трейлера, принадлежавшего Пустяку.

Вообще-то на этой крыше было три спутниковые антенны. Они силуэтами вырисовывались на фоне низкого ночного неба, окрашенного городскими огнями в неприятный изжелта-черный цвет. Все три тарелки были разного размера. Две были установлены стационарно; одна нацелена на юг, другая — на север. Третья, установленная на карданном подвесе, безостановочно меняла наклон и поворачивалась вокруг своей оси, словно высматривала лакомые кусочки в заполнявших мир потоках информации, чтобы проглотить их, на манер козодоя, ловящего мошек на лету широко раскрытым ртом.

Но спутниковыми антеннами дело не ограничивалось. На крыше торчали еще и более экзотические приемные устройства. Пара направленных антенн четырех и пяти футов длиной; каждая из них была снабжена различным количеством перекладин. Двойная спираль из медной ленты. Штуковина, похожая на перевернутую вверх ногами, лишенную иголок металлическую рождественскую елку; она стояла на верхушке и концами всех своих веток глядела в небо. Еще нечто загадочное, напоминающее рогатый шлем викинга, воздетый на шестифутовый шест.

Ощетинившийся всеми этими приемными устройствами трейлер вполне мог сойти за полностью оснащенный космический корабль, наскоро замаскированный под передвижной дом. О подобных вещах то и дело сообщали телефонные звонки, поступавшие в излюбленные Пустяком радиопрограммы.

Дасти, Марти, Скит и Валет собрались на маленькой — восемь на восемь — площадке перед дверью, прикрытой алюминиевым тентом, который после выхода на орбиту мог развернуться, превратившись в солнечный парус. Ощупав косяки в поисках кнопки звонка, Дасти несколько раз стукнул в дверь.

Придерживая обеими руками свою накидку из одеяла, которая вырывалась и хлопала на ветру, Скит походил на персонажа из романа-фэнтези, на беглого кудесника, вызволенного из долгого и мучительного плена у гоблинов. Заговорив, он повысил голос, чтобы перекричать ветер:

— А вы уверены, что Клодетта не больна?

— Полностью уверены, — заверила его Марти.

— Но ведь вы же сказали, что она заболела? — удивленно спросил Малыш, поворачиваясь к Дасти.

— Нам пришлось солгать для того, чтобы вытащить тебя из клиники.

— А я подумал, что она на самом деле заболела, — разочарованно протянул Скит.

— Но ведь ты на самом деле не желаешь ей болезни? — полуутвердительно спросила Марти.

— Смертельной — конечно, нет. Резей в животе и блевоты было бы вполне достаточно.

Лампочка над дверью загорелась.

— И еще сильного поноса, — торопливо добавил Скит.

Дасти почувствовал, что их рассматривают сквозь врезанный в дверь широкоугольный глазок.

Спустя мгновение дверь открылась. Стоя на пороге, Пустяк мигал из-под очков. Серые глаза, которые толстенные линзы делали огромными, были полны печали, никогда не оставлявшей их, даже когда Пустяк смеялся.

— Эй.

— Пустяк, — обратился к нему Дасти, — извини, что тревожу тебя дома, да еще в такой поздний час, но я просто не знал, куда еще нам пойти.

— Понятно, — ответил хозяин и отступил в сторону, приглашая их в дом.

— Ничего, что с нами собака?

— Ничего.

Марти помогла Скиту взойти по ступенькам. Валет и Дасти следовали за ними.

После того как за ними закрылась дверь, Дасти сказал:

— Пустяк, с нами случились большие неприятности. Я мог бы поехать к Неду, но ему, вероятно, рано или поздно захотелось бы удавить Скита, поэтому я…

— Присядете? — спросил Пустяк, указывая на стоявший в стороне стол.

Все трое приняли приглашение и придвинули к столу стулья, Валет залез под стол.

— Мы, конечно, могли бы отправиться к моей матери, но она сразу же…

— Сок? — перебил Марти Пустяк.

— Сок? — эхом отозвался несколько ошарашенный Дасти.

— Апельсиновый, сливовый или виноградный, — углубился в подробности хозяин.

— У тебя есть кофе? — спросил Дасти.

— Не-а.

— Апельсиновый, — решился Дасти. — Спасибо.

— Лучше виноградный, — сказала Марти.

— У тебя есть какая-нибудь ванильная «Йу-ху»? — поинтересовался Скит.

— Не-а.

— Тогда виноградный.

Пустяк отправился к холодильнику, стоявшему в кухне, отделенной от комнаты тонкой

стенкой. Пока он наливал соки, по радио какие-то люди говорили об «активной и неактивной инопланетной ДНК, трансплантированной в человеческий генетический код» и волновались по поводу того, «что является целью осуществляемой инопланетянами колонизации Земли: порабощение человеческого рода,, помощь человеческому роду в переходе на более высокую ступень развития или просто сбор человеческих органов для изготовления лакомств к столу иномирных существ».

Марти вздернула брови, как будто желая спросить у Дасти: «Они что, говорят серьезно?»

— Мне нравится это место, — с улыбкой кивнул Скит, оглядев трейлер. — Здесь прекрасный звуковой фон.

* * *

После того, как медсестра Эрнандес получила обещание, что, несмотря на то что ее смена была на два часа короче, чем нужно, она будет оплачена в полном размере, и отправилась домой, после того, как медсестра Гангусс, в свою очередь, получила несколько заверений в том, что их пациенту-кинозвезде в настоящее время ничего не требуется, и после того, как медсестра Вустен нашла несколько новых поводов для демонстрации гимнастических способностей своего проказливого розового язычка, доктор Ариман возвратился, наконец, к своим незаконченным делам в палате № 246.

Актер, как ему велел Ариман, лежал на кровати, поверх покрывала, одетый в свои черные шорты-бикини. Он смотрел на потолок с той же неподражаемой эмоциональностью, которую привносил в каждую из ролей своих кинохитов.

Усевшись на край кровати, доктор приказал:

— Скажи мне, где ты сейчас находишься, но не физически, а мысленно.

— Я нахожусь в часовне.

— Хорошо.

Во время своего предыдущего визита Ариман дал актеру инструкции никогда больше не употреблять героин, кокаин, марихуану или другие запрещенные препараты. Вопреки тому, что доктор сказал медицинским сестрам Гангусс и Вустен, этот человек был сейчас полностью излечен от всех видов наркомании.

Доктор Ариман освободил пациента от этих губительных привычек вовсе не из сострадания, не из чувства профессиональной ответственности за больного человека. Просто он ему был полезнее трезвомыслящим, чем с извращенным наркотиками разумом.

Кинозвезде предстояло вскоре принять участие в опасной игре, которая должна была повлечь за собой огромные исторические последствия. Поэтому нужно было гарантировать, что, когда наступит выход актера, не будет опасности, что тот за хранение наркотиков окажется в тюремной камере в ожидании освобождения под залог. Он должен находиться на свободе и быть готовым к тому, для чего его предназначила судьба.

— Ты вращаешься в высших сферах, — сказал доктор. — В частности, я имею в виду событие, в котором ты должен будешь участвовать через десять дней, вечером в субботу на следующей неделе. Пожалуйста, расскажи мне о том событии, о котором я упомянул.

— Это прием для президента, — сказал актер.

— Президента Соединенных Штатов?

— Да.

На самом деле этот прием должен был стать одним из основных мероприятий по сбору средств в пользу президентской политической партии. Местом его проведения должно было стать Бель-Эйр, поместье режиссера, заработавшего больше денег, получившего больше «Оскаров» и готового подхватить венерическую болезнь у значительно большего количества потенциальных актрис, чем даже покойный Джош Ариман, Король Слез. Двум сотням человек, представлявших собой самые сливки Голливуда, предстояло заплатить по двадцать

тысяч долларов с носа за почетное право повилять хвостом перед этим верховным политиком точно так же, как перед ними самими ежедневно виляло хвостами немыслимое множество народу, начиная со знаменитых ведущих телевизионных ток-шоу и кончая всякой шушерой на улицах. За свои деньги им предстояло испытать одновременно два сильнейших ощущения: мощный подъем ощущения значимости собственного эго, переходящий в непроизвольный оргазм, и изумительно извращенное противоположное чувство: осознание того, что в присутствии истинного величия они являются не чем большим, как всего лишь раболепной пеной поп— культуры.

— Ничего не сможет помешать тебе посетить этот прием, устроенный для президента, — веско произнес доктор.

— Ничего.

— Ни болезнь, ни телесное повреждение, ни землетрясение, ни поклонники-подростки, достигшие половой зрелости, какого бы пола они ни были… Ни эти, ни какие-либо иные препятствия не помешают тебе явиться вовремя на этот прием.

— Я понимаю.

— Я полагаю, что президент тоже является твоим горячим поклонником.

— Да.

— В тот вечер, когда ты встретишься с президентом лицом к лицу, то используешь все свое обаяние и актерское мастерство для того, чтобы он чувствовал себя в твоем обществе совершенно непринужденно. Потом сделай так, чтобы он наклонился как можно ближе, как будто ты собираешься рассказать ему на ухо совершенно не произносимую вслух сплетню об одной из самых красивых присутствующих актрис. Когда он, ничего не подозревая, наклонится к тебе вплотную, то ты схватишь его за голову обеими руками и откусишь нос.

— Я понимаю.

* * *

В трейлере, как заметил Скит, действительно стоял гул, но Марти он показался не приятным фоном, а раздражающей трескотней. Ей чудилось, что в помещении соткался некий звуковой гобелен из электронных писков, мяуканий, вздохов и щебетаний. Одни звуки были однообразными, другие непрерывно меняли тональность, третьи — громкость. Все они были нерезкими, приглушенными, и все вместе несколько напоминали симфонию ночного луга летом, когда цикады, сверчки и прочие шестиногие и крылатые трубадуры, не обращая внимания друг на друга, распевают романсы жукам. Возможно, именно поэтому Марти почувствовала, что у нее зачесалось все тело и по ногам, померещилось ей, что-то поползло.

Две стены гостиной, часть которой занимала, так сказать, столовая, где они находились, были завешаны полками от пола до потолка. На них располагались многочисленные компьютерные мониторы и обычные телевизоры; на большей части экранов сверкали и переливались какие-то картины, числовые таблицы, диаграммы и абстрактные узоры разнообразнейших форм и цветов, не имевшие для Марти никакого смысла. Кроме экранов, на этих полках размещалось огромное количество таинственных приборов: осциллографов, каких-то радарных устройств, индикаторов и панелей, на которых вспыхивали шестицветные световые змеи и цифровые обозначения рядом с ними.

Когда все получили сок, Пустяк Ньютон тоже сел за стол. У него за спиной на стене висели карты созвездий северного и южного неба. Он казался шкипером космических трасс, неотесанным кузеном-деревенщиной капитана Джеймса Кирка, ведущим к далеким звездам самодельный корабль «Энтерпрайз».

Валет, талисман космической команды, лакал воду из миски, предусмотрительно подставленной капитаном. Судя по его счастливому виду, гул, стоявший в трейлере, нисколько не беспокоил пса.

Марти спросила себя, не может ли быть так, что постоянно краснеющее лицо и яркий,

как вишня, нос Пустяка обрели свой цвет не столько от ежедневной работы на солнце, сколько от радиации, испускаемой его собранием электронных приборов.

— Ну? — спросил Пустяк.

— Мы с Марти должны отправиться в Санта-Фе, и нам нужно…

— Подзарядиться?

— Что?

— Это средоточие энергии, — торжественно провозгласил Пустяк.

— Что это? Санта-Фе? Какой энергии?

— Мистической.

— Неужели? Но мы-то едем не за этим. Нам нужно поговорить с некоторыми людьми, которые могли бы стать свидетелями в… уголовном деле. Нам нужно оставить Скита на пару дней в таком месте, где никому не придет в голову его искать. Если бы ты мог…

— Будешь прыгать? — вместо ответа обратился к Скиту хозяин.

— Где прыгать?

— С моей крыши.

— Не хочу тебя обидеть, — ответил тот, — но нет: она слишком низкая.

— А стреляться?

— Нет, только не это, — пообещал Скит.

— Ладно, — согласился Пустяк, сделав маленький глоток сливового сока.

Этот этап прошел легче, чем ожидала Марти.

— Пустяк, — сказала она, — мы знаем, что это уже нахальство, но не мог бы ты найти место еще и для Валета?

— Собаки?

— Да. Он настоящий милашка: не лает, не кусается и прекрасный товарищ, если…

— Гадит?

— Что?

— В доме, — уточнил вопрос Пустяк.

— О нет, никогда.

— Ладно.

Марти взглянула в глаза мужу. Вероятно, совесть терзала его не меньше, чем ее самое, потому что он тут же сказал:

— Пустяк, нужно все сказать тебе прямо. Я думаю, что кто-нибудь будет искать Скита. Возможно, и несколько человек. Надеюсь, что они не найдут его здесь, но если найдут… Они опасны.

— Наркотики? — спросил Пустяк.

— Нет. С наркотиками это никак не связано. Это… — Дасти умолк, пытаясь найти слова, которые достаточно ясно обрисовали бы их тяжелое положение и в то же время не заставили бы Пустяка усомниться в его рассказе.

Марти почувствовала его напряжение.

— Это может показаться просто безумием, но мы все каким-то образом оказались объектами эксперимента по управлению сознанием, какого-то заговора.

— Иностранцы? — поинтересовался Пустяк.

— Нет, нет. Мы…

— Существа из другого измерения?

— Нет. Это…

— Правительство?

— Возможно, — согласилась Марти.

— Американская психологическая ассоциация?

Марти на мгновение лишилась дара речи.

— Как ты добрался до них? — удивленно спросил Дасти.

— В таком деле могут быть только пять подозреваемых, — ответил Пустяк.

— И кто пятый?

Хозяин наклонился над столом; его розовое, круглое, как пирог, лицо приобрело самое торжественное выражение, на которое было способно, прозрачные серые глаза были исполнены всегда присущей им печалью по плачевному состоянию человечества.

— Билл Гейтс, — провозгласил он.

— Хороший сок, — сказал Скит.

* * *

Голый актер. Пустой человечишка из киномира. Слава и позор.

Ужасно. Если уж красивые женщины далеко не всегда вдохновляли доктора на то, чтобы достигнуть высот поэзии, то этот трагик с изготовленным хирургом носом и увеличенными коллагеном губами вряд ли мог претендовать на то, чтобы стать объектом бессмертного хокку.

Поднявшись с кровати, глядя в спокойное лицо, на котором лишь глаза подрагивали в быстром сне, Ариман продолжал:

— Когда ты откусишь нос, то не станешь жевать его, а сразу же выплюнешь. Он должен быть в таком состоянии, чтобы бригада первоклассных хирургов смогла пришить его на место. Цель здесь — *не* убить и *не* обезобразить на всю жизнь этого человека. Есть люди, которые хотели бы послать президенту сообщение — предупреждение, если угодно, — которое он не сможет проигнорировать. Ты — простой посыльный. Скажи мне, действительно ли ты все понял.

— Я все понял.

— Повтори мои инструкции.

Актер повторил инструкции слово в слово. Он говорил с гораздо большим чувством, чем когда-либо читал свои реплики из многочисленных сценариев.

— Хотя ты не причинишь президенту больше никакого вреда, все остальные присутствующие, естественно, не будут знать об этом. У тебя останется единственный выход — сбежать.

— Я понимаю.

— Всеобщее замешательство даст тебе шанс ускользнуть от агентов секретной службы до того, как они опомнятся.

— Да.

— Но они уже через несколько секунд пустятся за тобой в погоню. После этого ты будешь делать все возможное… исходя из того, что *ты не должен попасть к ним в руки живым* . Ты можешь представить себя Индианой Джонсом, окруженным нацистскими головорезами и их кровожадными прислужниками. Будь изобретательным и устрой как можно больший погром, используй обычные предметы в качестве оружия, пробивайся из зала в зал до тех пор, пока тебя не застрелят.

Эту милую работенку с актером Ариман проводил по контракту, согласно которому он был обязан время от времени проводить подобные акции. Это была цена, которую он платил за возможность использовать методы управления людским сознанием для собственного развлечения, практически без риска угодить за решетку в том случае, если какая-то из игр закончится неудачей.

Если бы это была одна из его собственных игр, то сценарий, конечно, не был бы таким простым. Но все же, несмотря на недостаток сложности, и эта маленькая игра была достаточно забавной.

Запрограммировав актера, чтобы в его управляемых и доступных гипнозу областях памяти не осталось никаких следов от их общения, если можно так назвать происшедшее этой ночью, Ариман проводил своего пациента в гостиную его палаты-люкс.

Первоначально доктор намеревался затратить по меньшей мере час, диктуя напыщенные и сбивчивые психотические речи, которые актер должен был бы записывать в

свой личный рукописный дневник, словно собственные темные фантазии. Они уже занимались этим во время нескольких предыдущих сеансов, и теперь почти две сотни страниц в толстенной тетради были заполнены выражениями лихорадочного параноидального ужаса, ярой ненависти и апокалиптическими пророчествами. Все они были связаны с президентом Соединенных Штатов. Актер не помнил о том, как писал все это; больше того, он мог открыть свой дневник лишь по указанию психиатра. Зато после нападения на президентский нос, когда злоумышленник получит смертельную пулю, власти обнаружат этот кошмарный документ, зарытый в кучу женских трусиков, которые знаменитый актер хранил на память о легионах совращенных им женщин.

Но сегодня Ариман, встревоженный похищением Скита из клиники, которое чета Родсов осуществила в безупречном стиле командос, решил пропустить диктант. Имевшиеся две сотни страниц и так окажутся достаточно убедительным свидетельством и для агентов ФБР, и для читателей бульварных газетенок.

Точно выполняя команду, актер ловко, как двадцатилетний гимнаст, вновь встал на голову у стены в гостиной напротив телевизора.

— Начинай считать, — приказал Ариман.

Досчитав до десяти, актер возвратился из часовни сознания в полный разум. По его представлениям, психиатр лишь сейчас вошел в комнату.

— Марк? Что вы тут делаете в такое время?

— Я был у другого пациента и подумал, что стоит зайти, посмотреть, как у вас дела.

— Я провожу в таком положении около часа в день. Хорошо для мозгового кровообращения.

— И результаты налицо.

— А ведь точно, ха! — Стоявшая вверх тормашками кинозвезда сияла улыбкой.

Приказав себе запастись терпением, доктор десять минут участвовал в мучительно скучной беседе об огромных кассовых доходах от последнего суперхита актера, давая объекту возможность запомнить хоть что-то о сегодняшнем визите психиатра. Когда же он наконец оставил палату № 246, то знал о средней посещаемости кинотеатров Большого Чикаго гораздо больше, чем хотел.

Знаменитый актер. Откусывает нос демократии. И миллионы рукоплещут.

Не великое дело, но все же неплохо. В смысле — работа с этим образцом.

* * *

На улице бушевал январский ветер. В трейлере распевали электронные сверчки. Дасти произнес: «Доктор Ен Ло», активизировав программу Скита.

Малыш сел немного прямее, его бледное лицо стало настолько невыразительным, что Дасти только теперь осознал, насколько измученным оно было прежде. Это наблюдение сделало еще острее неотступно жившую в нем печаль по поводу того, насколько сильно его брат был ограблен судьбой — такой молодой и лишенный полной и целеустремленной жизни.

Когда они прошли хокку и три ответа Скита, Пустяк Ньютон сказал: «Точно», как будто хорошо разбирался в механизмах психологического контроля личности.

Несколько минут назад, после торопливого совещания в библиотеке Пустяка — маленькой спальне, заполненной книгами об НЛО, инопланетном вторжении, беспричинном самовозгорании людей, существах из иных измерений и Бермудском треугольнике, — Дасти сообщил Марти, какого результата он надеется достичь, проведя со Скитом это действие. Учитывая неустойчивое состояние психики Скита, то, что он предложил, могло, как он считал, оказаться рискованным, и он опасался, что может причинить брату больше вреда, чем пользы. К его удивлению, Марти сразу поняла план. Он верил в ее здравый смысл едва ли не больше, чем в то, что солнце всходит на востоке, и поэтому, заручившись ее одобрением, был

готов принять на себя тяжелейшую ответственность за последствия своего решения.

Теперь, когда Скит оказался околдован и его глаза задергались в орбитах, как это было недавно в палате клиники «Новая жизнь», Дасти обратился к нему:

— Скажи, слышишь ли ты меня.

— Я слышу тебя.

— Скит… Когда я дам тебе инструкции, будешь ли ты выполнять их?

— Буду ли я выполнять их?

Повторно восстановив в памяти все, что он узнал накануне в клинике, Дасти перефразировал вопрос в утвердительную форму.

— Скит. Ты будешь выполнять все инструкции, которые я тебе дам. Подтверди, что это так.

— Я подтверждаю.

— Я доктор Ен Ло, Скит.

— Да.

— И я — легкий порыв.

— Да.

— В прошлом я дал тебе много инструкций.

— Голубые сосновые иглы, — отозвался Скит.

— Правильно. А теперь, Скит, через некоторое время я щелкну пальцами. Когда это произойдет, ты погрузишься в спокойный сон. Подтверди, что ты полностью меня понимаешь.

— Подтверждаю.

— А затем я щелкну пальцами второй раз. После того как я щелкну пальцами второй раз, ты проснешься, твое сознание полностью вернется к тебе, но *при этом* ты навсегда забудешь все предыдущие инструкции, которые я дал тебе. Мой контроль над тобой полностью закончится. Я — доктор Ен Ло, легкий порыв — никогда больше не смогу управлять твоим сознанием. Скит, скажи мне, действительно ли ты понимаешь то, что я сказал.

— Я понимаю.

Дасти вопросительно посмотрел на Марти. Она кивнула.

Пустяк, не посвященный в их план, всем телом навалился на стол, забыв о стакане с соком, который продолжал держать в руке.

— Скит, хотя ты забудешь все мои предыдущие инструкции, но будешь помнить каждое слово из того, что я скажу тебе сейчас, будешь верить в эти слова и будешь следовать им всю свою оставшуюся жизнь.

— Я понимаю.

— Скит, ты никогда больше не будешь употреблять незаконные наркотики. У тебя не будет никакого желания употреблять их. Единственные наркотики, которые ты в жизни будешь принимать, — те, что выпишут тебе врачи в случае болезни.

— Я понимаю.

— Скит, начиная с этого момента, ты поймешь, что в целом ты хороший человек, не более и не менее испорченный, чем все остальные люди. Все плохое, что раньше говорил о тебе твой отец, отношение к тебе матери, оскорбления Дерека Лэмптона — ни одна из этих вещей больше не заденет тебя, не обидит тебя, никак больше не ущемит тебя.

— Я понимаю.

У Марти, стоявшей, опершись на стол, в глазах сияли слезы.

Дасти был вынужден сделать паузу. Он с трудом перевел дыхание, потом заговорил снова:

— Скит, ты оглянешься назад, в свое детство, и найдешь там время, когда ты верил в будущее, когда ты был полон мечтами и надеждами. Ты снова поверишь в будущее. Ты будешь верить в себя самого. Скит, у тебя появится надежда, и ты никогда, никогда больше не лишишься ее.

— Я понимаю.

Скит глядел в бесконечность. Пустяк сидел, оцепенев. Добрый Валет мрачно смотрел на происходившее. Марти вытерла глаза рукавом блузки.

Дасти приложил большой палец к среднему.

Замер. Подумал обо всех тех вещах, которые могли пойти не так, как надо, вспомнил о том, куда приводит дорога, вымощенная благими намерениями…

Щелчок.

Глаза Скита закрылись, он обмяк на стуле. Его дыхание сделалось ровным, как у обычного спящего человека. Голова опустилась, подбородок лег на тощую грудь.

Сломленный ответственностью, которую только что принял на себя, Дасти встал из-за стола, постоял мгновение в нерешительности, а затем вошел в кухню. Встав у раковины, он открутил кран, подставил руки под струю и несколько раз плеснул водой себе в лицо.

Следом за ним вошла Марти.

— Все будет хорошо, милый.

Вода маскировала слезы, брызнувшие у него из глаз, но страшную тревогу, заставлявшую голос жалко дрожать, он скрыть не мог.

— А что, если я каким-то образом сделал ему еще хуже, чем было?

— Хуже ты не сделал, — уверенно ответила Марти.

Он потряс головой.

— Ты не можешь знать наверняка. Сознание настолько уязвимо. Один из худших пороков этого мира… Столько людей стремятся подчинить себе сознание других людей и причиняют им так много вреда. Так много вреда. Ты не можешь ничего знать об этом наверняка, и никто из нас не может.

— Я знаю, — мягко, но твердо сказала она, приложив ладонь к его влажной щеке. — Ведь то, что ты только что сделал, было сделано из одной лишь любви, чистой бескорыстной любви к брату, и потому из этого ни в коем случае не может выйти ничего плохого.

— Да. А дорога в ад вымощена благими намерениями.

— Как и дорога в рай, разве не так?

Дрожа, пытаясь проглотить твердую тяжелую глыбу, вставшую поперек горла, он медленно проговорил с еще большим страхом в голосе:

— Я боюсь того, что может произойти, если это подействует… но еще больше боюсь, что не подействует. Насколько мои надежды безумны? Что, если я щелкну пальцами, и проснется прежний Скит, все так же полный ненависти к самому себе, все такой же растерянный, все такой же несчастный милый безобидный наркоман? Это его последний шанс, и я так хочу верить в то, что все пройдет, как я рассчитываю, но что, если я щелкну пальцами, и окажется, что его последний шанс вообще не был шансом? Что тогда, Марти?

Марти всегда умела придать ему сил, и сейчас в ее голосе прозвучала сила, которая помогла ему укрепиться:

— По крайней мере, ты использовал этот шанс.

Дасти посмотрел в комнату, туда, где стоял обеденный стол, на затылок Скита. Свалявшиеся и растрепанные волосы. Худая шея, хилые плечи.

— Пойдем, — негромко, но так же твердо сказала Марти. — Дай ему новую жизнь.

Дасти завернул кран. Он оторвал от рулона несколько бумажных полотенец и вытер лицо. Скомкал полотенца и бросил их в мусорное ведро. Крепко потер одну о другую сложенные ладони, как будто надеялся массажем успокоить дрожь в руках.

Клик-клик-клик. Частое цоканье когтей по линолеуму.

Любознательный Валет присоединился к уединившимся в кухне хозяевам. Дасти погладил золотистую голову собаки.

Наконец он собрался с духом и вслед за Марти вернулся к обеденному столу. Они сели на свои места рядом с Пустяком и Скитом.

Снова большой палец прижался к среднему.

А теперь, приходите — волшебство, доброе или злое, надежда или отчаяние, радость

или горе, смысл или бессмыслица, жизнь или смерть: *щелк* !

Скит открыл глаза, поднял голову, выпрямился на стуле, оглядел сидевших рядом и просил:

— Ну что, когда же мы начнем?

Он совершенно не помнил о том, что происходило несколько минут тому назад.

— Типично, — заявил Пустяк, энергично кивая головой.

— Скит? — позвал Дасти.

Малыш повернулся к нему.

Дасти набрал полную грудь воздуха, замер, а потом на выдохе произнес имя:

— Доктор Ен Ло.

Скит вскинул голову.

— А?

— Доктор Ен Ло.

— Доктор Ен Ло, — подхватила Марти.

— Доктор Ен Ло, — внес свой вклад Пустяк.

Скит обвел ошеломленным взглядом лица, на которых было написано одинаковое выжидающее выражение; даже Валет стоял на задних лапах, положив передние на стол, и глядел на него.

— Это что, загадка, викторина или еще какая-нибудь глупость? Может быть, этот парень, Ло, что-то натворил в истории? Так я в истории никогда не был силен.

— Отлично, — провозгласил Пустяк.

— Легкий порыв, — сказал Дасти.

— Похоже на рекламу буксировщика автомобилей, — озадаченно ответил Скит.

По крайней мере, первая часть плана сработала. Скит больше не был запрограммирован, не поддавался управлению со стороны.

А что касается второй цели, поставленной Дасти, то только время могло показать, удалось ли ее достигнуть: освободился ли Скит от угнетавшего его прошлого.

Дасти отодвинул свой стул от стола и поднялся на ноги.

— Вставай, — обратился он к Скиту.

— А?

— Давай, братишка, вставай.

Тот встал; больничное одеяло соскользнуло с его плеч и упало на стул. Малыш напоминал чучело из связанных крестом палок, с соломенной башкой, одетое в пижаму, снятую с толстяка.

Дасти обнял брата обеими руками и крепко, очень крепко прижал к себе. Когда наконец он нашел в себе силы заговорить, то сказал:

— Прежде чем мы уедем, я дам тебе денег на ванильный «Йу-ху», идет?

ГЛАВА 62

Похоже, их наконец-то подхватило колесо фортуны. На рейсе компании «Юнайтед» из международного аэропорта Джона Уэйна, вылетавшем рано утром в Санта-Фе с посадкой в Денвере, оказалось два свободных места. Воспользовавшись кредитной карточкой, Дасти заказал билеты по телефону, висевшему в кухне Пустяка Ньютона.

— Пушка? — спросил Пустяк через несколько минут, когда Дасти и Марти уже стояли около наружной двери, готовые оставить брата и собаку на его попечение.

— А что? — вопросом на вопрос откликнулся Дасти.

— Нужна?

— Нет.

— А я думаю, что нужна, — настаивал Пустяк.

— Пожалуйста, только не говори мне, что у тебя здесь спрятан арсенал, которого

хватит, чтобы развязать небольшую войну! — воскликнула Марти. Она явно была обеспокоена: а не кроется ли за поведением Фостера Ньютона нечто большее, чем простая эксцентричность.

— Нет, — успокоил ее Пустяк.

— К тому же у нас уже есть одна, — сказал Дасти, вынимая из кармана свой «кольт» 45-го калибра.

— Летите, не так ли? — в своей лаконичной манере осведомился Пустяк.

— Я не собираюсь пытаться взять его с собой в самолет. Положу в один из наших чемоданов.

— Выборочная проверка, — предупредил Пустяк.

— Даже если не брать багаж с собой?

— В последнее время — да.

— Даже на коротких рейсах?

— И на них тоже, — настаивал Пустяк.

— Это все из-за недавних террористических актов. Поднялось всеобщее возбуждение, и Федеральная дирекция авиаперевозок выпустила новые правила, — объяснил Скит.

Дасти и Марти дружно уставились на него. Похоже, они меньше удивились бы, если бы у него на лбу внезапно открылся третий глаз. Согласно жизненной философии, которой руководствовался Скит, все происходившее в мире не имело к нему никакого отношения, и потому он никогда не читал газет, никогда не настраивал на программу новостей ни радио, ни телевизор.

Поняв, что их удивило, Скит пожал плечами:

— Все очень просто: я подслушал, как один дилер говорил с другим.

— Дилер? — переспросила Марти. — Ты имеешь в виду тех, кто торгует *наркотиками* ?

— Нет, лотерейными билетами, — съязвил Скит. — Я не играю в азартные игры.

— Торговцы наркотиками сидят, обсуждая текущие события?

— Я думаю, что это касалось их проблем с перевозками. Они, похоже, изрядно злились по этому поводу.

— А насколько выборочной бывает выборочная проверка? — спросил Дасти, обращаясь к Пустяку. — Один чемодан из десятка? Один из пяти?

— Возможно, на некоторых рейсах пять процентов.

— Ну, ладно…

— А на других, возможно, сто процентов.

Поглядев на пистолет в своей руке, Дасти сказал:

— Это законная пушка, но у меня нет разрешения на ее ношение.

— И вывоз из штата, — предупредил Пустяк.

— А это еще хуже, да?

— Да уж, не лучше. — Пустяк подмигнул совиным глазом и добавил: — Но у меня кое-что есть.

Пустяк скрылся в задней комнате трейлера, но уже спустя минуту вернулся, держа в руке коробку. Из нее он извлек сверкающий игрушечный грузовик и резким движением руки провернул колеса.

— Гррррммм! Вот и транспорт.

* * *

Черный ветер с черного неба.
Черные окна дома.
Живет ли в нем ветер?

Около черного хода миниатюрного викторианского домика Родсов, который, на вкус Аримана, выглядел слишком претенциозно, он остановился, прислушиваясь к рваному ритму сотрясаемых ветром деревьев, издававших звуки, напоминавшие дробь маракасов, к хокку о черном ветре, звучавшему в его мыслях. Он был доволен собой.

Когда он месяца два назад впервые прибыл сюда, чтобы провести сеанс программирования с Дасти, то взял себе один из запасных ключей от дома Родсов, точно так же, как запасся, когда потребовалось, ключом от квартиры Сьюзен. И теперь он вошел внутрь и спокойно закрыл за собой дверь.

Если ветер и обитал здесь, то его не было дома. Чернота была теплой и неподвижной. Дома не было вообще никого, даже золотистого ретривера.

Привыкший безраздельно хозяйничать в домах тех, кем управлял, он смело включил свет на кухне.

Он не знал, что разыскивает, но был уверен: когда увидит нужное, то сразу поймет.

Первое открытие было сделано почти сразу. На столе в кухне лежал вскрытый почтовый конверт. Его внимание привлек адрес отправителя: доктор Рой Клостерман.

Поскольку Ариман практиковал с огромным успехом, его книги пользовались широкой популярностью, да к тому же он унаследовал большое богатство, ему постоянно завидовали. А еще он не желал терпеть дураков, был больше расположен испытывать презрение, а не восхищение другими представителями сообщества целителей, чьи самовлюбленные этические кодексы и догматические представления он находил удушающими. Была еще масса других причин, благодаря которым он имел крайне мало друзей и куда больше врагов среди своих собратьев-врачей всех специальностей. И потому он был бы крайне удивлен, если бы врач Родсов *не* принадлежал к числу тех, кто дурно высказывается о нем, Аримане. То, что они были пациентами Клостермана, который собственноручно приписал свое имя к перечню святых, было лишь немногим более неприятно, чем если бы они пользовались услугами любого другого доктора из тех, кого Ариман презрительно именовал дубовыми головами.

Рядом лежала записка, судя по всему, вынутая из конверта. Написана она была на бланке Клостермана, внизу стояла его подпись.

«Мой регистратор проезжает мимо вашего дома по дороге к себе домой; поэтому я попросил ее завезти вам это. Я подумал, что вы могли бы найти самую последнюю книгу доктора Аримана не лишенной интереса. Возможно, вы никогда не читали его работ».

Это явно был еще один козырь. Доктор Ариман аккуратно сложил записку и положил к себе в карман. Издания, о котором писал Клостерман, здесь не было. Если это действительно была самая последняя из его работ, значит, Клостерман прислал Родсам экземпляр выпущенной в твердом переплете и суперобложке книги «Учитесь любить себя».

Доктор был доволен, обнаружив, что даже враги вносят свой вклад в дело извлечения доходов от продажи книг.

Тем не менее, когда этот кризис будет разрешен, Ариман должен будет обратить внимание на святого Клостермана. Вероятно, удастся несколько восстановить равновесие на голове его дружка, отрезав тому оставшееся ухо. Самого Клостермана можно будет, пожалуй, лишить среднего пальца правой руки. Тогда он потеряет возможность делать вульгарные жесты; святой не должен возражать против освобождения от пальца, обладающего таким непристойным потенциалом.

* * *

Пожарный автомобильчик шириной и высотой пять на пять дюймов и длиной в двенадцать дюймов был сделан из жести. Он был снабжен всеми деталями своего большого собрата и старательно раскрашен вручную. Сделанная талантливым и гордым своим

искусством голландским мастером игрушка неизбежно должна была очаровать любого ребенка.

Пустяк уселся за обеденный стол, а гости собрались вокруг и внимательно смотрели за его действиями. Взяв маленькую отвертку, он отвернул восемь медных винтиков и отделил кузов автомобильчика от рамы и колес.

Внутри грузовика оказался небольшой фетровый мешочек наподобие тех, в которые обычно упаковывают пару ботинок, которые нужно уложить в чемодан.

— Пушку! — потребовал Пустяк.

Дасти подал ему «кольт».

Пустяк обернул маленький пистолет мешком так, чтобы оружие не могло загреметь, если чемодан встряхнут, а мешок, в свою очередь, поместил в полый корпус пожарной машинки. Если бы оружие оказалось намного больше, то и грузовик понадобился бы другой, покрупнее.

— Запасные патроны? — спросил Пустяк.

— У меня нет, — ответил Дасти.

— Будут.

— Нет.

Пустяк вновь соединил части грузовичка, приклеил скотчем ко дну маленькую отвертку и вручил игрушку Дасти.

— А теперь пусть просвечивают.

— Теперь мы положим его на бок в чемодане, и при проверке рентгеном будет виден легко узнаваемый силуэт игрушечного грузовика, — восхищенно сказала Марти.

— Можете отправляться, — заявил Пустяк.

— Им и в голову не придет заставить кого-нибудь открыть сумку, чтобы осмотреть такую вещицу.

— Не-а.

— Пожалуй, мы даже могли бы забрать машинку с собой, в ручную кладь, — сказал Дасти.

— Лучше.

— Лучше? — переспросила Марти. — Ну, конечно же, ведь иногда в аэропортах багаж, который ты не несешь с собой, теряют.

— Точно, — кивнул Пустяк.

— А ты сам когда-нибудь проделывал такие штуки? — поинтересовался Скит.

— Никогда, — спокойно сознался Пустяк.

— А тогда зачем тебе эта машинка?

— На всякий случаи.

— Ты странный человек, Фостер Ньютон, — сказал Дасти, осматривая со всех сторон игрушку.

— Благодарю, — откликнулся тот. — Кевларовый бронежилет?

— А?

— Кевлар. Пуленепробиваемый.

— Пуленепробиваемые жилеты? — удивился Дасти.

— У тебя есть?

— Нет.

— Хочешь?

— У тебя есть бронежилет? — восхитилась Марти.

— Конечно.

— Он тебе когда-нибудь был нужен? — спросил Скит.

— Еще нет, — ответил Пустяк.

Марти встряхнула головой.

— Ну, а теперь ты, наверно, предложишь нам пистолет инопланетян, стреляющий смертельным лучом.

— У меня нет такого, — с нескрываемым сожалением ответил хозяин.

— Бронежилетов мы не возьмем, — решил Дасти. — Служба безопасности в аэропорту может обратить внимание, что у нас чересчур много вещей.

— Может, — согласился Пустяк, приняв его слова всерьез.

* * *

Внизу доктор не нашел больше ничего, что привлекло бы его внимание. Хотя он питал живой интерес к оформлению помещений, он не стал задерживаться ни на минуту, чтобы восхититься какой-нибудь картиной, иным предметом искусства или меблировки. Обстановка оставила его холодным.

В спальне он обнаружил признаки поспешного отъезда. Два ящика комода выдвинуты. Дверь шкафа открыта настежь. На полу валяется свитер.

При более внимательном осмотре шкафа он увидел на верхней полке две одинаковые дорожные сумки. Рядом с ними было свободное место, где вполне могли поместиться еще две сумки, поменьше размером.

Во второй спальне и ванной он не заметил никаких улик и перешел в кабинет Марти.

Деловая синеглазая девчонка.
Делает игры о хоббитах.
Смерть ждет в Мордоре.

На большом П-образном рабочем столе были сложены книги, карты выдуманных стран, эскизы персонажей и другие материалы, связанные с проектом, над которым она работала, опираясь на сюжет «Властелина Колец». Ариман потратил на изучение всех этих предметов больше времени, чем отводило благоразумие, но он не желал противиться своему глубокому интересу ко всему, что было так или иначе связано с играми.

Раздумывая над описаниями проекта компьютерной игры в хоббитов, орков и других существ, доктор осознал одну из важнейших причин, по которой хокку, связанные с Марти, получались у него лучше, чем вдохновленные, например, Сьюзен и другими женщинами. И он, и Марти разделяли один интерес — к играм. Ей нравилась власть, которую она ощущала, будучи госпожой в игре. И ему тоже. По крайней мере, эта черта ее характера перекликалась с его натурой.

Он спросил себя, не может ли быть, что со временем он обнаружит у них и другие общие увлечения и страсти. Если вдруг, после того как завершится этот пронизанный столь прискорбной неразберихой период в их отношениях — а завершение у него может быть только одно, — выяснится, что у них был шанс на более сложное и интересное совместное будущее, чем он предполагал, увлеченный исключительной красотой Сьюзен и семейным положением Марти, то в этом проявится потрясающая ирония судьбы…

Сентиментальная составляющая Аримана всегда с удовольствием откликалась на мысли о возможной влюбленности, или, по крайней мере, каком-то сердечном увлечении. Хотя доктор жил полной жизнью и обладал устоявшимися привычками, он, конечно, не стал бы возражать против некоторого усложнения романа.

И поэтому, перейдя от поверхности стола к выдвижным ящикам, он ощущал себя не столько детективом, сколько строптивым влюбленным, листающим дневник предмета обожания в поисках самых сокровенных тайн ее сердца.

Просмотрев три ящика тумбы на колесиках, он не нашел ничего интересного ни для детектива, ни для влюбленного. А вот в широком, но мелком центральном ящике, среди линеек, карандашей, резинок и всякой прочей чепухи он наткнулся на микрокассету, на которой красными печатными буквами было написано: «Сьюзен».

Ощущение, которое он испытал при виде кассеты, было сродни, пожалуй, тому чувству,

что ощущает владеющая провидческим даром цыганка, увидевшая зловещую печать рока в узорах кофейной гущи: пронизывающий холод, мгновенно превративший, как ему показалось, спинной мозг в ледяную нить.

Он принялся выдвигать оставшиеся ящики в поисках диктофона, в который можно было бы вставить микрокассету. Но у Марти такого не было.

И лишь увидев на углу стола автоответчик, он понял, что же держит в руке.

* * *

Дюралевая крыша гремела на ветру, и в этом звуке слышалось гортанное рычание живой твари, словно снаружи, в ночи, кто-то голодный ждал, пока Дасти откроет дверь трейлера.

— Если верить прогнозам погоды, то оставшаяся часть недели будет из рук вон, — сказал он, обращаясь к Пустяку. — Даже и не думай заниматься домом Соренсона. Лучше позаботься ради меня о Ските и Валете.

— И до каких пор? — спросил Пустяк.

— Я не знаю. Все будет зависеть от того, что мы там найдем. Скорее всего, мы вернемся послезавтра, в пятницу. А может быть, и в субботу.

— Мы будем развлекаться, — пообещал Пустяк.

— Будем играть в карты, — присоединился к нему Скит.

— И следить за кодированными передачами инопланетян, — добавил Пустяк. Сказать такую длинную фразу для него было все равно что произнести торжественную речь.

— Будем слушать радиоболтовню, готов спорить, — предсказал Скит.

— Эй, — окликнул его Пустяк, — хочешь взорвать здание суда?

— Стоп! — воскликнула Марти.

— Шутка, — сказал Пустяк и подмигнул совиным глазом.

— Плохая шутка, — укорила она.

Снаружи, после того как Дасти и Марти спустились по ступенькам, на них набросился ветер, и всю дорогу до автомобиля большие мертво-коричневые листья магнолии подворачивались, как крысы, им под ноги.

Позади них, из открытой двери трейлера, донеслось щемящее трогательное завывание Валета. Он скулил, будто собачье предвидение говорило ему, что он никогда больше не увидит любимых хозяев.

* * *

Окно индикатора на автоответчике говорило, что в приборе записано два сообщения. Доктор Ариман решил сначала прослушать их, а потом заняться кассетой «Сьюзен».

Первой звонила мать Марти. Она говорила взволнованно и желала выяснить, что произошло и почему ее предыдущие обращения до сих пор остаются без ответа.

Второй голос на ленте принадлежал женщине, которая представилась агентом по продаже билетов авиакомпании. «Мистер Родс, я позабыла спросить вас о сроке действия вашей кредитной карточки. Если вы получите это сообщение, то, надеюсь, вас не затруднит сообщить мне эту информацию». Ее номер был 800. «Но даже если я не получу от вас сообщения, то утром вас все равно будут ожидать два билета до Санта-Фе».

Доктор Ариман поразился тому, насколько быстро они определили, что важнее всего окажется то время, когда он проживал в Нью-Мексико. Марти и Дасти даже показались ему просто сверхъестественными противниками… до тех пор, пока он не понял, что Санта-Фе им, скорее всего, указал святой Клостерман.

Однако размеренный и устойчивый пульс доктора, который редко ускорялся более чем

на десять ударов в минуту, даже в те моменты, когда он совершал убийства, после того как Ариман услышал новости о планах путешествия семейства Родсов, забился чаще.

С тем вниманием к состоянию своего тела, которое свойственно опытным атлетам, привыкшим к непоколебимо хорошему состоянию здоровья, доктор снова уселся, сделал несколько глубоких вздохов, а затем, глядя на наручные часы, сосчитал свой пульс. Он находился в прекрасной физической форме; как правило, в сидячем положении частота его пульса равнялась шестидесяти — шестидесяти двум ударам в минуту. Но сейчас он насчитал семьдесят ударов, на целых восемь ударов чаще, чем обычно, причем рядом не было мертвой женщины, которая несла бы ответственность за сердцебиение.

* * *

Пока Дасти колесил по окрестностям аэропорта в поисках гостиницы, Марти из автомобиля наконец позвонила матери.

Сабрина была взволнована до полного умопомрачения. В течение нескольких минут она отказывалась поверить, что Марти не искалечена, что она не стала жертвой дорожного происшествия, случайной перестрелки, пожара, удара молнии, рассерженного почтового служащего или одной из тех ужасных плотоядных бактерий, о которых снова сообщали в передаче новостей.

Слушая эту напыщенную тираду, Марти исполнилась особой нежностью, которую могла вызвать одна лишь ее мать.

Сабрина любила свое единственное дитя с безумной страстью, которая к одиннадцати годам могла бы превратить Марти в безнадежную неврастеничку, если бы только девочка не обладала столь решительным стремлением к независимости. Оно начало проявляться чуть ли не с того самого дня, когда малышка впервые встала на ноги. Но в этом мире находилось место вещам, много худшим, нежели безумная любовь. Безумная ненависть. О, ее немыслимо много. И бесконечное количество простого безумия.

Улыбчивого Боба Сабрина любила ничуть не меньше, чем дочь. И после того как потеряла его — а он прожил всего-навсего пятьдесят три года, — пыталась еще сильнее, чем прежде, опекать Марти. Вероятность того, что и ее муж, и ее дочь умрут молодыми, была, пожалуй, настолько же мала, насколько и вероятность гибельного для Земли столкновения с астероидом в тот самый момент, когда она наливает себе утренний чай. Но цифры холодной статистики и доводы страховых компаний ни в коей мере не успокаивали ее израненное встревоженное сердце.

Поэтому Марти не собирался говорить матери ни слова об управлении сознанием, хокку, Человеке-из-Листьев, священнике с вбитым в лоб железнодорожным костылем, отрезанных ушах или поездке в Санта-Фе. Ошарашенная этими сверхъестественными новостями, Сабрина сорвалась бы в продолжительную истерику.

Она не собиралась говорить матери и о смерти Сьюзен Джэггер. Трудно было сказать, что ее сильнее сдерживало: то ли, что она не была уверена, что, сообщая о потере подруги, сама не сорвется в припадок, то ли то, что Сабрина любила Сьюзен, почти так же как и дочь. Эту новость следовало сообщать не по телефону, а держа мать за руку, давая ей эмоциональную поддержку и получая поддержку от нее.

Чтобы оправдаться в том, что звонки матери остались без своевременного ответа, Марти в подробностях рассказала о попытке самоубийства Скита и его добровольном отъезде в клинику «Новая жизнь». Конечно, все эти события произошли предыдущим утром, во вторник, и ни в коей мере не могли служить оправданием поведения Марти в среду. Поэтому ей пришлось несколько отклониться от истины. Из ее рассказа можно было сделать вывод, что Скит шагнул в воздух с крыши Соренсона в один день, а попал в клинику только на следующий, а это означало два дня, полных суматохи.

Реакция Сабрины лишь частично совпала с ожиданиями Марти и оказалась на

удивление эмоциональной. Она не слишком хорошо знала Скита и никогда не выказывала желание познакомиться с ним поближе. С точки зрения матери Марти, несчастный Скит был опасен не менее, чем любой из вооруженных автоматами членов Медельинского картеля поставщиков наркотиков Колумбии, зловещей личностью, стремившейся хватать детей в школьных дворах и насильно вводить героин им в вены. Тем не менее, слушая рассказ, она рыдала, сморкалась, взволнованно расспрашивала о том, насколько тяжелые травмы он получил, что говорят врачи о его перспективах, и снова рыдала, и снова сморкалась.

— Именно этого я и боялась, — сказала наконец Сабрина. — Именно это меня все время грызет. Я знала, что это приближается, что это должно произойти, и теперь оно случилось, а на следующий раз все это окончится вовсе не так благополучно.

В следующий раз Дасти свалится с крыши, сломает шею и останется парализованным на всю жизнь или умрет. А дальше что? Я просила тебя не выходить замуж за маляра, найти человека с большими жизненными устремлениями, у которого будет хороший кабинет, который будет сидеть за столом, а не будет все время падать с крыш, у которого даже не будет *возможности* упасть с крыши.

— Мама…

— Всю жизнь с твоим отцом я прожила, испытывая этот страх. Твой отец и огонь… Всегда огонь, горящие здания, всякие взрывающиеся штуки, потолки, которые могут завалить его. *Все время* , пока я была замужем за ним, я боялась, когда он собирался на работу, впадала в панику при звуке пожарной сирены, не могла смотреть «Новости» по телевизору, потому что всякий раз, когда там показывали сенсационные кадры большого пожара, я думала, что он может оказаться там. И он снова и снова получал травмы. И наверно, его рак связан с тем, что ему приходилось так много дышать дымом на пожарах. Во время сильных пожаров воздух полон *токсинов* . А теперь и у тебя появился муж, который все время лазит по крышам, как мой все время лез в огонь. Крыши, лестницы, постоянные падения… И ты никогда не будешь знать покоя.

Выслушав этот взволнованный, вырвавшийся из самой глубины души монолог, Марти лишилась дара речи.

На другом конце линии Сабрина рыдала в трубку.

Очевидно, ощутив, что в отношениях дочери с матерью наступил момент необычайной важности, и предполагая, что этот момент может повлечь какие-то негативные последствия для него, Дасти оторвал взгляд от дороги и прошептал:

— Ну, что там еще?

Наконец Марти нашла в себе силы заговорить:

— Мама, ты же никогда ни слова об этом не говорила. Ты…

— Жена пожарного не говорит об этом, не ворчит на мужа из-за этого, не проявляет своего волнения вслух, — ответила Сабрина. — Никогда, никогда в жизни, помилуй бог, потому что, если заговорить об этом, то это *случится* . Жена пожарного должна быть сильной, должна быть уверенной во всем хорошем, должна оказывать ему поддержку, глотать свои страхи и улыбаться. Но этот страх всегда находится в ее душе, а теперь еще ты вышла замуж за человека, который все время ползает по лестницам, бегает по крышам и падает с них, когда могла найти кого-нибудь, кто работал бы за столом и не мог упасть ни с чего выше стула.

— Мама, дело в том, что я люблю его.

— Я знаю об этом, моя дорогая, — ее мать опять зарыдала. — Это просто ужасно.

— Так ты *поэтому* все время лезла в мои отношения с Дасти?

— Я не лезла в твои отношения, дорогая. Я была в твоей шкуре.

— А мне казалось, что это мои… Мама, послушай, нельзя ли из всего этого сделать вывод, что ты можешь относиться к Дасти *немного* получше?

Дасти был так поражен, услышав этот вопрос, что его руки, державшие баранку, непроизвольно дернулись, и «Сатурн» чуть не вывалился из своего ряда.

— Он хороший мальчик, — ответила Сабрина, как будто Марти все еще была юной

девушкой и речь шла о ее приятеле-подростке. — Он очень приятный, и умный, и вежливый, и я понимаю, за что ты его любишь. Но однажды он упадет с крыши и убьется, а это разрушит всю твою жизнь. Ты никогда не сможешь справиться с этим. Твое сердце умрет вместе с ним.

— А почему же ты не сказала всего этого давным-давно, а только исподтишка ругала все, что он делал?

— Я не ругала исподтишка, моя дорогая. Я пыталась выразить свое беспокойство. Я не могла *говорить* о том, что он упадет с крыши, не могла говорить об этом прямо. Никогда, помилуй бог, ведь стоит об этом заговорить, как это случается. А теперь мы говорим об этом! И теперь он упадет с крыши, и это случится по моей вине!

— Мама, ну это же невероятно. Этого не может случиться.

— Это *уже* случилось, — отрезала Сабрина. — А теперь случится еще раз. Пожарные и огонь. Маляры и крыши.

Держа телефон между собой и Дасти, так, чтобы мать могла слышать обоих, Марти обратилась к мужу:

— Сколько у тебя знакомых маляров? Тех, кто работает на тебя, и других профессионалов в городе?

— Человек пятьдесят. А может быть, шестьдесят. Я точно не знаю. Но, пожалуй, не меньше.

— И сколько из них падало с крыш?

— Не считая меня и Скита?

— Не считая тебя и Скита.

— Из тех, кого я знаю, — один. Он сломал ногу.

Снова приложив телефон к уху, Марти сказала:

— Ты слышала, мама? Один. Сломал ногу.

— Один из тех, *с кем он знаком* , — ответила Сабрина. — Один, а он будет следующим.

— Он уже падал с крыши. Вероятность того, что какой-нибудь маляр свалится с крыши два раза в жизни, должна быть не больше, чем одна миллионная.

— Его первое падение не считается, — возразила Сабрина. — Он старался спасти своего брата. Это не был несчастный случай. А несчастный случай все еще ожидает своего момента.

— Мама, я тебя очень-очень люблю, но ты немного сумасшедшая.

— Я знаю, дорогая. Все эти годы переживаний… И ты тоже когда-нибудь станешь немного сумасшедшей.

— Мама, мы будем сильно заняты в ближайшие два-три дня, и поэтому, пожалуйста, не давай своей желчи слишком разливаться, если я не сразу отвечу на один из твоих звонков, ладно? Мы не собираемся падать ни с какой крыши.

— Дай мне поговорить с Дасти.

Марти дала телефон мужу.

Он настороженно взглянул на нее, но взял.

— Привет, Сабрина. Да. Хорошо, вы же знаете. О-хо-хо. Конечно. Нет, я не буду. Нет, не буду. Нет, я обещаю, что не буду. Это правда, так ведь? А? О нет, я никогда не принимал этого всерьез. Не рвите на себе волосы. Ну, да, я тоже люблю вас, Сабрина. А? Конечно. Мама. Я тоже люблю тебя, мама.

Он отдал телефон Марти, и она нажала кнопку выключения. Некоторое время они молчали. Потом Марти сказала:

— Кто бы мог подумать — посреди всего этого дерьма воссоединение матери и ребенка.

Удивительно, что надежда, словно цветок в пустыне, поднимает свою прекрасную головку в те минуты, когда этого труднее всего ожидать.

— Ты солгала ей, малышка, — сказал Дасти.

Она знала, что он не имел в виду ни созданного ею варианта происшествия со Скитом и

его госпитализации, ни того, что она умолчала о трагедии Сьюзен и вообще о том бедственном положении, в котором они оказались.

— Да, я сказала ей, что мы не собираемся падать ни с каких крыш, — кивнула она, — но, черт возьми, каждый из нас рано или поздно упадет с крыши.

— Если, конечно, мы не собираемся оказаться первыми, кто будет жить вечно.

— Если соберемся, то нам нужно будет поскорее начать серьезно относиться к своему пенсионному фонду.

Марти ужасно боялась потерять его. Как и мать, она не могла заставить себя облечь этот страх в слова, чтобы то, чего она боится, не стало реальностью.

Нью-Мексико — это штат, где Великие равнины встречаются с крышей американского юго-запада, Скалистыми горами, а Санта-Фе — это город, построенный на большой высоте — почти полторы мили над уровнем моря. Есть куда упасть.

* * *

На микрокассете автоответчика, подписанной «Сьюзен», важным было только одно из пяти имевшихся сообщений, зато, прослушав его, доктор почувствовал, что его сердце опять забилось чаще. Он обнаружил еще один из лишних козырей.

Прослушав два сообщения от матери Марти, которые следовали за бомбой, подложенной Сьюзен, он стер запись.

Потом он вынул кассету из аппарата, бросил ее на пол и топтал ногами до тех пор, пока пластмассовый кожух не разлетелся на мелкие кусочки.

Из кучки обломков он извлек узкую магнитную ленту и две крошечные катушки, на которые она была намотана. Лента даже не заполнила его ладонь: такой крошечной была эта штучка, содержавшая в себе огромную опасность.

Внизу, в гостиной, Ариман открыл заслонку газового камина и положил ленту и пластмассовые катушки на одно из декоративных керамических поленьев. Из кармана пиджака он извлек небольшую элегантную зажигалку.

Он носил с собой зажигалку с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать лет. Сначала ту, что украл у отца, а потом эту, гораздо лучше. Доктор не курил, но учитывал, что в любой момент может возникнуть необходимость что-нибудь сжечь.

Когда ему было тринадцать лет, уже на первом году его обучения в колледже, он сжег свою мать. Если бы у него в кармане в нужный момент не оказалось зажигалки, то его жизнь в тот мрачный день, тридцать пять лет назад, могла бы сильно измениться к худшему.

Хотя его мать, *как предполагалось* , отправилась кататься на лыжах — дело происходило в их загородном доме в Вэйле во время рождественских каникул, — она вломилась к нему как раз в то время, когда он собирался заживо препарировать кошку. Он только что анестезировал ее при помощи хлороформа, выгнанного из чистящего средства для домохозяек, привязал ее лапы к пластмассовой дощечке, которую использовал вместо операционного стола, плотно обмотал клейкой лентой рот, чтобы приглушить крики, если она очнется раньше времени, и приготовил набор хирургических инструментов, которые приобрел у компании, со скидкой поставлявшей медицинское оборудование начинающим студентам университета. И вдруг… Привет, мама. Он часто не видел ее целыми месяцами, когда она была на выездных съемках или отправлялась в одно из бескровных сафари, которые ей так нравились, но теперь внезапно почувствовала себя виноватой в том, что оставила сына одного, отправившись на лыжную прогулку со своими приятельницами. Она решила, что им следует провести день, занимаясь какими-то дурацкими занятиями, которые помогут им с сыном стать ближе друг к другу. Не могла выбрать другого времени.

Он увидел, что его мать сразу поняла, что случилось со щенком его кузена Хитера в День благодарения, и, возможно, интуитивно угадала правду об исчезновении четырехлетнего сына управляющего их поместьем, происшедшем в минувшем году. Его мать

была типичной самовлюбленной актрисой тридцати с чем-то лет, которая заказывала рамки для журнальных обложек и украшала ими свою спальню, но дурой она не была.

Юный Ариман соображал, как всегда, быстро. Он вырвал пробку из бутылки хлороформа и плеснул содержимым в ее фотогеничное лицо. Это дало ему время освободить кошку, убрать свой операционный стол и хирургический комплект, выключить электрический поджиг газовой плиты, открыть газ, поджечь одежду своей все еще лежавшей без сознания матери, схватить кошку и выбежать вон.

Взрыв сотряс Вэйл и разнесся громоподобным эхом по покрытым снегом горам, вызвав несколько лавин, которые, правда, оказались слишком незначительными для того, чтобы развлечь зевак. Щедро отделанное красным деревом десятикомнатное шале пылало, как куча сухой стружки.

Когда пожарные нашли юного Аримана, тот сидел в снегу в сотне футов от костра, прижимая к груди кошку, которую спас от взрыва. Мальчик был настолько потрясен, что сначала не мог не только говорить, но даже плакать.

— Я спас кошку, — наконец сказал он пожарным дрожащим голосом, который часто слышался им много лет спустя, — но я не смог спасти мою маму. Я не смог спасти мою маму.

Позже они идентифицировали тело его матери по записям зубного врача. Крохотная кучка заблаговременно кремированных останков не заняла даже половины мемориальной урны. (Он знал; он видел.) Ее похороны почтили своим присутствием все короли и королевы Голливуда, а наверху кружил шумный почетный караул, всегда присутствующий на похоронах знаменитостей, — вертолеты прессы.

Он не стал смотреть последних фильмов, в которых его мать играла центральные роли, поскольку она очень тщательно подходила к выбору сценариев, и картины с ее участием, как правило, были хорошими. Но он не тосковал по матери, так как знал, что она не стала бы слишком тосковать по нему, доведись им поменяться участями. Она любила животных и всегда оказывалась среди лидеров всех акций, проводимых в их защиту; дети просто не находили в ее душе такого же глубокого отклика, как четвероногие. На большом экране она могла перевернуть человеку душу, погрузить его в отчаяние или наполнить радостью, но этот талант не распространялся на реальную жизнь.

Два ужасных пожара, разделенных пятнадцатью годами, сделали доктора сиротой (если, конечно, не знать об отравленных пирожных). Первый, трагический инцидент, за который пришлось дорого заплатить изготовителю газового оборудования, и второй, устроенный вечно пьяным, свихнувшимся от пьянства убийцей, разнорабочим Эрлом Вентнором, который наконец-то умер в тюрьме два года назад, жестоко избитый своим соседом по камере.

Теперь, когда Ариман большим пальцем чиркнул колесиком на старомодной, снабженной кремнем зажигалке и лента из кассеты автоответчика загорелась, он задумался о том, насколько большую роль играл огонь в его собственной жизни и в жизни Марти. Ведь ее отец был самым прославленным пожарником за всю историю штата. Это тоже было у них общим.

Грустно. Исходя из последних событий, он вряд ли мог позволить их отношениям развиваться. А ведь он так рассчитывал на то, что он и эта прекрасная, любящая играть женщина могли бы в один прекрасный день сделать друг для друга нечто особенное.

Если бы он мог отыскать ее и ее мужа, то ему удалось бы активизировать их. Он отвел бы каждого из них в часовню сознания и выяснил, что еще они узнали о нем, кому могли разболтать то, что узнали. И, очень вероятно, удалось бы исправить причиненный ими вред, возобновить игру и довести ее до конца.

У него был номер их сотового телефона, но они знали, что он ему известен, и вряд ли бы стали в своем нынешнем параноидальном настроении отвечать на звонки. А он мог активизировать по телефону только одного за раз, таким образом тот, кто рядом, немедленно должен насторожиться. Слишком опасно.

Проблема заключалась в том, чтобы найти их. Они бежали, встревоженные и

настороженные, и будут отсиживаться в укрытии до тех пор, пока утром не настанет время садиться в самолет, вылетающий в Нью-Мексико.

О том, чтобы подойти к ним в аэропорту, в посадочных воротах, не могло быть и речи. Даже если бы им и не удалось бежать, он не мог активизировать, опрашивать и инструктировать их на виду у публики.

Ну, а когда они окажутся в Нью-Мексико… Пожалуй, лучше всего будет, если они там останутся навсегда. Мертвыми.

Когда магнитная лента загорелась, испуская едкое химическое зловоние, доктор включил газ в камине. Свист, яркое пламя, и спустя две минуты от ленты не осталось ничего, кроме липкого потека на декоративном керамическом полене.

Доктор был в дурном настроении, и печаль не была главной составляющей этого настроения.

Игра потеряла всю свою прелесть. Он приложил к ней так много усилий, так тщательно разрабатывал стратегию, и вот теперь она скорее всего закончится вдали от побережья Малибу, которое он выбрал для ее финала.

Ему захотелось сжечь этот дом дотла.

И не злость была его главным побуждением к этому, и не отвращение к обстановке жилища. Дело в том, что для того, чтобы убедиться, что микрокассета с обвинениями Сьюзен была единственным свидетельством против него, которым располагали Марти и Дасти, ему пришлось бы потратить чуть ли не целый день и дюйм за дюймом обыскать дом. У него не было лишнего дня, и поэтому полностью сжечь дом было вернейшим способом защитить себя.

Пусть сообщения Сьюзен, записанного на ленте, было недостаточно для того, чтобы обличить его, даже предъявить ему обвинение. Но он, однако, относился к числу тех людей, которые никогда не идут на сделки с богом случайности.

Поджигать дом собственноручно было слишком опасно. Не исключено, что будет установлен поджог, а тогда может оказаться, что кто-то заметил, как он выходил из этого дома, и его опознают. Он выключил газовый камин.

Уходя из дома, он гасил свет в каждой комнате. У двери черного хода он сунул свой ключ под коврик. Следующему визитеру будет дано указание, где его искать.

Еще до утра он подожжет дом, но сделает это не собственными руками, а при помощи своего орудия. У него был запрограммированный кандидат, с которым легко связаться по телефону, который совершит этот поджог в то время, которое будет ему указано, но так и не вспомнит, как чиркнул спичкой.

Ветер все так же гремел в ночи.

Доктор предусмотрительно оставил свой автомобиль в трех кварталах. Направляясь к нему пешком, он попытался сложить хокку о ветре, но не добился успеха.

Проезжая мимо причудливого викторианского особнячка Родсов, он представил его охваченным огнем и снова попробовал воплотить свое представление в семнадцатисложном стихе, но слова ускользали от него.

Вместо этого он вспомнил строчки, которые спонтанно и так легко сложились в его сознании, когда, войдя в кабинет Марти, он увидел рабочие материалы, сложенные на ее столе.

Деловая синеглазая девчонка.
Делает игры о хоббитах.
Смерть ждет в Мордоре.

Он внес поправки в текст, желая отразить последние события:

Деловая синеглазая девчонка.
Играет в детектива.

ГЛАВА 63

Хотя гостиничный номер был куда больше размером, чем камера в Сен-Квентине, и его многоцветная, даже чрезмерно вычурная раскраска ничуть не напоминала серые тюремные стены, тем не менее он вызывал какие-то весьма настойчивые ассоциации с тюрьмой. Вид ванны напомнил Марти о Сьюзен, сидевшей в темно-красной воде, несмотря на то что она так и не увидела свою подругу мертвой. Окна никогда не открывались, и воздух, накачиваемый в номер кондиционером, вызывал удушье, хотя термостат был установлен на очень слабый нагрев — уровень минимального комфорта. Марти чувствовала себя изолированной от всех и вся, преследуемой, почти загнанной в угол. Аутофобия, которая, начиная с девяти часов, почти не давала о себе знать, казалось, намеревалась вновь проявиться в виде мощного приступа боязни замкнутого пространства.

Нужно действовать. Действия, опирающиеся на разум, знания и моральную оценку, приносят разрешение большинству проблем. Так было написано на первой странице философии Улыбчивого Боба.

Они тоже действовали, хотя только время могло показать, обладали ли они достаточными знаниями и разумом, на которые могли бы опираться.

Прежде всего они внимательно просмотрели полученное от Роя Клостермана досье на Марка Аримана, обращая особое внимание на информацию, связанную с убийствами в семействе Пасторе и трагически-скандальным происшествием с дошкольниками в Нью-Мексико. В ксерокопиях газетных статей они нашли имена и составили список тех, кто претерпел страдания и в чьих страданиях можно было бы найти как улики преступления, так и их подтверждение.

Покончив с досье, Дасти при помощи имени «Раймонд Шоу» и хокку о листве ввел Марти в транс и привел ее в часовню сознания, но до того он произнес торжественное обещание, что оставит ее душу неизменной, а все ее недостатки — неприкосновенными. Марти эта клятва показалась очень забавной и трогательной.

Как и несколько часов назад, обращаясь к Скиту, он дал ей тщательно сформулированные инструкции. Она должна была забыть все, что когда-либо ей говорил Раймонд Шоу, забыть все связанные с насильственной смертью образы, которые Шоу внедрил в ее мысли, полностью освободиться от программы управления сознанием, которую заложил в нее Шоу, и также полностью освободиться от аутофобии. На сознательном уровне она не слышала ни слова из того, что он ей говорил, и потом не могла вспомнить, что происходило с нею после того, как он произнес активирующее имя и…

…Щелчок пальцев, и она проснулась, ощущая себя свободной и чистой, какой не чувствовала себя почти два дня. Надежда, ее старый друг, снова вернулась на свое место в душе. А проверка показала, что Раймонд Шоу больше не имеет над нею власти.

После этого Марти так же освободила Дасти, произнеся вслух имя «Виола Нарвилли» и прочитав хокку про цаплю. И вслед за щелчком пальцев он возвратился к ней.

После того как его прекрасные глаза очистились от транса, она поняла ужасающую тяжесть той ответственности, которую он взял на себя, активизировав программу Скита и давая ему инструкции. Какой благоговейный ужас испытывала она, когда ее муж оказался перед нею абсолютно беззащитным, когда самые потаенные глубины его сознания оказались в ее власти, доступные любой переделке. И насколько страшным и унизительным было понимание, что она раскрыла ему самые сокровенные глубины своего «я», оставалась абсолютно нагой и беспомощной, не имея никакой защиты, кроме полнейшего доверия.

После того как они убедились, что Дасти теперь тоже невозможно мгновенно взять под контроль, он воскликнул:

— Свобода!

— А будет еще лучше, — сказала она, — если, начиная с сегодняшнего дня, когда я буду просить тебя вынести мусор, ты будешь сразу же бросаться к ведру.

Дасти расхохотался, пожалуй, слишком заливисто для этой немудреной шутки.

В качестве декларации независимости Марти выбросила свой валиум в унитаз.

* * *

Некоторое время тому назад, покидая дом в хорошем расположении духа, доктор выбрал вишнево-красный «Феррари-Тестаросса» — низко сидевший над землей, быстрый, как ящерица, который, правда, оказался слишком роскошным для того, чтобы соответствовать его нынешнему настроению. И «Мерседес» тоже сейчас не годился для него: он был слишком величественным и благообразным для человека, пребывающего в самоубийственно дурном расположении духа, ощущающего себя оскорбленным и вывалянным в грязи. В его коллекции автомобилей был экземпляр, который, пожалуй, лучше всего подошел бы сейчас: черный «Бьюик-Ривера» 1963 года выпуска. У него был угловатый верх, ребристая решетка радиатора с овальными выпуклыми воздухозаборниками, составной задний бампер и множество других экзотических деталей. Все это делало «Бьюик» похожим на одну из тех демонически могучих и несокрушимых машин, на которых герои кинобоевиков отправлялись на смертельно опасные для себя и других задания.

Он зашел в круглосуточный магазинчик, чтобы сделать звонок, так как не хотел пользоваться ни своим сотовым, ни домашним телефонами.

Мир героического нового тысячелетия представлял собой одну гигантскую исповедальню, в которой за сокрытыми от посторонних глаз дисплеями сидели священники мирской церкви, внимательно прислушивающиеся к каждому разговору. Доктор ежемесячно проверял свой дом, свои офисы и автомобили, выискивая подслушивающие устройства. Он проделывал эту работу собственноручно, используя оборудование, купленное за наличные деньги, так как не доверял ни одной из фирм, занимающихся личной охраной, которые предлагали подобные услуги. Однако телефон был доступен для дистанционного прослушивания, поэтому все звонки, в которых можно было найти преступное содержание, следовало всегда делать с телефонных номеров, не имевших отношения к его имени.

Телефон-автомат находился на улице, неподалеку от входа в магазин. Если даже за доктором кто-то следил, то завывания ветра не давали возможности подслушать его слова при помощи направленного микрофона. Но он был уверен, что «хвоста» за ним не было. Если этот телефон был известен властям как орудие торговцев наркотиками, то он мог быть подключен к магнитофону, производившему запись каждого разговора. В этом случае при помощи компьютерной идентификации голоса можно было в конечном счете использовать запись для того, чтобы выдвинуть против Аримана обвинение. Но этот риск был хотя и неизбежным, но очень незначительным.

Занимавшие высокие посты друзья доктора могли почти полностью гарантировать ему безопасность в случае возбуждения судебного преследования за какое бы то ни было преступление, но он тем не менее соблюдал осторожность. Ведь, помимо всего прочего, существовала возможность, что следить за ним будут именно *друзья* . Это заставляло его ежемесячно проводить поиск незнакомых ему электронных устройств, и он гораздо больше заботился о том, чтобы скрыть свои частные игры от этих друзей, чем от полиции. Сам доктор без колебаний продал бы любого друга, если бы это оказалось для него достаточно выгодным, и предполагал, что любой из друзей готов поступить так же с ним самим.

Он набрал номер, накормил автомат монетами, прикрыл ладонью микрофон, чтобы ветер не заглушал его голос. Ему ответили после третьего гудка.

— Эд Мэйвол, — сказал он. Это было имя одного из персонажей «Маньчжурского кандидата».

— Я слушаю.

Они исполнили ритуал активизации запрограммированного человека при помощи хокку, после чего доктор приказал:

— Скажи мне, ты действительно находишься в одиночестве?

— Я нахожусь в одиночестве.

— Я хочу, чтобы ты отправился в дом Дасти и Марти в Корону-дель-Мар… — Он поглядел на наручные часы. Почти полночь. — Я хочу, чтобы ты отправился в их дом в три часа утра, через три с небольшим часа с этого времени. Скажи мне, ты меня понимаешь?

— Я понимаю.

— Ты возьмешь с собой пять литров бензина и коробку спичек.

— Да.

— Пожалуйста, будь внимателен. Прими все меры предосторожности для того, чтобы тебя не заметили.

— Да.

— Ты войдешь через черный ход. Под половой тряпкой лежит ключ, который я оставил для тебя.

— Благодарю вас.

— Рад быть полезным.

Уверенный в том, что его объект не обладает достаточными техническими знаниями для того, чтобы совершить полностью успешный поджог, доктор, желавший, чтобы дом оказался полностью уничтожен, повернулся спиной к ветру и посвятил добрых пять минут объяснению того, как лучше использовать вдобавок к бензину огнеопасные жидкости и горючие материалы, которые наверняка окажутся в помещении. Затем он просветил своего безропотного слушателя по поводу четырех архитектурных деталей, будто нарочно предназначенных для облегчения работы поджигателя.

* * *

Несмотря на опаснейшее положение, в котором они оказались, а может быть, именно благодаря ему, несмотря на свою грусть, а может быть, именно из-за нее, Марти и Дасти занимались любовью. Их неторопливое, легкое слияние друг с другом было, пожалуй, не столько сексуальной близостью, сколько утверждением: утверждением жизни, их взаимной любви, их веры в будущее.

В эти блаженные минуты их не тревожили никакие страхи, ни демоны собственного сознания, ни демоны окружающего мира, и гостиничный номер не казался ни маленьким, ни душным, как прежде. Пока жил этот нежный ритм, не существовало никакой неясности в границе между реальностью и вымыслом, потому что вся реальность воплотилась в их телах и той нежности, которыми они оба были исполнены.

* * *

Дома, в своем отделанном панелями из сикоморового дерева кабинете, доктор сел на эргономичное кресло, покрытое кожей страуса, коснулся одной из многочисленных кнопок на крышке трансформируемого письменного стола и несколько секунд наблюдал за тем, как из его недр вырастает компьютер. Подъемный механизм чуть слышно мурлыкал.

Он составил сообщение, в котором предупредил о планах путешествия Мартины и Дастина Родс, детально описал их внешность, и попросил держать их под наблюдением с того момента, как они выйдут из самолета в Нью-Мексико. Если их расследование окажется явно бесплодным, то им можно будет позволить возвратиться в Калифорнию. Ну, а в том случае, если станет ясно, что им удалось добыть хоть какую-то информацию,

представляющую угрозу для доктора, то будет лучше, если они будут убиты прямо там, в Краю очарования, как аборигены называли свою землю. Это избавит его от хлопот по их устранению, неизбежных в том случае, если им удастся вернуться сюда, в Золотой штат. Если окажется необходимо завершить операцию в Нью-Мексико, то супругов сначала следует убедить раскрыть местонахождение брата мистера Родса, Скита Колфилда.

Перечитывая свою депешу, чтобы удостовериться, что все в ней изложено достаточно ясно, Ариман не испытывал большого оптимизма на предмет еще одной встречи с живыми Дасти или Марти. Хотя какая-то надежда на это у него оставалась. К настоящему времени они проявили поразительную находчивость, но все же следовало считать, что у ловкости простого маляра и девчонки — разработчицы компьютерных игр должен быть предел.

Если окажется, что им не хватит таланта для игры в детективов, то, возможно, когда они возвратятся в Калифорнию, Ариман сможет организовать встречу с ними. Тогда он сможет активизировать их, допросить и выяснить, что им известно о его истинной природе. Потом он реабилитирует их, удалив все воспоминания, которые могут или помешать им далее повиноваться ему, или уменьшить запрограммированное восхищение Ариманом. Если это удастся сделать, то игра будет спасена.

Он мог попросить оперативников в Нью-Мексико задержать пару и по одному подвести их к телефону, что позволило бы ему активизировать их, допросить, а потом и реабилитировать прямо на месте. К сожалению, при таком плане действий его друзья оказались бы посвящены в его собственную игру, а ему совершенно не хотелось, чтобы им было что-то известно о его стратегиях, побуждениях и личных удовольствиях.

В настоящее время между ним и его коллегами-кукольниками в Нью-Мексико сложились идеальные взаимовыгодные отношения. Двадцать лет назад доктор Ариман подобрал эффективную комбинацию наркотиков, которые создавали у человека подходящее для программирования состояние, и с тех пор непрерывно совершенствовал ее. К тому же он написал руководство по методам программирования, от которого никто другой и по сей день не мог отклониться ни на йоту. Горстка людей — в том числе и две женщины — могла осуществлять эти чудеса управления сознанием, но доктор не имел себе равных в этом сообществе. Он был кукольником кукольников, и когда им приходилось делать особенно трудную или тонкую работу, то они приходили к нему. Он никогда не отказывал им, никогда не упрекал их, но всегда получал компенсацию всех путевых расходов, щедрое ежедневное содержание с учетом всевозможных гастрономических изысков, а кроме того, на каждое Рождество — небольшие, но хорошо продуманные подарки (водительские перчатки из овечьей кожи, лазуритовые запонки или, скажем, галстук, вручную раскрашенный невероятно одаренными детьми из таинственного тибетского приюта для глухих).

Три-четыре раза в год он прилетал по их просьбам в Олбени, Литтл-Рок, Хайалия, Дез-Мойнс, Фоллз-Черч или куда-нибудь еще. Чаще в те места, где прежде не бывал и куда в ином случае так и не попал бы. Он одевался так, чтобы не привлекать внимания местных жителей, путешествовал под вымышленными именами, такими, например, как Джим Шайтан, Билл Саммаэль или Джек Аполлион[1]. Там он проводил вместе со своими учениками сеансы программирования — обычно на одном или двух объектах. Это занимало от трех до пяти дней, а потом он улетал домой, на благоуханные берега Тихого океана. В знак благодарности и признания его уникального статуса Ариман был признан единственным членом профессионального содружества, которому те, кто надзирал за ним, дозволяли применять свои навыки для своих личных целей.

Один из психологов, участвовавших в проекте, — молодой, с козлиной бородкой, американский немец по фамилии Фуггер, — попытался сам воспользоваться этой привилегией, но был пойман за руку. Его участь послужила наглядным примером для других психологов-программистов: собрав их всех, Фуггера у них на глазах изрубили на части, а части побросали в яму, полную голодных крокодилов.

---

1 Саммаэль, Аполлион — имена злых духов, сподвижников сатаны. Ариман — греческое наименование Анхра-Манью, главы сил зла, тьмы и смерти из древнеиранской мифологии.

Поскольку доктору Ариману разрешались частные акции, он не получил приглашения и узнал об этом дисциплинарном взыскании post factum. Хотя жизнь, которую он вел, оставляла совсем немного места для сожалений, ему все же было очень жаль, что он не смог принять участия в прощальной вечеринке Фуггера.

Теперь, сидя за покрытым полированным ониксом столом в облицованном драгоценным деревом кабинете, доктор добавил несколько строк к своему посланию. Он сообщал, что актер полностью запрограммирован, как того требовалось, и что вскоре тема президентского носа надолго, по крайней мере на неделю, займет ведущее место во всех средствах массовой информации и будет освещаться экспертами всех областей знания, в том числе и ведущими специалистами по носам.

Группа излишне дотошных следователей, натравленная Белым домом на нескольких чрезмерно, по мнению некоторых, хитрых бюрократов из департамента торговли, вне всякого сомнения, будет стреножена не более чем через двадцать четыре часа после того, как хобот главы исполнительной власти займет подобающее место на его лице, и правительство сможет вернуться к нормальной работе.

Никогда не забывавший о правилах хорошего тона доктор добавил несколько персональных примечаний: поздравление с днем рождения одному из программистов, вопрос о здоровье старшего сына директора проекта, который подцепил особенно вредную разновидность гриппа, и сердечные поздравления Керли, чья подружка приняла наконец его предложение руки и сердца.

Он отправил депешу по электронной почте в институт, находившийся в Санта-Фе, использовав сверхзащищенную программу шифрования, недоступную широкой публике — она была разработана исключительно для содружества психологов-программистов и ближайшего круга их обслуживающего персонала.

Какой день.

Такие взлеты, такие падения.

Чтобы поднять настроение и вознаградить себя за сохранение спокойствия и сосредоточенности пред лицом бедственной ситуации, доктор отправился в кухню и соорудил большую порцию вишневого мороженого с газированной водой. Он также угостился печеньем «Милано», изготовленным фирмой «Пеперидж фарм», которое относилось к числу самых любимых его матерью сортов.

* * *

Ветер в небе завывал, как банши[1]. Сирены несущихся по улицам автомобилей напоминали злобные вопли гоблинов. Деревья гнулись и жалобно стонали; растопыренные ладони пальм пытались удержать огненные шарфы искр, которые ветер срывал с локонов индейских лавров. То ли это был январский Хэллоуин, то ли просто любой день из повседневности ада. Вот разом лопнули стекла в окнах второго этажа, и осколки, сверкая мириадами отражений пожара, со звоном, наводящим на мысль о диссонансных аккордах фортепьяно в симфонии разрушения, посыпались на крышу парадного подъезда.

Пожарные, спасательные и санитарные автомобили полностью перегородили узкую улицу, свет сигнальных фонарей и прожекторов на крышах машин метался и мигал, из многочисленных раций доносились хриплые голоса диспетчеров. Шланги выводком питонов разлеглись на мокром тротуаре, как будто их околдовали ритмические всхлипывания насосов.

К моменту прибытия первой пожарной машины жилище Родсов уже было полностью охвачено огнем, и, поскольку дома в этом районе располагались очень близко один к другому, пожарные прежде всего принялись поливать крыши соседних зданий и росшие поблизости деревья, чтобы не дать огню возможности перекинуться дальше. Когда эта опасность была

1 Сверхъестественное существо из ирландской мифологии в облике красивой женщины, издающее ужасные вопли; появление банши предвещает смерть увидевшему ее.

предотвращена, брандспойты, подключенные к самому мощному насосу, повернули в сторону викторианского особнячка.

Дом, украшенный декоративной мельницей, сиял в огненном венце, но под языками пламени красочная роспись в сан-францисском стиле уже обгорела и сменилась сажей и головешками. Стена фасада накренилась, разрушив последнее окно. Главная крыша просела. Крыша подъезда обвалилась. Уже жерла всех брандспойтов были направлены на горящий дом, но огонь, казалось, с удовольствием поглощал воду, всасывал ее, нисколько не ослабевая.

Когда большой кусок главной крыши обрушился в пылающие внутренности дома, в группе соседей, собравшихся на другой стороне улицы, раздался дружный крик тревоги. Над погибающим жилищем внезапно взвилась туча темного дыма и, подхваченная ветром, унеслась на запад, словно табун призрачных лошадей из ночного кошмара.

* * *

Марти несли через бушующий огонь, и напряженные руки, державшие ее, принадлежали ее отцу, Улыбчивому Бобу Вудхаусу. Он был одет в свой рабочий наряд: каска с номером расчета и личным номером, роба с нашитыми светоотражающими полосами, несгораемые перчатки. Он целеустремленно нес ее в безопасное место, и его тяжелые ботинки попирали тлеющие обломки.

«Но, папа, ты же умер», — удивилась Марти, а Улыбчивый Боб ответил: «Ну, можно сказать, что умер, а можно сказать, что нет. Но разве то, что я умер, значит, что я не могу прийти тебе на помощь?»

Огонь окружал их, временами сверкающий и прозрачный, а временами, казалось, твердый, как камень, словно это было не просто уничтожаемое огнем место, а место, построенное из огня, Парфенон бога огня с тяжелыми колоннами, перемычками, аркадами, созданными из огня, мозаичными полами из запутанных огненных узоров, огненными сводчатыми потолками, нескончаемыми анфиладами комнат из вечного пламени; через них они проходили в поисках выхода, которого, казалось, не существовало.

И все же Марти в крепких объятиях отца чувствовала себя в безопасности. Она обнимала его левой рукой за плечи и была уверена, что рано или поздно он вынесет ее оттуда — до тех пор, пока, взглянув назад, не увидела за его спиной преследователя. За ними гнался Человек-из-Листьев, и хотя самое вещество его пламенело, он, питая огонь, не становился меньше. Даже наоборот, он, казалось, становился все больше и сильнее, потому что огонь не был его врагом; это был источник его силы.

Он приближался к ним, рассыпая искры горящих листьев и тучи пепла, он потянулся обеими руками за Улыбчивым Бобом и дочерью неустрашимого борца с огнем, он ударил опаляющим воздухом ей в лицо. Она задрожала, зарыдала; даже несмотря на то что отец все так же крепко держал ее в объятиях, рыдания становились все сильнее, сильнее… Все ближе, ближе темные пустые глазницы и голодная черная утроба, губы из рваных листьев и огненные зубы, ближе, ближе, и вот она уже слышит осенний голос Человека-из-Листьев, холодный и колючий, как густо заросшее чертополохом поле под полной октябрьской луной: «Я хочу попробовать. Я хочу попробовать на вкус твои слезы…»

Она мгновенно проснулась и соскочила с кровати. Настороженная, она чувствовала, что голова у нее была совершенно ясная, и все же ее лицо было горячим, как будто она все еще находилась в окружении огня. Ее обоняние даже улавливало слабый запах дыма.

Они не стали выключать свет в ванной и оставили дверь приоткрытой, так что в навевавшем клаустрофобию гостиничном номере не было совсем темно. Марти видела окружающее достаточно четко для того, чтобы сразу же определить: воздух прозрачен, никакого дыма нет.

Но она продолжала ощущать слабый, но острый запах и начала опасаться, что

гостиница загорелась, и если не сам дым, то его запах просачивается под дверью из коридора.

Дасти спал, и она уже совсем собралась разбудить его, когда увидела стоявшего во мраке человека. Он был в самом дальнем от бледного клина света, падавшего из ванной, углу.

Марти не могла разглядеть черт его лица, но не могла ни с чем спутать форму пожарной каски. И светоотражающие полосы на его робе.

Игра теней. Конечно, конечно же. И все же… нет. Это не было простой иллюзией.

Она была уверена, что не спит, уверена, как мало в чем в жизни. И все же он стоял там, на расстоянии всего лишь десяти-двенадцати футов, вынеся ее из кошмарного сна, полного бушующего огня.

Мир сновидений и тот мир, в котором существовал этот гостиничный номер, казалось, внезапно обрели одинаковую достоверность, стали частями одной и той же реальности, разделенными между собою барьером менее тонким, чем даже завеса сна. В этом заключалась истина, чистая и пронзительная, та, на которую столь редко удается бросить взгляд, и Марти стояла, затаив дыхание, потрясенная озарением.

Она хотела подойти к нему, но ее удержала внезапная мысль, некое интуитивное знание о том, что он находится в своем мире, а она — в своем и что кратковременная встреча этих двух миров является эфемерным состоянием, милостью, которой она не должна злоупотреблять.

Стоя в тени, пожарный — он же сторож, — казалось, одобрительно кивнул в ответ на ее сдержанность. Ей показалось, что она увидела зубы, сверкнувшие в полумесяце знакомой и любимой улыбки.

Она вернулась в кровать, легла головой на две подушки и натянула покрывало до подбородка. Ее лицо остыло, запах дыма улетучился.

Часы на тумбочке показывали 3:35 утра. Марти усомнилась, что сможет снова заснуть.

Она с любопытством всмотрелась в странные тени в углу комнаты: он все еще находился там.

Она улыбнулась, кивнула и закрыла глаза и не стала раскрывать их, когда вскоре услышала так хорошо знакомую ей поступь каучуковых подошв его ботинок и шуршание жесткой робы. И даже почувствовав, как асбестовая рукавица легко прикоснулась к ее лбу, как она нежно погладила раскинувшиеся по подушке волосы, она все равно не разомкнула веки.

Хотя Марти думала, что ей предстоит пролежать без сна весь остаток ночи, на нее почти сразу же снизошла необыкновенно умиротворяющая дремота. В следующий раз она проснулась более чем через час, всего за несколько минут до того, как сотрудник гостиницы должен был позвонить, чтобы разбудить их.

Она не чувствовала ни малейшего запаха дыма, и никакой гость не стоял больше на часах в атласных тенях. Она снова жила в едином мире, своем мире, столь знакомом, внушающем страх и все же полном надежды.

Она не смогла бы внятно объяснить кому-либо, что этой ночью было реально, а что нет, но ей самой истина была ясна.

Когда телефон на тумбочке зазвонил, чтобы разбудить их, она точно знала, что больше никогда не увидит Улыбчивого Боба в этом мире, и лишь спросила себя: как скоро она встретится с ним в его мире — то ли лет через пятьдесят, то ли завтра-послезавтра?

ГЛАВА 64

В высокогорных пустынях зимой редко бывает тепло, и когда утром в четверг Марти и Дасти вышли из самолета в муниципальном аэропорту Санта-Фе, их встретили сухой холодный воздух, бледная земля и безветрие столь же полное, как и на поверхности Луны.

После того как игрушечная пожарная машина благополучно проехала сквозь рамку рентгеновского контроля в аэропорту Оранж-Каунти, они взяли обе небольшие дорожные

сумки с собой в кабину самолета. Поэтому им не пришлось терять время около багажного транспортера, и они смогли сразу же направиться в агентство проката автомобилей.

Усевшись в двухдверный «Форд», Марти вдохнула аромат цитрусового освежителя воздуха, который все же не мог полностью заглушить застоявшийся запах табачного дыма.

Пока Дасти вел машину по Серрилос-роуд в город, Марти отвернула бронзовые винтики, крепившие основание игрушечного грузовика. Вынув фетровый мешочек из грузовика и пистолет из мешочка, она спросила Дасти:

— Ты возьмешь его?

— Нет, пусть будет у тебя.

Дасти в свое время заказал на оружейном заводе в Спрингфилде пистолет «спрингфилд армори чемпион», усовершенствованный вариант знаменитого «коммандера кольта» с массой дополнительных деталей. У него был чуть сужающийся к дулу ствол, незаклинивающаяся обойма, невысокая мушка, полированные экстрактор и эжектор и идеальной формы спусковой крючок, рассчитанный на усилие всего лишь четыре с половиной фунта. Этот семизарядный пистолет был легким, компактным и простым в обращении оружием.

Сначала Марти была настроена против того, чтобы держать дома оружие. Однако после того, как она десяток раз побывала на стрельбище и сделала тысячи две выстрелов, оказалось, что она обращается с пистолетом намного увереннее, чем Дасти.

Она засунула пистолет в сумочку. Это был не идеальный способ носить оружие, потому что его нельзя было быстро и беспрепятственно выхватить. Дасти присматривался к различным кобурам — конечно, только для того, чтобы пользоваться ими на стрельбище, но так и не выбрал ни одной.

Так как Марти была одета в джинсы, темно-голубой свитер и синий твидовый жакет, она могла бы сунуть пистолет за пояс, то ли на животе, то ли на спине, и прикрыть его свитером. Но и в том, и в другом случае она бы чувствовала слишком большое неудобство, так что иного варианта, кроме сумочки, пожалуй, не оставалось. Среднее отделение сумочки, где лежало оружие, она оставила незастегнутым, чтобы его было легче вынуть.

— Теперь мы стали настоящими нарушителями закона, — сказала она.

— Мы уже были ими, когда садились в самолет.

— Ну, конечно, но теперь мы нарушаем еще и законы штата Нью-Мексико.

— И как ты себя ощущаешь?

— Разве Билли Бонни прибыл не из Санта-Фе? — спросила Марти.

— Билли Кид? Я не знаю.

— Так или иначе, он прибыл из штата Нью-Мексико. Но хочу признаться, что я вовсе не чувствую себя этим дурацким Билли Кидом. Если, конечно, он не шлялся по Америке настолько перепуганным, что думал лишь о том, как бы не обмочить штаны.

Они остановились у торгового центра и купили диктофон с запасом батареек и кассет.

В уличной телефонной будке они обнаружили прикованный цепочкой справочник и проверили короткий список фамилий, найденных ими в досье, собранном Роем Клостерманом. Пар от их дыхания клубился над страницами. Часть фамилий могла быть не внесена в список, часть людей могла умереть или уехать из города. Девочки могли к этому времени выйти замуж и иметь теперь другие фамилии. Однако им все же удалось найти адреса нескольких людей из списка.

Вернувшись в автомобиль, они съели на завтрак такое с цыпленком, купленный в заведении быстрого питания. Дасти одновременно изучал карту города, предоставленную прокатным агентством вместе с машиной, а Марти заряжала диктофон батарейками и изучала инструкцию. Аппарат оказался очень удобным и простым в обращении.

Они не имели представления о том, какие доказательства им удастся собрать, смогут ли они явиться поддержкой той истории, с которой они сами намеревались прийти в полицию в Калифорнии, но им не оставалось ничего иного, кроме как предпринять попытку. Без свидетельств других людей, пострадавших от рук Аримана, и установления связей между событиями, жалобы, которые подадут Марти и Дасти, неминуемо будут восприниматься как

забавный набор речей двух параноиков, и их никто не примет всерьез, даже вместе с записью телефонного сообщения Сьюзен.

Решимость в них поддерживали два имевшихся у них преимущества. Во-первых, благодаря тому, что удалось выяснить Рою Клостерману, они знали, что здесь, в Санта-Фе, имелись люди, ненавидевшие Аримана, подозревавшие его в тяжелейших проступках и даже преступлениях против его присяги врача и донельзя расстроенные тем, что ему удалось избежать справедливого наказания и покинуть пределы штата, не только сохранив свою лицензию на медицинскую практику, но даже и с незапятнанной репутацией. Наверняка эти люди были их потенциальными союзниками.

И во-вторых, Ариману не было известно о том, что они узнали многое из его прошлого. А так как он, конечно, не может быть настолько высокого мнения об их умах и стремлениях, чтобы допустить, что им удастся докопаться до истории его давних опытов по «промыванию мозгов», то он и не подумает искать их в Санта-Фе. Это значило, что день-два, а то и дольше они смогут действовать, не привлекая к себе пугающего внимания тех неведомых людей, которые отрезали Брайену ухо.

Здесь, в краю молодости Аримана, держась вне поля зрения радара психиатра и его загадочных партнеров, у них была возможность собрать достаточно информации, чтобы придать весомость и достоверность их истории, когда придет время изложить ее властям Калифорнии.

Нет. Слово «возможность» здесь не годится. «Возможность» — слово для самооправдания того, кто готов к поражению. «Должны» — вот слово, которое ей было нужно; оно из словаря победителей. Они *должны* собрать достаточно информации, а поскольку *должны* , то сделают это.

Действовать.

Когда они покидали торговый центр, Марти села за руль, а Дасти глядел в карту и давал указания, куда ехать.

Небо над этой страной высокогорных равнин висело низко и имело цвет гипса, который в изобилии добывают в Нью-Мексико. Медленно проползавшие по небу тяжелые тучи тоже были ледяными и, согласно переданному по радио прогнозу погоды, собирались еще до вечера вытрясти друг из друга немного снега.

* * *

Всего в нескольких кварталах от собора Святого Франциска Ассизского стоял дом, окруженный стеной из сырцового кирпича с деревянными воротами, над которыми выгибалась ступенчатая арка.

Марти остановила машину вплотную к тротуару. С диктофоном и спрятанным в сумочке пистолетом они с Дасти отправились наносить визит, привнеся тем самым немного калифорнийского стиля в мистическую природу Санта-Фе.

Возле ворот у самой стены, под бронзовой лампой с медно-красными, похожими на слюду, стеклами, свешивалась пышная гирлянда громадных красных перцев. Эта яркая осенняя декорация давно пережила свой сезон. Местами гирлянда насквозь промерзла, но там, где плоды покрывал лед, они казались сочными и глянцевыми.

Ворота были приоткрыты; за ними проглядывал мощенный кирпичом двор. Низко над землей щетинились шипами разнообразные агавы и алоэ, а высокие пинии, если бы в небе было солнце, отбрасывали бы на кирпичную площадку глубокие тени.

Одноэтажный дом в мексиканском сельском стиле подтверждал претензии штата именоваться Краем очарования. Он был массивным, со скругленными углами, все его линии были мягкими, а раскраска перекликалась с цветом земли. Дверь и окна были глубоко утоплены в стены.

Крыльцо подчеркивало ширину здания; его крышу поддерживали отполированные

временем столбы из еловых бревен, а поверху проходил резной карниз, расписанный синими звездами. На потолке между массивными еловыми стропилами, поддерживавшими крышу, была перекинута обрешетка из осиновых досок.

Арочную парадную дверь украшали резные розетки, раковины и витые шнуры. Ручной ковки железный дверной молоток изображал койота, подвешенного за задние ноги. Передними ногами он бил в створку большой железной раковины, врезанной в дверь, и, когда Дасти постучал, звук разнесся по всему двору, заполнив холодный неподвижный воздух.

Предки женщины тридцати с чем-то лет, открывшей дверь в ответ на стук, судя по всему, покинули Италию не далее чем два поколения назад. А другая ветвь ее родни явно восходила к индейскому племени навахо. У нее было прекрасное лицо с высокими скулами, угольно-черные глаза, волосы тоже черные, как вороново крыло, даже чернее, чем у Марти. Она была принцессой Юго-Запада, одетой в белую блузку с вышитыми на воротнике голубыми птицами, короткую светлую юбку из хлопчатобумажной ткани, низко подвернутые на икрах гольфы и белые тапочки со смятыми задниками.

Дасти представил себя и Марти.

— Мы хотели бы видеть Чейза Глисона.

— Я Зина Глисон, — ответила женщина, — его жена. Может быть, я могла бы помочь вам?

Дасти заколебался; тогда заговорила Марти:

— Мы очень хотели бы поговорить с ним насчет доктора Аримана. Марка Аримана.

Безмятежное выражение лица миссис Глисон ничуть не изменилось, и голос остался столь же приятным, что совершенно не гармонировало с ее словами:

— Вы приходите сюда и произносите возле моей двери имя дьявола. С какой стати я стану разговаривать с вами?

— Он не дьявол, — поправила ее Марти. — Он скорее вампир, и мы намереваемся воткнуть осиновый кол прямо в сердце этому ублюдку.

Прямой и вдумчивый взгляд миссис Глисон был не менее проницательным, чем у любого из индейских старейшин, возглавлявших заседание совета племени. После секундного раздумья она отступила на шаг в сторону и жестом пригласила их пройти с холодного крыльца в теплые комнаты за толстыми глинобитными стенами.

* * *

Как правило, доктор не носил с собой оружия, но сейчас, когда из-за действий Родсов ситуация становилась непредсказуемой, он полагал, что благоразумие требует от него вооружиться.

Марти и Дасти, находясь в Нью-Мексико, не представляли для него непосредственной опасности. И по возвращении они тоже не должны были стать опасными — конечно, если ему удастся подойти к ним на достаточно близкое расстояние и произнести имена «Шоу, Нарвилли», которые активизируют заложенные в объектах программы.

Со Скитом все обстояло по-другому. Его поврежденные наркотиками дырявые мозги, судя по всему, не были в состоянии удержать в себе существенные детали управлявшей им программы без периодической перезарядки. Если этому гнусному тщедушному наркоману в тухлую голову придет мысль преследовать Аримана, то он может не сразу подчиниться «доктору Ену Ло» и оказаться в состоянии воспользоваться ножом, пистолетом или еще неведомо каким оружием, которое у него случится.

Двубортный серый в полоску костюм доктора был сшит не кем-нибудь, а самим Эрменгильдо Зегной, который чрезвычайно изящно скроил его по самому модному образцу. Обязательно нужно принять федеральный закон против искажения линий одежды путем ношения под ней наплечной кобуры. К счастью, доктор, всегда предусмотрительный, уже

давно обзавелся кобурой, изготовленной вручную из чрезвычайно мягкой кожи, которая располагалась так глубоко под рукой и так уютно прилегала к телу, что даже моднейшие портные Италии оказались бы бессильны заметить оружие.

К тому же избежать появления неприятной выпуклости помогало еще и то, что оружие представляло собой компактный полуавтоматический пистолет «Таурус РТ-111 миллениум» с откидной рукоятью. Маленький, но весьма мощный.

После проведенной в хлопотах ночи доктор спал допоздна. Теперь это было возможно, так как у него не было постоянного в последние месяцы утреннего приема по четвергам: Сьюзен Джэггер была бесповоротно мертва. Не имея никаких занятий до самого ленча, он с огромным удовольствием посетил свой любимый магазин антикварной игрушки, где купил всего за 3250 долларов марксовский игровой набор «Додж-сити в пороховом дыму» в совершенно идеальном состоянии и литой автомобильчик Джонни Лайтнинга «Кастом-Феррари» — всего за 115 долларов.

По магазину бродили, болтая с продавцами, еще несколько клиентов, и доктор Ариман развлекался про себя, представляя, как они удивятся, если он вытащит пистолет и без всякой причины продырявит им животы. Конечно, он не стал делать этого, потому что был доволен своими покупками и хотел, чтобы хозяин магазина чувствовал себя с ним спокойно, когда он вновь придет сюда, чтобы приобрести очередное сокровище.

* * *

Кухня была полна благоухания пекущегося в духовке маисового хлеба, а из большого чугунного котла, стоявшего на плите, исходил аппетитный аромат тушеных перцев.

Зина позвонила мужу на работу. Они держали картинную галерею на Каньон-роуд. Услышав, зачем явились гости, он примчался домой уже через десять минут.

Пока они ожидали хозяина, Зина подала на стол большие красные глиняные чашки с крепким кофе, сдобренным корицей, и домашнее печенье, посыпанное обжаренными орешками пинии.

Тут приехал Чейз. Глядя на него, казалось, что он должен зарабатывать себе на жизнь не демонстрацией живописи, а работая ковбоем на ранчо: он был высок ростом, долговяз, со взъерошенными соломенно-желтыми волосами и опаленным ветром и солнцем красивым лицом. Он был одним из тех людей, которые, лишь войдя в конюшню, сразу же завоевывают доверие лошадей и которых те приветствуют негромким приветливым ржанием, к которым тянутся из дверей денников, чтобы ласково фыркнуть в плечо. Говорил он негромко, но четко произнося каждое слово.

— И что же сотворил Ариман с вами и вашими близкими? — спросил он, усевшись за стол в кухне.

Марти рассказала ему историю Сьюзен. Постоянно усиливающаяся агорафобия, догадки о часто повторяющемся сексуальном насилии. Внезапное самоубийство.

— Он каким-то образом заставил ее поступить так, — твердо сказал Чейз Глисон. — Я верю во все это. Полностью верю. И вы проделали весь этот путь из-за вашей подруги?

— Да. Моей самой дорогой подруги. — Марти не видела оснований выкладывать все до конца.

— Прошло более девятнадцати лет, — сказал Чейз, — с тех пор как он погубил мою семью, десять с лишним — как он уволок свою мерзкую задницу прочь из Санта-Фе. Сначала я надеялся, что он умер. Но потом он стал издавать книги и получил известность.

— Вы не будете против, если мы запишем на пленку то, что вы нам расскажете? — спросил Дасти.

— Нет, нисколько. Но что я могу сказать?… Черт возьми, я уже, наверно, сотню раз пересказывал все это копам, различным районным прокурорам, сменившимся за эти годы, что даже странно, как это морда у меня не посинела, как шкура голубого койота. Никто не

желал слушать меня. Ну, а если кто-то когда-то и слушал и даже считал, что я могу говорить правду, тогда его навещали какие-нибудь приятели тех больших шишек, с которыми Ариман водит дружбу, проповедовали ему какую-то новую религию, после чего он понимал, как ему чертовски повезло, что он только *намеревался* поверить в то, что я рассказывал о своих матери и отце.

Пока Чейз Глисон говорил, а Марти и Дасти записывали его слова на диктофон, Зина взгромоздилась на высокий табурет перед мольбертом около простого кирпичного камина; она рисовала карандашный натюрморт, которой еще до их прихода установила на краю того же самого простого соснового стола, на котором располагались и чашки с кофе. Это были пять предметов индейской керамической посуды необычных форм, в том числе двугорлый свадебный кувшин.

Суть истории Чейза почти ничем не отличалась от информации, содержавшейся в газетных вырезках, собранных Роем Клостерманом в досье. Тереза и Карл Глисон в течение нескольких лет с успехом содержали небольшой детский сад-школу для малышей, носившую название «Зайчик», пока их самих и еще троих служащих не обвинили в сексуальных приставаниях к детям обоего пола. Как и в происшедшем спустя много лет случае со школой Орнуолов в Лагуна-Бич, Ариман, как предполагалось, со всей возможной осторожностью проводил официальную психиатрическую экспертизу. Он беседовал с детьми, применяя порой технику гипнотической регрессии, и нашел многочисленные подтверждения первоначальных обвинений.

— Все это представляло собой кучу сплошного вздора, мистер Родс, — сказал Чейз Глисон. — Мои старики были лучшими на свете людьми из всех, кого вы когда-либо могли встретить.

— Терри, мать Чейза, скорее сама отрубила бы себе руку, если бы она пошевелилась, чтобы причинить малейший вред ребенку, — добавила Зина.

— Папа был таким же, — сказал Чейз. — Кроме того, он очень редко бывал в «Зайчике». Только чтобы время от времени сделать какой-нибудь ремонт — он был мастером на все руки. Школа была делом моей матери. Отец владел половиной предприятия по продаже автомобилей и был постоянно занят там. Большинство жителей города так и не поверили ни в единое слово из всего этого бреда.

— Но были и такие, кто поверил, — мрачно добавила Зина.

— О, — воскликнул Чейз, — всегда найдутся люди, которые поверят во что угодно о ком угодно. Стоит нашептать им на ухо, что, поскольку Иисус во время Тайной Вечери пил вино, значит, он был алкоголиком, и они примутся утверждать это на всех углах и клясться в этом спасением своих душ. Большинство считало, что это не могло быть правдой, и без вещественных доказательств их ни в коем случае не осудили бы. Но когда Валерия-Мария Падильо покончила с собой…

— Одна из учениц, пятилетняя девочка? — уточнила Марти.

— Да, мэм. — Лицо Чейза, казалось, потемнело, словно под свисавшей с потолка простой, но изящной люстрой встало густое облако. — Она оставила последнее прости: рисунок цветными карандашами, этот злосчастный неумелый рисунок, который полностью изменил все. Она с мужчиной.

— Анатомически достоверный рисунок, — заметила Марти.

— Хуже того, у мужчины были усы… как у моего папы. На рисунке у него на голове ковбойская шляпа, белая, с красной лентой, за которую засунуто черное перо. А именно такие шляпы мой отец всегда носил.

Зина Глисон резким порывистым движением вырвала верхний лист из альбома, с силой скомкала его и бросила в камин.

— Отец Чейза был моим крестным отцом, лучший друг моего собственного отца. Я знала Карла с тех пор, как лежала в пеленках. Этот человек… он уважал людей, независимо от того, кто они были, независимо от того, богатыми они были или бедными и сколько наделали ошибок. Он также уважал детей, и прислушивался к ним, и заботился о них. Ни

разу в жизни он не прикоснулся ко мне с дурным намерением, и я знаю, что он не прикасался и к Валерии-Марии. Если она *действительно* убила себя, то исключительно из-за отвратительного, дьявольского внушения, которое Ариман вложил ей в голову, всех этих историй о сексуальных извращениях и кровавых жертвоприношениях животных, которые устраивались в школе, о том, как детей заставляли пить их кровь… Этому ребенку было *пять лет* . Какое же смятение должно было возникнуть в уме такой крошки, какая ужасная депрессия была спровоцирована расспросами о подобных вещах, когда человек, называвший себя врачом, под гипнозом *помогал* ей вспомнить то, чего никогда не было?

— Успокойся, Зи, — ласково сказал ее муж. — Все это давно закончилось.

— Нет, для меня не закончилось. — Зина подошла к плите. — И не закончится, пока он будет жив. — Она взялась правой рукой за ручку духовки. — А тогда я не поверю некрологу. — Она вытащила из духовки противень со свежеиспеченным маисовым хлебом. — Я должна буду своими глазами увидеть его труп и ткнуть пальцем в глаз, чтобы убедиться, что он не реагирует.

Если в Зине была итальянская кровь, то она наверняка принадлежала сицилийцам, а доля индейской крови досталась не от мирных навахо, а от воинственных апачей. В ней чувствовалась необыкновенная сила, твердость духа, и если бы у нее появился шанс собственноручно прикончить Аримана и не быть пойманной, то она, скорее всего, воспользовалась бы этим шансом. Она очень понравилась Марти.

— Мне было тогда семнадцать лет, — сказал Чейз. Непонятно было, к кому он обращался: то ли к присутствующим, то ли к самому себе. — Одному богу известно, почему меня не обвинили вместе с родителями. Как я избежал их участи? Разве когда сжигают ведьм, то не убивают вместе с ними и их родных?

Возвращаясь к тому, о чем говорила Зина, Дасти задал ключевой вопрос:

— Если она действительно убила себя? Что вы имели в виду, использовав именно эти слова?

— Расскажи ему, Чейз, — обратилась Зина к мужу, поворачиваясь к котлу с перцами. — Посмотрим, приходилось ли им когда либо предполагать или слышать, чтобы маленький ребенок сделал с собой что-нибудь подобное.

— Ее мать находилась в соседней комнате, — сказал Чейз. — Она услышала выстрел и вбежала, спустя, может быть, две-три секунды после того, как это случилось. Там не могло быть никого постороннего. Девочка, совершенно определенно, убила себя из пистолета своего отца.

— Она должна была достать пистолет из коробки в шкафу, — вмешалась Зина. — И отдельную коробку с патронами. И зарядить пистолет. Это ребенок, который никогда в жизни не прикасался к оружию.

— Но не это является самым невероятным, — сказал Чейз. — Что ужаснее всего… — он замялся. — Это настоящий кошмар, миссис Родс.

— Я выдержу, — мрачно уверила его Марти.

— Каким образом Валерия-Мария убила себя… — Чейз явно с трудом подыскивал слова. — В новостях процитировали Аримана, который сказал, что это «проявление ненависти к себе, отрицания своей половой принадлежности, попытка уничтожить половую составляющую своего «я», существование которой привело к тому, что она подверглась насилию». Поймите, эта маленькая девочка, прежде, чем нажать на курок, разделась догола, а потом засунула дуло пистолета… ну… в себя…

Марти оказалась на ногах прежде, чем поняла, что хочет встать из-за стола.

— Милостивый боже!

Ей необходимо было как-то двигаться, куда-нибудь идти, что-то делать, но здесь некуда было идти, кроме — она не успела даже осознать этого — кроме как к Зине Глисон. Она обвила ее руками точно так же, как в схожей ситуации обняла бы Сьюзен.

— Вы были знакомы с Чейзом в то время?

— Да, — подтвердила Зина.

— И остались с ним. И вышли за него замуж.

— Благодарение богу, — пробормотал Чейз.

— Чего же это должно было стоить, — воскликнула Марти, — после самоубийства ребенка защищать Карла перед другими женщинами и остаться с его сыном!

Зина восприняла порыв Марти так же естественно, как он случился. Воспоминания о тех годах заставили эту принцессу Юго-Запада задрожать, но проливать бессильные слезы не было в обычаях ни сицилийских, ни индейских женщин.

— Никто вслух не обвинял Чейза, — сказала она, — но его все же подозревали. И я… Люди улыбались мне, но держали детей от меня подальше. В течение многих лет.

Продолжая обнимать Зину за плечи, Марти подвела ее к столу, и они снова уселись вчетвером.

— Забудьте все эти психологические бредни насчет отрицания половой принадлежности и уничтожения половой составляющей, — сказала Зина. — То, что сделала Валерия-Мария, не могло прийти в голову ни одному ребенку. Ни одному. То, что сделала с собой эта маленькая девочка, произошло из-за того, что кто-то вложил ей это в голову и заставил сделать. Это кажется невозможным, звучит, как безумные речи, но именно Ариман показал ей, как зарядить револьвер, именно Ариман сказал ей, что сделать с собой, и она пришла домой и вскоре *сделала* это, потому что была… Она была, я не знаю, загипнотизирована или что-то в этом роде.

— Нам это не кажется ни невозможным, ни безумным, — заверил ее Дасти.

Город буквально бурлил из-за смерти Валерии-Марии Падильо и боязни того, что другие маленькие дети, посещавшие «Зайчик», могли впасть в такую же депрессию; все это привело к своего рода массовой истерии, которую Зина назвала Чумным годом. Именно во время этой чумы жюри из семи женщин и пятерых мужчин единогласно признало виновными всех пятерых обвиняемых.

— Вы, возможно, знаете, — сказал Чейз, — что преступники относятся к насильникам над детьми как к низшим из низших. Мой папа… Он прожил всего лишь девятнадцать месяцев и был убит во время работы в тюремной кухне. Четыре колотые раны, по одной в каждую почку со спины, две в кишечник спереди. Судя по всему, его кромсали вдвоем. Об этом не было особых разговоров, и, конечно, никого так и не нашли.

— А ваша мать еще жива? — спросил Дасти.

Чейз помотал головой.

— Три женщины из школы — прекрасные люди — все они отбыли по четыре года. А мою маму освободили через пять — и сразу же после того, как она оказалась на свободе, у нее обнаружился рак.

— Согласно официальному заключению, она умерла от рака, но на самом деле ее убил позор, — сказала Зина. — Терри была прекрасной женщиной, доброй женщиной и *гордой* . Она не сделала ничего плохого, *ничего* , но ее терзал позор — ведь люди *думали* , что она виновна. Она жила с нами, но это продолжалось недолго. Школа была закрыта, Карл лишился своей доли в предприятии. Все сбережения сожрали счета адвокатов. Мы лишились всего и с трудом набрали денег на ее похороны. Она мертва уже тринадцать лет. А для меня все это случилось все равно что вчера.

— А как же вы живете здесь теперь? — спросил Дасти. Зина и Чейз посмотрели друг на друга; потребовались бы целые тома, чтобы описать то, что скрывалось в этих мимолетных взглядах.

— Намного лучше, чем могло бы быть, — ответил Чейз. — Еще остались люди, которые до сих пор верят в обвинения, предъявленные моим родителям, но после убийства Пасторе их стало гораздо меньше. И некоторые из малышей, посещавших «Зайчик»… Они в конце концов отреклись от своих показаний.

— После того как прошло десять лет, — добавила Зина. В этот момент ее глаза казались чернее, чем антрацит, а их взгляд был тяжелее железа.

— Возможно, для того чтобы ложные воспоминания стали разрушаться, требуется

десять лет, — вздохнул Чейз. — Я не знаю.

— А на протяжении всего этого времени вы никогда не думали о том, чтобы собраться и уехать из Санта-Фе? — отважилась спросить Марти.

— Мы любим Санта-Фе, — ответил Чейз. Казалось, в эти простые слова он вложил всю свою душу.

— Это лучшее место на земле, — согласилась Зина. — А кроме того, если бы мы уехали, то обязательно нашлось бы несколько человек, которые принялись бы кричать, что дыма без огня не бывает и что своим отъездом мы, дескать, подтвердили, что все обвинения были истинными, а удрали, чтобы скрыться от позора.

Чейз кивнул.

— Но таких лишь несколько человек.

— Да будь всего один такой, — возразила Зина, — я и то не доставила бы ему удовольствие, уехав отсюда.

Руки Зины лежали на столе, и Чейз накрыл их обе своей огромной ладонью.

— Мистер Родс, если вы считаете, что это может вам помочь… Я полностью уверен, что некоторые из детей, учившихся в «Зайчике», те, кто отказался от своих показаний, не откажутся поговорить с вами. Они приходили к нам. Они просили прощения. Они неплохие люди. Их использовали. Я думаю, что они захотят помочь.

— Если вам удастся это устроить, — ответил Дасти, — то мы посвятим этому завтрашний день. А сегодня, пока светло и не пошел снег, мы хотели бы поехать на ранчо Пасторе.

Чейз отодвинулся вместе со стулом от стола и встал. Он оказался еще выше ростом, чем на первый взгляд.

— Вы знаете дорогу?

— У нас есть карта, — ответил Дасти.

— Пожалуй, я провожу вас до середины, — предложил Чейз, — потому что именно на полпути к ранчо Пасторе находится кое-что, что вам стоит увидеть. Институт «Беллона Токлэнда».

— А что это такое?

— Трудно сказать. Он находится там уже двадцать пять лет. Если у Марка Аримана есть друзья, то вы найдете их именно там.

Зина, не надев ни куртки, ни свитера, вышла с ними на улицу.

Пинии перед домом были все так же неподвижны и этим напоминали бутафорские деревья в диораме, спрятанные под стеклом. Скрип железных петель ворот был единственным звуком, нарушившим тишину зимнего дня, как будто в городе не осталось ни души, как будто Санта-Фе был призрачным кораблем в песчаном море.

По улицам не ездили машины. Не бродили кошки. Не летали птицы. На мир навалилась неизмеримая тяжесть неподвижности.

«Линкольн-Навигатор» Чейза стоял перед домом.

— Скажите, — обратился Дасти к Чейзу, указывая на автофургон, приткнувшийся к противоположной стороне улицы, — это машина кого-нибудь из ваших соседей?

Чейз взглянул, мотнул головой.

— Пожалуй, нет. А в чем дело?

— Да ни в чем. Просто приятная на вид машина.

— Что-то будет, — сказала Зина, пристально глядя в небо.

В первый момент Марти подумала, что она говорит о снегопаде, но он, судя по всему, не должен был начаться так скоро.

Небо было скорее белым, а не серым. Если по нему и проплывали снеговые тучи, то их движение было внутренним, скрытым за бледной кожей, которой они закрывались от земного мира.

— Что-то нехорошее. — Зина взяла Марти за локоть. — Я иногда могу предчувствовать. Это наследство апачей. Кровь воинов чувствует приближение насилия.

Будьте осторожны, Марти Родс.

— Мы постараемся.

— Жаль, что вы не живете в Санта-Фе.

— Жаль, что вы не живете в Калифорнии.

— Мир так велик, а все мы так малы, — сказала Зина, и женщины снова обнялись.

Марти села за руль. Выезжая на улицу вслед за «Навигатором» Чейза, она взглянула на Дасти.

— Что ты говорил насчет фургона?

— Мне показалось, что уже видел его, — ответил он, повернувшись всем телом и вглядываясь в заднее стекло.

— Где?

— Около торгового центра, где мы покупали диктофон.

— Он едет за нами?

— Нет.

Они сделали правый поворот, проехали три квартала.

— А сейчас?

— Нет. Надеюсь, что я ошибся.

ГЛАВА 65

В Калифорнии, находившейся в следующем часовом поясе на запад от Санта-Фе, Марк Ариман в одиночестве вкушал ленч за двухместным столиком в элегантном бистро на Лагуна-Бич. Слева от него разворачивалась великолепная перспектива Тихого океана, справа поглощала пищу толпа в целом хорошо одетых и обеспеченных людей.

Но не все было идеально. Сидевший через два столика от него джентльмен за тридцать — понятие «за» в данном случае следовало растянуть до крайних пределов — время от времени разражался взрывами ревущего смеха, столь резкими и продолжительными, что все ослы к западу от Пекоса наверняка каждый раз удивленно настораживали уши. Женщина за следующим столиком, типичная бабушка, носила абсурдную горчично-желтую шляпу колпаком. Шесть женщин помоложе в дальнем углу зала неприятно хихикали. Официант принес не ту закуску, а потом утомительно долго не возвращался с другим блюдом.

Однако доктор не стал убивать никого из них. Истинному игроку, такому, как он, примитивное веселье стрельбы не могло принести достаточно большого удовольствия. Бессмысленная пальба годилась для душевнобольных, для безнадежных глупцов, для заслушавшихся рэпа до одури подростков с гипертрофированным чувством собственного достоинства и безо всякой самодисциплины, для политических фанатиков, желавших переделать мир ко вторнику. Кроме того, его миниатюрный 9-миллиметровый пистолет имел двухрядную обойму, куда входило только десять патронов.

Завершив ленч куском безуглеводного шоколадного кекса и шафрановым мороженым, доктор уплатил по счету и отбыл, предоставив отпущение грехов даже женщине в абсурдной шляпе колпаком.

Вторая половина дня в четверг была приятно прохладной, но не холодной. Ветер за ночь умчался в сторону далекой Японии. Дождь, которым давно были беременны тучи, по прогнозам метеорологов, должен был пролиться рано утром, но на землю до сих пор не выпало ни капли.

Пока служащий подгонял «Мерседес», доктор Ариман исследовал свои ногти. Он был очень доволен качеством маникюра и так внимательно рассматривал кисти рук — они ему чрезвычайно нравились: такие сильные и мужественные, но с изящными пальцами концертирующего пианиста, — что почти не обращал внимания на то, что происходило вокруг, и потому чуть не пропустил незнакомца, без дела слонявшегося возле стоявшего на противоположной стороне улицы пикапа.

Грузовичок был бежевого цвета, в хорошем состоянии, хотя и не новый. Он относился к тем автомобилям, которые не будут вызывать интереса у коллекционеров даже и через тысячу лет, и потому Ариман даже не задумался о том, какой он мог быть модели и года выпуска. Кузов грузовика был покрыт белым туристским тентом, и доктор содрогнулся при мысли о том, что таким образом можно проводить отпуск.

А стоявший около машины бездельник, хотя доктор его и не знал, казался неуловимо знакомым. Ему было лет сорок с небольшим, рыжеватые волосы, круглое красное лицо и толстые очки. Он не смотрел прямо на Аримана, но что-то в его поведении прямо кричало: *слежка* . Вот он демонстративно посмотрел на часы, а потом нетерпеливо уставился на близлежащий магазин, как будто ожидал, пока кто-то вернется оттуда. Но его актерские способности были даже слабее, чем у кинозвезды, в настоящее время готовящейся к уникальной, самой блестящей в его карьере роли — откусителя (прекрасное слово) президентского носа.

Магазин антикварной игрушки. В получасе езды, за шесть городов отсюда. Именно там доктор видел краснолицего человека. Когда он развлекался, воображая, как будут удивлены работники магазина, если он всадит по пуле в животы других клиентов всего лишь из-за своей прихоти, именно *этот* покупатель был одной из целей, выбранных Ариманом.

Обитателю штата с населением три миллиона человек трудно было поверить, что две встречи с одним и тем же человеком на протяжении всего нескольких часов можно объяснить одной лишь случайностью.

Бежевый пикап с туристическим тентом был не тем транспортным средством, которым обычно пользовались для тайной слежки полицейские или частные детективы.

Однако, присмотревшись к грузовичку поближе, Ариман заметил, что из машины, помимо стандартной, нагло торчат еще две радиоантенны. Одна из них — проволочная, установленная в середине крыши кабины, судя по всему, предназначалась для связи в полицейском диапазоне. А вторая была очень странной и представляла собой торчавший из заднего бампера шестифутовый серебристый прут с напоминавшим колос зубчатым утолщением и какой-то черной катушкой наверху.

Отъезжая от ресторана, доктор Ариман не удивился, увидев, как пикап двинулся вслед за ним.

Краснолицый висел на хвосте совершенно по-дилетантски. Он, конечно, не тащился следом, как пришитый к заднему бамперу «Мерседеса», пропускал между ним и своей машиной еще один-два автомобиля. Скорее всего, он узнал об этом приеме из дурацких детективных историй, которые все время показывают по телевидению, но был слишком неуверен в себе, чтобы выпустить Ариман из виду более чем на секунду или две. Он постоянно прижимался то к осевой линии, то к стоявшим справа вдоль тротуара автомобилям, кидаясь из стороны в сторону по мере того, как попутные машины закрывали от него «Мерседес» доктора.

Поэтому в зеркалах заднего вида, куда поглядывал доктор, пикап представлял собою единственную заметную аномалию в транспортном потоке. Он непрофессионально обращал на себя внимание, а его длинные антенны болтались в воздухе, словно токоприемники электрического автомобильчика из аттракциона.

Сейчас, когда детективы обладают прекрасной радиоаппаратурой и даже имеют возможность вести наблюдение при помощи искусственных спутников Земли, профессионал может «вести» подозреваемого круглые сутки, не приближаясь к нему хотя бы на милю. А шпион из пикапа был настолько бездарным, что единственным его умным поступком было то, что он не украсил свои многочисленные антенны воздушными шариками.

Доктор был расстроен — и заинтригован.

Он принялся хаотично менять направление движения, выбирая районы с меньшим количеством машин, которые помогали бы грузовичку прятаться от него. Как и ожидалось, преследователь отреагировал на потерю прикрытия самым примитивным способом: отстал примерно на квартал, словно был уверен, что умственные способности и радиус обозрения

его объекта были такими же, как у близорукой коровы.

Не включая сигнал поворота, чтобы не выдать своих намерений, доктор резко принял вправо и рванул к ближайшему дому. Там он дал задний ход и вновь выполз на улицу, по которой ехал прежде, — и как раз вовремя для того, чтобы встретиться со своим тупым преследователем, когда тот заворачивал за угол.

Пропуская мимо грузовичок, доктор Ариман притворился, будто разглядывает адрес и не имеет ни малейшего представления о том, что за ним следует «хвост». Пара быстрых взглядов в сторону проезжей части могла раскрыть многие тайны этой навязанной ему игры. На углу он остановил «Мерседес», вышел, подошел к висевшей на доме табличке, и, задрав голову, принялся разглядывать номер дома и фамилию владельца. При этом он одной рукой чесал в затылке и делал вид, что держит в другой клок бумаги и читает запись. Впечатление было такое, будто он приехал в указанное место, но оно оказалось совсем не тем, которое было ему нужно.

Вернувшись в автомобиль, он двинулся дальше и неторопливо ехал по улице до тех пор, пока не увидел, что сзади вновь возник бежевый пикап. Ему не хотелось терять своего преследователя из виду.

Но водитель, с которым они этим утром вместе рассматривали игрушки в магазине, был совершенно определенно ему незнаком. Правда, он был в кабине не один. Рядом с ним на пассажирском сиденье находился Скит Колфилд, который дернулся от неожиданности, увидев поблизости «Мерседес» Аримана, но сразу же отвернулся.

Пока Дасти и Марти копались в прошлом доктора в Нью-Мексико, Скит тоже играл в детектива. Это была, несомненно, его собственная незрелая идея, потому что его брат был слишком разумен и не мог поручить ему это занятие.

Краснолицый человек в очках, линзы которых вполне могли бы пригодиться для знаменитой обсерватории Маунт-Паломар, был, вероятно, один из приятелей Скита, любителей уколоться-подкуриться-заглотнуть какой угодно наркотик. Шерлок Холмс и Ватсон в исполнении Чипа и Дэйла.

Независимо от того, чем закончится вояж Дасти и Марти в Нью-Мексико, Скит оставался важнейшей проблемой. Раз уж доктору не удалось отправить его на очередную крышу, с которой он упал бы безо всяких помех, то избавление от этого пустоголового придурка стало приоритетной задачей ближайших двух дней.

Теперь, когда доктор Ариман избавился от необходимости разыскивать Скита, ему следовало лишь ехать достаточно аккуратно, чтобы мальчишка тащился следом, а потом как можно скорее проанализировать ситуацию и выбрать наилучшую стратегию, которая позволила бы ему воспользоваться этим нежданным подарком судьбы. Игра продолжалась.

* * *

Марти следом за «Навигатором» Глисона въехала на автостоянку рядом с придорожным ресторанчиком, расположенным в нескольких милях за городской окраиной. Заведение было украшено неоновым изображением гигантского ковбоя, разлетевшегося в бурном танце с такой же огромной подружкой, но сейчас реклама была выключена: до той поры, когда заиграет музыка и начнется пьянство, оставалось еще несколько часов. Они поставили машины, развернув их от здания, носами к шоссе.

Чейз вышел из машины и втиснулся на заднее сиденье прокатного «Форда».

— Вон там находится институт Беллона Токлэнда.

Институт занимал примерно двадцать акров посреди широкого пространства невозделанной степи. Территорию института окружала сложенная из камня сплошная стена в восемь футов высотой.

Архитектор, проектировавший здание, возвышавшееся за стеной, совершенно явно находился под сильным влиянием творчества Фрэнка Ллойда Райта, в частности его

знаменитого «Дома над водопадом». Правда, здесь не было водопада, так как отсутствовала вода, и это было изрядным отклонением от веры Мастера — а может быть, и насмешкой над нею — в то, что каждое рукотворное создание должно пребывать в гармонии с землей, на которой воздвигнуто. Эта массивная груда оштукатуренных камней площадью тысяч в двести квадратных футов, не сливалась с плавными линиями пустыни, а, казалось, *взрывала* их. Это был скорее акт насилия, чем архитектурное сооружение. Именно так должна была бы выглядеть любая из работ Мастера в интерпретации Альберта Спира, любимого архитектора Гитлера.

— Претензии на готику, — сказал Дасти.

— И чем там занимаются? — спросила Марти. — Готовят конец света?

Чейз не стал разубеждать ее.

— Похоже, что так. Я так и не смог извлечь никакого смысла из того, что они *говорят* о своих делах, но, возможно, вы не так тупы, как я. Исследования, говорят они, исследования, которые направлены на… — И он процитировал по памяти: — «…Использование новейших открытий психологии и психофармакологии в целях формирования более справедливых и стабильных структурных моделей для правительства, бизнеса, культуры и общества в целом, что окажет положительное влияние на чистоту окружающей среды, повысит надежность системы правосудия, благотворно скажется на использовании потенциала человечества и будет содействовать укреплению мира во всем мире…»

— И в итоге завершение этого надоевшего старого рок-н-ролла, — презрительно добавил Дасти.

— «Промывание мозгов», — заявила Марти.

— Ну, — ответил Чейз, — полагаю, что я не буду спорить с вами по этому поводу, да и по поводу любого иного вашего предположения. Судя по тому, что мне известно, там может оказаться даже потерпевший крушение космический корабль из другой галактики.

— Я предпочел бы пришельцев из космоса, даже кошмарных любителей человеческой печени, — сказал Дасти. — Это напугало бы меня вдвое меньше, чем участие Большого Брата.

— О, это не правительственное учреждение, — заверил его Чейз Глисон. — По крайней мере, у него нет никакой видимой связи с правительством.

— Тогда кто же они такие?

— Институт с самого начала финансировался двадцатью двумя ведущими университетами и шестью частными организациями с толстыми бумажниками из разных концов страны. И так продолжается из года в год. К тому же они получают гранты от крупных корпораций.

— Университеты? — Марти нахмурилась. — Это, похоже, вызовет разочарование у сидящего во мне параноика. Большой Профессор не такое чудовище, как Большой Брат.

— Ты не думала бы так, если бы провела достаточно много времени в обществе Гада Лэмптона, — возразил Дасти.

— А кто такой Гад Лэмптон? — осведомился Чейз.

— Доктор Дерек Лэмптон. Мой отчим.

— Для места, где работают ради мира во всем мире, — сказал Чейз, — оно чертовски хорошо охраняется.

Менее чем в пятидесяти ярдах к северу от них находились огромные ворота, перед которыми должны были останавливаться все автомобили, направлявшиеся в институт, а рядом с воротами была выстроена проходная. В ней, судя по всему, располагалось и караульное помещение. Три человека, одетые в форму, уделяли пристальное внимание каждому посетителю, когда машина приближалась к воротам, а один из охранников даже ходил вокруг автомобилей с зеркалом на шесте и исследовал днища.

— Что они ищут? — вслух подумал Дасти. — Непрошеных гостей или бомбы?

— Скорее всего, и то, и другое. А есть еще и электронная система безопасности,

возможно, получше, чем в Лос-Аламосе[1].

— Может быть, это сравнение и некорректно, — заметил Дасти, — особенно после того, как китайцы смылись из Лос-Аламоса, утащив с собой все наши ядерные секреты.

— Оценивая все эти системы безопасности, — сказала Марти, — мы не должны волноваться по поводу участи китайцев, удравших с нашими *мирными* тайнами.

— Ариман находился в самом сердце этого места, — продолжил рассказ Чейз. — У него была практика в городе, но его настоящая работа проходила здесь. И когда после убийств Пасторе были пущены в ход все нити, чтобы дать этому мерзавцу возможность удрать из города, именно там сидели люди, которые за них тянули.

— Но если они не правительственные чиновники, то как же они могут заставить полицейских, и районных прокуроров, и всех остальных танцевать под свою дудку? — усомнилась Марти.

— С одной стороны, большие деньги. И связи. То, что они не работают прямо на правительство, вовсе не значит, что у них нет связей во всевозможных правительственных структурах… А также в полиции и средствах массовой информации. Связей у этих парней наверняка больше, чем у мафии, зато выглядят они много благообразнее.

— Утверждение мира во всем мире вместо торговли вразнос наркотиками, изготовления пиратских компакт-дисков и ростовщичества.

— Именно так. И, если уж рассуждать дальше, то у них гораздо лучшее положение, чем у любого правительственного учреждения. Никаких надзорных комитетов конгресса. Никаких вздорных политиканов, с которыми нужно было бы объясняться. А просто несколько хороших парней собрались вместе, чтобы делать добрые дела ради светлого будущего, а это значит, что вряд ли найдется чиновник, который станет по-настоящему пристально к ним приглядываться. Черт побери, я уверен, что большинство из них, несмотря на то, чем они тут на самом деле занимаются, искренне считают себя хорошими парнями, спасающими мир.

— Но вы-то так не считаете?

— Нет, потому что Ариман сотворил такое с моими родителями и потому что он так тесно связан с этим заведением. Но большинство местных жителей вовсе не думают об этом институте. Он их не интересует. А если и думают о нем, то с каким-то невнятно-теплым чувством земляка.

— А кто такие Беллон и Токлэнд? — спросила Марти.

— Корнелл Беллон и Натаниэль Токлэнд. Две важные шишки в мире психологии, бывшие профессора. Им принадлежит идея создания института. Беллон умер несколько лет назад. Токлэнду семьдесят девять лет, он на пенсии, женился на шикарной остроумной леди потрясающей наружности — причем богатой наследнице! — лет на пятьдесят моложе его. Если бы вы увидели их вместе, то никогда в жизни не смогли бы понять, что она нашла в нем: он уродливый старик, полностью лишенный чувства юмора.

Марти взглянула в глаза мужу.

— Хокку?

— Или что-нибудь наподобие.

— Так или иначе, но я подумал, что вам полезно будет увидеть это место, — сказал Чейз. — Потому что это каким-то образом, сам не знаю каким, позволяет понять, кто такой Ариман. И дает вам лучшее представление о том, против чего вы выступили.

Несмотря на явное архитектурное влияние Райта, институт выглядел так, словно был предназначен для того, чтобы возвышаться в диких отрогах Карпатских гор, неподалеку от замка барона фон Франкенштейна, постоянно окутанный туманом и поражаемый разрядами молний, которые не столько разрушали, сколько укрепляли бы твердыню.

* * *

1 Крупнейший в США центр исследований в области ядерного оружия и атомной энергетики.

После прекрасного завтрака доктор Ариман намеревался проехать мимо жилища Родсов и взглянуть на то, что осталось от него после пожара. Но теперь, когда Скит и очкастое воплощение комиссара Мегрэ сидели у него на хвосте, этот маршрут показался ему неблагоразумным.

В любом случае этот день у него не был полностью посвящен досугу: после полудня его должен был посетить пациент. И Ариман неторопливо направился прямо к своему офису на Фэшион-айленд.

Заехав на стоянку, он сделал вид, что не замечает, как следом туда вкатился бежевый пикап и остановился в двух рядах от его «Мерседеса».

Окна его помещений на четырнадцатом этаже смотрели на океан, но он сначала зашел в приемную специалиста ухо-горло-носа, располагавшуюся с восточной стороны здания. Оттуда открывался вид прямо на стоянку автомобилей.

Регистраторша, что-то яростно печатавшая на машинке, даже не взглянула на Аримана, когда тот подходил к окну. Без сомнения, она решила, что это просто еще один пациент, которому придется дожидаться приема среди остальных сопливых, красноглазых, осипших страдальцев, сидевших на неудобных стульях и читавших слезящимися глазами древние, пропитанные бактериями журналы.

Он сразу же увидел свой «Мерседес» и быстро нашел бежевый пикап с белым тентом. Бесстрашный дуэт вышел из грузовичка. Они разминали ноги, размахивали руками, глотали свежий воздух, очевидно, намереваясь выжидать, пока их объект не появится вновь. Отлично.

Войдя в свой офис, доктор спросил у Дженнифер, секретарши, понравились ли ей сандвичи с соевым сыром и проросшими бобами на ржаных крекерах — ее обычный ленч по четвергам. Получив заверения в том, что они были восхитительны — Дженнифер была просто помешана на здоровой пище и к тому же наверняка родилась лишенной половины положенных человеку вкусовых сосочков на языке, — он потратил еще несколько минут, притворяясь заинтересованным ее теорией о чрезвычайной полезности широкого употребления в пищу вымирающего дерева гингко билоба, и, наконец, закрылся в своем кабинете.

Он позвонил Седрику Хоторну, своему мажордому, и потребовал, чтобы тот пригнал ему наименее заметный автомобиль из его коллекции — «Шевроле-Эль-Камино» 1959 года. Автомобиль следовало поставить на стоянке у здания, соседнего с тем, где находился офис Аримана. Ключи нужно было оставить в специальной магнитной коробке под задним бампером, справа. Жена Седрика могла поехать следом за мужем в другом автомобиле и отвезти его домой.

— Да, и возьмите лыжную маску, — добавил доктор. — Оставьте ее под сиденьем водителя.

Седрик не стал спрашивать, зачем понадобилась лыжная маска. Задавать вопросы не входило в его обязанности. А выполнять свои обязанности он умел очень хорошо. Был очень хорошо *обучен* этому.

— Да, конечно, сэр, одна лыжная маска.

Огнестрельное оружие у доктора уже было с собой.

Стратегию он выработал.

Все детали игры расположились по своим местам.

Вскоре игра начнется.

ГЛАВА 66

В усадебном доме на ранчо были выщербленные от возраста каменные полы, какие исстари делают в своих жилищах мексиканские ранчерос, и потолки из осиновых досок,

уложенных сверху на массивные балки. В главных комнатах в каминах, украшенных глиняными изваяниями чувственных форм, потрескивали ароматные дрова — испускавшие слабый запах смолы сосновые шишки и тонко наколотые кедровые лучины. Кроме обитых материей кресел и диванов, вся остальная мебель — столы, стулья и шкафы — относилась к началу сороковых годов и напоминала о модных в то время гарнитурах Стикли. На полах повсюду были разложены прекрасные коврики работы индейцев-навахо — кроме той комнаты, где встретили смерть сын и жена хозяина ранчо.

Там не горел камин, не зажигалось электричество. Пол был голым. Не осталось никакой мебели, кроме одного предмета.

В лишенное занавесок окно проникал слабый серый свет; стены источали холод. Время от времени Марти боковым зрением замечала нечто странное: будто что-то преграждает путь серому свету, будто он чуть заметно преломляется, проходя сквозь почти бесплотную фигуру, беззвучно пересекающую освещенную полосу. Но когда она смотрела прямо, там ничего не оказывалось. И все же здесь было легко поверить в чье-то незримое присутствие.

В центре комнаты стоял деревянный стул с высокой прямой спинкой и голым плоским сиденьем. Вероятно, он был выбран именно из-за своего крайнего неудобства. Ведь недаром многие монахи древности полагали, что комфорт мешает сосредоточиться в размышлениях и уменьшает действенность молитвы.

— Я сижу здесь по нескольку раз каждую неделю, — задумчиво сказал Бернардо Пасторе, — обычно десять-пятнадцать минут… А иногда по нескольку часов.

Его голос был грубым, слова частенько звучали нечленораздельно. Они застревали у него во рту, словно камешки, но он терпеливо, с трудом, полировал их и все же извлекал наружу.

Дасти держал диктофон так, чтобы встроенный микрофон был все время обращен к хозяину. Таким образом он рассчитывал с максимальной четкостью записать его не всегда разборчивые слова.

Правая половина восстановленного хирургами лица Бернардо Пасторе была совершенно неподвижна, лицевые нервы были безнадежно повреждены. Половина верхней челюсти и подбородка состояли из металлических пластин, проволоки, хирургических винтов, силиконовых вставок и костных трансплантатов. В результате челюстной аппарат мог относительно прилично выполнять свои функции, но внешний вид исправить не удалось.

— Весь первый год, — сказал Бернардо, — я провел очень много времени, сидя на этом стуле и пытаясь понять: как же это могло случиться, почему этот ужас смог произойти?

Когда Бернардо вбежал в эту комнату, услышав выстрелы, убившие его спящего сына, его встретили две пули, выпущенные почти в упор его женой, Файоной. Первая угодила ему в правое плечо, а вторая раздробила челюсть.

— Проходило время, и мне все так же казалось, что происшедшее не имеет никакого разумного объяснения. И ничем, кроме черной магии, это объяснить нельзя. И сейчас я также сижу здесь и думаю только о них, пытаюсь сообщить им, что я люблю их, объясняю ей, что я не виню ее, что я знаю: для нее то, что произошло, такая же загадка, как и для меня. Потому что, я уверен, так оно и есть. Иначе не может быть.

Хирурги уверяли, что он выжил вопреки всем законам природы. Пуля страшной убойной силы невероятным образом отрикошетила от нижней челюсти, проскользнула по сосцевидному отростку и вылетела наружу над дугой, не задев височной артерии. Отклонись пуля хотя бы на полдюйма — и ни один врач, сколь бы искусен он ни был, не смог бы спасти Бернардо Пасторе.

— Она любила Дайона ничуть не меньше, чем я, и поэтому все, что было написано ее рукою в предсмертной записке о том, что я будто бы творил с нею и с Дайоном, не могло ни в коей мере соответствовать истине. И даже в том случае, если бы я был чудовищем и творил такие вещи, которые могли бы довести ее до самоубийства, то все равно она была не из тех женщин, которые могли бы убить ребенка; неважно, своего собственного или совершенно незнакомого.

Пасторе, с трудом переступая, подошел к высокому комоду, стоявшему около того самого окна, которое было открыто в ту летнюю ночь.

— Он был именно здесь. Стоял совсем рядом и глядел на нас, и на его лице было такое ужасное выражение… Он ухмылялся. Вся его рожа была потной от волнения. А глаза сияли.

— Вы говорите об Аримане? — спросил Дасти, наклонившись к микрофону.

— О докторе Марке Аримане, — подтвердил Пасторе. — Он стоял там, как будто заранее знал, что произойдет, как будто у него был билет в первый ряд. Он глядел на меня. Я не могу передать словами, что я увидел в этих глазах. Но, если те грехи, которые я совершил в своей жизни, перевесят все мои добрые поступки, если я попаду туда, где нам придется держать ответ за все, содеянное мною, только там, без сомнения, мне может выпасть ужасная возможность еще раз увидеть эти глаза. — Он немного помолчал, глядя в окно, где теперь не было ничего, кроме сумеречного света. — А потом я упал.

Он оказался на полу неповрежденной половиной лица вниз, но ему предстояло еще увидеть, как его жена убьет себя и рухнет на пол. Он был не в состоянии преодолеть те несколько дюймов, которые разделяли их.

— Она была спокойна очень странным спокойствием. Словно не осознавала, что делает. Она ни на секунду не заколебалась, не проронила ни слезинки.

Истекающий кровью, с трудом превозмогающий боль, от которой выворачивало все нутро, Бернардо Пасторе то и дело терял сознание. Но каждый раз, приходя в себя, он подползал на несколько дюймов ближе к тумбочке, на которой стоял телефон.

— Я слышал снаружи голоса койотов. Сначала они доносились издалека, из пустыни, но потом стали звучать все громче и громче. Я не знал, стоит ли Ариман до сих пор за окном, но подозревал, что он ушел, и боялся, что койоты, привлеченные запахом крови, могут прорваться в комнату сквозь тонкую сетку. Это робкие существа — поодиночке… Но в стае…

Он добрался до телефона, стащил его на пол и вызвал помощь: преодолевая мучительную боль, пробормотал своим разбитым ртом несколько малопонятных слов.

— А потом я ждал и все время думал, что умру прежде, чем сюда кто-то приедет. И это было бы хорошо. Возможно, это было бы наилучшим выходом. После ухода Файоны и Дайона жизнь перестала интересовать меня. Только два соображения заставляли меня продолжать цепляться за нее. Было необходимо раскрыть причастность к происшедшему доктора Аримана. Я хотел правосудия. А второе… Хотя я был готов к смерти, но не желал, чтобы койоты сожрали меня и мою семью, как кроликов, которых они с таким упорством разыскивают.

Судя по тому, насколько громкими стали вой и рычание, стая койотов собралась под окном. Когти передних лап клацали о подоконник. Рычащие морды тыкались в непрочную сетку.

Пасторе все больше слабел, его мысли путались, и ему стало казаться, что за окном возятся вовсе не койоты, а существа, которых прежде никто не видал в Нью-Мексико, пришедшие из иного мира сквозь невидимую дверь, скрывающуюся в ночной тьме и состоящую из нее же. Сородичи Аримана, только глаза у них еще более чуждые людям, чем у доктора. И тычутся они в сетку не потому, что желают насытиться теплой плотью, а потому что стремятся захватить три отходящие души.

* * *

Единственным на сегодня посетителем доктора была тридцатидвухлетняя жена человека, заработавшего в течение всего лишь четырех лет полмиллиарда долларов на интернет-бирже.

Хотя она была привлекательной женщиной, он взял ее в свои пациентки не из-за внешности. Он не испытывал к ней никакого сексуального влечения, так как она пришла к

нему уже с нервами, истрепанными, как у лабораторной крысы, которую на протяжении многих месяцев терзают непрерывными изменениями в лабиринте и бессистемными ударами тока. Аримана же возбуждали только те женщины, которые приходили к нему здоровыми и невредимыми и, следовательно, могли его стараниями лишиться и здоровья, и жизни.

Богатство пациентки тоже не было решающим соображением. Доктор никогда не испытывал недостатка в деньгах и поэтому откровенно презирал тех людей, поступками которых управляли корыстные мотивы. Лучшая работа всегда делалась им ради того удовольствия, которое она приносила.

Супруг поторопился препоручить даму заботам Аримана не столько потому, что особенно волновался за ее здоровье, сколько потому, что намеревался баллотироваться в сенат Соединенных Штатов. Он полагал, что его политическая карьера может оказаться под угрозой из-за эксцентрических вспышек, граничащих с невменяемостью, которым была подвержена его жена. Скорее всего, эти опасения были безосновательны, так как подобного рода приступы на протяжении долгих лет наблюдались как у множества политиканов различной политической ориентации, так и у их жен и приводили лишь к легкому раздражению, проявлявшемуся во время социологических опросов. Кроме того, муж был неприятен, как мертвая жаба, и вообще никогда не мог быть никуда избран.

Доктор взялся за лечение этой женщины потому, что действительно заинтересовался состоянием ее психики. Она старательно загоняла себя в уникальную фобию, которая могла дать интересный материал для будущих игр Аримана. Он также намеревался использовать ее случай в своей будущей книге, посвященной навязчивым идеям и фобиям, которой он пока что дал условное название «Не бойся, я с тобой», хотя, конечно, там она будет фигурировать под криптонимом, дабы ее личная жизнь не оказалась никоим образом задета.

Жена потенциального сенатора уже в течение продолжительного времени питала нездоровый интерес к актеру Киану Ривзу. У нее скопилось множество толстенных альбомов, наполненных фотографиями Киану, статьями о Киану и обзорами фильмов Киану. Ни один критик и вполовину не мог сравниться с нею в знании фильмографии этого актера, поскольку в своем удобном домашнем Кианотеатре на сорок мест она просмотрела каждый из фильмов Киану по меньшей мере двадцать раз. Однажды она провела сорок восемь часов, непрерывно, раз за разом просматривая «Скорость», пока наконец не потеряла сознание от переутомления. Недавно она купила у Картье кулон — сердце из золота, усыпанное алмазами, — и распорядилась выгравировать на нем слова: «Я без ума от Киану».

Но внезапно, по неведомым для пациентки причинам, все цветы этого праздника увяли. Она начала подозревать, что у Киану имеется какая-то темная сторона. Что он узнал о ее интересе к нему, недоволен ее поведением. Что он нанимает людей следить за нею. А потом она стала считать, что следит он сам. Когда звонил телефон, она снимала трубку, и если ничего не слышала или слышала что-нибудь, наподобие: «Простите, я ошибся номером», то была абсолютно уверена, что это звонил Киану. Прежде она обожала его лицо, а теперь стала бояться его. Она разорвала все альбомы и сожгла все его фотографии, имевшиеся в ее спальне, потому что пребывала в уверенности, что он мог издалека рассматривать ее глазами любого своего портрета. Последнее время стоило ей увидеть его лицо, как ее охватывала паника. Она не могла больше смотреть телевизор, боясь увидеть рекламу его последнего фильма. Она не осмеливалась читать большинство журналов, потому что могла, перевернув страницу, наткнуться на глядящего на нее Киану. Даже увидев его имя, напечатанное на бумаге, она впадала в тревогу, и потому список безопасных для нее периодических изданий теперь ограничивался лишь «Журналом внешней политики» и узкоспециальной медицинской литературой типа «Вестника клинической нефрологии».

Доктор Ариман знал, что случай этой пациентки является прямо-таки образцовым и что вскоре она придет к полной уверенности в том, что Киану Ривз преследует ее повсюду, куда бы она ни направилась. На этом этапе фобия стабилизируется. А потом ей придется либо научиться жить ограниченной жизнью, наподобие той, которую вела Сьюзен Джэггер, не желавшая смириться с властью агорафобии, либо дойти до полномасштабного психоза. Тогда

ей потребуется по крайней мере непродолжительная госпитализация в хорошем стационаре.

Считалось, что таким пациентам показана лекарственная терапия, но доктор не собирался лечить эту пациентку традиционными методами. В конечном счете он предполагал провести с ней три сеанса программирования; не для того, чтобы подчинить себе, а просто приказать больше не бояться Киану. Таким образом он получит для своей будущей книги большую главу, посвященную блестящему случаю излечения, которое он припишет своим навыкам ученого и гениальности врача. В этой главе будет описана история сложного случая психотерапии, которую он на самом деле не проводил.

Но он пока что не начинал «промывать» ей мозги, потому что фобии нужно было дать время для созревания. Женщина должна была пройти через еще большие и продолжительные страдания, чтобы случай блестящего исцеления тяжелой больной произвел большее впечатление, а также и для того, чтобы ее благодарность после излечения оказалась безграничной. Если провести все должным образом, то можно рассчитывать даже на то, что после выхода книги она согласится принять вместе с ним участие в ток-шоу Опры Уинфри.

И вот теперь, сидя в кресле по другую сторону низенького столика от нее, он слушал ее лихорадочные измышления по поводу бессовестного коварства мистера Ривза, не утруждая себя записями, так как невидимый диктофон записывал и ее монолог, и его периодические наводящие вопросы.

Доктор, никогда не считавший нужным подавлять свои озорные порывы, внезапно подумал, как смешно было бы, окажись на месте того актера, который выжидал сейчас момента, чтобы совершить покушение на президентский нос, Киану Ривз собственной персоной. Какой ужас должен бы охватить эту пациентку после сообщения о происшествии! Она обязательно пришла бы к убеждению, что несчастье должно было постигнуть ее собственный нос и лишь рок выбрал предводителя нации, чтобы спасти от злодея Киану ее самое.

Ну ладно. Если вселенная обладала каким-то чувством юмора, то оно, конечно, было далеко не таким тонким, как у доктора.

— Доктор, вы не слушаете меня.

— Нет, что вы, — заверил он пациентку.

— Нет, вы витаете в каких-то облаках. Я оплачиваю собственные визиты к вам по часам не для того, чтобы вы спали тут с открытыми глазами, — резко заявила она.

Хотя всего лишь пять коротких лет назад самой большой роскошью, которую могли позволить себе и эта женщина, и ее скучный муж, была жареная картошка с «биг-маком», сейчас они вели себя властно и требовательно, как будто богатство сопутствовало им от рождения.

На самом же деле и ее безумие, связанное с Киану, и ненормальная потребность ее мужа с выразительным, как сковородка, лицом искать самоутверждения в урне для избирательных бюллетеней проистекали из внезапности обрушившегося на них финансового успеха, из угрызений совести за то, что они получили так много, приложив для этого так мало усилий, и из невысказанного опасения, что так неожиданно обретенное ими благосостояние может так же внезапно улетучиться.

— Нет ли у вас конфликта интересов пациентов, доктор? — вдруг спросила она с заметным волнением.

— Простите, не понял вас?

— Скрытый конфликт интересов пациентов. Доктор, вы не знакомы с К-к-к-киану?

— Нет, что вы. Конечно, нет.

— Скрыть связь с ним было бы крайне неэтично. Крайне. Но, насколько мне известно, вы не способны на неэтичный поступок. Хотя вообще-то что я на самом деле о вас знаю?

Вместо того чтобы выхватить из кобуры «Таурус PT-111 миллениум» и преподать этой обнаглевшей выскочке урок хороших манер, доктор пустил в ход свое непревзойденное обаяние и принялся ласковым голосом опровергать ее бредовые предположения.

Настенные часы показывали, что до тех пор, когда он сможет выпустить ее в мир, по

которому бродит злобный Киану, остается менее получаса. А потом он займется Скитом Колфилдом и его краснолицым приятелем.

* * *

В некоторых местах в глянцевой поверхности пола были заметны глубокие проплешины.

— Здесь я видел пятна крови, — объяснил Бернардо Пасторе. — Пока я находился в больнице, друзья вычистили комнату, избавились от мебели, всего, что тут было. Когда я вернулся, никаких пятен не было… Но я все равно видел их и целый год продолжал понемногу оттирать. Но не от крови я пытался таким образом избавиться, а от горя. Когда я наконец понял это, то перестал скоблить пол.

В первые несколько дней, которые он провел в реанимации, речь шла только о его физическом выживании. Большую часть времени он пребывал в бессознательном состоянии, но даже когда приходил в себя, то не мог ничего сообщить: его лицо было страшно изувечено, и раны воспалились. К тому моменту, когда он смог выдвинуть обвинение против Аримана, психиатр уже подготовил себе надежную оправдательную легенду и подобрал «свидетелей».

Пасторе шагнул к окну спальни и посмотрел наружу.

— Именно здесь я его видел. Он стоял тут и смотрел в комнату. Это не было галлюцинацией, возникшей после того, как я получил ранение, как они пытались доказать.

Дасти подошел вплотную к владельцу ранчо, держа диктофон на расстоянии двух футов от его лица.

— И вам никто не поверил?

— Несколько человек поверили. Но из тех, чье мнение что-то значило, — только один. Полицейский. Он начал проверять алиби Аримана и, вероятно, нашел какую-то зацепку, потому что ему вскоре перебили суставы. А когда он выздоровел, то ему поручили другое дело, а это закрыли.

— Как вы считаете, он согласится поговорить с нами? — спросил Дасти.

— Да. Думаю, что теперь, когда прошло столько времени, он согласится. Я позвоню ему и расскажу о вас.

— Было бы хорошо, если бы вы смогли договориться с ним на этот вечер. Вероятно, завтра Чейз Глисон устроит нам встречи с бывшими учениками «Зайчика» и мы будем заняты.

— Все, что вы пытаетесь сделать, не имеет никакого смысла, — сказал Пасторе. Он глядел в окно, но, скорее, видел перед собой либо прошлое, либо будущее. — Ариман неприкосновенен.

— Посмотрим.

Даже в сером свете, с трудом пробивавшемся сквозь толстый слой пыли, покрывавший стекло, грубые келоидные рубцы на лице Пасторе выделялись безобразными красными пятнами.

Как будто ощутив взгляд Марти, владелец ранчо обернулся к ней.

— Боюсь, что я теперь буду являться вам в ночных кошмарах, мэм.

— Только не мне. Мне нравится ваше лицо, мистер Пасторе. В нем видны честность и достоинство. Кроме того, человеку, которому довелось повстречаться с Марком Ариманом, никакие другие кошмары уже не страшны.

— Вы, без сомнения, правы, — ответил Пасторе, вновь повернувшись к затухавшему за окном дню.

Дасти выключил диктофон.

— Теперь можно удалить большую часть этих шрамов, — сказал Бернардо Пасторе. — Меня уговаривали сделать еще одну операцию на челюсти. Обещали, что воссоздадут ее

естественный контур. Но какая мне разница, как я выгляжу?

Ни Дасти, ни Марти не нашлись что ответить. Владельцу ранчо было не больше сорока пяти лет, ему предстояла еще долгая жизнь, но никто не мог заставить его пожелать этой жизни. Никто, и в первую очередь он сам.

* * *

Дженнифер жила менее чем в двух милях от офиса. И в хорошую, и в плохую погоду она ходила на работу и с работы пешком, так как ходьба являлась такой же неотъемлемой частью ее здорового образа жизни, как и соевый сыр, проросшие бобы и гингко билоба.

Сегодня доктор попросил ее оказать ему услугу: отогнать его автомобиль в ремонтный цех представительства фирмы «Мерседес» и оставить его там, чтобы в машине заменили масло и шины.

— Они доставят вас домой в своей разъездной машине.

— О, в этом нет необходимости, — ответила она, — я доберусь оттуда пешком.

— Но это не меньше девяти миль.

— Неужели? Это далеко!

— А что, если пойдет дождь?

— Уже передали другой прогноз. Дождь будет завтра, а не сегодня. Ну, а как же вы попадете домой?

— Я сейчас пойду к Барнсу и Ноблю, пороюсь в книгах, — принялся уверенно лгать Ариман. — Потом я договорился встретиться со знакомым, мы немного выпьем, и он отвезет меня. — Ариман посмотрел на наручные часы. — Можно заканчивать. Скажем, минут через пятнадцать. Тогда вы, даже с учетом девятимильной прогулки, окажетесь дома в обычное время. И, кстати, возьмите тридцать долларов из кассы. Тогда вы сможете, если захотите, по дороге зайти пообедать в то заведение, которое вам так нравится, — кажется, «Зеленые луга»?

— Вы самый внимательный человек из всех, кого я знаю, — благодарно отозвалась секретарша.

Пятнадцати минут было вполне достаточно для Аримана, чтобы выйти из здания через главный вход, который находился вне поля зрения мальчишек из бежевого пикапа, перейти к соседнему дому и к находившейся за ним стоянке автомобилей, где его дожидался «Шевроле-Эль-Камино» 1959 года.

* * *

Скаковые круги и паддоки[1] были пусты: все обитавшие в местных конюшнях лошади дожидались снежной бури в теплых стойлах.

Когда Марти оглянулась, стоя возле автомобиля, усадебный дом уже не показался ей таким необычайным и романтическим, каким выглядел, когда они только подъехали к нему. Как и многие другие архитектурные сооружения Нью-Мексико, это место на первый взгляд производило впечатление волшебного творения, будто извлеченного могучим заклинанием из недр пустыни. Но теперь покрытые патиной времени глиняные стены уже выглядели не более романтическими, чем грязь, а сам дом, казалось, не вздымался из земли, а, наоборот, оседал, погружался в почву пустыни, из которой был рожден, и вскоре должен был исчезнуть, как будто никогда не существовал, вместе с теми людьми, которые некогда знали любовь и радость в его стенах.

— Интересно, во что же мы вляпались? — задумчиво сказал Дасти. Марти вела машину

1 Небольшое огороженное поле на ипподроме, где перед скачками седлают лошадей, а жокеи садятся верхом; также площадки рядом с конюшнями, куда лошадей можно выводить прямо из стойл.

прочь от ранчо. — Что же такое Ариман… кроме того, чем он кажется?

— Ты имеешь в виду его связи, этот институт, тех, кто его защищает, и причины, по которым они это делают?

— Нет. — Его голос звучал негромко и торжественно, словно он говорил о чем-то священном. — Кто он такой, этот парень, если только отказаться от самых очевидных и простых определений?

— Человеконенавистник, страдающий комплексом Нарцисса, согласно доктору Клостерману. — Но Марти сама знала, что это тоже не те слова, которые он пытался найти.

Протяженность покрытой гравием частной дороги, соединявшей ранчо с магистральным шоссе, была более мили. Сначала дорога шла по ровной, как стол, степи, а потом пробегала вверх и вниз по нескольким холмам. Под холодным суровым гипсовым небом в этот последний светлый час зимнего дня темно-зеленые заросли шалфея, казалось, были испещрены серебристыми пятнами покрытых инеем листьев. Кустики перекати-поля в этот затаивший дыхание день стояли столь же неподвижные, как и странные скальные образования, напоминавшие наполовину ушедшие в землю скелеты доисторических бегемотов.

— Если сейчас прямо из пустыни появится Ариман, — сказал Дасти, — то, интересно, полезут ли за ним тысячи послушных ему, как котята, гремучих змей, покинувших свои зимние логова?

— Не пугай меня, милый.

И все же Марти без всякого труда представила себе Аримана перед окном спальни Дайона Пасторе после стрельбы. Он стоит среди хищников, ничуть не встревоженный их появлением, словно потребовал себе почетного места в их стае и получил его. Он приник лицом к сетке и принюхивается к густому запаху крови, а у его ног, скаля страшные зубы, басовито рычат волки прерий.

Там, где гравийная дорога, перевалив через вершину холма, круто спускалась вниз, кто-то положил поперек дороги утыканную длинными шипами ленту — такими пользуются полицейские, когда не могут иным способом остановить преследуемого во время опасной для участников и окружающих погони по городским улицам. Марти увидела ее слишком поздно. Она затормозила, и в тот же миг хлопнули обе одновременно проколотые передние шины.

Рулевое колесо задергалось, пытаясь вырваться из рук Марти, а она отчаянно пыталась удержать контроль над машиной.

Прогрохотав по днищу, как взбешенная гремучая змея с перебитым позвоночником, лента-ловушка нашла еще нетронутую резину и впилась острыми зубами в задние колеса. Они тоже сразу же спустили.

Все четыре спущенные шины бессильно пробуксовывали и загребали мелкий гравий. Марти в этих условиях было труднее справиться с машиной, чем если бы та скользила по гладкому льду. Автомобиль развернуло поперек дороги.

— Держись! — выкрикнула она, хотя напоминать об этом не было никакой необходимости.

А потом в дороге нашлась выбоина.

«Форд» подбросило, он покачнулся, казалось, задумался на долю секунды и перевернулся.

Раз, другой… Нет, подумала Марти, может быть и три — ведь не подсчет переворотов занимал ее сейчас в первую очередь, особенно после того, как машина перевалилась через край дороги в широкую сухую низину и как-то удивительно лениво прокатилась еще футов двадцать. Потом со звоном разлетелось ветровое стекло, послышался скрежет разрываемого металла, и «Форд», наконец, замер вверх колесами.

ГЛАВА 67

Запах бензина быстрее, чем нашатырный спирт, вывел Марти из шока. Она слышала, как бензин булькает, вытекая из какой-то разорвавшейся трубки.

— Ты цел?

— Да, — подтвердил Дасти. Он сражался с ремнем безопасности и чертыхался, потому что то ли защелка не желала действовать, то ли был слишком дезориентирован для того, чтобы отыскать ее.

Марти, висевшая вверх тормашками на своем ремне безопасности, смотрела *вверх* на рулевое колесо и, еще выше, на свои ноги и пол машины. У нее тоже слегка закружилась голова.

— Они скоро должны оказаться здесь.

— Пистолет, — быстро напомнил он.

«Кольт» лежал в ее сумочке, но сумочки на месте, между бедром Марти и дверью, больше не было.

Инстинкт велел ей посмотреть на пол, но пол находился теперь у нее над головой. Сумочка не могла упасть вверх.

Дрожащими пальцами она нащупала застежку, выскользнула из не сразу пожелавших выпустить ее ремней и ткнулась головой в потолок.

Голоса. Довольно далеко, но приближаются.

Она готова была держать пари на свой дом, что приближающиеся к ним люди не были медработниками, спешившими им на помощь.

Дасти тоже выпутался из привязи и, ловко перевернувшись, сел на потолок.

— Где он?

— Я не знаю. — Голос Марти звучал хрипло, потому что из-за усиливавшегося зловония бензина дышать становилось все труднее с каждой секундой.

Внутри опрокинутого автомобиля было почти совсем темно. Снаружи свинцовый цвет плотно затянутого тучами неба сменился грязной синевой сумерек. Вместо рассыпавшегося в мелкую крошку ветрового стекла проем забили сорванные кусты перекати-поля и прочая зелень, так что свет туда почти не проникал.

— Вот! — воскликнул Дасти.

Даже раньше, чем он заговорил, Марти сама увидела сумочку возле заднего окна и, вытянувшись на животе, дотянулась до нее.

«Молния» была не застегнута, и из сумки вывалилось несколько мелочей. Она оттолкнула компактную пудру, гребенку, тюбик помады, еще что-то и выхватила из среднего отделения увесистый фетровый мешочек с оружием.

На выставленное навстречу небу днище автомобиля с грохотом посыпались мелкие камешки, вылетавшие из-под ног спускавшихся от дороги людей.

Марти посмотрела в оказавшиеся над самой землей боковые окна — сначала в левое, потом в правое, — ожидая сначала увидеть их ноги.

Она постаралась прислушаться, чтобы уловить, с какой стороны они подойдут, но была вынуждена часто и шумно дышать, так как воздух был густо насыщен парами бензина. Дасти тоже задыхался, и отчаяние, которое они угадывали в хриплом дыхании друг друга, было для них даже страшнее, чем грохот сыплющихся камней.

Тук-тук, тук-тук… Это был не стук ее сердца, оно билось куда быстрее. *Тук-тук, тук-тук…* Потом ей на щеку упала капля, заставив ее дернуться от неожиданности и взглянуть вверх, на днище автомобиля. Сквозь половое покрытие просачивался бензин.

Марти оглядела пол, ставший потолком, и нашла еще три или четыре места, в которых топливо текло в салон. Капли собирали в себя скудный свет и сверкали в падении, как жемчужины.

Лицо Дасти. Широко раскрытые глаза, в которых написано понимание их безнадежной ситуации.

Едкие пары выжимали обильные слезы из глаз Марти, но хотя его лицо и расплывалось

перед нею, она разглядела шевеление его губ и скорее угадала, чем расслышала его слова:

— Не стреляй, — чуть слышно прохрипел он.

Марти и сама понимала это. Если даже вспышка огня, вырвавшись из дула, не вызовет взрыва паров бензина — а она его вызовет, — то это неминуемо сделает искра от рикошета. И они сгорят заживо.

Она вытерла слезы с глаз тыльной стороной ладони и увидела в ближайшем к себе окне пару ковбойских сапог. Одновременно кто-то принялся отдирать перекошенную заклиненную дверь.

* * *

Темно-фиолетовый, цвета черного винограда, «Шевроле-Эль-Камино» 1959 года выпуска отличался замечательной отделкой: светонепроницаемый откидной тент и выдвижная крыша с пневматическим приводом, которыми можно было пользоваться на выбор, зализанные, как карамель, цельные бамперы и красивая радиаторная решетка из толстых труб.

Доктор Ариман ждал, сидя за рулем. Его машина стояла у тротуара, и он хорошо видел выезд со стоянки близ того здания, где размещался его офис.

Под водительским сиденьем лежала лыжная маска. Он проверил это перед тем, как запустить двигатель. Добрый, надежный Седрик.

Ощущение 9-миллиметрового мини-пистолета в кобуре под левой рукой совершенно не воспринималось как неудобство. Даже наоборот, это приятная, теплая, почти неощутимая тяжесть. Бах-бах-бах, вы мертвы!

И тут появилась Дженнифер в «Мерседесе». Она остановилась перед шлагбаумом только для того, чтобы поприветствовать дежурного, так как под ветровым стеклом автомобиля был прилеплен пропуск на месяц. Полосатый барьер взлетел вверх, «Мерседес» проехал под ним и замер, пропуская движущиеся по улице машины.

Следом за ней около будки резко затормозил пикап, и все его антенны яростно задрожали. Дженнифер повернула налево по улице.

Два детектива не догадались заранее подготовить мелочь и потому потеряли около будки гораздо больше времени, чем рассчитывали. К тому моменту, когда они выехали на улицу, «Мерседес» уже сворачивал за угол в конце квартала, и они чуть не потеряли его из виду.

Доктор слегка беспокоился, что, увидев, как в автомобиль садится одна Дженнифер, а не тот, кто их интересует, Скит с корешем засядут на стоянке, чтобы либо дождаться его появления, либо умереть от жажды, что бы ни произошло раньше. Возможно, они не подготовились к оплате именно потому, что спорили, разумно ли будет преследовать автомобиль, в котором едет совсем не тот человек. Но в конце концов они заглотили наживку, на что и рассчитывал доктор.

Он не поехал вслед за ними. Он знал, куда направляется Дженнифер, и отправился в представительство «Мерседеса» своим собственным маршрутом, срезав парочку углов.

«Эль-Камино» с мощным двигателем «шеви-350» двигался быстро и плавно. Доктор с огромным удовольствием пролетел по Ньюпорт-Бич, одним глазом выискивая дорожную полицию и не убирая руки с кнопки гудка, чтобы разгонять в стороны пешеходов, которые осмелились взойти на переход, невзирая на его приближение.

Он поставил машину прямо напротив служебного входа в представительство и более четырех минут ждал появления «Мерседеса» и пикапа. Дженнифер въехала прямо в зону обслуживания, а грузовичок стал на улице, в нескольких метрах перед «Эль-Камино».

Тент полностью заслонял заднее окно пикапа, так что ни Скит, ни его товарищ по приключению не могли без труда разглядеть машины, стоявшие позади. Они, конечно, могли просматривать улицу в свои зеркала заднего вида, но Ариман подозревал, что, поскольку они

считали себя командой бесстрашных наблюдателей, то не могли даже подумать о том, что сами окажутся объектом слежки.

* * *

Сделанный по индивидуальному заказу компактный и очень плоский «кольт» скользнул под ремень джинсов Марти и расположился под поясницей намного лучше, чем она ожидала.

Едва она успела прикрыть его свитером и расправить твидовую куртку, как водительская дверь, издав громкий протестующий скрип искореженного металла, открылась. Мужской голос приказал им выходить.

Марти отчаянно хватала ртом пары бензина, ее легкие, казалось, разрывались от нехватки свежего воздуха. Она на животе проползла по потолку автомобиля к открытой двери и дальше, на воздух.

Мужчина схватил ее за левую руку, грубым рывком поднял на ноги, потащил куда-то за собой — она не успевала переставлять ноги, — а потом оттолкнул в сторону. Она зашаталась, не удержала равновесия и тяжело упала на жесткий песок.

Она не могла сразу же вытащить пистолет, потому что продолжала задыхаться и была полуслепа от слез. В горле больно жгло, во рту был такой сильный вяжущий привкус, что сводило челюсти. Ноздри горели, как обожженные: пары бензина заполнили ее лобные пазухи, они, казалось, разъедали череп под бровями, где теперь вспыхнула пульсирующая головная боль.

Она слышала, как Дасти вытащили из взятого напрокат автомобиля и швырнули на землю рядом с нею.

Они оба сидели прямо там, куда упали, и, дрожа, жадно глотали воздух. Они задыхались, кашляли, а их легкие судорожно выталкивали накопившуюся в них отраву, стараясь вернуться к нормальному состоянию.

В слезившихся глазах Марти все продолжало расплываться, но она все же могла разглядеть двоих мужчин. Один следил за ними; в руке у него, казалось, был пистолет. Второй ходил вокруг перевернутого автомобиля. Крупные люди. Темная одежда. И, похоже, никаких особых примет.

Она почувствовала едва ощутимое прикосновение к своему лицу. Еще, еще… Комары? Туча комаров? Но ведь зима. Нет, это не комары, а снег. Начался снегопад.

Дыхание у нее уже стало легче, хотя еще и не успело прийти в норму, слезы почти прекратились, когда ее схватили за волосы и снова поставили на ноги.

— Пошли, пошли! — нетерпеливо прорычал один из незнакомцев. — Если ты не пошевелишься, то я просто вышибу тебе мозги и оставлю валяться здесь.

Марти приняла эту угрозу всерьез и торопливо зашагала по тому самому некрутому склону, с которого так недавно скатился их автомобиль.

* * *

Появившись на противоположной стороне улицы, Дженнифер совершенно сбила сыщиков с толку. Они были настроены продолжать преследование на своей колымаге, но ни хилый Скит, ни его круглолицый друг не были в достаточно хорошей физической форме для того, чтобы долго шляться по городу пешком.

Кроме того, будто нарочно, чтобы довести их затруднения до крайней степени, Дженнифер шла так, будто за ней гналась по меньшей мере дюжина нахальных коммивояжеров и свора адских псов. Ее голова была высоко поднята, плечи расправлены, грудь выпячена. Энергично вскидывая бедра, она шагала в прохладный предвечерний час, словно намеревалась еще до заката пересечь границу Невады.

На ней был надет тот же самый брючный костюм, в котором она ходила на работе, но обувь она сменила. Вместо туфель на высоких каблуках она обула прекрасные кроссовки фирмы Рокпорта. Все ее имущество лежало в небольшом рюкзачке, висевшем за плечами, так что руки Дженнифер были свободны, и она размахивала ими. Ей, пожалуй, могла бы позавидовать и какая-нибудь участница Олимпийских соревнований по спортивной ходьбе. Волосы Дженнифер собрала в «конский хвостик», подпрыгивавший на каждом шагу. Секретарша доктора Аримана с невероятной скоростью направлялась на обед.

Окна «Эль-Камино» были затемнены, да Дженнифер и не знала этого автомобиля. Поэтому она прошла мимо «Шевроле» своего патрона, даже не повернув головы.

Она повернула за угол, все еще оставаясь в поле зрения Аримана, и направилась вверх по длинному, хотя и некрутому подъему.

Топ-топ-топ; «хвостик» подпрыгивает. Обтянутые брюками ягодицы кажутся настолько твердыми, что о них, наверно, можно колоть грецкие орехи.

После непродолжительного, но ожесточенного, судя по жестикуляции, спора между детективами их автомобиль тронулся с места, проехал мимо «Шевроле-Эль-Камино» (они тоже не удостоили незнакомую машину ни единым взглядом) и свернул за угол, где снова остановился.

Пройдя несколько сотен ярдов, Дженнифер на следующем перекрестке повернула направо и направилась к западу.

Когда она почти скрылась из поля зрения, пикап тронулся вслед за нею. Выждав несколько секунд, доктор отправился за пикапом. Как и в предыдущий раз, грузовичок остановился на шоссе примерно в сотне ярдов позади Дженнифер.

Улица, на которую свернула процессия, на протяжении примерно мили поднималась в гору. Судя по всему, сыщики намеревались наблюдать за Дженнифер до тех пор, пока та не достигнет вершины холма, затем подтянуться к ней вплотную и продолжать слежку, стоя на месте, сколько будет возможно.

До «Зеленых лугов», кулинарной Мекки вегетарианцев, было примерно четыре мили, и Ариман не видел никакого смысла тащиться вслед за пикапом, повторяя его конвульсивные броски. Он проехал мимо грузовичка, обогнал Дженнифер и прямиком направился к ресторану.

Два детектива-любителя чрезвычайно забавляли доктора. Шерлок Холмс и Ватсон, только без мудрости и приличной одежды. Идиотизм придавал этой парочке неотразимое обаяние. Доктор почти сожалел, что ему придется убить их; насколько лучше было бы посадить их в клетку, как ручных мартышек, чтобы они развлекали его скучными вечерами.

Но дело было еще и в том, что с тех пор, как он в последний раз собственноручно лишил человека жизни, прошло уже немало времени. В основном он совершал подобные акции, так сказать, через посредников и теперь с удовольствием предвкушал уже полустершееся в памяти ощущение господина жизни и смерти.

* * *

Серебряные пряди овечьей шерсти, которую невидимые гигантские ножницы беззвучно состригали с неба, отвесно плыли вниз в неподвижном вечернем воздухе, и каждый кустик шалфея, каждый замерзший камень уже принялись одеваться в чистейшие белые свитера.

К тому времени, когда они преодолели подъем, зрение Марти пришло в норму, а дыхание, хотя и оставалось еще затрудненным, стало значительно ровнее. Из-за остававшегося во рту привкуса бензина рот у нее был все еще полон слюны, которую приходилось то и дело сплевывать, но тошнота прошла, и комок из горла исчез.

На дороге, идущей от ранчо, стоял темно-синий «БМВ». Двери автомобиля были открыты, мотор работал, из выхлопной трубы выплескивалась струйка пара. На тяжелые зимние шины были надеты снеговые цепи.

Марти оглянулась назад, в низину, на разбитый «Форд», надеясь, что он взорвется. В этом ровном и тихом краю звук взрыва, конечно, можно было бы услышать и за полмили, в доме на ранчо. А может быть, Бернардо Пасторе взглянул бы в нужный момент в окно и заметил отблеск огня за вершиной холма. Но она сама сознавала тщетность этих надежд.

Несмотря на то что уже почти полностью стемнело, Марти разглядела, что у обоих бандитов были автоматы с магазинами повышенной емкости. Она не слишком хорошо разбиралась в вооружении и знала только, что это оружие неприцельного боя, очень опасное даже в руках никудышного стрелка и, уж конечно, совершенно смертоносное, если им владеют люди, знающие свое дело.

Эти двое, казалось, были созданы в лаборатории, специализирующейся на генетическом клонировании патентованных головорезов. Хотя они были аккуратно подстрижены, одеты в прекрасные зимние пальто и выглядели чуть ли не красавцами, шеи у них были такой толщины, что задушить каждого из них можно было бы, пожалуй, только тросом от механической лебедки, а на своих широченных плечах они вполне были бы в состоянии вынести всех лошадей из горящей конюшни.

Один, с белокурыми волосами, открыл багажник «БМВ» и приказал Дасти залезть туда.

— И не делай глупостей, не пытайся найти там гаечный ключ и наброситься на меня. Я тебя уложу прежде, чем ты успеешь размахнуться.

Дасти и Марти переглянулись, но оба прекрасно понимали, что сейчас неподходящее время для того, чтобы вытаскивать «кольт». Что он может значить против двух автоматов, направленных на них. Не в спрятанном пистолете заключалось их преимущество, а в шансе использовать элемент внезапности. Эта надежда была зыбкой, но тем не менее существовала.

Разозленный заминкой, блондин быстро шагнул вперед и резкой подсечкой сбил Дасти с ног. Тот растянулся на земле.

— Лезь в багажник! — заорал блондин.

Дасти ненавистна была сама мысль о том, чтобы оставить Марти одну с этими громилами, но выбора у него не было. Оставалось повиноваться, и он поднялся на ноги и полез в багажник автомобиля.

Марти видела мужа. Он лежал на боку; на лице застыла ничего не выражавшая маска. Это была типичная поза жертв, приводившаяся в иллюстрациях к многочисленным статьям бульварных газеток о злодеяниях мафии. Из атрибутов, которые так любит желтая пресса, сейчас отсутствовали только кровь и смерть.

И, словно готовя саван, снег посыпался в багажник. Первым делом Марти заметила, как снежинки легли на брови и ресницы Дасти. У нее возникло предчувствие, что она никогда больше его не увидит, и она почувствовала слабость во всем теле.

Блондин захлопнул крышку и повернул ключ в замке. Обойдя машину, он подошел к месту водителя и сел за руль.

Второй человек толкнул Марти на заднее сиденье и быстро скользнул следом за нею. Она оказалась за спиной водителя.

Оба бандита передвигались с изяществом тренированных атлетов, и их облик вовсе не соответствовал традиционному типажу наемных убийц. Свежие лица с высокими лбами, энергичными скулами, патрицианскими носами и квадратными подбородками, и никаких уродливых шрамов. Каждый из них казался тем мужчиной, которого хорошенькая наследница могла бы привести домой к мамочке и папочке, не опасаясь того, что в результате визита ее приданое сократится до единственного заварочного чайника. Они были настолько похожими друг на друга, что различались только цветом волос — один темный блондин, другой медно-рыжий — и манерой поведения.

Блондин казался большим из двоих любителем резких действий. Все еще не успокоившийся от гнева, вызванного тем, что Дасти чуть помедлил перед пастью багажника, он с силой надавил на акселератор. Колеса резко провернулись, разбрасывая загремевший по днищу гравий, и автомобиль рванул прочь от ранчо Пасторе, в направлении шоссе, до которого оставалось всего полмили.

Рыжий улыбнулся Марти и приподнял брови, словно хотел сказать, что его партнер порой не слишком задумывается о своем поведении.

Он держал автомат одной рукой между ногами, направив дуло в пол, и, казалось, никак не предполагал, что Марти могла бы оказать какое-то действенное сопротивление своим похитителям.

И действительно она никак не могла ни выхватить у него оружие, ни нанести удар, который вывел бы его из строя. Такой крупный, сильный и быстрый человек сразу же разобьет ей гортань локтем или же стукнет лицом о дверцу так, что она лишится сознания.

Сейчас ей больше, чем когда-либо в жизни, был нужен Улыбчивый Боб, хоть во плоти, хоть в виде духа. И с пожарным топором в руке.

Она подумала было, что они направляются к шоссе, ведущему на юг. Однако менее чем через четверть мили они покинули дорогу, соединявшую ранчо с шоссе, и съехали на колею, проложенную прямо через заросли шалфея и кактусов. Новая дорога, если ее можно было так назвать, вела на восток.

Марти попыталась восстановить в памяти карту. Вроде бы там, куда они сейчас направлялись, не было ничего, кроме дикой пустыни.

В свете фар летели каскады снега, зыбкие ниагары хлопьев, так что даже если бы впереди горели огни города, то их все равно невозможно было бы рассмотреть. Но Марти нисколько не надеялась на город. Она скорее ожидала, что они остановятся на излюбленной убийцами пустоши, где среди чуть заметных холмиков будут зиять две вновь отрытые безымянные могилы.

— Куда мы едем? — спросила она. Ведь наверняка бандиты будут ожидать от нее возбужденных и испуганных вопросов.

— На улицу любви, — ответил водитель. Его взгляд в зеркале заднего вида нашел ее глаза и всмотрелся в них, разыскивая проявления страха.

— Кто вы такие?

— Мы? Мы — будущее, — заявил водитель.

И снова человек на заднем сиденье улыбнулся и вздернул брови, словно передразнивая драматический пафос своего партнера.

«БМВ» ехал, хотя и не с такой скоростью, как на дороге к ранчо, но все равно слишком быстро для бездорожья. Влетев в глубокую выбоину, автомобиль тяжело подпрыгнул; было слышно, как глушитель и бензобак проскребли по камням. Сразу же автомобиль тряхнуло еще раз.

Поскольку ни рыжий, ни Марти не были пристегнуты ремнями безопасности, их обоих подбросило в воздух и швырнуло на спинку переднего сиденья.

Воспользовавшись моментом, Марти, пока их швыряло на сиденье, сунула правую руку за спину, залезла под жакет и свитер и выдернула пистолет из-за пояса.

Когда автомобиль перестало швырять, пистолет лежал на сиденье под бедром Марти. Рыжий со своего места никак не мог увидеть «кольт», так как оружие было закрыто телом Марти, да еще и полой расстегнутого жакета.

Оружие водителя, скорее всего, лежало на сиденье рядом с ним — только руку протянуть.

Рыжий рядом с Марти все так же держал автомат правой рукой между коленями, направив дуло в пол.

Надо действовать. Действия, опирающиеся на разум, знания и моральную оценку. Она доверяла своему разуму. Убийство, конечно, аморальный поступок, хотя убить при самозащите допустимо. Но время все еще было неподходящим.

Выбрать время. Верный выбор времени одинаково важен и в балете, и в перестрелке. Где-то она слышала эти слова. К сожалению, хотя она и довольно много бывала на стрельбище, стреляя там в бумажные силуэты в форме человеческого туловища, она ничего не знала ни о балетах, ни о перестрелках.

— У вас будут из-за этого большие неприятности, — сказала она, позволив прозвучать в

голосе своему подлинному ужасу. Это должно было укрепить в похитителях мнение о ее полной беспомощности.

Водителю это понравилось.

— Захария, — обратился он к своему партнеру, — как ты думаешь, у нас действительно могут быть неприятности? — Он старательно пытался имитировать дрожь в голосе.

— Нет, — ответил рыжий. Он в очередной раз приподнял брови и пожал плечами.

— Захария, — не унимался водитель, — как мы называем операции наподобие этой?

— Просто взять и вывалить.

— Слышишь, девочка? С ударением на «просто». Делать нечего. Прогулка в парке. Кусок пирога откусить.

— Знаешь, Кевин, — прервал его Захария, — по-моему, ударение на слово «взять».

Кевин расхохотался:

— Девочка, так как брать, в смысле, иметь, будут тебя, а потом вы с мужем оба станете покойниками, то, конечно, для вас это дело серьезное. А вот для нас — ничуть, так ведь, Захария?

— Совершенно.

— И к копам ты тоже не попадешь. Расскажи ей, Захария, куда она попадет.

— Вместе со мной в Оргазмо-сити.

— Забавно вы выражаетесь. А что после Оргазмо-сити?

— Вы отправитесь в старый индейский колодец, — ответил Захария, — бог знает, на какую глубину.

— Индейцы не живут здесь уже триста лет, и все это время им никто не пользуется, — объяснил Кевин.

— Не следует портить никому питьевую воду, — добавил Захария. — Это было бы нарушением федерального закона.

— Никто никогда не найдет ваши тела. Могли же вы после автомобильной аварии просто заблудиться в пустыне, попасть в метель и замерзнуть до смерти.

Скорость автомобиля уменьшилась, и в снегу по обе стороны появились какие-то жуткие контуры. Они были невысокими, волнообразными; эти сливающиеся со снегом и мглой тени, хорошо видные только в свете фар, скользили мимо машины, как призраки кораблей в тумане. Истерзанные непогодой руины. Останки домов давным-давно заброшенного поселения, сложенных из дикого камня и необожженного кирпича с соломенной сечкой.

Когда Кевин остановил машину и поставил ее на ручной тормоз, Марти придвинулась к Захарии и с такой силой ткнула его в бок дулом «кольта», что его лицо перекосилось от боли.

По глазам было видно, что этот человек и бесстрашен, и безжалостен, но не глуп. Не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, он выпустил автомат; оружие почти беззвучно съехало на пол между его ногами.

— В чем дело? — спросил Кевин. «Что-то не так», — подсказал ему инстинкт.

— Выпрямись и положи руки на подголовник, — потребовала Марти, пока водитель пытался разглядеть ее в зеркале заднего вида. Тот не торопился выполнить ее приказание.

— Живо, сукин сын! — крикнула Марти. — Пока я не пробила кишки этому дебилу и не вышибла тебе мозги. Руки на подголовник, чтобы я их видела.

— У нас возникли осложнения, — подтвердил Захария.

Правое плечо Кевина чуть заметно опустилось: он попытался дотянуться до автомата, лежавшего рядом с ним на пассажирском сиденье.

— РУКИ НА ПОДГОЛОВНИК, БЫСТРО, ТЫ, ГОВНЮК! — взревела Марти. Она сама была потрясена, услышав свой голос как бы со стороны. Этот голос принадлежал не женщине, старающейся казаться твердой и неумолимой, а настоящей сумасшедшей. Впрочем, она, вероятно, и была сейчас настоящей сумасшедшей, готовой полностью помешаться от дикого страха.

Кевин сразу же выпрямился, поднял обе руки, поболтал кистями в воздухе и взялся за

подголовник.

Ощущая дуло «кольта», упирающееся в бок, Захария явно не собирался предпринимать активных действий, так как женщина могла нажать на спусковой крючок прежде, чем он успеет что-либо сделать.

— У тебя ничего не было, когда ты вылезла из машины, — заметил Кевин.

— Заткнись. Я думаю.

Марти не хотела бы убивать никого, даже таких подонков, если бы этого можно было избежать. А как избежать? Как она могла выйти из автомобиля и заставить их выйти, не дав им шанса напасть на нее?

А Кевин не умолкал:

— У тебя ничего не было. Где же ты взяла пушку?

Двое, с которых нельзя спускать глаз. А время уходит. Время, пока они растеряны, не знают, что делать.

— Где ты взяла пушку? — продолжал любопытствовать Кевин.

— Вынула из задницы твоего приятеля. А сейчас заткнись.

Чтобы выбраться со стороны водителя, она должна была хоть на мгновение повернуться спиной к одному из них. Это не годится.

Значит, нужно выйти с пассажирской стороны. Заставить Захарию двигаться вслед на ней по сиденью, не отрывая пистолет от его бока, и следить за сидящим спереди Кевином.

Стеклоочистители были выключены, и снег уже начал покрывать ветровое стекло тонким покрывалом. При виде летящих хлопьев она почувствовала головокружение. Не смотреть наружу. Она встретилась взглядом с Захарией, и тот почувствовал ее нерешительность.

Она чуть не отвела глаза, но поняла, что это опасно, нажала на «кольт» еще сильнее и давила до тех пор, пока мужчина не отвел взгляд сам.

— Может быть, это не настоящая пушка, — предположил Кевин, — а пластмассовая игрушка.

— Самая настоящая, — быстро возразил Захария.

Выбраться задом из автомобиля совсем не просто. Она могла споткнуться о порожек или зацепиться полой за дверь. Могла упасть.

— Ты всего-навсего проклятая малярша, — сказал Кевин.

— Я проектировщик компьютерных игр.

— Что?

— Это мой муж маляр.

А после того как она окажется снаружи, когда Захария станет вылезать вслед за нею, он на мгновение загородит открытую дверь, ее пистолет будет так же упираться в него, но она потеряет из виду Кевина.

Единственное, что могло обеспечить ей верную победу, было застрелить их, пока у нее очевидное преимущество. Улыбчивый Боб не говорил ей, что нужно делать, когда рассудок и мораль оказываются в решительном противоречии между собой.

— Мне кажется, леди не знает, что делать дальше, — сообщил Захария своему партнеру.

— Похоже, в нашей партии сложилось патовое положение, — согласился Кевин.

Действовать. Если они решат, что она не способна на безжалостный поступок, то начнут действовать сами. *Думай. Думай.*

ГЛАВА 68

Зимняя сцена, застывшая в заполненном глицерином игрушечном стеклянном шаре: смягченные временем и снегом контуры руин индейского поселения, посеребренная снегом трава, темно-синий «БМВ», в котором сидят двое мужчин и одна женщина, еще один

мужчина невидим — он лежит в багажнике. Двое убийц и две жертвы, и все неподвижно, как Вселенная до Большого взрыва. Никто и ничто не движется, один лишь снег в полном безветрии сыплет с неба, словно рука гиганта слегка встряхивает стеклянный шар. Прекрасный белый снег, достойный арктической зимы.

— Захария, — сказала наконец Марти, — не отворачиваясь от меня, левой рукой откройте вашу дверь. Кевин, держите руки на подголовнике.

Захария потянул за ручку.

— Заперто.

— Отоприте, — потребовала Марти.

— Не могу. В этом автомобиле все двери автоматически блокируются.

— Кевин, где выключатель замка? — спросила Марти.

— На приборной панели.

Если она разрешит ему дотянуться до приборной доски, то его рука окажется в нескольких дюймах от автомата, который, без сомнения, находится на пассажирском сиденье.

— Держите руки на подголовнике, Кевин.

— Какие игры ты проектируешь? — спросил тот, пытаясь отвлечь ее.

— Захария, у вас есть карманный нож? — обратилась Марти к своему соседу, игнорируя вопрос.

— Карманный нож? Нет.

— Очень плохо. Если вы будете так дергаться, то он понадобится вам, чтобы вытащить пару пуль из кишок, потому что вряд ли вы проживете достаточно долго для того, чтобы добраться до больницы, где этим сможет заняться настоящий доктор.

Отодвигаясь на сиденье так, чтобы иметь возможность видеть между двумя подголовниками, что происходит впереди, Марти держала пистолет направленным на рыжего, хотя оружие, конечно, пугало бы сильнее, если бы его дуло продолжало упираться в мягкий бок под ребрами.

— На всякий случай, чтобы вы не ломали себе голову, — ровным голосом сказала она, — у этой штуки нет двойного действия. Один-единственный нажим на курок. Никаких десятифунтовых усилий. Четыре с половиной фунта, легкий и отлаженный механизм, так что дуло не дернется и выстрелы пойдут туда, куда надо.

С заднего сиденья она не слишком хорошо видела, что происходит впереди, и поэтому ей пришлось привстать и наклониться вперед, неловко изогнуть ноги, чтобы держаться вполоборота к Захарии, опираясь плечом на спинку переднего сиденья, держа пистолет прижатым к животу. Неудобно. Глупо, опасно неудобно, но она не могла придумать никакого другого способа держать оружие направленным на Захарию и одновременно видеть руку Кевина, опущенную к приборной панели.

Она не смела попытаться перебраться на переднее сиденье. Она оказалась бы в неустойчивом положении и потеряла бы контроль над Захарией.

Два разъяренных орка и один хоббит заперты в автомобиле. Какова вероятность того, что все трое выйдут оттуда живыми? Несчастные.

Или хоббит выигрывает и переходит на следующий уровень, или игра заканчивается.

Чтобы контролировать то, что происходило на переднем сиденье, ей пришлось отвернуться от Захарии и следить за ним только боковым зрением.

— Один звук движения, одна попытка пошевелиться — и вы мертвы.

— Будь я на вашем месте, то вы уже давно были бы мертвы, — заметил Захария.

— Да, но я не такое птичье дерьмо, как вы. Если вы умный человек, то будете сидеть и благодарить бога за то, что у вас есть шанс выбраться отсюда живым.

Сердце у нее так колотилось, что, казалось, стремилось вырваться на волю из груди. Это было хорошо. Больше крови поступает к мозгу. Яснее мысли. Она чуть заметно повернула голову и наклонилась, чтобы взглянуть на переднее сиденье. Как она и ожидала, автомат Кевина лежал на пассажирском месте и тот мог легко дотянуться до оружия. Большой магазин. На тридцать патронов.

— Ладно, Кевин, медленно и аккуратно протяните правую руку, чтобы отключить блокировку замков, с ударением на «аккуратно», а потом так же медленно поднимите ее и положите на подголовник.

— Не нервничай. Я не стану делать глупости.

— Я не нервничаю, — ответила она и сама удивилась твердости своего голоса. Внутренне она трепетала, как полевая мышь, завидевшая над собой крылья совы. Значит, внешне ей пока что удавалось скрывать свое состояние.

— Я сделаю только то, что ты говоришь. — Кевин медленно вынул правую руку из-за головы.

Марти бросила быстрый взгляд на Захарию. Тот сидел с высоко поднятыми руками, чтобы не спровоцировать ее на выстрел, хотя она не приказывала ему этого — а ведь должна была, — и сразу же перевела взгляд на переднее сиденье.

Рука Кевина, казалось, плыла вниз, к выключателю блокировки замка.

— Я люблю играть в «Кармагеддон», — сказал он. — Ты знаешь эту игру?

— Я ввела бы вас в «Кингпин», — ответила Марти.

— Что ж, это тоже отличная штука.

— Ведите себя поспокойнее.

Он нажал клавишу.

То, что произошло потом, казалось, было спланировано этими двумя путем телепатических переговоров. Замки открылись с отчетливым щелчком. Захария немедленно распахнул дверцу, около которой сидел, и выкатился наружу. Марти краем глаза увидела, как он в падении пытался дотянуться до лежавшего на полу автомата.

Несмотря на то что Марти дважды выстрелила в рыжего — она почувствовала, что по крайней мере одна пуля нашла свою цель, — Кевин рухнул боком на переднее сиденье и схватил свое оружие.

Ее второй выстрел все еще отдавался в тесной коробке автомобиля, как залп артиллерийской батареи, а Марти уже бросилась на пол, чтобы уйти с линии огня, доступной для Кевина в этом положении, приставила «кольт» к спинке переднего сиденья и произвела раз-два-три-четыре быстрых выстрела в обивку. Она, правда, не была уверена, что свинец пробьет все эти каркасы и подкладки.

Она была ничем не защищена ни спереди, ни сверху. Ничто не мешало Кевину точно так же выстрелить в нее сквозь спинку сиденья. Для того, чтобы прикончить ее, хватило бы и части магазина. А в случае промаха он мог подняться и расстрелять ее сверху. Уязвима она была и со стороны открытой двери, куда выскочил Захария со вторым автоматом. Не оставаться на месте. Двигаться, двигаться. Уже в тот самый миг, когда она выпускала в спинку сиденья четвертый патрон, она продолжила борьбу за спасение.

Марти не осмелилась тратить впустую время на открывание двери, находившейся позади нее, и выскочила через ту, которую распахнул Захария, выскочила, возможно, прямо под ливень губительного свинца с одним-единственным патроном в семизарядной обойме.

Никакого свинца. Захария — *по-моему, ударение на слово «взять»* — не поджидал ее. Он был ранен, хотя и не убит, и упал на землю. Это сильное и выносливое животное, в широкой спине которого сидела одна, а то и две пули, пыталось куда-то ползти на четвереньках.

Марти сразу увидела, куда он стремился. К своему автомату. Когда он упал, оружие выпало у него из рук и отлетело в сторону. Оно валялось приблизительно футах в десяти перед ним на выбеленной снегом земле.

Теперь речь шла только о том, как уцелеть. Для дикаря, пробудившегося в ее душе, ничего теперь не значили ни воскресная школа, ни цивилизация вообще. Она пнула раненого в бок, он зарычал от боли, попытался схватить ее за ногу, но упал лицом в снег.

Сердце Марти колотилось, колотилось с такой силой, что с каждым ударом все в глазах подпрыгивало и темнело. От страха перехватывало горло. Воздух обрушивался ей в легкие, как куски льда, а потом почти с таким же шумом выходил наружу. Она пробежала мимо

Захарии к автомату. Подхватила его с земли, ожидая, что в любую долю секунды ее хлестнет и швырнет на землю автоматная очередь.

Дасти, запертый в багажнике «БМВ». Он отчаянно выкрикивает ее имя. Колотит изнутри в крышку.

Удивленная тем, что она еще жива, Марти бросила «кольт». Держа новое оружие обеими руками, она всматривалась в пронизываемую снегом темноту, высматривая цель, но за ее спиной Кевина не было. Водительская дверь была закрыта. Она не могла разглядеть его в автомобиле. Возможно, он лежал мертвым на переднем сиденье. Возможно, нет.

В зимнем небе больше не было заметно ни малейшего проблеска света. Оно потеряло свою гипсовую раскраску. Теперь на западе — остывший пепел, а на востоке — сажа. Падающие снежинки были намного ярче, чем померкшее горнее царство, как будто они были осколками света, последними частицами потрясенного дня, которые подобрала и выбросила прочь нетерпеливая ночь.

Сияющие бриллиантовым блеском в свете фар снежинки — занавеска, еще занавеска, еще занавеска, и так без конца — зло шутили с ее глазами. То и дело казалось, что сквозь эти пышные кулисы крадутся темные тени, хотя на самом деле никакого движения не было вообще.

Безропотно повинуясь данному богом инстинкту, Марти опустилась на одно колено, чтобы представлять собою меньшую цель, и начала всматриваться во мрак и яркие клинья, брошенные сквозь него фарами. Она разыскивала любое шевеление, отличавшееся от неустанного и строго вертикального падения снега, снега, снега…

Захария неподвижно лежал ничком. Мертвый? Без сознания? Притворяется? Лучше продолжать краем глаза присматривать за ним.

В багажнике автомобиля Дасти все еще продолжал звать ее по имени, а теперь еще и принялся отчаянными пинками пробивать себе дорогу через заднее сиденье.

— Тихо! — крикнула Марти. — Со мной все в порядке. Тихо. Один готов, а может, и оба. Тихо, не мешай мне слушать.

Дасти сразу умолк, но теперь, несмотря на то что сердце продолжало грохотать у нее в груди, как копыта целого заезда лошадей на ипподроме, Марти поняла, что автомобиль работает на холостом ходу. Двигатель — прямо как часы. С тяжелым эффективным глушителем: слышалось только негромкое «вву-вву-вву…».

Тем не менее этот гул полностью заглушал любые звуки, которые мог издать Кевин, если он, раненный, лежал в автомобиле.

Смахнув клочья снега с ресниц, Марти приподнялась и выглянула из-за капота машины. Она сразу же увидела, что передняя пассажирская дверь «БМВ» открыта. Прежде она этого не замечала. Раненный или нет, но Кевин выбрался из автомобиля и мог передвигаться.

* * *

Добравшись до «Зеленых лугов» задолго до появления ничего не подозревающей Дженнифер и двоих слабоумных племянников мисс Марпл, доктор Ариман вошел в ресторан. Ему нужно было выбрать закуску, которую он возьмет в машину, чтобы обуздать свой аппетит до обеда. А обед, очень возможно, придется отложить до позднего вечера; впрочем, это будет зависеть от того, как пойдут дела.

Псевдодеревенский стиль оформления заведения потряс его эстетическое чувство до такой степени, что ему даже померещилось, будто кто-то постукивает сверкающим стальным невропатологическим молоточком прямо по обнаженной поверхности лобных долей его мозга. Пол из дубовых досок. Клетчатые скатерти, имитирующие раскраску домотканых пледов. Полосатые занавески из грубого полотна. Кабинки разделялись витражами неприятных цветов, на которых были изображены пшеничные колосья, початки кукурузы, зеленые бобы, пучки моркови, капустные кочаны и другие порождения Матери-природы. А

когда он увидел официанток, одетых наподобие младенцев-ползунков в голубенькие хлопчатобумажные кюлоты, рубашечки в красно-белую клетку и маленькие соломенные шляпки чуть побольше тюбетеек, ему захотелось сбежать.

Остановившись около кассы, Ариман прочел меню, которое показалось ему куда ужаснее, чем комплект фотодокументации о вскрытии трупа, который ему когда-либо приходилось видеть. Он подумал, что любой ресторан, предлагающий такое кошмарное меню, должен был бы обанкротиться не более чем через месяц, но даже в этот ранний час в заведении кипела жизнь. Обедающие склоняли румяные лица над неестественно зелеными салатами, политыми йогуртом, дымящимися тарелками с постными супами, омлетами из одного белка с тостами из проросшей пшеницы, вегетарианскими бургерами с начинкой не более аппетитной, чем болотный мох, и вязкими кучками пудингов из протертого картофеля с соевым молоком.

Потрясенный, он чуть не спросил официантку, почему ресторан не сделал еще один шаг в развитии этой безумной темы, чтобы довести ее до логического завершения. Разве нельзя было просто разбрасывать пищу, заказанную клиентами, по полу, чтобы те на досуге ходили здесь босиком и могли мычать и бодаться в свое удовольствие.

Решив, что лучше умереть от голода, чем съесть хоть что-нибудь из того, что предлагалось в меню, доктор с надеждой взглянул на большие, завернутые по одному, печенья, лежавшие рядом с кассовым аппаратом. Написанная от руки табличка гордо утверждала, что эта выпечка домашнего производства очень полезна для здоровья. Яблочные крекеры с ревенем. Нет. Миндальное печенье с соевым маслом. Сухое имбирное печенье с морковью. Нет. Он был так потрясен самим видом четвертого и последнего образца этого разнообразия, что вынул бумажник из кармана прежде, чем понял, что это не шоколадное печенье, а какая-то стряпня из плодов рожкового дерева и ржаной муки на козьем молоке.

— У нас есть еще кое-что, — сообщила официантка и застенчиво вытащила из-за красочного плаката с изображением сушеных фруктов корзинку с завернутым в целлофан печеньем. — Это продается довольно плохо. Мы, наверно, больше не будем это заказывать.

Она держала корзину на вытянутой руке и краснела так, словно предлагала посетителю кассеты с порнографическими видеофильмами.

— Это кокосовые полоски с шоколадом.

— Из настоящего шоколада и настоящих кокосов? — с нескрываемым подозрением в голосе спросил Ариман.

— Да, но ручаюсь вам, что там нет ни сливочного масла, ни маргарина, ни растительных ароматизаторов.

— Тем не менее я возьму все, — заявил доктор.

— Но здесь девять штук!

— Вот и прекрасно, все девять, — ответил он, торопливо выкладывая деньги. — И бутылку яблочного сока, если это — лучшее, что у вас есть.

Кокосово-шоколадные полоски стоили по три доллара за штуку, но официантка была так рада избавиться от них, что взяла с доктора лишь восемнадцать долларов за все девять, и он возвратился в свой «Эль-Камино» с такими запасами, на которые всего двумя-тремя минутами раньше не мог и надеяться.

Ариман поставил машину так, чтобы хорошо видеть и стоянку автомобилей, и вход в «Зеленые луга». Он уселся за руль и едва успел приступить ко второму печенью, когда в сгущавшихся сумерках появилась стремительно шагавшая Дженнифер.

Ее широкие шаги были такими же быстрыми и упругими, как и в начале похода, руки все так же энергично рассекали воздух, а «конский хвост» весело подпрыгивал. Она явно нисколько не устала. Взглянув сияющими глазами на вывеску, она нетерпеливо свернула ко входу в «Зеленые луга», чтобы поскорее припасть к восхитительнейшему силосу и пойлу.

Вслед за Дженнифер, держась неприлично близко к ней, приполз и старенький пикап. Он изрыгал синий дым и бросался в глаза, как хромая и страдающая от метеоризма лиса, преследующая кролика на газоне городского сквера. Грузовичок с тентом въехал на стоянку в

тот самый миг, когда объект наблюдения, встряхнув «конским хвостом», распахнул дверь и перенес мускулистую ногу через порог. Сыщики остановились ближе к доктору, чем ему хотелось бы, но все равно они не обратили бы на него внимания, даже если бы он сидел на скамейке лицом к ним с соломенной женской шляпой, украшенной яркой эгреткой из перьев на голове.

Они выждали несколько минут, очевидно, решая, что делать, а потом краснолицый вышел из кабины, потянулся и вошел в «Зеленые луга», оставив Скита одного.

Возможно, они подозревали, что Дженнифер пришла сюда, чтобы встретиться с доктором, что у них назначено романтическое свидание и пир: каша из отрубей и тушеная тыква.

Ариман подумал, не стоит ли ему подойти к пикапу, открыть дверь, возле которой сидит Скит, и попытаться активизировать его именем «доктор Ен Ло». В случае успеха он мог бы спокойно привести Скита в свою машину и уехать с ним прежде, чем его попутчик возвратится.

Однако программа Скита из-за отвратительного состояния его пропитанного наркотиками мозга не всегда функционировала как следует, и если акция пойдет *не так* , как надо, то очкастый партнер наркомана может застигнуть доктора в неподходящий момент.

Он не мог и подойти к грузовику и застрелить Скита, потому что с наступлением сумерек в ресторан двинулось множество людей с неизлечимо испорченным вкусом и стоянка была полна. Свидетели есть свидетели, в конце концов, независимо от того, знают они толк в еде или просто любят обжираться.

Краснолицый вышел из ресторана и возвратился к грузовичку, а еще через две минуты они вместе со Скитом вошли в «Зеленые луга». Скорее всего, они намеревались продолжать слежку за Дженнифер и одновременно похлебать немного здешних помоев.

Настроение у доктора становилось все лучше и лучше. Он был уже полностью уверен, что ему удастся с должными удобствами пристрелить обоих, по крайней мере до окончания ночи, а потом пообедать, как подобает хищнику. Он намеревался использовать все десять патронов, имевшихся в обойме, — просто для развлечения, а не по необходимости.

Собиравшийся дождь так и не начался, и теперь облачный ковер разбился на отдельные тучки, которые проплывали по небу, то заслоняя, то показывая звезды. Это тоже понравилось доктору. Он любил звезды. Он когда-то даже хотел стать астронавтом.

Он расправлялся с третьим печеньем, когда обратил внимание на нечто, грозившее испортить его замечательное настроение. Через ряд от его машины с восточной стороны стоял красивый белый «Роллс-Ройс» с тонированными окнами, традиционной массивной радиаторной решеткой и полированными титановыми колпаками на колесах. Он был потрясен тем, что человек, достаточно богатый для того, чтобы завести себе «Ролле», и достаточно просвещенный, чтобы ездить на этой машине, может приехать в «Зеленые луга» на обед. Не иначе как под угрозой оружия.

Это и на самом деле была умирающая культура. Процветающий капитализм сделал богатство настолько обычным явлением, что даже жующий траву, грызущий коренья простолюдин мог приехать в королевском экипаже, чтобы съесть на обед вегетарианский эквивалент шницеля по-венски, предназначенного для истинных ценителей.

Одного только вида этой машины здесь оказалось достаточно для того, чтобы доктору захотелось отправить свой сделанный по особому заказу «Роллс-Ройс — Серебряное облако» под ближайший гидравлический пресс для старых автомобилей. Он отвел взгляд от белого красавца и дал себе клятву больше не смотреть на него. Чтобы изгнать воспоминание о гнетущем зрелище из головы, он завел мотор «Эль-Камино», засунул кассету с классической записью концерта старого доброго Спайка Джонса в магнитофон и сосредоточился на своей трапезе.

* * *

С трех сторон от нее лежала необитаемая деревня. Несколько веков назад здесь разгоняли ночь сторожевые костры, масляные светильники и слюдяные фонари. А теперь мрак и холод не встречали никакого сопротивления. Здесь обитали только привидения. Возможно, все они были просто эфемерными снежными фигурами; возможно, часть из них действительно были духи…

С южной стороны, за спиной Марти, полускрытые в темноте, стояли полуразрушенные людьми и погодой глинобитные стены. Где-то они были в два этажа высотой, где-то — в несколько футов. В них сохранились глубокие оконные проемы. Через давным-давно ничем не закрывавшиеся двери можно было попасть в комнаты. В большинстве помещений не сохранилось потолков, зато выросли буйные сорняки, а в теплую погоду там наверняка во множестве обитали тарантулы и скорпионы.

На востоке — туда светили автомобильные фары, которые все же не могли раскрыть тайн ночи — над куполообразными каменными строениями торчали высокие полуразрушенные дымоходы. Наверно, это были древние пекарни или очаги для приготовления пищи.

С севера лежали невысокие изломанные стены. Их в значительной степени загораживал «БМВ».

К удивлению Марти, над руинами повсюду возвышались очертания высоких хлопковых деревьев. Значит, кроме того колодца, о котором упоминал Захария, здесь должны неглубоко — в пределах досягаемости корней — проходить фунтовые воды.

Кевин мог скрываться от Марти, перебираясь от одной руины к другой, от дерева к дереву. Она должна была выйти на открытое место, но боялась даже мысли о том, чтобы преследовать его — и быть преследуемой — по этому странному древнему городищу.

Пригнувшись, она подбежала к автомобилю и, присев около заднего колеса, взглянула на водительское сиденье.

Задняя дверца оставалась открытой. Фонарик на потолке тускло освещал внутренности машины. Она пошла на риск — быстро легла ничком и заглянула под автомобиль. Кевина там не было.

Тонкий покров снега, лежавший по другую сторону «БМВ», сверкал в отраженном снегопадом свете фар. С этой точки зрения, от самой земли, Марти показалось, что первозданная белизна этой пелены была в одном месте нарушена кем-то, удалявшимся прочь от автомобиля.

Вскочив на ноги и снова пригнувшись, Марти наклонилась поближе к лампочке, горевшей под потолком, и рассмотрела автомат. Ей было необходимо убедиться, что, если придется пустить его в ход, она не столкнется с неприятными неожиданностями. Магазин повышенной емкости напугал ее. Судя по большому количеству патронов, оружие было полностью автоматическим — даже не полуавтоматическим, — а она не была уверена в том, что сможет правильно обращаться с таким мощным орудием убийства.

К тому же у нее замерзли руки. Пальцы все сильнее коченели.

Она закрыла заднюю дверь и повернулась спиной к машине, всматриваясь в Захарию. Он лежал все так же неподвижно, уткнувшись лицом в землю. Если он таким образом притворялся потерявшим сознание, чтобы усыпить ее бдительность, то был сверхъестественно терпелив.

Прежде чем она полностью сосредоточится на сбежавшем Кевине, она должна была убедиться в том, что этот человек больше не представляет собой угрозы.

После непродолжительного колебания Марти быстро, хотя, пожалуй, излишне уверенно, подошла к лежащему и ткнула дулом автомата ему в затылок. Тот не пошевелился. Она оттянула воротник его толстого лыжного свитера и нащупала холодным пальцем сонную артерию. Ничего.

Его голова была повернута набок. Она оттянула веко, присмотрелась. Даже в почти полной темноте ошибиться было невозможно — это был остекленевший взгляд мертвеца.

Чувство непоправимой вины пронзило все ее существо, отозвалось сумятицей в мыслях, болью в сердце. Теперь она уже никогда не станет той же, какой была прежде, — ведь она лишила человека жизни. Хотя обстоятельства не оставили ей выбора — только убить или быть убитой, и хотя этот человек выбрал служение злу и старался служить ему хорошо, тяжесть поступка Марти от этого не становилась для нее меньше. Она чувствовала, что утратила гораздо больше, чем можно было бы ожидать при умозрительном анализе. Она утратила некую первозданную невинность, которую уже никогда впредь нельзя будет вернуть.

И все же наряду с виной в ней жило и чувство удовлетворения, холодно и остро ощущавшегося удовлетворения тем, что до сих пор она так успешно справлялась с ситуацией, что ее и Дасти шансы выжить повышаются и ей удалось разрушить самодовольную уверенность бандитов во вседозволенности, которую дает им сила. Марти четко осознала, что возмездие было справедливым, и это озарение показалось ей одновременно и поощрением, и предупреждением.

Опять к автомобилю, к передней двери со стороны водителя; теперь медленно выпрямляться, пока не удастся заглянуть в окно. Открытая дверь с пассажирской стороны. Кевина там нет. Кровь на сиденье.

Снова пригнувшись ниже кромки окна, Марти задумалась над тем, что видела. По крайней мере одна из четырех пуль, выпущенных ею сквозь спинку сиденья, попала в него. Крови было немного, но все говорило за то, что он ранен, и ранен серьезно.

Ключи торчали в замке зажигания. Выключить двигатель, открыть багажник, освободить Дасти? Тогда их окажется двое против одного.

Нет. Кевин мог выжидать именно того момента, когда она потянется за ключами, мог выбрать позицию, с которой через открытую пассажирскую дверцу хорошо видно, что происходит в автомобиле. Но, даже если ей удастся вынуть ключи и не получить при этом пулю в голову, она окажется отличной мишенью, когда будет стоять около багажника, ковыряться с замком и открывать крышку.

Хотя ей это не нравилось до чрезвычайности, но самым безопасным, похоже, было уйти из освещенного места в развалины на южной стороне. А оттуда, прячась за развалинами и деревьями, пройти на восточную, а потом и на северную сторону. Выйти с другой стороны автомобиля, с той, куда ушел Кевин. Если она сделает достаточно широкую петлю, то сможет подойти с тылу к той позиции, с которой он пытается контролировать «БМВ». Конечно, если он не зарылся в обломки и не следит за автомобилем из защищенного окопа. А еще он мог перемещаться, делать то же самое, что наметила она, только наоборот. Под прикрытием заброшенных зданий и деревьев пробираться на восток и юг. Идти по кругу, разыскивая ее.

Если она будет ловить его в этом лабиринте, а он в то же самое время будет гоняться за нею, то шансы остаться в живых после этой ночной прогулки у нее окажутся незначительными. Она утратила преимущество внезапности. И хотя он был ранен, но оставался профессионалом, это была его специальность, а она была любителем. Удача не любит любителей.

Удача также не любит колеблющихся. Действовать.

Действие должно было являться и девизом Кевина, вбитым в него военными или военизированными — неважно — специалистами, обучавшими его, и, вероятно, суровым опытом. Она внезапно поняла так четко, будто знала наверняка, что он будет в движении и что последняя вещь, которую он мог бы ожидать от разработчика компьютерных игр, жены маляра, — что она смело отправится за ним и будет стараться как можно скорее его отыскать.

Не исключено, что так оно и было. А возможно, она заблуждалась. Но в любом случае она твердо решила, что не будет ни кружить по развалинам, чтобы выйти к противнику с тыла, ни лежать в засаде, выжидая, когда он сам наткнется на нее, а решительно пойдет за ним по любому следу, который он мог оставить в свежевыпавшем снегу.

Она не решилась пересечь освещенный фарами участок. С тем же успехом она могла застрелиться прямо здесь и сэкономить Кевину боеприпасы.

Поэтому она, пригнувшись, пробралась вдоль автомобиля к его задней части. Поравнявшись с задним бампером, она чуть заколебалась, но почти сразу же двинулась в обход багажника «БМВ».

Красные габаритные огни светили, естественно, далеко не так ярко, как передние фары, но падающие снежинки, пролетавшие мимо, окрашивались в цвет крови. А из выхлопной трубы, казалось, вытекал кровавый туман.

Облачко пара слегка прикрыло Марти, но одновременно и ослепило ее — она словно окунулась в темно-красную купель, восприняла ужасающе несвоевременное крещение. Затем она миновала зловонное облачко и оказалась, ничем не прикрытая, беззащитная, около северной стороны автомобиля.

Действие, которое казалось ей таким верным, когда она его обдумывала, теперь выглядело крайне опрометчивым. Продолжая пригибаться, хотя от этого попасть в нее вовсе не становилось труднее, она подбежала к цепочке следов, отходивших от открытой передней дверцы «БМВ».

Судя по отпечаткам обуви и каплям крови, наполовину прикрытым уже падающим снегом, Кевин отправился к круглому глиняному строению, расположенному футах в сорока.

С той стороны автомобиля она не могла как следует рассмотреть это здание. Теперь, оказавшись ближе к нему, она обнаружила, что строение таинственное, причем скорее более, чем менее. Стена шести футов высоты, изгибаясь, уходила во тьму. Наверху угадывалась низкая куполообразная крыша. Марти было трудно оценить диаметр здания, он примерно составлял от тридцати до сорока футов. Лестница, огражденная стенками, повторявшими ее ступени, поднималась к самой крыше, где, судя по всему, находился вход. Простейшее логическое умозаключение доказывало, что большая часть здания находилась под землей.

Кива.

Она вспомнила слово из документального фильма, который когда-то видела. Кива, подземная церемониальная палата, духовный центр деревни.

Марти поспешила прочь от автомобиля. Тени становились глубже; отпечатки ее ног сразу же засыпал снег. Однако след, по которому она шла, оставался достаточно ясным, потому что отдельные шаги сменились широкими бороздами, а к пятнам крови добавились прозаические плевки.

Ее сердце гулко колотилось, отдаваясь почти оглушительным «бом-бом» в ушах, но она шла по следу. Сейчас она боялась только одного: что он поднялся на крышу, спустился оттуда в киву и поджидает ее там, в непроглядной темноте. Но около лестницы Кевин задержался, видимо, решая, что делать дальше — там натекла большая лужа крови, — а затем продолжил свой путь вдоль изогнутой стены.

Марти шла, почти прижимаясь спиной к глинобитной стенке, она пробиралась вокруг кивы, погружаясь все глубже во мрак, удаляясь от последних отблесков фар «БМВ». Она держала автомат обеими руками; палец напрягся на спусковом крючке. Глубокие черные тени чуть рассеивались только благодаря слабому свечению покрывавшей землю снежной пелены и падающих хлопьев.

Здание уже отгораживало от Марти автомобиль, и ровный гул его мотора, и без того приглушенный падающим снегом, с каждым шагом становился все тише, пока не превратился лишь в намек на звук и вокруг воцарилась почти абсолютная тишина. Марти прислушалась, пытаясь уловить поскрипывание шагов по снегу или срывающееся дыхание раненого, но не услышала ничего.

Но даже в полном мраке она была в состоянии идти за Кевином, хотя следов его ног уже почти не было видно. Теперь можно было разглядеть одни только пятна крови, черные брызги на девственном снегу образовывали запутанную надпись, словно раненый снова и снова пытался написать одно и то же слово, и Марти благодарила бога за то, что эта надпись была такой ясной.

Подумав об этом, Марти сразу же рефлекторно передернуло: как можно было благодарить за то, что другой человек истекает кровью. И все же она не смогла подавить

прилив гордости за то, что ей что-то удалось. Но она сразу одернула себя, ведь если слишком гордиться, то можно и самой получить несколько пуль.

Дюйм за дюймом, дюйм за дюймом, дюйм за дюймом продвигалась Марти вдоль стены, не забывая время от времени оглядываться на свой собственный след — что, если он успел обойти здание кругом и сейчас подкрадывается к ней со спины. Оглянувшись в очередной раз, она ткнулась носком левой ноги в какой-то предмет, лежавший на земле. Ей показалось, что при этом раздался оглушительный грохот. Опустив взгляд, она увидела нечто темное, более правильных очертаний, чем пятно крови.

Марти застыла на месте. Она не столько боялась выдать себя шумом, сколько не поверила своим глазам. В конце концов она присела на корточки, опираясь плечом о стену кивы, и прикоснулась к предмету, о который споткнулась. Второй автомат.

Чтобы справляться с тем оружием, которое у Марти уже было, ей требовались обе руки. Она оттолкнула автомат, выпавший у Кевина, себе за спину. Ее больше не беспокоило, что он может появиться с той стороны.

Пройдя еще десять шагов, она увидела у земли его большую фигуру; вытянутые ноги резко выделялись на снежном фоне. Он сидел, прислонившись к стене кивы, словно шел весь день и до чрезвычайности устал.

Она стояла так, чтобы он не мог дотянуться до нее рукой, направив на него автомат, и ожидала, пока ее глаза получше привыкнут к темноте этой неумолимой ночи. Его голова свесилась на левое плечо. Руки лежали по сторонам туловища. Насколько Марти могла разглядеть, он не дышал. Но, с другой стороны, здесь было слишком мало света для того, чтобы разглядеть пар, вылетающий изо рта. Она не могла увидеть даже своего собственного дыхания.

В конце концов Марти придвинулась поближе, присела на корточки и осторожно прикоснулась закоченевшими пальцами к его горлу, как она это сделала недавно с Захарией. Если он был еще жив, то она не могла бы уйти и оставить его умирать в одиночестве. Она была не в состоянии вовремя привести помощь, чтобы спасти его, но даже если бы и могла, то не осмелилась бы искать помощи при таких обстоятельствах, под нависшей над нею угрозой обвинения в убийстве. И ей оставалось только присутствовать при его смерти, сколько бы времени это ни потребовало, потому что никто, даже такой человек, как Кевин, не должен умирать в одиночестве.

Слабый неровный пульс. Горячее дыхание обожгло тыльную сторону кисти.

Его рука взлетела, как мощная пружина, схватив ее за запястье.

Марти, не удержавшись на корточках, упала на спину, нажав на курок. Автомат, сотрясаемый отдачей, забился в ее руке, и пули бесполезно просвистели между раскидистых ветвей возвышавшегося поблизости хлопкового дерева.

* * *

В багажнике «БМВ» время течет совсем не так, как снаружи. Секунды здесь кажутся минутами, а минуты равны часам.

Марти велела Дасти ждать, сохранять тишину, потому что ей нужно было прислушиваться к шорохам. Один готов, сказала она. Один готов, а может быть, и оба.

Слова «может быть» породили в нем ужас. Это короткое «может быть» оказалось подобным питательной среде в чашке Петри, где страхи росли быстрее, чем бактерии, и Дасти уже изнемог от них до полусмерти.

С первого же мгновения после того, как его засунули в багажник, он ощупывал проклятый ящик, особенно вдоль края крышки, пытаясь вслепую найти замок. И не мог.

Под собою он нащупал несколько инструментов. Разводной ключ, рукоятку от домкрата и монтировку. Но для того, чтобы взломать крышку, рычаги нужно подсовывать снаружи, а не изнутри.

Мысли о том, что она осталась с ними одна, потом стрельба, а следом — тишина. Только вибрация двигателя, еле ощутимая дрожь пола багажника. Ожидание, ожидание и лихорадка ужаса. Он ожидал до тех пор, пока в конце концов ожидание не оказалось невыносимым.

Лежа на боку, он принялся ковырять заостренным концом монтировки края обтянутого ковровым покрытием щита, образовывавшего переднюю стенку багажника, отковырнул несколько креплений, подцепил край щита пальцами и, напрягая все силы, сорвал щит с места и положил на пол.

Отложив монтировку в сторону, он перевернулся на спину, согнул колени, насколько позволяла его тесная камера, и изо всех сил грохнул ногами в переднюю стенку багажника, которую теперь, когда он убрал щит, образовывала спинка заднего сиденья. И снова, снова, в четвертый, в пятый раз. Он задыхался, его сердце часто и громко колотилось…

…Но не настолько громко, чтобы он не смог услышать новую стрельбу, жесткую наглую болтовню автоматического оружия в отдалении: та-та-та-та-та-та— та-та-та…

Может быть, двое готовы. А может быть, и нет.

У Марти не было автомата. У слизняков они были.

Он задержал дыхание, прислушиваясь, но больше выстрелов не было.

И снова он пинал, пинал, *пинал* спинку сиденья, пока не услышал треск пластмассы или стеклопластика и не заметил, как что-то изменилось. В черноте возникла узкая полоска бледного света. Света из пассажирского салона. Он извивался, как мог, упирался в стенку руками, давил плечом, колотил ногами…

* * *

Поймав Марти за руку, умирающий человек истратил свои последние силы. Возможно, он не намеревался причинить ей вред, а лишь хотел привлечь к себе ее внимание. Когда женщина, не удержавшись на корточках, упала, выпустив очередь в дерево, Кевин сразу же разжал пальцы, и его рука упала наземь в стороне от Марти.

Пока отбитые пулями обломки веток летели вниз, с шумом задевая за целые сучья огромного хлопкового дерева, и шлепались в снег, Марти успела вскочить на ноги и опуститься на колени. Она снова держала автомат обеими руками и направила его на Кевина, но не нажимала спусковой крючок.

Последние деревяшки еще падали, а Марти уже смогла восстановить дыхание, и в вернувшейся тишине полулежавший на земле человек прохрипел:

— Кто вы?

Она подумала, что он, наверно, на последних минутах жизни впал в горячку, что его сознание помутилось от большой потери крови.

— Лучше посидите спокойно, — мягким голосом посоветовала она. Больше ей ничего не пришло в голову. Это был единственный полезный совет, который можно было бы дать в этой ситуации, даже если бы этот человек был святым, и, пожалуй, наиболее уместный, учитывая, насколько далеким от святости он был на самом деле.

Когда он смог перевести дыхание и набраться сил, чтобы заговорить снова, мысль о горячечном бреде показалась Марти преждевременной. Его голос был слабым, как ветхая ткань, сотканная несколько тысяч лет тому назад:

— Кто вы такие… на самом деле?

Марти могла разглядеть только чуть заметный отблеск в его глазах.

— Во что мы… вляпались… с вами?

Дрожь, сотрясшая тело Марти, не была связана ни с холодной ночью, ни со снегом. Она всего лишь вспомнила, что именно этот вопрос Дасти задал ей о докторе Аримане за какие-то несколько секунд до того, как они перевалили через вершину холма и наехали на шипастую ленту.

— Кто… вы… на самом… деле? — еще раз спросил Кевин.

Он поперхнулся, скривил губы, потом в его горле что-то заклокотало. В морозном чистом воздухе повис какой-то медный запах, вышедший из него с последним дыханием, а потом из рта сбежала струйка крови.

При его исходе не возникло ни снежного вихря, ни секундного проблеска луны из-за облаков, ни легчайшего шума деревьев. В этом ее смерть, когда она рано или поздно наступит, будет похожа на его: безразличный мир спокойно повернется к прелести нового рассвета.

Марти, как во сне, поднялась с колен и застыла над мертвым телом, изумленно ощущая, что не может найти ответа на последний предсмертный вопрос.

Она пошла по своим следам, по его следам, которые привели ее к нему. Один раз она прислонилась к стене кивы. И пошла дальше.

Пробираясь вдоль изогнутой стены к свету, сквозь густо падающий снег, который казался вечным, Марти держала автомат обеими руками наготове. Она была встревожена почти суеверным ощущением того, что какое-то смертельно опасное существо все еще находится где-то поблизости. Но, сделав еще несколько шагов, она осознала, что глаза, через которые это существо вглядывалось в ночь, были ее собственными глазами, и опустила оружие.

К свету, к шелестящему на холостых оборотах автомобилю, стоящему в полукольце руин. Мир все так же растворяется в снегопаде и уносится прочь.

Дасти, выбравшись на свободу, торопливо шел, почти бежал, всматриваясь в следы ног и пятна крови на снегу.

Увидев его, Марти позволила автомату выпасть из рук.

Они встретились у подножия лестницы кивы и крепко обнялись. Во вселенной он был для нее опорой, якорем. Мир не мог раствориться или улететь куда-то вместе с ним, поскольку он казался вековечным, как горы. Возможно, это была тоже иллюзия, как и с горами, но она цеплялась за нее.

ГЛАВА 69

Прошло уже довольно много времени после наступления сумерек, когда Скит со своим краснолицым другом, подтягивая штаны на набитых животах и выковыривая упрямые растительные волокна из зубов зубочистками, торопливо вышли из «Зеленых лугов» и сразу же полезли в свою колесницу. Она явно представляла собой опасность для мировой экологии — когда мотор, стреляя, принялся набирать обороты, вокруг распространилось такое густое облако несгоревшего топлива, что его запах даже добрался до доктора, несмотря на плотно закрытые окна «Эль-Камино».

Еще минутой позже из ресторана вышла и Дженнифер. Она казалась здоровой и лоснящейся, как молодая лошадка, как следует подкрепившаяся из торбы с овсом. Потом она встряхнулась, вскинула крупом, несколько раз ударила копытами об асфальт и, потряхивая гривой, направилась домой. На этот раз она двигалась не целеустремленной рысью, как до обеда, а кентером[1], и ее симпатичная головка была, вне всякого сомнения, заполнена мечтами о свежей соломе в стойле, в которой не будет надоедливых мышей, и прекрасном свежем яблоке перед сном.

Настолько же неутомимые, насколько и глупые, детективы возобновили преследование. Теперь их задача осложнялась более медленным аллюром кобылицы и темнотой.

Хотя даже Скит и его приятель могли вскоре понять, что у этой женщины не намечается никакого свидания с доктором, а настоящая цель давным-давно от них ускользнула, Ариман все же рискнул не тащиться за ними. Он снова вырвался вперед, на сей раз на улицу перед многоквартирным домом, в котором проживала Дженнифер. Машину он поставил под

1 Вид лошадиного аллюра, легкий, неторопливый прогулочный галоп.

раскидистым коралловым деревом, достаточно большим для того, чтобы надежно укрыть «Эль-Камино» от яркого света расположенных поблизости фонарей.

* * *

В иных обстоятельствах Марти и Дасти, конечно, обратились бы в полицию, но на сей раз они довольно долго раздумывали, как же им поступить.

Вспоминая об изуродованном лице Бернардо Пасторе и тщетности многочисленных попыток владельца ранчо добиться правосудия в деле об убийстве его сына и самоубийстве жены, Дасти сомневался в том, что стоит привлекать внимание полиции к тому, что с ними случилось. Голые факты наверняка не убедили бы полицейских в том, что институт Беллона Токлэнда, известный своими активными действиями в борьбе за мир во всем мире, пользуется услугами наемных убийц.

Разве было проведено полноценное расследование предполагаемого самоубийства пятилетней Валерии-Марии Падильо? Нет. Кто был наказан? Никто.

Карл Глисон, ложно обвиненный, торопливо осужденный и предательски зарезанный в тюрьме. Его жена Терри, умершая, по словам Зины, потому, что не смогла перенести позора. Разве правосудие пыталось помочь им?

И Сьюзен Джэггер. Да, она убита своею собственной рукой, но не она управляла действиями этой руки.

Убедить в этом полицейских, даже честных — а они, скорее всего, составляют большинство, — будет трудно, если не вовсе невозможно. И несколько подкупленных мерзавцев, имеющихся среди них, будут неустанно работать, чтобы гарантированно похоронить правду и направить кару на невиновных.

С мощным фонарем на шести батарейках, найденным в «БМВ», они осмотрели близлежащие развалины и быстро наткнулись на тот самый древний колодец, о котором говорили убийцы. Судя по всему, это первоначально была естественная шахта в мягкой вулканической скальной породе, которую расширили вручную и обнесли невысокой каменной стенкой, правда, без крыши.

Для того, чтобы заглянуть далеко в его глубину, света фонаря не хватало. В шахте клубились снежинки, они толклись в луче, как стайки комаров, исчезая в темноте; вверх доносился слабый запах сырости.

Дасти и Марти вдвоем притащили труп Захарии к колодцу, перевалили его через ограду, а потом слушали, как тело бьется о неровные стены шахты. Кости, ломавшиеся от ударов, издавали резкий треск, громкий, как выстрелы; мертвец падал так долго, что Дасти успел спросить себя: а есть ли дно у этого колодца?

Когда тело наконец упало, то донесшийся доверху звук не был ни плеском воды, ни глухим стуком, а чем-то средним. Возможно, вода была уже не так чиста, как в древности, и на дне накопился толстый слой осадка, а возможно, погибшего встретили другие мертвецы, сброшенные сюда прежде.

После того как раздался звук удара, снизу послышалось какое-то жуткое чавканье, словно там обитало нечто, пытавшееся сейчас или сожрать труп, или просто-напросто изучить мертвеца, ощупать легкими прикосновениями слепца его лицо и тело. Но, что вероятнее, труп потревожил образовавшиеся на дне карманы болотного газа, который теперь стал пузырями вырываться на волю.

Дасти воспринимал все это так, словно сам ад здесь вышел на поверхность земли. Судя по выражению лица Марти, она испытывала сходное чувство. Один из кругов ада прямо в окрестностях Санта-Фе. И предстоявшая им работа была работой для проклятых.

Доставка второго трупа обошлась обоим гораздо тяжелее, и дело было не только в физической трудности. Человек по имени Кевин потерял больше крови, чем Захария, по-видимому, большую часть из своих шести или семи литров; не вся она успела замерзнуть, и

его кожа и одежда были липкими. К тому же он вонял — наверно, потерял власть над кишечником во время предсмертных страданий. Тяжеленного, липкого, столь же упрямого после смерти, как и в ее преддверии, его было очень трудно дотащить.

Но хуже всего была его внешность. В первый раз они увидели его, полулежавшего у стены кивы, в луче фонаря, а потом — когда наполовину несли, наполовину волокли по освещенному фарами участку. На его гладко выбритом лице появились кровавые борода и усы, серую кожу усеяли белые снеговые веснушки. В остекленевших глазах застыл всепобеждающий ужас, и объяснить его можно было только одним: в момент ухода из этого мира он, должно быть, бросил взгляд прямо в лицо Смерти, склонившейся, чтобы дать ему последний поцелуй, а потом, сквозь ее пустые глазницы, разглядел ожидавшую его безжалостную вечность.

Работа для проклятых, и сколько же еще ее осталось…

Они трудились в мрачной тишине, ни один не смел вымолвить хотя бы слово.

Если они заговорят о том, что делают, то продолжать эту необходимую работу станет невозможно. Им останется лишь в ужасе бросить все это.

Они столкнули Кевина в колодец, и вслед за падением, сопровождавшимся более твердым звуком, чем у его напарника, опять послышалось жуткое чавканье и бульканье. Воображению Дасти представилась омерзительная картина: Захарию и Кевина внизу встречают их предыдущие жертвы, кошмарные фигуры, пребывающие в различных стадиях разложения, но все еще сжигаемые жаждой мести.

Хотя значительная часть территории Нью-Мексико представляет собой выжженную пустыню, в недрах штата находится колоссальный водный бассейн. Он настолько обширен, что только крошечная часть его к настоящему времени исследована. Это потаенное море питается подземными полноводными реками, истоки которых прячутся как на возвышенных плато центральной части Соединенных Штатов, так и в Скалистых горах. Именно эти воды, в течение тысяч и тысяч лет размывавшие трещины в податливых известняковых скалах, образовали чудеса Карлсбадских пещер[1], и, несомненно, есть еще и ненайденные сети пещер, достаточно больших, чтобы скрыть целые города. Если это потаенное море бороздят корабли-призраки с экипажами из неупокоившихся мертвецов, то эти двое новичков могут провести вечность гребцами на весельной галере или моряками, расправляющими паруса покрытых плесенью галеонов, носимых призраком ветра, под каменными небесами меж неизвестных портов под Альбукерке и Порталесом, Аламогордо и Лас-Крусесом.

Глубоко под их ногами лежал океан, но на поверхности земли вовсе не было воды, которой они могли бы смыть кровь со своих рук. Они оттирали руки снегом. Снова и снова они сгребали снег и старательно терли кожу, пока их закоченевшие пальцы не разболелись от холода, пока их кожа не покраснела от трения, а потом не побелела от холода, а они брали все новые и новые пригоршни снега и все старательнее терли им руки, пытаясь не просто оттереть их, но и очиститься.

Внезапно почувствовав, что находится на грани безумия, Дасти оторвал взгляд от своих трясущихся рук и увидел Марти. Она стояла на коленях, наклонившись вперед, на лице застыла маска отвращения, черные волосы покрывала кружевная снежная мантилья. Она скребла руки крепкими комками снега, наполовину превратившегося в колючий лед, терла их с такой жестокостью, что вот-вот должна была разодрать кожу до крови.

Он взял ее за запястья, мягко вынудил разжать пальцы и выпустить заледеневшие комья снега.

— Достаточно.

Она кивнула, с благодарностью взглянув на мужа.

— Я скребла бы всю ночь, если бы можно было отскрести то, что произошло за последний час. — Ее голос срывался от потрясения.

— Я знаю, — ответил он. — Я знаю.

---

1 Карлсбад — город в штате Нью-Мексико, в окрестностях которого находятся едва ли не самые обширные из обследованных на сегодня пещер земного шара.

* * *

Спустя пятьдесят минут — что соответствовало продолжительности двух эпизодов из шоу Фила Харриса и Алисы Фэйв, которое Ариман слушал по радио, — Дженнифер прискакала домой, чтобы накинуть на спину попону и остыть.

Ее стеснительные преследователи — Скит и краснолицый тип — прибыли сразу же вслед за нею. Они въехали прямо на стоянку для жильцов дома и остановились, чтобы посмотреть, как Дженнифер исчезает в подъезде.

Со своего наблюдательного пункта под деревом на сыщиков глядел доктор. Он позволил себе испытать тихую гордость за свое сверхчеловеческое терпение. Хороший игрок должен знать, когда нужно сделать шаг, а когда выждать, хотя ожидание может порой показаться неразумным.

Очевидно, Марти и Дасти опрометчиво поручили Скита заботам краснорожего типа. И поэтому терпение получит награду в виде двух убийств и призовой игры.

К настоящему времени он уже знал двоих детективов настолько хорошо, что мог с уверенностью предсказать: эта парочка настолько устала, ей настолько все надоело, что они не станут возобновлять наблюдение и наконец свернутся. Кроме того, после гуляша из ревеня и супа из сладкого картофеля мальчишки ощущают себя унылыми и вялыми, тоскуют о домашнем уюте: о потертых раскладных стульях с выдвижными скамеечками для ног и о тех безумно глупых комедиях, которые в неограниченном количестве поставляет огромная, жужжащая, пыхтящая, ревущая, топающая термоядерная американская индустрия развлечений.

Теперь, когда они остались практически одни, расслабились и чувствуют себя в безопасности, доктор нанесет удар. Он лишь надеялся, что Марти и Дасти уцелеют и смогут позднее опознать останки и расстроиться.

К некоторому удивлению доктора Аримана, человек в толстенных очках вышел из кабины пикапа, обошел вокруг и вывел из накрытого тентом кузова собаку. Нельзя было исключить возможность, что новое действующее лицо представляет собой осложнение, которое потребует изменений в стратегии.

Очкастый подвел собаку к газону. Собака старательно обнюхала незнакомое место, походила взад-вперед, но после нескольких фальстартов все же сделала свое дело.

Ариман узнал собаку. Это ласковый и трусливый ретривер Дасти и Марти. Как же его зовут? Варни? Волли? Вомит? Валет!

Нет, вовсе незачем менять стратегию из-за собаки. Какая мелочь. Просто следует приберечь одну пулю и для нее.

Краснолицый проводил Валета обратно в кузов, а сам вернулся в кабину пикапа.

Доктор приготовился к неторопливому преследованию, но грузовик не двигался с места.

Спустя минуту появился Скит. У него в руках был фонарь и какой-то неопознанный доктором синий предмет. Он принялся внимательно осматривать место, где только что испражнялась собака.

Скиту удалось найти приз. Нечто синее оказалось полиэтиленовым пакетом. Он собрал в него находку, перекрутил шею мешка, завязал двойной узел и сделал ценный вклад в декоративную мусорную урну, стоявшую неподалеку от пикапа.

Поздравляю вас, мистер и миссис Колфилд. Хотя ваш сын беспомощный, подкуренный, подколотый, подпитый, пустоголовый дурак, у которого здравого смысла меньше, чем у зеркального карпа, все же он смог подняться по лестнице социальной ответственности на одну ступеньку выше, чем те, кто не убирает собачьи экскременты после прогулки.

Пикап выкатился со стоянки автомобилей, обогнул «Эль-Камино» и не спеша направился к востоку.

Поскольку улица была прямой и длинной, видно вдоль нее было не меньше чем на пять кварталов, а пикап пыхтел прямо, то доктор поддался озорному порыву. Он выскочил из «Эль-Камино», подбежал к урне, выхватил оттуда синий мешок и вернулся в свою машину прежде, чем грузовичок скрылся из виду.

В ходе предварительных бесед со Скитом, проводившихся во время сеансов программирования, доктор узнал о шутке, которую некогда сыграли с Холденом Колфилдом-старшим. Когда мать Дасти и Скита прогнала родителя Скита, взяв на его место доктора Дерека Лэмптона, безумного психиатра, обрадованные братья собрали собачье дерьмо по всей округе и отправили его великому профессору литературоведения анонимной посылкой.

Хотя доктор Ариман и не имел четкого представления о том, что он сделает с продуктами жизнедеятельности Валета, но все же был уверен, что после некоторых раздумий сможет найти им какое-нибудь забавное применение. Оно должно было добавить легкий и изящный аромат к одному из множества смертных случаев, которые должны последовать в недалеком будущем.

Синий мешок он положил на пол перед пассажирским сиденьем. Пластик, как выяснилось, очень хорошо подходил для своего предназначения. Узел плотно затягивался, не пропуская даже намека на неприятный запах.

В конце концов, доктор, уверенный в том, что с теми навыками слежки, которыми обладает, он окажется практически невидимым для команды, выгуливающей Валета, пристроился следом за пикапом. Он отправлялся в вихрь ночных приключений, имея в запасе пять из девяти кокосово-шоколадных полосок и все десять пуль.

* * *

Марти была измотана физически, потрясена эмоционально. Мысли у нее в голове едва шевелились. Весь следующий час она провела, уговаривая себя, что то, чем они сейчас занимаются, — это разновидность домашнего хозяйства. Они просто-напросто кладут вещи на место, убирают. Она терпеть не могла заниматься домашним хозяйством, но всегда чувствовала себя лучше после того, как заканчивала эти дела.

Оба автомата они бросили в колодец.

Хотя было маловероятно, что тела найдут, Марти хотела избавиться и от «кольта», поскольку по пулям, оставшимся в трупах, нетрудно найти и пистолет, из которого они вылетели. Возможно, кто-то в институте знал, где их плохие парни собирались расправиться с нею и Дасти. Не исключено, что эти кто-то лично заявятся сюда, если Кевин и Захария слишком затянут с отчетом.

Она не хотела бросить «кольт» вниз, потому что его могли найти вместе с трупами и выйти на Дасти. Между местом, где они находились, и Санта-Фе на многие мили простирались пустынные земли, в которых пистолет окажется утерянным навсегда.

На переднем сиденье «БМВ» оказалось не так уж много крови, но и она представляла собою проблему. В коробке с инструментами, имевшейся в багажнике, Дасти нашел две тряпки. Насыпав на сиденье горсть быстро тающего снега, он с помощью одной из них как мог оттер обивку.

Вторую тряпку Марти сохранила на будущее.

На полу перед пассажирским сиденьем она обнаружила свой диктофон. Здесь же валялась и ее сумочка со всем ее содержимым, в том числе и мини-кассетами, на которых были записаны их беседы с Чейзом Глисоном и Бернардо Пасторе.

Очевидно, или Захария, или Кевин быстро осмотрели перевернутую машину в поисках кассет с записями, пока Марти сидела рядом на земле, задыхаясь и проливая слезы от паров бензина. Наверняка кассетам предстояло упасть на дно колодца и пропасть там навсегда.

Ветра все так же не было. Но, хотя снег и не залеплял глаза и лобовое стекло, видимость была плохая, и они даже не были уверены в том, что смогут выбраться из

населенных призраками руин на дорогу к ранчо Пасторе.

Однако оказалось, что путь, проложенный среди высокой травы и кактусов, хорошо виден. За время, прошедшее с тех пор, как машина проехала в обратном направлении, выпало менее двух дюймов снега, и поэтому для «БМВ», оснащенного зимними шинами, а вдобавок еще и цепями, проезд нисколько не осложнился.

Вскоре они оказались на том самом месте гравийной дороги, где прокатный «Форд» наехал на шипы и перевернулся. Освещая себе дорогу фонарем, они пешком спустились по отлогому склону.

Перевернутый автомобиль был наклонен вперед, что дало Дасти возможность открыть багажник настолько, чтобы вытащить оттуда две дорожные сумки. Он и Марти взяли каждый свою сумку и, скользя, взобрались по склону. Игрушечный грузовик Пустяка и несколько мелочей, высыпавшихся из сумочки Марти, они решили не доставать, так как в салоне автомобиля все еще сильно пахло бензином, а им не хотелось чрезмерно искушать судьбу.

Несколько позже, когда до главного шоссе было еще довольно далеко, Дасти остановил автомобиль, а Марти, отойдя футов на пятьдесят от обочины дороги, нашла место для могилы «кольта». Песчаная почва не успела замерзнуть. Копать было легко. Она обеими руками расковыряла приличную ямку глубиной примерно в восемнадцать дюймов, положила в нее пистолет и засыпала сверху землей. Высмотрев поблизости обломок камня величиной с пачку сахара, она положила его сверху ямы.

Теперь, разоружившись, они стали беззащитными, хотя врагов у них было больше, чем когда-либо прежде в жизни.

Но в этот момент они были слишком измотаны для того, чтобы волноваться. Кроме того, Марти не хотела никогда больше стрелять. Возможно, завтра или послезавтра она почувствует себя по-другому. Может быть, время излечит ее. Нет, не излечит. Но время может укрепить ее.

Покончив с «домашним хозяйством», Марти вернулась в машину, принадлежавшую мертвым бандитам, и Дасти тронул ее с места в сторону Санта-Фе.

* * *

Путь на юг по Пасифик-Коаст-хайвей, от Короны-дель-Мар к Лагуна-Бич. Очень мало машин. Обитатели побережья или сидят за ужином, или отдыхают в домашнем уюте. Лишь разорванные в клочья облака летят к востоку.

Холодные звезды, ледяная луна.
И силуэт крыльев.
Ночная птица ищет добычу.

Он не намеревался этой ночью подвергать свои произведения критическому анализу. Он собирался на время уклониться от своего одержимого стремления достичь высочайшего художественного уровня.

В конце концов, этой ночью он был не столько художником, сколько хищником, хотя эти ипостаси не являлись взаимоисключающими.

Доктор чувствовал себя свободным и молодым, как ночная птица, недавно вылетевшая из гнезда.

Он никого не убивал с тех самых пор, как угостил отца отравленными пирожными и при помощи электродрели и полудюймового сверла оставил в сердце Вивеки неизгладимый след смертельной силы. На протяжении более чем двадцати лет ему приходилось удовлетворяться развращением других и смертью, которую несли их послушные руки.

Убийство путем дистанционного управления было, конечно, бесконечно безопаснее, чем прямое действие. Человеку, являвшемуся видным членом общества, которому было

много чего терять, оказалось жизненно необходимо развить утонченную чувствительность в этих вопросах, научиться испытывать больше удовольствия от обладания властью над другими людьми, от способности приказывать им убивать, чем от самого акта убийства. И доктор очень гордился тем фактом, что эта чувствительность у него была не просто утонченной, или весьма утонченной, а единственной в своем роде, сверхъестественной.

И тем не менее, чтобы быть честным перед собою, он не мог отрицать вспышек тоски по старым дням.

Возможность самому окунуться в кровавую атмосферу прямого насилия давала ему шанс снова ощутить себя ребенком.

Что ж, единственная ночь. Единственная поблажка себе. Во имя прежних дней.

А потом еще двадцать лет непреклонного самоотречения.

Кативший впереди пикап, не подавая сигнала, свернул с шоссе направо, на подъездную дорогу, которая вела через незастроенный прибрежный участок к стоянке автомобилей, обслуживавшей общественный пляж.

Такой поворот событий удивил Аримана. Он вырулил на обочину, остановил машину и выключил фары.

Пикап скрылся из виду.

В этот час, тем более в холодную январскую ночь, Скит и краснолицый были, вероятно, единственными людьми, решившими посетить пляж. И если бы Ариман сразу же двинулся за ними, даже эта парочка остолопов должна была заподозрить «хвост».

Он подождет десять минут. Если они не вернутся за это время, то ему нужно будет поехать вслед за ними на стоянку.

Безлюдные просторы пляжа могут оказаться прекрасным местом для того, чтобы разделаться с ними.

ГЛАВА 70

При свете дня Санта-Фе был очаровательным. Но этой снежной ночью каждая улица, по которой они проезжали, казалась зловещей.

Марти ощущала высоту гораздо сильнее, чем накануне. Воздух был чересчур безвкусным и не мог насытить ее. Она сутулилась от слабости, усиливавшейся от неприятной иллюзии, будто ее легкие стали наполовину меньше и притом не могут полностью расправиться в такой разреженной атмосфере. Какая-то странная легкость в теле порождала в ней сомнение в действенности силы притяжения, в надежности связи с землей.

Все эти ощущения были совершенно субъективными, а правда заключалась в другом. Марти хотела выбраться из Санта-Фе не потому, что воздух здесь был действительно очень разреженным, и не потому, что она боялась внезапно улететь с Земли в космическое пространство. Она стремилась прочь отсюда потому, что здесь она обнаружила в себе такие качества, с которыми ей никогда и ни в ком не хотелось сталкиваться. Чем дальше она окажется от Санта-Фе, тем легче ей будет примириться с этими открытиями. Может быть.

Кроме того, риск пребывания в городе — даже до первого утреннего самолета, если, конечно, им удастся купить билеты на него, — был слишком велик. Не исключено, что Кевина и Захарии не хватятся на протяжении еще нескольких часов. Но вероятнее, что им следовало доложить о выполнении своей миссии кому-нибудь в институте. Тогда их контрольный срок должен был вскоре истечь. И очень скоро начнутся поиски не вернувшихся вовремя с задания убийц, их автомобиля, — а затем Марти и Дасти.

— Альбукерке? — предложил Дасти.

— Это далеко?

— Около шестидесяти миль.

— А мы доедем по такой погоде?

К этому времени наконец разгулялся ветер. Он хлестал и бичевал падавший снег до тех

пор, пока снегопад не превратился в буран. Над плато заметались послушные своему строгому военачальнику армии белых призраков.

— Может быть, когда мы спустимся пониже, то и снега станет меньше.

— Альбукерке больше, чем Санта-Фе?

— В шесть или семь раз больше. Там легче скрыться до утра.

— У них есть аэропорт? — продолжала расспрашивать Марти.

— Есть, и большой.

— Тогда давай поедем.

«Дворники» сбрасывали снег с ветрового стекла. Машина постепенно удалялась от Санта-Фе.

* * *

Пока доктор Ариман ждал, сидя в машине на обочине Коаст-хайвей, внезапный порыв берегового ветра, смявший высокую траву, толкнул «Эль-Камино» в бок сильнее, чем даже воздушные потоки от проносившихся мимо тяжелых грузовиков. Хороший ветер мог бы пригодиться: он приглушит звук выстрелов или же по крайней мере отнесет его в сторону, и тогда ни один из тех, кто услышит выстрелы, а потом и сообщение об убийстве, не сможет точно указать, откуда они доносились.

И все же у доктора были сомнения по поводу пляжа. Что эти два выродка могли делать там ночью, да еще и в такой холод?

Что, если они оба из тех помешанных, которые доказывают свою жизнеспособность, плавая в очень холодной воде? «Моржи», так они называют себя. А что, если они к тому же из тех «моржей», которые любят купаться нагишом?

Перспектива встречи с голыми Скитом и его приятелем заставила доктора пересмотреть свое отношение к тем четырем печеньям, которые он успел съесть. Один — ходячий скелет, а другой, видимо, хотел бы стать Фальстафом.

Он не считал, что они «голубые», хотя и не мог полностью исключать такой возможности. Но для свидания автомобильная стоянка на пляже не самое романтичное место.

Если он обнаружит их в автомобиле в тот момент, когда они будут сидеть один на другом, как две лысые обезьяны, должен ли он будет убить их, как запланировано, или нужно будет дать им небольшую отсрочку?

После того как тела будут найдены, полиция и средства массовой информации станут утверждать, что их, скорее всего, убили из-за сексуальной ориентации. Это непременно будет раздражать его. Доктор не был мужененавистником. Он вообще не был фанатиком и выбирал свои цели с сознанием честной игры и верой в равные возможности.

Конечно, надо признаться в том, что он принес страдания большему количеству женщин, нежели мужчин. Однако он намеревался начать восстанавливать равновесие уже в течение ближайшего часа и продолжить в ходе той игры, в которой эти два убийства были всего лишь одной подачей.

Доктор выждал десять минут — пикап не возвращался — и отложил свои рассуждения. Ради спортивного интереса он включил фары и направился под горку, на стоянку автомобилей.

Действительно, кроме грузовичка, никаких автомобилей тут не было.

Стоянка освещалась только лунным светом, но Ариман все равно сразу разглядел, что в кабине никого не было.

Если роман разворачивался не на природе, то любовники, наверно, могли спрятаться в крытом кузове. Но тут он вспомнил про собаку, и его губы скривила гримаса отвращения. Конечно, нет.

Он поставил машину на расстоянии двух мест от грузовичка и посоветовал себе

шевелиться поживее. Сюда вполне могли пару раз за ночь заглянуть полицейские патрули — проверить, не устраивают ли подростки здесь пьянку, которая позднее может закончиться аварией с многочисленными жертвами или крупным скандалом в городе. Если полицейским придет в головы записать номера автомобилей, то утром, после того как тела будут найдены, у доктора Аримана могут возникнуть проблемы. Задача состояла в том, чтобы разделаться с ними побыстрее и убраться прежде, чем полицейские или кто-либо еще заявится сюда с шоссе.

Он натянул лыжную маску на голову, вышел из «Эль-Камино» и запер дверь. Он мог бы сэкономить несколько драгоценных секунд при возвращении, если бы оставил машину незапертой; однако даже здесь, на Золотом берегу Калифорнии, в графстве Оранж, где преступлений совершается намного меньше, чем в других местах, к сожалению, еще можно было найти негодяев, не уважающих права других.

Ветер был замечательный — прохладный, но не леденящий, сильный, но не настолько, чтобы помешать ему, достаточно порывистый для того, чтобы заглушить и исказить звук выстрелов. А до ближайшего дома на побережье была целая миля на север.

Прислушавшись к басовитому рокоту накатывавшего на берег прибоя, он понял, что не только ветер помогает ему. Вся природа в этом рушащемся мире, казалось, была у него в союзниках, и он преисполнился приятным ощущением всеобщей сопричастности.

Вытащив «Таурус PT-111 миллениум» из наплечной кобуры, доктор легкой походкой направился к пикапу. Заглянув в окно кабины, он убедился, что там никого нет. Прижав закрытое маской ухо к тенту, он прислушался, пытаясь уловить какие-нибудь звуки, сопровождающие возможное скотство, и почувствовал облегчение, не услышав ничего.

Отойдя от грузовичка и вглядываясь в ночь, Ариман уловил мелькающие отблески света на берегу, всего ярдах в пятидесяти к северу. В лунном свете он разглядел две наклонившиеся к земле человеческие фигуры футах в двадцати от воды.

«А не могут ли они выкапывать моллюсков?» — спросил он себя. Доктор понятия не имел, где, когда и как добывают моллюсков, потому что это была работа — то, что его очень мало интересовало. Некоторые рождаются для того, чтобы работать, некоторые — чтобы играть, а он отлично знал, в который из лагерей его принес аист.

С десятифутовой набережной на пляж можно было спуститься по бетонным ступеням с трубчатыми перилами, но Ариман предпочел не приближаться к этим людям по берегу. В лунном свете он был бы слишком заметен, и они могли заподозрить, что он идет к ним не с дружескими намерениями.

Вместо этого Ариман повернул к северу по мягкому песку и прибрежной траве, держась подальше от края набережной, чтобы добыча не могла случайно заметить его силуэт на фоне неба.

Его итальянские ботинки ручной работы уже были полны песка. К тому времени, когда все будет закончено, они окажутся слишком ободраны, чтобы хорошо блестеть.

Лунный свет на песке.
На черных ботинках бледные царапины.
Виновна ли луна?

Ему было жаль, что он не имел возможности переодеться. Он все еще был одет в тот же самый костюм, в котором начал день, и одежда уже пришла в изрядный беспорядок. Внешний вид являлся важной частью стратегии, и никакая игра не могла выйти такой, какой была задумана, будучи сыгранной в неподобающем костюме. К счастью, в полутьме и при лунном свете его одежда выглядела лучше отглаженной и более изящной, чем была на самом деле.

Отмерив мысленно пятьдесят ярдов, Ариман подошел к невысокому барьеру — и прямо перед ним оказались Скит и его приятель. Они были всего лишь в пятнадцати футах от подножия обращенной к океану стены набережной и стояли, отвернувшись от него, лицом к

океану.

Золотистый ретривер тоже был с ними и тоже смотрел в океан. Ветер дул с воды на Аримана, и это гарантировало, что собака не сможет учуять его запах.

Он разглядывал их, пытаясь понять, чем же они занимаются.

Скит держал переносной сигнальный фонарь с семафорной приставкой и системой сменных линз, позволявшей мгновенно изменять цвет луча. Судя по всему, он передавал светом сообщение кому-то, находившемуся в море.

У второго человека в правой руке был непонятный предмет, который мог оказаться маленьким направленным микрофоном с параболическим звукоуловителем и пистолетной рукоятью. В левой руке он держал большие наушники, прижимая одну из чашек к левому уху, хотя вряд ли было возможно выхватить из свиста ветра хоть одно разумное слово.

Таинственно.

Потом до Аримана дошло, что ни фонарь, ни микрофон этих людей не были нацелены на какое-либо судно в море, а глядели в зенит ночного неба.

Еще таинственнее.

Будучи не в состоянии что-либо понять, доктор чуть не решил отступить от своего плана. Однако он был слишком возбужден и стремился к действию. Заставив себя отбросить колебания, он быстро слез по крошившейся под руками стене набережной. Песок и ветер скрыли те негромкие звуки, которых ему не удалось при этом избежать.

Он мог застрелить их в спину. Но с тех самых пор как у него утром, в магазине антикварной игрушки, разыгралась фантазия, ему просто до зуда хотелось всадить пулю кому-нибудь в живот. Кроме того, стрелять людей в спины неинтересно: нельзя разглядеть их лица, их глаза.

Он смело обошел стоявших людей. Его появление, очевидно, потрясло обоих. Направив «миллениум» на краснолицего человека, доктор повысил голос, чтобы перекричать ветер и прибой:

— Что, черт возьми, вы здесь делаете?

— Инопланетяне, — ответил тот.

— Устанавливаем контакт, — пояснил Скит.

Решив, что они оба как следует нажрались наркотиков и разумных слов от них ждать не придется, Ариман дважды выстрелил приятелю Скита в живот. Того отбросило назад, он выронил микрофон и наушники и упал, или убитый на месте, или умирающий.

Доктор повернулся к изумленному Скиту и тоже дважды выстрелил ему в живот. Скит рухнул на песок, как скелет из биологической лаборатории, которому подрезали крепления.

Звезды, луна и выстрелы.
Две смерти здесь, откуда пошла жизнь.
Море и прибой.

Нужно спешить. Сейчас не время для поэзии. Еще две пули в грудь поверженному Скиту — бух, бух — прикончат его наверняка.

— Твоя мать шлюха, отец мошенник, а у отчима свиное дерьмо вместо мозгов, — злорадно сообщил убитому Ариман и повернулся ко второму телу.

Бух, бух. Еще две пули в грудь идиоту-приятелю Скита; просто так, для ровного счета. К сожалению, доктор ничего не знал о семье этого человека и потому не мог разукрасить ситуацию изысканными оскорблениями.

Острый запах пороха приятно щекотал ноздри, но, к сожалению, мягкий лунный свет не был идеальным освещением для того, чтобы насладиться видом крови и пулевых пробоин в погибшей плоти.

Возможно, стоило потратить лишнюю минуту на то, чтобы вырезать какие-нибудь сувениры перочинным ножом?

Он чувствовал себя таким молодым. Омоложенным. Несомненно, смерть была именно

тем, ради чего существовала жизнь.

Осталось два патрона.

Слабонервный ретривер скулил, визжал, даже осмеливался лаять. Хотя собака отступила к полосе прибоя и явно не собиралась нападать, доктор все же решил потратить и девятый и десятый патроны на Валета.

Когда звук восьмого выстрела все еще отдавался звоном в его ушах, он направил оружие на собаку и уже почти нажал на спусковой крючок, когда вдруг понял, что Валет лаял, похоже, не на него, а на что-то у него за спиной, на барьере набережной.

Обернувшись, Ариман увидел, что наверху стоит странная фигура и пристально всматривается в него. На несколько мгновений его даже посетила безумная мысль, что это один из тех инопланетян, с которыми Скит и его приятель пытались вступить в контакт.

Потом он узнал кремовый костюм от Сент-Джона, люминесцирующий в лунном свете, белокурые волосы и высокомерную осанку выскочки.

Сегодня днем у него в кабинете она в приступе паранойи обвинила его в наличии скрытого конфликта интересов пациентов, заподозрила в неэтичном поведении. «Доктор, вы не знакомы с К-к-к-киану?»

В то время ему показалось, что он убедил ее в абсурдности подозрений, но, видимо, он ошибся.

Доктор, может быть, единственный из всех людей на свете, должен был догадаться об этом. Это была одна из его психиатрических специальностей, а также тема следующего бестселлера — «Не бойся, я с тобой». Навязчивая идея и фобия, которым она была *одновременно* подвержена, делали ее поведение крайне нерациональным, вплоть до абсолютной непредсказуемости. Она была ходячей бедой в туфлях за шестьсот долларов.

Вообще-то она держала эти туфли в руках, стоя на бетонном барьере босыми, в одних чулках, ногами. Ариман почувствовал себя глупцом из-за того, что не догадался снять свои итальянские ботинки и погубил их.

Он не знал, на каком автомобиле она приехала сюда, но теперь понял. На белом «Роллс-Ройсе».

Пока он развлекался, преследуя пустоголовых сыщиков, эта безумная женщина гонялась за ним самим, рассчитывая застигнуть его во время тайной встречи с Киану Ривзом. Он готов был высечь себя за такую близорукость.

Все эти потрясающие откровения промелькнули в мозгу доктора за какие-нибудь две секунды. А на третьей он поднял пистолет и выпустил один из двух патронов, которые не успел истратить на собаку.

Возможно, ему помешал ветер, или расстояние, или то, что целиться пришлось снизу вверх, а может быть, шок, который он испытал при ее появлении, но, так или иначе, он промахнулся.

Она бросилась бежать. Отскочила от барьера набережной. Исчезла из виду.

Мимолетно пожалев о том, что придется уехать отсюда, не пристрелив собаку и не вырезав что-нибудь на память у убитых, доктор рванулся следом за своей пациенткой, страдавшей «кианофобией». Он намеревался полностью и окончательно излечить женщину от угнетавших ее недугов.

Способ передвижения, который он использовал, чтобы добраться до подножия прибрежной стены, нельзя было назвать бегом. Здесь на мелком песке не росла даже трава, и он предательски хватал Аримана за ноги. Ноги доктора вязли в песке по щиколотку. На стенку ему пришлось выбираться ползком, и его костюм пришел в ужасное состояние.

Кианофобичка далеко опережала Аримана. Она летела, как газель, но, по крайней мере, не имела никакого оружия, если не считать пары туфель на высоких каблуках. Если бы ему удалось поймать ее, то он нашел бы хорошее применение для последнего патрона, оставшегося в «миллениуме», ну а если бы даже и промахнулся, то его рост и сила вполне позволили бы ему отколотить ее так, чтобы она забыла и думать о сопротивлении, а потом спокойно и с удовольствием задушить.

Но проблема как раз и заключалась в том, чтобы поймать ее. Добравшись до асфальтированной поверхности стоянки, она помчалась еще быстрее, тогда как доктору Ариману все еще приходилось ковылять по проклятому песку. Расстояние между ними продолжало увеличиваться, и он пожалел о том, что съел третье и четвертое кокосово-шоколадное печенье.

Белый «Роллс-Ройс» стоял у самого въезда с подъездной дороги, носом к стоянке. Она добежала за него и прыгнула за руль как раз в тот самый момент, как кожаные ботинки доктора зашлепали по черному покрытию.

Двигатель взревел.

Аримана отделяло от нее по меньшей мере шестьдесят ярдов.

Темные фары внезапно вспыхнули.

Пятьдесят ярдов.

Она резко врубила задний ход и нажала на акселератор. Шины мерзко проскрежетали по асфальту.

Доктор остановился, поднял «миллениум», взял его в обе руки и принял безупречную позу стрелка: голова и торс развернуты в направлении цели, правая нога чуть отставлена назад для упора, левое колено слегка согнуто, в талии не прогибаться…

Расстояние было слишком велико. «Роллс» стремительно пятился назад, и через мгновение перевалил через вершину холма, в пределах видимости с Пасифик-Коаст-хайвей. Стрелять не имело смысла.

«Время важнее всего», — сказал Аноним, вероятно, наиболее часто цитируемый поэт, и этот трюизм сейчас исполнился для доктора содержанием, как никогда в жизни. «Назад верни, о Время, свой полет», — писала Элизабет Экерс Элайн, и Ариман сейчас всей душой сожалел о том, что у него нет волшебных часов, с помощью которых он мог бы исполнить этот трюк, потому что Делмор Шварц никогда не писал более верных слов, чем «время — огонь, сжигающий нас», а доктор боялся сгореть, хотя в штате Калифорния электрический стул и не применялся в качестве средства исполнения высшей меры наказания. «Время — маньяк, рассеивающий прах», — написал Теннисон, а доктор боялся, что его собственный прах будет рассеян по ветру, хотя и знал, что должен успокоиться и последовать совету Эдварда Янга, который призывал «бросить вызов зубам времени». Сара Тисдэйл напоминала о том, что «время — добрый друг», но она ни черта не знала о том, о чем взялась рассуждать. Генри Водсворт Лонгфелло, говоривший о «бардах с возвышенной душой, чьи отдаленные шаги гулким эхом разносятся по коридорам Времени», тоже не имел ни малейшего представления о нынешнем кризисе. Но ведь доктор был гением, имел хорошее, даже чересчур хорошее образование и пребывал в смятении, а поэтому все эти мысли со скоростью пулеметной очереди пролетели в его сознании, пока он бежал к «Эль-Камино», заводил мотор и выезжал со стоянки.

К тому времени, когда Ариман выехал на Пасифик-Коаст-хайвей, «Роллс-Ройса» уже и след простыл.

Богатая дура и ее скучный, как устрица, муж жили неподалеку, на Ньюпорт-коаст, но она не должна была сразу направиться домой. Действительно, если ее фобия развилась в более серьезное состояние, чем ему прежде казалось, дошла до формы параноидального психоза, то она вообще могла решить не возвращаться домой, чтобы ни Киану собственной персоной, ни кто-то из его прихвостней — вроде ее собственного психиатра, вооруженного пистолетом, — не мог устроить там на нее очередное покушение.

И даже если она и отправилась домой, Ариман все равно не мог преследовать ее там. Наверняка у них с мужем был большой штат прислуги — потенциальных свидетелей — и профессиональная охрана.

И поэтому доктор сорвал с лица лыжную маску и со всей скоростью, на которую мог решиться, помчался домой.

ГЛАВА 71

По пути домой Марка Аримана обуревали уже не мысли поэтов о природе времени, неведомым образом вывалившиеся из копилки памяти. Всю первую половину своей десятиминутной поездки он непрерывно изрыгал вслух страшные ругательства — все они были направлены в адрес кианофобички, как будто она могла его услышать, — и клялся унизить, изничтожить, искалечить и расчленить ее всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Этот порыв был детским, недостойным его, Ариман это понимал, но ему необходимо было выговориться.

А на протяжении второй половины поездки он решал, когда она обратится в полицию, чтобы сообщить о двух убийствах, и обратится ли вообще. Под влиянием паранойи она могла заподозрить, что мерзавец Киану держит в руках все полицейские учреждения, начиная от местных участков и кончая Федеральным бюро расследований. В этом случае она будет вести себя тихо или, по крайней мере, будет долго колебаться, прежде чем решится обратиться к властям.

Она могла скрыться на некоторое время, даже удрать из страны и прятаться до тех пор, пока не выработает план действий. Располагая половиной миллиарда долларов, она могла далеко уехать и хорошо укрыться.

Мысль о ее возможном исчезновении встревожила Аримана; на задней стороне его шеи выступил обильный холодный пот. Его высокопоставленные друзья могли легко помочь ему скрыть связь с любым количеством возмутительных преступлений, совершенных другими, людьми, находившимися у него под контролем, но ведь это совсем иное дело, и в общем-то трудно ожидать, что они станут защищать его от обвинения в убийствах, совершенных его собственными руками. Это была одна из главных причин, по которым он не позволял себе такого риска на протяжении двадцати лет. Пот с шеи потек по спине.

Всегда исполненный чрезвычайной самоуверенности, Ариман никогда прежде не испытывал подобных ощущений. И понял, что ему совершенно необходимо как можно быстрее взять себя в руки.

Он был властелином памяти, отцом лжи и мог смело принять любой вызов. Ну, ладно, кое-что за последнее время получилось не так, как ему хотелось, но небольшая порция волнений время от времени была даже полезна для того, чтобы придать вкус жизни.

И, въезжая в свой подземный гараж, напоминавший лабиринт, он уже полностью владел собой.

Выйдя из «Эль-Камино», он с тревогой посмотрел на песок, осевший на поверхность машины и обильно усыпавший коврики.

При расследовании любого серьезного уголовного преступления образцы почвы принимаются в качестве одного из важнейших и неоспоримых доказательств. И суд никогда не оспаривает их. Криминалистический отдел любого нормального полицейского управления безо всякого труда может провести сравнительный анализ состава, зернистости и других свойств песка с образцом песка, взятого с места убийства, — и сделать соответствующие выводы.

Оставив ключи в замке зажигания, Ариман вынул из машины только два предмета: туго завязанный синий полиэтиленовый мешок с сувениром, оставленным Валетом на газоне, и пакет из «Зеленых лугов», в котором все еще оставалось печенье. Оба пакета он аккуратно положил на пол возле облицованной гранитом стены гаража.

Доктор быстро сбросил свои пришедшие в негодность ботинки, снял брюки, носки и пиджак и сложил всю свою одежду на полу. Бумажник, пистолет и кобуру он положил отдельно, рядом с двумя мешками. Испачканный в песке галстук и белая рубашка также отправились в одну кучку с одеждой, хотя золотую нашейную цепь в 24 карата он все же оставил.

Как ни странно, но песок попал даже на нижнее белье. Поэтому доктор разделся догола и добавил футболку и трусы к куче тряпья.

Потом он взял ремень, аккуратно связал всю одежду и положил ее на сиденье в машину.

Песчинки, прилипшие к волосам на теле, сильно раздражали его. Со всей возможной тщательностью он руками счистил с себя эту гадость.

Совершенно голый, если не считать наручных часов, держа в руках те немногочисленные вещи, которые счел нужным сохранить, Ариман прошел на первый этаж дома, откуда в лифте поднялся на свой любимый третий.

Пробежавшись по сенсорной панели управления, он открыл свой секретный сейф, спрятанный за камином, и положил «Таурус РТ-111 миллениум» в маленькое отделение, где хранился сосуд с глазами отца. Немного подумав, он добавил туда же и синий мешок.

Для пистолета это было только временное хранилище, на день-другой, пока он не решит, как с ним поступить дальше. А собачий кал мог ему понадобиться уже завтра утром.

Облачившись в шелковую желто-зеленую с черными отворотами и черным же поясом пижаму, Ариман позвонил по внутреннему телефону своему мажордому Седрику Хоторну и попросил его немедленно подняться в гостиную хозяина.

Когда спустя буквально считанные секунды Седрик вошел в комнату, Ариман приветствовал его именем подозрительного дворецкого из старого детективного романа Дороти Сейерс, после чего проделал с ним ритуал хокку.

Действительно, доктор никогда не прибегал к программированию служащих своих предприятий, но ради сохранения полной секретности в личной жизни он счел необходимым иметь полный контроль над своими наиболее приближенными личными слугами, тем более что их было всего двое — муж и жена. Он, конечно, не злоупотреблял своей властью над ними. Они получали хорошие деньги, пользовались первоклассным медицинским обслуживанием, он делал за них крупные взносы в пенсионный фонд и предоставлял отпуска. Но все же он внедрил в каждого из них непререкаемый запрет на попытки, пользуясь своими кухонными правами, лакомиться его любимыми блюдами.

Ариман кратко рассказал Седрику, что тот должен делать. Ему следовало сесть в «Эль-Камино», найти ближайшее благотворительное заведение и отдать туда испорченную песком одежду. После этого Седрику предстояло заправить доверху топливный бак, доехать до Сан-Диего, пересечь там мексиканскую границу и отправиться в Тихуану. Там ему следовало заехать в какое-нибудь из трущобных предместий (если, конечно, его не выкинут из прекрасной машины по дороге) и оставить «Шевроле» там с незапертыми дверями и ключом в замке зажигания — чтобы машину наверняка увели. Оттуда он должен был прийти в ближайшую крупную гостиницу, взять напрокат автомобиль и вернуться в Ньюпорт-Бич как можно раньше. (Доктор прикинул, что, поскольку еще не было даже восьми вечера, Седрик может успеть вернуться к трем часам ночи.) Автомобиль нужно будет оставить в прокатном пункте аэропорта Оранж-Каунти, сесть там в такси и приехать домой. Дома Седрику предстояло лечь спать и проснуться через два часа, хорошо выспавшимся и без малейших воспоминаний о том, что он делал ночью.

Задание было не таким уж простым, учитывая, что Седрик окажется в Мексике глубокой ночью. Но, имея в денежном поясе пять тысяч долларов, которые дал ему хозяин, посланец должен сделать все, что нужно. К тому же наличные деньги оставляют меньше следов.

— Я понимаю, — сказал Седрик, выслушав указания.

— Надеюсь утром увидеть тебя живым, Седрик.

— Благодарю вас, сэр.

После того, как Седрик отбыл, доктор позвонил его жене, Нелле Хоторн, и также вызвал ее к себе, в ту же гостиную, из которой ее муж только что отправился в свое мексиканское приключение.

Неллу Ариман назвал именем коварной домоправительницы особняка Мандерли из романа Дафны Дю Морье «Ребекка». Ей он приказал тщательно убрать в гараже, устранить оттуда все следы песка, потом вырыть глубокую яму в одной из клумб на заднем дворе и закопать там мешок из пылесоса. А затем забыть о том, что она делала.

— Потом ты вернешься в свою квартиру и будешь ждать дальнейших инструкций, — закончил Ариман.

— Я понимаю.

После того, как Седрик выехал в Мексику, а Нелла, взяв пылесос, приступила к уборке в гараже, доктор спустился на второй этаж, в свой облицованный сикоморовыми панелями кабинет. Механизму требовалось всего семь секунд, чтобы извлечь компьютер из недр стола, но Ариман нетерпеливо барабанил пальцами — так ему не терпелось скорее включить его.

Связавшись по сети с компьютером своего офиса, он вызвал файл с записями о своих пациентах и вскоре получил телефоны кануфобички. Их было два: домашний и мобильный.

С момента ее поспешного бегства с прибрежной стоянки автомобилей прошло меньше сорока минут.

Хотя он и сожалел, что нужно было звонить ей с домашнего телефона, но время было важнее всего — как и пламя, в котором он мог сгореть, — и сейчас не следовало заботиться об излишней осторожности. Сначала он набрал номер мобильного телефона.

Ответ последовал после четвертого гудка, и Ариман сразу узнал голос своей пациентки.

— Привет?

Судя по всему, она, как и подозревал доктор, пребывала в состоянии параноидальной растерянности и бесцельно ездила по городу, пытаясь решить, что же ей делать после того, как она увидела сцену на пляже и даже приняла в ней активное участие.

О, как же он жалел, что она не запрограммирована.

Предстоящую беседу следовало провести очень тонко. И давая инструкции Хоторнам, и решая различные другие вопросы, Ариман все время думал, как же ее следует построить. Насколько он мог видеть, здесь была применима лишь одна-единственная стратегия.

— Привет? — повторила она.

— Вы знаете, кто это говорит? — спросил он вместо ответа. Она не ответила, так как сразу узнала его голос.

— Вы уже говорили с кем-нибудь по поводу… инцидента?

— Еще нет.

— Это хорошо.

— Но я поговорю. Неужели вы думаете, что не поговорю?

— Вы видели «Матрицу»? — спокойным голосом задал доктор следующий вопрос.

Вопрос был излишним, так как он уже знал, что она видела каждый фильм с участием Киану Ривза в своем домашнем кинотеатре на сорок мест по меньшей мере двадцать раз.

— Конечно, видела! — возмутилась она. — Как вы могли даже задать мне этот вопрос, после того как слушали меня в своем кабинете? Хотя вы, наверно, как обычно, дремали!

— Это не просто кинофильм.

— А что же это?

— Реальность, — сказал доктор, стараясь произнести это единственное слово самым зловещим тоном, на какой был способен его незаурядный актерский талант.

В трубке молчали.

— Как и в кинофильме, сейчас не начало нового тысячелетия, хотя вам так кажется. На самом деле сейчас 2300 год… и человечество уже на протяжении нескольких веков находится в рабстве.

Хотя она опять промолчала, слух Аримана уловил перемену в ее дыхании — оно стало более частым и поверхностным, что надежно свидетельствовало о возникновении параноидальных фантазий.

— И, как и в кинофильме, — продолжал он, — тот мир, который вы считаете реальным, — *не* реален. Это только иллюзия, обман, виртуальный мир, детальнейшая многомерная матрица, созданная злым компьютером, чтобы держать вас в повиновении.

Ее молчание казалось скорее задумчивым, нежели враждебным, а негромкое частое дыхание продолжало подбадривать доктора.

— По правде говоря, вас вместе с миллиардами других людей, за исключением

немногочисленных мятежников, держат в капсулах и питают внутривенно; вы подключены к компьютеру, который снабжаете своей биоэлектрической энергией, и подпитываете фантазию этой матрицы.

Она опять ничего не сказала.

Он подождал.

Она тоже ждала.

В конце концов он продолжил:

— Те двое, которых вы видели сегодня вечером на берегу… Это были не люди. Это были роботы, охранявшие матрицу, точно так же, как и в кинофильме.

— Вы, должно быть, считаете меня сумасшедшей, — сказала женщина.

— Как раз наоборот. Мы идентифицировали вас как одну из немногих особей в капсулах, кто начал сомневаться в аутентичности этого виртуального мира. Как потенциальную мятежницу. И хотим помочь вам освободиться.

Хотя она и не сказала ни слова, но почти беззвучно поперхнулась, словно той-пудель или какая-то другая маленькая комнатная собачка, которой пригрезился лакомый кусок бисквита.

Если ее паранойя уже переросла в функциональное расстройство, как подозревал доктор, то сценарий, который он создал, должен был оказаться чрезвычайно привлекательным для нее. При взгляде с этой точки зрения мир становился менее пугающим. Прежде она ощущала присутствие врагов со всех сторон, основываясь при этом на многочисленных, зачастую необъяснимых и, как правило, противоречивых поводах. Ну, а теперь у нее появлялся единственный враг, на котором она могла сосредоточиться: гигантский, злобный управляющий миром компьютер и его безмозглые машины-прислужники. Навязчивая идея, связанная с Киану, — первое время она основывалась на любви, а позднее ее базисом стал страх, — часто расстраивала и беспокоила ее, потому что ей казалось слишком эксцентричным придавать так много значения некоей персоне, которая все-таки была всего лишь актером. Зато теперь она могла дойти до мысли о том, что он не *просто* кинозвезда, но также и Единственный, избранный, которому предстоит спасти человечество от владычества машин, герой из героев и потому достоин ее особого внимания. Как параноик, она была уверена, что реальность в том виде, в котором ее воспринимает большинство людей, — это обман, что правда не ведома никому и куда ужаснее, чем та ложная действительность, которую принимает большинство людей. А теперь доктор подтвердил ее подозрения. Он предлагал придать паранойе логическое обоснование и успокоительное ощущение упорядоченности, и этот соблазн должен был оказаться непреодолимым.

Женщина довольно долго молчала.

— Из ваших намеков следует, что К-к-киану является моим другом, моим союзником. Но я-то знаю теперь, что он… опасен.

— Прежде вы любили его.

— Да, конечно, но потом я узнала правду.

— Нет, — заверил ее доктор. — Истинным было именно ваше первоначальное отношение к Единственному. Ваше инстинктивное знание того, что он исключительная и достойная обожания личность, было совершенно справедливым и верным. А ваш позднейший страх был *внедрен* в вас злым компьютером, который хочет держать вас в предназначенной для вас капсуле.

Прислушиваясь к себе, к состраданию и искренности, звучавшим в его голосе, доктор начал ощущать себя бредящим лунатиком.

Она снова надолго умолкла. Но не повесила трубку.

Ариман дал ей достаточно времени, чтобы поразмыслить над услышанным. Ему ни в коем случае не следовало нажимать, чтобы ей не показалось, что он *продает* ей концепцию.

Дожидаясь ее реплики, он думал о том, что ему хотелось бы на обед. О том, что нужно заказать у Эрменгильдо Зегны новый костюм. О том, как лучше использовать мешок с

дерьмом. Об удивительно остром удовольствии, которое испытываешь, нажимая на спусковой крючок. О том, каким поразительным триумфом Аль-Капоне закончилась битва при Аламо на его столе.

— Мне нужно время, чтобы обдумать все это, — наконец сказала она.

— Конечно.

— Не пытайтесь найти меня.

— Отправляйтесь куда хотите в своем виртуальном мире матрицы, — ответил Ариман, — хотя в действительности вы все равно останетесь в своей капсуле.

Подумав несколько секунд, она сказала:

— Полагаю, что это правда.

Почувствовав, что она начинает включаться в предложенный сценарий, доктор рискнул сделать следующий шаг:

— Меня уполномочили сообщить вам, что Единственный считает, что вы окажетесь не просто еще одним из потенциальных мятежников.

В наступившей тишине снова угадывалось взволнованное дыхание пускающей слюни комнатной собачки, хотя на сей раз звук был иным, со слабым, но уловимым эротическим оттенком.

— Киану лично интересуется мною? — спросила она после очередной паузы.

Имя актера она произнесла не заикаясь.

Сочтя это благоприятным признаком, доктор очень тщательно построил свой ответ.

— Я сказал об этом все, что имел право сообщить. Так или иначе, вам стоит этой ночью подумать над тем, что мы с вами обсуждали. Завтра, когда будете готовы мне позвонить, вы целый день сможете найти меня в моем кабинете.

— *Если* я позвоню вам, — поправила она.

— Если, — согласился он.

Она выключила телефон.

— Богатая безмозглая паршивая сука, — закончил доктор разговор в гудящую трубку. — И это мой *профессиональный* диагноз.

Он был уверен, что она позвонит ему и что он сможет вытащить ее для беседы с глазу на глаз. И тогда запрограммирует.

Преодолев несколько опасных моментов, властелин памяти снова уверенно воссел на своем троне.

Прежде чем позвонить Нелле Хоторн и заказать обед, Ариман просмотрел свою электронную почту и обнаружил два зашифрованных сообщения из института в Нью-Мексико. Он пропустил их через программу-дешифровщик, а после прочтения навсегда удалил каждое из них с жесткого диска.

Первое поступило этим утром и было ответом на послание, которое он отправил накануне вечером. Мистер и миссис Дастин Родс находились под непрерывным наблюдением с того самого момента, когда сошли с трапа самолета в муниципальном аэропорту Санта-Фе. Подготовленный для них в фирме проката автомобиль арендной платы был оснащен радиомаяком, что позволяло вести за ним дистанционную слежку. Вдобавок Керли с удовольствием сообщал Ариману, что они с невестой обрели друг друга после того, как обнаружили, что оба в восторге от книги мэтра «Учитесь любить себя».

Второе сообщение прибыло лишь несколько часов назад и было кратким. В течение дня мистер и миссис Родс активно общались с людьми, причастными к делам Глисонов и Пасторе, и получили поддержку от тех, к кому обращались. Таким образом, им предстоит остаться где-то в районе Санта-Фе или до конца света, или до тех пор, пока Вселенная не сожмется до размеров горошины, — это будет зависеть от того, что произойдет раньше.

Ариман почувствовал облегчение, узнав, что его коллеги готовы сделать все возможное для защиты его интересов, но был при этом встревожен тем, что его нынешнюю игру — чуть ли не самую серьезную за всю его жизнь — придется бросить и начать с самого начала. Ему были нужны хотя бы Скит, или Дасти, или Марти — и предпочтительно двое из них, чтобы

воплотить в жизнь разработанную сложную стратегию, но теперь все они были мертвы или умирали.

Он еще не получил известия о завершении операции в Санта-Фе, но оно должно прийти скоро, может быть, даже до того, как он ляжет спать.

Ладно, он ведь все еще оставался игроком. Пока он остается игроком, результат любого отдельно взятого состязания не будет иметь принципиального значения. Пока он остается игроком, всегда найдется возможность сыграть другую игру, и уже завтра он придумает новую.

Утешив себя, он позвонил вниз Нелле Хоторн и заказал обед: две колбаски с перцем чили, порезанный тонкими кружочками лук, сыр чеддер, пакет картофельных чипсов, две бутылки имбирного пива и кусок кекса «Черный лес».

Возвратившись наверх в свои покои, он обнаружил, что надежный Седрик успел побывать в автомобильном представительстве и забрал из «Мерседеса» утренние покупки. Он положил их на стол в спальне. Игрушечная машинка Джонни Лайтнинга «Кастом-Феррари» и марксовский игровой набор «Доджсити в пороховом дыму».

Он сел за стол, открыл коробку с набором и внимательно осмотрел несколько крохотных пластмассовых человечков. Судья в мантии и следопыты с ружьями. Девочка из дансинг-холла. Детали были выполнены превосходно, они возбуждали воображение, как, впрочем, и все поздние изделия Луи Маркса.

Доктор восхищался теми людьми, которые в своей работе, какого бы рода она ни была, внимательно и серьезно относились к деталям. Сам он никогда о них не забывал. В его вечно занятом, вечно порождавшем новые идеи мозгу жила старинная народная поговорка: «Дьявол живет в деталях». Сейчас она развеселила его, пожалуй, больше, чем следовало. Он рассмеялся и никак не мог остановиться.

Затем он вспомнил вариант этого афоризма: «Бог живет в деталях». И, хотя доктор был игроком и не веровал в бога, от этой мысли смех прервался. Уже второй раз за один этот вечер — и всего лишь второй раз за всю жизнь — на его шее выступил ледяной пот.

Нахмурившись, Ариман вспоминал минувший день, полный неожиданностей. Он перебирал в памяти детали, разыскивая те, которые мог сразу неправильно истолковать или вообще упустить. Такие, как белый «Роллс-Ройс» на стоянке возле «Зеленых лугов», — его появление там он истолковал совершенно неверно.

Ариман вошел в ванную и несколько раз вымыл руки. Он лил на ладони много жидкого мыла и растирал его мягкой щеткой, предназначенной для мытья ногтей. Он энергично тер щетиной свои кисти от кончиков пальцев до запястий, обе стороны каждой ладони, обращая особое внимание на складки кожи на суставах.

Вряд ли кануфобичка все же позвонит в полицию и расскажет, что доктор Ариман убил на пляже двоих человек. Еще менее вероятно было, что кто-то еще мог увидеть его там и в то время. И все же, на тот случай, если полицейские вдруг появятся, он не мог позволить себе оставить на руках ни малейших следов пороха. Их можно было бы обнаружить при лабораторных исследованиях и доказать, что он этим вечером стрелял из огнестрельного оружия.

Больше ни одной важной детали он не вспомнил.

Просушив руки, Ариман вернулся в спальню. Там он поставил на стол фигурки маршала Диллона и задиры-бандита друг против друга, как на дуэли.

— Бах, бах, бах! — сказал он и щелкнул пальцем по убитому маршалу с такой силой, что фигурка врезалась в стену и отлетела от нее на добрых двадцать футов.

Маршалы и бандиты.
Стреляют друг в друга под солнцем Запада.
Стервятники всегда сыты.

Он чувствовал себя лучше.

Подали обед.

Жизнь была хороша.

Как и смерть, когда вы к ней причастны.

* * *

Из высокогорной пустыни на пустынную возвышенность. Перепад высот между Санта-Фе и Альбукерке составлял более двух тысяч футов на протяжении шестидесяти миль. Дасти преодолел это расстояние за девяносто минут. Вместе с высотой сила бурана уменьшилась, но снег внизу шел так же обильно.

Они нашли подходящий мотель и зарегистрировались, расплатившись наличными, так как опасались, что утром кто-нибудь попытается разыскать их по кредитным карточкам.

Положив вещи в комнату, они отогнали «БМВ» в переулок на расстоянии около мили от мотеля. Там он, скорее всего, не привлечет к себе особого внимания и может простоять несколько дней. Дасти хотел сделать это один и предложил Марти подождать его в номере. Но она отказалась расстаться с ним.

Второй тряпкой из багажника Марти протерла руль, приборную панель, ручки двери и другие поверхности, к которым они могли прикасаться.

Дасти не оставил ключей в автомобиле. В него могли забраться подростки, желающие покататься и во что-нибудь врезаться. В таком случае полицейские сразу же найдут по номерам владельцев машины, свяжутся с ними, и институт немедленно переместит свои поиски в Альбукерке. Он запер автомобиль и опустил ключи в решетку ближайшего уличного водостока.

Они шли назад в мотель сквозь густой снегопад, взявшись за руки. Ночь была холодной, но не такой морозной, и ветра, который так бурно разыгрался на высокогорье, здесь не было.

В любую ночь, предшествующую этой, прогулка оказалась бы приятной, даже романтичной. Но теперь в восприятии Дасти снег связывался со смертью, и он подозревал, что эти два понятия будут пребывать в его сознании связанными одно с другим всю оставшуюся жизнь, а потому ему лучше будет проводить зимние месяцы на благоухающих берегах Калифорнии.

В ночном магазине они купили белый хлеб, пакет сыра, баночку горчицы, кукурузные чипсы и пиво.

Пробираясь между полками с продуктами, которые нужно было выбрать — это занятие прежде всегда сильно раздражало его, — Дасти был настолько исполнен эмоций, настолько благодарен судьбе за то, что остался жив, настолько рад, что Марти находится рядом с ним, что ноги у него подкосились и он чуть не опустился на колени. Ему пришлось опереться на полку и притвориться, что он читает наклейки на консервных банках.

Если в этот момент в магазине его видели посторонние, то, вероятно, они так и подумали. Но Марти ему обмануть не удалось. Она остановилась рядом с ним, обняла одной рукой за шею и, притворяясь, будто тоже рассматривает банки, прошептала:

— Я так люблю тебя, милый.

Вернувшись в номер, он позвонил в авиакомпанию и попросил билеты на самый ранний утренний рейс. Свободные места нашлись, и Дасти назвал номер своей кредитной карточки, но лишь для того, чтобы забронировать их. Он попросил агента не снимать деньги со счета.

— Я предпочитаю заплатить наличными, когда приду завтра за билетами.

Они очень долго мылись очень горячей водой. Когда они закончили принимать душ, миниатюрные кусочки мыла почти полностью истаяли.

Прямо за своим правым ухом Дасти обнаружил свежую ссадину, на которой запеклась кровь. Вероятно, он стукнулся, когда автомобиль катился под откос. До сих пор он даже не

чувствовал повреждения.

Сидя в кровати, расстелив банное полотенце вместо скатерти, они сделали бутерброды с сыром. Банки с пивом они положили в набитую снегом корзину для бумаг.

Бутерброды и чипсы не были на вкус ни хорошими, ни плохими. Это была просто какая-то еда. Топливо, необходимое для того, чтобы продолжать движение. А пиво должно было помочь им спать, если, конечно, удастся заснуть.

Они мало разговаривали, пока ехали из Санта-Фе, и немного сказали за ужином. В предстоящие годы, если, конечно, им повезет и у них впереди окажутся годы, а не часы или дни, они, вероятно, никогда не будут много говорить о том, что произошло на развалинах древнего индейского поселения. Жизнь была слишком коротка, и не следует вспоминать кошмары, когда есть сладкие сны.

Слишком измученные для того, чтобы говорить, они ели и смотрели телевизор.

Телевизионные новости были полны изображений военных самолетов. Ночные взрывы где-то далеко, за полмира от них.

На совете экспертов по международным отношениям самый мощный в мире альянс наций еще раз попробовал заставить сесть за стол переговоров две воюющие клики при помощи бомбардировок всякой ерунды из гражданской инфраструктуры. Мосты, больницы, заводы, электростанции, пункты проката видеокассет, насосные станции, церкви, закусочные… Судя по новостям, никто в многоцветном спектре политиков или поставщиков информации, да и вообще нигде в высоких общественных сферах не подвергал сомнению моральную сторону этой операции. Дебаты среди экспертов сосредоточились на том, сколько миллионов фунтов бомб следует сбросить для того, чтобы вызвать народное восстание против неугодного альянсу правительства и таким образом избежать настоящей полномасштабной войны.

— Для людей, которые окажутся в этой гребаной закусочной, — сказала Марти, — это самая настоящая война.

Дасти выключил телевизор.

После того, как они поели и выпили по две банки пива, они забрались под одеяла и лежали в темноте, взявшись за руки.

Прошлой ночью половой акт был для них подтверждением жизни. Сейчас он смахивал бы на богохульство. Но, так или иначе, все, что им было нужно, — это близость.

— Можно ли выбраться из всего этого? — спросила Марти немного погодя.

— Не знаю, — честно признался он.

— Эти люди из института… неважно, чем они занимаются, но у них не было никаких причин охотиться за нами до тех пор, пока мы не приехали туда. Они взялись за нас только для того, чтобы защитить Аримана.

— Но теперь есть еще Захария и Кевин.

— Я думаю, что к этому они отнесутся по-деловому. То есть для них это те накладные расходы, которые приходится учитывать в такого рода бизнесе. У нас нет ничего против них. И мы не представляем для них реальной угрозы.

— Ты так считаешь?

— Значит, если Аримана не станет… Разве тогда они не оставят нас в покое?

— Возможно.

Некоторое время никто из них не говорил ни слова.

Ночь была настолько тиха, что Дасти казалось: он слышит, как за окном на землю опускаются снежинки.

— А ты могла бы убить его? — наконец спросил он.

Она долго медлила с ответом.

— Не знаю. А ты? Вот так… хладнокровно. Просто, подойти к нему и спустить курок?

— Может быть.

Марти умолкла еще на несколько минут, но он знал, что она не спит.

— Нет, — сказала она, и ее голос прозвучал довольно уверенно. — Не думаю, что я

смогла бы. Убить его я имею в виду. Ни его, ни кого-то другого. Больше никогда.

— Я знаю, что тебе не хотелось бы оказаться перед такой необходимостью. Но я думаю, что ты смогла бы. И я смог бы.

Неожиданно для себя самого он рассказал ей о том оптическом обмане, который очаровал его в детстве: лесной пейзаж после простого изменения угла зрения внезапно превращался в людную столицу.

— Это имеет отношение к нам? — спросила она.

— Да. Поскольку этой ночью я сам был этим рисунком. Я всегда был уверен, что точно знаю, кто я такой. А теперь небольшой поворот угла зрения — и я вижу совсем другого себя. Который из двоих является настоящим, а который — вымышленным?

— Оба — это настоящий ты, — ответила Марти. — И это хорошо.

После ее слов о том, что это хорошо, Дасти и сам понял, что это на самом деле нормально. Хотя она не знала этого, а он сам никогда не сможет найти для выражения этого чувства подходящие слова, которые оказались бы ей полностью понятны, Марти была единственным пробным камнем, которым Дасти определял свои человеческие качества.

Позже, когда он уже почти засыпал, она сказала:

— Должен, обязательно должен быть выход. Только… только нужно изменить угол зрения.

Возможно, она была права. Выход был. Но он не мог найти его ни наяву, ни во сне.

ГЛАВА 72

Темным предрассветным утром они вылетели из Альбукерке. При них не было ни игрушечной пожарной машины, ни пистолета, а сами они были измотаны и разбиты после испытаний минувшей ночи. Марти чувствовала себя утомленной и старой. Дасти углубился в «Учитесь любить себя», чтобы лучше понять их врага, а Марти прижалась лбом к окну и пристально вглядывалась в укрытый снегом город, который быстро уходил от них вниз и назад. Мир казался ей настолько странным, что она могла сказать себе, что вылетает из Стамбула или какой-нибудь еще экзотической столицы, и поверила бы в это.

Еще не прошло и семидесяти двух часов с тех пор, как она повела Валета на утреннюю прогулку и почувствовала мимолетный испуг при виде собственной тени. Потом странное ощущение прошло, и она не испытывала ничего, кроме удивления. Ее любимая подруга все еще была жива. Она и не думала о поездке в Санта-Фе. Тогда она верила, что жизнь строится по какому-то таинственному проекту, и видела бесчисленные доказательства в том, что происходило с нею и вокруг нее. И сейчас она продолжала верить в существование проекта, хотя те доказательства, которые оказались ей предъявлены за последнее время, были совсем иными, чем те, которые она видела прежде. Иными и гораздо более сложными.

Она ожидала ужасных кошмаров — конечно, не из-за двух банок пива и поганых бутербродов с сыром. Но ее сон ничто не потревожило.

Улыбчивый Боб не навещал ее ни во сне, ни в те моменты ночи, когда, просыпаясь, она всматривалась в ночные тени, пытаясь увидеть хорошо знакомые очертания каски и слабое свечение светоотражающих полос на его робе.

Марти ужасно хотелось увидеть его во сне или как-то иначе. Она чувствовала себя покинутой, как будто потеряла право на его опеку.

Все ближе становилась Калифорния и то, что ожидало там, и Марти сейчас, чтобы сохранить надежду, были нужны они оба: и Дасти, и Улыбчивый Боб.

Доктор обычно принимал пациентов только в первые четыре дня недели. На эту пятницу в его графике были намечены только Марти и Дасти Родс, но, похоже, он мог их и не ждать.

— Вам, доктор, лучше быть поосторожнее, — сказал он своему отражению в зеркале ванной. — Если вы будете и дальше уничтожать своих пациентов, то можете вскоре совсем

остаться без практики.

Проплыв сквозь бури последних двух дней с необрубленным хвостом и несломанными рогами — несколько метафизический юмор, — он был в великолепном настроении. Кроме того, у него появились соображения насчет того, как возобновить ту игру, которая вчера вечером казалась безнадежно загубленной, а также и замечательная идея об использовании ароматного содержимого синего мешка.

Он облачился в другой прекрасный костюм от Зегны: черный, с великолепно скроенным пиджаком на двух пуговицах и с лацканами по самой последней моде. В большом трехстворчатом зеркале в гардеробной комнате его глазам представилась такая импозантная фигура, что он подумал даже, не стоит ли взять видеокамеру и запечатлеть, насколько потрясающе он выглядел в этот исторический день.

К сожалению, время было важнее всего, точно так же, как и минувшей ночью. Он обещал спятившей поклоннице Киану, что будет весь день на рабочем месте, ожидая ее решения по поводу участия в подготовке восстания против злокозненного компьютера. Не следовало разочаровывать эту безмозглую богатую выскочку.

В этот день он решил тоже взять с собой оружие. Непосредственной угрозы его жизни, казалось, не было, так как большинство потенциальных врагов было мертво, но времена все равно оставались опасными.

Хотя «Таурус РТ-111 миллениум» не был зарегистрирован — его дали Ариману, как и все прочее его оружие, хорошие люди из института, — он не мог воспользоваться им еще раз. Теперь его можно было связать с убийствами двоих человек, и держать такую пушку при себе было опасно. Пистолет следовало разобрать на части и со всей возможной осмотрительностью уничтожить.

В оружейном сейфе, укрытом за книжными полками в его гостиной, Ариман выбрал «Беретту-85F» — элегантный пистолетик с обоймой на восемь патронов весом всего в двадцать две унции[1]. Он тоже не был зарегистрирован, и проследить историю его происхождения было невозможно.

В медицинский саквояж с красным крестом на боку и множеством отделений внутри он положил синий мешок, пакет из «Зеленых лугов» и диктофон, при помощи которого обычно записывал свои мысли. В ожидании звонка кианофобички он займется планированием игры и набросает главу для книги «Не бойся, я с тобой».

В кабинете он проверил свою электронную почту и с удивлением обнаружил, что в ней нет извещения о казни двоих человек в Нью-Мексико. Озадаченный, но не взволнованный, он составил короткий зашифрованный запрос и отослал его в институт.

Из дому он выехал на своем антикварном «Роллс-Ройсе — Серебряное облако». За время короткой поездки в офис автомобиль успел вдохновить его на несколько хокку.

Синий день, «Серебряное облако».
Возит королей, королев.
И синий мешок с дерьмом.

Доктор чувствовал себя прекрасно, и его чудесное настроение проявилось еще одним игривым стишком, возникшим всего за два квартала до офиса:

«Серебряное облако», черный верх.
Слепец в переходе, сигнальная трость.
Сострадание или развлечение?

Он выбрал сострадание и разрешил слепцу пересечь дорогу, не угодив под машину. Кроме того, «Серебряное облако» был очень старым, и доктор содрогался от одной только мысли о том, что великолепный автомобиль может получить хотя бы мельчайшее

1 Унция — 28,35 г.

повреждение.

* * *

Пока самолет круто снижался, приближаясь к аэропорту в Калифорнии, и даже после того, как колеса воздушного лайнера благополучно остановились после пробега по бетонной взлетно-посадочной полосе, Дасти не мог отделаться от опасения, что ему и Марти предстоит еще долгое снижение. Где-то в этом солнечном дне лежали густые тени, которые они не могли миновать.

Безоружный, но вооруженный знанием, он был глубоко уверен, что у них нет никакого выбора, кроме как пойти на прямое столкновение с Ариманом. Он не тешил себя иллюзиями, что психиатр может в чем-то сознаться или хотя бы объясниться. Самое большее, на что они могли надеяться, было, что Марк Ариман по неосторожности не сможет скрыть что-нибудь такое, что дало бы им небольшую зацепку или, по крайней мере, помогло глубже понять, какая связь существует между ним и институтом в Нью-Мексико.

— Кроме того, я не думаю, что Ариман привык лицом к лицу встречаться с большими трудностями. Его жизненный путь, похоже, был довольно гладким. Судя по тому, что вычитал из этой книги, он каждой своей клеточкой является тем самым типичным нарциссистом, самовлюбленным человеком, каким его описал доктор Клостерман.

— И чертовски самодовольным, — добавила Марти, поскольку Дасти читал ей вслух отдельные пассажи из книги «Учитесь любить себя».

— Он блестящий, сильный человек с обширными связями, но сердцевина у него гнилая. Если нам удастся ошеломить его, напугать, довести до шокового состояния, внезапно появившись перед ним, он, пожалуй, не сломается, но может сделать какие-то глупости, приоткрыть что-то такое, что нужно прятать. А нам в нашем положении нужно стремиться использовать все, пусть самые ничтожные обстоятельства, которые могут сработать на нас.

Освободив «Сатурн» из гаража при аэропорте, они отправились прямиком на Фэшион-айленд. Там находился небоскреб, в котором Ариман принимал пациентов. Кирит-Унгол, назвала это здание Марти, вспомнив, что именно так именовался тайный проход в царство зла, владения Властелина Колец.

Пока они поднимались в лифте на четырнадцатый этаж, у Дасти в груди и животе появилось такое ощущение, будто кабина не торопится вверх, а стремглав летит вниз. Он почти решил — не выходить из лифта, сразу же спуститься обратно. И тут его осенило.

* * *

Доктор сидел за столом, разламывая печенье, когда его компьютер — он никогда не выключался — издал негромкий сигнал и на экране появилось изображение со скрытой телекамеры, установленной в приемной. Она автоматически включалась, как только кто-нибудь входил из общественного коридора. Если бы он в это время работал на компьютере, то изображение появилось бы как «кадр в кадре» и он не смог бы так четко разглядеть лиц Марти и Дасти Родс.

Взглянув на «Ролекс», он увидел, что они пришли всего лишь на шесть минут позже того времени, которое он назначил.

Судя по всему, в Нью-Мексико произошел какой-то очень серьезный сбой.

Вдоль нижнего края экрана появились иконки управления системой безопасности. Доктор щелкнул мышкой по картинке с изображением пистолета.

Высокочувствительный металлоискатель показал, что у обоих субъектов были с собой небольшие количества металла — монеты, ключи и т.п., — но ни у одного из них не оказалось такой массы металла, которая могла бы оказаться огнестрельным оружием.

Другая иконка: миниатюрный скелет. Щелк.

Парочка стояла около окошка регистратора, разговаривая с Дженнифер, и потому оказалась прямо перед рентгеновским аппаратом, замаскированным за жалюзи решетки кондиционера, точно справа от посетителей. На экране компьютера возникло рентгеновское изображение.

У них были отличные скелеты, у этих двоих. Твердая костная структура, хорошо сформированные связки, превосходная осанка. Если бы они обладали талантами, соответствующими их физическим данным, то из них получились бы прекрасные исполнители бальных танцев.

И, словно оказавшись в невесомости, вокруг костей поплыли более темные изображения других предметов. Монеты, ключи, пуговицы, металлические застежки-«молнии», но никаких ножей ни в руках, ни в ножнах, прицепленных к ногам, вообще ничего по-настоящему опасного.

Множество беспорядочно сваленных мелочей в сумочке Марти было не так-то просто идентифицировать. Среди них мог оказаться и сложенный нож с выкидным лезвием. Тут нет уверенности.

На третьей иконке был изображен нос. Покончив с печеньем, доктор щелкнул по носу.

Это действие включило анализатор запахов, проверявший состав воздуха в приемной. Устройство было запрограммировано на распознание химических составляющих тридцати двух различных взрывчатых веществ и обладало такой чувствительностью, что могло обнаружить даже три молекулы запретных веществ в кубическом сантиметре воздуха. Результат отрицательный. Ни у одного из его посетителей не было с собой бомбы.

На самом деле он вовсе не ожидал, что у Дасти или Марти окажется опыт обращения со взрывчатыми веществами или же кто-то из них додумается прийти на прием, спрятав под одеждой привязанную к телу бомбу. Этот экстраординарный уровень безопасности был установлен потому, что время от времени доктору приходилось иметь дело с гораздо менее уравновешенными пациентами, чем эта парочка.

Кое-кто мог бы назвать эти сложные меры предосторожности признаками паранойи. Однако для доктора это было просто проявлением обычного для него внимания к деталям.

Его отец не раз рекомендовал ему обращать внимание на меры безопасности. Помещения, в которых работал великий режиссер, были оборудованы самыми современными (для того времени) приспособлениями, предназначенными для того, чтобы защитить его от брошенных им звездочек-любовниц, капризных актеров, разъяренных тем, как он перекроил их роли, и любого критика, которому хотелось докопаться до личности человека, заплатившего за то, чтобы его мать сломала ноги.

Теперь, убедившись в том, что ни Дасти, ни Марти не смогут причинить ему какого-либо вреда прежде, чем он возьмет их под свой контроль, Ариман вызвал по интеркому Дженнифер и сказал ей, что готов принять посетителей. Не вставая из-за стола, он выключил электронный замок на двери в приемную, и она медленно открылась, приводимая в движение моторчиком.

Доктор щелкнул по иконке, на которой была изображена пара наушников.

Марти и Дасти вошли с сердитым, но все же более подавленным видом, чем он ожидал. Когда он указал им на два стула, стоявших перед его столом, они сразу же подчинились его жесту.

Дверь за ними закрылась.

— Доктор, — заговорила Марти, — мы не знаем, что за чертовщина тут творится, но видим, что дело это гнилое, от него воняет за версту, от него хочется блевать. Мы требуем ответа.

Пока она говорила, Ариман глядел на экран компьютера. Судя по отсутствию слабого электрического поля, сопровождающего работу микропередатчика, они не пытались транслировать то, что здесь происходит, куда-нибудь наружу.

— Пожалуйста, один момент, — сказал он, щелкая по изображению микрофона.

— Послушайте, — сердито сказал Дасти, — мы не собираемся сидеть здесь, пока вы…

— Шшшш, — доктор приложил палец к губам. — Только на одно мгновение, прошу вас — абсолютная тишина. Абсолютная.

Они уставились друг на друга, а Ариман в это время изучал сообщение, возникшее на экране.

— Марти, — сказал он спустя несколько секунд, — в этой комнате установлены высокочувствительные микрофоны, которые точно определяют характерный звук ритмично вращающихся катушек кассетного магнитофона. Я вижу, что вы оставили свою сумочку открытой и держите ее развернутой в мою сторону. У вас в сумочке есть звукозаписывающее устройство?

Явно потрясенная, она вынула диктофон.

— Положите его на стол, пожалуйста.

Она повиновалась. Наклонилась, не вставая с места, и положила диктофон перед доктором.

Ариман выключил его и извлек мини-кассету.

— Вы хотите забрать эту ленту? — сердито сказала Марти. — Ладно, ладно. Но у нас есть кое-что получше, так и знайте, сукин вы сын. У нас есть пленка, где Сьюзен Джэггер…

— Раймонд Шоу, — сказал доктор.

— Я слушаю, — ответила Марти. Ее поза сразу стала более напряженной, как всегда бывало с людьми, активизированными на выполнение программы.

Не успел Дасти, нахмурившись, посмотреть на свою жену, как Ариман обратился к нему:

— Виола Нарвилли.

— Я слушаю, — ответил тот. Его реакция была точно такой же, как у его жены.

Работать сразу с обоими было трудновато, но выполнимо. Если бы в процессе прохождения хокку произошел перерыв больше шести секунд, то один из них, а то и оба, возвратились бы к полному сознанию. Поэтому он должен был переключаться от одной к другому и обратно, как жонглер, подкидывающий в воздух шесты с вращающимися на концах тарелками.

Марти он сказал:

— С запада ветер летит…

— Вы — это запад и западный ветер.

Потом Дасти:

— Молнии вспышка…

— Вы — это молния.

Потом к Марти:

— …Кружит, гонит к востоку…

— Восток — это я.

И снова к Дасти:

— …И цапли ночной крик…

— Крик — это ваши приказания.

— …Ворох опавшей листвы, — закончил Ариман с Марти.

— Листва — это ваши приказы.

А теперь и с Дасти:

— …Проколол темноту.

— Темнота — это я.

Марти сидела, немного наклонив голову вперед, взгляд был устремлен на руки, сжимавшие сумочку.

Красивая, покорно склоненная голова.
Если приказать ей вышибить себе мозги…
Она подчинится своему господину.

Нельзя сказать, чтобы получилось первоклассное хокку, зато само это чувство доктор счел очаровательным.

Все еще наполовину повернувшись к жене, вскинув голову в замешательстве, Дасти казался сосредоточенным на Марти.

Конечно, на самом деле ее вовсе не интересовала ее сумочка, да и ее муж совсем не думал о ней — вообще ни о чем не думал. Они оба ожидали одного и того же: инструкций.

Изумительно.

Удивленный и обрадованный Ариман откинулся в кресле и сам поразился тому, насколько резко его состояние улучшилось. Игру, которую он заново разрабатывал утром, можно было теперь завершить, практически не отклоняясь от первоначальной стратегии. Все его проблемы разом разрешились.

Все было бы прекрасно, если бы не кануфобичка. Но теперь, когда вселенная, похоже, решила с большей готовностью откликаться на пожелания доктора, он был уверен, ожидал, что проблема с пустоголовой полумиллиардершей разрешится к его удовольствию еще до исхода дня.

Ему было чрезвычайно интересно: каким образом эта неприятная парочка, маляр и разработчица компьютерных игр, смогли живыми выбраться из Нью-Мексико? У него имелось с полтысячи вопросов, касавшихся, в общем-то, одного и того же; он готов был потратить целый день, выпытывая у них: каким образом им удалось доставить ему столько хлопот, имея на руках всего лишь несколько мелких козырей?

Однако не менее важно, чем выяснить детали, было все время помнить о цели. А настоящей целью было успешное завершение самой важной за всю карьеру доктора игры. Хотя по первоначальному плану он намеревался некоторое время поиграть с Марти, перед тем как использовать ее и Дасти в Малибу, но теперь он больше не желал оттягивать главное удовольствие ни на месяцы, ни на недели, даже на лишний час.

В конечном счете, несмотря на несомненное наличие некоторого ума, Марти и Дасти были всего-навсего двумя плебеями, двумя незаметными простолюдинами, изо всех сил старавшимися подняться над рамками своего социального класса — к этому рвется весь плебс, — хотя, конечно, они никогда не согласятся в этом сознаться, эти двое, которые старательно барахтаются, не понимая того, что мечты далеко уходят за пределы их возможностей. Без сомнения, какие-нибудь детали их до трогательности беспомощного расследования могут оказаться забавными, но все же эта авантюра будет разве что чуть менее дурацкой, чем похождения детектива Скита и его безымянного приятеля. Они интересны не тем, что собой представляют, а только тем, насколько хорошо могут подпрыгивать на ниточках, за которые дергает кукольник.

Прежде чем кануфобичка появится или позвонит, чтобы узнать все до конца о происках компьютера, Ариману необходимо дать все инструкции Дасти и Марти, закончить работу с ними и послать их провести веселенькое убийство, которое будет решающей подачей в этой игре.

— Марти, Дасти, я обращаюсь к вам обоим. Я буду инструктировать вас одновременно, чтобы сэкономить время. Это понятно?

— Это понятно? — с вопросительной интонацией ответила Марти, а следом точно так же откликнулся и Дасти.

— Скажите мне, если вы действительно понимаете то, что я только что сказал вам.

— Я понимаю, — сказали оба одновременно.

Наклонившись вперед в своем кресле, облокотившись на стол, доктор смаковал ситуацию с прямо-таки легкомысленным восхищением. Он даже не сожалел сейчас о том, что лишается возможности несколько раз как следует позабавиться с Марти.

— Сегодня, ближе к вечеру, вы поедете в Малибу…

— Малибу… — пробормотала Марти.

— Да, правильно. Малибу. Вы знаете адрес. Вы оба поедете навестить мать Дасти,

Клодетту, и ее мужа — этого жадного, наглого, раздутого от спеси маленького засранца доктора Дерека Лэмптона.

— Я понимаю, — сказал Дасти.

— Я в этом уверен, — с некоторым удивлением ответил Ариман, — потому что тебе пришлось жить под одной крышей с этим обоссанным ничтожеством. Дальше. После того как вы доберетесь до Малибу, если Клодеттты или этого Дерека с говном вместо мозгов не окажется дома, то вы должны будете дождаться, пока они оба не окажутся на месте.

Доктор понимал, что вот так, выдавая оскорбление за оскорблением в адрес Лэмптона, он потакает подростковой тяге к наделению людей прозвищами. Но, ах, до чего же приятно было все это высказать.

Со все возраставшим волнением он продолжал:

— На самом деле вы должны дождаться еще и до тех пор, пока домой не припрется и их сын, этот ядовитый змееныш — твой сводный брат Дерек-младший. Он, кстати, такой же гнойный прыщ на жопе человечества, как и его старик. Правда, этот задроченный щенок, скорее всего, будет на месте, когда вы приедете, ведь он учится дома. У твоего сифилитика-отчима есть свои собственные теории образования, которыми он, как я подозреваю, напичкал и тебя, и Скита, хотя они не годятся даже на то, чтобы подтирать задницу. Так или иначе, они все должны собраться дома, прежде чем вы приступите к делу. Вы станете калечить всех их, но не убивать сразу. Вы будете калечить и расчленять их в следующем порядке: сначала Клодетту, затем младшего, а уж потом самого говноеда Дерека Лэмптона. Он должен остаться напоследок, чтобы видеть все, что вы сделаете с Клодеттой и младшим. Марти, в среду я показал тебе фотографию девочки, чье расчлененное тело убийца расположил особенно изящным образом, и попросил, чтобы ты сосредоточилась на этой картинке. После того, как вы разделаете Клодетту, вы расположите ее части точно так же, с одной лишь разницей: засунете ее глаза…

Он приостановился, поняв, что в волнении забежал вперед. Он сделал паузу, глубоко вздохнул и сделал большой глоток газировки из черной вишни.

— Прошу прощения. Я должен вернуться немного назад. Перед тем как отправиться в Малибу, вы поедете в Анахейм и там в автоматической камере хранения возьмете сумку, в которой полно хирургических инструментов. И пила для вскрытия с набором полотен. Там есть несколько превосходных черепных полотен, которые справятся с любым черепом, даже таким дубовым, как у Дерека. Я также оставил там пару автоматов «глок» и запасные магазины к ним…

Засунете ее глаза…

Эти три слова из инструкции, которую доктор давал своим куклам, вдруг всплыли в его сознании, и он какое-то очень длительное мгновение не мог понять, почему это произошло.

Засунете ее глаза…

Он резко встал с кресла, отодвинув его подальше, чтобы оно не мешало движениям.

— Марти, смотри на меня!

После чуть заметного колебания женщина подняла голову и обратила на доктора удрученный взгляд.

Резко повернувшись к ее мужу, Ариман спросил:

— Дасти, почему ты все это время смотрел на Марти?

— Почему я смотрел на Марти? — Дасти отреагировал совершенно верно, ответил вопросом на вопрос, как это и должно было происходить в состоянии глубокой запрограммированности.

— Дасти, смотри на меня. Смотри прямо на меня.

Неподвижный взгляд Дасти переместился с его жены на лицо Аримана.

Марти опять перевела взгляд на свои руки.

— Марти! — прикрикнул доктор.

Она вновь покорно уставилась в его глаза.

Ариман смотрел на Марти, вглядывался в ее глаза, потом повернулся к Дасти. Он

переводил взгляд с одного лица на другое, с мужского на женское, с женского на мужское, еще и еще раз, пока не выговорил с большим потрясением в голосе, чем ему хотелось бы:

— Никаких подергиваний… Нет быстрого сна…

— А одно говно, — отозвался Дасти, вскакивая со стула.

Их поведение изменилось. Исчезли остекленелые взгляды. Исчезло ощущение подчиненности.

Быстрые непроизвольные движения глаз нельзя убедительно имитировать, так что они и не пытались это делать.

Марти тоже встала.

— Кто вы такой? — спросила она. — Что вы за омерзительная жалкая тварь?

Доктору не понравился тон ее голоса, вообще ужасно не понравился поворот событий. Ненависть. Презрение. С ним никогда так не разговаривали. Такую непочтительность было невозможно снести.

Он попробовал восстановить контроль над ситуацией:

— Раймонд Шоу.

Марти только криво усмехнулась.

Дасти начал огибать стол.

Почувствовав, что сейчас может подойти время для насилия, доктор вынул «беретту» из наплечной кобуры.

Увидев оружие, они остановились.

— Вы не можете быть распрограммированы, — настаивал Ариман. — *Не можете* .

— Почему? — спросила Марти. — Потому, что этого никогда раньше не случалось?

— Что вы имеете против Дерека Лэмптона? — резко спросил Дасти.

От доктора никогда ничего не требовали. По крайней мере, не более одного раза. Он хотел выстрелить в это глупое, глупое, дешево одетое ничтожество, ноль, маляра, всадить ему пулю прямо между глаз, разнести его рожу, выбить к черту мозги.

Но стрельба здесь наверняка повлекла бы за собой неприятные последствия. Полиция с бесконечными вопросами. Репортеры. Пятна на персидском ковре, которые невозможно будет вывести.

На какое-то мгновение он заподозрил предательство в институте.

— Кто распрограммировал вас?

— Это сделала для меня Марти, — спокойно ответил Дасти.

— А Дасти освободил меня.

Ариман замотал головой.

— Вы лжете. Это невозможно. Вы оба лжете.

Доктор услышал нотку паники в своем голосе, и ему стало стыдно. Он напомнил себе, что он Марк Ариман, единственный сын великого режиссера, достигший в своей области больших высот, чем его отец в Голливуде, что он кукольник, а не марионетка.

— Нам многое известно о вас, — сообщила Марти.

— И мы собираемся выяснить еще больше, — пообещал Дасти. — Все мелкие уродливые детали.

Детали. Опять это слово. То самое, которое вчера вечером казалось предзнаменованием. Недобрым предзнаменованием.

Убежденный в том, что они активизированы и их сознание раскрыто для него, он сказал им слишком много. Теперь у них появилось преимущество, и они могли в конечном счете найти способ эффективно использовать его. Подача перешла к противнику.

— Мы намереваемся выяснить, что вы имеете против Дерека Лэмптона, — гнул свое Дасти. — Теперь, когда мы знаем ваши побуждения, это будет еще одним гвоздем в крышке вашего гроба.

— Пожалуйста, — сказал доктор, вздрогнув от притворной боли, — не мучайте меня избитыми образами. Если вы хотите попытаться запугать меня, то будьте любезны, уйдите на некоторое время, усовершенствуйте свое образование, обогатите словарь и возвращайтесь со

свежими метафорами.

Это было уже лучше, сказал себе Ариман. Он на мгновение выпал из характера роли. А его роль была очень сложной, высокоинтеллектуальной и богатой нюансами. Из всех актеров, получивших «Оскаров» за участие в слезоточивых фильмах его папочки, никто не мог бы справиться с нею так удачно, как доктор. Случайный отход от изображаемого характера можно было понять, но нужно напомнить себе, что он же владыка памяти.

Теперь в ответ на их жалкую попытку запугивания он преподаст им урок из области реальности:

— Пока вы организуете этот крестовый поход ради того, чтобы отдать меня под суд, вам все равно придется на некоторое время отправиться к вашей доброй старой мамочке. Ваш изящный домик в среду ночью сгорел дотла.

Бедные глупые дети были на мгновение полностью ошеломлены. Они не могли понять, говорит он правду или лжет, а если лжет, то с какой целью.

— Ваша изумительная коллекция мебели из магазинов подержанных вещей, боюсь, полностью пропала. И проклятая магнитофонная кассета, о которой вы упомянули — с записью сообщения Сьюзен, — тоже пропала. Страхование не может вернуть сентиментальной ценности вещей, не так ли?

Теперь они поверили. Ошеломленное выражение бездомных, нищих…

Пока они не успели восстановиться после потрясения, доктор нанес им еще один тяжелый удар.

— Как зовут того идиота с выпученными глазами, на которого вы оставили Скита?

Они переглянулись. Потом Дасти ответил:

— Пустяк.

— Пустяк? — нахмурился доктор.

— Фостер Ньютон.

— А, понятно. Что ж, Пустяк мертв. Получил четыре пули в брюхо и в грудь.

— Где Скит? — хрипло спросил Дасти.

— Тоже мертв. Тоже четыре пули в брюхе и в груди. Скит и Пустяк. Это было хорошее дельце — один двоих.

Когда Дасти снова двинулся в обход стола, Ариман решительно нацелил «беретту» ему в лицо, а Марти, схватив мужа за руку, остановила его.

— К сожалению, — продолжал доктор, — мне не удалось убить вашу собаку. Это был бы прекрасный драматический штрих, который привел бы прямо сейчас к такому милому разоблачению. Как в «Старом горлопане». Но жизнь не бывает организована так же правильно, как кино.

Доктор перехватил инициативу. Если бы сейчас можно было высоко подпрыгнуть и выкрикнуть себе радостное приветствие, то он так и поступил бы.

В этих плебеях кипели неудержимые эмоции, так как, подобно всем таким людишкам, их поведение в гораздо большей степени управлялось сырыми страстями, нежели интеллектом, но «беретта» заставляла их сдерживаться, и поэтому они с каждой секундой вынуждены были все ближе подходить к осознанию того, что пистолет был не единственным и не главным оружием доктора. Если он мог с такой легкостью признаться в убийстве Скита и Пустяка, даже здесь, в своей закрытой от всех посторонних святая святых, то, значит, у него нет ни малейшего опасения в том, что он может подвергнуться судебному преследованию за убийство; он должен быть уверен в своей неприкосновенности. С неохотой, преодолевая горечь, они неуклонно подходили к выводу, что независимо от того, насколько энергично они будут стремиться к победе над ним, он все равно застрелит их, этот игрок высочайшего класса, мощнейшего интеллекта, не признающий никаких правил, кроме своих собственных, с его исключительным талантом к обману — именно поэтому пистолетик является лишь самым незначительным из его вооружений.

Предоставив им короткую паузу для того, чтобы эта правда могла провариться в котле печально-серого вещества их мозгов, доктор решительным ходом устранил опасность

ничейного исхода.

— Я думаю, что теперь вам будет лучше уйти. И еще я дам вам совет, чтобы немного подсократить фору в этой игре.

— Игре? — переспросила Марти.

Презрение и отвращение, слышавшиеся в ее голосе, больше уже не задевали Аримана.

— Чего вы все хотите? — спросил Дасти. Эмоции переполняли его, и голос срывался. — Этот институт?…

— О, — небрежным тоном откликнулся доктор, — вы не можете не понимать, что время от времени бывает полезно устранить кого-нибудь, кто препятствует проведению важных политических акций. Или направлять действия кого-то, кто мог бы им посодействовать. А иногда… бомба, брошенная каким-нибудь фанатиком правого крыла, или на следующей неделе левым фанатиком, или драматическое массовое убийство, совершенное преступником-одиночкой, или занимательная авария поезда, или кошмарное бедствие из-за разлива нефти… Все эти веши могут получить ненормально большое освещение в печати, сконцентрировать внимание нации на определенной проблеме и подтолкнуть законодательство, что послужит укреплению стабильности общества и позволит ему успешно уклоняться от крайностей политического спектра.

— И такие люди, как вы, собираются спасать нас от экстремистов?

Игнорируя ее колкость, он продолжал:

— А что касается совета, о котором я упомянул… Начиная с этих пор не спите одновременно. Не расставайтесь друг с другом. Прикрывайте друг другу спины. И помните, что любой прохожий на улице, любой человек в толпе может принадлежать мне.

Он отчетливо видел, что они не желали уходить. Их сердца торопливо бились, в их ушах гремели колокола гнева, печали и потрясения, и им хотелось найти решение прямо сейчас, прямо здесь, как всегда поступал этот сорт людишек, поскольку никто из них не мог выстроить и оценить долговременный стратегический план. Они были не в состоянии преодолеть свою отчаянную потребность в немедленном эмоциональном катарсисе при помощи холодного осознания факта своего полного бессилия.

— Идите, — величественно сказал Ариман, указывая на дверь «береттой».

И они ушли, потому что ничего другого им не оставалось.

Телевизионная камера показала на экране компьютера, как они пересекают приемную и выходят в общественный коридор.

Доктор не стал убирать «беретту» в кобуру. Он положил ее на стол, чтобы ее можно было подхватить одним коротким движением, и принялся обдумывать последние события.

Доктору нужно было узнать намного больше о том, как эта пара дуболомов из черни узнала, что они запрограммированы, и как им удалось самостоятельно распрограммироваться. Их поразительное самоосвобождение казалось ему не столько их собственным достижением, сколько самым настоящим чудом.

К сожалению, крайне маловероятно получить объяснения, если ему не удастся снова накачать их наркотиками, восстановить часовни в сознании каждого из них и заново заложить программу, что представляло собой утомительный процесс из трех сеансов, которые он уже проводил с каждым из них прежде. Теперь они были слишком осторожны, внимательно следили за тонкой линией, разделяющей действительность и фантазию в современном мире, и вряд ли могли предоставить ему такой шанс, несмотря на весь его ум.

Ему предстояло смириться и жить дальше с сознанием существования этой тайны.

Было гораздо важнее остановить их прежде, чем они смогут принести настоящий вред, чем выяснять правду об их мистическом спасении.

Так или иначе, но он не испытывал особого уважения к правде. Правда была липкой аморфной штукой, способной принять перед вашими глазами любую форму. Ариман потратил всю свою жизнь, создавая и переиначивая правду с такой же легкостью, с какой гончар превращает ком глины в горшок или вазу любой формы, какой захочет.

Сила ежедневно доказывала свое превосходство над правдой. Он не мог убить этих

людей правдой, но сила, приложенная должным образом, могла сокрушить их и навсегда стряхнуть с игровой доски.

Вынув из своего саквояжа синий мешок, он положил его посреди стола и минуту или две смотрел на него.

Игра могла быть доиграна до конца уже в течение нескольких ближайших часов. Он знал, куда Марти и Дасти отправятся отсюда. Все основные фигуры тоже окажутся в том же самом месте и будут легко уязвимы для такого искусного стратега, как доктор.

Мы намереваемся выяснить, что вы имеете против Дерека Лэмптона. Теперь, когда мы знаем ваши побуждения, это будет еще одним гвоздем в крышке вашего гроба.

Какими безнадежно наивными они были. После всего, что им пришлось перенести, они все еще верили в то, что реальный мир построен по таким же непреложным законам, как и каждый из тех выдуманных, что описываются в детективных романах. Ни улики, ни свидетели, ни доказательства, ни правда не могли помочь им в этом деле. Эту игру двигали более фундаментальные силы.

Надеясь, что кианофобичка не позвонит за время его краткого отсутствия, доктор засунул «беретту» под мышку, спустился в лифте на первый этаж, вышел из здания, перешел через Ньюпорт-Сентр-драйв к одному из ресторанов в близлежащем торгово-досуговом комплексе, нашел телефон-автомат и набрал тот же самый номер, по которому звонил в среду ночью, когда ему нужно было устроить пожар.

Номер оказался занят. Он был вынужден четыре раза повторять вызов, прежде чем ему наконец ответили.

— Слушаю.

— Эд Мэйвол, — сказал доктор.

— Я слушаю, — повторили в трубке, но уже совсем другим тоном.

Выполнив обязательный ритуал с хокку, доктор приказал:

— Скажи мне, ты находишься дома один, или с тобой кто-то есть?

— Я один.

— Выйди из дома. Возьми с собой побольше мелочи. Сразу же найди телефон-автомат, где вокруг тебя хотя бы некоторое время не будет кишеть народ. Через пятнадцать минут от этого момента позвони по этому телефону. — Он назвал номер прямого телефона в своем кабинете, не проходившего через пульт Дженнифер. — Скажи мне, ты на самом деле меня понял?

— Я понял.

Ариман, сосчитав до десяти, вывел объект из часовни сознания на уровень полного сознания, после чего сказал:

— Извините, ошибся номером, — и повесил трубку.

Возвращаясь в свой офис на четырнадцатом этаже, доктор, входя в приемную, огляделся, словно рассчитывал увидеть там кианофобичку, замахивающуюся на него туфлями с длинными и острыми каблуками.

Дженнифер, сидевшая за своим столом, подняла на него глаза и приветливо помахала рукой.

Ариман помахал в ответ, но поспешил войти в свой кабинет прежде, чем она смогла начать восторженные увещевания по поводу того, какую пользу здоровью приносят съедаемые ежедневно пять унций сосновой коры, замоченной в воде.

Вернувшись за свой стол, он вынул «беретту» из кобуры и снова положил ее на стол под рукой.

Из стоявшего в кабинете холодильника он вынул непочатую бутылку газировки из черной вишни и запил водой еще одно печенье. Ему было необходимо добавить сахара в организм.

Он опять вырвался на простор. Раз или два он побывал в опасной близости от рифов, но кризис лишь подбодрил его. Он всегда был оптимистом, а сейчас знал, что от очередной захватывающей победы его отделяют считанные часы, и был возбужден.

Время от времени люди спрашивали у доктора, как ему удавалось день за днем сохранять юношескую внешность, юношескую стройность и неисчерпаемую энергию, несмотря на такую насыщенную трудами жизнь. Он всегда отвечал одинаково: мою молодость сохраняет постоянное состояние увлеченности.

Зазвонил телефон. Необходимо было сразу же активизировать абонента и открыть доступ к его сознанию, поэтому Ариман, сняв трубку, сказал:

— Эд Мэйвол.

— Я слушаю.

После хокку доктор Ариман приступил к инструктажу.

— Ты поедешь прямо в камеру хранения в Анахейме. — Он назвал адрес камеры хранения, номер ячейки, которую арендовал по фальшивому удостоверению личности, и шифр замка на двери. — Там много всяких вещей, но ты найдешь два автомата

«глок» 18-го калибра и несколько запасных магазинов к ним на тридцать три патрона каждый. Возьмешь один из автоматов, и… четырех магазинов должно хватить.

Прискорбно, но когда в доме в Малибу пять человек, с которыми нужно разделаться, а не три, и, чтобы покончить с ними, не двое, а всего один, трудно рассчитывать на то, что этому одному удастся полностью взять дом под свой контроль без большого шума, чтобы потом быть в состоянии спокойно расчленить все жертвы и, согласно первоначальному плану игры, составить ироническую мозаику. Потребуется столько стрельбы, что быстро прибудет полиция и не даст закончить работу. У копов всегда было плохо с чувством юмора.

Но, однако, не исключено, что времени окажется достаточно для того, чтобы превратить сэра Дерека Лэмптона в посмешище, как он того заслуживает.

— Помимо автомата и четырех магазинов, ты возьмешь из камеры хранения только пилу для вскрытия трупов и черепное полотно. Нет, лучше возьми два полотна, на случай, если одно сломается. — Внимание к деталям.

Он подробно описал внешний вид этих инструментов, чтобы исключить возможность ошибки, после чего объяснил, как найти дом Дерека Лэмптона в Малибу.

— Убей всех, кто окажется в доме. — Он перечислил тех, в чьем присутствии был особенно заинтересован. — Но если попадется кто-то другой — соседи, зашедшие в гости, читатели книг мэтра, кто угодно, — убей их тоже. Действуй решительно, быстро переходи из комнаты в комнату, упорно преследуй тех, кто попытается сбежать, но не трать времени впустую. Потом, прежде чем успеет приехать полиция, ты черепной пилой срежешь верхушку черепа доктора Дерека Лэмптона. — Он прочел краткую лекцию по использованию этого инструмента. — Теперь скажи мне, действительно ли ты понял все, что я тебе объяснил.

— Я понял.

— Ты вынешь мозг и отложишь его в сторону. Повтори, пожалуйста.

— Выну мозг и отложу его в сторону.

Доктор в задумчивости разглядывал синий мешок, лежавший на столе. Не было никакой возможности своевременно и без свидетелей встретиться с этим запрограммированным убийцей и передать ему такое полезное произведение Валета.

— Ты должен будешь положить кое-что в пустой череп. Если у Лэмптонов есть собака, ты, может быть, найдешь то, что нужно, но если не найдешь, то произведешь это вещество самостоятельно. — Он дал кукле заключительные инструкции, включая директиву о самоубийстве.

— Я понимаю.

— Я поручаю тебе очень важную работу и уверен в том, что ты выполнишь ее безупречно.

— Благодарю вас.

— Всегда рад тебя видеть.

Положив трубку, Ариман пожалел о том, что у него нет возможности запрограммировать семейство этого гнойного прыща Лэмптона — несносного Дерека, его

неряху-жену и их психованного сына — и использовать их в качестве своих марионеток. К сожалению, они тоже знали его и относились к нему крайне подозрительно. У него была исчезающе малая возможность, а то и вовсе никакой, подойти к ним достаточно близко, чтобы дать им необходимые наркотики и провести три длительных сеанса программирования.

Тем не менее он весь кипел. Триумф был уже совсем рядом.

Газировка из черной вишни.

Мертвый дурак в Малибу.

Учитесь любить себя.

Великолепно. Доктор поднял тост за свой поэтический гений.

ГЛАВА 73

На полуострове Кейп-Код или острове Мартас-Виньярд, расположенных на холодном северо-восточном Атлантическом побережье Соединенных Штатов, это здание казалось бы олицетворением Родимого Дома из Американской Мечты, тем местом, по дороге к которому человек на прохладном рассвете Дня Благодарения переходит через спокойную речку и пересекает девственный лес, пронизанный лучами восходящего солнца, тем местом, где снежным рождественским утром в существование Санта-Клауса верят даже взрослые, воплощением идеальной обители идеальной бабушки. Хотя идеального дома — как, впрочем, и идеальной бабушки — в реальной жизни никогда не было, все же эта нация страстных сентиментальных романтиков полагала, что жилища таких бабушек *должны* выглядеть именно так. Выложенная сланцевыми плитками крыша с открытой галереей. Фронтоны из серебристой кедровой доски. Оконные рамы и ставни, покрытые свежими белилами, чуть отливающими голубизной. Просторная веранда с белыми плетеными креслами-качалками и подвешенной на новых пеньковых веревках скамьей-качалкой. Наманикюренный двор с пышными клумбами, каждую из которых окружает чисто белый заборчик высотой в фут. В не столь уж далеком прошлом на Кейп-Коде или Мартас-Виньярде можно было бы увидеть Нормана Рокуэлла[1], сидящего во дворе перед мольбертом и изображающего на холсте двух очаровательных детей, бегущих за гусем с недовязанным алым бантом на шее, и счастливую собаку, играющую на заднем плане.

Здесь, в Малибу, даже в разгар субтропической зимы, на невысоком берегу Тихого океана, с лестницей, сбегающей к пляжу, окруженный многочисленными пальмами, красивый, изящный, хорошо задуманный, хорошо спроектированный и хорошо построенный дом казался решительно не на своем месте. Чья бы то ни было бабушка, живи она здесь, обязательно имела бы выкрашенные в ярко-синий цвет ногти, химически обесцвеченные белокурые волосы, губы с чувственными коллагеновыми очертаниями и тяжелые груди, увеличенные рукой хирурга при помощи все того же коллагена. Дом был светлым вымыслом, под кровом которого гнездились темные истины, и при виде его — а это был всего лишь пятый визит Дасти сюда за почти двенадцать лет, с тех пор как ему исполнилось восемнадцать, — он испытал то же чувство, что и прежде: холодную иглу в сердце.

Дом, конечно, не был виноват. Это был всего лишь дом.

Однако когда они с Марти, оставив машину на подъездной дорожке, поднимались по ступенькам к парадному подъезду, он сказал вслух:

— Минас-Моргул[2].

Он не осмеливался думать об их собственном маленьком домике в Короне-дель-Мар. Если тот действительно сгорел дотла, как заверял Ариман, то Дасти не был готов сейчас раскрыться для переживаний. Конечно, дом — это всего-навсего дом, любое имущество можно нажить заново, но если вы в этом доме счастливо жили и любили, если у вас о нем

1 Рокуэлл, Норман (1894-1978) — американский художник-иллюстратор.

2 Цитадель темных сил во «Властелине Колец».

хорошие воспоминания, то потеря его не может не огорчать.

Точно так же он не смел думать о Ските и Пустяке. Если Ариман сказал правду, если он действительно убил их, то и во всем этом мире, и в сердце Дасти окажется куда больше черных пятен, чем было вчера, и все время, пока он жив, им предстоит разрастаться и чернеть. Сообщение о возможной потере беспокойного, но всем сердцем любимого брата заставило его наполовину оцепенеть, и это было вполне естественно, но он был немного удивлен тем, как глубоко потрясло его известие о смерти Пустяка; флегматичный прилежный маляр был, конечно, немного странноватым, но хорошим и добрым человеком, и с его уходом в жизни Дасти вместо его своеобразной, но искренней дружбы образовалась еще одна пустота.

Он позвонил. Дверь открыла Клодетта, его мать, и Дасти, как всегда, был потрясен и обезоружен ее красотой. В пятьдесят два года ей можно было дать не больше тридцати пяти, а когда ей было тридцать пять, она обладала очарованием, которое, когда она просто входила в комнату, заставляло замереть на месте всех, кто находился в помещении, и это очарование, вне всякого сомнения, останется при ней и в восемьдесят пять. Его отец, второй из ее четырех мужей, когда-то сказал: «С самого рождения Клодетта была настолько хороша, что ее хотелось съесть. И с тех пор мир каждый день смотрит на нее, и его рот наполняется слюной». Это было настолько верно и настолько афористично, что, вероятнее всего, Тревор, его отец, где-то вычитал эти слова, а не выдумал их сам. Хотя эта характеристика казалась на первый взгляд грубоватой, но на самом деле она такой не была. Она была верной. Тревор не имел в виду ее сексуальность. Он говорил о красоте, отделенной от сексуального влечения, о красоте как идеале, красоте, которая была настолько потрясающей, что воспринималась прямо душой. Женщины и мужчины, младенцы и столетние старики равно тянулись к Клодетте, хотели быть рядом с нею, и когда они не отрываясь глядели на нее, то в глубине их глаз читалось нечто наподобие чистой надежды и нечто вроде экстаза, но отличное и от того, и от другого и таинственное. Любовь, которую в изобилии отдавали ей, была любовью незаслуженной — и неоплаченной. Ее глаза походили на глаза Дасти, серо-голубые, но в них было меньше синевы, чем у него, и в них он никогда не видел того, что каждый сын хочет увидеть в глазах своей матери. И при этом он всегда видел тщетность надежды на то, что она нуждается или хотя бы может согласиться принять ту любовь, которую он готов был излить на нее. Когда он был ребенком, этого желания было больше, но все же оно сохранилось в нем до сих пор.

— Шервуд, — сказала она, не собираясь ни дать сыну поцеловать себя, ни протянуть ему руку, — что, теперь все молодые люди приходят в гости без предупреждения?

— Мама, ты же знаешь, что меня зовут не Шервуд…

— Шервуд Пенн Родс. Так написано в твоем свидетельстве о рождении.

— Ты отлично знаешь, что я официально сменил это имя…

— Да, когда тебе было восемнадцать лет. Ты был непослушным и еще более дурашливым, чем сейчас, — ответила она.

— Дасти — так все мои друзья называли меня, еще когда я был маленьким.

— Ты всегда дружил с худшими учениками в классе, Шервуд. И вообще связывался с самыми неподходящими людьми. Казалось, что ты делал это нарочно. *Дастин* Родс. О чем ты думал? Как мы могли бы глядеть в глаза культурным людям, представляя тебя как Дасти[1] Родса?

— Именно на это я и рассчитывал.

— Привет, Клодетта, — сказала Марти, которую хозяйка упорно не желала замечать.

— Дорогая, — повернулась к ней та, — пожалуйста, прояви свое хорошее влияние на мальчика и убеди его вернуться к имени, достойному взрослого человека.

Марти улыбнулась.

— Я люблю Дасти: и его имя, и самого мальчика.

— Мартина, — сказала Клодетта, — вот это настоящее человеческое имя.

---

1 Dusty — пыльный *(англ.)* .

— Мне нравится, когда меня называют Марти.

— Да, я знаю. Как неудачно. Ты подаешь не слишком хороший пример Шервуду.

— Дастину, — возразил Дасти.

— Только не в моем доме, — провозгласила Клодетта.

Каждый раз с тех самых пор, как он ушел отсюда, и независимо от того, сколько времени прошло с его предыдущего визита, мать приветствовала Дасти таким отчужденным образом. Не всегда речь шла о его имени, порой обсуждалась его одежда, свойственная только представителям низших слоев общества, или его неэлегантная стрижка, или же рассматривался вопрос о том, занялся ли он уже «настоящей» работой или все еще красит дома. Однажды она затеяла с ним диспут по поводу политического кризиса в Китае и продержала его в дверях не меньше пяти минут, которые Дасти показались часом. В конечном счете она всегда приглашала его внутрь, но он никогда не был до конца уверен, что она позволит ему переступить порог.

Однажды Скит пришел в чрезвычайное волнение, посмотрев кинофильм об ангелах с Николасом Кейджем в роли одного из крылатых. Суть фильма заключалась в том, что ангелам-хранителям не разрешено познать ни романтической любви, ни других сильных чувств; они должны оставаться строго рациональными существами, чтобы служить человечеству, не соединяясь с ними узами чрезмерной эмоциональной сопричастности. Для Скита это послужило объяснением всего поведения их матери: ее красоте могли позавидовать даже ангелы, но она могла быть холоднее, чем запотевший кувшин лимонада в разгар лета.

Наконец, вдоволь насладившись психологическим превосходством, полученным в результате беседы в дверях, Клодетта сделала шаг в сторону, без слова или жеста предложив гостям войти.

— Один сын появляется с э-э… гостем почти в полночь, другой с женой, и ни тот, ни другой даже и не думают предварительно позвонить. Я знаю, что оба посещали курсы хороших манер, но, очевидно, деньги были потрачены впустую.

Дасти решил, что, говоря об еще одном сыне, она имела в виду Младшего; тому было пятнадцать лет, и он жил здесь. Но когда они с Марти прошли мимо Клодетты, им навстречу по лестнице, чуть ли не кубарем, скатился Скит. Он казался более бледным, чем был при их последней встрече, еще сильнее исхудал, темные круги под глазами стали больше, но он был жив.

— Ух-ух-ух! — воскликнул Скит, обнимая Дасти, а затем повторил ту же речь, обнимая Марти.

— Но мы думали, что ты… — пробормотал ошеломленный Дасти.

— Нам сказали, что ты… — подхватила Марти.

Прежде чем кто-то из них смог закончить фразу, Скит вздернул свой пуловер и рубашку, заставив мать содрогнуться от отвращения, и продемонстрировал свой голый торс.

— Пулевые раны! — с удивлением и странной гордостью объявил он.

Его впалую грудь и тощий живот украшали четыре страшных синяка с уродливыми багрово-черными серединами и бледнеющим к краям ореолом.

Воспрянувший к жизни при виде Скита, но тем не менее донельзя озадаченный, Дасти переспросил:

— Пулевые раны?

— Ну, — поправился Скит, — это были бы пулевые раны, если бы я и Пустяк…

— Пустяк и я, — поправила мать.

— Да, если бы Пустяк и я не надели кевларовые бронежилеты.

Дасти почувствовал, что ему необходимо сесть. Марти тоже была потрясена. Но они примчались сюда потому, что чувствовали: время не терпит, и потеря его теперь могла оказаться смертельной ошибкой.

— А что вы делали в бронежилетах?

— Хорошо, что вы не захотели взять их в Нью-Мексико, — сказал Скит. — Я и

Пустяк… — он виновато взглянул на мать, — Пустяк и я решили тоже сделать что-нибудь полезное, и сели на хвост доктору Ариману.

— Вы *что* ?

— Мы следили за ним в грузовике Пустяка…

— Который я заставила их поставить в гараж, — вставила Клодетта. — Я не желаю, чтобы такой автомобиль видели на моей дорожке.

— Это прекрасный грузовик, — возразил Скит. — Так или иначе, мы надели жилеты, просто так, на всякий случай, и поехали за ним, а он каким-то образом обнаружил нас и сам принялся следить за нами. Мы думали, что потеряли его, и поехали на пляж. Когда мы там пытались вступить в контакт с одной из плавучих баз, он просто-напросто подошел к нам, выстрелил в каждого из нас по четыре раза.

— Боже мой! — с трудом выговорила Марти.

Дасти затрясло; его переполняла масса эмоций, которые он не мог ни поименовать, ни даже разделить. Однако он заметил, что глаза Скита ярче и яснее, чем за все время, прошедшее с того праздничного дня, когда, более пятнадцати лет назад, они вдвоем наполнили коробку собачьим дерьмом и послали его Холдену Колфилду-старшему, которого Клодетта отвергла в пользу Дерека.

— На нем была лыжная маска, так что мы не смогли бы верно описать его в полиции. Мы даже не ходили в полицию. Подумали, что от нее не будет никакого толку. Ну и что, все равно мы знали, что это был он. Ему не удалось нас одурачить. — Скит весь сиял, как будто они задержали психиатра на месте преступления. — Он два раза выстрелил в Пустяка, потом четыре раза в меня. Это было все равно, как если бы мне прямо по кишкам колотили молотком; из меня все дыханье вышибло, я чуть сознание не потерял; хочу глотнуть воздуху, и не могу, потому что даже за воем ветра он мог услышать меня и понять, что я на самом деле не мертв. Притворился убитым. Пустяк тоже. Так вот, прежде чем повернуться к Пустяку и выстрелить в него еще два раза, этот парень говорит мне: «Твоя мать шлюха, отец мошенник, а у отчима свиное дерьмо вместо мозгов».

— Я никогда даже не встречалась с этим штамповщиком псевдопсихологического бреда, — ледяным тоном сказала Клодетта.

— Потом я и Пустяк, Пустяк и я, мы оба поняли, что Ариман поспешно удрал, но мы еще полежали там, потому что были перепуганы. И некоторое время просто не могли двигаться. Словно нас парализовало. Чуете? А потом, когда мы смогли шевелиться, приехали сюда, чтобы выяснить, почему он считает мою мать шлюхой.

— Вы были в больнице? — взволнованно спросила Марти.

— Нет, со мной все прекрасно, — беззаботно ответил Скит, опустив наконец свитер.

— У тебя могло быть сломано ребро, внутренние повреждения.

— Я говорила ему то же самое, — сказала Клодетта, — но безуспешно. Ты же знаешь, Шервуд, что собой представляет Холден. У него всегда было больше энтузиазма, чем здравого смысла.

— Отправиться в больницу — очень хорошая идея. А сделать это не поздно и сейчас, пока травмы совершенно свежие, — обратился Дасти к брату. — Это будет прекрасная улика на тот случай, если нам удастся доставить этот кусок говна в суд.

— «Ублюдок», — наставительно заметила Клодетта, — или «сукин сын». И то и другое годится, Шервуд. Бессмысленная вульгарность не впечатляет меня. Если ты считаешь, что слово «говно» шокирует меня, то подумай, прежде чем употребить его снова. Но мы, в этом доме, никогда не считали, что Вильям Берроуз имеет отношение к литературе, и не собираемся менять свою точку зрения.

— Мне нравится твоя мать, — сообщила Марти мужу.

Глаза Клодетты почти незаметно прищурились.

— А как там, в Нью-Мексико? — спросил Скит.

— Край очарования, — ответил Дасти.

В конце вестибюля отворилась дверь, ведущая в кухню, и оттуда появился Дерек

Лэмптон. Он приближался, развернув плечи, с прямой, как шомпол, спиной, выпяченной грудью, но, хотя его осанка была совершенно такой, какая подобает старому вояке, все же казалось, что он крадется мимо стоящих.

Скит и Дасти стали тайно называть его между собой Гадом с первого же дня после его появления, имея в виду, что он похож на пресмыкающееся. Но Лэмптон больше походил на норку. Он был таким же складным и гладким, с густыми и блестящими, как мех этого зверька, волосами и быстрыми, черными, осторожными глазками создания, которое успевает совершить пагубный налет на курятник, стоит фермеру лишь на минутку отвернуться. На руках у него (он не протянул руки ни Дасти, ни Марти) были более заметные, чем у большинства людей, кожистые перепонки между изящными пальцами, а ногти имели слегка заостренную форму, словно коготки на проворных звериных лапках. Норка из семейства куньих, близкая родственница ласки и хорька.

— Что, кто-то умер, и мы знакомимся с завещанием? — спросил Лэмптон. Он считал, что обладает исключительным чувством юмора, а произнесенная фраза была, вероятно, одним из самых изысканных приветствий, которые от него можно было ожидать.

Он осмотрел Марти с головы до ног, задержавшись на груди, укрытой свободным свитером, поскольку никогда не считал нужным скрывать свой интерес к привлекательным женщинам. Встретившись наконец с ней взглядом, он обнажил свои мелкие, острые, снежно-белые зубки. Он считал этот оскал улыбкой и, пожалуй, искренне верил в то, что его улыбка была соблазнительной.

— Шервуд и Мартина на самом деле побывали в Нью-Мексико, — сообщила мужу Клодетта.

— Неужели? — удивился Лэмптон, вздернув брови.

— Я же говорил вам, — вмешался Скит.

— Действительно, — подтвердил Лэмптон, обращаясь скорее к Дасти, чем к Скиту. — Он сказал нам об этом, но с такими яркими деталями, что мы предположили, что это были не столько действительные события, сколько одна из его болезненных фантазий.

— У меня нет болезненных фантазий, — возразил Скит. Он старался говорить твердо, но не решался встретиться взглядом с Лэмптоном и произнес свою протестующую речь, глядя в пол.

— Холден, не кидайся в бой, — успокоил его Лэмптон. — Говоря о твоих болезненных фантазиях, я вовсе не осуждаю тебя, точно так же, как не стал бы осуждать Дасти, если бы мне пришлось упомянуть о его патологическом отвращении к авторитетам.

— У меня нет патологического отвращения к авторитетам, — сказал Дасти, сердясь на самого себя за то, что не смог преодолеть потребности ответить. Но он старался, чтобы его голос звучал спокойно, даже дружественно. — Я питаю законное отвращение к мнению о том, что кучка представителей элиты имеет право указывать всем остальным, что они должны делать и что думать. Я испытываю неприязнь к самозваным экспертам.

— Шервуд, — заметила Клодетта, — ты ничуть не подкрепляешь свою аргументацию, используя неумышленный оксюморон, такой, как «самозваные эксперты».

— Клодетта, на самом деле это не был оксюморон, — с совершенно спокойным лицом ровным голосом сказала Марти. — Это был эвфемизм[1], и он использовал слово «самозваный» вместо более вульгарного, хотя и более точного определения «наглые говенные эксперты».

Если бы даже в нем хоть когда-либо возникало малейшее сомнение в том, что он будет всегда любить Марти, то теперь Дасти понял наверняка, что не разлюбит ее никогда, даже на бесконечных дорогах времени.

— Холден, Дерек совершенно прав насчет обеих проблем, — сказала Скиту Клодетта, будто не слышала слов невестки. — Он не осуждал тебя. Он не из тех людей. И у тебя, без

---

1 Оксюморон — стилистический прием, в котором контрастные по значению слова создают неожиданное смысловое единство, например, «живой труп», «честный вор». Эвфемизм — применение более мягкого слова или выражения вместо грубого или непристойного.

сомнения, имеются болезненные фантазии. Ты не сможешь жить нормальной жизнью, пока не осознаешь свое состояние.

Переступить через порог всегда было трудно, но еще труднее было пройти через вестибюль.

— Холден перестал принимать свои лекарства, — сообщил Дасти Дерек Лэмптон, вновь уставившись на грудь Марти.

— Вы выписали мне семь рецептов, — возмутился Скит. — После того как я утром принимал все таблетки, во мне не оставалось места для завтрака.

— Ты никогда не сможешь реализовать свой потенциал, — предупредила Клодетта, — пока не осознаешь свое состояние и не начнешь целенаправленно работать над собой.

— Я думаю, что ему давно уже следовало отказаться от лекарств, — сказал Дасти.

— Выздоровление Холдена окажется проблематичным, если в процесс будут вмешиваться необразованные люди, — заявил Лэмптон, оторвав взгляд от груди Марти.

— До девяти лет процесс его выздоровления организовывал его отец, потом этим занялись вы. — Дасти принужденно улыбался и говорил шутливым тоном, но знал, что никого этим не обманывает. — Все время, сколько я его знаю, организовывают процесс его выздоровления, но толку нет.

— Мать, — вдруг просиял Скит, — ты знаешь, что настоящее имя моего отца вовсе не Холден Колфилд. Он сначала был Сэмом Фарнером и только потом официально поменял имя.

Глаза Клодетты превратились в ледяные щелочки:

— Холден, ты опять фантазируешь.

— Нет, это правда. У меня дома есть доказательства. Может быть, именно это имел в виду Ариман, когда застрелил меня и сказал, что отец — мошенник.

Клодетта устремила указующий перст на Дасти.

— Ты посоветовал ему отказаться от лечения, и вот к чему это привело. — Она повернулась к Скиту. — Этот человек, Ариман, назвал меня шлюхой. Значит, мне следует понимать, что ты согласен с этим определением точно так же, как согласен с тем, что твоего отца назвали *мошенником* ?

Голову Дасти заполнило зловещее гудение, которое всегда возникало, стоило ему пробыть в этом доме хотя бы полчаса. Он желал только одного — перейти к той проблеме, которая его действительно занимала.

— Дерек, почему Марк Ариман относится к вам с такой бешеной ненавистью? — спросил он.

— Потому что я сказал ему, кто он такой.

— И кто же он?

— Шарлатан.

— А когда вы сказали ему это?

— Говорю при каждом удобном случае, — заявил Лэмптон. Его глазки норки светились мрачным ликованием.

Прижавшись к мужу и игриво обняв его за талию, Клодетта сказала:

— Когда такие дураки, как этот Марк Ариман, оказываются жертвами остроумия моего Дерека, они не скоро забывают это.

— Как, — вступила в разговор Марти, — как вы ему это говорили?

— Напечатал аналитические эссе в двух лучших журналах, — объяснил Лэмптон, — и убедительно показал пустоту его теорий и беспомощность изложения.

— А почему?

— Я был потрясен тем, сколько психологов начали принимать его всерьез. Этот человек не интеллектуал. Он относится к худшей разновидности позеров.

— И это все? — спросила Марти. — Пара эссе?

Зубки Лэмптона сверкнули, к уголкам глаз сбежались морщинки. Хотя это было проявлением удовольствия, со стороны можно было подумать, что он только что заметил мышь, которую он намеревается поймать и разорвать на кусочки.

— Ты видишь, мисс Клоди, они не понимают, что означает попасть под микроскоп к Лэмптону!

— Кажется, я понимаю, — сказал Скит, но ни мать, ни отчим, казалось, не слышали его.

Клодетта издала короткий девический смешок, в котором, правда, было не больше юмора, чем в звуке трещотки гремучей змеи, словно Лэмптон сказал что-то остроумное или двусмысленное.

— Да, мисс Клоди, — повторил Лэмптон. Он сделал танцевальное движение и игриво щелкнул пальцами с таким видом, будто собирался выдать грязное площадное ругательство. — Эссе в двух журналах. Образец искусной партизанской войны. И пародия на его стиль для «Книголюба», последней странички в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс»…

— Очень ядовито, но смешно, — заверила Клодетта.

— …плюс к тому, я написал рецензию на его последний опус для крупнейшего информационного агентства, и ее опубликовали семьдесят восемь газет общенационального масштаба. У меня собраны все публикации. Вы можете себе представить, что эта ужасная книга входила в список «Таймс» в течение семидесяти восьми недель?

— Вы говорите об «Учитесь любить себя»? — спросила Марти.

— Квазипопулярная психочушь! — заявил Лэмптон. — Думаю, она принесла американской психологии больше вреда, чем любая другая книга, изданная за последние десять лет.

— Семьдесят восемь недель… — протянул Дасти. — Столько времени входить в список — это долго?

— Для книг такой тематики это все равно что вечность, — объяснил Лэмптон.

— А как долго была в списке ваша последняя книга?

Внезапно преисполнившись серьезности, Лэмптон сказал:

— Вообще-то я не обращал внимания. Популярность — это не проблема. Проблема заключается в качестве работы, в том воздействии, которое она оказывает на общество, в том, скольким людям она помогает.

— Мне кажется, двенадцать или четырнадцать недель, — припомнил Дасти.

— О нет, нет, больше, — возразил Лэмптон.

— Значит, пятнадцать.

Лэмптон, которого буквально раздирало желание должным образом похвастаться своими достижениями, оказался теперь в своей же собственной ловушке, и взглянул на Клодетту, ожидая помощи.

— Она была в списке двадцать две недели. Дерек никогда не думает о таких вещах, зато я о них помню. Я горжусь им. Двадцать две недели — это великолепный показатель для работы с серьезным содержанием.

— Ну, конечно, в этом можно усмотреть проблему, — сокрушался Лэмптон. — Популяризаторская поверхностная жвачка на психологические темы всегда будет пользоваться большим успехом, чем серьезный труд. Она ни черта не может никому пригодиться, зато ее легко читать.

— А американская публика, — веско добавила Клодетта, — настолько ленива и плохо образованна, что находится в плену потребности получать аудиальные психологические рекомендации.

— Мы говорим о книге Дерека «Станьте своим лучшим другом», — объяснил Дасти, взглянув на жену.

— Я не смог ее одолеть, — сказал Скит.

— Ты, конечно, очень яркая личность, — отрезала Клодетта. — Но если ты не возобновишь лечение, то утратишь все, чему тебя удалось научить, и не сможешь прочесть даже свое имя. Лечиться, чтобы учиться!

Взглянув в открытую дверь гостиной, Дасти спросил себя, какой посетитель мог пройти в этом доме дальше вестибюля.

— У меня не бывает никаких проблем с чтением моих романов-фэнтези, что с

лечением, что без, — осмелился заявить Скит.

— Твои фэнтези, Холден, — сказал Лэмптон, — являются частью проблемы, а не элементом лечения.

— Так, что там было дальше с партизанской войной? — спросил Дасти.

Его вопрос вызвал общее замешательство.

— Вы сказали, что ведете искусную партизанскую войну против Марка Аримана, — напомнил Дасти Лэмптону.

Снова улыбка норки, готовящейся растерзать мышь.

— Пойдем, я покажу тебе.

Лэмптон повел их наверх.

Валет ожидал в зале второго этажа. Очевидно, он тоже боялся выходить на минное поле вестибюля.

Марти и Дасти остановились, чтобы обнять пса, почесать ему под челюстью, потрепать уши, а он в ответ восторженно лизал их и колотил хвостом по ногам.

Если бы у него был выбор, Дасти предпочел бы усесться на полу и провести оставшуюся часть дня с Валетом. Не считая восторженного вопля Скита «Ух-ух-ух!», восторг собаки был единственным реальным моментом истинной жизни, который Дасти испытал с тех пор, как позвонил в эту дверь.

Лэмптон постучал в дверь в конце зала.

— Пойдемте, пойдемте, — поторопил он, глядя на Дасти и Марти.

Клодетта и Скит отправились в комнату на противоположной стороне зала — кабинет Лэмптона.

Дасти не расслышал ни слова в ответ на стук, но Лэмптон уверенно открыл дверь, и они с Марти следом за ним вошли в комнату.

Это была спальня Младшего. Дасти не был здесь около четырех лет, с тех пор как Дереку Лэмптону-младшему было одиннадцать. В то время обстановка комнаты говорила об увлечении спортом; ее украшали плакаты с портретами звезд баскетбола и футбола.

Теперь все стены и потолок были покрыты глянцевой черной краской. Эти поверхности поглощали свет, так что комната казалась темной, даже несмотря на сияние трех стоваттных ламп. Железная кровать с трубчатой спинкой тоже была окрашена черным; простыни и покрывало на ней тоже черные. Черными были стол, и стул, и книжные полки. Даже прекрасный кленовый паркет, любовно покрытый прозрачным лаком во всех остальных частях дома, был выкрашен черным. Единственными цветными пятнами в комнате были корешки книг на черных полках и пара знамен натуральной величины, подвешенных к потолку: на красном фоне белый круг с черной свастикой, флаг, который Адольф Гитлер намеревался пронести по всему земному шару, и красный флаг с серпом и молотом бывшего Советского Союза. Четыре года назад полки ломились от биографий спортсменов, романов о спорте, самоучителей по стрельбе из лука и научно-фантастических романов. Теперь все это сменили книги о Дахау, Аушвице, Бухенвальде, советском ГУЛАГе, ку-клукс-клане, Джеке-Потрошителе, биографии нескольких серийных убийц последних времен и ненормальных террористов.

Сам Младший был одет в белые тапочки, белые носки, коричневые брюки и белую рубашку. Он валялся на кровати, читая книгу с обложкой пепельного цвета, на которой была изображена груда разложившихся человеческих тел. Из-за резкого контраста между белым одеянием подростка и черным атласом покрывала казалось, что он левитирует, словно продвинутый йог.

— Эй, братец, как жив-здоров? — спросил Дасти, испытывая неловкость. Он никогда не знал, что говорить своему сводному брату, потому что, в общем-то, они были мало знакомы друг с другом. Он ушел из дому — сбежал — двенадцать лет назад, когда Младшему было всего три.

— А что, можно подумать, что я умер? — угрюмо спросил Младший.

Действительно, он казался *невероятно* живым, слишком живым для этого мира, как

будто был настолько избыточно наделен призрачной энергией, накачанной в него через провод, уходящий Вовне, что светился. Он не получил проклятия в виде черт маленького изворотливого хищника, отличавших его отца. Судьба решила воплотить в нем гены его матери, благословить его совершенной формой тела и совершенными чертами лица, как ни одного другого из детей. Если бы когда-нибудь ему пришла в голову фантазия подняться на сцену, взять в руки микрофон и запеть, то, независимо от того, оказался бы его голос хорошим или просто в меру благозвучным, он стал бы явлением большим, чем Элвис, «Битлз» и Рики Мартин, вместе взятые; девушки и юноши кричали бы, рыдали и рвались на сцену, и большая часть из них была бы счастлива, если бы им предложили в его честь вскрыть себе вены.

— Что это такое? — спросил Дасти, обведя рукой черную комнату и флаги на потолке.

— А на что это похоже? — спросил подросток в ответ.

— Поздняя готика?

— Чертова готика. Это для детей.

— Похоже на то, что ты занимаешься практической подготовкой к смерти, — заметила Марти.

— Уже ближе.

— И какой во всем этом смысл?

— А какой смысл во всем остальном? — спросил Младший, откладывая книгу.

— Ты хочешь сказать, что все равно, все там будем?

— Для этого мы сюда приходим, — провозгласил Младший. — Думать об этом. Смотреть, как это происходит с другими. Готовиться к этому. А потом сделать это и уйти.

— Что это значит? — снова спросил Дасти, на сей раз обращаясь к отчиму.

— Большинство подростков, как и Дерек, проходит через период глубокого увлечения смертью, и каждый из них думает, что у него имеются более интересные мысли об этом явлении, чем у кого-либо из живших до него. — Лэмптон говорил о своем сыне так, словно Младший не мог его слышать. Когда Дасти и Скит пребывали под властью его направляющей руки, он вел себя с ними точно так же и обсуждал их, словно они были интересными лабораторными животными, не понимавшими ни слова из того, что он говорил. — Секс и смерть. Это самые главные проблемы в юности. И мальчики и девочки, но в наибольшей степени мальчики, бывают до одержимости увлечены обоими этими вопросами. Периодически они проходят стадии, которые можно отождествить с пограничным психотическим состоянием. Это связано с периодом гормональной неустойчивости, и лучшее, что можно сделать в такой ситуации, это потворствовать навязчивой идее, так как сама природа достаточно скоро исправит неустойчивость.

— Вот это да! — удивилась Марти. — А я не помню, чтобы я когда-нибудь чересчур много думала о смерти.

— Было, было, — снисходительно сказал Лэмптон, будто хорошо знал Марти с пеленок, — но ты сублимировала эту навязчивую идею в других интересах, например, в куклах «Барби», косметике…

— Косметика — сублимация навязчивой идеи смерти?

— Неужели это не очевидно? — спросил Лэмптон с самодовольством педанта. — Цель косметики состоит в том, чтобы бросить вызов деградации, происходящей под влиянием времени, и время — это только синоним смерти.

— Я все еще борюсь с куклами «Барби», — сказал Дасти.

— Обрати внимание, — продолжал поучать Лэмптон. — Что такое кукла, как не изображение трупа? Неподвижная, бездыханная, жесткая, безжизненная. Маленькие девочки, играющие с куклами, играют с трупами и учатся не бояться смерти сверх меры.

— Я помню, что меня очень занимали вопросы секса, — сознался Дасти, — но…

— Секс — это ложь, — сказал Младший — Это подмена. Люди обращаются к сексу, чтобы укрыться от необходимости признать правду, что жизнь существует ради смерти. Не ради созидания, а ради умирания.

Лэмптон улыбнулся сыну с таким видом, будто готов был разорвать на груди рубаху от гордости.

— Дерек решил погрузиться в смерть на некоторое время, чтобы избавиться от страха перед нею намного скорее, чем это удается большинству людей. Это признанная техника аутостимулирования наступления зрелости.

— Я не избавилась от этого страха, — заметила Марти.

— Вот видишь, — сказал Лэмптон, как будто она убедительно подтвердила его точку зрения. — В прошлом году это был секс, как всегда бывает с четырнадцатилетними мальчиками. На будущий год, после того, как он пройдет это погружение, снова будет секс.

Дасти не мог избавиться от подозрения, что, прожив год в этой черной комнате, помешавшийся на смерти Младший может стать одной из сенсаций в программе вечерних новостей, причем вовсе не как победитель конкурса на лучшее знание грамматики.

— Дасти и Марти заинтересовались нашей партизанской войной против Марка Аримана, — сказал Лэмптон сыну.

— Этого паршивца? — Младший ничуть не удивился. — Ты хочешь еще раз как следует приложить его?

— А почему бы нам этого не сделать? — Лэмптон потер руки.

Младший скатился с кровати, потянулся и вышел из комнаты.

— Отличные титьки, — одобрительно заметил он, проходя мимо Марти.

— Вот видите, — просияв, сказал Лэмптон. — Он уже выходит из стадии одержимости идеей смерти, хотя сам до сих пор не заметил этого.

В прошлом Дасти и Марти не раз испытывали желание похитить мальчика, скрыться вместе с ним куда-нибудь подальше и вырастить его самим, чтобы дать ему шанс на нормальную жизнь. Взглянув на Марти, он убедился, что она, как и он сам, все еще испытывает желание убраться отсюда и спрятаться, но, пожалуй, уже не вместе с Младшим, а и от него тоже.

Они прошли вслед за мальчишкой в кабинет Лэмптона, где их ждали Скит и Клодетта в обществе Фостера Ньютона.

Пустяк стоял у окна, разглядывая двор и дорогу.

— Эй, Пустяк! — окликнул его Дасти.

Тот обернулся.

— Привет.

— С тобой все в порядке? — взволнованно спросила Марти.

Пустяк задрал рубашку, чтобы продемонстрировать грудь и живот, которые не были ни такими бледными, ни такими тощими, как у Скита. Его тело, как и у Малыша, украшали уродливые синяки от четырех пуль, остановленных кевларовой броней.

— Сегодня очень утомительное утро, — заметила Клодетта, скорчив гримасу отвращения.

— Я в порядке, — успокоил ее Пустяк, не обращая внимания на шпильку.

— Ты спас нас от гибели, — сказала Марти.

— Пожарная машинка?

— Да.

— Он еще и меня спас, — добавил Скит.

Пустяк помотал головой.

— Кевлар.

Мальчик сидел за отцовским столом перед компьютером. Лэмптон стоял позади Младшего и заглядывал ему через плечо.

— Мы готовы.

Дасти и Марти подошли поближе и увидели, что Младший пролистывает на экране уничтожающую и бойко написанную мини-рецензию на «Учитесь любить себя».

— А дальше, — сказал Лэмптон, — мы отправим это на страницу литературных обзоров на сайт Amazon.com. Мы написали и разослали более ста пятидесяти разгромных

статей насчет «Учитесь любить себя», используя различные имена и адреса электронной почты.

Дасти был потрясен. В его памяти всплыло выражение жестокой злобы в лице и глазах Аримана, которое он увидел во время их противостояния в его кабинете. Это было так недавно.

— А чьи имена и адреса электронной почты? — спросил он, ужаснувшись мысли о том, какую месть психиатр мог обрушить на ничего не подозревающих и ни в чем не повинных перед ним людей.

— Не волнуйся, — успокоил его Лэмптон, — когда мы используем реальные имена, то выбираем безмозглых типов, которые не слишком любят читать. Очень маловероятно, что ктонибудь из них посетит Amazon и увидит что-нибудь из нашего творчества.

— А вообще-то, — продолжил Младший, — как правило, мы просто придумываем имена и адреса электронной почты, а это даже лучше.

— Ты умеешь это делать? — удивилась Марти.

— Сеть — штука жидкая, — ответил тот.

— Трудно отделить вымысел от реальности, — сказал Дасти, пытаясь осознать все значение этого утверждения.

— А надо ли? Ни реальность, ни вымысел ничего не значат. Это совершенно одно и то же, одна река.

— А как же тогда ты узнаешь правду о чем-либо?

Младший пожал плечами.

— Какая разница. Неважно, правда это или нет… Важно, чтобы это работало.

— Я уверен, что половина восторженных рецензий на дурацкую книжонку Аримана на сайте Amazon написаны самим Ариманом, — сказал Лэмптон. — Я знаю некоторых писателей, которые больше времени сочиняют на себя рецензии, чем пишут романы. Все, чего мы пытаемся достичь, — это восстановить равновесие.

— А вы рассылали собственные отзывы на «Станьте своим лучшим другом»? — спросила Марти.

— Я? Нет, нет! — заверил ее Лэмптон. — Если книга хороша, то она будет говорить сама за себя.

Да уж, конечно. Несомненно, ловкие лапы норки целыми часами, целыми днями занимались самовосхвалением и колотили по кнопкам с такой скоростью, что клавиатура, вероятно, не раз «зависала».

— А теперь, — предложил Младший, — мы покажем вам, что можем сделать с Web-сайтами, с которыми связан Ариман.

— Дерек невероятно умело обращается с компьютером, — похвастался Дерек-старший. — Мы преследуем Аримана по всему Интернету. Для Дерека ничего не значат никакие пароли, никакая программная архитектура.

— Я думаю, мы видели достаточно, — сказал Дасти, отворачиваясь от компьютера.

Ухватив Дасти обеими руками за правую руку, Марти отвела его в сторону. На ее лице было ужасное выражение, но он догадывался, что его лицо должно было казаться много страшнее.

— Когда Сьюзен занималась продажей дома Аримана, прежде чем он *стал* домом Аримана, она выступала как агент первоначального владельца и попросила меня посмотреть здание. Эффектный дом, но слишком уж внушительный, словно набор декораций для постановки вагнеровской «Гибели богов». Она сказала, что мне следует это увидеть. Так что я приехала туда к ней. Это был тот самый день, когда она впервые показала дом Ариману, день, когда она встретилась с ним. Я приехала, когда она уже заканчивала показывать ему помещения. И я тогда же познакомилась с ним. Мы, все трое, немного поболтали…

— О, Иисус. Неужели ты помнишь?…

— Я пытаюсь. Но… Не знаю. Может быть, заговорили о его книге. Семьдесят восемь недель в списке бестселлеров на сегодня. Значит, тогда она была довольно новой.

Восемнадцать месяцев назад. И если я поняла, какого содержания книга… возможно, я упомянула Дерека.

Желая смягчить страшные острия, венчавшие тот вывод, к которому со всех ног мчалась Марти, Дасти сказал:

— Мисс М., прекратите сейчас же. Брось даже думать о таких вещах. Ариман в любом случае начал бы волочиться за Сьюзен. Он наверняка никогда не имел дела с такой красавицей, как она; конечно, до тех пор, пока на сцену не вышла ты.

— Возможно.

— Наверняка.

Лэмптон, отвернувшись от компьютера, прислушался.

— Вам уже приходилось сталкиваться с этой чушью?

Повернувшись к Дереку-старшему, Марти уставилась на него остановившимся взглядом, который превратил бы Лэмптона в лед, будь у того в жилах хоть капля крови.

— Из-за вас мы все погибнем.

Выжидая изюминку того, что он принял за шутку, Лэмптон растянул губы, приоткрыв свои холодные мелкие зубки.

— Погибнем из-за вашей ребяческой свары, — закончила она.

Клодетта бросилась на выручку к Лэмптону, как окутанная сияющим ореолом валькирия — к раненому воину.

— Во всем этом нет абсолютно ничего ребяческого. Ты не понимаешь академического мира, Мартина. Ты не понимаешь интеллектуалов.

— Не понимаю? — ощетинилась Марти.

В этой короткой реплике Дасти услышал столько ненависти, что обрадовался тому, что «культ» захоронен далеко в пустыне и сейчас недоступен для Марти.

— Соревнования между такими людьми, как Дерек, — принялась поучать Клодетта, — проводятся не ради утверждения самолюбия или личной выгоды. Здесь борются за *идеи* . Идеи, которые формируют общество, мир, будущее. Для того чтобы эти идеи прошли проверку на жизнеспособность и были готовыми к осуществлению, они должны пройти через столкновения и самые разнообразные дебаты на самых разнообразных аренах.

— Таких, как обзор писем читателей на сайте Amazon.com, — зло добавила Марти.

Клодетту невозможно было заставить отступить.

— Борьба идей — это самая настоящая война, а не ребяческая свара, как ты пытаешься ее представить.

Валет, пятясь, вышел из кабинета и наблюдал за развитием событий, стоя в зале.

— Марти права, — набрался смелости Скит. Он подошел к Дасти и Марти и встал у них за спинами.

— После того как ты отказался от лечения, — язвительно одернул его Лэмптон, — твое мнение мало чего стоит, так что вряд ли тебя сочтут долгожданным союзником, Холден.

— Я сочту, — возразил Дасти.

Вонзив зубы в эту проблему, Клодетта повела себя куда эмоциональнее, чем Дасти когда-либо приходилось видеть.

— Ты считаешь, что жизнь — это компьютерные игры, кино, мода, футбол, озеленение и черт знает что еще, что заполняет твое время, а на самом деле жизнь строится на идеях. Такие люди, как Дерек, люди с идеями, формируют мир. Они формируют правительства, религии, общество, каждый самый крошечный аспект нашей культуры. Большинство людей по собственному выбору становятся трутнями, тратят свои дни на мелочи, поглощены чепухой, И они проводят всю жизнь, так и не поняв, что Дерек и такие люди, как Дерек, *создают* это общество и *управляют* им силой идей.

Здесь, в этом безобразном столкновении с Клодеттой, которое, впрочем, для Дасти и, конечно, для Скита тоже, быстро превращалось в эпического масштаба поединок, сравнимый разве что с состязанием пророка Илии со жрецами Ваала, описанным в Библии, Марти была их паладином и, нацелив копье, мчалась навстречу дракону. Скит подошел к ней вплотную и

положил ей руки на плечи, а Дасти почувствовал, что ему хочется подойти к Скиту и также защитить его со спины.

— И что, — спросила Марти, — «Станьте своим лучшим другом» и «Учитесь любить себя» — это те идеи, которые что-то формируют?

— Не может быть никакого сравнения между моей книгой и опусом Аримана, — возразил Лэмптон, но после энергичной контратаки его жены эта реплика прозвучала так, словно он был готов расплакаться.

Клодетта наполовину заслонила собой Лэмптона, как будто желая физически защитить человека, которого несправедливо обижают, но одновременно крепко прижалась к нему ягодицей.

— Дерек пишет яркие, добротные и глубокие в психологическом отношении труды. Строго отобранные и продуманные идеи. А Ариман выхаркивает популярную жвачку.

Дасти никогда прежде не видел, чтобы его мать отбросила свою ледяную маску и проявила свою сексуальную природу, и надеялся, что ему больше *никогда* не придется увидеть ничего подобного. Ее толкнула в бой не сама по себе какая-то определенная идея, но идея о том, что идеи есть сила и власть. Именно *власть* и *сила* по-настоящему пробуждала в ней сексуальность; не открытая власть генералов и политических деятелей, не грубая сила призовых борцов, не жестокая сила серийных убийц, но власть тех, кто формирует умы генералов, политических деятелей, министров, университетских профессоров, адвокатов, производителей кинофильмов. Власть манипуляторов. Он видел в ее трепещущих ноздрях и блестящих глазах эротизм, такой же холодный, как у самки тарантула или игуаны.

— Вы все еще ничего не поняли, — вздохнула Марти, но в ее словах не было ни капли сожаления к противнику. — Ради защиты книги под названием «Станьте своим лучшим другом» вы сожгли дотла наш дом. Это все равно, как если бы вы сделали это собственными руками. Ради защиты этой книги вы расстреливали Скита и Пустяка. Вы считали их рассказы о событиях прошлой ночи больными фантазиями, но это ведь было на самом деле, Клодетта. И пули были настоящими, и синяки — тоже. Ваше глупое, никчемное, бредовое представление о сути *дискуссии* , ваша *идея* о том, что подкусывание из-за угла — это то же самое, что аргументированный спор, — вот что заставило палец нажать на спусковой крючок. Как это сочетается с формированием общества, ну-ка ответьте? Может быть, вы и готовы умереть за яркие, добротные и глубокие в психологическом отношении труды Дерека, в которых он высказывает строго отобранные и продуманные идеи, но я-то *не готова* !

— «Лексус», — вдруг неожиданно для всех сказал Пустяк, так и не покидавший своего поста у окна.

Клодетта не выдохнула языка пламени, хотя, бесспорно, была полна огня.

— Насколько легко выдвигать бессодержательные, поверхностные доводы, не пройдя даже курса логики в колледже. Если Ариман поджигает дома и стреляет в людей, то, значит, он маньяк, психопат, и Дерек *прав* , преследуя всюду, где ему это удается. Если то, что ты говоришь, правда, то *смелость* заключается в том, чтобы атаковать маньяка.

Решившись стать своим собственным лучшим другом, Лэмптон добавил:

— Я всегда ощущал в его работах человеконенавистническое мировосприятие. Я всегда подозревал, что выступать против него рискованно, но, если необходимо, каждый готов пойти на риск.

— О да, — согласилась Марти. — Давайте сейчас же позвоним в Пентагон и попросим их подготовить для вас Медаль Почета[1]. За доблесть, проявленную на поле академического сражения, храбрость в обращении с клавиатурой компьютера и решительное использование выдуманных имен и несуществующих адресов электронной почты.

— Я не хочу больше видеть вас в своем доме, — заявила Клодетта, перейдя на официальный тон.

— «Лексус» въехал на дорожку, — сообщил Пустяк.

---

1 Медаль Почета — высшая военная награда Соединенных Штатов, присуждаемая конгрессом США военнослужащим за особые заслуги, проявленные в бою и при исполнении служебных обязанностей.

— Ну и что из того, что на дорожке появился какой-то затраханный «Лексус»? — возмутилась Клодетта, не отводя взгляда от Марти. — У каждого местного идиота есть «Лексус» или «Мерседес».

— Останавливается, — гнул свое Пустяк

Марти и Дасти подошли к нему и тоже посмотрели в окно.

Водительская дверь «Лексуса» открылась, и из автомобиля вышел высокий, красивый, темноволосый человек. Эрик Джэггер.

— О боже! — с усилием выговорила Марти.

Через Сьюзен Ариман дотянулся до Марти. И, прослушав или не прослушав курс, Дасти был в состоянии вычислить, сколько в данном случае будет дважды два.

Эрик наклонился к автомобилю, чтобы вынуть что-то, лежавшее на сиденье.

Через Сьюзен Ариман дотянулся и до Эрика, запрограммировал его и приказал расстаться с женой. Таким образом Сьюзен осталась одна, стала более уязвимой и доступной для психиатра в любое время, когда тому взбредет в голову овладеть ею. А теперь Ариман потребовал от Эрика чего-то новенького и несколько более серьезного, чем бегство от жены.

— Ножовка, — сказал Пустяк.

— Пила для вскрытия, — поправил Дасти.

— С черепными полотнами, — добавила Марти.

— Оружие, — указал Пустяк.

И тут появился Эрик.

ГЛАВА 74

Смерть теперь приобрела современный стиль: ушли в прошлое черные катафалки, запряженные черными лошадьми, сменившись серебристым «Лексусом». Ушли в прошлое черные одеяния с мелодраматическими капюшонами, их заменили черные же слаксы, свитер от Джейн Барнс и кожаные шнурованные мокасины.

Кевларовые бронежилеты остались в пикапе, а пикап стоял в гараже, и поэтому Скит и Пустяк на сей раз были так же беззащитны, как и все остальные, а убийца наверняка не забудет выстрелить в голову.

— Оружие? — переспросил Лэмптон в ответ на вопрос Марти. — Вы имеете в виду — у нас?

— Нет, ну, конечно, нет, не смешите людей, — возмутилась Клодетта, как будто стремилась даже сейчас найти повод для очередного спора. — У нас нет оружия.

— Тогда жаль, что у вас нет по-настоящему смертельной идеи, — сказала Марти.

Дасти схватил Лэмптона за руку.

— С крыши есть вторая лестница. Вы можете выбраться на нее через комнату Младшего или хозяйскую спальню.

— Но почему… — начал было человек-норка. Он взволнованно моргал и подергивал носом, как будто пытался уловить запах, который объяснил бы точную природу опасности.

— Быстро! — прикрикнул Дасти. — Идите, все идите. На крышу подъезда, на газон, на пляж, и спрячьтесь в каком-нибудь из соседних домов.

Младший первым со спринтерской скоростью рванулся в дверь кабинета. Наверно, он еще не был подготовлен к тому, чтобы погрузиться в нечто большее, нежели абстрактная идея смерти.

Дасти последовал за ним. Он выдернул из-за стола Лэмптона кресло на колесиках и бегом покатил его перед собой к лестнице, тогда как все остальные кинулись в обратном направлении.

Нет, не все. Остался Скит, добрый, но бесполезный.

— Что мне делать?

— Черт возьми, Малыш, немедленно убирайся!

— Помоги мне, — раздался голос Марти.

Она тоже не сбежала. Она стояла перед буфетом шести футов длиной, возможно, изготовленным самим Шератоном[1], находившимся в широком коридоре прямо напротив лестницы. Одним движением руки она скинула с полки вазу и множество серебряных подсвечников, которые с приятным звоном посыпались на пол. Очевидно, она поняла, для какой цели Дасти предназначил кресло, но решила, что им потребуются и боеприпасы более крупного калибра.

Отставив кресло в сторону, они втроем оттащили буфет от стены и поставили вверх ногами перед лестницей.

— Теперь заставь его *уйти* , — попросил Дасти. Его голос был хриплым от страха; сейчас было даже хуже, чем в Санта-Фе, после того как их автомобиль после нескольких неторопливых переворотов замер вверх колесами. Тогда по крайней мере его несколько успокаивало то, что он отчетливо слышал шаги спускавшихся по склону убийц и знал, что у Марти в сумочке лежит «кольт». Ну а теперь у него не было ничего, кроме этого проклятого буфета.

Марти схватила Скита за руку и поволокла прочь. Он попытался сопротивляться, но женщина оказалась сильнее.

Внизу прогремела автоматная очередь, посыпалось стекло входной двери, послышался треск искалеченного дерева, пули с чмоканьем впились в стену вестибюля.

Дасти бросился на пол позади уныло торчавшего вниз головой буфета и посмотрел вдоль единственного марша лестницы.

Советник по инвестициям ворвался в разбитую пулями дверь. Глядя на то, как он штурмовал дом, можно было подумать, что этот выпускник Гарварда, специалист по управлению бизнесом проходил практические занятия на курсах командос. Он положил пилу для вскрытия трупов на стол в вестибюле, стиснул автомат обеими руками и медленно повернулся на сто восемьдесят градусов, поливая пулями комнаты первого этажа, расположенные с трех сторон от него.

Оружие было снабжено магазином повышенной емкости, вероятно, не меньше, чем на тридцать три патрона, но все же количество боеприпасов в нем было ограничено. Поэтому в конце описываемой дуги автомат защелкал впустую.

Запасные магазины торчали у Эрика из-за пояса. Он принялся возиться с автоматом, пытаясь снять опустевший магазин.

Нельзя было позволить ему пойти по комнатам первого этажа, потому что, войдя в кухню, он мог увидеть людей, спускающихся с крыши или убегающих на берег через задний двор.

Казалось, что в доме все еще продолжает греметь стрельба, но Дасти знал, что это только отзвук, порожденный резким звуком у него в ушах.

— Бен Марко! — громко крикнул он.

Эрик взглянул наверх, но не застыл в неподвижности, в его глазах не появилось знакомого остекленелого выражения. Он продолжил возиться с автоматом, который был явно незнаком ему.

— Бобби Лембек! — крикнул Дасти.

Пустой магазин загремел на пол.

Нельзя было исключить вероятности того, что в этом случае активизирующее имя было позаимствовано не из «Маньчжурского кандидата». Возможно, оно принадлежало персонажу из «Крестного отца», или «Младенца Розмари», или «Приключений Винни-Пуха», или еще откуда-то, но у него не было времени перебирать все известные ему популярные произведения беллетристики за последние пятьдесят лет в поисках нужного имени.

— Джонни Айслин!

Приложив новый магазин к оружию, Эрик сильным ударом ладони загнал его на место.

---

1 Шератон, Томас (1751-1806), английский мебельщик-краснодеревщик, один из основоположников ампира в мебели.

— Вен Чанг!

Эрик выпустил очередь из восьми или десяти патронов. Пули пробили насквозь твердую вишневую поверхность буфета — оспина, оспина, оспина, слишком много оспин, чтобы их считать, — пронзили ящики и основание и впились в стену зала позади Дасти, миновав его голову, но осыпав его крошками штукатурки. Высокоимпульсные патроны, подумал Дасти, и утяжеленные пули, возможно, даже с тефлоновой оболочкой.

— Джослин Джордан! — выкрикнул Дасти в резкую тишину. От контраста между грохотом выстрелов и резко сменившим его безмолвием у него забилась жилка в виске. Он внимательно прочел значительную часть романа, а оставшуюся часть бегло просмотрел в поисках имени, которое должно было активизировать его самого. Он помнил все имена. Его исключительная память была единственным подарком, который он получил, явившись в этот мир, — память да еще здравый смысл, который заставил его стать маляром, а не лезть в ряды Важных Шишек из мира Больших Идей, — но в романе Кондона было чертовски много главных и второстепенных действующих лиц, вплоть до таких незначительных, как Виола Нарвилли, которая появилась лишь однажды, на последней, трехсотой, странице, а ему может не хватить времени перебрать все персонажи, прежде чем Эрик разнесет ему голову.

— Алан Мелвин!

Выпуская короткие очереди, Эрик поднимался по лестнице.

Дасти слышал его шаги.

Эрик шел быстро, ничуть не обеспокоенный ловушкой в виде шератоновского буфета, которая была ему отчетливо видна. Он шел, как робот. Чем он, впрочем, и был в значительной степени: живым роботом, машиной из человеческой плоти.

— Элайт Айслин! — крикнул Дасти. Он был близок к тому, чтобы свихнуться от страха, но все же отчетливо сознавал, насколько смехотворным будет его финал: уйти в мир иной, перечисляя имена, словно участник какой-то сумасшедшей викторины, пытающийся обогнать бьющие часы.

— Нора Леммон!

Но и Нора Леммон не остановила Эрика. Он все приближался, и Дасти вскочил на ноги, резко толкнул буфет, метнулся влево, под защиту невысокой стенки лестницы, и услышал, как новая серия пуль смачно врезалась в прекрасное изделие мастера восемнадцатого века, превращающееся в груду изломанных вишневых дощечек.

Эрик зарычал и выкрикнул проклятие, но по грохоту, сопровождавшему падение буфета, нельзя было определить, удалось ли травмировать его или хотя бы свалить вниз, на первый этаж. Лестница была шире, чем уникальный предмет антикварной мебели, и у Эрика был изрядный шанс уклониться от него.

Прижавшись спиной к стене рядом с лестницей, Дасти пытался заставить себя выглянуть из-за угла, но не мог решиться на это. Среди пробелов в его образовании, помимо курса логики, следовало назвать еще и курс магии: он вовремя не научился ловить пули зубами.

И — боже, куда ты смотришь! — когда не успел еще стихнуть треск-скрежет-грохот с лестницы, как явилась Марти. Марти, которая, как предполагалось, ушла вместе со всеми остальными, толкала перед собой по коридору канцелярский шкаф на колесиках с тремя отделениями, позаимствованный из кабинета Лэмптона.

Дасти гневно уставился на нее. О чем, черт возьми, она думает? Может быть, она надеется на то, что у Эрика раньше кончатся боеприпасы, чем у них мебель?

Отпихнув Марти, Дасти схватил шкаф и, прячась за четырехфутовой металлической коробкой, подобрался к лестнице и выглянул.

Свалившийся буфет не только снес Эрика в вестибюль, но и придавил его левую ногу к полу. Но он не выпускал из рук автомат и продолжал стрелять вверх по лестнице.

Дасти вовремя убрал голову: прогремела еще одна очередь. Пули тяжело ударились в потолок, оставив пробоины в штукатурке. Большому канцелярскому шкафу не досталось ни единого выстрела.

Но сердце в груди Дасти колотилось с такой силой, словно в него летели рикошетом все пули, уродовавшие стены дома.

Когда же он еще раз осторожно выглянул вниз, то увидел, что Эрик вытащил ногу из-под буфета и пытается подняться на ноги. Неутомимый, как робот, действующий исключительно под влиянием заложенных извне инструкций, а не велений собственного разума или чувств, парень все-таки был слегка контужен.

— Эжени Рози Чейни!

Даже не прихрамывая, лишь негромко ругаясь, Эрик вновь направился к лестнице. Канцелярский шкаф не был и вполовину таким массивным, как буфет. И, если его сбросить, Эрик мог увернуться от него, даже не прерывая стрельбы.

— Эд Мэйвол!

— Я слушаю.

Эрик замер, не успев шагнуть на первую ступеньку. Жажда убийства разом растаяла на его лице, сменившись не тем тупым выражением мрачной решительности, с которым он подходил к дому, а остекленевшим вопросительным взглядом, отличавшим активированных.

Так, имя известно — Эд Мэйвол, — и это хорошо, но Дасти не знал нужного хокку. По словам Неда Мазервелла, сборниками хокку было заполнено несколько полок в книжном магазине, так что даже если бы те книги, которые Нед купил для него, оказались рядом, все равно в них могло не оказаться нужных строчек.

Внизу, у подножия лестницы, Эрик дернулся, мигнул несколько раз и вспомнил о своей программе.

— Эд Мэйвол, — опять сказал Дасти, и опять Эрик застыл и ответил:

— Я слушаю.

Это было не просто, но выполнимо. Раз за разом повторять волшебное имя, держать Эрика в состоянии активации, спуститься к нему по лестнице, вырвать оружие из рук, дать по голове рукояткой оружия, только не слишком сильно, так, чтобы он не умер, а потерял сознание, а затем связать тем, что попадется под руку. Не исключено, что, придя в сознание, он уже не будет роботоподобным убийцей. А если и останется в том же состоянии, то можно будет оставить его связанным, скупить все многочисленные сборники японской поэзии, сварить десять галлонов крепчайшего кофе, и читать все стихи подряд до тех пор, пока они не дождутся ответа.

Когда Дасти откатил шкаф в сторону, Марти испугалась.

— Ради бога, милый, не рискуй, — воскликнула она, и одновременно глаза Эрика загорелись от стремления убивать.

— Эд Мэйвол.

— Я слушаю.

Дасти бросился вниз по лестнице. Эрик смотрел прямо на него, но, казалось, совершенно не был способен не то что осознать, но даже ощутить происходящее. Пробежав треть пути, Дасти, на всякий случай, крикнул:

— Эд Мэйвол, — и Эрик Джэггер ответил:

— Я слушаю.

Когда осталась треть ступенек, Дасти еще раз сказал:

— Эд Мэйвол.

И уже в тот самый момент, когда он добрался до Эрика, тот ответил своим сочным голосом:

— Я слушаю.

Глядя прямо в дуло автомата, которое казалось сейчас широким, как железнодорожный туннель, Дасти ухватился одной рукой за ствол, отвернул его в сторону, выкрутил оружие из слабых рук Эрика и одновременно изо всей силы толкнул оцепенелого человека, сбив его на пол. Правда, при этом он сам споткнулся, тоже упал и покатился по усыпавшим вестибюль разбитым стеклам и щепкам, отколотым пулями от дверей и буфета. Автомат он прижимал к себе и больше всего боялся случайно нажать на спуск. Он оказался под стоявшим у стены

вестибюля полукруглым столом, сильно ударился лбом о перекладину, соединявшую его три ножки, но не выстрелил себе ни в бедро, ни в пах, ни куда-нибудь еще.

Выбравшись из-под стола, Дасти увидел, что Эрик уже успел подняться с пола. Парень выглядел растерянным, но при этом разъяренным. Он опять вошел в состояние запрограммированного убийцы.

Марти торопливо спускалась по лестнице.

— Эд Мэйвол, — сказала она даже прежде, чем Дасти успел выговорить это имя, и внезапно ему показалось, что они играют в худшую из компьютерных игр, которую Марти когда-либо выдумывала: «Маляр против Советника по инвестициям»; один вооружен автоматическим оружием, а другой — мебелью и волшебными именами.

Такая мысль в этот момент могла бы показаться забавной, если бы он не посмотрел мимо Марти на верх лестницы, где с заряженным и полностью взведенным арбалетом стоял Младший.

— Нет! — крикнул Дасти.

Шсссссссс.

Арбалетный болт гораздо короче и толще обычной стрелы и летит намного быстрее, так что его гораздо труднее заметить в полете, чем стрелу из простого лука. И в груди Эрика Джэггера волшебным образом возник, словно выскочил *из* сердца, как кролик из шляпы, двухдюймовый конец смертоносного прута, выглядывающий из маленькой кровавой гвоздики.

Эрик опустился на колени, кровожадный блеск в его глазах померк, он посмотрел вокруг и с изумлением увидел незнакомый вестибюль. Потом он с таким же изумлением воззрился на Дасти, упал вперед и умер.

Дасти бросился наверх. Когда Марти попыталась остановить его, он отшвырнул ее в сторону и помчался дальше, перепрыгивая через две ступеньки сразу. Во лбу у него, там, где он стукнулся о перекладину, пульсировала боль, перед глазами все расплывалось, но не от ушиба, а потому, что все его тело было переполнено теми выделяемыми мозгом химикалиями, которые вызывают и поддерживают гнев. Его сердце перекачивало сейчас вместо крови одну только ярость, а ангельского вида подросток виделся ему сейчас в темно-красном цвете, словно глаза Дасти застилали кровавые слезы.

Младший попытался отбить нападение, заслоняясь своим оружием, как щитом. Дасти схватил ложу арбалета за середину, больно прищемив кожу на ладони воротком, вырвал арбалет из рук мальчишки и швырнул на пол. Схватив мальчишку за грудки, он толкнул его к стене, где прежде стоял буфет, и встряхнул с такой силой, что голова Младшего ударилась о стену с тем отчетливым чмоканьем, с которым теннисный мяч отскакивает от ракетки.

— Ты, мерзкий, гнилой, маленький подонок!

— У него была пушка!

— Я уже отобрал ее у него, — заорал Дасти, брызгая на мальчишку слюной, но тот продолжал настаивать:

— Я не видел!

Они повторяли эти бесполезные слова дважды и трижды, пока Дасти не выкрикнул с яростью:

— Ты видел! Ты знал! И все равно сделал это!

Его слова гулко отдались в пустом зале.

Тут появилась Клодетта. Она втиснулась между ними, загородив собой Младшего и повернувшись лицом к Дасти. Ее взгляд был тяжелее, чем когда-либо, глаза сделались свинцово-серыми, но все равно метали искры. Впервые за всю ее жизнь ее лицо не поражало красотой, ее сменила отвратительная свирепость.

— Оставь его! Оставь! Отойди от него!

— Он убил Эрика.

— *Он спас нас!* Мы все погибли бы, но он *спас* нас! — Клодетта пронзительно вопила, как ни разу в жизни, ее губы были бледными, а кожа серой, как будто это была какая-то

ожившая каменная богиня, фурия, способная своей неукротимой волей изменить эту горькую действительность как ей хочется, что под силу лишь богам и богиням. — У него хватило мужества и ума, чтобы *спасти* нас!

Появился и Лэмптон и сразу начал извергать мощные потоки успокоительных речей, лавины банальностей, источать термины профессионального жаргона психологов, которые якобы помогали избыть состояние агрессивности настолько же эффективно, насколько нефтяное пятно, образовавшееся на месте разбитого вдребезги супертанкера, смиряет бушующее море. Он говорил, и говорил, и говорил, а его жена в то же самое время что-то скрипуче выкрикивала в защиту Младшего. Они оба болтали одновременно, и их слова были похожи на малярные валики, вразнобой закрашивающие разными цветами старые пятна.

При этом Лэмптон пытался забрать автомат, который Дасти все еще держал в правой руке, совершенно не замечая этого. Тот сначала не мог понять, чего от него хотят, но, чуть придя в себя, сразу же выпустил оружие, и оно брякнулось на пол.

— Лучше вызвать полицию, — сказал Лэмптон, словно не догадывался, что соседи уже давно сделали это, и поспешно удалился.

Осторожно подошел Скит. Он старался держаться подальше от матери, но тем не менее не решался и подойти к Дасти во время этого противостояния. Пустяк стоял в глубине зала и смотрел на происходящее так, словно наконец вступил в контакт с инопланетянами, о котором так давно мечтал.

Никто из них не сбежал из дома, как Дасти просил их поступить, или же они возвратились, добравшись до крыши черного хода. По крайней мере, Лэмптон и Клодетта должны были знать, что Младший заряжает свой арбалет, намереваясь принять участие в битве, и, очевидно, ни один из них не попробовал остановить его. Или, возможно, побоялись пробовать. Любые родители, обладающие крупицей здравого смысла или подлинной любовью к своему ребенку, в такой ситуации отобрали бы у него арбалет и уволокли его из дома. А может быть, мысль о мальчике с примитивным оружием, побеждающем взрослого человека, вооруженного современным пистолетом-пулеметом, — извращенное представление о концепции благородного дикаря, некогда сочиненной Руссо, которая приводит в восторженный трепет столько сердец представителей академического и литературного сообщества, — оказалась слишком восхитительной для того, чтобы ей воспротивиться. Дасти больше не мог притворяться, что понимает странные умственные процессы этих людей.

— Он убил человека, — напомнил Дасти матери, потому что для него никакое количество крикливых аргументов не могло изменить эту единственную правду.

— Сумасшедшего, маньяка, ненормального с пулеметом! — возразила Клодетта.

— Я отобрал у него оружие.

— Это ты так говоришь!

— Но так оно и есть. Я мог справиться с ним.

— Ты не можешь справиться ни с чем. Ты бросил школу, ты не умеешь жить и красишь дома, чтобы заработать себе на пропитание!

— Если говорить о справедливости, — сказал Дасти, зная, что говорить этого не следует, но не в силах удержаться, — мне следует быть на обложке «Тайм», а Дереку — в тюрьме и расплачиваться за загубленные жизни всех пациентов, которых он нае…л.

— Ты неблагодарный ублюдок.

— Не начинайте этого. Не начинайте. Если вы сейчас начнете, то это никогда не кончится, — взмолился Скит. Он казался совершенно убитым происходящим и чуть не плакал.

Дасти признался себе, что Скит совершенно прав. За все те годы, прожитые с опущенной головой, годы, когда он боролся за то, чтобы выжить, но должен был выказывать почтительность и быть сдержанным, накопилось столько проглоченных обид, столько походя брошенных и сразу же забытых одной стороной оскорблений, что сейчас искушение отомстить за все это одной жуткой вспышкой было необыкновенно сильным. И все равно он

хотел избежать этого ужасного момента, но они с матерью сейчас, казалось, сидели в одной бочке посреди ревущей Ниагары, и им не оставалось иного пути, кроме как вниз по водопаду.

— Я знаю, что я видела, — настаивала Клодетта. — И ты не сможешь изменить мое мнение об этом, ни вы все, ни ты, *Дасти* .

Он не мог спустить ей этого с рук и остаться при этом самим собой.

— Тебя не было*здесь* . А оттуда, где ты была, ты не могла ничего видеть.

Марти подошла к мужу, взяла его за руку и сильно пожала.

— Клодетта, то, что здесь происходило, видели только два человека. Я и Дасти.

— Я видела, — гневно заявила Клодетта. — Никто не может говорить мне, что я видела или не видела. За кого вы меня принимаете? Я не трясущаяся выжившая из ума старая сука, которой можно приказывать, что думать и что видеть!

Младший, все так же прятавшийся за спиной матери, улыбнулся. Он встретился взглядом с Дасти и, полностью лишенный стыда, не отвел глаз.

— Что с тобой? — перешла в наступление Клодетта. — Что с тобой случилось, что ты хочешь исковеркать жизнь своего брата из-за какой-то чепухи?

— Убийство, по-твоему, чепуха?

Клодетта ударила Дасти по лицу, ударила со всей силы, схватила его за грудки, попробовала толкнуть, а потом принялась трясти. С каждым рывком из нее по одному выскакивали слова:

— Ты. Не. Сделаешь. Мне. Такой. Ужасной. Гадости.

— Я не хочу сломать ему жизнь, мама. Этого я хочу меньше всего на свете. Ему необходима помощь. Неужели ты не видишь этого? Ему необходима помощь, и будет лучше, если кто-нибудь ее все-таки окажет.

— Не суди его, *Дасти* . — В том, как она произнесла его имя, чувствовалось неимоверное количество яда и горечи. — Ты же знаешь, что один курс колледжа не сделал тебя знатоком психологии. Он вообще не сделал из тебя ничего, кроме как неудачника.

— Мама, прошу тебя… — начал было Скит. Он уже плакал по-настоящему.

— Заткнись, — прикрикнула Клодетта, обернувшись к среднему сыну, — сейчас же заткнись, Холден. Ты не видел ничего, и не пытайся делать вид, будто что-то видел. Все равно такому ничтожеству, как ты, никто не поверит.

Пока Марти отводила Скита в сторону, подальше от драки, Дасти глядел через плечо Клодетты на Младшего, а тот смотрел на Скита и ухмылялся.

Дасти почти наяву услышал щелчок выключателя в своем мозгу, и его мысли внезапно встали на места, не оставив темных пятен в картине. Японцы называют это состояние *сатори* , момент внезапного озарения: странное слово, из тех, что было усвоено за год посещения колледжа.

Сатори . Существовал Младший, наделенный таким же прекрасным лицом и физическим совершенством, как и его мать. И с блестящими способностями. Нельзя отрицать, что способности у него блестящие. В ее возрасте она больше не могла иметь детей; он был последним и единственным, от кого можно было ожидать, что он оправдает ее надежды. У нее остался последний шанс стать не просто женщиной, преданной идеям, быть не просто женой творца идей, но оказаться матерью творца идей. Действительно, она видела мысленно (хотя этого не могло быть в действительности) последний шанс для себя оказаться навсегда связанной с идеями, которые могли изменять мир, потому что ее первых три мужа, как выяснилось, были людьми, чьи великие идеи оказались дутыми и не выдерживали даже булавочного укола. Даже Дерек, несмотря на успех, сопутствующий его жизни, был пестрым колибри, а не орлом, и Клодетта знала это. Дасти был, по ее мнению, слишком упрям, для того чтобы воплотить в жизнь свой потенциал, а Скит слишком слаб. А Доминик, ее первый ребенок, была давно и благополучно мертва. Дасти не знал свою сводную сестру, видел лишь одну ее фотографию, возможно, единственную: симпатичное, маленькое, нежное личико. Младший был единственной надеждой, оставшейся у Клодетты, и она была глубоко убеждена в том, что его сердце и разум столь же прекрасны, как и его лицо.

Еще пока она запугивала Скита, Дасти, как бы со стороны, услышал свой вопрос:

— Мама, отчего умерла Доминик?

В сложившейся ситуации вопрос был опасным, и он заставил Клодетту умолкнуть, хотя казалось, что это можно сделать только выстрелом в упор.

Он посмотрел ей в глаза и не превратился в камень, как она, вероятно, ожидала. Стыд — а не его отсутствие — не позволил ему отвести взгляд. Стыд за то, что он знал правду, сначала интуитивно, а потом подкрепив интуицию логическими умозаключениями, знал правду с самого детства, и отворачивался от нее, и молчал о ней. Стыд за то, что он разрешил ей и самодовольному папаше Скита, а потом и Дереку Лэмптону на протяжении долгих лет подавлять личность Скита, хотя, зная правду о Доминик, мог разоружить их и обеспечить Скиту лучшую жизнь.

— Ты, наверно, была убита горем, — сказал Дасти, — когда твой первый ребенок родился с синдромом Дауна. Такие высокие надежды, и такая печальная действительность…

— Что ты делаешь? — Ее голос теперь звучал тише, но был еще больше исполнен гневом.

Широкий коридор, казалось, становился уже, и потолок начал медленно снижаться, как будто все происходило в одной из тех губительных ловушек из наивных старых приключенческих кинофильмов, и можно было подумать, что всем им грозит смертельная опасность быть раздавленными заживо.

— А потом еще одна трагедия. Младенец внезапно умирает в колыбели. Как трудно выносить это… шепот, медицинское расследование, ожидание окончательного заключения о причинах смерти…

Марти медленно выдохнула воздух. Она понимала, к чему идет дело, и сказала:

— Дасти, — что означало: «Может быть, не стоит этого делать?»

Но он ни разу еще не говорил этого в то время, когда это могло помочь Скиту, и теперь был обязан сделать все, что мог, чтобы заставить их приняться за лечение Младшего, пока для этого еще оставалось время.

— Мама, одно из моих самых ясных детских воспоминаний — это день — мне было тогда пять лет, приближалось к шести… — недели через две после того, как Скита привезли домой из больницы. Ты родился недоношенным, Скит. Ты знаешь об этом?

— Я догадывался, — ответил Скит дрожащим голосом.

— Думали, что ты не выживешь, но ты все же выжил. А когда тебя принесли домой, то считали, что у тебя может быть травма мозга, которая рано или поздно проявится. Но ничего подобного, конечно, не было.

— А моя необучаемость? — напомнил Скит.

— Не исключено, — согласился Дасти. — Если она вообще была.

Клодетта смотрела на Дасти, как на змею. Ей хотелось растоптать его прежде, чем он свернется в кольца и нанесет удар, но она боялась возражать ему, чтобы не вынудить таким образом сделать тот шаг, которого она больше всего боялась.

— Мне было тогда пять лет, ближе к шести, — повторил он. — Ты была в странном настроении, мама. Это было такое странное настроение, что даже маленький мальчик не мог не понять, что должно произойти что-то ужасное. Ты достала фотографию Доминик.

Клодетта подняла сжатую в кулак руку, будто хотела еще раз ударить его, но рука застыла в воздухе.

В некоторых отношениях это было самое трудное дело из всех, которыми Дасти когда-либо приходилось заниматься, но, с другой стороны, оно было настолько легким, что ему самому стало страшно. Легким оно было в том же смысле, что и прыжок с крыши, когда точно знаешь, что он не повлечет за собой никаких тяжелых последствий. Но здесь последствий нельзя было избежать.

— Тогда я в первый раз увидел эту фотографию и вообще узнал, что у меня была сестра. Ты весь день носила ее с собой и то и дело принималась рассматривать. А уже под вечер я нашел эту фотографию на полу возле детской.

Клодетта опустила кулак и отвернулась от Дасти.

И опять он, будто со стороны, увидел, как его рука, словно она принадлежала другому, более смелому человеку, взяла мать за руку и развернула лицом к себе.

Младший шагнул вперед с таким видом, будто собирался защищать мать.

— Лучше подбери свой арбалет и заряди его, — предупредил Дасти, — по-другому ты меня не остановишь.

Младший отступил, хотя ярость в его глазах пылала даже ярче, чем тяжелый гнев — в глазах матери.

— Когда я вошел в детскую, — продолжал Дасти, — ты не услышала меня. Скит лежал в кроватке. Ты стояла над ним с подушкой в руках. Так ты стояла очень долго. А потом опустила подушку ему на лицо. Медленно опустила. И в этот момент я что-то сказал. Не помню что. Но ты узнала, что я находился там, и ты… остановилась. Тогда я не понимал, что чуть не произошло. Но потом… спустя годы, я понял, но не пожелал посмотреть правде в глаза.

— О боже… — сказал Скит. Голос у него был слабый, как у ребенка. — Добрый, ласковый Иисус…

Хотя Дасти глубоко верил в мощь правды, но все же не мог знать наверняка, поможет Скиту его сегодняшний рассказ или больше повредит. И был настолько встревожен мыслью о возможном несчастье, что его затошнило; он мельком подумал, что если его вырвет сейчас, то вырвет кровью.

Зубы Клодетты были стиснуты с такой силой, что челюстные мышцы непроизвольно подергивались.

— Несколько минут назад, мама, я спросил, является ли для тебя убийство чепухой, и ты отреагировала мгновенно, без малейшей паузы. А это странно, потому что мысль серьезная. И, если существуют проблемы, стоящие обсуждения, то эта — одна из основных.

— Ты закончил?

— Не совсем. После того, как я все эти годы таскал в себе это дерьмо, я заработал право договорить до конца. Я знаю все твои отвратительные стороны, мама, все. Я страдал из-за них, все мы страдали и готовы еще…

Клодетта впилась ногтями в его руку и, оставляя две тонкие кровавые полоски на его коже, высвободила свою.

— А не было бы хуже, если бы Доминик не родилась с болезнью Дауна, не умерла младенцем и прожила бы всю жизнь до этих самых пор? Не было бы это бесконечно хуже?

Она говорила все громче, меж тем как смысл ее речей становился все темнее, и Дасти понятия не имел, что же она хочет сказать.

Младший прижался к боку матери. Они стояли, взявшись за руки, черпая друг от друга какую-то странную силу.

Клодетта указала на мертвеца, растянувшегося на полу первого этажа. Этот жест, казалось, не мог иметь никакой связи с ее предыдущими словами.

— По крайней мере, «даун» — это бросающееся в глаза состояние. А что, если бы она казалась нормальной, а потом, когда вырастет… что, если она стала бы такой, как ее отец?

Отец Доминик, первый муж Клодетты, был более чем на двадцать лет старше жены. Психолог по имени Лайф Рейсслер, холодная рыба с бледными глазами и усами, которые казались нарисованными карандашом, к счастью, не сыграл никакой роли в жизни Скита и Дасти. Холодная рыба, да, но не монстр, как можно было заключить из слов Клодетты.

И прежде чем Дасти смог выразить свое недоумение, Клодетта заговорила снова. Несмотря на то что минувшие три дня, полные непрерывных потрясений, как казалось ему, должны были навсегда закалить его от любых неожиданностей, она нокаутировала его всего лишь несколькими словами:

— А что, если бы она оказалась точно такой же, как Марк Ариман?

Дальнейших пояснений не требовалось.

— Ты говорил, что он поджигает дома, стреляет в людей, что он антиобщественный

тип, и этот ненормальный, лежащий там, внизу, каким-то образом с ним связан. Так ты хотел бы иметь его ребенка своей сводной сестрой?

Она поднесла руку Младшего к лицу и поцеловала ее, как бы желая сказать, что счастлива тем, что ей удалось избавить его от проблемы этой неудобной сестры.

Когда Дасти утверждал, что знает ее тайны, все худшее в ее жизни, она ожидала даже большего, чем предположения о том, что внезапная смерть младенца по имени Доминик на самом деле была безжалостным удушением.

Сейчас, глядя на реакцию старшего сына и его жены, Клодетта поняла, что сделать это открытие самостоятельно оказалось ему не под силу. Но вместо того чтобы умолчать о подробностях, она принялась объяснять:

— Лайф был бесплоден. У нас с ним не могло быть детей. Мне был двадцать один год, а Лайфу сорок четыре, и он мог стать великолепным отцом, с его огромными знаниями, его потрясающими озарениями, его теорией эмоционального развития. Лайф обладал блестящей философией детского воспитания.

Да, все они имели свои блестящие философии детского воспитания, потрясающие озарения и непреходящий интерес к социальной инженерии. Лечить, чтобы учить, и тому подобное.

— Когда я познакомилась с Марком Ариманом, ему было всего лишь семнадцать лет, но он поступил в колледж, когда ему было тринадцать с небольшим, и к моменту нашей встречи уже находился в докторантуре. Он был одареннейшим из одареннейших, и весь университет благоговел перед ним. Гений, почти сверхъестественный гений. Он ничуть не подходил на роль хорошего отца. Он был самовлюбленным воображалой-щенком из Голливуда. Но *гены* …

— Он знал, что ребенок от него?

— Конечно. А почему бы и нет? Ни он, ни я не были косными людишками.

Гул в голове Дасти, который являлся непременным музыкальным фоном для каждого его посещения этого дома, перешел в более зловещий тон, нежели обычно.

— А когда Доминик родилась с болезнью Дауна… мама, как ты восприняла это?

Она взглянула на кровавые следы на его руке, оставленные ее ногтями, а потом, взглянув ему прямо в глаза, ответила лишь одной фразой:

— Ты знаешь, как я восприняла это.

И она снова поднесла руку Младшего к лицу и поцеловала один за другим суставы его пальцев. На сей раз это выглядело так, будто она говорила, что все ее проблемы с дефективными детьми стоило перенести ради того, чтобы теперь у нее был он.

— Я имел в виду не то, как ты обошлась с Доминик, а как ты поступила с информацией о ее состоянии? Насколько я тебя знаю, у Аримана должны были уши завянуть. Готов держать пари, что в тех оскорблениях, которыми ты его осыпала, «самовлюбленный щенок из Голливуда» было, пожалуй, самым мягким из эпитетов.

— В моей семье никогда не было ничего подобного *этому* , — сказала она, подтвердив тем самым, что Ариману тогда пришлось выдержать всю тяжесть ее гнева.

Марти не могла больше сдерживаться:

— Так, значит, тридцать два года назад вы оскорбили его, вы убили его ребенка…

— Он обрадовался, когда услышал, что она мертва.

— Теперь, когда я его знаю достаточно хорошо, я уверена, что так оно и было. Но все равно, тогда вы оскорбили его. А потом, много лет спустя, человек, который дал вам Младшего, этого золотого мальчика…

Младший по-настоящему улыбнулся, как будто Марти собиралась обнять его.

— …человек, который дал вам этого мальчика, которого Ариман оказался не в состоянии зачать, ваш *муж* ищет любую возможность, чтобы задеть Аримана, высмеять его, вытирает о него ноги на каждом публичном мероприятии, куда ему доведется попасть, и даже непрерывно подкусывает его всеми этими мелкими пакостями, вроде Amazon.com. И вы не прекратили этого?

В ответ на обвинение, выдвинутое Марти, глаза Клодетты снова зажглись гневом.

— Я *поддерживала* эти действия. А почему бы и нет. Марк Ариман не может сделать книгу лучше, чем сделать ребенка. Почему он должен иметь больший успех, чем Дерек? Почему он должен иметь хоть что-нибудь вообще?

— Вы дура. — Очевидно, Марти выбрала это оскорбительное выражение, так как знала, что оно уязвит Клодетту сильнее любого другого. — Вы высокомерная бестолковая дура.

Скит, встревоженный прямотой Марти, боясь за нее, попытался оттеснить ее себе за спину. Но та схватила его за руку и крепко ее стиснула, почти так же, как Клодетта — руку Младшего. Но в отличие от Клодетты она не пыталась найти в нем опору, а наоборот, делилась своими силами.

— Не волнуйся, Малыш. — И, развивая атаку, она вновь обратилась к Клодетте: — Вы не имеете ни малейшего понятия о том, на что способен Ариман. Вы ни черта не знаете о нем — о его злобе, его безжалостности…

— Я все это знаю…

— Так какого дьявола вы все это натворили? Вы открыли для него дверь и позволили ему влезть в жизни всех нас, а не только в вашу собственную. Он и не посмотрел бы на меня, если бы я не была связана с вами. Если бы не вы, ничего этого со мной не случилось бы, и мне не пришлось бы… — она испуганно посмотрела на Дасти, который и без того сразу понял, что она имеет в виду двоих мужчин, лежавших в заброшенном колодце в глубине пустыни Нью-Мексико, — не пришлось бы сделать того, что я была вынуждена сделать.

Клодетту нельзя было заставить смириться ни резкостью тона, ни какими-либо фактами.

— У тебя это звучит так, будто события касаются только тебя одной. Как говорится, говно всегда всплывает. Я уверена, что в тех кругах, в которых ты выросла, тебе доводилось слышать это выражение. Говно всегда всплывает, *Марти* . Это происходит со всеми нами. Может быть, ты не заметила, что именно мой дом весь изрешетили пулями.

— Вам придется привыкнуть к этому, — не собиралась сдаваться Марти, — потому что Ариман на этом не остановится. Он еще раз, и еще раз, и еще десять раз подошлет кого-то. Это могут быть совершенно незнакомые люди и люди, которых мы знали и которым доверяли всю жизнь, которых никогда и в голову не придет заподозрить, и не успокоится, пока мы все не погибнем.

— Во всем, что ты здесь несешь, нет ни крошки здравого смысла, — вскипела Клодетта.

— Хватит! Заткнитесь! Все заткнитесь! — вдруг заорал Дерек-старший. Он стоял внизу, в вестибюле, рядом с телом Эрика. — Видимо, никого из соседей не было дома, и никто не позвонил в полицию раньше меня. Пока они не оказались здесь, я *скажу* вам, как все должно быть. Это мой дом, и я буду указывать, как себя вести. Я вытер оружие. Я вложил его ему в руку. Дасти, Марти, если вы хотите выступить против нас, то поступайте, как хотите, но в таком случае между нами начнется война, и я постараюсь очернить вас обоих всеми доступными мне средствами. Вы сказали, что у вас сгорел дом? А я скажу, что вы играете в азартные игры, залезли в долги и сами сожгли дом для того, чтобы получить страховку.

Потрясенный этой угрозой, словно взятой со страниц бульварного романа, Дасти все же не был удивлен.

— Дерек, ради бога, но чем все это может хоть кому-то помочь теперь?

— Замутит воду, — деловито пояснил Лэмптон. — Собьет с толку полицейских. Ведь этот парень был мужем вашей подруги, Марти? Так я расскажу полицейским, что он приехал сюда, чтобы убить Дасти, потому что Дасти ухлестывал за Сьюзен.

— Вы безмозглый ублюдок, — возмутилась Марти, — Сьюзен мертва. Она…

Клодетта решила присоединиться к заговору.

— А потом я скажу, что Эрик, прежде чем начать пальбу, признался в том, что убил Сьюзен, а ее он убил за то, что она спуталась с Дасти. Я предупреждаю вас обоих, мы будем

изо всех сил мутить воду, чтобы нельзя было даже *разглядеть* моего мальчика, уже не говоря о том, чтобы обвинить его в убийстве за то, что он сделал, спасая всех нас.

Дасти не мог припомнить, что произошло: то ли он прошел сквозь зеркало, то ли его подхватил магический вихрь, посланный злым волшебником, но он находился здесь, в перевернутом мире, где все стояло вверх тормашками, где ложь почиталась за истину, а правда была ненужной и неприятной вещью.

— Иди сюда, Клодетта, — приказал Лэмптон, все так же стоя внизу. — И ты тоже, Дерек. В кухню, живо. Нам нужно поговорить, пока не приехала полиция. В наших показаниях не должно быть противоречий.

Проходя мимо Дасти, подросток высокомерно ухмыльнулся ему и, все так же держа мать за руку — он чуть ли не волочил ее за собой, — начал спускаться с лестницы.

Дасти отвернулся от них и прошел через зал к Пустяку, который на протяжении всей бури неподвижно стоял у стены.

— Ничего себе! — сказал Пустяк.

— Теперь ты лучше понимаешь Скита?

— О да.

— Где Валет? — спросил Дасти, потому что собака была связью, соединяющей его с реальностью, его личным талисманом, напоминавшим о настоящем мире, где не существовало злобных ведьм.

— Кровать, — сообщил Пустяк, указав на раскрытую дверь хозяйской спальни.

Кровать в стиле «шератон» была довольно высокой, и Валет сумел втиснуться под нее. Его выдавал один лишь хвост, торчавший из-под покрывала.

Дасти обошел вокруг кровати, сел на пол, нагнулся, приподнял покрывало и спросил:

— Там найдется местечко для меня?

Валет заскулил, словно просил хозяина скорее залезть под кровать и утешить его.

— Все равно они рано или поздно нашли бы тебя там, — заверил пса Дасти. — Вылезай оттуда, дружок. Иди сюда, я почешу тебе животик.

После долгих уговоров Валет выполз на открытое место. Однако он был настолько перепуган, что не решался подставить живот даже своему хозяину, которого безмерно обожал.

Марти присоединилась к Дасти и тоже уселась на пол. Валет, все еще прижимавший уши, лежал между ними.

— Знаешь, я, похоже, пересмотрю свои мысли насчет семьи. Может быть, будет лучше, если все останется, как есть: ты и Валет?

Пес, кажется, был согласен с нею.

— Когда мы ехали сюда, — сказала Марти, — я и подумать не могла, что может быть еще хуже, чем было, а теперь посмотри, во что мы вляпались! Сидим по шею в дерьме и продолжаем тонуть. Ты знаешь, я вся какая-то окоченевшая. Знаю, что случилось с Эриком, но совершенно не чувствую этого.

— Да. А я полностью окоченел.

— Что ты собираешься делать?

Дасти потряс головой.

— Я не знаю. Да и что толку? Полагаю, мальчишка окажется героем, так ведь? И неважно, что я скажу. Или ты. Это ясно как день. Правду не удастся сыграть настолько убедительно, чтобы в нее поверили.

— И как насчет Аримана?

— Марти, я боюсь.

— Я тоже.

— Кто нам поверит? Было бы достаточно трудно заставить кого-нибудь выслушать нас до… этого. Ну, а теперь, когда Гад и Клодетт станут сочинять о нас дикие истории только ради того, чтобы замутить воду… если мы начнем рассказывать о промывании мозгов, о запрограммированном самоубийстве, запрограммированных убийцах… это лишь сделает их

ложь о нас более правдоподобной.

— А если кто-то устроил пожар в нашем доме — Ариман или тот, кого он послал, то это будет очевидный поджог. А ведь у нас нет алиби.

— Но ведь мы же были в Нью-Мексико, — удивленно заморгал Дасти.

— Ну и что мы там делали?

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, — и сразу же закрыл.

— Если мы упомянем Нью-Мексико, то не сможем умолчать об Аримане. Да, конечно, у нас были основания для поездки туда в связи с его делами — все то, что когда-то случилось с живущими там людьми. Но ведь мы не сможем затронуть эту тему без риска… Захария и Кевин…

Несколько секунд они молча гладили собаку. Наконец Дасти заговорил:

— Я могу убить его. Помнишь, вчера вечером ты спросила меня, могу ли это сделать, и я ответил, что не знаю. А теперь знаю.

— Я тоже могу это сделать, — отозвалась она.

— Убить его, и тогда все прекратится.

— Если только за нас не возьмется институт.

— Ты слышала, что сегодня утром говорил Ариман у себя в кабинете? Это не относится к институту. Это была его личная затея. А теперь мы хорошо знаем, *насколько* личная.

— Ты убьешь его, — сказала она, — и проведешь остаток жизни в тюрьме.

— Возможно.

— Наверняка. Потому что ни один судья не станет слушать такую бессмыслицу: я, дескать, убил его, потому что он был злодеем, занимавшимся промыванием мозгов.

— В таком случае меня на десять лет упрячут в сумасшедший дом. Это все же будет получше.

— Не будет, если они не посадят нас обоих в одну палату.

Валет поднял голову и посмотрел на них, будто хотел сказать: «Троих».

В зале послышался топот бегущих ног. В комнату влетел Пустяк Ньютон. Очки на его лице сидели косо, а лицо было еще краснее, чем обычно.

— Скит.

— Что с ним случилось? — спросила Марти, гибким движением вскакивая на ноги.

— Удрал.

— Куда?

— К Ариману.

— Что?

— Оружие.

Дасти тоже оказался на ногах.

— Черт побери, Пустяк, хватит этого телеграфного стиля. Расскажи нормально!

Пустяк кивнул. Ему явно пришлось сделать над собой усилие.

— Взял оружие у мертвеца. И один из полных магазинов. Сел в «Лексус». Сказал, что никто из вас не будет в безопасности, пока он этого не сделает.

— Может быть, сказать полицейским, чтобы его остановили? — обратилась Марти к мужу.

— Сказать, что он с автоматом отправился, чтобы застрелить респектабельного гражданина? В краденом автомобиле? Да это все равно что своими руками застрелить его.

— Тогда мы должны попасть туда раньше, чем он, — сказала Марти. — Пустяк, присмотри за Валетом. Тут есть люди, которые могут убить его просто для забавы.

— Сам боюсь, — ответил Пустяк.

— Остальные знают, куда он поехал?

— Нет. Они вообще не знают об этом.

— Скажешь им, что он сегодня с утра наглотался пилюль и сейчас его разобрало. Что он взял автомат и сказал, что он поедет в Санта-Барбару разобраться там с какими-то людьми, подсунувшими ему некачественные наркотики.

— Не похоже на Скита. Слишком решительно.

— Лэмптону это понравится. Поможет замутить воду.

— А как же я буду лгать полицейским?

— Не говори полицейским ни слова. Ты здесь будешь ни при чем. Скажи только Лэмптону, а уж *он* сделает все остальное. И еще скажи ему, что мы поехали ловить его. Туда же, в Санта-Барбару.

Дасти и Марти спустились в вестибюль, перешагнули через преграждавшее дорогу тело и перебрались через опрокинутый буфет. Проходя через разбитую дверь, Дасти слышал, как Лэмптон и Клодетта что-то кричали им вслед, а издалека уже доносились вопли полицейских сирен.

Они успели выехать с подъездной дорожки, свернуть по шоссе на юг и отъехать больше мили, прежде чем увидели первый черно-белый автомобиль, несущийся на север, к дому Лэмптона.

По шею в дерьме и продолжаем тонуть.

ГЛАВА 75

В своем кабинете на четырнадцатом этаже доктор работал над новой книгой. В данный момент он занимался литературной шлифовкой забавного анекдота об одной из своих страдающих фобиями пациенток. У этой была боязнь еды, она похудела со ста сорока фунтов до восьмидесяти шести. В этом состоянии она в течение нескольких дней находилась на грани физического умирания. Психиатру — Ариману — удалось подобрать ключ к ее состоянию и вылечить ее, когда времени уже почти не оставалось. Конечно, в изложении на страницах книги история этой пациентки будет не такой забавной, а скорее темной и драматической. Ему были нужны именно такие случаи, суть которых гарантировала интерес читателей медицинского журнала, а благодарные пациенты имели возможность избавить его от излишней возни по проталкиванию публикации. Тем не менее тут и там по тексту были разбросаны искрящиеся блестки юмора, а при чтении одного абзаца любой должен был расхохотаться, хлопая себя по колену.

Он не мог, как обычно, полностью сосредоточиться на работе, потому что его мысли все время отвлекались на события в Малибу. После тщательного расчета времени, которое должно было потребоваться Эрику для того, чтобы посетить камеру хранения и доехать до дома Лэмптона, он решил, что первый выстрел раздастся в промежутке от без четверти час до часа дня.

Его также слегка отвлекали и мысли о кануфобичке, звонка от которой до сих пор не было. Задержка его не беспокоила. Она должна была вскоре позвонить. Немногие люди были более надежны, чем одержимые навязчивыми идеями и фобиями.

«Беретта» лежала на письменном столе справа от него.

Он ни в коем случае не ожидал, что кануфобичка спустится с крыши на веревке и, выбив стекло, ворвется внутрь с автоматом и связкой гранат в руках, но и недооценивать ее тоже не собирался. Самые неприятные женщины, с которыми ему приходилось сталкиваться на протяжении многих лет, как правило, одевались в элегантные, хотя и консервативные вязаные костюмы от Сент-Джона и обувь от Феррагамо. Многие из них были давними супругами руководителей студий и политических воротил; они выглядели типичными браминами, чьи родословные уходят своими корнями глубоко под Плимут-Рок[1]. Это были утонченные и аристократичные дамы, но они были вполне в состоянии съесть на завтрак ваше сердце и почки под муссом и запить все это стаканом коллекционного «Мерло».

---

1 Брамины — так в США, особенно в Новой Англии, называют представителей старинных фамилий, играющих заметную роль в общественной, экономической и политической жизни страны. Плимут-Рок — скалистый мыс в Плимуте, штат Массачусетс, на который в 1620 г. высадились с «Мэйфлауэра» пилигримы — первая группа английских пуритан-колонистов.

Доктор решил съесть ленч у себя в кабинете и сделал заказ в гастрономическом магазине, где верили, что люди имеют право употреблять в пищу майонез, сливочное масло и животный жир во всех формах. Пока он ел, синий мешок, перекосившись набок и свесив перевязанную шею, стоял совсем рядом с его тарелкой. Но Ариману знание о содержимом этого пакета нисколько не портило аппетита, ведь оно было веселым напоминанием о том состоянии, в котором полиция вскоре найдет останки Дерека Лэмптона.

В четверть второго ленч закончился, и доктор убрал со стола пластиковые тарелки и обертки, в которых была доставлена еда, но не стал возвращаться к разработке анекдота об анорексии. Теперь на его столе не было ничего, кроме роскошной тетради для записей с сафьяновым, украшенным инкрустацией из слоновой кости переплетом, поверх которой стоял синий мешок.

К глубокому прискорбию, он не мог лично насладиться зрелищем унижения Лэмптона. Даже если какая-нибудь из самых желтых газетенок хорошо справится с делом, он, скорее всего, не увидит этого радующего душу зрелища. Ни «Нью-Йорк таймс», ни даже «ЮС тудэй» обычно не спешат отдавать в печать фотографии вскрытых черепов, забитых калом.

К счастью, доктор обладал развитым воображением. Имея перед собой в качестве источника вдохновения синий мешок, он без всяких затруднений рисовал в своем мозгу яркие захватывающие картины.

Когда часы показали половину второго, он решил, что Эрик Джэггер должен был уже покончить со стрельбой и приступить к процедуре краниотомии. А может быть, уже заканчивал ее. Закрыв глаза, доктор явственно услышал ритмичный звук пилы, вгрызающейся в черепную коробку. Учитывая чрезвычайную твердолобость Лэмптона, решение взять запасное полотно было мудрым. У Лэмптонов вполне могло не оказаться собаки, но доктор надеялся, что в этом случае ему на помощь придет диета Эрика, который каждое утро съедал изрядное количество хлеба грубого помола.

Больше всего он сожалел о том, что ему не удалось воплотить первоначальный план игры, согласно которому Дасти, Скит и Марти должны были запытать до смерти Клодетту и обоих Дереков. Перед последующим самоубийством Дасти, Скит и Марти написали бы пространные заявления, в которых должно было говориться о том, что Дерек-старший и его жена подвергали Дасти и Скита, когда те были детьми, ужасающим издевательствам и сексуальному насилию, при помощи рогипнола неоднократно насиловали Марти и Сьюзен Джэггер; последнюю Ариман мог бы даже включить в состав команды убийц, если бы, конечно, она не додумалась до трюка с видеокамерой. Список убитых должен был состоять из семи человек, не считая домашней прислуги и заглянувших в гости соседей, если бы таковые оказались. Такой, по мнению Аримана, была минимальная величина резни, которая могла бы привлечь внимание национальных средств информации; а поскольку Дерек имел репутацию гуру псевдопопулярной психологии, семь смертей произведут шуму не меньше, чем взрыв бомбы, погубивший две сотни человек, среди которых, к несчастью, не оказалось ни единой знаменитости.

Ладно, пусть игра оказалась сыгранной не столь изящно, как ему хотелось бы, ему все равно хватит чувства удовлетворения от самой победы. Лишенный возможности заполучить мозг Дерека Лэмптона, он, возможно, запечатает синий мешок в люситовый вакуумный контейнер в качестве символического трофея.

* * *

Хотя за те два дня, в течение которых Скит не прибегал к наркотикам, его умственные процессы стали более ясными и эффективными, он все еще не достиг степени остроты разума, необходимой для того, чтобы управлять атомной электростанцией или хотя бы мыть на ней полы. К счастью, он сознавал это и потому намеревался тщательно обдумать каждый шаг своей атаки на доктора Аримана за время поездки из Малибу в Ньюпорт-Бич.

Он пребывал в состоянии глубочайшего расстройства чувств, то и дело срывался в слезы и даже рыдания. Ехать по Пасифик-Коаст-хайвей во время дождливого сезона с глазами, полными слез, было чрезвычайно опасно, так как непредсказуемые грязевые оползни и выкатывающиеся на дорогу валуны размером с хороший грузовик требовали от водителя реакции не хуже, чем у дикого кота. В это время дня машины неслись по автостраде в сторону юга со скоростью восемьдесят миль в час, несмотря на знаки и надписи, запрещающие разгоняться быстрее шестидесяти пяти, а на такой скорости безудержные рыдания вполне могли бы повлечь за собой плачевные последствия.

После страшных ударов четырех пуль, отраженных кевларовым бронежилетом, его грудь и живот были охвачены сплошной ноющей болью, а режущие спазмы, стискивавшие желудок, были связаны не с ушибами, а с напряжением и страхом. Всякий раз, когда ему доводилось пообщаться с матерью, у него случалась мигрень, и это нисколько не зависело от того, убивали кого-нибудь из арбалета во время его визита или нет.

Однако его моральные муки были много хуже любой физической боли. Дом Дасти и Марти погиб, и от этого у него на душе было так черно, словно это его собственный дом сгорел дотла. Они были лучшие люди в мире, Марти и Дасти, лучшие. Они никак не заслуживали такой беды. Их милый домик, уничтоженный огнем, мертвая Сьюзен, мертвый Эрик, жизнь в страхе…

Но еще хуже ему становилось, когда он думал о себе как о младенце, о матери, стоявшей рядом с ним с подушкой в руках, — о его собственной матери с таким прекрасным лицом. После того как Дасти сделал разоблачение, она даже не стала отрицать, что собиралась убить его. Он знал, что как взрослый человек он был совершенным ничтожеством и ребенком был таким же ничтожеством, но теперь ему казалось, что он, наверно, и новорожденным младенцем был настолько очевидным будущим ничтожеством, что даже родная мать считала справедливым задушить его, пока он спал в своей кроватке.

Он *не желал* быть таким ничтожеством. Он намеревался совершить нужный поступок и совершить его хорошо, чтобы его брат Дасти мог гордиться им, но он всегда сбивался с пути и не замечал этого. Он также понимал, что причинял Дасти множество страданий, и от этого ему становилось еще хуже.

С болью в груди и кишках, непрестанными спазмами в желудке, мигренью, душевными терзаниями, слезами, застилавшими глаза, при необходимости гнать восемьдесят миль в час, что мешало сосредоточиться на своих мыслях, а также в ужасном волнении по поводу того, что его уже несколько лет назад лишили водительских прав, он прикатил в Ньюпорт-Бич, на стоянку автомобилей подле здания, где находился офис доктора Аримана, незадолго до трех часов дня, так и не выработав продуманной программы устранения психиатра.

— Я законченное ничтожество, — сказал он себе вслух.

У такого ничтожества, каким он был, шансы на то, чтобы добраться со стоянки до четырнадцатого этажа, попасть в кабинет Аримана и успешно прикончить ублюдка, были настолько малы, что даже не поддавались расчету. Вроде попытки взвесить волос с задницы блохи.

Его поддерживала одна уверенность. Если бы ему удалось преодолеть все трудности и застрелить психиатра, то, вероятно, его не упрятали бы в тюрьму на всю жизнь, как, без сомнения, поступили бы с Дасти или Марти, если бы это сделали они. Учитывая его насыщенную биографию, центральное место в которой занимало пребывание в наркологических лечебницах, незавидные оценки состояния психики, сопровождавшие его от самого рождения, и зарегистрированную психиатрами патологическую склонность к смирению и неприятию любого насилия, Скит, скорее всего, попал бы в психиатрическую клинику, откуда мог бы выйти лет через пятнадцать, если, конечно, выжил бы после массированной лекарственной терапии.

Из автомата торчал длинный магазин, но все же оружие можно было засунуть за пояс и прикрыть свитером. К счастью, свитер на нем был мешковатым; он был даже более мешковатым, чем нужно, потому что он купил его уже несколько лет назад, и теперь, после

того как Скит изрядно похудел, свитер был велик ему примерно на два размера.

Он вышел из «Лексуса», не забыв взять с собой ключи. Если бы он оставил их в замке зажигания, то автомобиль могли украсть, а после этого он сам оказался бы причисленным к списку угонщиков машин. Он не хотел, чтобы, когда его имя появится во всех газетах, когда его арест покажет телевидение, люди считали его одним из преступников, занимающихся кражей автомобилей. Он в жизни не украл ни единого пенни.

Небо было синим. День был ясным. Ветра не было вовсе, и Скит радовался этому, потому что чувствовал себя таким слабым, что сильный бриз мог бы сбить его с ног.

Он прошелся взад-вперед около автомобиля, скосив глаза вниз, на свой свитер, потом пригнул голову к одному плечу, затем к другому, стараясь разглядеть под одеждой очертания автомата. Оружия совершенно не было видно.

Когда он ощутил себя полностью готовым к тому, чтобы направиться в здание и сделать свое дело, горячие слезы вновь хлынули из его глаз, и он еще несколько раз прошелся рядом с автомобилем, вытирая глаза рукавом свитера. Наверняка в вестибюле огромного здания будет охрана. Скит понимал, что изможденный рыдающий человек с серым лицом, одетый в свитер, который велик ему на два размера, обязательно вызовет подозрения.

Под углом от того места, где Скит поставил «Лексус», через ряд спереди и на несколько мест к северу, стоял белый «Роллс-Ройс». Из него вышла женщина и остановилась, глядя прямо на Скита. Его глаза уже были достаточны сухими для того, чтобы он смог разглядеть привлекательную, очень изящную белокурую леди, одетую в розовый вязаный костюм. Очевидно, она относилась к разряду преуспевающих людей и достойных граждан. Вряд ли ее можно было отнести к тем невежам, которые могли бы глазеть на совершенно незнакомого человека, и Скит подумал, что он, вероятно, выглядит очень подозрительно, словно у него на плече крупнокалиберная винтовка, а грудь опоясывает лента-патронташ.

Если он кажется подозрительным даже этой леди в розовом, то охранник наверняка ослепит его порцией слезоточивого газа и попотчует электрошокером сразу же, как только он появится в дверях. Похоже, он оставался все таким же ничтожеством.

Он не мог вынести мысли о том, что подведет Дасти и Марти, единственных за всю его жизнь людей, которые когда-либо любили его, по-настоящему любили. Если он не мог сделать для них того, что наметил, то лучше было бы вытащить оружие из-под свитера и прямо здесь выстрелить себе в голову.

Но он был не более способен на самоубийство, чем на воровство. Конечно, не считая прыжка с крыши Соренсона во вторник. Правда, он теперь понимал, что это не могла быть его собственная идея.

Он постарался сделать вид, что не замечает испытующих взглядов леди в розовом, попытался принять вид счастливого и довольного жизнью человека, которого просто не могло быть у сумасшедшего убийцы, засвистел «Прекрасный мир», потому что это было первое, что пришло ему в голову, вышел со стоянки и, не оглядываясь, вошел в здание.

* * *

Доктор не привык к тому, чтобы его расписание определял кто-либо помимо него самого, и поэтому все сильнее раздражался из-за того, что кианофобичка до сих пор не звонит. Он не имел ни малейшего сомнения в том, что она поверит в бред насчет злокозненного компьютера, который он ей вывалил; ее навязчивая идея не оставляла ей иного выбора. Но, судя по всему, у этой дуры, как и у всех нуворишей, не было не только хороших манер, но и никакого понятия о том, что время других людей тоже следует уважать.

Ариман был не в состоянии сосредоточиться на работе, но ему нельзя было уйти из офиса, и поэтому он пытался развлечься, составляя хокку на темы того скромного материала, который имелся перед ним.

Мой синий мешочек.
Семь пуль в моей «беретте».
Стрелять в дерьмо?

Это было просто ужасно. Да, семнадцать слогов, и технически совершенно во всех отношениях. И тем не менее он никогда еще не видел лучшего подтверждения мысли о том, что бессмертие Вильяма Шекспира нельзя объяснить одним лишь техническим совершенством.

Мой семизарядный пистолет.
Моя маленькая кианофобичка.
Убить, убить, убить, убить, убить, убить.

Тоже ужасно, но приносит куда больше удовлетворения.

* * *

Хорошо одетый охранник, размерами вдвое превышавший Скита, сидел за барьером около справочного пульта. Он читал книгу и не смотрел по сторонам.

Скит по табло определил местонахождение офиса Аримана, подошел к лифту, нажал кнопку вызова и застыл, глядя прямо в закрытые двери. Он опасался, что охранник, несомненно, хорошо обученный профессионал, сразу же почувствует, если кто-нибудь начнет взволнованно оглядываться на него.

Почти сразу же подъехал один из лифтов. Двери раздвинулись, и оттуда вышли три пожилые женщины с птичьими лицами и три высоких красавца-сикха в тюрбанах. Обе группы сразу же разошлись в разные стороны.

И без того донельзя потрясенный и напуганный, Скит был совершенно ошеломлен при виде старых леди и сикхов. За минувшие тридцать шесть часов он почерпнул у Пустяка изрядное количество эзотерической информации, среди которой были и сведения о том, что в числах «три» и «шесть» каким-то образом скрывались ключи к раскрытию тайны пребывания на Земле инопланетян. А здесь ему предстали сразу две тройки и одна шестерка. Дурное предзнаменование.

Следом за Скитом в кабину вошли еще двое. Мужчина в форме Объединенной службы доставки посылок с ручной тележкой, на которой лежали три внушительные коробки, и женщина в розовом костюме.

Скит нажал кнопку четырнадцатого этажа. Разносчик — девятого. А леди в розовом совсем ничего не нажала.

* * *

Прямо из дверей Дасти сразу заметил, как Скит входит в лифт в дальнем конце вестибюля. Марти тоже увидела его.

Ему захотелось окликнуть брата, но поблизости сидел охранник, а им сейчас меньше всего на свете хотелось привлекать к себе внимание службы безопасности.

Они торопливо пошли к лифту, стараясь не сорваться на бег, но двери кабины закрылись, когда они успели достичь лишь середины вестибюля.

Всего лифтов было четыре, но на первом этаже не было ни одного. Судя по табло индикатора, два направлялись вверх, а еще два — вниз, и ближайший из них находился на пятом этаже.

— По лестнице? — спросила Марти.

— Четырнадцать этажей. Нет. — Дасти указал на индикатор, где на одной из полосок цифра «пять» сменилась четверкой. — Это будет быстрее.

* * *

Разносчик вышел на девятом этаже, и, когда двери закрылись, леди в розовом нажала кнопку «стоп».

— Вы не мертвы, — заявила она.

— Простите?

— Вчера вечером на пляже вам всадили четыре пули в грудь, но вы здесь.

Скит опешил.

— Вы что, были там?

— Я уверена, что вы знаете об этом.

— Нет, я вас на самом деле там не видел.

— Почему вы не мертвы?

— Благодаря кевларовому бронежилету.

— Не похоже.

— Но так оно и было. Мы выслеживали опасного человека, — ответил Скит. У него было такое впечатление, будто он очень неубедительно пытается объяснить, кто же он такой на самом деле. А дама была очень симпатичной, и Скит почувствовал некоторое напряжение в паху — ощущение, которого он очень давно не испытывал.

— Или все это была фальшивка? Разыграли сцену, чтобы меня обмануть?

— Никакого розыгрыша. У меня грудь и живот болят так, что глаза на лоб лезут.

— Когда вы умираете в матрице, — сказала леди, — то умираете по-настоящему.

— А что, вам тоже нравится этот фильм? — обрадовался было Скит.

— Вы должны были погибнуть по-настоящему… если вы не робот.

Скиту начало казаться, что его собеседница чего-то изрядно боится, и уже спустя несколько секунд его интуиция получила подтверждение. Из белой сумочки, висевшей у нее на левом плече, она вынула пистолет, на конце дула которого имелось утолщение. В кино такие называли «глушитель», но, как ему было известно, по— настоящему эта штука называлась шумопоглотителем.

— Что у вас под свитером? — резко спросила она.

— У меня? Под свитером? Ничего.

— Черт возьми! Приподнимите свитер. *Очень* медленно.

— Ну вот! — с глубоким разочарованием сказал Скит, так как получалось, что он снова оказывался ничтожеством. — Вы из профессиональных охранников, да?

— Вы за Киану или против него?

Скит был уверен, что за последние три дня не принимал никаких наркотиков, но происходившее очень напоминало ему те приключения, которые происходили в его сознании после некоторых химических коктейлей.

— Ну, конечно, я за него, когда он снимается в хороших фантастических штуках, и против него, когда он делает такое дерьмо, как «Прогулка в облаках».

* * *

— Почему они так долго стоят на девятом этаже? — спросил Дасти, хмуро глядя на указатель лифта, на котором уехал Скит.

— Пойдем по лестнице? — опять предложила Марти.

Немного постояв на втором этаже, кабина, которую они ждали, перескочила на первый.

— Сейчас мы поедем за ним.

* * *

Автомат, который она отобрала у Скита, не помещался в ее сумочку. Конец магазина торчал наружу, но ее, казалось, это нисколько не волновало.

Не отводя от Скита дула своего пистолета, она отпустила «стоп» и нажала на кнопку четырнадцатого этажа. Кабина сразу тронулась с места.

— А разве глушители не запрещены? — спросил Скит.

— Конечно, запрещены.

— А у вас он есть, потому что вы профессиональный охранник?

— Помилуй бог, конечно, нет. Я стою пятьсот миллионов долларов, и у меня есть все, чего я захочу.

Он не знал, правдой или ложью были ее слова. И не считал, что это может иметь хоть какое-то значение.

Хотя женщина была довольно хороша собой, Скит начал замечать в ее зеленых глазах, или в ее поведении, или и в том, и в другом нечто такое, что испугало его. И спустя считанные мгновения — они успели всего лишь миновать тринадцатый этаж — он понял, почему по его спине пробежали крупные холодные мурашки. Эта женщина обладала неуловимыми, но бесспорными качествами, напомнившими ему о матери.

И в тот момент, когда кабина остановилась на четырнадцатом этаже, Скит уже знал, что превратился в ходячего мертвеца.

* * *

Как только двери лифта открылись, Марти вошла внутрь и нажала кнопку «14».

Дасти вошел за нею, преградил дорогу двоим мужчинам, попытавшимся последовать за ним.

— Извините, срочный вызов. Мы торопимся на четырнадцатый.

Сразу же Марти нажала кнопку «закрыть двери» и не отпускала ее.

Один из мужчин удивленно заморгал, второй собрался было возразить, но двери закрылись прежде, чем он успел затеять спор.

* * *

Когда они вышли из лифта в коридор четырнадцатого этажа, Скит спросил:

— И куда же мы идем?

— Не пытайтесь так глупо притворяться. Это раздражает. Вы это отлично знаете. Пошли.

Ему показалось, что ей хочется, чтобы он шел налево, и он так и поступил. Не только потому, что у нее было оружие, но и потому, что всю свою жизнь он шел туда, куда ему велели другие. Она шла за ним по пятам, больно упираясь концом глушителя ему в спину.

В длинном застланном ковровыми дорожками коридоре было тихо. Их голоса бесследно увязали в потолочном покрытии. Из-за стен не доносилось ни малейшего звука. Тишина была такая, словно они были последними живыми людьми на планете.

— А что, если я остановлюсь прямо здесь? — спросил Скит.

— Тогда я пристрелю вас прямо здесь, — заверила его спутница.

Скит пошел дальше.

Проходя мимо дверей офисов, расположенных по обеим сторонам, он читал имена, выгравированные на бронзовых табличках. Главным образом они принадлежали докторам,

специалистам различных специальностей, но среди них попалась и пара адвокатов. Очень кстати, подумал он. Если он каким-то образом проживет еще хотя бы несколько минут, то ему наверняка понадобится несколько хороших докторов и хотя бы один адвокат.

Они подошли к двери, возле которой висела табличка с надписью: «Доктор МАРК АРИМАН». Ниже имени психиатра Скит прочел строчку более мелких букв: «КОРПОРАЦИЯ КАЛИФОРНИИ».

— Сюда? — спросил он.

— Да, — подтвердила она.

Как только Скит толкнул открывавшуюся внутрь дверь, леди в розовом выстрелила ему в спину. Если бесшумный пистолет и издает какой-то звук, то Скит его не услышал: боль обрушилась на него мгновенно и оказалась настолько ужасной, что он не услышал бы ничего, даже духовой оркестр военных моряков, заиграй он у него над ухом в этот момент. На этой боли полностью сосредоточились все его чувства и мысли, но он все же успел изумленно подумать, *насколько* хуже оказаться без бронежилета, когда в тебя стреляют. А женщина одновременно с выстрелом с силой втолкнула его через дверь в приемную доктора Аримана.

* * *

Бинг!

Компьютер Аримана объявил о прибытии посетителя, и экран заполнило изображение, переданное скрытой камерой из приемной.

Доктор отвел взгляд от синего мешка и с изумлением, какого он не испытывал уже много лет, увидел, что в помещение ввалился Скит, за спиной которого медленно закрылась дверь в коридор.

Весь перед его желтого свитера покрывало большое пятно крови, которое, конечно, должно было возникнуть после того, как он получил почти в упор четыре пули в живот и в грудь. Похоже, что накануне вечером Скит был в этом же самом свитере, но угол обзора камеры не позволял Ариману разглядеть, имелись ли в запачканной кровью ткани четыре пулевых отверстия. Скит взмахнул руками, будто пытаясь ухватиться за воздух, споткнулся и ничком растянулся на полу.

Доктор слышал о собаках, потерявших своих хозяев вдали от дома, о том, как животные преодолевают сотни и даже тысячи миль по негостеприимным землям в снег и дождь, слякоть и пекло, порой со сломанными ногами и даже худшими повреждениями и спустя несколько недель оказываются у порога своего дома, вызывая слезы счастливого изумления у всей семьи своих владельцев. Но ему никогда не доводилось слышать ни единой истории о том, чтобы человек с пробитым пулями животом выбрался бы с пляжа, прошел шесть, а то и восемь миль за — он посмотрел на часы — восемнадцать часов по очень густонаселенной территории, поднялся в лифте на четырнадцатый этаж и явился в офис к застрелившему его человеку, чтобы направить на того обвиняющий перст. Поэтому Ариман был уверен, что это невероятное событие имеет гораздо более глубокий подтекст, чем может показаться на первый взгляд.

Доктор привычно щелкнул мышкой по иконке с изображением пистолета на линейке безопасности. Металлоискатель указал, что огнестрельного оружия у Скита не было.

Вытянувшийся во весь рост на полу неудавшийся детектив находился вне зоны действия рентгеновских аппаратов, так что изучить его визуально не представлялось возможным.

Дженнифер выскочила из-за окошка регистратора и стояла над упавшим Скитом. Доктору показалось, что она кричит — то ли от испуга при виде раненого человека, то ли потому, что вид крови оскорблял ее вегетарианскую чувствительность, — он не мог с уверенностью этого сказать.

Доктор включил звуковую трансляцию. Да, она кричала, хотя не громко, скорее

хрипела, как будто не могла набрать в себя достаточно воздуха, чтобы испустить настоящий вопль, от которого зазвенели бы стекла в окнах.

Дженнифер опустилась на одно колено возле Скита, чтобы проверить, жив ли он. Ариман в это время щелкнул мышкой по изображению носа, включив анализатор запахов. Пожалуй, ни один нормальный человек не поверил бы в то, что этот человек с четырьмя пулевыми ранениями во время своего восемнадцатичасового похода где-то задержался, чтобы приобрести взрывчатые вещества и сделать бомбу, которая была бы теперь привязана к его груди. Однако, напомнив себе о необходимости обращать внимание на детали, доктор ждал ответа системы. Он оказался отрицательным: никакой взрывчатки.

Дженнифер поднялась на ноги и скрылась из поля зрения камеры.

Она наверняка намеревалась вызвать полицию и «Скорую помощь».

Он нажал кнопку интеркома:

— Дженнифер!

— Доктор, о боже, здесь…

— Да, я знаю. Человек с огнестрельным ранением. *Не* вызывайте полицию или «Скорую», Дженнифер. Я сделаю это сам. Вы понимаете?

— Но из него хлещет кровь. Он…

— Успокойтесь, Дженнифер. Никуда не звоните. Я сам им займусь.

С тех пор как Скит ввалился в приемную, прошло меньше минуты. Доктор подумал, что у него есть еще минута, самое большее две, прежде чем тревога из-за того, что он не вызывает медиков, встревожит Дженнифер настолько, что она сама возьмется за дело.

Но больше всего его волновал один вопрос, на который он хотел и не мог получить немедленного ответа: если один человек с четырьмя серьезными пулевыми ранениями смог появиться здесь спустя восемнадцать часов, то разве не мог здесь же оказаться и второй?

Несмотря на свою богатейшую образную фантазию, доктор не смог отчетливо представить правдоподобной картины исхода с побережья раненых Скита и его приятеля. Ему не удавалось воочию увидеть, как они обнимают друг друга за плечи, поддерживают один другого, словно пара пьяных пиратов, возвращающихся на судно после кутежа на берегу. И все же, если обнаружился один, то мог быть и второй, причем второй мог где-то скрываться с дурными намерениями.

* * *

Самая неприятная задержка получилась на шестом этаже. Лифт остановился, и кабина открылась, несмотря на то что Марти продолжала нажимать кнопку блокировки дверей. Тучная решительная женщина с туго завитыми серо-стальными кудряшками и лицом портового грузчика устремилась внутрь, отодвинув Дасти, хотя тот преграждал ей дорогу и говорил о чрезвычайной срочности.

— Что за срочность? — Она шагнула одной ногой в кабину, включив тем самым механизм безопасности: теперь дверь не могла закрыться, как бы сильно Марти ни давила на кнопку. — Я не вижу никакой срочности.

— Сердечный приступ. На четырнадцатом этаже.

— Вы не врачи, — с подозрением сказала она.

— У нас сегодня выходной.

— Доктора так не одеваются даже в выходные дни. Так или иначе, я еду на пятнадцатый.

— Тогда входите, входите, — уступил Дасти.

Благополучно оказавшись в кабине, женщина, после того как двери закрылись, нажала кнопку двенадцатого этажа и победоносно взглянула на них.

Дасти был в ярости.

— Я люблю моего брата, леди, и если с ним сейчас что-нибудь случится, я найду вас и

выпотрошу, как рыбу!

Та смерила его взглядом с головы до ног и с нескрываемым презрением сказала:

— *Вы?*

* * *

Доктор подхватил со стола «беретту» и уже направился было к двери, как вдруг остановился, вспомнив о стоявшем посреди него прекрасного стола синем мешке.

Независимо от того, что произойдет в ближайшие минуты, в конце концов здесь непременно окажется полиция. И потому, если Скит еще не был мертв, Ариман намеревался прикончить его прежде, чем власти доберутся сюда. Но все равно, обнаружив посреди приемной труп, лежащий в луже крови, полицейские наверняка будут задавать множество самых разнообразных вопросов.

Они могут, хотя бы случайно, заглянуть в другие помещения. А если у них возникнут какие-то подозрения, то они оставят в офисе человека и отправятся за оформленным по всем правилам ордером на обыск.

Согласно закону, они не имеют права заглядывать в истории болезни его пациентов, так что с этой стороны ему нечего опасаться, что они могут обнаружить что-нибудь неприятное для хозяина кабинета. Оставались только его «беретта» и синий мешок.

Пистолет был незарегистрированный, и хотя доктору и не грозило тюремное заключение за владение этим оружием, он не хотел давать повода вообще задавать о нем хоть какие-то вопросы. А заинтригованные полицейские могут даже начать следить за ним, что заставит его в значительной мере отказаться от своего стиля.

Мешок с собачьим дерьмом, конечно, ни в коей мере не является преступной уликой, но это… необычно. Чрезвычайно необычно. Обнаружив его на столе, детективы обязательно станут спрашивать, зачем он принес его в кабинет. А доктор, несмотря на весь свой исключительный ум, не мог сейчас придумать ни одного убедительного ответа на этот вопрос. И они будут очень, очень удивлены.

Он быстро вернулся к столу, выдвинул ящик и положил мешок туда, к самой стенке. Но сразу же сообразил, что если они решат получить ордер на обыск, то найдут мешок и в ящике, а это окажется не менее странным. И вообще, куда бы он ни положил его в своем офисе, даже в корзину для бумаг, мешок вызовет у полицейских невероятное изумление, независимо от того, где они его обнаружат, хоть в корзине для бумаг.

Все эти соображения промелькнули в мозгу доктора за считаные секунды, его мысль была все так же остра, как и в те дни, когда он считался вундеркиндом, но тем не менее он напомнил себе, что время — это маньяк, рассеивающий прах. Быстрее, быстрее.

Его задача состояла в том, чтобы избавиться от «беретты» и кобуры до прибытия полиции, так что он мог, по крайней мере, устранить синий мешок вместе с пистолетом. А это значило, что он должен был сейчас взять его с собой.

По ряду причин, не последней из которых была проблема сохранения своего личного стиля, он не хотел, чтобы Дженнифер видела его с мешком в руках. Кроме того, он мог помешать, если бы пришлось иметь дело с приятелем Скита. Как там назвал его Дасти? Да, Пустяк. Синий мешок наверняка окажется лишним, если Пустяк прячется где-нибудь поблизости и придется от него защищаться.

Быстрее, быстрее.

Он принялся запихивать его во внутренний карман пиджака, но мысль о том, что он может порваться и погубить этот прекрасный костюм от Зегны, оказалась невыносимой. Тогда он тщательно свернул его и засунул в пустую кобуру.

Довольный тем, насколько быстро ему удалось найти решение для всех проблем, и уверенный, что не забыл ни одной детали, которая могла бы повредить ему, Ариман вышел в приемную. «Беретту» он прижимал к боку, чтобы Дженнифер не могла заметить пистолет.

А Дженнифер стояла в открытой двери регистраторской. Широко раскрытые глаза, вся трясется.

— Доктор, он истекает кровью.

Любой дурак сразу же заметил бы, что Скит истекает кровью. Но не мог же он вот так истекать ею все восемнадцать часов подряд и все же добраться сюда.

Доктор, как Дженнифер две минуты назад, опустился на колено около Скита. Внимательно глядя на дверь в коридор, пощупал пульс. Тощий дуралей-наркоман еще жил, но пульс был плохим. Его будет совсем нетрудно прикончить.

Но сначала Пустяк. Или любой другой, кто может там быть.

Доктор подошел к двери, приложил к ней ухо, прислушался.

Ничего.

Медленно, осторожно он приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

Никого.

Он перешагнул порог, придерживая дверь, чтобы она не закрылась, и посмотрел направо вдоль коридора, потом налево. Никого нигде не видно.

Конечно, Скита застрелили не здесь, потому что стрельба наверняка привлекла бы к себе хоть какое-то внимание. Никто даже не выглянул из находившегося на противоположной стороне коридора офиса детского психолога доктора Мошлина, этого невыносимого хама и безнадежного тупицы, сочинившего теорию о причинах подросткового насилия, столь же невероятную и неприемлемую, как и его галстуки.

У тайны возникновения Скита здесь, в приемной Аримана, был шанс остаться тайной надолго, если не навсегда, и обеспечить доктору немало бессонных ночей. Но важнее всего сейчас избавиться от всего ненужного.

Ему предстояло вернуться в приемную и приказать Дженнифер вызвать наконец полицию и «Скорую помощь». Пока она будет занята у телефона, он наклонится к Скиту, якобы для того, чтобы оказать ему всю возможную помощь, а на самом деле — чтобы закрыть ему рот и зажать нос. Судя по состоянию этого жалкого дурачка, достаточно будет лишить его дыхания всего на полторы минуты.

Затем быстро выйти в коридор, найти поблизости шкафчик с хозяйственными принадлежностями — к нему должен подходить ключ от двери его приемной — и засунуть оружие, кобуру и синий мешок за коробки с туалетной бумагой. И вынуть все это оттуда после того, как полиция уйдет.

Бросить вызов зубам времени.

Быстрее, быстрее!

Повернувшись, чтобы вернуться в свой офис, он сообразил, что на ковровой дорожке в коридоре не было кровавых пятен, а ведь если Скит шел по коридору с таким кровотечением, с каким лежал посреди приемной, то все эти ковры должны были безвозвратно погибнуть. В тот самый миг, когда его быстрое, как молния, сознание игрока только намеревалось постичь значение этой странной детали, доктор услышал, как за его спиной открылась дверь Мошлина, и съежился в ожидании обычного: «А, вот и вы, Ариман. У вас есть минуточка?» А потом очередное идиотское словоизлияние.

Но последовало не слово — а пулеизвержение. Доктор не слышал ни одного выстрела, но хорошо почувствовал, как по меньшей мере три пули вонзились в него, начиная от поясницы и по диагонали к правому плечу.

Менее изящно, чем ему хотелось бы, он, шатаясь, шагнул в приемную. Упал на лежавшего на полу Скита. С отвращением откатился от тщедушного наркомана. Перевернулся на спину и посмотрел в дверь.

На пороге, придерживая плечом дверь, держа обеими руками бесшумный пистолет, стояла кануфобичка.

— Вы один из роботов, — торжественно сказала она. — Именно поэтому вы совершенно не обращали на меня внимания во время сеансов. Машины не станут заботиться о настоящих людях, таких, как я.

Ариман увидел в ее глазах то всю жизнь внушавшее ему страх качество, которое не заметил прежде: она была одной из «всезнаек», тех девчонок, которые видели его насквозь, которые дразнили его взглядами, самодовольными улыбками и хитро переглядывались у него за спиной, которые знали о нем что-то такое, чего не знал он сам. После того как ему исполнилось пятнадцать и он обрел свой прекрасный облик, «всезнайки», казалось, разучились проникать сквозь его маску, и он перестал бояться их. И вот *это* …

Он попытался поднять «беретту» и выстрелить в нее, но обнаружил, что его парализовало.

Она нацелила пистолет ему в лицо.

Она была реальностью и фантазией, правдой и ложью, воплощением радости и смертельной серьезности, всем сущим для всех сущих и тайной для самой себя — квинтэссенцией человечества своего времени. Она была выскочкой, разбогатевшей дурой с унылым, как ложка, мужем, но она была и Дианой, богиней луны и охоты, чье бронзовое копье пронзило Майнетт Лаклэнд в палладианском особняке в Скоттсдэйле после того, как та убила из пистолета своего отца и разбила молотком голову матери.

Как весело было *тогда* , но как невесело сейчас.

Моя богатая Диана.
Возьми меня с собой на луну.
Танец меж звезд.

Патока. Романтические помои. Эпигонство. Недостойно.

«Моя богатая Диана. Я ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу тебя. Ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу».

— Кончай, — сказал он.

Богиня опустошила обойму ему в лицо, и призрак облетающих лепестков зыбко растаял в цветах и свете луны. И в огне.

* * *

Как только они с Дасти выскочили из лифта, Марти сразу же заметила женщину, стоявшую в открытой двери приемной Аримана в дальнем конце коридора. Судя по розовому костюму, напоминавшему работы Шанель, это была та же самая женщина, которая вошла в лифт следом за Скитом. Почти сразу же она шагнула вперед и скрылась из виду.

Марти опрометью летела по коридору — даже Дасти отстал от нее на полшага — и думала при этом о зачарованном Нью-Мексико и двух трупах на дне древнего колодца. О чистоте падающего снега — и всей крови, которую он скрыл. Она думала о лице Клодетты — и сердце Клодетты. О красоте хокку — и отвратительном применении этой красоты. О великолепии зеленых вершин — и пауках, вылупляющихся из яиц под защитой скрученных листьев. Вещи видимые и невидимые. Вещи явные и сокрытые. Мелькнувшая впереди вспышка имела веселый розовый цвет, младенчески розовый цвет, цвет вишневых лепестков, но Марти почувствовала в ней тьму, розовый яд.

И все ее пугающие предчувствия оказались реальностью, когда она, толкнув дверь в приемную Марка Аримана, увидела перед собой два тела, лежащих в лужах крови.

Доктор лежал вверх лицом, но лица у него не было: от опаленных волос поднималась тонкая струйка ядовитого дыма, плоть была истерзана ужасными язвами, скулы раздроблены, на месте глаз зияли кровавые дыры, одна разорванная щека уцелела чуть больше, и казалось, что он хочет усмехнуться.

Лежавший лицом вниз Скит был менее драматической фигурой, но при этом более реальной. Его окружало собственное красное озеро, а сам он был настолько хил, что, казалось, плавал в нем, словно был не человеком, а кучкой тряпья.

Вид Скита потряс Марти даже сильнее, чем она ожидала. Скит, глупышка, вечный мальчик. Такой серьезный и такой слабый, уничтожавший себя с такой страстью, словно стремился доделать то, что случайно не смогла сделать его мать при помощи подушки. Марти любила его, но только теперь поняла, насколько, — и только теперь смогла понять, почему. При всех его ошибках Скит обладал нежной душой и, как и его брат, ее возлюбленный, добрым сердцем. В мире, где добрые сердца попадаются реже алмазов, он был истинным сокровищем, хотя и разоренным, но все же сокровищем. Она не могла заставить себя нагнуться к нему: боялась обнаружить, что он превратился в сокровище, которое «сломано окончательно и ремонту не подлежит».

Не обращая внимания на кровь, Дасти бросился на колени и положил руки на лицо брата, прикоснулся к закрытым глазам, пощупал артерию на шее и вдруг закричал страшным срывающимся голосом, какого Марти никогда не слышала у него:

— Господи Иисусе! «Скорую помощь»! Кто-нибудь, «Скорую»!

Из-за открытой двери регистраторской появилась Дженнифер.

— Я позвонила. Они уже едут. Они сейчас придут.

Женщина в розовом стояла около регистрационного окна. На его полочку она положила автомат, который Скит забрал у мертвого Эрика, и незнакомый пистолет.

— Дженнифер, — сказала она, — вам не кажется, что было бы хорошо убрать это куда-нибудь в сторону до приезда полиции? Вы вызвали полицию?

— Да. Они тоже выехали.

Дженнифер, глядя под ноги, зашла в свою комнату, взяла оружие с окошка и положила на стол.

Может быть, дело было в том, что Скит умирал, может быть, из-за ужасного лица Аримана и разлитой повсюду крови или по какой-то иной причине Марти совершенно не могла представить себе, что же здесь случилось. Скит стрелял в Аримана? Ариман стрелял в Скита? Кто стрелял первым и сколько раз? Положение тел не вносило в происшедшее ни малейшей ясности. А женщина в розовом была настолько спокойна каким-то жутким спокойствием, как будто ей ежедневно приходилось становиться свидетельницей кровавых перестрелок, и это, похоже, говорило о том, что она играла во всем случившемся какую-то таинственную роль.

Женщина прошла в наименее забрызганный кровью угол комнаты, вынула из сумочки сотовый телефон и набрала номер.

Из-за окна донеслись чуть слышные звуки сирен. Они быстро приближались, их пронзительные вопли, искаженные расстоянием и топографией, казались не механическими, а скорее животными, какими-то странно доисторическими; так, наверно, могли орать птеродактили, налетая на добычу.

Дженнифер торопливо подошла к входной двери, открыла ее и подложила в угол небольшой резиновый клинышек, чтобы дверь не могла закрыться.

— Помогите мне переставить эти стулья в другое место, чтобы у врачей, когда они приедут, было побольше места, — обратилась она к Марти.

Марти была рада, что для нее нашлось занятие. Ей казалось, что она стоит на осыпающемся под ногами краю бездонного обрыва. А помогая Дженнифер, она получала шанс отступить от пропасти.

Отведя телефонную трубку от лица, женщина в розовом сделала Дженнифер комплимент:

— Вы производите прекрасное впечатление, юная леди.

Девушка окинула ее каким-то странным взглядом:

— Э-э, благодарю вас.

К тому моменту, когда последний стул и маленький столик переместились в коридор, сирены, звук которых непрерывно нарастал, одна за другой затихли. Помощь уже ехала к ним в лифтах.

Женщина в розовом громко сказала в свой сотовый телефон:

— Может быть, хватит кудахтать, Кеннет? Для юриста, получающего хорошие деньги, вы несколько глуповаты. Мне понадобится самый лучший адвокат, специализирующийся по уголовным делам, и он понадобится мне немедленно. Берите дело в свои руки и сделайте то, что я сказала.

Женщина закончила разговор и улыбнулась Марти.

Потом она вынула из сумки карточку и протянула ее Дженнифер.

— Полагаю, что вам придется искать работу. Я могла бы найти занятие для такой компетентной юной леди, если вас это заинтересует.

Дженнифер замялась, но потом все же взяла карточку.

Стоя на коленях в луже крови, возлюбленный муж Марти нежными движениями отводил волосы Скита, норовившие закрыть его белое как снег лицо. Он тихо разговаривал с братом, хотя Малыш, казалось, вовсе не слышал его. Дасти говорил о давно прошедших днях, о делах, которыми они занимались детьми, о шутках, которыми они забавлялись, открытиях, которые они совершали вместе, о побегах, которые они затевали, о мечтах, которыми делились друг с другом.

Марти услышала в коридоре шаги бегущих людей, грохот тяжелых ботинок медиков из отдела пожарной охраны, и в ней на краткий миг промелькнула безумная, но изумительная надежда, что, когда они ворвутся сюда через открытую дверь, среди них она увидит Улыбчивого Боба.

ГЛАВА 76

Из хаоса в еще больший хаос. Слишком много незнакомых лиц, и слишком много голосов, говорящих одновременно; медики и полицейские ведут торопливые шумные переговоры о юрисдикции живых и мертвых. Если бы неразбериха была хлебами, а подозрения — рыбами, то не потребовалось бы никаких чудес для того, чтобы накормить многолюдную толпу.

Растерянность Марти еще усилилась после того, как стала известна потрясающая новость: в обоих, и в Скита, и в Аримана, стреляла женщина в розовом костюме от Шанель. Она сама призналась в этом, потребовала, чтобы ее арестовали, и не стала сообщать никаких дополнительных подробностей, лишь сетовала на отвратительный запах от сожженных волос доктора.

Скит лежал на каталке; постороннему взгляду он, пожалуй, показался бы мертвым. Его сопровождали четверо могучих медиков в белом, их одежды странно сияли во флуоресцентном освещении коридора, словно они были футбольными полузащитниками, взятыми на небеса, а теперь вернувшимися сюда в самых модных ангельских облачениях. Один несся впереди, чтобы вызвать и задержать лифт, второй направлял, третий подталкивал, а четвертый бежал рядом, держа в высоко поднятой руке бутылку капельницы. Они так стремительно и плавно увезли Скита, что Марти даже показалось, будто ни колеса, ни их ноги на самом деле не прикасаются к полу, как если бы они *летели* вдоль коридора, не для того, чтобы доставить раненого человека в больницу, а чтобы проводить бессмертную душу в куда более дальний путь.

Дасти был очищен от подозрений словами Дженнифер и, конечно, сдержанным признанием леди в розовом, и полицейские разрешили ему сопровождать брата. Он обнял Марти за плечи, на мгновение крепко прижал к себе, поцеловал и побежал вслед за каталкой.

Она провожала его взглядом до тех пор, пока он не свернул в нишу к дверям лифтов, а потом заметила, что от его рук на ее свитере остались слабые кровавые отпечатки. Охваченная неудержимой дрожью, Марти обхватила себя руками, закрыв ладонями эти ужасные красные печати, словно надеялась, что, прикасаясь к этим бесформенным оттискам, она будет вместе с Дасти и Скитом и сможет подкрепить себя их силой и дать им свою.

Марти пришлось задержаться. Полиция Малибу связалась, хотя и слишком поздно, с

полицией Ньюпорта, и детективы заподозрили возможную связь между стрельбой в приемной психиатра и смертью Эрика Джэггера от арбалетной стрелы. Марти и Дасти, естественно, были свидетелями в одном случае, а возможно, и в обоих. Детектив уже выехал в больницу, чтобы допросить Дасти там, но полиция решила, что первоначальный допрос по крайней мере одного из свидетелей следует провести не откладывая, прямо на месте происшествия.

Полицейский фотограф, эксперты-криминалисты, представители управления коронера[1], детективы, дружно жалуясь, что место преступления не удалось сохранить в неприкосновенности, скрупулезно исследовали помещение. Ведь, несмотря на то что розовая леди во всем призналась, она позднее могла бы, конечно, отказаться от своих слов или заявить, что полицейские запугивали ее.

Дженнифер допрашивали за ее рабочим столом в регистраторской, но Марти пришлось в обществе двоих вежливых и разговаривавших тихими голосами детективов пройти в кабинет Аримана. Один из них сел рядом с нею на диван, другой расположился в кресле напротив.

Снова оказавшись в этом лесу красного дерева из своих ночных кошмаров, где властвовал Человек-из-Листьев, Марти испытала странное чувство. Ей казалось, что он все еще остается здесь, хотя он был мертв. Она скрестила руки на груди, левая рука на правом плече, правая рука на левом, и прикрыла своими пальцами красные следы пальцев Дасти.

Детективы заметили ее движения и спросили, не хочет ли она вымыть руки. Они не понимали ее. Но она только отрицательно помотала головой.

И тогда она начала рассказывать. Слова лились из нее безостановочно, неудержимо, как те опавшие листья из ее хокку, влекомые неодолимым западным ветром. Она не опускала никаких деталей, насколько бы фантастическими или невероятными они ни были, — за исключением того, что, рассказывая об истории семей Глисонов и Бернардо Пасторе, она не упомянула о встрече и борьбе с Кевином и Захарией в снежной ночи.

Она была готова к недоверию, и оно проявилось в косых взглядах и открыто высказанных сомнениях, хотя, как ей казалось, даже сейчас, по горячим следам происшедшего, можно было заметить в случившемся немало, странностей, которые должны были подкрепить ее утверждения и придать им по крайней мере некоторую степень достоверности.

Рой Клостерман услышал одно из первых сообщений о трагедии по радио и сразу же приехал на место происшествия из своего офиса, который находился на расстоянии всего нескольких миль. Она узнала, что он разговаривал в коридоре с полицейскими после того, как одного из допрашивавших ее детективов вызвали из кабинета, а по возвращении тот оказался настолько ошарашен, что не удержался и сказал, что Клостерман полностью подтверждает ее показания.

А потом возник вопрос с так и не выстрелившей «береттой», зажатой в мертвой руке Аримана. Быстрая компьютерная проверка регистрации пистолетика не выдала ни одного сообщения о том, чтобы его когда-либо покупал покойный психиатр или кто-то вообще. Кроме того, Ариман никогда не получал в графстве Оранж лицензии на владение оружием. Эти открытия нанесли некоторый ущерб его облику честного, законопослушного гражданина.

Возможно, полицейские окончательно поверили в то, что имеют дело с беспрецедентным, не имеющим никаких аналогий во всей криминальной летописи Южной Калифорнии, случаем, когда обнаружили в наплечной кобуре доктора мешок с фекалиями. Вероятно, сам Шерлок Холмс испытал бы немалые затруднения в изобретении логического обоснования происхождения этой потрясающей находки. Сразу же возникли предположения о психической неуравновешенности убитого; синий мешок упаковали, опечатали и отправили в лабораторию, а потрясенные полицейские принялись спорить по поводу пола и

1 Коронер — особый судебный следователь в Англии, США и ряде других стран, в обязанности которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

расы того человека, существа или мистического явления, которое произвело этот образец.

Марти опасалась, что не сможет вести машину, но, сев за руль, выяснила, что *эти* страхи были напрасными, и безо всяких осложнений доехала до больницы. Она не стала мыть руки, пока не нашла Дасти в комнате ожидания рядом с операционной и не узнала, что Скит перенес операцию, продолжавшуюся три часа, что он находится в критическом состоянии, но пока жив.

Даже после этого, в женской уборной, Марти в полупаническом состоянии чуть не бросила смывать кровь с рук. Она боялась, что таким образом лишит себя таинственной связи со Скитом, не сможет дольше поддерживать его душу силами своей души. Она сама удивилась этой суеверной истерике. Однако, пережив столкновение с дьяволом, она, возможно, имела основания быть суеверной. И все же, напомнив себе о том, что дьявол мертв, она тщательно и неторопливо вымыла руки.

Вскоре после одиннадцати ночи, спустя более чем семь часов после того, как Скита доставили в больницу, он пришел в сознание. Малыш был в здравом уме, хотя и очень слаб. Им разрешили на две-три минуты зайти к больному. Этого времени хватило, чтобы сказать то, что было необходимо, те самые простые слова, которые все, кто приходит в послеоперационную палату, говорят лежащим там своим родным, те самые простые слова, которые значат больше, чем советы всех докторов, чем все остальные слова на свете: мы любим тебя.

Они провели эту ночь у матери Марти, которая кормила их хлебом собственной выпечки и овощным супом, сваренным собственными руками, а к тому времени, когда они в субботу утром вернулись в больницу, состояние Скита называли уже не критическим, а просто тяжелым.

Насколько большое место этой истории предстояло занять среди национальных новостей, можно было заключить хотя бы из того, что две бригады телевизионщиков и три газетных репортера провели ночь под открытым небом около больницы, ожидая прибытия Марти и Дасти.

* * *

Вооружившись ордером на обыск, полиция потратила три дня на досконального обследование просторного жилища Марка Аримана. Сначала в нем не удалось найти ничего странного, кроме принадлежавшей психиатру огромной коллекции игрушек, и в разгар первого дня обыска его участникам казалось, что он, скорее всего, закончится бесславным провалом.

Особняк был оснащен сложной автоматизированной системой управления. И довольно скоро полицейские компьютерщики взломали защитные коды, которые должны были гарантировать Ариману, что никто, кроме него, не сможет получить полного доступа ко всем возможностям системы. Вскоре обнаружилось, что в доме имеется шесть потайных сейфов различных размеров.

В первом из них, скрытом за сикоморовой панелью кабинета, не обнаружилось ничего, кроме финансовых документов.

Второй, в гостиной хозяина, был значительно больше и содержал в себе пять пистолетов и два автомата «узи». Ни один из них не был зарегистрирован на имя Марка Аримана и не был никак связан ни с одним из имевших лицензии торговцев оружием.

Третий сейф представлял собой небольшой ящик, хитро скрытый за камином в спальне владельца дома. Там полиция обнаружила еще один пистолет, десятизарядный «Таурус PT-111 миллениум» с пустой обоймой, из которого, судя по всему, сравнительно недавно стреляли.

Но гораздо больший интерес у криминалистов и зрителей новостей вызвала вторая находка из этого же сейфа: герметически запечатанный стеклянный сосуд, внутри которого

плавали в растворе химического фиксатива два человеческих глаза. На крышке был наклеен ярлычок с аккуратной надписью от руки печатными буквами. Это было подобие хокку:

Глаза отца, колба моя.
Голливудский король слез.
Я предпочитаю смех.

Волнение в средствах массовой информации превратилось в шторм.

Дасти и Марти больше не могли оставаться в доме Сабрины, который уже в течение нескольких дней подвергался непрерывной осаде корреспондентов.

На третий день была обнаружена коллекция видеозаписей, находившаяся в хранилище, не отмеченном в карте сейфов домашней автоматизированной системы. О нем удалось узнать благодаря подрядчику, который явился в полицию, чтобы сообщить, что он проводил дополнительные работы в здании уже после того, как оно было приобретено доктором Ариманом. Кассеты оказались любимыми сувенирами доктора, воспоминаниями о его наиболее опасных играх; среди них оказалась и душераздирающая видеозапись Сьюзен и ее мучителя, снятая камерой, спрятанной под плющом рядом с бронзовой вазой в ее спальне.

Шторм в средствах информации сменился яростным ураганом.

Дела малярной фирмы вел Нед Мазервелл, а Марти и Дасти жили то у одних, то у других друзей, держась вне поля зрения людей с микрофонами и телекамерами.

Единственным происшествием, потеснившим экстравагантного Аримана с первого места среди общенациональных новостей, было безумное нападение на президента Соединенных Штатов во время приема в Бель-Эйр и последовавшая гибель злоумышленника — суперзвезды киноэкрана — от рук разгневанных агентов секретной службы, которым не досталось занятия в операции по спасению и сохранению президентского носа. Но уже менее чем через двадцать четыре часа после этого экзотического скандала стало известно, что суперзвезда был знаком с Марком Ариманом и, более того, совсем недавно проходил курс лечения от наркотической зависимости в клинике, принадлежавшей главным образом Ариману.

Ураган, бушевавший в средствах информации, превратился в катаклизм столетия.

* * *

В конце концов шторм исчерпал себя, потому что в природе этих странных времен заключен феномен, согласно которому любое преступление, невзирая на то, сколь оно беспрецедентно и ужасно, неизбежно сменяется другим, еще более отвратительным.

К концу весны Скит практически выздоровел и чувствовал себя лучше, чем когда-либо за несколько минувших лет. Леди в розовом по собственной инициативе открыла на имя Скита счет в размере один и три четверти миллиона долларов (после уплаты налогов), и выздоровевший Малыш решил на несколько месяцев оставить свою малярную профессию, чтобы отправиться путешествовать и подумать о будущем.

Скит и Пустяк Ньютон вместе выработали маршрут, первым пунктом которого был город Роузвилл в Нью-Мексико, а далее следовали другие места, где особенно часто замечали НЛО. Теперь, когда Скит вновь получил водительские права, они с Пустяком могли подменять друг друга за рулем нового передвижного дома Скита.

Розовая леди заявила, что Марк Ариман «промыл» ей мозги и подверг сексуальным издевательствам, и ей пришлось прибегнуть к оружию в порядке самообороны. Она уверяла, что Скит случайно попал под ее первый выстрел. После ожесточенных дебатов в офисе районного прокурора она была обвинена в убийстве и освобождена под залог. К лету в публике стали заключаться пари на крупные суммы, что ей вообще не придется предстать перед судом. Ну а если бы ее все же притащили в суд, то какое жюри смогло бы признать ее

виновной после ее появления на знаменитейшем ток-шоу из всех бывших и будущих ток-шоу, в финале которого великолепная Опра поцеловала ее и сказала: «Вы изумительны, девочка», а весь битком набитый зал плакал навзрыд.

Дерек Лэмптон-младший был героем в течение недели и появлялся в передачах национальных новостей, демонстрируя искусство стрельбы из арбалета. В ответ на вопрос, кем он хочет стать, Младший ответил: «Астронавтом», и это вовсе не казалось детской романтической мечтой, поскольку он учился не менее чем на «четыре», проявлял явный талант к наукам и уже учился летать на самолете.

В середине лета институт Беллона Токлэнда, что в Санта-Фе, доказал свою полную непричастность к странным экспериментам Марка Аримана по управлению сознанием людей. Утверждения о том, что он работал на институт или был каким-то образом связан с ним, были категорически опровергнуты.

— Он был антиобщественным типом, человеконенавистником, — заявил директор института, — и жалким самовлюбленным человеком, бездарным популяризатором психологических теорий, и, желая придать себе больше весу в глазах общества, говорил о своей причастности к престижной работе нашего учреждения, прославившегося своим крупным вкладом в дело мира.

Хотя содержание и методы исследований, проводившихся в институте, были многократно описаны в самых различных средствах информации, ни из репортажа в «Нью-Йорк таймс», ни из статьи в «Нейшнл инквайерер» нельзя было понять, чем же все-таки он занимается.

Марти расторгла контракт на разработку новой компьютерной игры по мотивам «Властелина Колец». Она все так же любила Толкиена, но ей хотелось заняться чем-нибудь реальным. Дасти предложил ей присоединиться к его бригаде маляров, и некоторое время она работала вместе с ним. Дело было достаточно реальным, чтобы она почувствовала в своих мускулах восхитительную боль. К тому же оно дало ей время подумать.

Операция по восстановлению президентского носа прошла успешно.

Нед Мазервелл продал три своих хокку в литературный журнал.

* * *

Летом Марти и Дасти время от времени посещали три кладбища, где Валет с удовольствием обнюхивал камни. На первом они несли цветы к могиле Улыбчивого Боба. На втором они несли цветы Сьюзен и Эрику Джэггер. На третьем они несли цветы Доминик, сводной сестре Дасти, которую тот никогда не видел.

Клодетта утверждала, что потеряла единственную карточку своей крошечной дочери. Возможно, это было правдой. А возможно, она не хотела, чтобы карточка была у Дасти.

Каждый раз, когда Дасти описывал нежное личико Доминик, как он запомнил его по той фотографии, Марти спрашивала себя, не могло ли случиться так, что этот младенец, если бы ему позволили жить, изменил бы судьбу Клодетты. Не могло ли случиться так, что, терпеливо ухаживая за ни в чем не повинным больным ребенком, Клодетта изменилась бы душою, почувствовала бы значение сострадания и смирения? Хотя было трудно представить себе, что ребенок с болезнью Дауна, расчетливо зачатый в нечестивом союзе Аримана и матери Дасти, мог оказаться тайным благословением. Вселенная видела даже более странные примеры, которые при внимательном рассмотрении оказывались исполненными глубочайшего смысла.

В конце июля книга «Учитесь любить себя» продолжала занимать пятое место в списке бестселлеров научной и научно-популярной литературы, который публиковала «Нью-Йорк таймс». Она пребывала в нем уже более ста недель.

В начале августа Скит и Пустяк позвонили из штата Орегон. Им удалось сделать фотографию снежного человека, и они отправили ее спецпочтой.

Фотография была расплывчатой, но интригующей.

К концу лета Марти решила принять наследство, которое досталось ей по завещанию Сьюзен Джэггер. После ликвидации активов, в частности, продажи дома на полуострове Бальбоа, образовалась существенная сумма. Сначала она не хотела брать оттуда ни единого пенни: эти деньги казались ей кровавыми. Но потом она поняла, что может использовать их, чтобы осуществить мечту, которую лелеяла с детства, перевести назад часы и выбрать в жизни ту дорогу, от которой по дурацким причинам так долго отворачивалась. Сьюзен ни разу не выпало шанса перевести часы и стать скрипачкой, о чем она мечтала ребенком, и Марти показалось справедливым использовать этот подарок умершей подруги для того, чтобы повернуть свою жизнь в верное русло.

* * *

Поскольку Марти была прилежной студенткой, то ей потребовалось не так уж много лет для того, чтобы закончить ветеринарный колледж и почти одновременно открыть собственную лечебницу и приют для искалеченных кошек и собак. От наследства осталось не так уж много, но немного и потребовалось. К счастью, ее ветеринарная практика вполне возмещала расходы на спасение животных, и оставалось еще почти столько же, сколько Дасти зарабатывал покраской домов.

Вечеринка была устроена в их новом доме в Короне-дель-Мар, который был восстановлен спустя несколько лет на пепелище старого. Новое жилище во всех мелочах походило на утраченный дом; даже окрашено оно было точно так же, хотя Сабрина и зудела все время, что, мол, такой дом годится только для клоунов.

Из родных Дасти на вечеринку был приглашен только Скит. Он пришел со своей женой Жасминой и трехлетним сыном Фостером, которого все называли Стрекотунчиком.

Пустяк и его жена Примроуз — она была старшей сестрой Жасмины — притащили огромное количество брошюр, посвященных тому предприятию, которое они организовали вместе со Скитом. «Путешествия по загадочным явлениям» процветали. Если кому-то хотелось пройтись по следам снежного человека, увидеть наяву наиболее известные места в континентальных Соединенных Штатах, где инопланетяне похищали людей, побывать в домах с привидениями или пройти теми путями, по которым ходит Элвис Пресли в странствиях по стране после своей предполагаемой смерти, то в этом могли помочь только «Загадочные явления».

Нед Мазервелл пришел со своей подругой по имени Спайк и подписанными экземплярами последней книги своих хокку. По его словам, поэзия приносила мало денег, уж конечно, недостаточно для того, чтобы бросить малярное дело, которым он зарабатывал себе на жизнь, зато давала удовлетворение. Кроме того, он обрел вдохновение в своей повседневной работе: его новая книга называлась «Кисти и лестницы».

Луанна Фарнер, новообретенная бабушка Скита, с которой он познакомился несколько лет назад, во время своего первого путешествия с Пустяком, приехала из Каскада, штат Колорадо, и привезла с собой собственноручно испеченный банановый хлеб. Это была изумительная леди, но, пожалуй, главное ее достоинство заключалось в том, что никто не мог найти в ней ничего, хоть отдаленно похожего на ее сына, Сэма Фарнера, то есть Холдена Колфилда-старшего.

Рой Клостерман и Брайен пришли со своим черным лабрадором Шарлоттой. Но на вечеринке было много и других собак. К столу четвероногих было подано три перемены из лучших произведений изготовителей собачьих яств, а Валет оказался щедрым хозяином и делился с гостями даже бисквитами с орехами рожкового дерева.

Из Санта-Фе прилетели Чейз и Зина Глисон. Они привезли с собой большие связки красного перца чили и множество других юго-западных сокровищ. Разрушенные злобной клеветой репутации матери и отца Чейза были полностью восстановлены, и к настоящему

времени ни у одного из бывших учеников школы «Зайчик» не проявлялось никаких ложных воспоминаний о якобы имевших место преступлениях.

Поздно ночью, когда гости разошлись, три члена семейства Родс, со всеми их восемью ногами и одним хвостом прижались друг к другу в огромной кровати. С учетом преклонного возраста Валету наконец предоставили некоторые права на вольное обращение с мебелью, в том числе и пребывание в кровати до тех пор, пока это устраивает хозяев.

Марти лежала на спине, а Валет растянулся поперек ее ног, и она чувствовала благородную пульсацию его большого сердца близ своих лодыжек. Дасти лежал на боку рядом с нею, и неторопливый размеренный ритм его сердца отдавался в ее руке.

Он поцеловал ее в плечо, и в шелковистой теплой темноте она сказала:

— Если бы только это могло длиться вечно.

— Это будет вечно, — пообещал он.

— У меня есть все, о чем я когда-либо могла мечтать, кроме дорогой подруги и отца. Но, знаешь что…

— Что?

— Я люблю свою жизнь не потому, что она похожа на мечту, а потому, что она *реальна* . Все наши друзья, всё, что мы делаем, где бываем… В моих словах есть хоть какой-то смысл?

— Еще какой, — заверил Дасти.

В ту ночь ей снился Улыбчивый Боб. Он был одет в свою черную робу с двумя светоотражающими полосами вдоль рукавов, но не шагал сквозь огонь. Они шли рядом по склону холма под голубым летним небом. Он говорил, что гордится ею, а она просила прощения за то, что была не настолько храброй, каким был он. А он упорно доказывал, что она храбра настолько, насколько это вообще можно представить, и что ничего, пожалуй, не могло принести ему больше радости, чем знание о том, что в течение будущих лет ее добрые сильные руки будут приносить покой и исцеление самым невинным существам в этом мире.

Когда она пробудилась от этого сна среди ночи, присутствие отца, которое она ощущала во тьме, оставалось столь же реальным, как похрапывание Валета, столь же реальным, как рука Дасти у нее под головой.